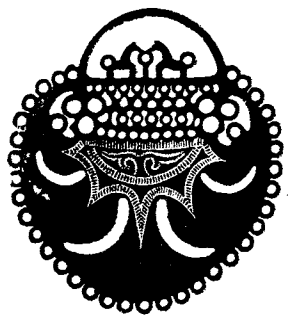

С О В Е Т С К А Я А Р Х Е О Л О Г И Я

1
1957

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ!

В журнале «Советская археология» помещаются научно-исследовательские статьи по вопросам археологии и смежных с нею дисциплин, критические статьи и рецензии на вновь вышедшие книги по археологии, публикации новых археологических материалов.

Присланные статьи рецензируются, после чего утверждаются редакционной коллегией.

При подготовке рукописей просим авторов придерживаться следующих правил:

1. Рукописи следует присылать в 2 экземплярах, напечатанных на машинке через два интервала на одной стороне листа стандартного размера с полями с левой стороны листа.

2. Сноски помещаются внизу страницы, а не в конце статьи. Нумерация сносок постраничная.

3. Последовательность цитирования монографий: автор (инициалы перед фамилией), название работы (без кавычек), место издания, год издания, страница.

4. Последовательность цитирования журнальных статей: автор, название статьи (без кавычек), название журнала, год, номер, страница.

5. К статье прилагается список употребляемых сокращений в 2 экземплярах.

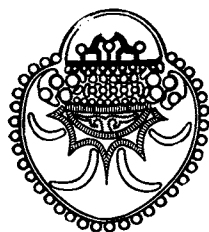
6. Иллюстрации следует давать в пригодном для воспроизведения в печати виде (фото — контрастные и рисунки — тушью). Фотографии следует представлять в 2 экземплярах. Иллюстрации должны быть пронумерованы соответственно порядку их упоминания в тексте статьи, на обороте каждого рисунка следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. К иллюстрациям необходимо приложить список подписей под рисунками в 2 экземплярах.

Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского и греческого алфавита, должны быть сдублированы на кальку для изготовления клише.

7. Направляемая в редакцию рукопись должна быть подписана автором, текст ее тщательно проверен, все ссылки выверены. Должны быть указаны дата отправления и полный почтовый адрес автора.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

СОВЕТСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1957

Редакционная коллегия

Арциховский А. В., ответственный редактор,
Брюсов А. Я., зам. ответственного редактора,
Кругликова И. Т., отв. секретарь,
Беленицкий А. М., *Бибиков С. Н.*, *Блаватский В. Д.*, *Евтюхова Л. А.*,
Монгайт А. Л., *Окладников А. П.*, *Пассек Т. С.*,
Пиотровский Б. Б., *Рыбаков Б. А.*, *Смирнов А. П.*

О ЗАДАЧАХ ЖУРНАЛА «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ»

С 1957 г. начинается издание журнала «Советская археология», который будет выходить четыре раза в год.

Развитие археологических исследований в СССР, направленных на изучение древнейшей истории и культуры народов нашей страны, настоятельно потребовало создания такого центрального периодического издания, которое помогло бы обсуждению важнейших научных вопросов и публикации новейших открытий.

Журнал «Советская археология» является преемником сборников, издававшихся ИИМК АН СССР под тем же названием, но задачи его значительно шире, а возможности содействовать развитию исторической науки значительно больше.

Советский археолог — прежде всего историк. В задачи советской археологии и соответственно журнала, издающегося археологами, входит, прежде всего, освещение важнейших теоретических и конкретно-исторических проблем истории докапиталистических формаций, изучение закономерностей исторических явлений. Естественно, что в археологическом журнале на первый план выдвигаются те вопросы, в решении которых важнейшую роль могут сыграть археологические материалы. Здесь невозможно было бы дать перечень тех конкретно-исторических проблем, которые могут освещаться на страницах журнала «Советская археология», но на некоторые из них следует обратить особое внимание. Таковы, например, вопросы изучения хозяйства и экономики древних обществ, неизменно привлекающие внимание археологов и все же остающиеся недостаточно исследованными, в частности вопрос о возникновении и ранних фазах скотоводства, о раннем земледелии в Европе и Азии и т. п. В последнее время мы мало занимались проблемами первобытной идеологии и искусства, проблемами древних культурных связей и влияний. Археологи могут сказать свое слово в разработке таких важных исторических тем, как происхождение и формы развития рабовладельческого общества в Средней Азии, возникновение русского феодализма и т. д.

Совершенно необходимо углублять и совершенствовать разработку некоторых вопросов теории и практики археологического исследования. Множество новых открытий советских археологов, рост количества материалов, помогающих решать важные исторические проблемы, требуют от ученых больших творческих усилий, направленных на то, чтобы эти новые данные позволили сделать максимально точные исторические выводы. Для этого нужно обладать хорошо разработанным методом исследования.

Марксизм является единственно правильной идеологической основой археологических и других исторических исследований всех советских ученых. Однако творческий марксизм требует не декларативного признания того или иного принципа, а конкретной его разработки в применении к данной отрасли науки. Успехи советской археологии в разработке теоретических основ науки значительно ниже успехов в разработке конкретно-исторических тем. В первые десятилетия существования советской археологии развивался социологический схематизм, наиболее ярким проявлением которого были теории последователей М. Н. Покровского и Н. Я. Марра; много было схоластических споров и попыток подменить

разработку теории различными истолкованиями высказываний классиков марксизма. Это препятствовало разработке теоретических основ археологии, и у нас в этой области очень мало работ. Между тем определение предмета и метода археологии, решение вопросов о границах познания, основанного на археологических источниках, о правомерности различных социальных, исторических и историко-этнографических реконструкций по этим источникам и тому подобные вопросы не являются отвлеченно теоретическими, а имеют большое значение для практической работы археологов. Наличие журнала позволит сделать широким обсуждение теоретических проблем археологии и будет содействовать овладению марксистско-ленинской методологией исследования.

На основе изучения и сведения воедино огромных материалов, накопившихся за десятилетия работы археологов, советскими учеными создан ряд ценных обобщающих трудов, подводящих итоги исследований по отдельным важным темам или обширным географическим районам. Однако в последнее время создалась продиктованная не всегда научными соображениями тенденция поощрять в первую очередь обобщающие работы и отодвигать назад источниковедческие работы. Это привело к тому, что «обобщения» иногда забегали вперед публикации, а подчас и изучения материала, на котором единственно они могли быть основаны. Назрела настоятельная необходимость привести в строгий порядок и научную систему обильные и многообразные археологические материалы. ИИМК предполагает начать с этой целью издание «Корпуса археологических источников СССР». Журнал призван сыграть большую роль в подготовке этого издания. На страницах журнала должны быть обсуждены вопросы методики, датировок, типологических исследований и т. п. Важно не только внести поправки в ставшие уже классическими для Европы системы датировок Монтелиуса, Дешелетта, Городцова, Спицына и др., как это делалось до сих пор, но и, основываясь на археологических данных, на достижениях физики и других естественных наук, применяя и улучшая старые, разрабатывать новые, более точные методы датировки вещей. Хронология, как и картография, т. е. определение времени и места исторических явлений, являются важнейшими элементами археологического исследования и требуют специального внимания и научной разработки. Не приходится говорить о том, что методика полевых археологических исследований и дальнейшей обработки в лаборатории добытых материалов также должна обсуждаться на страницах нашего журнала. Это очень важные вопросы, которым в последнее время мы уделяем много внимания. Техническое оснащение экспедиций и лабораторий, применение новейших достижений науки и техники в археологической работе являются не только проблемой материальной, но и научно-методической. Новая техника требует новой методики работы.

В послевоенные годы археологи очень много писали по вопросу об этнической принадлежности археологических культур. Это важная тема, тесно связанная с вопросами этногенеза, решаемыми археологами совместно с языковедами, этнографами и представителями других общественных наук. Однако эта тема не должна заслонять другие, которые сейчас мало изучаются, например вопросы экономики древних обществ, этапы культурного развития отдельных территорий и т. п. Получение культурно-стратиграфических разрезов для значительных территорий поможет наиболее объективному решению вопросов этногенеза на основе археологических данных, ликвидирует предвзятость некоторых мнений и позволит в каждом конкретном случае решить, что представляют собой археологические культуры: этнические или исторические общности, хозяйственно-культурные типы, историко-этнографические области или определенные стадии развития культуры.

Советская археология в своем развитии пережила некоторый период, когда материалы, добытые на территории СССР, рассматривались изо-

лированно от данных европейской и мировой археологии. Этому способствовали принявшие гипертрофированные формы теории автохтонизма, отрицание внешних связей и влияний, признание которых якобы принижало достижения народов СССР. Не приходится говорить, что эти ложные принципы мешали развитию нашей науки и снижали ту роль, которую советские ученые могут сыграть в развитии археологии во всем мире. Немало вреда принесло и отсутствие практических связей с мировой наукой. Поэтому задачей журнала должно быть не только рассмотрение фактов отечественной истории на широком фоне мировой истории, но и постоянное ознакомление советской научной общественности с археологической работой за рубежом. Важнейшие достижения мировой археологической науки должны быть хорошо известны советским археологам и историкам. Редакция охотно предоставит место в журнале трудам археологов стран народной демократии и прогрессивных ученых капиталистических стран, что будет содействовать укреплению научного сотрудничества. Не следует забывать, что советские ученые и многие ученые буржуазных стран стоят на принципиально различных идеологических позициях. Большой идейный спор должен вестись во всеоружии не только метода, но и фактического материала.

Особое внимание должно быть уделено отделу критики и библиографии. Как отечественная, так и зарубежная археологическая литература должны быть полно и объективно освещены в этом отделе. При этом следует указать, что рецензии на книги должны носить не справочно-реферативный характер, как это часто у нас бывает, а должны подвергать глубокому научному анализу рецензируемый труд. Замечания в адрес автора книги лишь тогда приобретают научную ценность, когда рецензент может противопоставить концепции автора свою хорошо аргументированную точку зрения.

Наряду с рецензиями и критическими обзорами в журнале будут печататься библиографические справки, аннотации и краткие рефераты изданных книг.

Дискуссии, конечно, будут вестись не только на страницах отдела критики, они могут занять свое место в каждой исследовательской статье. Но редакция вместе с тем имеет в виду подвергнуть специальному обсуждению ряд спорных археологических вопросов.

Ежегодно в нашей стране работают десятки археологических экспедиций. Помимо ИИМКа и археологических институтов академий наук союзных республик, большую археологическую работу ведут музеи, университеты, педагогические институты. Множество археологических находок сделано гражданами СССР, не являющимися профессиональными археологами. Накопление новых данных в археологии идет чрезвычайно быстрыми темпами; чем скорей они станут достоянием науки, тем скорей можно будет решить многие спорные и неясные вопросы. Поэтому публикация результатов археологических раскопок, всех новейших открытий на страницах журнала в короткое время сделает накопленные научные сокровища действительным достоянием науки. Необходимо систематически освещать успехи нашей и мировой науки в накоплении новых археологических данных, в заполнении белых пятен на археологической карте мира. Для этого мы будем публиковать региональные обзоры по различным территориям и странам.

Не только информация о раскопках и деятельности археологов нашей страны должна быть задачей журнала; не менее важно помочь различным учреждениям, ведущим археологические исследования, координировать свою деятельность, разрабатывать перспективный план дальнейших работ.

Одной из задач журнала является связь с музеями. Музейные работники, участвующие в общей исследовательской работе, смогут, в частности, с помощью журнала обнаружить музейные сокровища, которые,

к сожалению, нередко долгое время остаются вне широкого научного оборота. Этому будет содействовать наличие в журнале отдела «Мелкие статьи и заметки», в котором могут публиковаться самые разнообразные материалы как вновь открытые, так и давно уже хранящиеся в музеях, как небольшие исследования, так и информации.

Отдел хроники «Советской археологии» будет содержать сообщения об итогах и достижениях археологических институтов, краеведческих музеев, а также краеведческих кружков в педагогических институтах и школах, о пленумах, конференциях, обсуждающих археологические проблемы, о работе археологических учреждений, кафедр археологии университетов, археологических лабораторий.

Не должны оставаться вне внимания журнала и вопросы преподавания археологии в университетах и педагогических институтах, а также вопросы популяризации и пропаганды археологических знаний.

Знакомство с государственными археологическими заповедниками и охраняемыми законом памятниками старины, вопросы реставрации и охраны этих памятников, участие в этом деле широких слоев населения в значительной мере зависят от деятельности археологов, их научной пропаганды, воспитывающей и укрепляющей уважение к родному прошлому.

В целях облегчения ведения такой пропаганды, а также для более полного и массового использования достижений археологической науки редакция «Советской археологии» предполагает публиковать серии статей в помощь учителям истории и краеведам. Это не только даст возможность улучшить преподавание истории, сделать его более увлекательным благодаря привлечению новых археологических данных, но и поможет разработке форм популяризации этих данных.

Редакция охотно предоставит страницы журнала «Советская археология» представителям таких вспомогательных исторических дисциплин, непосредственно соприкасающихся с археологией, как нумизматика, сфрагистика, эпиграфика, а также представителям других наук (антропологии, этнографии, геологии и т. д.), в своих исследованиях касающихся археологических данных.

Мы хотели бы, чтобы журнал «Советская археология» был не только научным органом, интересующим узкий круг ученых-специалистов, но и изданием интересным и нужным всем тем, кому близки и дороги достижения археологии и истории,—изданием, рассчитанным не только на археологов-профессионалов, но и на ученых, работающих в других областях науки, на преподавателей истории, краеведов, музейных работников и других представителей советской интеллигенции.

Редколлегия

СТАТЬИ

А. Я. БРЮСОВ

К ВОПРОСУ О ТЕОРИИ ДИФФУЗИИ

В археологической и этнографической литературе часто употребляются термины «культурное влияние», «диффузия». Но редко делаются попытки выяснить, каким образом и в какой обстановке происходили процессы, обозначаемые этими терминами. Совершенно очевидно, что в разное время на протяжении многотысячелетней истории человечества связи, в том числе и культурные связи, между племенами и народами носили различный характер. В данной статье этот вопрос будет рассмотрен в отношении неолитической и бронзовой эпох в Европе и в странах Востока, когда в Европе царил племенной строй, а на Востоке уже сложились или слагались первые государственные образования.

Нельзя не обратить внимания на то, что некоторые культурные приобретения человечества уже в неолитическую эпоху распространяются с такой быстротой, что археология не может установить даже приблизительно, где и когда было сделано данное изобретение. К наиболее ранним фактам подобного рода можно отнести изобретение лука и стрел, технику шлифования мелкозернистых пород камня, изготовление глиняных сосудов, распространение обряда захоронений под земляными насыпями и ряд других фактов. Едва ли также удастся установить, в каких местах впервые возникло ткачество и где находился очаг, в котором возникло искусство металлургии.

Одни из таких изобретений очень скоро становились достоянием всего человечества. Другие, в зависимости от хозяйственных и географических условий, распространялись на ограниченной, хотя и очень обширной территории.

Эти факты доказывают, что в неолитическую эпоху, как и в эпоху бронзы, не существовало полной разобщенности между древними племенами. Множество археологических фактов подтверждает этот вывод, как, например, находки отдельных предметов, не типичных для области, в которой они были найдены, и наоборот, типичных для областей, нередко отстоящих на тысячи километров от места находки.

Так, в Москве за Краснопресненской заставой в полуразрушенном курганном погребении оказалось несколько типичных для конца III тысячелетия до н. э. и широко распространенных в Карелии каменных орудий, сделанных из карельского сланца. В Рязанской области на Владыченской неолитической стоянке у озера Великого была найдена среди других вещей бронзовая так называемая «манжета», характерная для южной Моравии («боратицкий» тип). В Младшем Волосовском могильнике на р. Оке близ г. Муром в одном из погребений оказался обломок бронзового скандинавского «тутула» конца II тысячелетия до н. э. Много таких примеров можно привести для самых различных мест в Европе; особенно общеизвестно и показательно в конце неолитической эпохи и в эпоху бронзы широкое распространение украшений из прибалтийского янтаря.

Противоположное впечатление производит ясно выраженное различие отдельных археологических культур друг от друга, что, собственно говоря, и позволило археологам выделить и определить эти культуры. Это длящееся столетиями различие заставляет предполагать крайнюю замкнутость в бытовом отношении тех человеческих объединений, о существовании которых мы заключаем по археологическим культурам.

Это противоречие легко может быть объяснено двойственным характером связей между первобытными племенами. Если племенная группа, как это засвидетельствовано этнографическими наблюдениями, строго сохраняла все, что было связано с отличительными признаками рода и племени, то это не мешало ей заимствовать все полезное в бытовом отношении, не связанное с отличительными признаками рода и племени. Всеобщий обычай гостеприимства, многократно наблюдавшийся у племен с родовым строем, открывал возможность личных сношений между представителями различных племен и, таким образом, ознакомления со всякими новшествами. Относительная примитивность производства того времени обуславливала возможность заимствования новых изобретений и обеспечивала быстрое распространение их.

Эти соображения позволяют понять одну из сторон постепенного развития мировой культуры. Без этого пришлось бы признать чудом быстрый переход большинства населения Европы к земледелию, скотоводству, металлургии. Каждая из этих хозяйственных областей настолько сложна даже на начальной ступени ее развития, что невозможно представить себе самостоятельное изобретение этих видов производства одновременно или разновременно во многих областях человеческой эйкумены. Отметим хотя бы крайнюю сложность одомашнивания диких животных или отбор наиболее полезных растений и их культивацию. А между тем неолитический человек приручил и одомашнил почти всех, и притом наиболее рационально отобранных, животных и культивировал почти все наиболее полезные в пищевом и отчасти в техническом отношении растения, которые до настоящего времени имеются в сельском хозяйстве.

Однако из всего этого никак не может быть выведена довольно широко распространенная гипотеза о «диффузии», сторонники которой несколько упрощенно представляют себе распространение в древней Европе элементов мировой культуры, якобы постепенно проникавших с юга на север, из стран восточных цивилизаций в области европейских племен неолитической эпохи. Неудивительно, что при таком упрощении даже у сторонников этой гипотезы возникают недоумения при столкновении с фактами. Так, Г. Чайлд не без основания недоумевает по поводу того, что «Британия представляет исключение из тех принципов деления на зоны, которые мы наблюдали до сих пор. Хотя она наиболее удалена от восточносредиземноморских очагов цивилизации, она опередила в отношении металлургии и торговли такие промежуточные области, как южная Франция, Швейцария и южная Германия, не говоря уже о северной Европе»¹.

Он объясняет это географическим положением и богатством залежей металлов, но немедленно сталкивается с дальнейшим препятствием, которое излагает и пытается разрешить следующим образом:

«То обстоятельство, что в Британии не последовало дальнейшего культурного развития и перехода к городской цивилизации, может быть объяснено тем, что низменные районы Англии подвергались нашествиям более отсталых народов континента, а также тем, что в горной зоне так много внимания уделяли суевериям — это излишнее внимание было везде связано с культом мегалитов»².

¹ G. Childe. The dawn of european civilisation, London, 1950. Русский пер.: У истоков европейской цивилизации, М., 1952, стр. 444—445.

² Там же, стр. 445.

Но Британия не является исключением. С таким же правом можно отметить блестящий бронзовый век в Дании, в то время как лежащие южнее области резко отставали от нее в культурном отношении. В СССР можно указать на существование во II тысячелетии до н. э. известной Фатьяновской культуры в области между Волгой и Клязьмой; носители этой культуры были скотоводами, между тем как на широкой полосе южнее, между ними и скотоводческими племенами южных степей, продолжали столетиями существовать племена охотников и рыболовов, представленные неолитическими культурами по р. Оке и ее притокам.

Очевидно, что дело обстоит иначе, чем предполагают сторонники гипотезы «диффузии», и культурные элементы распространялись не в виде последовательных волн, катившихся с юго-востока на северо-запад, а по другому пути.

Если подсчитать количество находок во всех известных поселениях какой-либо неолитической культуры и выделить из них предметы, несомненно привезенные издалека, то получится весьма показательная картина. Так, например, из числа известных (более 300) неолитических стоянок по р. Оке привезенные издалека вещи были найдены на 25 (см. таблицу). Если даже считать привозными каменные сверленные боевые топоры (хотя часть их могла быть изготовлена на месте, а часть составлять боевые трофеи, захваченные при столкновении с соседними племенами Фатьяновской культуры), то все же мы получим очень незначительное число — около 50 вещей на 300 стоянок — при продолжительности существования этих неолитических окских культур в течение более 1000 лет.

Напротив, находки на тех же стоянках предметов, характерных для соседних таких же неолитических охотническо-рыболовческих племен, часты и многочисленны.

Подобная картина наблюдается и в области археологических культур, характеризующих земледельческо-скотоводческие племена как юга, так и севера. Среди найденных там вещей предметы, типичные для неолитических охотническо-рыболовческих племен того же времени, встречаются только в виде исключения и, наоборот, довольно часто попадаются вещи, типичные для соседних и отдаленных археологических культур, характеризующих земледельческо-скотоводческие племена этого же времени.

Эти факты заставляют сделать вывод, что не географическая среда и не географические зоны определяли ход распространения культурных элементов среди населения древней Европы, а социально-экономические факторы — степень экономического развития племени и его общественный строй. И если считать основными очагами, из которых распространялись элементы культуры среди древних племен Европы, страны восточных цивилизаций, то весьма показательными являются торгово-обменные связи этих стран с периферийным и более далеким населением современной им Европы.

Уже в эпоху бронзы, незадолго до образования в странах восточного Средиземноморья первых государств, население этих областей завязало широкий обмен продуктами своего производства. Примеры этого хорошо известны¹. Но следует обратить внимание на то, что этот обмен товарами совершается неизменно с народами и племенами либо уже достигшими того же уровня экономического развития, либо с приближавшимися к нему, например со скотоводческими племенами юга Европы.

Надо сказать, что торговли в современном смысле слова между представителями древних государств и племенами неолитической, бронзовой и даже раннежелезной эпохи в Европе не существовало. Даже около 100 г. н. э., по словам Диона Хризостома, «после разгрома борисфениты

¹ Соответствующие факты приведены, например, у Г. Чайлда (см. «У истоков европейской цивилизации», М., 1952, стр. 77—78), у В. Милойчича (см. *W. Milošević. Chronologie der jüngeren Steinzeit Mittel- und Südosteuropas. Berlin, 1949, стр. 27, 59, 75, 76*) и у др.

Таблица находок на окских стоянках Белевской, Рязанской и Волосовской культур привезенных издалека предметов¹

Что найдено	Место находки																								
	Береговья	Б скачи	Митино	С иридоновка	Колгова	Турово	Владичино	Ужалье	Алеканово	Плешки	Агармова	Церквина	Шатрище	Устьянь	р. Црня	Парахина	Волосово	Старый Волосовский могильник	Панфилово	М. лое Окулево	м. д. дший Волосовский могильник	Лы ки	Безверниково	Липня	Шеханов бор
1. Кремневый наконечник стрелы скандинавского типа	1																								
2. Кремневый наконечник стрелы южного типа						1																			
3. Каменные валикообразные топоры																2									
4. Каменные черешковые топоры и их обломки																1	1								
5. Каменный клиновидный сверленный топор																	1								
6. Каменная булава																						1			
7. Бронзовая манжета южноморавского типа						1																			
8. Спиральные бронзовые кольца						2																			
9. Бронзовая булавка с шайбообразной головкой								1																	
10. Обломок бронзового тутула																								1	
11. Бронзовое втульчатое копье																								1	
12. Бронзовые кельты и их обломки									1															4	
13. Бронзовый нож																			1						
14. Обломок бронзового зеркала																								1	
15. Обломки бронзовых пронизей																								×	
16. Бронзовая пластинка																		1							
17. Сосуды баночного типа и их обломки																×	×		×				×		
18. Сургаеа монета						1																			
19. Сверленные каменные топоры и их обломки	1	1	1	11					1	1	1	1	1	1	2	3									
Культуры:	Белевская				Рязанская										Волосовская										

¹ В таблице цифры означают количество экземпляров, а × — наличие обломков.

снова заселили город, как мне кажется, по желанию скифов, нуждавшихся в торговле и посещениях эллинов, которые по разрушении города перестали приезжать туда..., а сами скифы не желали и не умели устроить им торговое место по эллинскому образцу»¹.

Более ранние греческие авторы писали еще определеннее о том, что известные им племена «варваров» не имеют понятия о торговле и практикуют только обмен товара на товар². А Геродот, например, говоря о скифах, нигде даже не упоминает о торговле. Древневосточные же государства вели торговлю главным образом друг с другом, и характерным доказательством этого может служить приведенный пророком Иезекиилом перечень областей, с которыми вел торговлю и обмен город Тир³. В законах Хаммурапи при упоминании о торговых экспедициях говорится только об организации государственных и храмовых экспедиций, которые, подобно египетским (в Пунт), можно представлять себе как вооруженный грабеж местного населения.

Вместе с тем, если бы даже такие торговцы попадали в области, заселенные отсталыми племенами Европы, они не могли бы быть проводниками культурных влияний и распространителями культурных элементов, как это нередко хотят представить. Они могли продать или обменять бронзовые изделия, ткани, украшения, вино, но, конечно, не могли научиться искусству металлургии или приемам земледелия и скотоводства. Это мог сделать только человек, специализировавшийся в металлургии, земледелии, скотоводстве, виноделии, и притом не в короткое время.

Как же могли все-таки проникать элементы культуры даже в отдаленные места Европы?

Мы полагаем, что относительно быстрое распространение элементов культуры среди древних племен Европы, происходившее, как мы видели, не последовательными волнами с юга на север, а постепенно охватывавшее определенные области, могло происходить только при наличии постоянных мест, где осуществлялся контакт между различными племенами и народами. И такие районы известны в археологии. Это — места, где имелись естественные богатства, ценившиеся в то время: металл, соль, янтарь и т. д. Там складывались междуплеменные пункты обмена, как, например, в районе Галле в средней Германии, где были соляные источники и залежи руд⁴, или в Прибалтике, откуда вывозили янтарь. И несомненно, что культура бронзового века Дании расцвела на основе обмена янтарем, а отсутствие использовавшихся в древности естественных богатств в Швейцарии привело к тому, что она отставала в своем культурном развитии от Британии, где такие богатства имелись.

Сложившиеся в глубокой древности междуплеменные пункты обмена не только обогащали, в прямом смысле слова, местное население, но и приводили при постоянном контакте с представителями других племен и народов к обмену опытом и внедрению новых культурных элементов, которые постепенно распространялись среди местного населения. При этом отдельные области, вне зависимости от их географического положения, могли в разное время и с разной степенью скорости двигаться вперед по пути культурного развития. Вместе с тем усвоенные местным населением элементы культуры могли получать и получали в дальнейшем различное направление и через некоторое время совсем не походило на то, что мы находим в исходной области. В этом значительную роль могли играть природная среда и географическое положение. Достаточно в этом отношении указать на различие в системе обработки земли в странах

¹ См. В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1948, № 1, стр. 229.

² В. В. Латышев. Известия древних писателей... ВДИ, 1947, № 4, стр. 194—195.

³ Иезекиил. Гл. XXVI.

⁴ Эту мысль высказал еще О. Монтелиус. См. О. Montelius. Die Chronologie der ältesten Bronzezeit. Braunschweig, 1900, стр. 77.

Древнего Востока и в Европе. В этом случае трудно уже различить, заимствовано ли земледелие с Востока, или оно явилось следствием местного изобретения.

Эти различия, притом не только географические, но и другие разнообразные складывавшиеся исторически различия в жизни населения каждой страны обуславливали различия в характере использования новых культурных благ. Так, проникновение в отстававшее в своем культурном развитии общество различных предметов и знакомство с техникой их изготовления приводило иногда совсем к другим результатам, чем в месте их изобретения. Проникавшие, например, на Кавказ восточные предметы роскоши, вроде золотых и серебряных изделий, найденных в Майкопском и Цалкинском курганах, становились сокровищами местных вождей, но никак не способствовали образованию там высокого ювелирного искусства. Вино, вывозившееся греками к скифам или римлянами к кельтам, мало способствовало развитию у скифов и кельтов виноградарства. Возникшая при соприкосновении «варваров» с рабовладельческими государствами торговля рабами не преобразовывала эти «варварские» племена в рабовладельческие государства. Весьма вероятно, что и культовые обряды, заимствованные «варварами» из стран восточных цивилизаций, получали на месте другое осмысление.

В этом аспекте становится понятным расцвет материальной культуры в Британии ранее, чем в более южных областях, при отсутствии в той же Британии «городской культуры», как ее называет Г. Чайлд.

Так складывалась уже в европейском неолите неравномерность в культурном развитии европейских племен и создавалась пестрая этнографическая картина. Одной из больших задач археологии является выявление изменений, происходивших в этой картине.

Сказанное не исчерпывает, конечно, сложного вопроса о культурных влияниях, распространявшихся в древности, и касается только одной стороны вопроса. Целью данной статьи было показать только, что теория диффузии культурных элементов из стран восточных цивилизаций в Европу эпохи неолита и бронзы не может быть принята без существенных поправок. Нельзя представлять ее в виде главного фактора культурного развития европейских племен и предполагать равномерное распространение культурных элементов с юго-востока на северо-запад последовательными волнами по географическим зонам. Не отрицая распространения культурных элементов из стран древних восточных цивилизаций, надо признать, во-первых, что эти элементы составляли только часть в культуре местных племен, а во-вторых, что элементы эти воспринимались и часто перерабатывались только в той культурной среде, которая была к этому подготовлена предшествовавшим внутренним развитием общества; при этом культурные элементы распространялись не последовательно от одной географической зоны к другой, а нередко проникали в более северные страны ранее, чем в находившиеся южнее.

Поэтому мне кажется, что было бы целесообразнее вместо термина «культурная диффузия» сохранить старый термин «культурное заимствование» или, еще лучше, — «заимствование культурных элементов».

О ВРЕМЕНИ И ИСТОРИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ СЛОЖЕНИЯ ПЛЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Одним из существенных вопросов, вставших в последнее время перед советскими археологами и этнографами, изучающими историю первобытного общества, является вопрос о времени и исторических условиях сложения племенной организации.

Развернувшаяся на страницах «Советской этнографии» дискуссия об историческом соотношении рода и племени показала, что необходимо пересмотреть традиционное мнение об одновременном появлении рода и племени в истории первобытного общества¹.

Анализ данных о родовом строе в Австралии говорит о том, что здесь экзогамные отношения не связывают роды в эндогамные племена, а охватывают фактически весь континент. Племена же австралийцев представляют собой очень неопределенную организацию, почти никогда не выступающую как единое целое в добывании пищи, военных столкновениях и т. д. То, что известно о быте австралийских родовых общин, определенно свидетельствует, что род может существовать вне племени². Единство родовой и различие племенной терминологии у финно-угров также говорит о неодновременном сложении родовой и племенной организации³. Необходимо, следовательно, решить вопрос, когда происходило сложение племен, если они возникли не одновременно с родами на грани нижнего и верхнего палеолита.

На решение этого вопроса в статьях «Советской этнографии» было обращено, к сожалению, мало внимания. В высказываниях этнографов в печати и в докладах возникновение племенной организации относится без какой-либо аргументации и к палеолиту, и к мезолиту, и к неолиту, и даже к эпохе металла. Между тем нужно внимательное изучение данных по истории общества этих эпох, чтобы говорить с известным основанием о том, что племена сложились именно в данный период. Напомним, что ставшее теперь общепринятым в советской науке мнение о сложении родовой организации на рубеже нижнего и верхнего палеолита возникло только после тщательной проработки всех имеющихся данных об обществе мустьерской эпохи и верхнепалеолитического времени⁴. По-видимому и при решении вопроса о времени сложения племенной организации данные археологии будут играть большую роль.

Какие же материалы могут помочь нам при работе над решением вопроса о времени сложения племени? Для этого необходимо, во-первых,

¹ См. статью С. П. Толстова. Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития советской этнографии. СЭ, 1950, № 4, и отклики на нее в СЭ, 1951, № 2.

² Н. А. Бутин ов. О первобытной лингвистической непрерывности в Австралии. СЭ, 1951, № 2, стр. 179—181.

³ В. В. Гудкова - Сенкевич. К проблеме происхождения родственных групп и семей языков. СЭ, 1951, № 2, стр. 187—188.

⁴ П. П. Ефименко. Первобытное общество. М.—Л., 1938.

рассмотреть данные археологии о характере коллективов людей эпохи палеолита, мезолита и неолита. Причем надо иметь в виду, что мы не поймем этих данных, если будем изучать их в отрыве от исследования хозяйства различных эпох каменного века. Во-вторых, надо проанализировать материалы о локальных различиях в культуре первобытного человечества, над изучением которых в последнее время много работали советские археологи. Исследования М. Е. Фосс, А. Я. Брюсова и др. проследили группировку неолитических стоянок с одним обликом культуры на определенных территориях и сохранение общности культуры в этих районах на протяжении значительного времени. Эти археологические культуры, позволяющие изучить историю разных этнических групп неолитического человечества, принадлежат скорее всего сложившимся древним племенам¹. Выявление этнографических различий в культуре эпохи палеолита и мезолита также приводит к интересным выводам о социальном строе первобытного человечества.

Начнем рассмотрение обеих групп фактов с данных, относящихся к верхнему палеолиту — эпохе родового строя. Основываться мы будем на материалах стоянок СССР, изученных более полно и методически более правильно, чем зарубежные стоянки.

Огромные скопления костей млекопитающих на верхнепалеолитических стоянках указывают на охоту как на основу хозяйства их обитателей. Среди костных остатков лишь незначительный процент составляют кости мелких животных (зайцев, песцов, леммингов), преобладают же кости крупных стадных травоядных: мамонтов, бизонов, оленей. Количество особей животных, съеденных обитателями некоторых стоянок, огромно. В Амвросиевке найдены кости не менее чем 1000 бизонов², в нижнем слое Кирилловской стоянки — не менее чем 67 мамонтов³. Между тем среди орудий, найденных на стоянках, собственно охотничьего оружия (наконечников дротиков) мало, преобладают орудия для разделки туш: скребки, ножи; орудия для обработки кости и шкур: резцы, проколки. Даже если думать, что оружие палеолитического человека не сохранилось, поскольку оно было деревянным, придется признать, что охотничье оснащение палеолитического человека несоизмеримо слабо по сравнению с силой животных, служивших ему добычей.

Хотясь с таким оружием без каких-либо «охотничьих хитростей», человек мог в лучшем случае убивать отдельных животных и в связи с этим часто переходить с места на место, вести бродячий образ жизни, как охотники Австралии и Южной Африки. Остатки огромной добычи палеолитических охотников и бесспорная их оседлость, засвидетельствованная и мощностью культурных отложений и наличием постоянных жилищ, говорят об иных приемах охоты. Ими, несомненно, были различные виды охоты загоном, хорошо известные по этнографическим материалам. Такая охота позволяла добыть сразу большое число животных и в удобных для охоты местах жить долгое время.

Что именно так охотились палеолитические обитатели Восточной Европы доказывает топография их стоянок. Они расположены не на пойме своего времени, не у воды, как стоянки эпохи неолита и бронзы, а на террасах, будучи обычно приурочены к высоким обрывам и к мысам при впадении балок и оврагов. Так расположены все стоянки двух опорных для изучения верхнего палеолита районов Русской равнины — Костенковско-го и Деснинского и большинство других стоянок европейской части СССР.

¹ М. Е. Ф о с с. Неолитические культуры Севера. СА, IX, М., 1947. Ее же. Древнейшая история севера европейской части СССР, МИА, № 29, М., 1952; А. Я. Б р ю с о в. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху, М., 1952.

² И. Г. П и д о п л и ч к о. Амвросиевская палеолитическая стоянка и ее особенности. КСИА, вып. 2, Киев, 1953, стр. 66.

³ П. И. Б о р и с к о в с к и й. Кирилловская палеолитическая стоянка. МИА, № 2, М.—Л., 1945.

Очевидно, удобство для загонной охоты этих пересеченных оврагами и изобилующих крутыми обрывами урочищ и привлекало к ним первобытных охотников.

Что же представляли собой общины этих охотников? Здесь необходимо прежде всего рассмотреть вопрос о числе членов в этих общинах, ибо, как будет видно из дальнейшего, данные о численности первобытных общин имеют существенное значение для решения вопроса о времени сложения племени.

Численность палеолитических общин определялась обычно, исходя только из этнографических данных. Так, Г. Кунов прямо пишет об общинах палеолита: «Если судить по величине орд у австралийцев, аэтов (на Филиппинских островах) и бушменов (в Южной Африке), то они могли обнимать не более 50 и 60 человек»¹. Но такие сопоставления антиисторичны как потому, что австралийцы и бушмены стояли по своей технике уже на стадии неолита, так и потому, что палеолитический человек жил в иной природной обстановке, чем современные охотники Южного полушария, что обусловило ряд различий в их хозяйстве. Археологический материал позволяет более правильно решить вопрос о численности палеолитических общин. Важнейшее значение при этом приобретает изучение площади палеолитических поселений и сопоставление их размеров с площадью поселений позднейших эпох и современных народов.

Исследования советских археологов на открытых верхнепалеолитических стоянках показали, что эти поселения часто имели весьма значительные размеры. Так, стоянка Пушкари I на р. Десне имела площадь 30 тыс. кв. метров², соседняя с ней стоянка Погон — 40 тыс. кв. метров³. Площадь Тимоновской стоянки⁴ также определяется солидной цифрой — 24 тыс. кв. метров. В Сибири известны еще более обширные поселения, вроде стоянки Черемушник⁵, занимавшей площадь в 500 тыс. кв. метров. Велика площадь и ряда западноевропейских стоянок (Долни Вестоницы — 120 тыс. кв. метров)⁶. Такие значительные размеры поселений резко отличаются верхнепалеолитические стоянки от неолитических. О последних применительно к лесной зоне Восточной Европы П. Н. Третьяков писал: «Размеры поселений... обычно не превышают 3000 м²; 40 × 40, и 50 × 60 — вот наиболее часто встречающиеся размеры поселения»⁷.

По своим размерам палеолитические стоянки ближе к поселениям земледельцев и скотоводов эпохи металла. Так, трипольское поселение Коломийщина состояло из 39 жилищ (площадью 100—150 м²), расположенных по кругу диаметром 160 м⁸, т. е. имело площадь около 100 тыс. кв. метров. Другое трипольское поселение Владимировка, площадью 720 тыс. кв. метров насчитывало 200 больших домов⁹. Площадь андроновских стоянок Южного Приуралья¹⁰ достигает 36 000 кв. метров, свай-

¹ Г. Кунов. Происхождение брака и семьи, М., 1923, стр. 17.

² П. И. Борисковский. Палеолитична стоянка Пушкари I. Сб. «Палеолит і неоліт України», Київ, 1947, стр. 456.

³ М. В. Воеводский. К методике раскопок открытых палеолитических стоянок. Доклады и сообщения ист. фак-та МГУ, вып. 7, 1948, стр. 82.

⁴ В. А. Городцов. Тимоновская палеолитическая стоянка. М.—Л., 1935, стр. 4.

⁵ М. М. Герасимов. Поздние палеолитические стоянки р. Белой. Бюллетень Комиссии по изуч. четвертич. периода, № 6—7, М.—Л., 1940, стр. 123.

⁶ А. Кног, V. Ložek. Dolni Westonice. Praha, 1953.

⁷ П. Н. Третьяков. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. ИГАИМК, вып. 106, М.—Л., 1934, стр. 103.

⁸ Т. С. Пассек и Е. Ю. Кричевский. Трипольское поселение Коломийщина. КСИИМК, XII, М.—Л., 1946, стр. 14—22.

⁹ Т. С. Пассек. Трипольское поселение Владимировка. КСИИМК, XXVI, М.—Л., 1949, стр. 47—56.

¹⁰ К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, № 21, М., 1951, стр. 151.

ных построек Швейцарии — 20 тыс. кв. метров, поселений линейно-ленточной керамики — 36 тыс. кв. метров¹.

Таким образом, размеры поселений первобытного человека различны: наиболее значительны по площади стоянки эпохи палеолита и поселения земледельцев и скотоводов эпохи металла, стоянки же рыболовов и охотников эпохи неолита имеют наименьшие размеры. Эти данные отражают и изменение количества членов первобытной общины на разных этапах ее истории. Для лесного неолита это количество вычислено В. А. Городцовым на примере Галичской стоянки, имевшей площадь 3 тыс. кв. метров. «Число жилищ составляло не более 10. Принимая во внимание, что площадь каждого жилища составляла не более 20 м², причем часть помещения была занята очагом, В. А. Городцов полагает, что число взрослых жителей жилища не превышало 5 человек, и, таким образом, население всего поселка не превышало полсотни человек... Если эта цифра по отношению к действительному среднему ошибочна даже в два раза, то и в этом случае она ценна, так как ясно все же, что поселение состояло не из одной семьи, не из 10—15 человек, а также не из 200—300 человек»². Сравнивая эти данные с материалами трипольских поселений, мы видим, что там количество жилищ во много раз больше, чем в Галичской стоянке, а площадь жилищ больше в 5—7 раз площади неолитических землянок. По-видимому, права Т. С. Пассек, говоря, что во Владимировке жило до 3 тыс. человек. Эти расчеты интересно сравнить с этнографическими материалами о величине родовых общин у охотничье-рыболовецких и земледельческих племен. По имеющимся данным, родовая «орда» тасманийцев не превышала 30—50 человек, «орда» австралийцев — 40—60, максимум 100 человек, род андаманцев — 60—90 человек. У земледельцев же индейцев Пуэбло в одном родовом поселке жило от 200—300 до 2—3 тыс. человек³.

Причина этих различий лежит, очевидно, в том, что рыболовецки-охотничье хозяйство не в состоянии обеспечить существование в одном месте более значительного коллектива, чем 50—100 человек, а земледельческое хозяйство может прокормить значительно большее число населения. С другой стороны, земледельческое хозяйство требует большого числа рабочих рук для обработки земли, тогда как рыболовецки-охотничье хозяйство вполне обходится небольшим числом рабочих рук. В этой связи большая площадь палеолитических поселений становится понятной, ибо охота на крупных стадных животных в большей степени обеспечивала существование общины, чем рыболовство и охота на мелких нестадных животных в неолите. В то же время загонная охота на мамонтов и других крупных животных требовала большего числа участников, чем охота и рыболовство в неолите.

То, что мы знаем об охоте тасманийцев и австралийцев, говорит о принципиальном отличии этой «неолитической» охоты от охоты в палеолите. Число взрослых охотников в «орде» австралийцев только 8—12. Примерно такие же цифры дает описание двух «орд» тасманийцев путешественником XVIII в.: одна «орда» насчитывала 42 человека, и в ней было 7 мужчин-охотников, другая состояла из 48 человек, и в ней было 10 охотников⁴. При этом охотники, при переходах «орд» двигавшиеся впереди всей «орды», часто разделялись и охотились группами по 2—3 человека, чтобы полнее использовать охотничьи возможности района. Охота носила, следовательно, почти индивидуальный характер.

Но такая организация для охоты на кенгуру и опоссума совершенно не годна для охоты на мамонтов, бизонов и других крупных животных. Не

¹ В. И. Равдоникас. История первобытного общества, т. II, Л., 1947, стр. 183, 207.

² П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 110, 112.

³ Г. Кунов. Всеобщая история хозяйства, т. I, М.—Л., 1929, стр. 24, 29, 86, 182.

⁴ А. Б. Пиотровский. Тасманийцы. СЭ, 1933, № 3—4, стр. 172.

только 2—3, но и 8—12 охотников при этом не смогут добиться успеха — нужен больший коллектив. Очевидно, численность общины охотников в неолите уменьшилась по сравнению с палеолитом.

О больших размерах палеолитических общин говорят и данные о верхнепалеолитических жилищах. Жилища, изученные П. П. Ефименко и А. Н. Рогачевым на стоянках Костенки I и IV, имели очень большие размеры. Так, одно жилище в Костенках IV имело в длину 34 м и в ширину 5,3 м, причем по оси жилища шла линия из 10 костров, существовавших, по-видимому, одновременно¹. В этом жилище могло жить не менее 50 человек, а на каждой стоянке было несколько таких жилищ: в Костенках I не менее трех, в Костенках IV — не менее двух.

С приведенными данными хорошо согласуются и результаты расчета И. Г. Пидопличко, пытавшегося определить численность охотников, участвовавших в загоне стада бизонов близ Амвросиевской стоянки. Он пишет: «На основании изучения костяных и кремневых оснащений копий установлено, что в зубров было брошено 35 копий с костяными наконечниками и примерно 271 копьё с кремневым оснащением. Если предположить, что в руках одного охотника могло быть не более 4 копий (одно в правой руке и 3 в левой — в запасе), то число копьёметальщиков, участвовавших в охоте, было не меньше 76, а кроме того, были еще загонщики»². Итак, все говорит о большой численности палеолитической общины. Значение этого факта для решения вопроса о происхождении племени будет видно из дальнейшего изложения.

Вторая группа фактов, представляющая интерес для решения этого вопроса, — данные о локальных различиях в культуре верхнепалеолитического человечества. С. Н. Замятнин убедительно показал, что в палеолите мы нигде не можем выделить узколокальные культуры, объединяющие группу стоянок, расположенных в одном районе и имеющих много общих черт в инвентаре. Такие культуры, принадлежавшие, по-видимому, древним племенам, типичны для неолита. В палеолите же на территории почти всего Старого Света можно выделить всего лишь три зоны со сходным в общих чертах (но не в деталях) инвентарем. Огромные размеры территорий, занятых этими зонами, говорят против того, чтобы видеть в них отражение каких-либо этнических или социальных групп людей³.

С другой стороны, на небольших территориях мы встречаем верхнепалеолитические стоянки с далеко неоднородным по облику инвентарем, которые нельзя объединить в одну культуру. Примером могут служить многочисленные стоянки Костенковского района на Дону, частично многослойные. Облик культуры каждой из стоянок, а часто и каждого из слоев, настолько своеобразен, что невозможно выделить среди них какие-либо группы. Можно говорить лишь об этнографических особенностях культуры каждой стоянки (очевидно, каждой родовой общины), на чем справедливо акцентирует внимание А. Н. Рогачев⁴.

Из этого можно заключить, что большие коллективы палеолитических охотников были замкнутыми и не объединялись в племена, в связи с чем в палеолите прослеживаются различия в культуре между отдельными стоянками, но не выделяются этнические племенные культуры.

Очерченная картина социального строя первобытных общин типична для эпохи до позднего мадлена (по старой западноевропейской классификации). С этого периода отмечаются изменения в жизни охотничьих общин, получившие затем развитие в мезолитическое время.

¹ А. Н. Рогачев. Палеолитическое поселение Костенки IV. КСИИМК, вып. IV. М.—Л., 1940, стр. 36—37.

² И. Г. Пидопличко. Ук. соч., стр. 66.

³ С. Н. Замятнин. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. Труды Института этнографии, т. XVI, М., 1951.

⁴ А. Н. Рогачев. Некоторые вопросы хронологии верхнего палеолита, СА, XVII, М., 1953.

Прежде всего устанавливается, что крупные стадные травоядные, на которых охотился палеолитический человек в эпоху солютре и начала мадлена, к концу ледникового периода начали встречаться все реже и реже. Они вымирали под влиянием изменения климата и в результате истребительных загонных охот. В стоянках конца мадленской эпохи кости мамонта встречаются в незначительном количестве, а костей носорога нет совсем.

Это не могло не отразиться на хозяйстве первобытных охотников, столкнувшихся с оскудением фауны. Они уже не могли долго жить на одном месте, выгодном для загонной охоты, где при удачном загоне стада мамонтов можно было безбедно прожить длительное время, а были вынуждены бродить в поисках добычи. Вместо поселений с мощным культурным слоем с обширными скоплениями костей мамонтов появляются стоянки с тонкими линзами культурного слоя и со скудными фаунистическими остатками. Так, на стоянке Журавка найдены следующие остатки фауны: сурок — 18 особей, рыжий суслик — 1, бык — 1, олень — 1, кабан — 1, волк — 1, остатков крупных млекопитающих, следовательно, почти нет¹. Характер находок на поселениях типа Журавки говорит о недолговременном обитании на стоянках.

Это изменение хозяйства палеолитического человека не было лишь результатом изменения климата и фауны. В значительной мере оно было обусловлено развитием производительных сил в конце мадленского времени. Совершенствование метательного оружия: появление копьеметалки, метательных стрел, подготовивших появление лука, позволило первобытному человеку охотиться не только за неповоротливыми крупными животными, но и за мелкими быстроногими зверями, ранее ему недоступными.

Переход от прочной оседлости к бродячей охоте проявился и в исчезновении больших общинных домов. В позднемадленских и мезолитических стоянках остатки жилищ удается проследить лишь в редких случаях, так как это были очень легкие небольшие постройки. Следы таких жилищ типа шалашей прослежены по обкладке их оснований камнями в ряде мезолитических стоянок Прибалтики². Наряду с шалашами существовали и землянки, но очень небольшие «жилые ямы», а не длинные дома с десятком очагов, как в Костенках. Такова землянка мезолитической стоянки Елин Бор на Оке³.

Для стоянок времени позднего мадлена и мезолита характерной становится также многослойность, отражающая периодические возвращения на одно место группы бродячих охотников. Примером могут служить стоянка Боршево II на Дону с тремя культурными слоями, Владимировка в бассейне Южного Буга с семью культурными слоями, стоянки Днепровских порогов (три горизонта в Кайтровской балке, восемь слоев в Дубовой балке, не менее восьми слоев в балке Осокоровке и десять слоев в Ямбурге).

Оскудение охотничьей добычи усилило роль собирательства. Свидетельством этого являются раковинные кучи мезолитического времени, ямки, заполненные раковинами моллюсков в мезолитических стоянках Крыма и т. д. В ряде крымских стоянок немало и костей рыб. Но охота сохраняла ведущую роль в хозяйстве мезолита, а рыболовство еще не имело столь большого значения, как в неолите. Об этом свидетельствует топография мезолитических стоянок. Стоянки Яйлы в Крыму располо-

¹ В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. Тр. Инст. геол. наук АН СССР, вып. 64, М.—Л., 1948, стр. 102.

² A. Rust. Préhistoire du Nord-Ouest de l'Europe à la fin des temps glaciaires. L'Anthropologie, № 3—4, Paris, 1951.

³ М. В. Воеводский и П. И. Борисковский. Стоянка Елин Бор. СА. III, М.—Л., 1937, рис. 3—4.

жены вдали от водоемов с рыбой, а стоянки Смячка XIV, Песочный Ров на Десне, Гремячее на Оке и ряд стоянок Белоруссии находятся на террасах, а не в пойме, как рыболовецкие неолитические стоянки. Расположение этих поселений по отношению к реке еще повторяет топографию стоянок эпохи палеолита.

Изменения в хозяйстве первобытных людей на грани палеолита и мезолита ни в коем случае нельзя рассматривать как регрессивные, что нередко находим в литературе. Достаточно вспомнить, что в мезолите появляются лук и стрелы, развивается высокосовершенная вкладышевая техника, появляется домашняя собака, чтобы понять, что мезолит — это шаг вперед в развитии производительных сил. Переход от загонной охоты, успех которой в малой степени зависел от качества оружия, к охоте на мелких животных, носившей фактически индивидуальный характер, привел к быстрому развитию метательного вооружения. Лук и стрелы интенсифицировали охоту, сделали охотничью добычу более обеспеченной. Палеолитической специализованной загонной охоте был положен предел; в мезолите человек перешел к более разнообразным видам добычи пищи: охоте с луком на мелких животных, собирательству, рыболовству. В неолите высокое развитие рыбной ловли приводит в ряде районов к преобладанию ее значения над ролью охоты, а кое-где собирательство злаков переходит в примитивное земледелие. Наличие домашней собаки предвещало широкое одомашнение животных в неолитическое время.

Таким образом, изменения в хозяйстве человека на грани палеолита и мезолита имели прогрессивный характер. Естественно, что они должны были отразиться и на истории общества.

Крупные общины охотников в новых условиях должны были измениться. Прокормить крупный коллектив при исчезновении стадных животных стало трудно, а самое существование его не было оправдано, поскольку охота на мелких, большей частью нестатных животных не требовала большого числа участников, как загонная охота на мамонтов. Эти обстоятельства, по-видимому, привели к дроблению общин на более мелкие, о чем говорит площадь стоянок. Все мезолитические поселения в сравнении со стоянками палеолита очень невелики. Площадь стоянки Гремячее 200—300 кв. м¹, стоянки Борки — 60 кв. м², Елина Бора — 2500 кв. м³, Покровщины — 32 кв. м, Песочного Рва — 4 тыс. кв. м. Последняя стоянка, расположенная на месторождении кремня, была долговременной стоянкой-мастерской, и то, что ее площадь близка к площади неолитических стоянок, особенно показательно. По-видимому, численность мезолитических и неолитических общин была близка друг к другу, а отмеченное нами изменение численности первобытных общин в каменном веке произошло именно на грани палеолита и мезолита.

Аналогом мезолитических общин гораздо в большей степени, чем палеолитических, являются охарактеризованные выше родовые общины австралийцев и тасманийцев. У них мужчины (8—12 человек) охотились на мелких животных, переходя вместе со всем родом с места на место, а женщины собирали грибы, птичьи яйца и моллюсков. Раковинные кучи Тасмании и Австралии, сходные с мезолитическими кьеккенмеддингами Европы, являются показателем периодического возвращения общин на одно место. Численность этих общин невелика: у тасманийцев 30—50, у австралийцев — 40—100 человек. По-видимому, столь же немногочисленны были и общины бродячих охотников и собирателей времени мезолита.

Дробление крупных родовых общин на более мелкие группы должно было естественно привести к тому, что в одном районе стало жить больше общин, чем это было в палеолите. Вероятно, эти мелкие общины, воз-

¹ М. В. Воеводский. Стоянка Гремячее. МИА, № 2, М.—Л., 1945, стр. 142—144.

² В. И. Зубков. Новые сборы на Борковской мезолитической стоянке. КСИИМК, XXXII, М.—Л., 1950.

³ М. В. Воеводский и П. И. Борисковский. Ук. соч., стр. 80.

никшие путем раздробления крупных, поддерживали между собой былые связи. Они могли проводить совместно, время от времени, облавные охоты на лосей или оленей, подобно тому как иногда объединяется несколько родовых групп австралийцев для охоты на эму. Вероятно встречались общины и для общих культовых церемоний, возникших еще в палеолите у крупных общин. Все эти обстоятельства могли послужить основой возникновения племен.

Рис. 1. Мезолитические стоянки СССР

1 — памятники Крымской культуры, 2 — памятники Днепровской (порожской) культуры, 3 — памятники Донецкой культуры, 4 — памятники Деснинской культуры, 5 — памятники Волго-Осской культуры, 6 — памятники Свндерской культуры, 7 — отдельные памятники со своеобразным инвентарем

Связанные между собой разнообразными узлами, общины мезолитического человека были, конечно, еще очень далеки от племен эпохи развитого родового строя, вроде племен североамериканских индейцев. Они, вероятно, больше напоминали племена австралийцев, редко выступающие как единое целое в хозяйственных или политических предприятиях, но представлявшие собой определенное единство в этническом отношении. По определению этнографов, племена австралийцев находятся в «стадии становления»¹. Этническое единство группы общин служило основой сложения у них сходства в ряде элементов материальной культуры.

Подтверждением этих предположений является очень существенный факт — возникновение в мезолитическую эпоху ряда локальных культур, объединяющих группу расположенных в одном районе стоянок со сходным производственным инвентарем. Впервые на этот факт указал М. В. Воеводский в сводке по мезолиту Восточной Европы (1948)². Впослед-

¹ М. О. Косвен. Об историческом соотношении рода и племени. СЭ. 1951, № 2, М.—Л., стр. 186.

² М. В. Воеводский. Мезолитические культуры Восточной Европы. КСИИМК, вып. XXXI, М.—Л., 1950, стр. 96—119.

ствии работа по изучению локальных вариантов культуры эпохи мезолита продолжалась, и ряд выводов М. В. Воеводского был уточнен¹.

В результате исследований советских археологов на территории европейской части СССР выделен ряд мезолитических культур, каждая из которых имеет характерные лишь для нее типы орудий или сочетания типов орудий. Так, для Крымской мезолитической культуры характерны сегментовидные геометрические орудия, для Деснинской — треугольные, а также грубые скребла из нуклеусов. Для волго-окских мезолитических стоянок обычны наконечники стрел в виде ивового листа, а геометрических орудий на них совсем нет и т. д. Известным итогом этой работы по выделению мезолитических культур является публикуемая карта (рис. 1), на которой можно видеть концентрацию стоянок с одним обликом культуры в определенных районах.

Отличия мезолитических памятников разных районов не связаны с различиями естественно-географической среды, или разницей в хозяйстве населения. Так, в междуречье Сож — Ока расположены в сходных природных условиях памятники трех культур — Свидерской, Деснинской и Волго-Окской, достаточно резко отличающихся друг от друга. Население, жившее в этом лесном районе, имело одинаковое по типу охотничье хозяйство. По-видимому, различия между мезолитическими культурами имеют этнический характер, и в сложении этих культур отражено расселение по сопредельным районам родственных общин, возникших при дроблении крупных общин более раннего времени.

Итак, в мезолите мы впервые видим концентрацию стоянок со сходным инвентарем в определенных районах, ту мозаику археологических культур, с которой мы встречаемся в дальнейшем в неолите. В последней, по общему мнению, отражено древнее племенное группирование населения².

Таким образом, определенная сумма фактов позволяет говорить о том, что сложение племен относится к мезолитическому времени и связано с изменениями в хозяйстве первобытного человека. Археологически это явление отражается в возникновении узко локальных вариантов культуры того типа, какой неизвестен в более раннее время, а для более поздних эпох связывается с племенем. Интересно, что площади ряда мезолитических культур (Крымской, Деснинской и других) близки к размерам племенных территорий у австралийцев (аранда, вирадьюри)³.

¹ А. А. Формозов. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР. СА, XXI, М., 1954, стр. 38—51.

² См. об этом в ук. соч. М. Е. Фосс и А. Я. Брюсова.

³ А. Элькин. Коренное население Австралии, М., 1952, стр. 38—39.

П. П. ЕФИМЕНКО

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ А. А. ФОРМОЗОВА «О ВРЕМЕНИ И ИСТОРИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ СЛОЖЕНИЯ ПЛЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ»

Свою статью автор начинает с весьма ответственного утверждения (ссылаясь на некоторые работы советских этнографов) о необходимости пересмотра «традиционного» мнения об одновременности появления рода и племени в истории первобытного общества. Такое положение является в сущности краеугольным камнем для всех его дальнейших построений.

Действительно, если, как полагает А. А. Формозов, можно считать доказанным, что появление племени в ходе развития первобытного общества отделено более или менее значительным историческим интервалом от эпохи, когда завершается оформление родовой организации (последнее, как известно, приурочивается советскими исследователями к началу позднего палеолита), вывод отсюда ясен: вполне естественно, что зарождение племенной структуры первобытного общества надо пытаться связать со следующим большим историко-археологическим периодом — эпохой мезолита.

Однако можно ли считать эту важнейшую проблему — проблему исторического взаимоотношения родового и племенного строя — уже вполне разъясненной и разрешенной, к тому же целиком в отрицательном смысле и в столь категорической форме, как это полагает А. А. Формозов? Такой вопрос, очевидно, неизбежно возникнет у каждого сколь-нибудь осведомленного читателя, но он, к сожалению, тщетно будет искать в этой статье основание, которое могло бы хоть в какой-то мере поколебать доводы в пользу внутренней связанности, своего рода исторического единства общественных категорий рода и племени, которым руководствуется, например, Энгельс в своей знаменитой характеристике общества ирокезов.

К чему, собственно, сводятся доводы А. А. Формозова? Он ссылается на две группы фактов: общественную организацию австралийцев и данные финно-угорской лингвистики. В. В. Гудкова-Сенкевич в работе¹, на которую ссылается А. А. Формозов, очевидно, вполне правомерно опираясь на данные финно-угорского языкознания, говорит о неолите как о той эпохе, к которой могут быть отнесены интересующие А. А. Формозова явления (но отнюдь не о мезолите, тем более не о палеолите).

Нужно сказать, что при всем желании трудно представить, каким образом содержание интересной статьи В. В. Гудковой-Сенкевич может быть увязано с проблемой родоплеменной организации первобытного общества в эпоху за 30—40 тысяч лет, если не больше, до нашего времени, к которой обычно относят начало позднего палеолита.

Ничего об этом не говорится и в статье Н. А. Бутинова, который и не пытается, исходя из лингвистических и этнографических материалов по

¹ В. В. Гудкова-Сенкевич. К проблеме происхождения родственных групп и семей языков. СЭ, 1951, № 2, стр. 187—194.

австралийцам, ставить такие большие общие вопросы, как происхождение племени и отношение его к роду. Это и понятно уже потому, что предки австралийцев, проникшие некогда на материк Австралии морским путем, в прошлом должны были, очевидно, вести совершенно иной образ жизни и, возможно, в XVIII—XIX вв. находились уже в состоянии известной длительной деградации культуры.

К сожалению, А. А. Формозов считает возможным обойти молчанием третью, на наш взгляд, основную статью на данную тему в том же номере «Советской этнографии» — статью М. О. Косвена¹. В этой статье М. О. Косвен со всей решительностью выступает против попыток разрыва той органической связи, которая в представлении большинства советских ученых объединяет род и племя, как две стороны одного и того же исторического явления.

Добавим еще, что С. П. Толстов, автор известной теории «первобытной лингвистической непрерывности», которую он противопоставляет «теории праязыка», особо подчеркивает, что его концепция является лишь рабочей гипотезой, требующей всесторонней проверки.

На всем этом нам пришлось остановиться главным образом для того, чтобы у читателя не могло сложиться впечатление, что данная проблема уже окончательно решена советской исторической наукой в том плане, в каком ее освещает автор.

Но те или иные предварительные выводы автора статьи — правильные или неправильные — не меняют сущности задачи, которая встает перед исследователем, желающим подойти к намеченной выше проблеме, основываясь на фактах археологии, на археологических материалах.

В постановке самой проблемы автор исходит, очевидно, из принципиально правильного положения, что возникновение племенной организации может и должно быть поставлено в археологических источниках в прямую и непосредственную связь прежде всего с тем, что носит название «археологической культуры» — в более узком смысле этого термина, иными словами, с появлением на каком-то этапе исторического процесса определенных археологических общностей, которым на соседних территориях в эту же эпоху может быть противопоставлено большее или меньшее число иных общностей подобного типа.

Главная цель А. А. Формозова — по возможности проследить, когда именно это происходит, т. е. когда в действительности уже можно говорить о появлении «археологической культуры»: в позднем палеолите, мезолите или неолите.

Автор, конечно, прав в том, что самый вопрос о родовой или племенной организации первобытного общества вообще нельзя рассматривать в отрыве от строя хозяйства, в нормальных исторических условиях весьма различного для каждой из интересующих нас эпох.

Когда же все-таки, в какую эпоху известные нам факты дают основание думать о появлении уже вполне сложившихся археологических «общностей», или, что то же, археологических культур?

Для А. А. Формозова, как можно видеть из его статьи, это эпоха, следующая за поздним палеолитом, эпоха мезолита.

Только с этого времени, т. е. с конца ледниковой эпохи, как полагает А. А. Формозов, прежние большие охотничьи родовые общины позднего палеолита, жившие каждой своей вполне обособленной, замкнутой хозяйственной жизнью, начинают, в связи с исчезновением крупных стадных животных и изменением характера охоты, распадаться на сравнительно мелкие родовые коллективы. Такие группы, подобные родовым общинам австралийцев и тасманийцев, кочующие в пределах ограниченных территорий, впервые, по мнению А. А. Формозова, выступают в археологи-

¹ М. О. Косвен. Об историческом соотношении рода и племени. СЭ, 1951, № 2, стр. 182—186.

ческих памятниках в виде этнических и территориальных «общностей», образуя определенные племена или, может быть, целые группы племен.

В эпоху же собственно позднего палеолита «большие коллективы палеолитических охотников были замкнутыми и не объединялись в племена» и, как ранее говорит автор, «на небольших территориях мы встречаем верхнепалеолитические стоянки с далеко не однородным по облику инвентарем, которые нельзя объединить в одну культуру» (стр. 17).

Таковы основные положения статьи.

Не будем останавливаться на вопросе о размерах позднепалеолитических поселений, которые, по утверждению автора, якобы занимают иногда огромные площади.

Вопрос этот особый и нелегко разрешимый при современном состоянии наших знаний.

В свете наблюдений, особенно наблюдений последних лет, ясно, что подобные огромные скопления культурных остатков образовывались в течение больших периодов времени. В ряде случаев здесь можно говорить даже о разных «культурах» позднего палеолита в пределах одного поселения (Костенки IV, Мезин и др.). Таким образом, не разобравшись детально в картине подобной стоянки, трудно строить серьезные выводы в отношении действительной численности обитавшей здесь родовой общины.

Но это, как отмечено выше, не снимает заключения А. А. Формозова о значительно больших размерах позднепалеолитических общин по сравнению, например, с мезолитом.

Гораздо важнее с точки зрения итоговых выводов автора другое его утверждение, цитированное выше, об отсутствии в позднем палеолите групп поселений с однохарактерной, однотипной культурой, которые можно было бы считать памятниками, принадлежащими какой-то этнической общности, т. е. рассматривать их как продукт широкой, племенной организации родовых общин.

Это утверждение А. А. Формозова мне не представляется достаточно обоснованным.

При огромных размерах территории СССР памятники позднего палеолита у нас, к сожалению, исследованы пока слишком недостаточно, чтобы можно было составить полное представление о них с той точки зрения, которая в данном случае нас сейчас интересует.

Однако уже и теперь можно утверждать, что по крайней мере в определенные эпохи позднего палеолита, например в позднем солютре, культура ряда известных нам поселений обнаруживает замечательную близость. Костенки I и Авдеево с их сложными жилищами, многообразным инвентарем из камня и кости, замечательным искусством и т. п. буквально копируют друг друга.

Это можно сказать и о памятниках той же эпохи в Чехии и Моравии типа Дольных Вестониц, Павлова и других. Последние, кстати сказать, обнаруживают необыкновенное сходство с нашими памятниками этого времени, притом в таких сторонах и деталях культуры, где объяснить это простым совпадением представляется абсолютно невозможным.

Отсюда можно сделать, мне кажется, следующий вывод: нельзя сомневаться, что уже само возникновение родовой общины, как экзогамной ячейки первобытного общества (чем она, собственно, и отличается от своей предшественницы — кровнородственной орды неандертальцев), предполагает наличие каких-то взаимных связей между отдельными подобными ячейками.

Это уже племенная организация, хотя, конечно, в ее самом зачаточном, еще целиком эмбриональном состоянии. В последующем она развивается, но первоначально, в условиях позднего палеолита, видимо, далеко не одинаково у различных групп первобытного населения нашего и соседних материков. В одних условиях, приобретая значение и характер реаль-

ной, прежде всего хозяйственной связи родовых общин, она приводит к появлению чего-то довольно близкого к нашим представлениям о племенной организации. В других — она долго сохраняет лишь зачаточный характер.

Таким образом, на племя, племенную организацию первобытного общества, время и условия ее возникновения, как мне кажется, следует смотреть диалектически. Она, несомненно, возникает в самых первичных ее формах еще в позднем палеолите, вместе с родовой общиной, но в данную эпоху дает чрезвычайно пеструю картину, в деталях которой нам предстоит еще разобраться.

Что же можно сказать в целом о статье А. А. Формозова?

Я полагаю, что при всех условиях она ставит много интересных вопросов. Однако следует учесть и интересы читателя. Нельзя на основании отдельных высказываний авторов-этнографов считать уже окончательно решенными некоторые важнейшие вопросы, касающиеся тех отдаленных эпох первобытной истории, с которыми имеет дело археолог.

А. П. ОКЛАДНИКОВ

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПЛЕМЕН СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ

(К вопросу о происхождении самодийских племен)

Для древней истории Северной Азии одним из наиболее интересных и важных районов Сибири является долина р. Енисея вблизи Красноярска. На этот район обратили внимание еще первые исследователи Сибири в XVIII в. И. Гмелин и Мессершмидт, которые отмечали, что к востоку от Енисея начинается новый во всех отношениях мир: обнаруживается иная природа, живут другие люди, господствуют иные обычаи. Не менее важно и то обстоятельство, что вдоль р. Енисея, одной из крупнейших водных артерий Азии, пролегает самый удобный естественный путь, который ведет из глубинных таежных областей Сибири в ее степные районы и на юг, в Центральную Азию. По этому пути могли проникать с юга на север и обратно культурные влияния; по этой магистральной линии могли скорее всего осуществляться культурные связи. Здесь должны были, очевидно, с древнейших времен обитать различные по культуре и происхождению племена.

Срединное положение Приенисейского края в Сибири определяет большое значение его археологических памятников для разрешения ряда важных вопросов истории древнего населения всех соседних с ним областей, особенно лесных.

Нас в данном случае интересуют памятники неолита Приенисейского края. Хотя памятники эти стали известны в науке уже давно, общая картина приенисейского неолита остается и сейчас еще очень неясной. Неясны и противоречивы, прежде всего, взгляды исследователей на датировку памятников приенисейского неолита и отношение их к памятникам бронзового века как Среднего Енисея, так и соседних с ним областей.

До сих пор не рассмотрено критически, например, старое мнение о крайней отсталости приенисейских племен, наиболее четко сформулированное Г. Мерхартом. Последний в ряде своих работ утверждал, что лесные племена находились в первой половине I тысячелетия до н. э. еще на ступени расцвета культуры каменного века, когда в соседних степях уже возводились величественные курганы позднего бронзового века. А еще далее на востоке, в Прибайкалье, неолитическая культура, по его мнению, продолжала существовать и в то время, когда в соседних областях расцветала культура железного века¹.

Положение это отразилось и на взглядах местных исследователей. Из исследователей Прибайкалья наиболее последовательно его излагал в своих работах проф. Б. Э. Петри². Что касается Приенисейского края, то

¹ G. Merhart. Neuere Literatur über die Steinzeit Sibiriens. Wiener Prähist. Zeitschrift. XI, fasc. 2, 1924; его же. Sibiriens. Neolithikum. Reallexikon d. Vorgeschichte, XII; его же. Bronzezeit am Jenissei. Wien, 1926.

² Б. Э. Петри. Далекое прошлое Прибайкалья (Научно-популярный очерк). Иркутск, 1928; его же. Сибирский неолит. Иркутск, 1926; А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I—II. МИА, № 18, 1950, стр. 121.

в 1929 г. В. Г. Карцов, автор единственной по полноте сводки археологических материалов Красноярского края, писал, что положение красноярской культурной области в отношении темпов культурного развития и интенсивности культурных связей было много хуже, чем соседней Минусинской котловины. «Находясь значительно севернее, отстоя совершенно в стороне от мировых артерий культуры, затерявшись среди гор и лесов, она являлась как бы отрезанной, а отсюда должна была быть и более отсталой, воспринимая новинки мировой культуры, если можно так выразиться, уже из вторых рук»¹. Поэтому наиболее ранний, как он думал, памятник неолитического облика — стоянку на Ермолаевском городище, судя по штрихованной внутренней поверхности найденных там сосудов, по расположенному поясами гусеничному орнаменту и по остродонности этих сосудов, он склонен был датировать афанасьевским временем. Второй наиболее ранний, по его мнению, после Ермолаевской стоянки памятник неолитического облика на Енисее у Красноярска — нижний слой Усть-Собакинского поселения — по находке медного кольца и сосуда, близкого к карасукской керамике Минусинского края, он относит к карасуцкому времени².

В целом это был, конечно, большой шаг вперед по сравнению со взглядами Мерхарта, поскольку здесь были приняты во внимание результаты исследований С. А. Теплоухова, выделившего ранние этапы бронзового века для Минусинской котловины. Но все же получалось так, что весь неолит Красноярского края был пережиточным и совпадал по времени с бронзовым веком Минусинского края, начиная с афанасьевского этапа и кончая карасуцким, если не позже. Этот вывод находился в полном соответствии с предположением об изолированности, а следовательно, и значительной культурной отсталости населения долины Среднего Енисея в древности. В пользу такого вывода, казалось, свидетельствовала и находка медного кельта (как показал позже М. П. Грязнов, карасуцкого типа) при одном из костяков, обнаруженных И. Т. Савенковым в д. Базаихе вместе с другими костяками, при которых оказались вещи неолитических форм.

Но при такой постановке проблемы оставалось непонятным, прежде всего то, что между самым поздним палеолитом, таким же, как в Минусинском крае, и карасуцким временем в долине Среднего Енисея, изученной в археологическом отношении по тем временам очень хорошо, оставался все же ничем не заполненный культурно-хронологический разрыв.

Следует особо отметить, что уже в то время, почти тридцать лет назад, В. Г. Карцов справедливо констатировал, что для более полного понимания красноярских памятников неолитического облика важное значение имеют связи оставивших их племен не только с населением степей, но и с племенами соседних лесных областей Восточной Сибири, а также, очевидно, и Западной Сибири. Он писал по этому поводу в своей весьма тщательно выполненной сводке материалов по археологии Красноярского края, что красноярская культура неолита многими своими корнями связана и с «байкало-ангарской культурной провинцией». Эти «специфически ангарские типы орудий» на Среднем Енисее, по его словам, «может быть, могли бы послужить датой для определения времени существования (приенисейской.— А. О.) культуры». Он тут же, впрочем, с сожалением писал, что и сама ангарская культура в то время оставалась «бездатной»³.

В настоящее время ангарская, или, вернее, байкальская культура неолита изучена много полнее и расчленяется на ряд хронологических комплексов. Мы можем, следовательно, снова вернуться к этому старому

¹ В. Г. Карцов. Материалы к археологии Красноярского района. Гос. музей Приенисейского края. Описание коллекций и материалов музея. Отдел археологический. Красноярск, 1929, стр. 1.

² Там же, стр. 26.

³ Там же.

вопросу, с тем чтобы попытаться путем сравнения неолитических находок разных стадий на Ангаре и на Среднем Енисее установить конкретные связи населения этих двух областей. На этом основании можно будет глубже разобраться и в вопросах датировки неолита Среднего Енисея. А это, в свою очередь, поможет разрешению вопроса об отношениях неолита лесной полосы Сибири с бронзовым веком соседних степей и с другими неолитическими культурами.

Прежде всего следует констатировать тот бесспорный факт, что среди местных неолитических находок обнаруживаются вещи, бесспорно, ангарского или, точнее, прибайкальского облика и происхождения, и при этом довольно ранние. Это отмечали как В. Г. Карцов, так и С. В. Киселев. Последний в своей обобщающей монографии «Древняя история Южной Сибири» ссылается на каменные изображения рыб в долине Енисея, в том числе в Базаихе, полагая, что эти изображения, а также находимые вместе с ними другие вещи неолитических форм позволяют предположить наличие на Енисее неолитической стадии, близкой к серовской на Ангаре. Он допускает также (на основе распространения каменных изображений рыб) наличие неолитических памятников, близких к серовским, еще далее на западе, в Барабинской степи¹.

Каменные скульптурные изображения рыб, обнаруженные в количестве шести на Енисее, и на самом деле настолько близки к найденным на Ангаре, что их можно с одинаковым основанием считать как изготовленными по образцу ангарских, так и прямо доставленными с Ангары². Таковы изображения рыб с р. Караульной (отмечено Мессершмидтом), из Базаихи, с р. Сисима, у д. Лепешкиной, у д. Корековой и д. Бири.

Есть и другие изделия неолитических типов, найденные на Енисее, у Красноярска и выше, которые как по форме, так и по самому материалу, из которого они изготовлены, сразу же обнаруживают свое прибайкальское происхождение. Таковы, прежде всего, изделия из зеленого нефрита или змеевика, ближайшие местонахождения которых имеются только в Саянских горах, неподалеку от Иркутска, в области истоков рр. Китоя и Белой. Впервые такие орудия были отмечены еще И. Т. Савенковым³. Они имеют весьма архаический облик и сближаются с изделиями серовских форм в Прибайкалье. Так, опубликованное И. Т. Савенковым плоское тесло из коллекций Минусинского музея, найденное у с. Караульный Острог, близко напоминает ряд тесел серовского времени из ангарских погребений⁴. Характерным в этом отношении является и тесло из зеленого змеевика, найденное у с. Бейского⁵.

Аналогичные находки зарегистрированы были и другими исследователями. Таково, например, нефритовое тесло, найденное в Базаихе, также сближающееся по форме с теслами серовского времени в Прибайкалье⁶.

Вместе с нефритовыми орудиями столь же характерны по своему материалу для ранних этапов прибайкальского неолита и орудия из кремнистого сланца темно-серого цвета с характерной для него глубокой голубоватой патиной. Месторождения такого сланца находятся в долине Ангары, в зоне ангарских траппов. Оттуда этот камень до широкого распространения нефрита (т. е. в серовское и отчасти китойское время) проникал вверх по Ангаре и на Лену. Очень выразительны для характеристики связей енисейского неолита с неолитом Прибайкалья орудия из такого сланца, найденные на известной обилием неолитических находок стоянке около с. Ладеек. Первое из них — небольшое тесло. В продольном сечении оно односторонне-выпуклое, с крутой спинкой и утолщенным обу-

¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 20—21.

² А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 244.

³ И. Т. Савенков. Каменный век в Минусинском крае. М., 1897.

⁴ И. Т. Савенков. Ук. соч., стр. 21—22, табл. XXIII, рис. 1.

⁵ Там же, стр. 23, рис. 153.

⁶ Красноярский музей, колл. 124—I.

шжом. В поперечном сечении оно имеет вид треугольника, напоминая этим тесла исаковского типа. С последними его сближает также и ретушь, сплошь покрывающая грани орудия в верхней его части; заполированы только лезвие и прилегающая к нему нижняя часть тесла (рис. 1, 1)¹.

Рис. 1.

1 — тесло из Ладейк; 2—6 — кремневые наконечники стрел из окрестностей Красноярска; 7—8 — вкладышевые лезвия из окрестностей Красноярска ($\frac{2}{3}$ нат. вел.)

Следующее такое изделие — типично серовский по материалу, форме и технике изготовления прямоугольный нож из голубовато-серого ангарского сланца².

Тесло серовского типа, происходящее из окрестностей с. Батени, опубликовано было также И. Т. Савенковым³.

Все эти предметы изготовлены были на Ангаре из местного сырья мастерами серовского времени или даже еще раньше, в конце исаковского культурного этапа, а затем попали на Средний Енисей.

¹ Красноярский музей, колл. 187—56 (Ладейки).

² МАЭ АН СССР, Археол. отдел, колл. 4083—3 (Ладейки).

³ И. Т. Савенков. Ук. соч., стр. 20, рис. 151.

На Енисее есть и другие изделия, которые ближайшим образом напоминают или, вернее, повторяют вещи из инвентаря неолитических поселений и погребений Прибайкалья, хотя, несомненно, изготовлены были на Енисее, а не на Ангаре и Лене. Сюда относятся наконечники стрел с асимметрично-вогнутым угловатым основанием в виде хвоста ласточки (рис. 1, 2, 3, 4)¹, наконечники с черешком, аналогичные широко распространенным

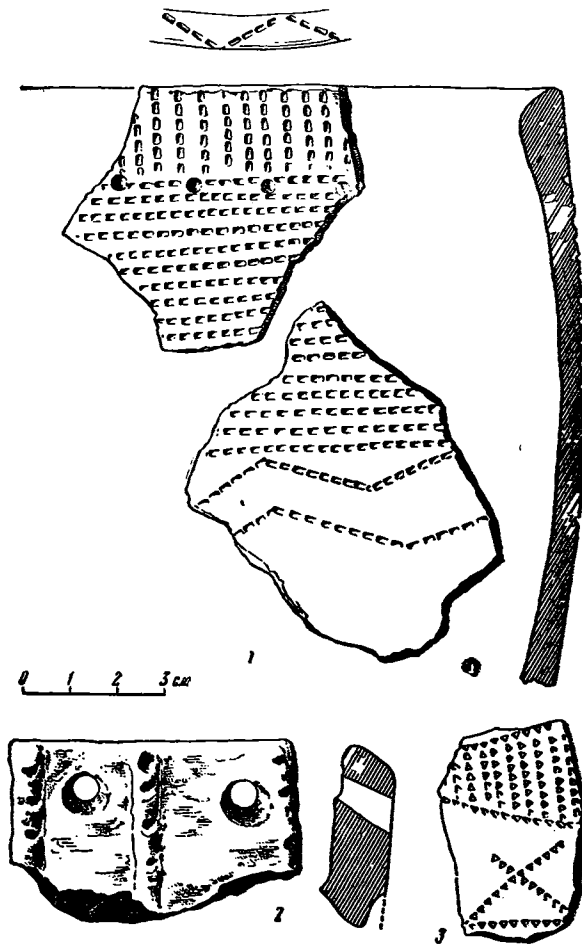

Рис. 2.

1, 3 — фрагменты сосудов из района Красноярска; 2 — напленное ушко от сосуда (из Няша).

на Ангаре в серовское время², двусторонне-ретушированные пластины, служившие лезвиями для вкладышевых кинжалов и наконечников копий, представленные как срединными пластинами прямоугольной формы, так и концевыми, удлиненно-треугольными (рис. 1, 7, 8)³. Есть также характерные асимметрично-треугольные ножи с клювовидным острием, служившие концевыми вкладышами⁴.

¹ Например, из собр. Красноярского музея, колл. 110—437; колл. 194—31; колл. 124—3, 6 (Базаиха); колл. 272—4; 16 (Ладейки); см. И. Т. Савенков. Ук. соч., стр. 37, рис. 165, 166, 167; В. Г. Карцов. Ук. соч., табл. II, рис. 20, 25.

² И. Т. Савенков. Ук. соч., стр. 42, рис. 181; В. Г. Карцов. Ук. соч., табл. II, рис. 29.

³ Красноярский музей, колл. 194—26, 29 (Базаиха). См. В. Г. Карцов. Ук. соч., табл. II, рис. 40.

⁴ Красноярский музей, колл. 122, 111—116.

Такие изделия, совершенно аналогичные прибайкальским, были найдены на Усть-Собакинской стоянке и на выдувах в Базаихе¹.

Еще важнее в этом отношении керамика. Каменные изделия, вроде тесел, долот, топоров, ножей из дорогих и редких пород камня, а также отчасти наконечники стрел могли распространяться из одних областей в другие вследствие обмена и других форм контакта между соседними племенами. Труднее это предполагать для таких хрупких, вообще неудобных для перевозки на значительные расстояния предметов домашнего обихода, какими являются тонкостенные и часто громоздкие глиняные сосуды.

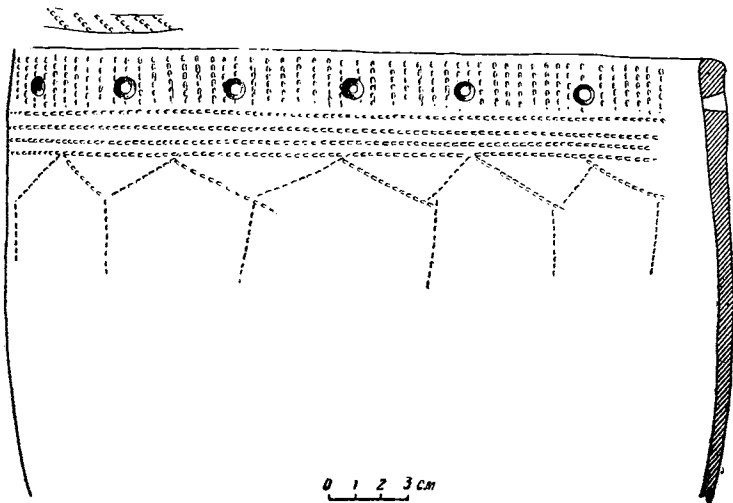

Рис. 3. Сосуд из Ладеек (реконструкция)

На Енисее, у Красноярска, в неолите обычными были сосуды с орнаментацией серовского типа, т. е. в виде опоясывающих сосуд длинных горизонтальных линий, иногда в сочетании с короткими вертикальными или наклонными линиями. Как и в Прибайкалье, эти узоры наносились «пунктирной гребенкой». Как правило, такой орнамент ограничивается только верхней частью сосуда, обрамляя его венчик, и точно так же, как и в Прибайкалье, он сочетается с пояском из ямок, часто сквозных, вдоль самого края венчика (рис. 2, 1)².

Довольно часто наблюдается усложнение простой архаической схемы, характерной для орнаментаки серовского времени, указывающее на позднесеровскую, по прибайкальским масштабам, дату. В ряде случаев мы видим здесь под обычной широкой полосой из горизонтальных и вертикальных линий еще одну, зигзагообразную линию, ограничивающую ее снизу³.

Иногда эта схема усложняется. Так, на опубликованном Г. Мерхартом (в реконструированном виде) сосуде из Ладеек сверху имеются короткие вертикальные линии, образованные отпечатками тонкого многозубчатого штампа. Эта полоса дополнена круглыми сквозными ямками. Ниже проходит второй орнаментальный пояс из четырех горизонтальных линий, vyplненных в той же технике. Под ним — зигзаг, из углов которого опускаются вниз прямые короткие линии (рис. 3)⁴. В других случаях под горизонтальными линиями видны как бы треугольники, свисающие вниз.

¹ Красноярский музей, колл. из Базаихи, № 148/1—VII.

² Например, из собр. Гос. музея антропологии при МГУ, колл. 16—3, 144 (Ладейки, сборы Г. П. Сосновского) и из Красноярского музея, колл. II—1 (Базаиха).

³ Красноярский музей, колл. II—1 (Базаиха). См., например, фрагмент, хотя и не очень выразительный, опубликованный В. Г. Карцовым (Ук. соч., табл. V, рис. 1, 4).

⁴ Reallexikon der Vorgeschichte. Т. XII, табл. 9 i. Красноярский музей, колл. 59—75.

(рис. 2, 3). В целом, во всех этих случаях налицо бесспорная серовская основа орнаментальной композиции.

Форма сосудов с такой специфически серовской орнаментацией тоже аналогичная форме серовских сосудов. Это или сосуды «митровидной»¹ формы, или так называемые полуяйцевидные².

Серовским временем могут быть со значительной долей вероятности датированы довольно обычные на неолитических поселениях в районе Красноярска налепные ушки от сосудов подвешного типа. Одни из них

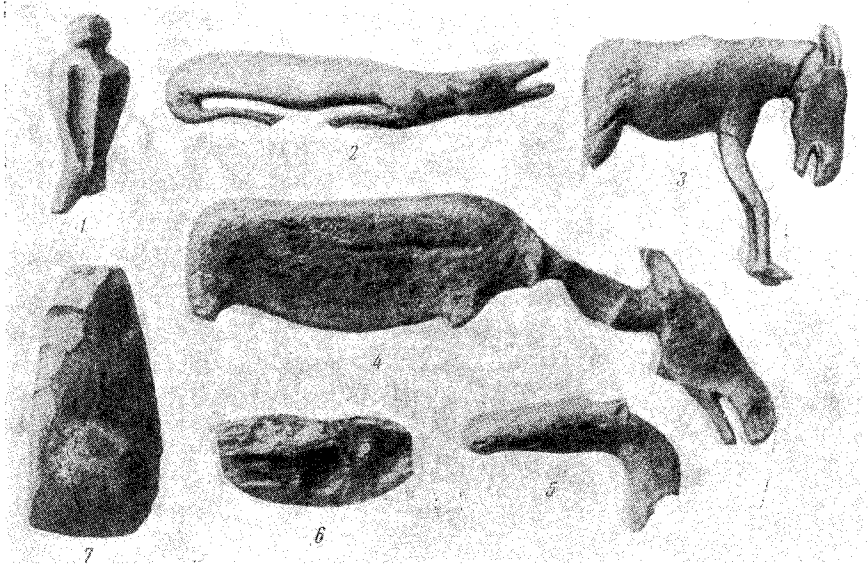

Рис. 4. Предметы из погребения в Базайхе

имеют форму плоских поперечных выступов прямоугольной формы с вертикальными отверстиями в них (обычно их два). Другие представляют собою округлые шишечки с поперечно расположенными горизонтальными отверстиями (рис. 2, 2)³.

Ближайшие аналогии неолиту Прибайкалья дают и материалы из неолитических погребений в районе Красноярска, начиная с Базайхи.

Самое яркое в инвентаре погребений, найденных в Базайхе, это скульптурные изображения лосей (рис. 4). Они вполне соответствуют по стилю и духу наскальным рисункам в долинах Ангары и Лены, скульптурным изображениям с о. Жилого в низовьях Ангары, а также обнаруженным в 1950 г., но еще не изданным находкам в могилах китайского времени в Циклодромовском могильнике. Кроме изображений лосей, следует остановиться и на других предметах, найденных И. Т. Савенковым в тех же самых неолитических могилах на дюнах Базайхи⁴. Найденное при скелете шестом шлифованное тесло (№ 1259—9) изготовлено из материала (светло-серый кремнистый сланец), бесспорно, происходящего с Ангары (рис. 5, 2). Форма тесла напоминает форму некоторых тесел, встречающихся на Ангаре в вещевых комплексах переходного времени — от серовского к китайскому этапам. Оно тоже небольшого размера, одно-

¹ А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 211, рис. 56.

² Там же, стр. 207, рис. 49.

³ Красноярский музей, колл. 110—243 (ниже устья р. Собакиной); колл. 179—67 (р. Собакина, траншея II, № 111—3); колл. 122—108 (Няша); колл. 194—68 (Базайха).

⁴ Вещи хранятся в МАЭ АН СССР, колл. № 1259—9.

сторонне-выпуклое (хотя и нерезко) в продольном сечении; не прямоугольное, как классические серовские вещи этого рода, а скорее, почти овальное в поперечнике, т. е. имеет округленные узкие грани.

Совершенно одинаково по материалу и еще ближе по форме к ангарским изделиям позднесеровского или раннекитойского времени второе тесловидное орудие из Базаихи (№ 1269—27) (рис. 5, 7)¹.

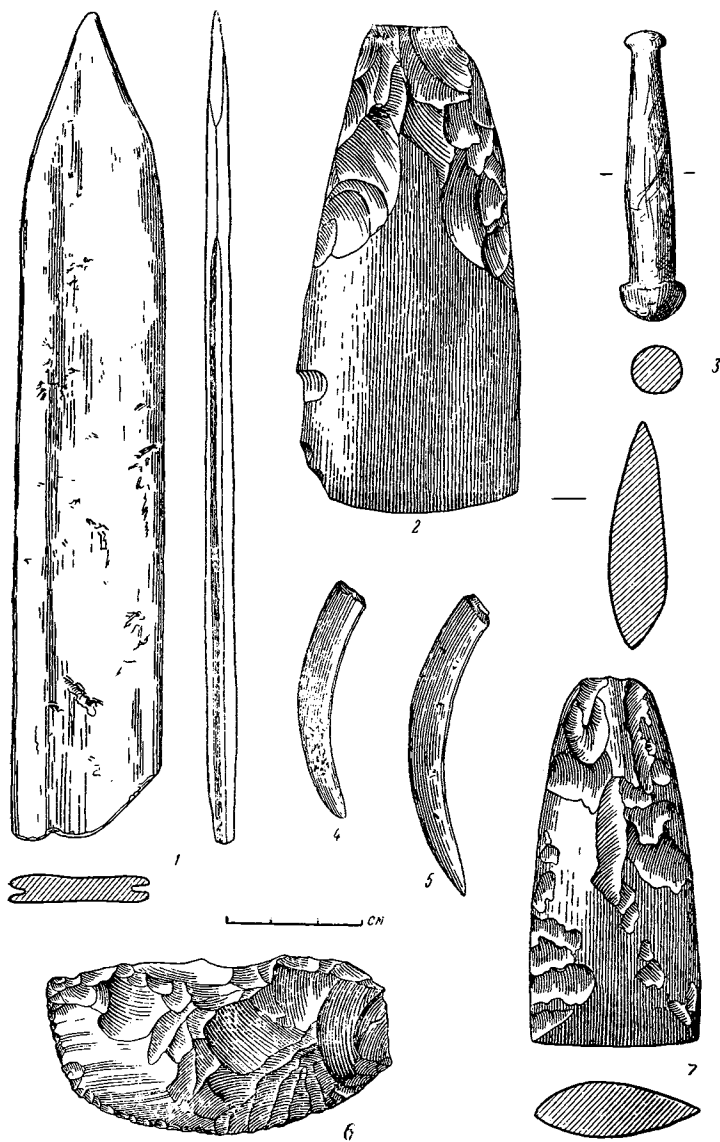

Рис. 5.

1, 2, 4—7 — предметы из погребения в Базаихе; 3 — каменный грузик китойского типа из Базаихи

Изделие из такого же серого ангарского сланца, зарегистрированное в описи МАЭ под № 1259—25 и найденное в том же погребении, представляет собою вариант обычного ножа серовского типа. Нож этот с затуплен-

¹ Тесло такого типа найдено было в окрестностях села Тесь на Тубе. Сюда же, по-видимому, можно отнести изделия из окрестностей д. Шунеры (см. И. Т. Савенков. Ук. соч., стр. 19, рис. 150; стр. 22, табл. XXIII, рис. 2).

ной спинкой, не отшлифованный, с выпуклым, а не вогнутым лезвием (рис. 5, 6) ¹.

Плоский костяной кинжал (№ 1259—16) с пазами для вкладных каменных лезвий, найденный в Базаихе при скелете четвертом, мог бы оказаться на Ангаре в любом серовском (а также китойском) захоронении (рис. 5, 1).

Кривые костяные острия (№№ 1259—20, 22, 24), найденные при скелете шестом, напоминающие по форме клык кабарги, полностью повторяют кривые острия для составных крючков, хорошо известные в Прибайкалье из погребений неолитического облика. Аналогичные изделия встречены на Лене и Селенге в инвентаре погребений серовского времени (рис. 5, 4, 5).

Очень интересно, что вместе с ними на Селенге (Фофаново) и на Лене (Верхоленский могильник) оказались своеобразные стерженьки с расширенной головкой в виде костыльков или гвоздиков со сквозным овальным отверстием сбоку. Это были прямые стерженьки для крючков, в которых и закреплялись их короткие острия. В таком виде, плотно соединенные друг с другом, эти части составных крючков найдены были мною в Верхоленском могильнике. Совершенно такой же стерженек обнаружен был И. Т. Савенковым вместе с отмеченными остриями в Базаихе.

Наличие своеобразного «серовского клина» на Среднем Енисее в доафанасьевское время может объясняться не только обменом, но и более глубокими связями енисейских племен с прибайкальскими.

Не исключено, что здесь имело место прямое распространение в это время на запад и далее вверх по Енисею, на юг, представителей определенной группы племен, родина которых находилась восточнее, в низовьях Ангары — от нынешнего с. Братска, выше ангарских порогов, и до с. Стрелки, т. е. до места слияния Ангары с Енисеем.

Во всяком случае, такое проникновение представителей ангарских племен на Енисей и связи их с населением среднеенисейского района должны были обогатиться единством хозяйственного уклада и культурного уровня на Ангаре и Енисее в неолитическое время. Об этом отчетливо свидетельствуют погребения, найденные в окрестностях Красноярска, ясно отражающие в своих материалах наличие одинакового охотничье-рыболовческого хозяйства и тот образ жизни, с которым мы знакомы по неолитическим памятникам Прибайкалья серовского времени.

Особенно интересно при этом отметить совпадение инвентаря этих погребений не только с инвентарем ангарских погребений серовского времени, но и с ленско-селенгинскими памятниками, выраженное в наличии обычных для последних составных крючков специфического типа.

Антропологические данные, относящиеся к этому времени на Енисее, не противоречат археологическим данным. Исследование черепов из погребений, раскопанных И. Т. Савенковым в Базаихе и В. С. Передольским в районе Красноярска, показало, что «в отношении расовых типов второго порядка красноярские погребения рисуют ту же картину, что и могильники верховьев Ангары и Лены», хотя можно предполагать, что на Енисее «монголоидный компонент был более брахикранным, чем в Прибайкалье» ². Но это отличие не столь существенно и имеет частный характер.

В связи с этим следует кратко сказать о попытках датировать погребения на дюнах у Базаихи бронзовым веком (конкретно же, как уже отмечалось выше, карасукским временем) на основании кельта (рис. 6), обнаруженного при одном из костяков. Во-первых, на дюнах у Базаихи, как

¹ Вогнутость лезвия шлифованных изделий такого рода может объясняться стачиванием последнего при заточке в результате длительного употребления. См. А. П. Окладников. Ук. соч., рис. 40.

² Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948, стр. 62—63.

и на всяких других, можно обнаружить поселения и могилы людей, начиная с неолита и вплоть до современности¹. Нет ничего странного и в том, что на дюнах у Базаихи оказалось погребение с карасукским по времени кельтом, если, конечно, последний не попал туда случайно. Еще важнее, во-вторых, что теперь нам известно и другое погребение, бесспорно, карасукского времени, у Красноярска. Обильный и характерный инвентарь его, в том числе два крупных кельта, превосходные кривые ножи, шило с навершием в виде стилизованной головы оленя (лося?), трубочка-игольник, игла, кольца и другие предметы, не имеет ничего общего с инвентарем неолитических захоронений в Базаихе. Следовательно, в районе Красноярска жили в карасукское время племена, пользовавшиеся превосходными металлическими изделиями, такими же, как и у их степных современников в Минусинской котловине.

О том же свидетельствуют и довольно многочисленные находки вещей карасукских типов на Среднем Енисее у Красноярска².

Племена эти не имели ничего общего по уровню своей культуры с их далекими неолитическими предшественниками. Старую гипотезу о карасукском возрасте основной группы погребений из Базаихи поэтому уже нельзя принимать всерьез.

Что же касается реальной исторической действительности, то мы можем теперь констатировать, что старые связи с Прибайкальем через низовья Ангары не прекратились на Среднем Енисее после конца серовского времени. Они продолжались и в последующее время, которое можно синхронизировать с китойским и глазковским временем в Прибайкалье. О связях населения Среднего Енисея с Прибайкальем в китойское время свидетельствует, например, характерный каменный стерженек из коричневой яшмы с белыми прожилками, с обычными полулунными выступами по обоим концам. Стерженек этот (рис. 5, 3) был найден в Базаихе, в урочище «Бор» и куплен в 1871 г. Корзоном.

На Енисее, у Красноярска, в той же Базаихе найдена типично китойская палетка, или ступка для растирания кровавика в виде диска с полусферическим углублением в центре³. На других богатых находками стоянках у Красноярска, в Няше и у д. Перевозной обнаружены типично китойские (для Прибайкалья) ложила для древков стрел, ошибочно называемые иногда «литейными формочками катакомбного типа»⁴. В Базаихе был обнаружен и характерный для неолита Прибайкалья так называемый топор (т. е., скорее, мотыга или тесло) с ушками⁵. Такие изделия встречены за последние годы при раскопках неолитических поселений на островах и по берегам Ангары выше Иркутска, где они датируются серовским и китойским временем. Китойским временем можно датировать

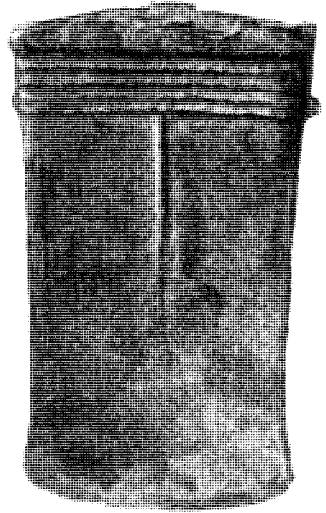

Рис. 6. Кельт из погребения в Базаихе.

¹ См. С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 20.

² Э. Р. Рыгдылон. Заметки о карасукских памятниках из окрестностей Красноярска. КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 129—134 (к статье приложены очень схематичные рисунки бронзовых вещей).

³ Красноярский музей, колл. 210/296.

⁴ Там же, колл. 108—19; 123—12/27. См. А. П. Окладников. Ук. соч., рис. 107, стр. 361.

⁵ Н. К. Ауэрбах. Первый период археологической деятельности И. Т. Савенкова (Материалы к биографии). Ежегодник Гос. музея им. Н. М. Мартянова в г. Минусинске, т. VI, вып. 2, 1928, стр. 176.

и найденный в Базаихе небольшой шлифованный нож из полупрозрачной пластины зеленого нефрита, имеющий выпуклое односторонне заточенное лезвие и миндалевидные очертания. К китайскому времени могут быть отнесены фрагменты сосудов, повторяющие по форме, толщине, цвету и орнаменту прибайкальскую керамику китайского или раннеглазковского времени, известную по находкам в соответствующих слоях Улан-Хады. Таков, в частности, крупный сосуд, от которого уцелела почти вся его

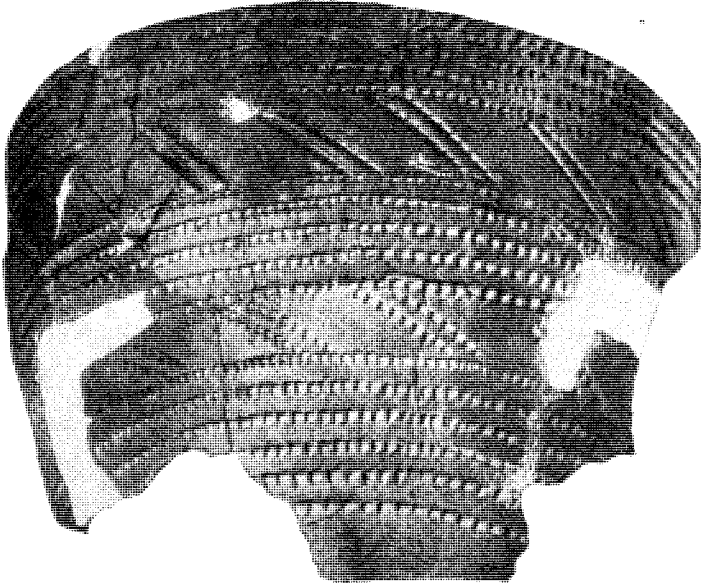

Рис. 7. Сосуд с р. Собакиной

верхняя половина, найденный на р. Собакиной Н. П. Коноваловым в 1912 г. на глубине 1—1½ м от поверхности почвы, т. е. в нижнем (по В. Г. Карцову) культурном слое этой стоянки. Поверхность этого сосуда украшена обычным для Прибайкалья штамповым орнаментом, образующим широкие горизонтальные полосы из отдельных полосок, соединенных друг с другом косыми двойными полосками (рис. 7) ¹.

К концу китайского и к глазковскому времени, по прибайкальским масштабам, следует, вероятно, отнести и весьма многочисленную на Енисее, у Красноярска, керамику, богато орнаментированную штамповым орнаментом, образующим глубоко вдавленные в глину узкие желобки со ступенчатым дном, соответствующим последовательным вдавлениям штампа-лопаточки. Фрагменты такого рода принадлежат сосудам древних форм, с почти прямыми вверх стенками и округлым дном. Они найдены, в частности, на Ермолаевской стоянке (Городищенской), раскопанной В. Г. Карцовым, а также и в ряде других мест ². Среди них выделяются фрагменты венчиков с характерным утолщением в виде острого ребра или карниза и столь же характерно скошенным книзу широким краем венчика с наружной стороны, причем сам край венчика образует острое ребро, орнаментированное сквозными узкими ямками ³. Такие

¹ Н. Бортвин. Из области древней сибирской керамики. ЗОРСА, XI, 1915, стр. 176, рис. 1.

² В. Г. Карцов. Ук. соч., табл. V, рис. 10, 12, 22. Красноярский музей, колл. 122—182 (Няша).

³ В. Г. Карцов. Ук. соч., табл. V, рис. 14, Гос. музей антропологии при МГУ, колл. 16—43 (Ладейки, сборы Г. П. Сосновского).

венчики типичны для поселений китойского времени в Прибайкалье (о-ва Сосновый и Лесной, выше Иркутска; находки у с. Братска и у д. Патроны, вблизи Иркутска).

Очень широко представлены в материалах стоянок у Красноярска самые обыкновенные на Ангаре, Лене и по берегам Байкала черепки тонкостенных сосудов. Они орнаментированы штампом с рабочим концом в виде лопаточки, оставлявшим неглубокий плоский желобок с характерным фигурным, обычно реберчатым дном. Таковы, например, черепки, найденные в Ладейках¹. Этот изящный и тонкий узор полностью повторяется в десятках и сотнях образцов на территории Прибайкалья.

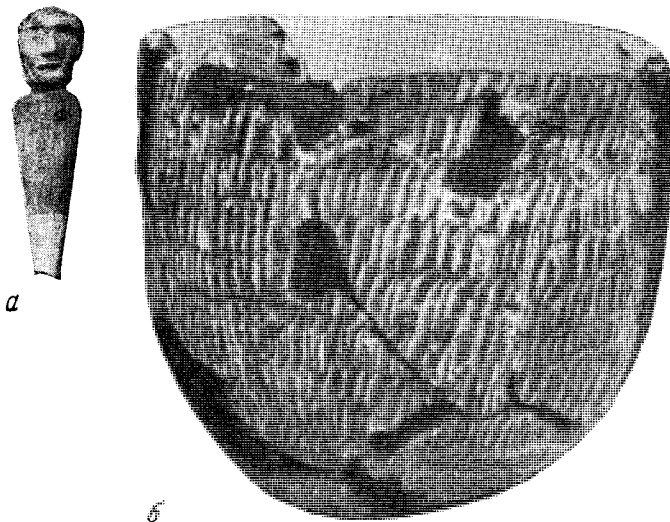

Рис. 8. Предметы из погребения на Афонтовой Горе
а — изображение человека; б — сосуд

На определенные связи жителей долины Енисея с населением Прибайкалья в послесеровское время указывают находки в погребениях, раскопанных А. Ф. Катковым и автором настоящей работы на Афонтовой Горе. Находки эти в ряде случаев сближаются с глазковскими памятниками Прибайкалья.

Таковы, например, костяное шильце со скульптурной головкой в виде человеческого лица, плоские дисковидные бусины из речного перламутра и глиняный сосудик со сплошной зональной орнаментацией штампом-лопаточкой, найденные мною в 1937 г. (рис. 8 а, б)².

О близости этих памятников к глазковским памятникам Прибайкалья могут свидетельствовать также «мелкие костяные кружочки» и костяные латы, найденные В. С. Передольским в погребениях около с. Перевозного на Енисее.

Таким образом, в долине Енисея, у Красноярска, в относительно раннее время, т. е. в III—II тысячелетиях до н. э., обнаруживаются признаки, вполне определенно связывающие неолит этого района с неолитом Прибайкалья.

¹ Красноярский музей, колл. 178—11, 74 (Есаульское, сборы В. Г. Карцова, 1929 г.); колл. 122—151, 181; колл. 84—26, 106, 212, 316 (между р. Собакиной и Монастырем по левому берегу р. Енисея); колл. 110—293 (устье р. Собакиной, осыпь).

² В. И. Громов. Из полевых археологических наблюдений на Енисее летом 1933 г. Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, № 2; А. П. Окладников. Неолитические погребения на Афонтовой Горе. КСИИМК, вып. XXV, 1949, рис. 1, 3, 6, 8.

Что же касается отношения неолитической культуры Среднего Енисея к степным культурам, то очень вероятно, что все эти памятники приенисейского позднего неолита, соответствующие позднекитойским и глазковским памятникам Прибайкалья и предшествующие более поздним, уже целиком относящимся к эпохе бронзы, принадлежат к тому же времени, что и афанасьевские захоронения в Минусинской котловине¹.

В пользу этого могут свидетельствовать отмеченные в свое время В. Г. Карцовым черты сходства керамики приенисейского края с керамикой из поселений и могил афанасьевского типа на Енисее. Таковы: 1) остроронная форма сосудов; 2) зональное расположение орнамента; 3) наличие отгисков гусенично-гребенчатого штампа; 4) штриховка на внутренней поверхности сосудов; 5) отсутствие в этой керамике андроновских и более поздних видов орнамента.

Отсюда следует общий вывод, что материальная культура приенисейских племен, обитавших здесь в III—II тысячелетиях до н. э., и материальная культура живших южнее степных скотоводческих афанасьевских племен не особенно сильно различались. Они имели немало общих черт с культурой этих степняков, несмотря на различие образа жизни, хозяйства, а также, очевидно, и происхождения этих племен.

В материалах неолитических поселений Красноярского района обнаруживаются вместе с тем, хотя и не столь многочисленными, но все же достаточно отчетливыми и тоже очень важными для этнической и культурной истории Среднего Енисея признаки связей местных племен с Западом, в первую очередь с Западной Сибирью и с Приуральем, как с восточным, так и с западным, т. е. с Прикамьем, а отчасти, может быть, и с еще более далекими областями европейской части РСФСР.

Остановимся сначала на керамике.

Большой интерес с этой стороны представляют два сосуда, найденные в районе Красноярска². Первый сосуд найден в водопроводной канаве на Узенькой улице, «на глубине 3½ аршин» от поверхности, если верить записи в регистрационной книге Красноярского музея. Вместе с ним были обнаружены: 1) роговое острие, обломанное; 2) кусочек перламутровой бусины; 3) мелкие куски кальцинированных костей. Все это найдено тут же, около горшка или под ним, причем «сосуд стоял в земле кверху дном». По-видимому, здесь находилось погребение, может быть остатки трупосожжения. Наличие бусины из перламутра и общий облик сосуда сближают эту любопытную находку с погребениями, найденными А. Ф. Катковым и автором данной статьи на Афонтовой Горе. Сосуд этот, однако, сильно отличается от неолитической керамики Прибайкалья прежде всего его крупными размерами: высота горшка равна 45 см; диаметр его 40 см. По форме он, в общем, близок к прибайкальским сосудам, так как имеет не плоское, а заостренное дно, но отличается от них своими общими пропорциями и характером днища. В то время как для прибайкальских сосудов, кроме исаковских, характерно более или менее округлое дно, здесь оно круто сужено и заострено в нижней трети, т. е. коническое. Такая форма дна свойственна как афанасьевским сосудам из Минусинского края, так и некоторым сосудам из Приуралья и европейской части РСФСР. Орнамент на нем тоже не прибайкальский. Венчик украшен по краю косо поставленными вдавлениями овального гусенично-гребенчатого штампа с многочисленными зубчиками, образующими подобие толстого шнура. Ниже венчика и до самого кончика дна сосуда расположены зонально полосы из коротких и узких овальных вдавлений. При этом на третьем сверху орнаментальном пояске располагаются круглые ямки с интервалами в 2,5—3 см.

¹ С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 65—66.

² Красноярский музей, колл. 79—1.

Еще характернее второй сосуд, найденный в Базанхе и хранящийся в Музее антропологии и этнографии АН СССР за № 2385—1. Высота его 28 см, диаметр горла 18 и 18,5 см. Форма его удлинненно-яйцевидная, причем в средней части он несколько шире, чем вверху. Толщина стенок сосуда около 0,4—0,5 см. Цвет сосуда буро-желтый, с легким красноватым оттенком. Наружная поверхность сплошь покрыта орнаментом в виде легких, неглубоких вдавлений двузубчатого (с квадратными зубцами) штампа, образующих непрерывные горизонтальные полосы. Верхний зубец оттиснут глубже и яснее, нижний — слабее. Первое впечатление от орнамента таково, что он кажется изготовленным не индивидуальными вдавлениями штампа с двумя зубчиками, а, скорее, зубчатым колесиком.

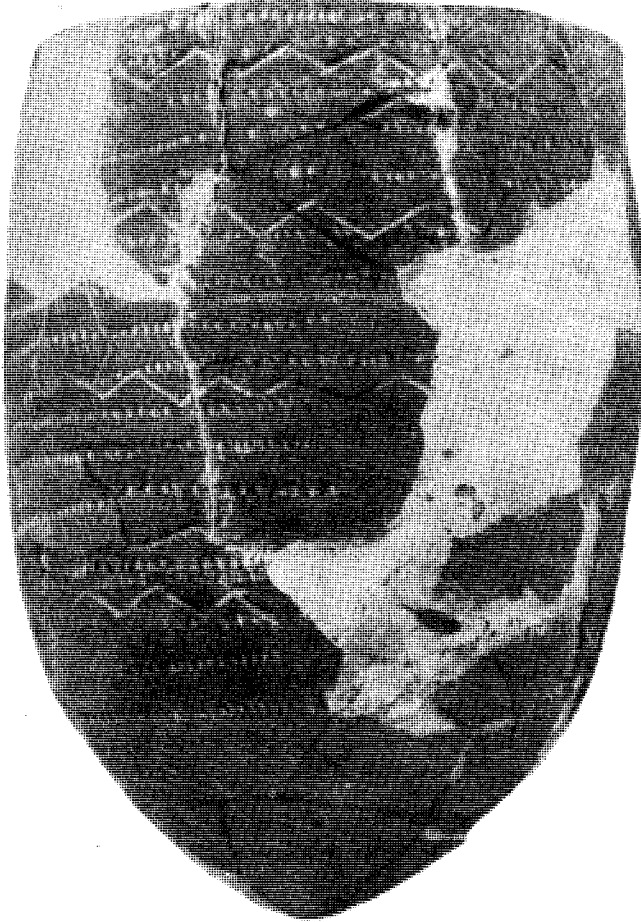

Рис. 9. Сосуд из Базанхи

Этот чеканный узор покрывает сосуд почти сплошь, но в пяти местах он расчленен такими же горизонтальными полосками из врезанных острой палочкой линейных зигзагов. Кроме этих горизонтальных зигзагообразных линий, по стенкам сосуда с равными интервалами спускаются сверху вниз вертикальные зигзагообразные полоски, тоже из врезанных линий. Последние начинаются с верхнего края сосуда и покрывают примерно одну треть сосуда (рис. 9).

В целом перед нами определенная, строго выдержанная зональная композиция орнамента, основанная на повторении горизонтальных орна-

ментальных поясов, образованных вдавлениями гребенчатого штампа и чередующихся с зигзагообразными горизонтальными поясами.

Не характерна для ранних этапов прибайкальского неолита и сплошная орнаментация сосудов. Орнамент концентрируется там только в верхней части сосудов, а для орнаментальной композиции в целом типично не зональное, а принципиально иное сочетание горизонтальных и вертикальных линий при своеобразном ритмическом чередовании элементов узора.

Как отмеченные орнаментальные элементы, так, в особенности, их композиционное расположение, по горизонтали, чередующимися зонами, опять-таки связывают этот сосуд с керамикой Приуралья, лесной полосы европейской части СССР и Финляндии.

Описанный сосуд из Базаихи имеет весьма близкое сходство и с опубликованной В. Н. Чернецовым керамикой из поселений в верховьях р. Ляпин, притока р. Северной Сосвы. Она представлена в сборах В. Н. Чернецова сосудами с яйцевидным днищем, изготовленными способом налепа «и от края до доннышка сплошь покрытыми гребенчатым орнаментом»¹. Орнамент состоит из горизонтального зигзага у венчика, под которым имеются круглые ямки, как бы заполняющие пространство между следующей горизонтальной полоской из трех линий, образованных гребенчатым штампом. Такие же горизонтальные линии и зигзаги, опоясывающие сосуд, чередуются ниже².

Керамика подобного рода по орнаментации сближается с поздне-неолитической керамикой Карелии и соседних районов Финляндии (второй группы поселений на Онежском озере, по классификации Н. Н. Гуриной). Керамика эта в Карелии характеризуется такой же остродонной формой сосудов и «орнаментом из двух элементов — ямок и коротких косых отрисков гребенки; перемежаясь друг с другом, они создают зональные линии, опоясывающие сосуд»³.

Аналогичная керамика характерна для Льяловской и Балахнинской (стоянка № 5) стоянок в средней России⁴.

Именно такого рода образцы обломков глиняных сосудов с зональной ямочно-гребенчатой орнаментацией и дали в свое время повод Ю. Айлио, а за ним Г. Мерхарту, утверждать, что ямочно-гребенчатая керамика встречается далеко на восток от основной области ее распространения в Финляндии, Карелии и лесной полосе России. Взгляд этот в целом, однако, неправилен. Никаких данных о распространении волго-окской и карельской «ямочно-гребенчатой керамики» как таковой к востоку от Урала нет⁵. И вообще керамика, близкая по орнаменту и форме сосудов к ямочно-гребенчатой керамике Запада, не идет далее Енисея. Она, конечно, вовсе не достигает в таком виде берегов Байкала, как писал об этом Мерхарт.

Кроме того, красноярские сосуды, даже при некотором общем сходстве их орнаментики с волго-окскими и карельскими сосудами, отличаются от них одной существенной чертой. Стенки этих сосудов, как и всех вообще неолитических сосудов Восточной Сибири, не толстые, а тонкие. Ямки орнамента поэтому не глубокие, а мелкие и относительно небольшие в диаметре.

¹ В. Н. Чернецов. Очерк этногенеза обских югров. КСИИМК, вып. IX, 1941, стр. 19; ср. В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35, 1953, табл. II, 5.

² В. Н. Чернецов. Ук. соч., рис. 2, 4.

³ Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита на Онежском озере. МИА, № 20 1951, стр. 99.

⁴ Б. С. Жуков. К вопросу о стратиграфии и культуре неолитической стоянки близ с. Льялова. Русский антропологический журнал, т. XVI, вып. 1—2, М., 1926; А. А. Спицин и В. И. Каменский. Раскопки близ г. Балахны. ЗОРСА, т. V, 1903.

⁵ См. справедливую критику утверждений Г. Мерхарта у С. В. Киселева. Ук. соч., стр., 17. Ср. А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 121.

Эта особенность, а также техника нанесения орнамента и его характер в значительно большей степени сближают описанный сосуд из Базаихи и вообще поздненеолитическую керамику на Среднем Енисее с керамикой Приуралья, в том числе не только восточного, но и западного, т. е. Прикамья.

Так, например, обычный для архаической керамики из уральских торфяников орнамент в виде легких вдавлений многозубчатого штампа-гребенки часто повторяется на сосудах из района Красноярска ¹.

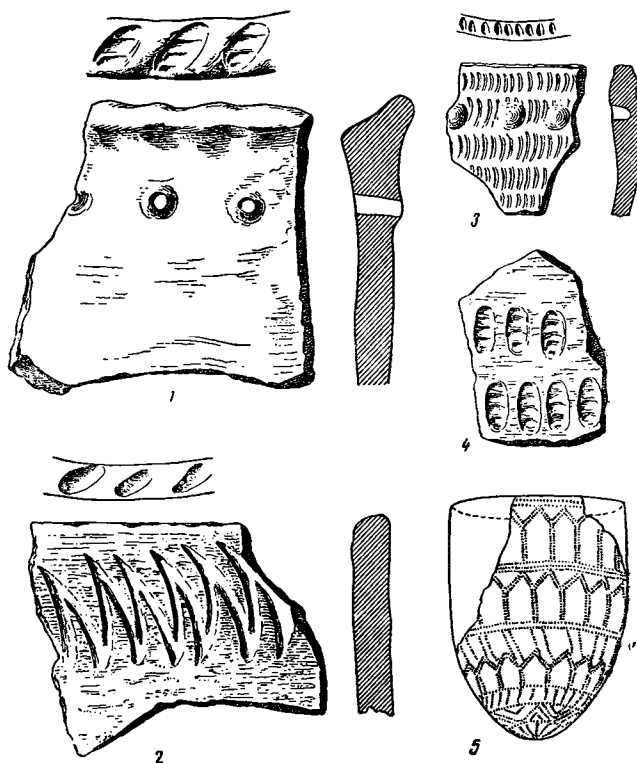

Рис. 10. Фрагменты сосудов из окрестностей Красноярска и сосуд с Урала

1—2 — с Усть-Собакинской стоянки; 3—4 — из Ладейек;
5 — из Няши (рис. 1—4 даны в $\frac{1}{2}$ нат. велич.)

То же самое следует сказать о керамике Камского Приуралья, где мы видим и аналогичное сочетание этого узора с зигзагом ². На сосуде со стоянки на Аннином о-ве, изданном Д. Н. Эдингом, сочетание зигзагообразных горизонтальных поясов с поясами гребенчатых оттисков в принципе вполне соответствует тому, что мы видим на сосуде из Базаихи, хотя форма сосуда и орнамент в деталях отличны ³.

Общее впечатление отличия от прибайкальской орнаментики и сходства с западной, приуральской, которое дает ознакомление с описанными двумя сосудами из района Красноярска, усиливается при более детальном изучении орнамента неолитических сосудов на Среднем Енисее.

Как пример связей с западом можно привести уже упоминавшуюся выше орнаментацию в виде «личинок», как ее называл В. Г. Карцов. Этот

¹ Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала. Из истории звериного стиля. Тр. ГИМ, вып. X, М., 1940, рис. 21, 22; Гос. музей антроп. МГУ, колл. 16—1 (Ладейки); МАЭ АН СССР, колл. 284—110 (Ладейки).

² Н. А. Прокошев. К вопросу о неолитических памятниках Камского Приуралья. МИА, № 1, 1940, табл. VI, рис. 13.

³ Д. Н. Эдинг. Ук. соч., рис. 21.

элемент орнамента, обычный как на Усть-Собакинской стоянке, так и в других местах, имеет вид более или менее широких и четко отпечатанных овалов с поперечными перегородками внутри. Ю. Айлио относит его к числу образцов узора, выполненных круто перевитой веревочкой («Wickelschnurornament») (рис. 10, 1, 4)¹. Такие «гусенично-гребенчатые» вдавления в виде широких овалов неизвестны в керамике из серовских погребений Прибайкалья, где имеются только узкие или серповидные гребенчатые оттиски. В материалах же из Красноярского района они

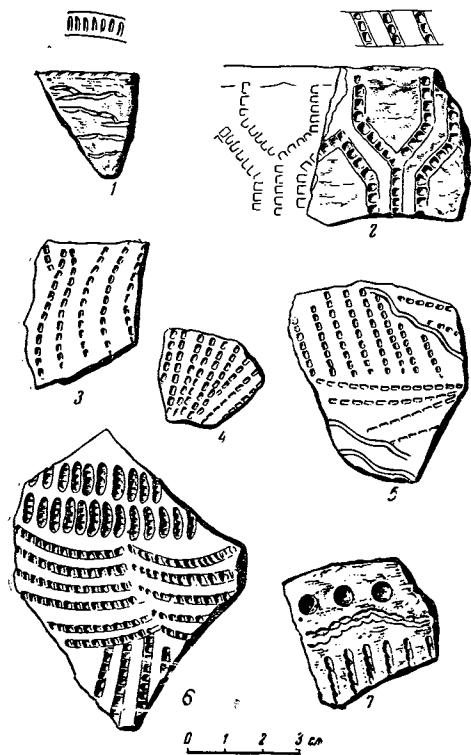

Рис. 11. Образцы керамики из окрестностей Красноярска.

1, 2 — Усть-Собакинская стоянка; 3, 4, 5, 6, 7 — Базаиха

ранней, по-видимому, уральской керамике, представленной удлиненно-яйцевидными сосудами неолитического облика⁵.

Значительно совпадают с уральскими или западносибирскими и другие виды орнамента енисейских стоянок.

выступают неоднократно и притом в характерной композиции, обычно зональной, когда такие вдавления располагаются полосками. В других случаях мы имеем здесь вертикальные зигзаги, проходящие по сосуду сверху до низу и, вместе с тем, образующие горизонтальные полосы — зоны, так как ряды зигзагов строго соответствуют друг другу изгибами и плотно заполняют поверхность сосуда². Такой орнамент известен на западе вплоть до Карелии и Финляндии.

Характерный для многих образцов керамики с неолитических стоянок на Енисее орнамент в виде коротких и узких подпрямоугольных косых вдавлений, расположенных плотными рядами, также обычен на Урале³.

С уральской древней керамикой сближаются и узоры в виде треугольников, косых крестов, дугообразных пунктирных линий и т. д., выполненных «гребенчатым» штампом. Иногда они прихотливо сочетаются в сложных комбинациях (рис. 11, 5 и 6)⁴.

Характер расположения такого орнамента чрезвычайно близок к тому, что мы видим на весьма

¹ J. Ailio. Fragen der russischen Steinzeit. SMYA. 1922. стр. 32, рис. 9 б.

² Красноярский музей, колл. 110—269; 194—68 (Базаиха); 122—140 (Няша); МАЭ, колл. 284—34/33. Ср., например, распространение овальных гусенично-гребенчатых вдавлений: А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху, рис. 17, 11 (Льялово), рис. 14, 13, 14 (Балаганская стоянка), рис. 24, 26 (Кубенино); Н. Н. Гурьина. Поселения эпохи неолита на Онежском озере, стр. 101, рис. 16 (керамика со стоянки Марие в Финляндии); М. Е. Фосс. Древнейшая история севера европейской части СССР, рис. 38, 3, 4 (Кубенино), рис. 77, 2, 5 (печорская культура, Ярей-ты, Колва), рис. 78, 2 (Колва), рис. 79, 6, (Суна), рис. 80, 1, 3, 4 (Льяловская стоянка, оз. Круглое), рис. 86, 6, 7 (Конса, Ломми).

³ МАЭ, колл. № 276—14; Д. Н. Эдинг. Ук. соч., рис. 70.

⁴ Красноярский музей, колл. № 194—39 (Базаиха); колл. № 110—251 и 122—19.

⁵ П. А. Дмитриев. Шигирская культура на восточном склоне Урала. МИА, № 21, 1951, стр. 70, рис. 7, 6, 7; Е. М. Берс. Археологическая карта г. Свердловска и окрестностей. Там же, рис. 3, 11; Д. Н. Эдинг. Ук. соч., стр. 26, рис. 15.

Так, например, один фрагмент сосуда из Усть-Собакинской стоянки (№ 122—19 в коллекциях Красноярского музея) покрыт узором из узких струйчато-желобчатых полосок, образованных округлой на конце палочкой, которую вели по глине, не отрывая ее от сосуда, но ритмически надавливая вглубь через небольшие промежутки. Узор в целом по своей композиции прост, но характерен. Он состоит из сочетания длинных волнистых и косых коротких, тоже волнистых линий.

Такой же характер имеет узор на других фрагментах сосудов из отложений Усть-Собакинской стоянки, в Базаихе и других местах (рис. 11, 1—4, 7) ¹.

Среди многих тысяч образцов неолитической и более поздней керамики из Прибайкалья мне не встречалось ни одного обломка с такими узорами. Зато техника выполнения этих узоров на сосудах с красноярских стоянок, и в особенности их специфический волнисто-струйчатый характер, обнаруживают близость к своеобразному волнисто-струйчатому орнаменту западносибирской и уральской керамики неолитического времени, а также и керамики кельтеминарских поселений в районе Аральского моря.

Описывая этот орнамент в своей монографии о шигирской культуре, П. А. Дмитриев разделил его на две группы. В первую входит «волнообразный орнамент», известный, по его словам, «почти на всех стоянках». Вторая разновидность такого узора — «струйчатый орнамент» (А. Е. Теплоухов называет его чешуйчатым) — состоит из многих рядов струек, параллельных между собою. «За пределами Восточного Урала, — пишет П. А. Дмитриев, — мы такого орнамента не знаем, и потому струйчатый тип может считаться характерным для шигирской культуры» ². Орнамент этот наносился, по мнению А. П. Дмитриева, инструментом в виде гребня. Но в ряде случаев он выполнялся и острием палочки.

Рассматривая подобную керамику из уральских неолитических поселений, В. М. Раушенбах приходит к заключению, что она имеется уже на таких ранних памятниках, как стоянка Стрелка, датируемая, по ее словам, концом атлантического периода, т. е. временем между серединой и концом III тысячелетия до н. э. ³. Близким по возрасту к Стрелке поселением с такой керамикой на Урале является, по-видимому, неолитическое поселение, исследованное О. Н. Бадером в 1944—1946 гг. близ Нижнего Тагила на р. Полуденке. Находки на Полуденке относятся к концу III тысячелетия до н. э. В это время на Ангаре и Лене длился китайский этап местного неолита. Кроме зеленого нефрита (явно не уральского, а саянского происхождения), о связях с востоком здесь свидетельствует отмеченная О. Н. Бадером находка топора с выступами ⁴.

Такие «топоры с ушками», основная область распространения которых действительно находится в Восточной Сибири, на Ангаре, Лене (включая Якутию), а также на Байкале (но никак не далее на восток!) имеются и в других местах на Урале в числе подъемных находок ⁵. Тем самым под-

¹ Красноярский музей, колл. 194—38; колл. 110—249. Гос. музей антропологии, колл. 43—8 (сборы Г. П. Сосновского).

² П. А. Дмитриев. Ук. соч., стр. 73.

³ В. М. Раушенбах. Керамика Шигирской культуры. КСИИМК, вып. XLIII, 1952, стр. 57; А. Я. Брюсов. Очерки по истории неолитических племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 150—153, 157.

⁴ О. Н. Бадер. Каменный век на Урале. Первое уральское археологическое совещание. Доклады научных конференций, вып. 1—4. Издание Молотовского Гос. университета им. А. М. Горького, Молотов, 1948, стр. 16; его же. Неолитическая стоянка на р. Полуденке близ Н. Тагила; там же, стр. 40; его же. Археологические исследования на Урале в 1946 г., КСИИМК, вып. XX, 1948; его же. Новые раскопки близ Тагила в 1944 г. Предварительное сообщение. КСИИМК, вып. XVI, 1947.

⁵ Е. М. Берс. Археологическая карта г. Свердловска и окрестностей, рис. 1, № 47 (Палкино), № 48 (окрестности Свердловска). Ср. обзор распространения таких топоров с ушками, опубликованный В. Н. Чернецовым в его работе «Древняя

тверждается важное значение находки на Полуденке как свидетельства связей племен восточного Урала с восточносибирскими племенами еще в это относительно раннее время.

Туда же на запад, к Уралу и даже за Урал, ведет и другой вид орнамента, представленный на Усть-Собакинской стоянке криволинейными зигзагами, располагавшимися на одном сосуде параллельными рядами (рис. 10, 2).

Такого рода орнамент, образованный вдавлениями «танцующей» кривой лопаточки, которую поворачивали последовательно направо и налево («тремола»), тоже совершенно чужд Прибайкалью¹. Но вместе с тем он является обычным для позднеолитических поселений Камского Приуралья, например, для широко известной в литературе по работам А. В. Шмидта и Н. А. Прокошева Левшинской стоянки². Есть он и на Оби. Например, В. Н. Чернецов обнаружил его на Екатерининской стоянке в районе Омска. Совершенно такая же орнаментация отмечена была в 80-х годах Словоцовым для района Тюмени. В том и в другом случае такой орнамент, как и на Енисее, сочетался с волнисто-струйчатым³.

Последней и очень любопытной чертой орнамента керамики Усть-Собакинской стоянки является узор на фрагменте венчика одного довольно толстостенного сосуда⁴, напоминающий характерный для Приобья орнамент в виде сетки, ячейки которой имеют здесь вид не квадратов и не ромбов, а специфических удлинённых шестигранников (рис. 11, 2)⁵.

Замечательно также, что именно такой орнамент встречается в Приуралье в наскальных изображениях и отмечен у уральских племен XIX и начала XX в. в татуировке, имевшей специальное значение⁶.

О связях позднего неолита Красноярского края с восточным Приуральем, а через него и с более отдаленными районами, лежащими к западу от Урала, свидетельствуют и некоторые другие весьма любопытные факты из области искусства и верований.

Под № 519 в Красноярском музее хранится миниатюрная статуэтка из жировика (агальматолита), найденная в Базаихе и изображающая как бы сидячую человеческую фигуру, по-видимому, нагую. Эта фигура в профиль имеет характерный плавный изгиб. Спина ее выпуклая; выпуклость ягодиц обрисована тоже достаточно отчетливо, но непропорционально мала. Нога изображена только одна, ступня на ней намечена зарубкой (рис. 12, 4). Голова сравнительно большая; затылок широкий и округлый, лицо плоское, подбородок острый. Рук у статуэтки нет.

Достаточно одного взгляда на эту статуэтку, чтобы вспомнить известную фигурку из рога, найденную в Пернове⁷. Как здесь, так и в Пернове мы видим одинаковый характерный изгиб туловища статуэтки, из-за которого они напоминают изображение человека в сидячей позе. Для них характерны также отсутствие рук и одинаковая условная трактовка лица и всех остальных деталей.

история Нижнего Приобья», стр. 10, табл. II; там же убедительно говорится о родстве неолита Западной Сибири с неолитом Урала и Прибайкалья.

¹ Красноярский музей, колл. 179—104.

² Н. А. Прокошев. К вопросу о неолитических памятниках Камского Приуралья, стр. 37, рис. 18, 19; 19.

³ В. Н. Чернецов. Результаты археологической разведки в Омской области (Работы Северо-барабинской экспедиции, 1945), КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 82, рис. 33—47; И. А. Словоцов. О находках каменного периода близ г. Тюмени в 1883 г. Записки Западносибирского отдела РГО, кн. VII, вып. I, 1885, рис. № 91.

⁴ Красноярский музей, колл. 110—304.

⁵ В. Н. Чернецов. Очерк этногенеза обских югров. Рис 2, 10, 13; его же. Древняя история Нижнего Приобья, табл. XVII, рис. 4.

⁶ С. И. Руденко. Графическое искусство остяков и вогулов. Материалы по этнографии, т. IV, вып. 2, Л., 1929, табл. II, рис. 1.

⁷ M. Ebert. Die baltischen Provinzen, Kurland, Livland, Estland. 1913. Prähistorische Zeitschrift, № 5, 1913, стр. 518—519, табл. 23-a; J. Ailio. Fragen der russischen Steinzeit; H. Mooga. Die Steinzeit Estlands. Tartu, 1932, рис. 13.

Статуэтка из Базаихи является, таким образом, во всех отношениях как бы точной, хотя и сильно уменьшенной копией статуэтки из Перновы. Значение этого сходства статуэтки из Базаихи с фигуркой из Перновы усиливается тем, что такой же точно изгиб туловища, и при этом выраженный в еще более резкой и четкой форме, характерен для ряда неолитических скульптур севера европейской части РСФСР и Финляндии. Так выглядят, например, глиняные антропоморфные статуэтки из Хон-

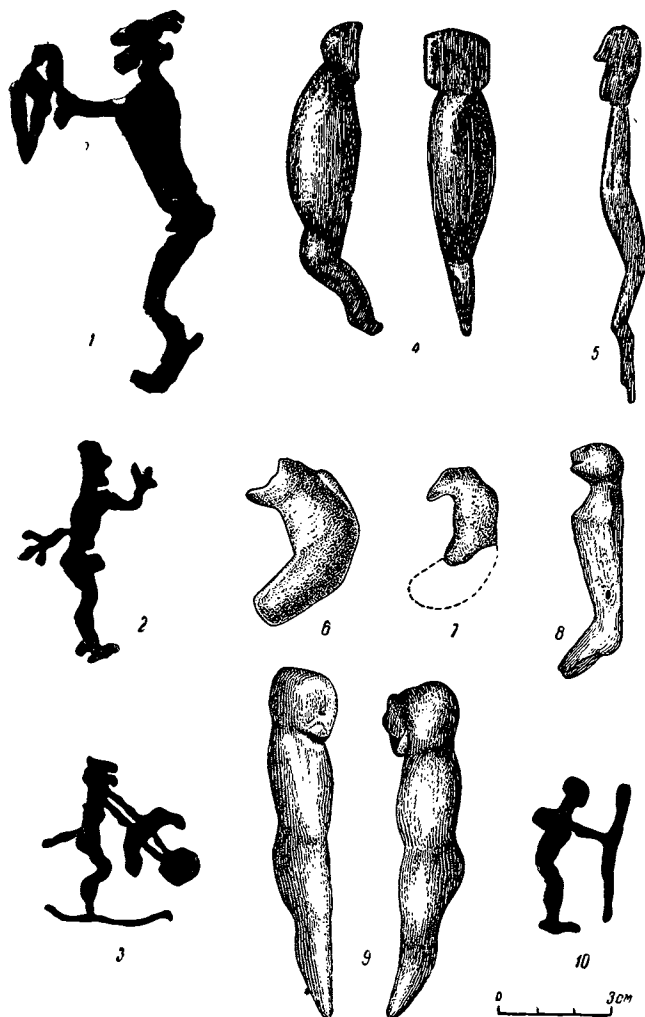

Рис. 12.

1, 2, 3, 10 — изображения людей на петроглифах Карелии; 4 — статуэтка из Базаихи; 5 — идол из Горбуновского торфяника; 6, 7 — глиняные фигурки из Илексы и Кубенино; 8 — костяная фигурка из погребения в Базаихе; 9 — статуэтка из Перновы

каниёми в Финляндии и из Кубенино в Каргопольском районе Архангельской области (рис. 12, 6, 7)¹.

Такой же изгиб туловища имеет одно из замечательных деревянных антропоморфных изображений Горбуновского торфяника, сделанное с большой тщательностью и хорошо сохранившееся. Идол этот обнаружен во втором культурном слое на шестом разрезе торфяника. А. Я. Брюсов

¹ М. Е. Фосс. Древнейшая история севера европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, рис. 102, 1, 2.

полагает, что культурный слой, в котором найдено это изображение, можно «с большой долей вероятности отнести ко второй четверти II тысячелетия до н. э.» (рис. 12, 5) ¹.

Круг аналогий для агальматолитовой статуэтки из Базаихи не ограничивается при этом скульптурными антропоморфными изображениями неолита и ранней бронзы, найденными к западу от Енисея. Сюда, кроме круглой скульптуры, включаются также плоскостные изображения — петроглифы.

Все перечисленные выше статуэтки из Базаихи, Перновы, Хонканиёми, Кубенино, из Горбуновского торфяника при взгляде на них сбоку одинаково напоминают своим специфическим изгибом человеческие фигурки с наскальных изображений Карелии. На этих наскальных изображениях человеческие фигуры во многих случаях бывают показаны в профиль, с совершенно таким же странным, но постоянным изгибом туловища и ног. Они изображены здесь тоже как бы в полусидячем положении, и сделано это с определенной целью ² (рис. 12, 1, 2, 3, 10). Можно, следовательно, сделать вывод, что статуэтка из Базаихи или повторяет в своих особенностях облик человеческих фигур с наскальных изображений, или же последние являются копией скульптурных статуэток. О вероятности таких предположений свидетельствует установленный С. Н. Замятниным общий факт соответствия форм кремневых скульптурных изображений и наскальных рисунков нашего севера ³.

В связи с этим следует вспомнить еще одну замечательную антропоморфную статуэтку, вырезанную из лосиного рога, которую И. Т. Савенков обнаружил при упоминавшемся уже погребении с фигурками лосей. Фигурка эта имеет странную птицевидную голову и точно так же изогнута, как агальматолитовые статуэтки или как статуэтка из Перновы. Она точно так же изображена как бы в сидячем положении, что ясно видно при взгляде на нее сбоку, в профиль (рис. 12, 8). С таким же изгибом туловища изображена и птица, тщательно изготовленная из кремня отжимной техникой, найденная И. Т. Савенковым в соседней с Енисеем области ангарской долины, на известном поселении у р. Чадобца. У этой птицы длинный острый клюв, напоминающий клюв кедровки или вороны и длинный хвост. Птица изображена как бы в полете, но с очень короткими крылышками ⁴.

Здесь снова нельзя умолчать об аналогии между нашими приенисейскими памятниками и первобытным искусством более западных районов севера Европы. М. Е. Фосс опубликовала глиняную статуэтку, найденную на стоянке Кинема. Статуэтка эта имеет такой же специфический изгиб туловища и птичий клюв, как только что отмеченная статуэтка из Базаихи. В качестве аналогии для кубенинской статуэтки М. Е. Фосс привела статуэтку из Хонканиёми ⁵. М. Е. Фосс пишет об этих статуэтках из Кубенино и Хонканиёми, что «несмотря на возможность варьирования их формы благодаря пластическим свойствам материала, мы наблюдаем почти полное тождество в этих скульптурках. Они одинаково сделаны без рук и ног, имеют характерный слегка изогнутый торс и несколько вытянутую вверх голову». Сходство статуэток и на самом деле поразительное:

¹ А. Я. Брюсов. Ук. соч., стр. 156, рис. 42, 3.

² В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря, ч. I. Наскальные изображения Онежского озера. Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. IX, Археол. серия, № 1, М.—Л., 1936, табл. 8, рис. 24; табл. 16, рис. 150; табл. 20, рис. 50; табл. 22, рис. 9; табл. 33, рис. 11, 17; то же, ч. II. Наскальные изображения Белого моря. Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. X, Археол. серия, № 1, М.—Л., 1938, табл. 4, рис. 28—30; 37—40; 74—79; табл. 1, рис. 169.

³ С. Н. Замятнин. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите северо-восточной Европы. СА, X, 1948, стр. 103—104, рис. 2, 3.

⁴ МАЭ АН СССР, колл. 282—130. Ср. Reallexikon d. Vorgeschichte, т. XII.

⁵ М. Е. Фосс. Ук. соч., стр. 198—199, рис. 102, 9, 10.

«можно подумать, что они действительно вышли из рук одного мастера»¹. Этот вывод в такой же мере может быть теперь распространен и на скульптурные изображения Среднего Енисея (из Базаихи). Тот факт, что енисейские изображения сделаны не из глины, а из камня и рога, не уменьшает значения этого совпадения, а, наоборот, усиливает его.

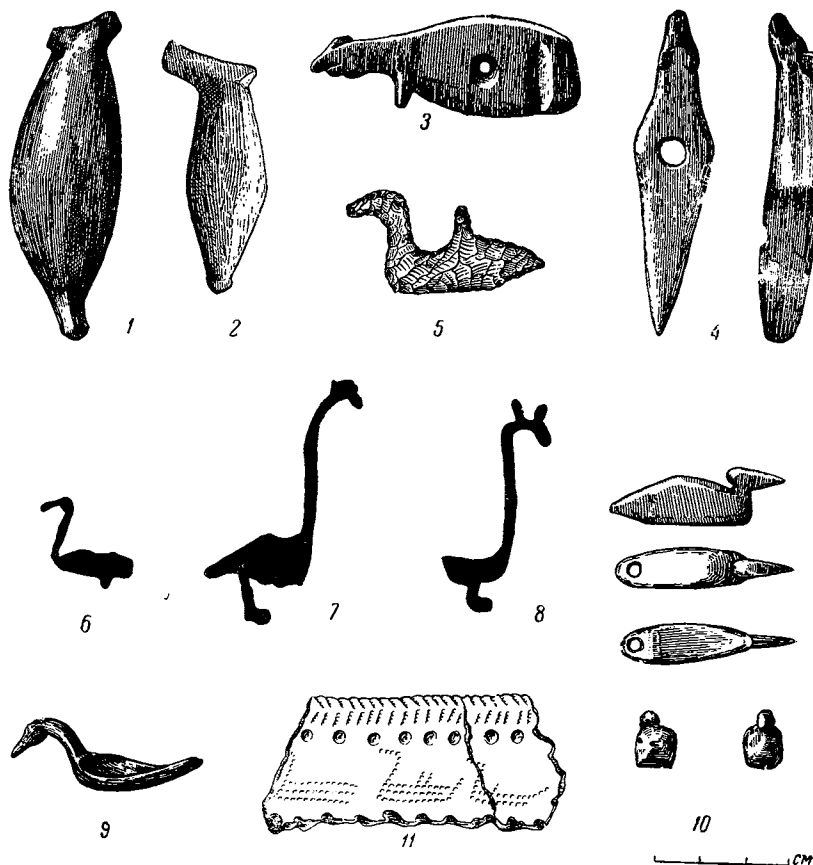

Рис. 13.

1, 2 — агальматолитовые изображения медведей из Базаихи; 3 — агальматолитовая фигурка из Базаихи; 4 — фигурный молот из Карелии; 5 — кремневая фигурка птицы из Модлоны; 6—8 — изображения птиц — с петроглифов в Карелии; 9—10 — фигурки птиц из погребения на Афонтовой Горе; 11 — фрагмент сосуда с изображением птиц из Карелии

подтверждая наличие определенной стилиевой традиции и, возможно, сходного смыслового содержания таких изображений. Ведь вырезать из рога или агальматолита такие сходные изображения было значительно труднее, чем вылепить их из мягкой глины.

Не менее интересен и другой предмет (№ 625), тоже найденный в Базаихе, но изображающий на этот раз уже не человека и не птицу, а медведя (рис. 13, 1). Предмет этот известен уже давно. Н. М. Ядринцев отмечал, что в Базаихе И. Т. Савенковым найдены «каменные амулеты из агальматолита, изображающие разных животных, и подвеска в форме

¹ Там же, стр. 198. Интересно также, что со временем в Прибайкалье на писаницах тоже распространяются антропоморфные профильные изображения в полусидячей позе. Это следует, вероятно, связывать с теми событиями, которые здесь имели место уже в позднем бронзовом веке. До этого, в глазковское время, в искусстве лесных племен Прибайкалья отмечаются прямые, вытянутые изображения человека.

каменного кольца»¹. Сюда, очевидно, относится и описываемое изображение медведя. Н. К. Ауэрбах отмечает находку И. Т. Савенкова (по книге этикеток его коллекции) среди изделий из агальматолита, в том числе в виде головы кабана². Эта медвежья фигурка тоже миниатюрная. Изготовлена она из красновато-бурого мягкого сланца. С особой тщательностью и реалистической живостью выполнена головка — типично медвежья, с короткой тупой мордой и хорошо выраженными ушами. Морда зверя слегка поднята вверх и как бы вытянута вперед, уши торчат назад. Пузатое, круглое в сечении тело зверя переходит в короткую стилизованную «ногу», тоже одну, как и у одноногой человеческой фигурки. Нога заканчивается ступней. По общей форме и стилю миниатюрная фигурка медведя из Базаихи поразительно напоминает известные фигурные молоты с головами животных северо-запада СССР и Финляндии. Сходство их настолько велико, что общие очертания фигуры с ее расширением посредине и головкой зверя на одном конце могут показаться результатом сознательного подражания формам фигурных молотов (рис. 13, 4).

Судя по фотографии, уцелевшей в архиве ИИМК АН СССР, таких медвежьих фигурок И. Т. Савенковым в Базаихе было найдено две. Вторая фигурка была почти аналогична первой (рис. 13, 2). Но в фондах Красноярского музея она мною обнаружена не была.

Говоря о фигурках из Базаихи, нельзя обойти молчанием и находку костяного скульптурного изображения водоплавающей птицы, по-видимому, утки, обнаруженного А. Ф. Катковым в инвентаре неолитического погребения на Афонтовой Горе³. Уточка изображена здесь просто и схематично, но все же достаточно выразительно. Она показана как бы плавающей на воде, с поднятой массивной головой и длинным утрированным клювом.

В задней части фигурки имеется отверстие для подвешивания, показывающее, что она употреблялась в качестве подвески или части ожерелья, наряду с найденными в том же погребении бусинами из кости и зубов животных (рис. 13, 10).

Стилизованные фигурки водных птиц, изображенных плавающими на воде, были, как известно, широко распространенным и важным элементом орнамента в керамике неолита и ранней бронзы севера европейской части СССР и Зауралья (рис. 13, 11)⁴.

Изображения водных птиц, одинаковые по стилю и по характерным деталям, известны также на петроглифах Карелии и среди кремневых миниатюрных фигурок (рис. 13, 6, 7, 8)⁵. Замечательным примером совпадения изображений птиц на петроглифах и в кремневых скульптурах является уникальная кремневая фигурка, найденная А. Я. Брюсовым при раскопках поселения на р. Модлоне, где изображен даже обычный для петроглифов и керамики узкий выступ на спине птицы, означающий, по-видимому, ее крылья⁶ (рис. 13, 5).

Как полагают исследователи, нередкое на неолитических сосудах изображение утки в сочетании с горизонтальными зигзагами означает, что эта птица показана «вместе со своей стихией — водой, волны которой трактованы в виде этих зигзагообразных линий»⁷. П. П. Ефименко пи-

¹ Н. М. Ядринцев. Отчет о поездке в Восточную Сибирь в 1886 г. для обозрения местных музеев и археологических работ. ЗРАО, новая серия, т. III, 1888, стр. XIV.

² Н. К. Ауэрбах. Ук. соч., стр. 176.

³ Красноярский музей, колл. 185—21; см. В. И. Громов. Из полевых археологических наблюдений на Енисее летом 1935 г., стр. 98.

⁴ П. Ефименко. До питання про джерела культури пізньої бронзи на території Волго-Кам'я. Археологія, II, Київ, 1948; Д. Н. Эдинг. Ук. соч.

⁵ С. Н. Замятнин. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите северо-восточной Европы, стр. 108, рис. 5.

⁶ Там же, рис. 5, 9; А. Я. Брюсов. Свайное поселение на р. Модлоне, МИА, № 20, 1951, рис. 13, 1.

⁷ Н. Н. Гурин. Энеолитические поселения у Повенца Медвежьегорского района.

шет, что самая форма сосудов ассоциируется с яйцом, символом жизненного начала природы. Горизонтальные волнистые линии на сосудах, по его словам, воспроизводят волнующуюся поверхность воды, а косые черты — спокойную. Изображения водных птиц на сосудах, представляющие как бы фриз из ряда плывущих птиц, окаймляющие сосуд, по его мнению, имели прямое отношение к «религиозным, космогоническим представлениям местных племен, вырастающим, очевидно, главным образом из культа воды и весеннего пробуждения природы»¹.

Я думаю, что П. П. Ефименко прав. Символика неолитических сосудов имеет, видимо, общую основу с мифом Калевалы о яйце, из которого произошла вселенная. Сюда же восходят и дуалистические мифы о сотворении мира птицей, характерные для славянского и финского фольклора.

К востоку от Урала такие изображения водоплавающих птиц в неолитической керамике и в петроглифах, однако, до сих пор не отмечались. Тем интереснее, что совершенно чуждое для Прибайкалья изображение утки оказалось именно там, где обнаруживаются признаки древних культурных связей с Приуральем и Карелией, — на берегах Енисея вблизи Красноярска².

Есть и еще один факт, на котором здесь следует остановиться, — черты сходства с приуральскими памятниками неолита в костяных изделиях на Среднем Енисее. На Усть-Собакинской стоянке найден костяной наконечник стрелы с расширенной головкой, повторяющей по форме биконические головки столь характерных для севера европейской части СССР и для Урала веретенообразных наконечников. Это самый восточный из всех таких наконечников³.

Столь же интересно и то обстоятельство, что А. Еленев при раскопках в Бирюсинских пещерах нашел там семь фрагментов костяных вкладышевых наконечников, повторяющих по типу уральские наконечники⁴. Они имеют вид узких длинных стержней, плоско-овальных в поперечном сечении, с округленно-овальным насадом и хорошо врезанным боковым желобком для каменных пластин-лезвий. Наконечники такого рода в Прибайкалье неизвестны, если не считать найденных в 1937 г. в низовьях Ангары на о. Каменном, которые, однако, территориально очень близки к енисейским, а по своему характеру тоже отличны от остальных ангарских изделий такого рода⁵.

Следует также сказать о некоторых данных, указывающих на связи древних племен Приенисейского края с племенами соседних областей Средней Азии, вплоть до Приаралья. Так, например, на дюнах той же Базаихи был найден кремневый наконечник стрелы с боковой выемкой, в точности повторяющий кельтеминарские наконечники по очертаниям, размерам и технике изготовления. Как кельтеминарские, этот наконечник изготовлен из ножевидной пластины, лишь слегка подправленной краевой ретушью. Черешок его длинный ($\frac{2}{3}$ общей длины наконечника), образован боковой выемкой, острие соответственно короткое и широкое⁶.

Археологический сборник. Изд-во Н.-и. института культуры Карело-Финской ССР. Петрозаводск, 1947, стр. 71.

¹ П. П. Ефименко. Ук. соч., стр. 43; ср. стр. 28.

² Следует отметить, что в 1956 г. мне довелось осмотреть писаницы неолитического, как я думаю, времени на р. Оке около с. Братская Када. И здесь оказалось изображение лебедя или гуся, аналогичное карельским.

³ Красноярский музей, колл. № 84/231.

⁴ Там же, колл. № 59—60; В. Я. Толмачев. Древности Восточного Урала. Материалы по первобытной и историческо-бытовой археологии Зауральской части Пермской губ. Вып. I, СПб., 1912, табл. 2, рис. 7—10; П. А. Дмитриев. Шигирская культура на восточном склоне Урала, рис. 3, 16, 17.

⁵ А. П. Окладников. Мастерская каменного века на о. Каменном-Кежемском. Уч. зап. ЛГУ, сер. историч. наук, вып. 13, 1949, табл. II, рис. 1, 3, 6.

⁶ Красноярский музей, колл. 107—6, III/4. Ср. С. П. Толстов. Хорезмская экспедиция 1939 г. КСИИМК, вып. VI, 1940, стр. 70, рис. 14.

Каким путем и откуда на Среднем Енисее появились наконечники такого рода можно судить по аналогичным находкам в том же восточном Приуралье, куда ведут и другие общие для этого района и Среднего Енисея культурные элементы.

Согласно исследованиям В. Н. Чернецова, аналогичный по форме и технике изготовления наконечник был найден И. Я. Словцовым при раскопках нижнего слоя Первой Андреевской стоянки на Андреевском озере вблизи Тюмени¹. Он найден и на Урале, где его отмечают в находках со стоянки у д. Палкино².

О возрасте всех этих находок, и в том числе наконечника из Базаихи, судить трудно. Но, скорее всего, все они не старше кельтеминарского поселения Джанбас-кала № 4 в Хорезме и, следовательно, относятся к развитому неолиту.

В таком случае они естественным образом и закономерно сочетаются с теми отмеченными выше чертами керамики древних поселений Среднего Енисея, Западной Сибири и Урала, которые сближают их с кельтеминарскими поселениями. Сюда, в первую очередь, относятся, как мы знаем, своеобразная композиция орнамента, расчленяющегося на отдельные малые поля внутри широкой горизонтальной полосы узора, а также специфический волнистый или струйчатый орнамент, находящийся часто в сочетании с гребенчатыми отрисками и криволинейными зигзагами, выполненными «танцующей лопаточкой»³.

* * *

Приведенные выше факты, свидетельствующие о весьма древних культурно-исторических связях между населением Приенисейского края и другими племенами, представляют большой исторический интерес.

Рассматривая их на более широком историческом фоне, мы можем сделать ряд важных выводов и прийти к определенным заключениям как по истории самих приенисейских племен, так и по такой большой и сложной проблеме, какой является вопрос о прародине финно-угорских племен и о появлении самодийских племен на Саянах и в долине Енисея.

Первый такой вывод заключается в том, что, как видно из приведенных выше примеров, в серовское время (конец IV—III тысячелетие до н. э.) племена Приенисейского края находились не только в близком соседстве, но и в тесных культурных связях с населением Прибайкалья. В это время существовала, вероятно, не только культурная, но и этническая общность населения этих районов Сибири.

Однако уже тогда, на этом относительно раннем этапе развитого лесного неолита Сибири, обнаруживаются и достаточно отчетливые признаки связей приенисейских неолитических племен как с относительно близким, так и с более далеким западом. К этому времени относятся сосуды и скульптурные изделия, так или иначе сходные с вещами, характерными для Волго-Окской области, Карелии и даже Прибалтики.

Сходны также костяные наконечники шигирского типа, пластинчатые наконечники с боковой выемкой и ранняя керамика со струйчато-волнистым узором, напоминающая полуденскую керамику Урала и кельтеминарскую в Приуралье.

Эти западные связи продолжают, несомненно, существовать и в последующее время в III—II тысячелетиях до н. э., когда на Среднем Енисее

¹ В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья, стр. 26.

² П. А. Дмитриев. Культура населения Среднего Зауралья в эпоху бронзы МИА, № 21, 1951, стр. 11, рис. 1, 4.

³ С. П. Телстов. Древности Верхнего Хорезма. ВДИ, 1951, № 1, стр. 158; В. Н. Чернецов. Ук. соч., стр. 30—31.

появляются памятники, сначала близкие к китойским, а затем к глазковским (погребения на Афонтовой Горе, у д. Перевозной, нижний слой Усть-Собакинской стоянки и др.).

Нужно подчеркнуть в связи с этим, что значительное сходство поздне-неолитических памятников на Среднем Енисее с прибайкальскими вовсе не означает, что культурные связи шли только в одном направлении, т. е. с востока на запад. Раскопки Ангарской археологической экспедиции у с. Братска, в низовьях Ангары, у так называемого Монастырского Камня, дали для позднесеровского и китойского времени богатый керамический материал. Среди этих находок на первом месте — обломки круглодонных сосудов, сплошь покрытых горизонтальными рядами (зонами) гусенично-гребенчатых оттисков.

Отсюда следует, что в китойское время или даже в конце серовского времени определенное культурное влияние, направленное от Енисея на восток, достигает местностей в районе р. Оки, около нынешнего Братска, а может быть, и еще далее вверх по Ангаре, и даже по Лене, через Ангаро-Ленское междуречье. Так, один фрагмент сосуда подобного рода оказался в культурном слое на территории Верхоленского неолитического могильника.

Неслучайны, по-видимому, и некоторые перемены в орнаментации глиняных сосудов, которые происходят в Прибайкалье в глазковское время. До конца китойского времени в Прибайкалье орнаментируется только верхняя часть сосуда. Лишь в глазковское время для Прибайкалья, выше с. Братска, впервые отмечается появление зональной сплошной орнаментации, покрывающей сосуд от венчика и вплоть до конца дна. Но и теперь такая орнаментация глиняных сосудов бывает в Прибайкалье очень редкой. По тщательности выполнения и по чистоте работы она обычно уступает здесь той, которая известна у Братска и Красноярска.

В частности, любопытно, что на сосудице из погребения глазковского времени в Шивере такой узор выполнен крайне упрощенно и не штампом, а резными линиями и точками. Таким образом, создается впечатление, что глазковский гончар, лепивший этот сосуд и украшавший его орнаментом, сознательно стремился повторить наиболее простыми средствами готовую схему чужого узора, заимствованную от западных соседей¹.

Со временем на Среднем Енисее местное население переходит от занятия исключительно охотой и рыбной ловлей к скотоводству или даже земледелию. Такой переход был вполне естественным в условиях контакта лесных племен со степными скотоводами и земледельцами, сначала афанасевцами, затем андроновцами и племенами карасукского времени.

Этот переход хорошо иллюстрируется материалами Усть-Собакинской стоянки у Красноярска. В верхних ее слоях есть керамика, отчасти близкая к андроновской, но более всего к карасукской керамике. Здесь имеется несколько образцов сосудов, типично карасукских по общим очертаниям их форм. Это характерные сферические сосуды с вертикальным узким горлом. Орнамент некоторых сосудов тоже близок к карасукскому. Он состоит из горизонтального пояса в виде ромбов, соединенных друг с другом².

К этой группе сосудов принадлежит, очевидно, и тот сосуд карасукского облика, который был найден на Усть-Собакинской стоянке вместе с медным кольцом (может быть, это остатки погребения, впущенного в более ранний культурный слой поселения) (рис. 14, 1—4).

Там же встречаются фрагменты сосудов, поверхность которых покрыта оттисками лопаточки. Поверхность последней была покрыта нарезными

¹ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. III, МИА, № 43.

² Красноярский музей, колл. 179—127, 110—263; 110—265.

линиями, пересекающимися в виде «шахматной» или «шашечной» сетки. Оттиски эти имеют вид довольно крупных углубленных квадратиков, разделенных выпуклыми полосками¹. Вместе с ними найдены обломки грубых сосудов, отличающихся рыхлостью и значительной примесью шерсти, оставившей отпечатки на поверхности черепков². Интересно, что эти черты характерны также для керамики наиболее поздних памятников неолита Якутии и ее бронзового века. В связи с этим отметим, что антропологи допускают проникновение таежных монголоидов в степи южной Сибири в позднем бронзовом веке.

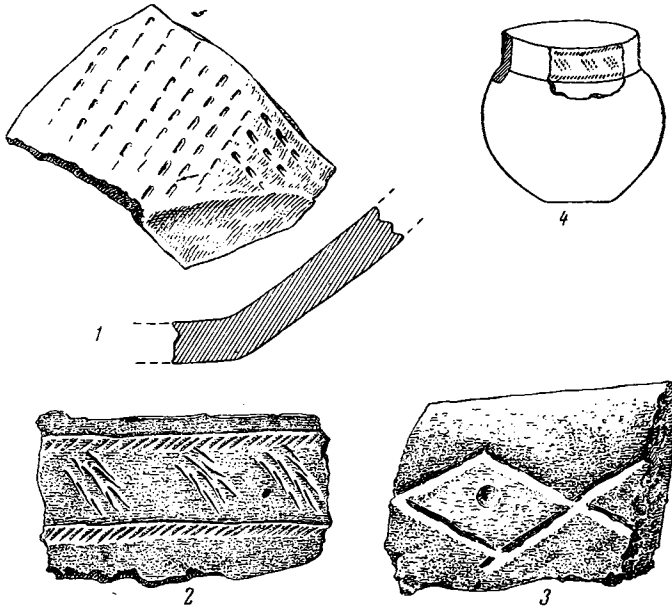

Рис. 14.

1, 2, 3 — фрагменты сосудов с Усть-Собакинской стоянки; 4 — реконструкция сосуда с Усть-Собакинской стоянки (рис. 1—3 даны в $\frac{1}{2}$ нат. велич.)

Вместе с керамикой, напоминающей карасукскую, в третьем культурном горизонте стоянки обнаружены кости домашней овцы, свиньи (?), а во втором горизонте коровы и, по-видимому, лошади. «Экономические основы (красноярской.— А. О.) культуры,— пишет по этому поводу В. Г. Карцов,— к концу ее постепенно видоизменяются, и она становится из культуры чисто звероловческой культурой уже скотоводческой, основывающейся преимущественно на разведении крупного и мелкого рогатого скота, хотя и не теряющей связей с охотой»³. Есть там, по-видимому, и керамика тагарского облика и времени. Нечто подобное, вероятно, имело место и в других районах Сибири к западу от Енисея, в том числе на Оби.

Следовательно, и в это время в керамике приенисейских племен тоже обнаруживаются новые черты, которые еще больше сближают ее с культурой лесостепных западносибирских племен андроновско-карасукского времени. Черты эти можно было бы всецело отнести за счет влияния андроновских и карасукских племен на их лесных соседей, если бы здесь не было ряда специфических деталей узора, чуждых степным культурам, каким является, например, сетка в виде восьмиугольников.

Исходя из вышеизложенного, можно высказать предположение, что черты культурной общности между древнейшим населением Приенисей-

¹ Красноярский музей, колл. 179, 142, 152.

² Там же.

³ В. Г. Карцов. Ук. соч., стр. 22—23.

ского края и Западной Сибири (с Приуральем) в конце неолита и в бронзовом веке объясняются не столько контактом культур и проникновением отдельных вещей или заимствованием видов орнамента, приемов изготовления глиняной посуды, т. е. не столько «диффузией» культурных элементов, сколько проникновением на восток определенной группы западных племен.

Проникновение это отмечается в неолите и продолжалось в эпоху бронзы, а также, видимо, и позже. Мы можем назвать теперь эти древние племена их собственным именем, а также связать их с конкретными этническими группами нашего времени. Мне кажется, что в племенах этих правильнее всего видеть ту этническую группу, потомки которой вошли в качестве основного пласта или субстрата в состав позднейших угорских племен Приуралья, т. е. хантов и маньси, а также венгров.

С прослеживаемым на материалах археологии весьма ранним появлением на Среднем Енисее, у подножья Саянских гор, этих, западных по происхождению, уральских племен, следует связывать в таком случае и наличие здесь в дальнейшем племенных групп, говоривших на самодийских языках.

Как известно, уже в XVIII в. и в начале XIX в. было установлено, что в долине Енисея и в районах Саяно-Алтайского нагорья проживали племена, говорившие на языках, родственных самоедским, позднее вымершие или отуреченные, а отчасти обруселые. Выдающийся лингвист и этнограф XIX в. А. М. Кастрен привел новые яркие доказательства этого положения, развил и теоретически обосновал его с полной ясностью.

В свете собранных фактов стало ясным, что разъединенные в XVIII—XIX вв. огромными территориальными пространствами самодийские племена жили когда-то вместе, на одной и той же территории и составляли одно этническое целое.

Но где была эта общая родина самодийских племен? На востоке, в Саянах, или на западе — около Урала? И какая часть их осталась на родине, а какая ушла из нее? Ушли ли на запад нынешние ненцы-самоеды европейской тундры или, наоборот, с Запада на Восток, к верховьям Енисея пришли когда-то предки саянских самоедоязычных племен? И когда, наконец, произошло это расчленение предков самодийских племен на две территориально разделенные части?

Обнаружив наличие самодийских племен в районе Саяно-Алтайского нагорья, Кастрен выдвинул в своих трудах, определивших целую эпоху, теорию, согласно которой именно здесь, на далеком Востоке, в глубинах Азии и находилась общая прародина не только самодийских, но, естественным образом, и всех финно-угорских племен, поскольку им тогда же было установлено языковое родство самодийских и финно-угорских племен¹.

Однако, рассуждая логически, можно сказать, что в такой же мере возможно и обратное предположение, т. е. мысль о том, что родина всех финно-угорских племен находилась не на востоке, а где-то на западе и что они пришли не с Енисея к Уралу и далее к берегам Балтийского моря, а наоборот.

Во всяком случае, этому не противоречит наличие на востоке финно-угорской топонимики. Придя сюда с запада, эти древние финно-угры, естественно, должны были и здесь оставить следы своего пребывания. Топонимика ничего более не дает для решения данного вопроса и дать не может.

Для того, чтобы установить прародину финно-угорских племен и конкретные пути их распространения, нужно, следовательно, иметь какие-то

¹ См. сжатый, но весьма полный обзор истории вопроса о саяно-алтайской прародине финно-угров в монографии Э. М о л ь н а р а «Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа» (Studia Historica. Academiae scientiarum hungaricae, 13, Будапешт, 1955, стр. 34—43).

иные источники. Такими источниками при отсутствии письменных данных могут быть прежде всего археологические памятники, дополняемые лингвистическими, антропологическими и другими данными.

Именно так и поступают советские исследователи, опирающиеся на результаты новейших археологических исследований в Восточной Европе, на Урале и в соседних областях Средней Азии.

А. Я. Брюсов, например, полагает, что древние племена, оставившие в лесной полосе европейской части СССР неолитические культуры с «ямочно-зубчатой» керамикой, были далекими предками позднейших финских племен¹. Согласно взглядам С. П. Толстова, в области Приаралья еще во время существования неолитической кельтеминарской культуры, т. е. в IV—III тысячелетиях до н. э., обитали финно-угорские племена². Следует, конечно, при этом иметь в виду, что в Приаралье находился, по всем данным, не центр, а только лишь периферийный выступ древней неолитической культуры севера, хотя во многом связанный уже по своему географическому положению с культурами южных областей Средней Азии, а также Ирана, Афганистана и Индии. Кельтеминарские племена находились здесь в IV—III тысячелетиях до н. э. в общении с двумя различными группами среднеазиатских и южноазиатских племен. В одну группу входили тогда земледельцы оазисов, обладавшие расписной керамикой типа Анау, в другую — те южные охотничье-рыболовецкие племена, которые заселяли обширные пространства прикаспийских степей и пустынь.

Еще раньше, до разделения на мотыжных земледельцев и охотников-рыболовов (позже — степных скотоводов), здесь существовала единообразная, во многом эппалеолитическая культура древних охотников и собирателей, для которой были характерны специфические капсийские или ориньякские приемы изготовления каменных орудий и миниатюрные изделия геометрических форм в виде сегментов, треугольников, трапеций. Очень вероятно, что неолитические потомки этих «капсийских» по культуре племен, распространенных когда-то от Сыр-Дарьи до южной Индии и Австралии, говорили, как полагает С. П. Толстов, на языках дравидийской группы и языках мунда. Что же касается их северных соседей, то это, вероятно, были предки финно-угров. Этим финно-угорским племенам неолитического времени, по-видимому, принадлежали столь родственные друг другу неолитические культуры Урала и Западной Сибири. Точнее говоря, в этих древних племенах Приаралья, Урала и Западной Сибири следует видеть не вообще финно-угров и не финнов, а именно угорских предков позднейших уральских племен, т. е. предков хантов, маньси, венгров и самодийцев.

Соседняя, очень близкая, но вместе с тем все же во многих отношениях отличная культура волго-окского и карельского неолита с ямочно-гребенчатой керамикой должна была, скорее всего, принадлежать собственно финским племенам, как и полагает А. Я. Брюсов.

Эти взгляды вытекают из изучения археологических памятников лесной полосы европейской части РСФСР и соседних территорий Средней Азии.

Теперь мы можем сказать, что они находят подтверждение и на востоке, в археологических памятниках той самой области, где Кастрен хотел видеть прародину финно-угров.

Мы можем сказать теперь, что здесь, начиная с Енисея, в это далекое время существовала совсем другая исаковско-серовская культура, простираясь иной культурно-этнический мир. Мы достаточно хорошо знаем теперь эту культуру. Ее территория начиналась на берегах Енисея, а может

¹ А. Я. Брюсов. Заселение севера европейской части СССР в неолитическую эпоху. Тезисы докладов и выступлений сотрудников ИИМК, подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований. М., 1951, стр. 23.

² С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 72—74.

быть, даже в Барабинских степях и у современного Кузнецка. Отсюда она простиралась к востоку за Енисей, к берегам Байкала и далее к верховьям Амура. Влияние ее сказывалось даже в наиболее раннем неолите Монголии и северо-восточного Китая, который лишь по недоразумению называют часто «микролитическим». Потомками ее носителей следует считать алтайские (тюркомонгольские и тунгусские) племена Сибири и Центральной Азии.

За взаимоотношениями этих двух больших культурных областей Азии скрывались, несомненно, взаимоотношения двух больших изначально различных групп древнего населения. На востоке жили древние монголоидные по их физическому облику племена. На западе жили племена изначально европеоидного облика. Процесс смешения европеоидов запада с монголоидами востока начался, вероятно, задолго до неолита, еще в верхнепалеолитическое время, в то далекое время, когда на берегах Ангары существовали поселения типа Мальты и Бурети с восточноевропейской по облику культурой. Должно быть, уже тогда в этой зоне контакта, на территории между Уралом и Енисеем, возникло смешанное в антропологическом отношении население, начал формироваться так называемый лапоноидный или уральский антропологический тип, совпадающий, как известно, в значительной мере с носителями уральских и финно-угорских языков.

Как конкретно протекал в своих деталях этот грандиозный по времени и территориальным масштабам процесс смешения древних племен востока и запада, судить трудно. Но о том, что он действительно имел место, можно судить по приведенным выше археологическим фактам, а также по антропологическим данным, свидетельствующим о наличии европейских черт в физическом облике монголоидного неолитического населения Прибайкалья уже весьма раннего времени. Одним из важнейших событий такого взаимодействия и взаимопроникновения европеоидных племен запада и монголоидных племен востока в неолитическое время было, во-первых, распространение на запад, в долину Енисея, прибайкальских племен, происходившее в конце серовского времени, если не ранее. Это было время, когда серовская культура и черты китойской культуры обнаруживаются на Среднем Енисее.

Еще более важным по своим последствиям было встречное распространение на восток, к берегам того же Енисея и, быть может, еще далее, в Саяны, тех обитателей Приуралья и Западной Сибири, которые принесли с собой отмеченные выше западные элементы культуры в район современного Красноярска и в низовья Ангары по направлению к нынешнему Братску, сначала в неолите, потом в эпоху бронзы.

В результате проникновения западных племен на Енисей, начавшегося, быть может, еще в палеолите, там и появились предки самодийских племен, которые впоследствии, после возникновения оленеводства, снова распространились на северо-запад, в более удобные и богатые оленьими пастбищами места.

В Саянах и на Енисее, следовательно, не было никакой прародины финно-угорских племен и, в частности, самодийцев. Древняя родина всех их — лесное и лесостепное Приуралье, как западное, так и восточное, а также соседние с Уралом лесные области Восточной Европы¹.

¹ Я не останавливаюсь здесь на других гипотезах относительно древнейших судеб самодийских племен, в частности на попытках связать самодийцев с юкагирами (огулами), а говорю только о том, что мне кажется при современном состоянии разработки этих проблем более вероятным и бесспорным.

Е. И. КРУПНОВ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ДАТИРОВКЕ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Как установлено археологическими исследованиями последних лет на Кавказе, начавшийся еще с эпохи энеолита активный процесс хозяйственного освоения древними местными племенами высокогорных районов Северного Кавказа (о чем уверенно можно говорить по памятникам Грозненской области и Северной Осетии, в частности Дигории), оказывается полностью завершенным уже в конце II — начале I тысячелетий до н. э. Было выяснено, что для I тысячелетия и даже для II тысячелетия до н. э. нужно предполагать не «знакомство с горными районами», как думали некоторые авторы (А. А. Миллер¹ и Б. Е. Деген-Ковалевский²), а настоящее экономическое освоение этих районов племенами Северного Кавказа еще в эпоху средней бронзы.

Массовое заселение ксерофитных районов и хозяйственное использование их природных богатств на рубеже II—I тысячелетий до н. э., несомненно, было стимулировано растущей ролью стадного скотоводства в хозяйстве местного общества, а также дальнейшим развитием меднорудного дела, что являлось характерной особенностью развития экономики той эпохи.

Последовательное изучение памятников материальной культуры Северного Кавказа приводит к выводу, что в результате трудовой деятельности древнего населения этого края еще предшествующий этап характеризовался повышением производства как средств и орудий труда, так и продуктов питания.

Этот повсеместно протекающий производственный, общественно необходимый процесс и приводит, по заключению Энгельса, «к периоду, во время которого все культурные народы переживают свою героическую эпоху,— эпоху железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора. Человеку стало служить железо, последнее и важнейшее из всех видов сырья, сыгравших революционную роль в истории... Железо сделало возможным полеводство на крупных площадях..., оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из известных тогда металлов»³. Только в эту эпоху на юге начинает развиваться пашенное земледелие, заметно совершенствуется домашнее производство, накапливаются предпосылки для будущего отделения ремесла от земледелия; в конце этой эпохи возникает производство не только для себя, но и для обмена; усиливается имущественное неравенство, появляется патриархальное рабство и, наконец, создаются предпосылки для образования уже классового общества — «родовой строй превращается в свою противоположность».

¹ А. А. Миллер. Работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1932 г. ПИМК, Л., 1933, № 1—2, стр. 47.

² Б. Е. Деген-Ковалевский. Курганы в Кабардинском парке, МИА, № 3, 1941, стр. 290.

³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Л., 1949, стр. 168.

Почти со всеми этими признаками, характеризующими определенный этап в историческом развитии любого общества, мы сталкиваемся и при изучении родоплеменных обществ центральной части Северного Кавказа переходной поры от бронзы к железу, т. е. в I тысячелетии до н. э. Судя по богатству и оригинальности материальной культуры, эта эпоха является одной из самых блестящих и ярких страниц всей древней истории народов Северного Кавказа.

Наконец, в начале I тысячелетия до н. э. происходит массовое, уже производственное, индустриальное освоение нового металла — железа, определившее все дальнейшее хозяйственное и культурное развитие древнего населения Северного Кавказа.

Основным источником для суждения об особенностях этой эпохи служат многочисленные памятники замечательной своими оригинальными формами так называемой кобанской культуры, получившей свое название от осетинского с. Кобан, у которого в 1869 г. случайно был открыт первый могильник этой культуры¹. Лучше исследованными памятниками этой культуры оказались могильники; известные в небольшом числе поселения серьезно еще не изучены.

Резко бросающаяся в глаза диспропорция, наблюдаемая между весьма малым числом известных поселений с культурными слоями кобанской культуры и кобанскими могильниками, особенно в горных районах края, объясняется двумя причинами: с одной стороны, тем, что бытовым памятникам археологи уделяли меньшее внимание, чем могильникам, с другой — тем, что большинство современных населенных пунктов в горах расположены на древних поселениях, в силу чего древние культурные остатки оказываются или полностью уничтоженными, или трудно доступными для исследования (например, у сс. Кобан, Камунта в Сев. Осетии и др.).

Пышно расцветшая на использовании местной меднорудной базы кобанская культура занимает особое место в системе кавказских древностей. Она давно возбудила к себе глубокий интерес со стороны русских и зарубежных ученых. Неповторимое своеобразие богатого ассортимента оригинальных бронзовых предметов принесло древностям Северного Кавказа мировую известность, особенно после V Археологического съезда, состоявшегося в Тифлисе в 1881 г.

Наиболее типичной формой погребального сооружения раннего этапа кобанской культуры является прямоугольная могила, обложенная каменными плитами или булыжниками и накрытая плитой. В такой каменный ящик погребенного клали в скорченном положении, на правом, реже на левом боку. Ориентировка погребений произвольная².

Как в мужских, так и в женских могилах встречается (в качестве сопровождающего инвентаря) огромное количество бронзовых предметов — оружие и украшения. В более ранний период железное оружие встречалось чрезвычайно редко. Головные уборы украшались бронзовыми бляшками. На руках и ногах были надеты различные бронзовые браслеты, спиральные наручники и налокотники. Шеи женщин украшали ожерелья из бронзовых и сердоликовых бус. Одежды скреплялись различными фибулами (застежками) и крупными стержневыми булавками. Опоясывались умершие пластинчатыми бронзовыми поясами, скреплявшимися высокими и массивными пряжками, нередко украшенными железной инкрустацией. Из оружия резко выделялись бронзовые топоры чрезвычайно оригинальной формы и разнотипные кинжалы. Кроме того, с умершими

¹ Г. Д. Филимонов. Доисторическая культура Осетии. М., 1878; В. Б. Антонович. Дневник раскопок на Кавказе. Тр. Подготовительного комитета V АС. М., 1879, стр. 42—245; МАК, вып. VIII, М., 1900, стр. 3, сл.; E. Chantre. Recherches anthropologiques dans le Caucase, т I—II, Paris-Lyon. 1886; R. Virchow. Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten. Berlin, 1883.

² Уч. зап. Кабардинского НИИ, т. I, Нальчик, 1946 г., стр. 145.

клали множество разнообразных привесок в виде птиц и животных, глиняную, а иногда и бронзовую посуду.

Первоначально памятники, относящиеся к кобанской культуре, были обнаружены только на территории Северной Осетии. Дальнейшими же исследованиями было установлено, что действительная область распространения кобанской культуры, несомненно, гораздо шире.

В своей основе кобанская культура больше всего отражает особенности культуры горных районов Северного Кавказа и только отчасти Закавказья (районы Юго-Осетии, Рача). Но спорадически, особенно в поздний период, ее элементы встречаются в предгорных и даже в степных районах края¹, вплоть до Моздокской степи, откуда известны бронзовые топоры кобанского типа, хранящиеся в музеях городов Орджоникидзе и Нальчика.

В восточном от Осетии направлении эта культура хорошо прослеживается в пределах горной и предгорной полосы Грозненской области, вплоть до Дагестана, откуда еще Д. Н. Анучину были известны случайные находки кобанской культуры². Особенно показательны в этом отношении могильники у ст. Нестеровской³ и у с. Исти-Су, расположенного в 40 км к востоку от г. Грозного⁴, у с. Луговое⁵, не считая случайных, очень интересных находок, как, например, кобанских фибул из района г. Гудермеса, или бронзовой фигурки оленя из с. Джерах, найденной Л. П. Семеновым в 1927 г.⁶. Здесь кобанская культура соприкасается с синхронной ей на северо-восточном Кавказе каякентско-хорочоевской культурой⁷.

Что касается западных от Осетии районов, то и там кобанская бронза представлена богато. Местонахождения могильников, поселений и отдельных находок кобанского типа стали известны и по долинам рр. Малки, Чегема, Черека, Баксана и другим горным ущельям Кабардинской АССР, выявленные работами В. Ф. Миллера, позже П. Г. Акритасом, К. Э. Гриневичем и автором данной работы⁸. Подобные памятники известны и из более западных районов Пятигорья, вплоть до Теберды. Их исчерпывающе описал и определил А. А. Иессен⁹.

А. А. Иессену удалось выделить в Прикубанье особый культурный очаг обработки цветных металлов, одновременный и даже сходный с кобанским производственным районом¹⁰. Этот очаг явился базой развития в бассейне верховьев Кубани и всего Прикубанья особой культуры конца

¹ Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен. Моздокский могильник. Л., 1940, стр. 24.

² Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года. Изв. РГО, т. XX, вып. 4, СПб., 1884, стр. 357—449.

³ Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассинского ущелья. Тр. ГИМ, вып. XII, М., 1941, стр. 175; его же. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи. Тр. ГИМ, вып. XVII, М., 1948, стр. 25.

⁴ Обзор полевых археологических исследований ИИМК АН СССР в 1928 г., КСИИМК, вып. I, 1940, стр. 28; О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура северо-восточного Кавказа в скифский период. СА, XIV, Л., 1950, стр. 20.

⁵ Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция, КСИИМК, вып. 55, 1951, стр. 95.

⁶ Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в 1927 г., Владикавказ, 1928, стр. 194.

⁷ А. П. Круглов. Предскифские памятники Северо-Восточного Кавказа. Уч. зап. ЛГУ, вып. 13, 1949, стр. 111—118; Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана, МИА, № 23, стр. 208.

⁸ В. Ф. Миллер. Терская область. МАК, вып. I, М., 1888, стр. 85—87, табл. XXI—XXV; П. Г. Акритас. Археологическая разведка в Кабарде в 1946 г. Уч. зап. Кабардинского НИИ, т. II, Нальчик, 1947, стр. 301; К. Э. Гриневич. Новые данные по археологии Кабарды, МИА, № 23, стр. 125—139; Уч. зап., Кабард. НИИ, тт. IV—V, Нальчик, 1948 и 1950.

⁹ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, № 23, стр. 75—124. (Очень выразительные находки кобанской культуры из этих районов хранятся в музеях нашей страны и в особенности в музеях Нальчика и Пятигорска).

¹⁰ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлообработки во 2-й половине II и в нач. I тыс. до н. э., КСИИМК, вып. XVIII, 1947, стр. 18—22.

бронзового и начала железного века, генетически связанной с культурой предшествующей эпохи и развивающейся в связи с древней культурой Абхазии и центрального Предкавказья.

Значительно сходство отдельных категорий предметов из могильников кобанской культуры центральной части Северного Кавказа с обильными находками бронзовых вещей из районов Западной Грузии и в первую очередь из Имеретии, Абхазии, Гурии, Аджарии и даже с южного, турецкого побережья Черного моря (Орду)¹.

Еще не так давно это сходство, прежде всего выраженное в оружии (топоры, кинжалы), признавалось за тождество и служило основанием для признания культурного единства и установления южных и западных границ распространения кобанской культуры по Черноморскому побережью и в Колхиде. Некоторые исследователи делали даже попытки к ликвидации

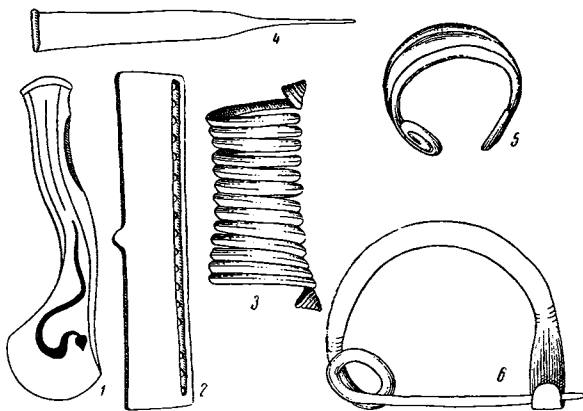

Рис. 1. Предметы, характерные для кобанской культуры из сел. Верхний Кобан (Бронзовый налокотник уменьшен примерно в 6 раз. Остальные предметы примерно $\frac{1}{3}$ нат. вел.)

самого термина «кобанская культура», считая его устаревшим². Но новый материал заставляет полностью восстановить этот термин и лишь исправить и уточнить вопрос о юго-западных границах кобанской культуры. То, что мы имеем на территории Западной Грузии, в Эшерском могильнике,— очень близко кобанской бронзе, но это не кобанская культура.

Внимательное изучение вещественных источников из Западной Грузии и Осетии приводит к заключению, что при значительном внешнем сходстве материала из горной части Северного Кавказа с материалом из Западной Грузии между ними имеется и большое различие. Это различие четко прослеживается при анализе погребального обряда, керамики, типов топоров, поясных пряжек и других украшений. В Западной Грузии преобладают грунтовые и кувшинные погребения; каменные ящики со скорченными скелетами там очень редки; керамика имеет формы и орнаментацию, отличную от кобанской; преобладает узкообушный тип топора; отсутствуют высокие поясные пряжки, крупные булавки, спиральные наручники и налокотники, а также широкие браслеты со спиральными концами; очень редки фибулы (рис. 1). В этом существенное отличие западногрузинских комплексов от кобанских. Наконец, различие проявляется в полном отсутствии на Северном Кавказе очень характерных для территории Колхиды бронзовых мотыжек, сечек-ножей для раскроя кожи³ и топоров «цалди» (рис. 2). Все это дает основание в этом действительно сходном материале видеть не одну аморфную «кобано-колхскую» культуру⁴,

¹ S. W. Przeworski. Der Grottenfund von Ordu. Archiv Orientalni, 7, № 8, Praha, 1935—1936.

² С. Н. Джанашиа. Общественные науки в советской Грузии. Изв. Ин-та языка, истории и мат. культуры, т. I, Тбилиси, 1937; Ш. Я. Амирашавили. История грузинского искусства, т. I, М., 1950, стр. 36.

³ Н. В. Трубникова. К вопросу о назначении кобанских сечек. КСИИМК, вып. XVIII, 1947, стр. 49.

⁴ Б. А. Куфтин. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе. ВГМГ, т. XII-B, 1944, стр. 327; Ш. Я. Амирашавили. История грузинского искусства, т. I, М., 1950, стр. 36.

а две близкие и синхронные культуры — кобанскую в центральном Предкавказье и колхидскую (но никак не «колхскую») ¹ культуру в Западной Грузии.

В аспекте нашей работы нет необходимости рассматривать другой, более крупный культурный очаг Центрального Закавказья, охватывающий район Восточной Грузии, Северной Армении и Западного Азербайджана и представленный такими могильниками, как Самтаврский, Калакентский, «Редкин лагерь» и др.

Таким образом, уже в самом начале I тысячелетия до н. э. на Северном Кавказе намечаются три обширных зоны бытования различных племенных групп, носителей определенных культур (рис. 3, карта).

На территории горного и предгорного Дагестана каякентско-хорочоевская культура ² оказывается связанной с местными культурами Восточного Закавказья ³. Почти вся центральная часть Северного Кавказа (Грозненская область, Северная Осетия и все Кабардино-Пятигорье, включая и северные районы Юго-Осетии) покрыта памятниками кобанской культуры разных стадий ее развития; и, наконец, в Прикубанье, начиная с бассейна верховьев Кубани и дальше до Черноморья, развивалась особая, вновь выявленная культура, в значительной мере сходная с кобанской, условно названная «прикубанской» ⁴.

На территориях, сопредельных с кобанской и прикубанской культурами, по ту сторону Кавказского хребта, как уже говорилось, пышно расцвела колхидская культура, имевшая общие с этими культурами (кобанской и прикубанской) глубокие корни и находившаяся в хозяйственно-

культурных связях с ними. Это естественно, так как все эти три культуры граничат между собою. Географическое размежевание этих культур произведено нами на карте, опубликованной еще в 1952 г. ⁵ (рис. 3).

¹ Термин «колхская», которым некоторые грузинские товарищи пытаются заменить термин «кобанская», менее приемлем, ибо он является произвольным от этнического названия народа — колхи, известного лишь с VI в. до н. э., тогда как начало развития кобанской культуры относится, по нашему мнению, к концу II тысячелетия до н. э.

К подобному же заключению о своеобразии колхидской культуры и ее отличии от кобанской пришел в своей диссертационной работе «Колхидский топор» и грузинский археолог О. М. Джапаридзе. См. О. М. Джапаридзе. Колхидский топор (на груз. языке). ВГМГ, т. XVI-B, Тбилиси, 1950, стр. 35—89; его же. Бронзовые топоры Западной Грузии. СА, XVIII, 1953, стр. 281.

² А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э., КСИИМК, вып. XIII, 1946 г., стр. 130.

³ Е. И. Крупнов. Каякентский могильник — памятник древней Албании. Тр. ГИМ, т. XI, М., 1940, стр. 10.

⁴ А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 29.

⁵ Е. И. Крупнов. Древняя история Кабарды. Уч. зап. Кабардинского НИИ, т. VII, Нальчик, 1952, стр. 8.

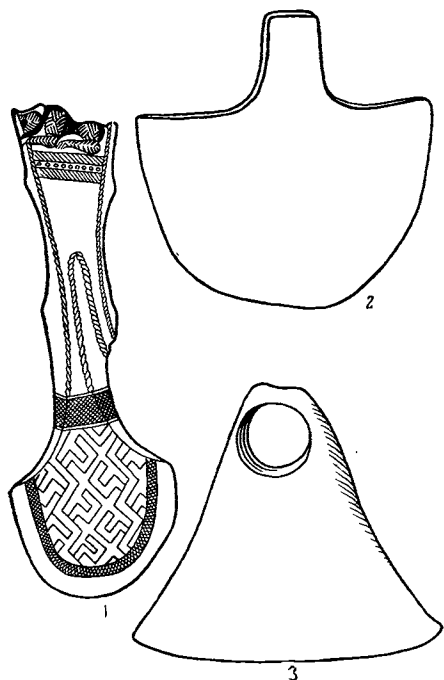
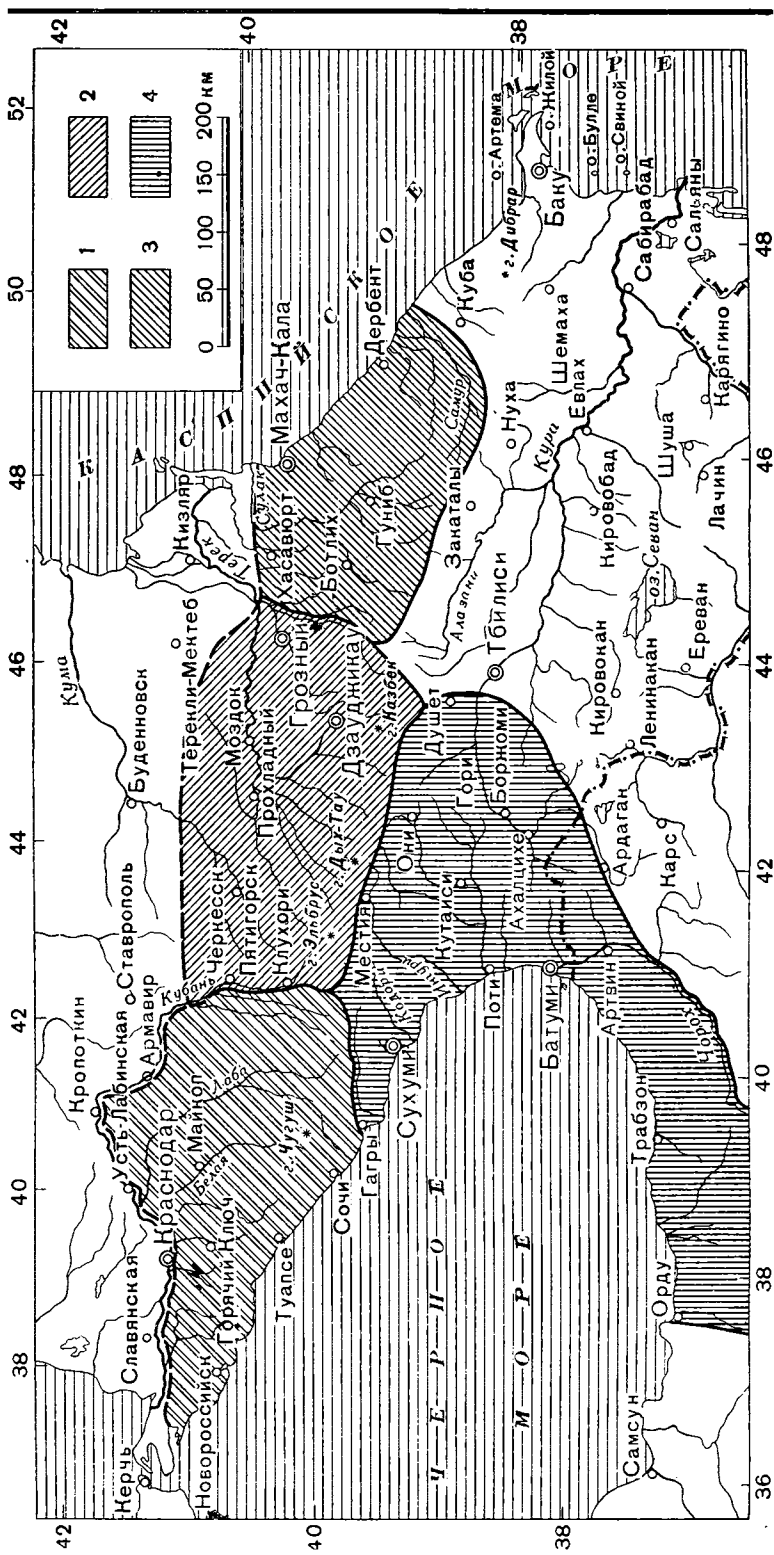

Рис. 2. Предметы, характерные для колхидской культуры.

1 — бронзовый топор из галиатского могильника «Фаскау». Собрание ГИМ. (Коллекция Б. Дзелихова); 2 — Бронзовый нож для раскраива кож. Случайная находка у с. Парцханакви (Зап. Грузия) (Собр. Кутаисского музея). 3 — бронзовая мотыга. Случ. находка у с. Квемонога в Зап. Грузии (Собр. Кутаисского музея) (примерно $\frac{1}{2}$ нат. вел.)

Кроме того, следует иметь в виду, что некоторая общность материальной культуры на всей этой территории соответствовала в прошлом и языковой общности, так как все древние племена по Тереку, Кубани и Риону до середины I тысячелетия до н. э. составляли одну иберо-кавказскую языковую семью.

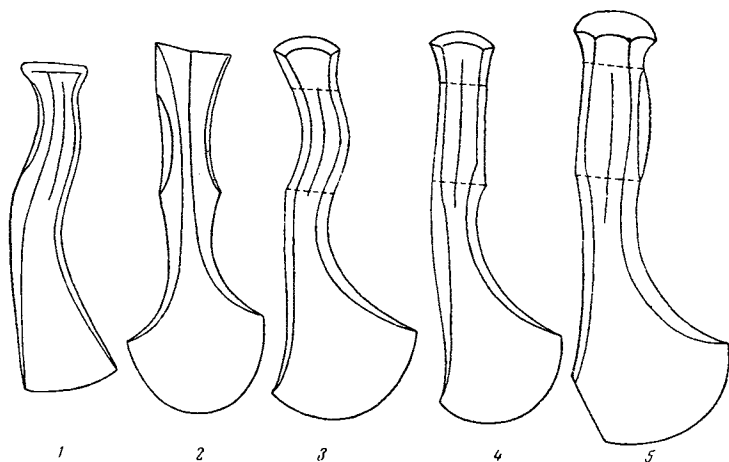

Рис. 4. Классификация типов бронзовых топоров.

1 — прикубанский тип топора (тип *д*, по Уваровой); 2 — колхидский тип (тип *г*, по Уваровой); 3 — кобанский тип (тип *а*, по Уваровой) и 4—5 — широко распространенные (типы *б* и *в*, по Уваровой) (примерно $\frac{1}{2}$ нат. вел.)

Изучение всего ассортимента орудий труда и быта, характерных для каждой из этих культур, приводит к выводу об их генетической связи с местными же культурами предшествующей стадии эпохи бронзы. Дальше мы подробнее остановимся на этом вопросе.

Что же касается руководящих форм хозяйственно-бытового инвентаря этих сходных между собой культур (кобанской, колхидской и прикубанской), то в настоящее время можно положительно утверждать, что к самому началу I тысячелетия до н. э. были созданы особые типы орудий труда, присущие отдельным районам. К этому времени были выработаны настолько оригинальные основные орудия труда, что их можно рассматривать как эталоны упомянутых культур. Наиболее типичными орудиями и оружием были бронзовые топоры, известные в нескольких вариантах. Попытки их типологической классификации даны в трудах Р. Вирхова, Е. Шантра, П. С. Уваровой, Ф. Ганчара¹, А. Л. Лукина² и О. М. Джапаридзе³.

Так, в Западной Грузии, в зоне бытования колхидской культуры самым распространенным и, следовательно, местным явился бронзовый топор с острым клиновидным обухом, прямым туловом и полукруглым лезвием (тип *г*, по уваровской классификации кобанских топоров⁴) (рис. 4, 2). Ф. Ганчар⁵ назвал его первым типом кобанского топора. О. М. Джапаридзе выделяет его как первый тип колхидского топора, наиболее распространенный в районах Западной Грузии.

Наоборот, наиболее типичен только для кобанской культуры широко известный тип изящного, дважды изогнутого топора (тип *а*, по уваровской

¹ F. H a n č a r. Die Beile aus Koban in der Sammlung Kaukasischer Altertümer. Wiener prähistorische Zeitschrift. XXI. Wien, 1934.

² А. Л. Лу к и н. Археология Бзыбской Абхазии. Тр. Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа, т. 1, Л., 1941, стр. 33.

³ О. М. Д ж а п а р и д з е. Бронзовые топоры Западной Грузии. СА, XVIII, 1953, стр. 284.

⁴ МАК, вып. VIII, 1900, стр. 15—16.

⁵ F. H a n č a r. Ук. соч., стр. 19.

классификации, и третий тип, по классификации Ф. Ганчара и О. М. Джапаридзе) (рис. 4, 3).

Для Прикубанского очага, как можно видеть по работе А. А. Иессена, наиболее обычным является изогнутый топор, с резко выраженным молотовидным обухом и с узким лезвием (близкий типу *д*) (рис. 4, 1).

Эти три основных типа бронзовых топоров лишь эпизодически встречаются во всех трех зонах и служат лишь показателями связей населения этих зон между собой. Так, например, кобанский изящно изогнутый топор очень редок в северных районах Западной Грузии и совсем не встречен в южных районах и в Аджарии.

Фактом, еще более подтверждающим наличие оживленного общения между племенами всего Западного Кавказа и Предкавказья¹, служит четвертый тип топора с прямым туловом и ограненной обушной частью (*б*, по уваровской классификации, и второй тип, по Джапаридзе) (рис. 4, 4). Он занимает как бы промежуточное положение между типом *а* (кобанским) и *д* (прикубанским). В некоторых вариантах (тип *в*) он более массивен (рис. 4, 5) и почти одинаково широко распространен как на территории прикубанской и кобанской, так и колхидской культур. Следовательно, он атипичен. И довольно частые находки этого топора во всех районах распространения упомянутых культур (особенно же в пограничных, например, в Кабардино-Пятигорье или в Лечхуме) могут свидетельствовать не только об общекультурном единстве и связях разных обществ, но и доказывать преимущество рабочих качеств именно этого типа топора по сравнению с другими топорами, обоснованно считавшимися лишь боевыми. Подавляющее большинство колхидских и кобанских топоров покрыто тонким и довольно сложным орнаментом (гравировкой) и не имеет следов употребления в работе. Следовательно, они рабочих функций не несли. Молоточную часть некоторых из них (особенно колхидских) иногда украшают даже скульптурные изображения животных (рис. 2, 1). Очевидно, это были лишь боевые и парадные топоры. Топоры четвертого, а отчасти и прикубанского типов никогда не украшались узорами, а многие из них сохранили даже явные следы употребления в работе (затупленность, зазубренность и т. д.). Эти рабочие топоры были широко распространены на Кавказе, как на Северном, так и в Закавказье.

Выше было уже отмечено, что намечающиеся отличительные признаки материальной культуры интересующих нас районов Центрального и Западного Кавказа прослеживаются не только по топорам, но и по наличию в одних районах и отсутствию в других определенных форм орудий и украшений, а также по погребальному обряду, ибо все эти признаки являются признаками и этнографическими. Картографирование топоров «цалди», бронзовых мотыжек, сечек-ножей, тяпок и других предметов из Западной Грузии позволило Б. А. Куфтину еще десять лет назад установить, что они распространены только в Колхиде и Лазике². Намеченные Б. А. Куфтиным границы почти совпадают с обозначенной нами границей распространения колхидской культуры (см. карту, рис. 3). В основном совпадает наша карта и с границами размежевания трех культур — кобанской, колхидской и прикубанской, которые намечает и А. А. Иессен в своей работе о Прикубанском очаге металлургии³.

Заслуживает внимания и тот факт, что примерно такое же размежевание областей Северного Кавказа установлено проф. В. В. Бунаком по антропологическим данным⁴.

¹ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. I, Тбилиси, 1949, стр. 230—233, рис. 49.

² Б. А. Куфтин. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе. ВГМГ, XII-В, Тбилиси, 1944, стр. 314, карта, рис. 12.

³ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии..., стр. 101, карта, рис. 34.

⁴ В. В. Бунак. Черепа из склепов горного Кавказа. Сб. МАЭ, т. XIV, 1953, стр. 361.

В недрах этих культур и в этническом составе местного населения той эпохи были уже заложены основы для формирования будущих народностей Северного Кавказа — адыго-кабардинской, осетинской и чечено-дагестанских.

Оставляя в стороне вопрос этногенеза народов Чечни и Дагестана, глубокие корни происхождения которых также, несомненно, нужно искать в племенном составе носителей каякентско-хорочоевской культуры, отметим, что отсутствие какой-либо общности в культуре народов Дагестана и Центрального Кавказа и в более позднее время не случайно. Кроме отдельных фактов, доказывающих существование связей, какой-либо общности между древним населением Дагестана и Осетии не наблюдалось и в период бытования кобанской и каякентско-хорочоевской культур. Археологически эти культуры совершенно различны. Различны и антропологические типы носителей этих культур.

Наоборот, общность общественно-культурного уклада, языковое родство, единство антропологического типа населения Центрального Предкавказья и Северо-Западного Кавказа, наблюдаемые еще со времени эпохи бронзы (с начала II тысячелетия до н. э.)¹, не исчезли и позднее, вплоть до I тысячелетия до н. э. Последующее развитие местных обществ протекало в условиях частичного включения в сугубо местную кавказскую среду (относящуюся к иберо-кавказской языковой семье) инородных для Кавказа этнических элементов — носителей иранской речи (скифов). И хотя исторический процесс в эпоху раннего средневековья и завершился здесь сложением мощных, различных по языку этнических массивов — алано-осского (иранского) и адыго-черкесо-кабардинского (иберо-кавказского), — традиционная связь между населением бассейнов Терека и Кубани, прочно установившаяся еще в эпоху бронзы, не прерывалась никогда.

В пограничных районах кобанской и прикубанской культур эта взаимосвязь особенно ощутима. Она покоится на более глубокой основе — на культурной общности древнего населения центральной части Северного Кавказа и всего Западного Кавказа, прослеживаемой еще с эпохи ранней бронзы.

В этой связи нельзя не отметить, что прошлое археологическое единство этих областей, как известно, устанавливается и по лингвистическим материалам (по принадлежности населения этих районов к иберо-кавказской языковой группе), и по антропологическим данным, фиксирующим распространение на всей территории Западного и Центрального Кавказа единого антропологического типа, отличного (по Г. Ф. Дебецу²) от восточнокавказского и названного В. В. Бунаком «понтийским»³.

Оставляя в стороне вопросы происхождения и развития прикубанской культуры (частично освещенные в работе А. А. Иессена⁴), а также колхидской культуры, не являющейся прямым объектом нашего исследования (к тому же в какой-то мере освещенной Б. А. Куфтиным и О. М. Джапаридзе⁵), выскажем свои соображения о возникновении и развитии замечательной кобанской бронзы. Концепции и теории о возникновении и развитии бронзовой индустрии на Кавказе, в том числе и на Северном, существовавшие до настоящего времени, были ошибочными. Гипотезы о якобы внезапном появлении бронзы на Кавказе лишь в конце II тысячелетия до

¹ Е. И. Крупнов. Древнейший период истории Кабарды. Сб. по истории Кабарды, вып. 1. Нальчик, 1951, стр. 47.

² Сужу по докладу Г. Ф. Дебеца на сессии Отделения исторических наук, посвященной результатам экспедиционных работ, в марте 1953 г.

³ По докладу В. В. Бунака на сессии Кабардинского НИИ в Нальчике в августе 1946 г.; см. также: В. В. Бунак. Ук. соч., стр. 348, 364.

⁴ См. А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии..., стр. 75 и сл.

⁵ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 17; О. М. Джапаридзе. Бронзовые топоры Западной Грузии, СА XVIII, 1953, стр. 291.

н. э. базировались на случайных, часто внешних, формальных типологических сопоставлениях, а не на комплексном изучении источников, при явно недостаточном знакомстве со всем местным материалом.

Так, Р. Вирхов¹, Е. Шантр² и др. не признавали возможным существование на Кавказе собственного очага местной металлургии. Ж. Морган³ и др. создали беспочвенные теории об импорте продукции металлического производства на Кавказ из различных районов Передней и даже Центральной Азии.

Базируясь на чисто внешнем сходстве кобанской бронзы с отдельными вещами гальштатской культуры дунайского бассейна, Г. Вильке⁴ и М. Гернес, не допуская местных истоков кавказской металлургии, объясняли расцвет бронзовой культуры на Кавказе массовым переселением на Кавказ дунайских племен металлургов.

И хотя накапливающийся материал разных этапов развития кобанской культуры давно уже опровергал все эти ложные схемы и миграционные построения и концепции, их влияние долго еще сковывало успешную научную разработку кавказской археологии. Достаточно сказать, что «идеи европейского происхождения кобанской культуры» и отнесение кобанских древностей «к одной и той же европейской цивилизации» (гальштатской) признавались ценными, плодотворными и разделялись даже некоторыми советскими исследователями в 20-х годах текущего столетия⁵.

Впервые только А. А. Иессену⁶ в 1935 г. удалось полностью развенчать беспочвенность миграционных теорий зарубежных ученых, а позднее Б. А. Куфтин⁷ и Б. Б. Пиотровскому⁸ — наметить общую линию развития культуры Кавказа и показать, что развитие закавказской металлургии являлось закономерным звеном в общей цепи развития культуры всего древнего Кавказа.

Усилиями археологов-кавказоведов были обнаружены и опубликованы памятники начального периода освоения металла на Кавказе, а блестящее развитие местных бронзовых культур удалось связать с определенными меднорудными районами Кавказа. Эти ценные выводы полностью оказываются приложимыми и к Северному Кавказу. Здесь намечается предшествующий этап местного развития металлургии, подготовившей расцвет кобанской бронзы на рубеже II и I тысячелетий до н. э.

В каких же руководящих формах орудий труда и оружия проявлялся этот предшествующий этап?

Б. А. Куфтин давно уже обратил внимание на то, что район распространения бронзовых топоров «колхидско-кобанских» типов почти соответствует границам распространения определенной кавказской разновидности топора с опущенным и трубчатым обухом предшествующей эпохи средней бронзы⁹. Это показывает, что не только в Западной Грузии, но и

¹ R. Virchow. Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten. Berlin, 1883.

² E. Chantre. Congrès International d'anthropologie et d'archéologie préhistoriques et de zoologie, т. II, 1893.

³ J. de Morgan. Notes sur les origines de la métallurgie. L'Anthropologie, т. XXX, 1932.

⁴ G. Wilke. Archäologische Parallelen aus dem Kaukasus und dem unteren Donanbiet. Zeitschrift für Ethnologie. Wien. 1904.

⁵ А. А. Миллер. Изображения собаки в древностях Кавказа. ИГАИМК, т. II, 1922, стр. 308.

⁶ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120, 1935.

⁷ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети; его же. Урартский колумбарий у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит. ВГМГ, т. XIII-B, Тбилиси, 1944.

⁸ Б. Б. Пиотровский. Поселения медного века в Армении. СА, XI, 1949; его же. Археология Закавказья, Л., 1949.

⁹ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 12; его же. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе. ВГМГ, т. XI-B, стр. 315—316.

на Северном Кавказе, в частности в Дигории и в Кабарде, в эпоху кобанской культуры мы имеем дело не с абсолютно новым явлением, а лишь с фактами местной переработки более древних культурных достижений середины и второй половины II тысячелетия до н. э.

Признавая наличие «несомненных связей с предшествующими формами изделий и с ранее освоенной техникой» в районах Центрального Кавказа, А. А. Иессен одновременно видит и «разрыв преемственности в развитии металлических изделий и как бы наслоение новых, привнесенных извне, главным образом из Западного Закавказья, форм и технических приемов, неизвестных в предшествующее время»¹. Правильно наметив в Дигории и Раче особый очаг местного производства еще во второй половине II тысячелетия до н. э.², А. А. Иессен считает его абсолютно чуждым кобанской культуре, успешно вытеснившей его продукцию формами кобанской бронзы, заимствованными из Западной Грузии³. В трактовке этого вопроса А. А. Иессеном мы усматриваем некоторое противоречие. С одной стороны, автор как будто не отрицает местных корней и связей кобанской культуры с предшествующим этапом и согласен четко отличать кобанскую культуру от колхидской, а с другой стороны, основные элементы кобанской культуры он все еще склонен выводить из Западной Грузии⁴, тогда как, кроме топоров и некоторых украшений кобанских форм, в Западной Грузии нет близких аналогий. Причины нечеткого определения позиции автора в этом вопросе, как мне кажется, заключаются в определенной приверженности его к использованию для своих выводов исключительно металлического инвентаря, без всякого привлечения других видов источников и, прежде всего, керамики; А. А. Иессен, по-видимому, еще не отказался от мнения, что «первоначальной базой возникновения кобанского комплекса металлических изделий является Западное Закавказье»⁵.

В рецензии на книгу А. А. Иессена мы уже отметили некоторую недооценку автором производственных возможностей насельников Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы⁶. В другой своей работе⁷ мы постарались показать, что не только «область Лечхумских и Рачинских месторождений меди», как казалось А. А. Иессену, но и вся горная зона Центрального Кавказа (включая и северные склоны), богатая меднорудными и полиметаллическими месторождениями, являлась производственной базой для расцвета бронзовой индустрии в начале I тысячелетия до н. э., в частности для производства таких сложных клепаных металлических изделий, как, например, Жемталинская ваза.

Что же касается генезиса и развития Дигорско-Рачинского металлургического очага, то, признавая его действительную культурную обособленность во второй половине II тысячелетия до н. э., мы должны, во-первых, сферу его действительности распространить и на западные районы Кабарды, откуда известен аналогичный дигорскому керамический материал (те же впускные погребения в Нальчикском кургане № 1 или могильнике), а, во-вторых, видеть в его производных формах не чуждые более поздней кобанской бронзе образцы, якобы вытесняемые извне появившимися кобанскими формами, а временное сосуществование старых, традиционных форм, постепенно уступающих новым, более совершенным формам, но той же местной культуры.

¹ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии..., стр. 80.

² А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 156.

³ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии..., стр. 80.

⁴ Там же.

⁵ А. А. Иессен. Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии. Доклады III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии. М.—Л., 1939, стр. 96; его же. Прикубанский очаг металлургии..., стр. 113.

⁶ Советское краеведение, № 11, М., 1936.

⁷ Е. И. Крупнов. Жемталинский клад, М., 1952.

Факты же обнаружения как в более восточных районах Осетии (сс. Балта, Чми) ¹ и даже в Грозненской области ², так и в более западных — в Пятигорье (в урочище «Три камня» под Кисловодском) ³ и даже в «Карачае» ⁴ и у станицы Андрюковской на Малой Лабе ⁵ характерных для дигорской культуры докобанского периода предметов, как крупные медные булавки с расплюснутым рогообразным навершием (рис. 5, 3), доказывают более широкую сферу влияния этого культурного очага ⁶, не ограниченного только Дигорией. Почти то же самое можно сказать и об определенных типах бронзовых вислообушных и трубчатобушных топоров, сближающихся с раннекобанскими формами своим уже не круглым, а овальным отверстием для насадки на рукояти (рис. 6, 4, 6) и появившимся орнаментом на обухе. Они также имели более широкое распространение на Северном Кавказе почти в границах поздней кобанской культуры.

В работе «Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода» ⁷ мы подробно рассмотрели целую серию источников эпохи средней бронзы, знаменующую уже достаточно высокий уровень материального производства, подготовивший следующий этап развития местной культуры — расцвет кобанской бронзы.

Кобанская культура не привнесена на Северный Кавказ извне в готовых формах. Мы считаем, что для такого утверждения нет никаких оснований, ибо мы не знаем фактов, свидетельствующих о встрече и соперничестве местных, основных, с пришлыми формами материальной культуры, за которыми нужно было бы видеть борьбу аборигенов с пришельцами, носителями иной культуры. Наоборот, по ряду существенных признаков мы имеем основания проецировать непрерывный и естественный внутренний процесс развития материальной культуры на Северном Кавказе в переходный период от средней к поздней бронзе.

Здесь мы должны будем конкретно показать, на базе каких археологических комплексов выросла и развилась кобанская культура, иными словами, какие типы кобанских вещей имеют своих предшественников в предыдущую эпоху.

Последовательно разберем все виды источников, начиная от самих типов погребальных сооружений, форм погребального обряда и, наконец,

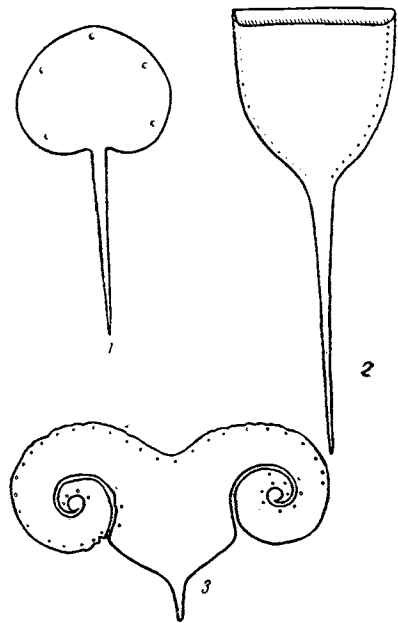

Рис. 5. Бронзовые булавки
1—2 — булавки из кобанского могильника I тыс. до н. э.; 3 — булавка из кумбултского могильника II тыс. до н. э. (примерно $\frac{1}{6}$ нат. вел.)

¹ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, № 23, 1951, стр. 60 и сл.

² Руководителем разведочного отряда Северо-Кавказской экспедиции ИИМК АН СССР В. И. Марковиным в 1956 г. близ с. Солнечное, Советского района, Грозненской области был открыт могильник, давший бронзовые булавки с рогообразными навершиями и другие предметы, типичные для северокавказской культуры II тысячелетия до н. э.

³ Д. Я. Самоквасов. Могильные древности Пятигорского округа. Тр. V АС, М., 1887, стр. 51, табл. II, рис. 1.

⁴ Бронзовые булавки хранятся в ГИМе.

⁵ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии., стр. 94 и 115.

⁶ Там же, стр. 116.

⁷ МИА, № 23, 1951.

категорий самого могильного инвентаря, характерных для эпохи средней бронзы Центрального Кавказа.

Так, например, самая характерная для раннего этапа развития кобанской культуры форма могильных сооружений — прямоугольные каменные ящики — известна

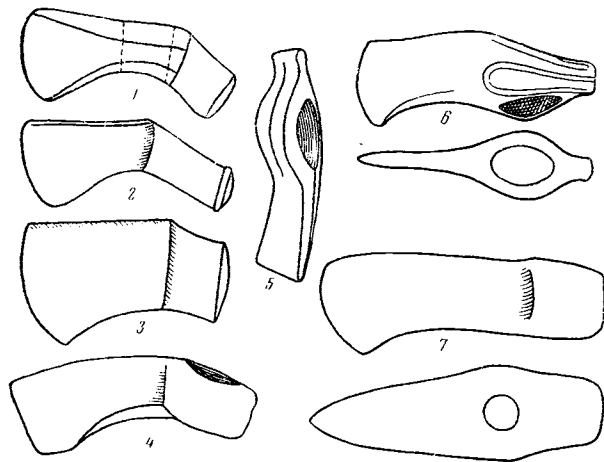

Рис. 6. Каменные и бронзовые топоры, предшествующие топорам кобанской культуры

1 — топор из серпентина из подкурганного погребения у с. Верхний Акбаш в Кабарде (собр. ГИМ); 2 — каменный топор из кургана у с. Дигора (музей Сев. Осетии); 3 — то же из кургана у с. Урух (Нальчикский музей); 4 — бронзовый топор из с. Кобан (Венский музей); 5 — гипсовая отливка топора в литейной форме из с. Зилги; 6 — бронзовый топор из с. Лескен (музей Сев. Осетии); 7 — каменный топор из погребения № 16 на кумбултском могильнике «Верхняя Рутха»; (7 — примерно $\frac{1}{4}$ нат. вел. Все остальные примерно $\frac{1}{2}$ нат. вел.).

в ряде мест горной Осетии еще с первой половины II тысячелетия до н. э. и позднее. Так, например, большой могильник «Загли Барзонд» выше с. Верхний Кобан, сплошь состоящий из примитивных каменных ящиков, правда, более неправильных форм, приближающихся к квадрату¹; почти аналогичный ему могильник у с. Нижний Кобан, исследованный Д. А. Драницыным в 1907 г.²; несомненно, часть известного галиатского могильника «Фаскау»³; часть кумбултского могильника «Верхняя Рутха»⁴ и ряд отдельных каменных ящиков, содержащих погребения докобанского периода,

вскрытые в разных районах как Осетии, так и Кабарды. Например, вскрытый нами в 1937 г. каменный ящик на территории Гизельдон ГЭС в самом с. Верхний Кобан⁵, что является особенно показательным фактом.

Таким образом, мы можем констатировать, что каменные ящики, как типичная форма погребальных сооружений раннекобанской культуры, имеют свои прототипы в местной среде еще с начала II тысячелетия до н. э.

Абсолютно то же самое можно сказать и о важнейших чертах самого погребального обряда — определенной степени скорченности погребенных, довольно произвольной ориентировке положения в могиле на правом, реже на левом боку.

Эти особенности погребального обряда были свойственны как эпохе средней бронзы⁶, судя по наблюдениям на тех же, уже упомянутых, могильниках, так и эпохе ранней ступени развития кобанской культуры⁷. Еще с момента первых исследований кобанского могильника было уста-

¹ Е. И. Крупнов. Погребения эпохи бронзы в Сев. Осетии, Сб. статей по археологии СССР. Тр. ГИМ, вып. VIII, М., 1938, стр. 40—41.

² ОАК за 1907 г. Архив ИИМК АН СССР. Дело № 93, стр. 32.

³ МАК, вып. VIII, М., 1900, стр. 271—273.

⁴ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Сев. Осетии, стр. 49 (см. табл. на стр. 70).

⁵ Отчет Сев.-Кавказ. экспедиции ГИМ за 1937 г. Архив ГАИМК.

⁶ Е. И. Крупнов. Погребения эпохи бронзы..., стр. 42—47.

⁷ Г. Д. Филимонов. Доисторическая культура Осетии. М., 1878, № 20; В. Б. Антонович. Дневник раскопок на Кавказе. Тр. Подготовительного комитета V АС, М., 1879, стр. 242—245.

новлено, что для раннекобанских погребений (как и для погребений предшествующей эпохи) характерными чертами будут являться: одиночность захоронения; не сильно скорченное положение костяка, находящегося в каменном ящике, чаще на правом, реже на левом боку; невыдержанность ориентировки погребенных и отсутствие над каменными ящиками каких-либо надмогильных сооружений¹.

Нам представляется, что для решения вопросов генезиса той или иной археологической культуры и даже для решения этногенетических проблем наблюдения над преемственностью подобных явлений в погребальных обрядах или, наоборот, отсутствие связи между ними имеет гораздо большее значение, чем восстановление лишь формальных типологических рядов орудий труда и особенно металлического оружия, ибо первые есть важнейшие этнографические признаки, особенно устойчивые в древности, а вторые могут являться и производными от разных факторов и даже от случайных связей и эпизодических взаимоотношений одного общества с другим.

Между тем, в попытках прояснить происхождение отдельных категорий предметов кобанской бронзы, а не кобанской культуры, как определенного историко-культурного явления в древней истории Кавказа, всегда в основе лежали только типологические ряды металлических предметов и их стилистические сопоставления и никогда не учитывались более существенные признаки, какими являются черты погребального обряда и технология и формы керамики.

Этой особенностью отличаются работы Стефана Пршжеворского, давшего типологию колхидских топоров в связи с изучением клада в Орду², почти все работы Франца Ганчара, посвященные изучению прикладного изобразительного искусства, отраженного в кавказской бронзе³, отчасти работа А. Тальгрена⁴ и ряд работ других авторов.

Перейдем теперь к рассмотрению могильного инвентаря и прежде всего керамики.

Под нашим углом зрения никто еще и никогда специально не изучал керамические изделия эпохи бронзы центральной части Северного Кавказа. Между тем, обратившись к этому виду исторических источников, мы сможем проследить общие черты в керамических изделиях в кобанской культуре и в эпоху, предшествующую ей.

Просматривая, правда, пока еще малочисленные серии керамики эпохи средней бронзы, мы сможем выделить некоторые формы сосудов, которые доживут до расцвета кобанской культуры, характеризуя ее керамику. Такими, например, являются глиняные сосуды в виде приземистых горшков, с сильно округлым туловом, с короткой шейкой и сильно отвернутым краем, какие известны из ранних комплексов кумбулского могильника «Верхняя Рутха»⁵ (рис. 7, 2—4) и галиатского могильника «Фаскау»⁶. Сохраняя основные контуры, эта форма сосудов уже в период Кобана несколько изменит лишь соотношение частей и примет вид наиболее распространенных в кобанских комплексах горшочков, покрытых геометрическим орнаментом⁷ (рис. 7, 1, 8).

Такую же слабую эволюцию претерпевают и другие формы более ранней керамики: одноручные кобанские кувшинчики, развившиеся из при-

¹ Уч. зап. Кабардинского НИИ, т. I, Нальчик, 1946, стр. 145.

² S. Przeworski. Der Gottenfund von Ordu. Archiv Orientalni, т. 7, № 3; т. 8, № 1, Praha, 1935—1936.

³ F. Hančar. Die Beile aus Koban in der Sammlung Kaukasischer Altertümer. Wiener prähistorische Zeitschrift, I, XXI, Wien, 1934; его же. Zum Problem des kaukasischen Tierstils. Wiener Beiträge zur Kunst und Kulturgeschichte Asiens, т. IX, 1935; его же. Kaukasus Luristan, ESA, IX, Helsinki, 1934.

⁴ A. Tallgren. Die kupfernen Flachhäxe mit seitlichen Zäpfen. Finks Törn Tidskrift, Helsingfors, 1912.

⁵ Е. И. Крупнов. Материалы..., стр. 47, рис. 11, 2, 3, 4, стр. 52, рис. 15, 4.

⁶ МАК, вып. VIII, М., стр. 283, рис. 215.

⁷ Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 47, рис. 11, 2, 3, 4, стр. 52, рис. 15, 4.

земистых кувшинов с одной ручкой, известные из галиатского могильника «Фаскау» и отдельных каменных ящиков древнейшего слоя могильника в с. Верхний Кобан, а также сосуды баночной, почти цилиндрической формы, характерные для древнего могильника «Загли Барзонд»¹ (рис. 7, 5, 6), в период Кобана лишь украшенные орнаментом². Сама технология изготовления посуды — обработка глиняного теста, характеризующегося хорошей отмучкой, незначительной примесью дресвы и довольно слабым обжигом готовой, слегка лощеной посуды — также сближает керамику кобанской культуры с посудой эпохи средней бронзы Центрального Кавказа.

Рис. 7. Глиняные сосуды кобанской и докобанской культур

1, 7, 8 — сосуды из могильника у с. В. Кобан (I тыс. до н. э.); 2, 3, 4 — сосуды из кумбултского могильника «Верхняя Рутха» (II тыс. до н. э.); 5, 6 — сосуды из могильника «Загли Барзонд», близ с. В. Кобан, (II тыс. до н. э.) (примерно $\frac{1}{4}$ нат. вел.)

Известные орнаментальные мотивы, богато украшающие кобанскую керамику и особенно бронзовые изделия, как спираль в разных вариациях (рис. 1, 3), так и различные геометрические узоры, — также имеют свое начало еще в предшествующий период. В этом отношении особенного внимания заслуживают редкие находки керамики со спиральным орнаментом, обнаруженные нами в слое могильника «Верхняя Рутха», относимого к первой половине II тысячелетия до н. э.³ Уже давно в этом плане мы по достоинству оценили ранний штриховой нарезной орнамент на одном из сосудов баночной формы из могильника «Загли Барзонд» (рис. 7, 6), который, по нашему мнению, является прообразом той совершенной геометрической орнаментации, которая так богато украшала как керамику, так и бронзовые предметы раннего периода развития кобанской культуры⁴ (рис. 7, 7, 8). Территориальная близость могильника «Загли Барзонд» и кобанского могильника, формы и размеры каменных ящиков, относительно слабая скорченность костяков в них также позволили нам тогда генетически сблизить культуры, которые они представляют, и усмотреть прямую преемственность кобанской культуры от местной более древней культуры эпохи бронзы.

¹ Тр. ГИМ, вып. VIII, стр. 46, рис. 3.

² МАК, вып. VIII, рис. 1, 12.

³ Е. И. Крупнов. Материалы..., стр. 36, рис. 6, 3, 4.

⁴ Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 70 (см. таблицу).

Если мы обратимся, наконец, к металлическому инвентарю, то и в нем сможем выделить серию руководящих форм, генетически связанных с функционально аналогичными предметами предшествующей эпохи.

В выяснении вопроса происхождения типов кобанских и колхидских топоров мы имеем плодотворные попытки своих предшественников, в частности Ф. Ганчара¹, Г. К. Ниорадзе², Б. А. Куфтина³, О. М. Джапаридзе⁴ и других авторов.

Не подвергая здесь пересмотру все высказанные точки зрения на процесс возникновения того или иного типа кобанского или колхидского топоров, отметим, что, по нашему мнению, ближе всех к истине были Ф. Ганчар и О. М. Джапаридзе, рассматривавшие известный, так называемый «пятигорский тип»⁵ каменных топоров, характерных для Кабардино-Пятигорья, а отчасти и Северной Осетии во II тысячелетии до н. э. (рис. 6, 1—3), как отдаленный прототип кобанского топора. Ф. Ганчар сближал его с типом I₂ по его классификации или типом б и в по классификации П. С. Уваровой. О. М. Джапаридзе считает, что каменные топоры «пятигорского типа» более близки иному типу, а именно типу д по уваровской классификации, совсем не представленному в Грузии.

Но, во-первых, уваровские типы топоров б, в и д, выделенные Ф. Ганчаром в подтипы I₂ и I₃ кобанских топоров, имеют общие черты (рис. 4, 1, 4, 5). По классификации Уваровой, топоры типов б и в отличаются друг от друга лишь размерами и весом. Топоры же типов б и д, т. е. те, которые Ф. Ганчар не случайно нашел возможным выделить лишь в подтипы I₂ и I₃, в некоторых вариантах имеют особенно близкие черты сходства. И тот и другой тип (по Уваровой) или подтип (по Ганчару) имеют четко ограниченную и чуть приподнятую молоточную часть и менее округлую, чем, скажем, изогнутые кобанские или колхидские топоры, лезвийную часть. Этим они резко отличаются как от типичного колхидского топора (I типа, по Ганчару), так и от изящного изогнутого кобанского топора (III типа, по Ганчару). Вместе с тем они несколько разнятся между собою — прежде всего, большей округлостью и оттянутостью вниз лезвийной части топоров б и в, по Уваровой, или подтипа I₂, по типологической классификации Ф. Ганчара.

Но ведь и более древние каменные (чаще из змеевика или мергеля) топоры, выделенные А. Аугаряй⁶ в самостоятельный тип, названный «пятигорским», также известны в двух вариантах или подтипах⁷. Одни из них имеют очень рельефно обработанный и очерченный валиком круглый обух и сильно округлую и оттянутую вниз лезвийную часть топора (рис. 6, 1, 2). Другие, наоборот, характеризуются укороченным корпусом, слабее выраженной молоточной частью и слабо оттянутым вниз лезвием⁸ (рис. 6, 3).

¹ F. H a n č a r. Die Beile aus Koban in der Sammlung Kaukasischer Altertümer, стр. 19.

² Г. К. Ниорадзе. Археологические раскопки в с. Квишари. ВГМГ, XV-V, Тбилиси, 1948, стр. 1; СА, XI, стр. 186—187.

³ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 68.

⁴ О. М. Джапаридзе. Бронзовые топоры Зап. Грузии, СА, XVIII, стр. 290.

⁵ А. Аугаряй. Über die Streitaxtkulturen im Russland, ESA, VIII, Helsinki, 1933, стр. 57—60.

⁶ А. Аугаряй. Ук. соч., стр. 57—61.

⁷ Кстати, более правильным этот тип топоров называть «кабардино-пятигорским типом», ибо в более восточных районах Кабарды, Осетии и даже в районах Грозненской области они также представлены нередкими находками. Известен такой топор даже из Кобана (в Венском музее). Кабарда же дала наиболее многочисленные находки этих топоров. (См. Уч. зап. Кабардинского НИИ, т. IV—V, Нальчик, а также Сб. по истории Кабарды, вып. I, Нальчик, 1951, стр. 57).

⁸ Утверждение покойного Б. Е. Дегена-Ковалевского о том, что эти каменные топоры являются производными от топоров еще меднолитейной техники, лишено всяких оснований. (См. Б. Е. Деген-Ковалевский. Курганы в кабардинском парке г. Нальчика, стр. 238).

Соглашаясь с Ф. Ганчаром в признании закономерности типологического сближения каменных топоров кабардино-пятигорского типа с более поздними формами уже бронзовых кобанских топоров, мы, в противовес мнению О. М. Джапаридзе, считаем, что прототипом наиболее распространенного кобанского топора *б* или *в* (по Уваровой) или подтипа I_2 (по Ганчару) был также очень распространенный в Кабардино-Пятигорье каменный топор укороченных пропорций, с четко очерченной обушной частью и сильно округлым лезвием; таков, например, топор из Дигора¹ или села Константиновки по раскопкам Д. Я. Самоквасова².

Наоборот, прототипом бронзового топора *д* (по Уваровой) или I_3 (по Ганчару) с почти прямым лезвием следует считать, по нашему мнению, такие каменные топоры эпохи средней бронзы, как каменный топор из окрестностей г. Моздока на Тереке, изданный еще Э. Шантром³, или топор из наших раскопок кургана у с. Верхний Акбаш в Кабарде⁴ (рис. 6, 1). Их рабочая часть также отличается узким и прямым лезвием, лишь с округленными углами.

В этих двух разновидностях каменных топоров «кабардино-пятигорского типа» мы усматриваем прообразы будущих бронзовых топоров раннекобанского времени, не случайно оказавшихся наиболее распространенными именно в районах, примыкающих к Кабардино-Пятигорью. Они стали типичными, с одной стороны, для Прикубанской культуры, а отчасти и кобанской, и больше всего оказались представленными вкладах бронзовых вещей, обнаруженных в пограничных районах (например, в Боргустанском кладе)⁵.

Этим самым прослеживаются как бы две линии развития двух вариаций или подтипов каменных топоров «кабардино-пятигорского типа», весьма характерных для культуры средней бронзы Центрального Кавказа, завершившиеся оформлением двух типов бронзовых топоров кобанского времени, типа *б* и *д* (по Уваровой) и подтипов I_2 и I_3 (по классификации Ганчара). Промежуточным звеном в этом эволюционном ряду мы выделили бы топоры, восстанавливающиеся по гипсовой отливке в литейной форме из с. Зилги (рис. 6, 5) и с. Кобан⁶.

Таким образом, типологические особенности, а также почти полное совпадение территориальных границ массового распространения тех и других топоров, позволяют нам генетически сближать каменные топоры «кабардино-пятигорского типа» с наиболее распространенными в западных районах Центрального Кавказа типами бронзовых топоров эпохи Кобана и последние выводить из первых. Таким представляется нам процесс возникновения на Северном Кавказе бронзового прямого топора типа *б*, который мы, в силу его большой распространенности и на территории других культур, считаем атипичным для кобанской культуры. Однако его глубокие местные истоки для нас несомненны.

Оставляя вне поля нашего детального рассмотрения эволюцию типично колхидского топора с узкой обушной частью, отметим, что мы (вслед за Г. К. Ниорадзе и Б. А. Куфтиным) склонны считать прототипом колхидского топора более ранние медно-бронзовые топоры из Западной Грузии, в частности топоры из Квишарского клада⁷, которые хотя и не имели утилитарного назначения, тем не менее представляли собою имитацию настоящих более древних бронзовых топоров, предшествующих колхид-

¹ ESA, вып. VIII, Helsinki, 1938, стр. 58, рис. 51—52.

² Д. Я. Самоквасов. Основания хронологической классификации, описание и каталог коллекций древностей. Варшава, 1892, стр. 14 и 498.

³ E. Chantre. Recherches...

⁴ Уч. зап. Кабардинского НИИ, т. I, Нальчик, 1948.

⁵ Н. М. Егоров. Боргустанский клад. СА, XV, 1951, стр. 292.

⁶ ИГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 103.

⁷ Г. К. Ниорадзе. Археологические раскопки в сел. Квишари, ВГМГ, XV-В. Тбилиси, 1948, стр. 1; его же. Археологические находки в селе Квишари, СА, XI, стр. 186.

ским. Ряд совпадающих признаков как на тех, так и на других признан и Г. Ф. Гобеджишвили и О. М. Джапаридзе¹. Узкий обух, внешнее очертание топора, закругленное лезвие и овальное отверстие для насадки позволяют этот тип топора (колхидский) выводить из другого (квишарского). Как на промежуточное звено в этой цепи развития формы от квишарского типа топоров к истинно колхидскому можно указать на один из типов острообушных топоров явно раннеколхидского типа, встреченный в Пицундском кладе, подробно описанный и верно датированный А. А. Иессеном. Автор справедливо называет его «ранним вариантом» именно колхидского острообушного топора и относит время его бытования к переходной поре от позднего этапа средней бронзы к «позднекобанскому периоду»².

Теперь остановимся на вопросе возникновения типа топора, который оказывается наиболее характерным для кобанской культуры. Это изящный по форме, дважды изогнутый бронзовый топор, еще П. С. Уваровой признанный как наиболее часто встречающийся в могильниках кобанской культуры (тип *a*, по Уваровой, и III тип, по Ф. Ганчару). Его отдаленным предшественником мы считаем каменный топор с округлым туловом и обушной частью, но более удлинённых пропорций, чем, скажем, топор «кабардино-пятигорского типа». В качестве образца этого прототипа истинно кобанского топора мы можем указать лишь на редкий экземпляр топора, найденный нами в 1940 г. при раскопках кумбултского могильника «Верхняя Рутха» (рис. 6, 7).

Топор происходит из коллективной каменной гробницы № 16 и по сопутствующим ему вещам (громоздким волютообразным булавкам, цветным пастовым бусам, в том числе и «бородавчатому» бисеру, овальным височным кольцам в 1½ оборота и глиняной посуде баночной формы) отнесен нами к началу второй половины II тысячелетия до н. э.³

Его удлиненное тело имеет такое же соотношение частей, как кобанский топор, т. е. отверстие для насадки топора на рукоять отделяет ровно 1/3 молоточной части топора. Но отверстие его круглое и небольшое, диаметром всего около 1,5 см. Топор сделан из очень плотного желтоватого мергеля, как и большинство топоров «пятигорского типа», и при наличии малого отверстия для рукояти и относительно значительного веса и затупленности лезвийной части вряд ли являлся рабочим топором. Это был боевой и парадный топор, как и топоры «кабардино-пятигорского типа».

Слабо намечающаяся пока двойная изогнутость корпуса топора, характерная округлость лезвийной части и слабо выраженная орнаментация обушной части (в виде поперечной углубленной полосы) роднит этот тип топора с кобанским (рис. 4, 3). Описанный каменный топор из могильника «Верхняя Рутха» мы рассматриваем как прототип кобанского топора.

Промежуточным звеном в цепи развития этого типа топора можно назвать ряд случайно найденных бронзовых топоров из Дигории, хранящихся в музее г. Орджоникидзе. Таков, например, бронзовый топор из Лескена (рис. 6, б). Выполненные в меднолитерной технике, эти топоры уже имеют больше выраженную двойную изогнутость корпуса, орнаментальную ребристость обушной части и овальную втулку для насадки, что указывает на их более поздний возраст. Мы отнесли их к концу II тысячелетия до н. э. и считали прямыми предшественниками кобанских топоров⁴.

Оставляя этот основной вывод в силе и сейчас, мы хотели бы несколько исправить и уточнить ранее высказанные заключения. В упомянутой работе «Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода»

¹ О. М. Дж а п а р и д з е. Бронзовые топоры Зап. Грузии, СА, XVIII, стр. 291.

² А. А. И е с с е н. Прикубанский очаг металлургии..., стр. 116—117.

³ Е. И. К р у п н о в. Материалы..., стр. 54, рис. 18, 1.

⁴ Там же, стр. 62, рис. 21, б.

мы ошибочно называли их прообразами кобанских топоров типа *г* и *д*, т. е. по существу колхидского и прикубанского топоров. Сейчас мы считаем, что описанные бронзовые дигорские топоры типологически ближе всего стоят к кобанским топорам и являются лишь промежуточным звеном в общей цепи развития этого типа топоров от более ранних каменных, представленных пока единственным топором из могилы № 16 кумбултского могильника «Верхняя Рутха».

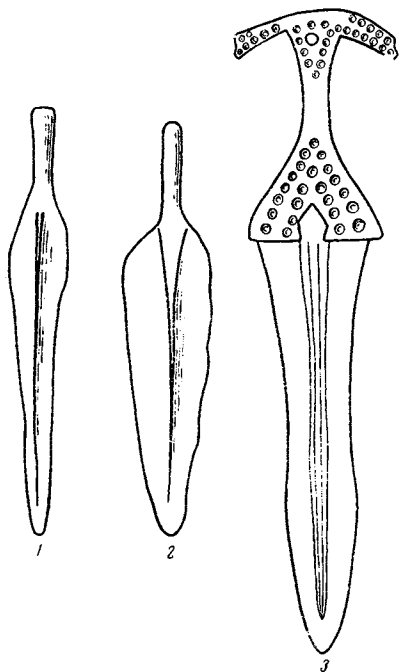

Рис. 8. Бронзовые кинжалы с черенками для рукоятей

1 — бронзовый кинжал из с. Дергавс; 2 — то же из кумбултского могильника «Верхняя Рутха»; 3 — то же из могильника у с. Кобан (примерно $\frac{1}{2}$ нат. вел.). (Все из собрания ГИМ).

няется, что при детальном ознакомлении с соответствующими местными сериями бронзовых (еще кованых) кинжалов докобанской эпохи и при сопоставлении их с исключительно богатыми и многообразными типами колющего и режущего оружия кобанской культуры, отлитого уже в литейных формах, сразу намечаются две линии развития двух типов кинжальных клинков: один тип кинжалов — со стержневым черенком, другой — только клинок без черенка или насада.

Первый тип кинжалов, датируемый еще первой половиной II тысячелетия до н. э., представляет собой узкий, очень удлиненный клинок с ярко выраженной срединной гранью и плоским стержневым насадом. Образцами этого типа кинжалов могут служить, например, бронзовые кинжалы из ранних комплексов могильника «Верхняя Рутха» у с. Кумбулта, а также кинжалы (случайная находка) из окрестностей с. Дергавс³ (рис. 8, 1, 2) и из наших раскопок у с. Первомайского⁴. Ко второму типу кинжалов, более древних чем кобанские, мы отнесли бы более многочисленную

Известно также, что Ф. Ганчар кобанский топор, выделенный им в тип III, выводил из бронзовых вислобушных топоров Северного Кавказа¹. Полагаем, что эта мысль не лишена оснований. Нам только кажется, что и вислобушные, как и трубчатообушные бронзовые топоры развивались в дальнейшем по разным линиям. Если иметь в виду прототип изящного кобанского топора, то из серии более древних вислобушных топоров центральной части Северного Кавказа мы назвали бы только бронзовый топор из с. Кобан, хранящийся в Венском музее² (рис. 6, 4). Производными же формами именно от этого топора и будут уже упоминавшиеся нами бронзовые дигорские топоры с овальными проушинами, двойной изогнутостью корпуса и рельефными гранями на обушной части. В них мы склонны видеть прямым предшественником уже настоящих кобанских топоров (типа *а*, по Уваровой).

Обратившись к ножам и кинжалам, мы также сможем проследить преемственность форм этих категорий оружия кобанского времени от соответствующего этапа средней бронзы. Причем выяс-

¹ Ф. Ганчар. Ук. соч., стр. 19, табл. III, рис. 8.

² Б. А. Куфтин. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры, стр. 305, рис. 8, 4.

³ Е. И. Крупнов. Материалы..., стр. 45, рис. 9, 6, 7.

⁴ Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, вып. 32, 1950, стр. 90, рис. 24, 8.

группу сравнительно широких плоских кинжальных клинков без черенков, удлинненно треугольных или овальных очертаний. Для скрепления с деревянной или костяной рукоятью в верхней части клинка имеются по краям по два или по три отверстия и даже гвозди. По продольной оси некоторых клинков прослеживается грань. Примерами этого типа докобанских кинжалов могут служить широкие кинжальные клинки из могильника «Беахни-Куп» близ с. Чми¹ (рис. 9, 1), а также близкие кинжалы из окрестностей с. Кобан, известные еще по изданиям П. С. Уваровой² (рис. 9, 2). Свое происхождение эти клинки ведут от еще более древних форм кинжалов эпохи ранней бронзы.

Производными от первого типа кинжала с насадом и следует считать все богатые вариации кинжалов с самыми различными фигурными рукоятками, составляющие одну из своеобразных черт кобанской культуры (рис. 8, 3). Соответствующие производные формы кинжальных клинков в эпоху Кобана дал и второй тип более ранних кинжалов, без насадов. Но число вариантов этого типа кобанских кинжалов намного уступает многообразию первого типа, иногда с весьма вычурными рукоятками.

Можно назвать всего три типа кинжальных бесчеренковых клинков кобанской культуры. Первый тип — широкий клинок с легкой гранью, проходящей по продоль-

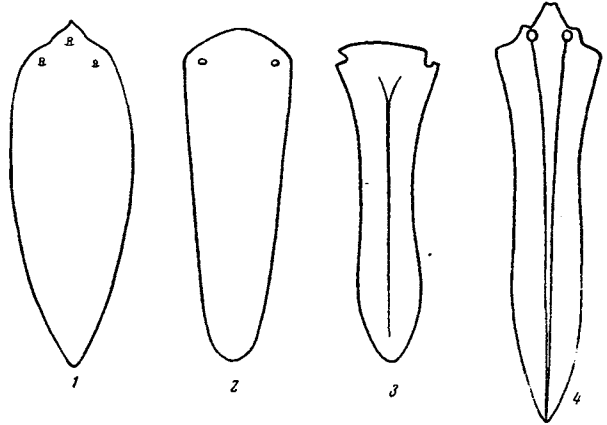

Рис. 9. Бронзовые кинжалы из черенков для рукоятей 1 — кинжал из могильника у с. Чми в Сев. Осетии; 2—4 — кинжалы из кобанского могильника (примерно $\frac{1}{4}$ нат. вел.)

ной оси, и притупленным концом лезвия (рис. 9, 3). Второй — еще более широкий, остроконечный клинок, с резко выступающей продольной полусой. Верхняя часть клинка выступает в виде равнобедренного треугольника, при помощи гвоздей она скрепляется с рукоятью (рис. 9, 4). Отличительная черта клинков обоих этих типов — слабая вогнутость середины лезвийной части кинжала (в плане). Это служило, якобы, веским доказательством того, что данная форма кинжальных клинков Центрального Кавказа будто бы повторяет форму кинжальных клинков микенских кинжалов. В действительности эта форма — производная от более древних местных форм кинжальных клинков.

Третий тип, редко встречаемый, представляет собою массивный широкий ровный клинок с резко выступающей острой продольной гранью и слабо выступающим стерженьком. Но, возможно, этот тип и не местный, а привнесенный извне, из Восточного Закавказья.

Разумеется, все эти кинжалы кобанской культуры отливались уже в соответствующих литейных формах³.

Для кобанской культуры характерен еще один тип бронзовых кинжалов, не имеющий своих предшественников в более раннее время. Это как бы промежуточный тип между кинжалами с массивными литыми рукоят-

¹ МАК, вып. VIII, табл. LVII, рис. 6, 8.

² Там же, табл. XI, 3.

³ Zeitschrift für Ethnologie, 1883, стр. 305; Vern, стр. 305. См. также А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии, стр. 107, рис. 13.

ками и совершенно плоскими кинжальными клинками¹. Таковы, например, кинжалы из сс. Кобана¹, Кумбулта² и др.

В Западной Грузии (например, у Бешташени)³ и даже в Самтаврском могильнике находки листовидно-удлиненных бронзовых наконечников копий с раскованной втулкой — почти обычное явление, чего нельзя сказать про Северный Кавказ, где они встречаются единицами. Здесь прослеживается путь развития формы копья от более древнего бронзового с несомкнутой втулкой к литому наконечнику, а затем и к железному, как это еще более убедительно можно показать на более массовом материале Закавказья.

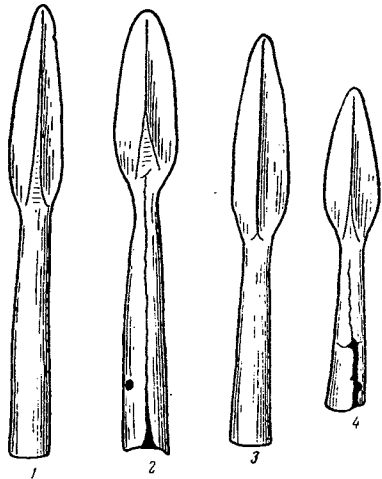

Рис. 10. Бронзовые наконечники копий из могилы № 15 кумбултского могильника «Верхняя Рутха» ($\frac{2}{3}$ нат. вел.)

Мы имеем в виду четыре бронзовых листовидных наконечника копья с несомкнутой втулкой, обнаруженных нами в одной из полуразрушенных коллективных могил (№ 15 на кумбултском могильнике «Верхняя Рутха») в 1940 г. (рис. 10, 1—4). Найдены они вместе с раннекобанским кинжальным клинком и обломком спирального украшения. Морфологические признаки наших копий позволяют сблизать их с рядом таких же бронзовых наконечников копий из Самтаврского могильника, например из погребений № 565, 600 (по раскопкам Ф. Байерна) переходной поры от бронзы к железу, а также с наконечниками копий с несомкнутой втулкой из ряда грунтовых погребений позднебронзовой эпохи, вскрытых Б. А. Куфтиным

у дороги Бешташени — Сафар — Хариба. Нижним хронологическим пределом датировки этих погребений Б. А. Куфтин считал XII—XI вв. до н. э.⁴, т. е. относил их к самому начальному этапу развития кобанской культуры.

Раннекобанским временем датировем и мы комплекс из «Верхней Рутхи» с этими наконечниками копий. Но эти копья не единичны. Еще П. С. Уварова опубликовала два бронзовых наконечника копья из галиатского могильника «Фаскау». Один из них явно литой и по форме (укороченные крылья и удлиненная втулка) может быть отнесен еще к эпохе средней бронзы, а второй довольно близко нашим копиям из кумбултского могильника «Верхняя Рутха»⁵. Сказать что-либо определенное о местном происхождении этих копий сейчас затруднительно, хотя несомненно их типологическое родство с действительно более ранними формами копий со скованными и свернутыми в трубку втулками, давно известными на Северном Кавказе. Речь идет о бронзовом, скорее, медном наконечнике копья с несомкнутой втулкой из кургана № 7, раскопанного Н. И. Веселовским в 1897 г. у станицы Андриюковской, на Кубани⁶. В комплекс, хранящийся в Государственном историческом музее, входит очень выразительный для эпохи средней бронзы кинжал архаического типа, относимый А. А. Иессеном «к концу среднекубанского периода»⁷.

¹ МАК, вып. VIII, табл. XXIX, 1.

² Там же, табл. ХСVII, 4.

³ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, табл. XLV и др.

⁴ Там же, стр. 70.

⁵ МАК, вып. VIII, табл. СХVII, 2, 3.

⁶ ОАК за 1897 г., стр. 22.

⁷ А. А. Иессен. Прикубанский очаг..., стр. 114.

Очень возможно, что более глубокие истоки формы наконечников копий из могильника «Верхняя Рутха» нужно искать вне территории центральной части Северного Кавказа, скажем, в Закавказье, а может быть, и на Западном Кавказе, где бытовали копия «андрюковского» типа и еще более ранние типы (стержневые). Вопросы синхронизации последней формы копия с копиями, имеющими уже литые втулки, а также вопрос о распространении на северо-западном Кавказе, включая и Кабардино-Пятигорье, более поздних форм литых наконечников копий эпохи раннего железа обстоятельно рассмотрены А. А. Иессеном в одном из разделов его работы о «Прикубанском очаге металлургии и металлообработки», к которой мы и отсылаем читателя¹.

Отметим только, что для наших целей важно было подчеркнуть наличие и в комплексах кобанской культуры Северного Кавказа довольно ранних типов бронзовых листовидных наконечников копий с несомкнутой втулкой, которые в свою очередь явились прообразами ставших уже очень многочисленными железных наконечников копий, характеризующихся той же узколистовидной формой и теми же соотношениями частей.

Если мы теперь обратимся к украшениям, то по эволюционным рядам отдельных категорий и этих предметов быта древних кобанцев также сможем установить их исходные формы в материальной культуре докобанской эпохи. Возьмем ли мы только провололочные височные кольца в 1½ оборота, круглых очертаний в самых ранних местных памятниках эпохи бронзы, характерных для III и II тысячелетий до н. э., и овальных или каплевидных, ставших более массивными в период существования кобанской культуры; возьмем ли бронзовые бусы в виде толстопроволочных колечек первой половины II тысячелетия до н. э., превратившихся в кольчатые бусы, свернутые из тонкой бронзовой пластинки в эпоху Кобана, или серии различных привесок и подвесок в виде животных, — во всех почти случаях мы уловим трансформацию форм этих украшений, идущих от своих первоначальных типов, бытовавших в местной среде в еще более отдаленные времена².

Наконец, остановимся на кобанских булавах, разнообразие типов которых составляет одну из ярких особенностей культуры Кобана. Раскопками В. Б. Антоновича были зафиксированы случаи нахождения довольно крупных булавок с лопатообразными навершиями, лежащих скрещенно под головами погребенных женщин (рис. 5, 2). Этим доказывалась функция именно этого типа булавок, как гигантских головных «шпилек»³. В других случаях было зарегистрировано положение иных, также сравнительно крупных булавок, на груди, и высказано справедливое заключение о них, как о булавах, скрепляющих края одежды из грубой шерстяной ткани. Формы булавок очень разнообразны — начиная от простых расплюснутых стержней с закрученным верхним краем (рис. 1, 4) и кончая причудливыми навершиями, вплоть до ажурных⁴ (рис. 5, 1, 2).

Ко всей этой многочисленной серии булавок кобанской культуры по явному недоразумению, руководствуясь лишь формальным сходством некоторых типов булавок, в том числе и с лопатообразным навершием, давно относили и гигантские булавки с широким рогообразным или волютообразным навершием (рис. 5, 3).

Несмотря на то, что, в отличие от других булавок, именно этот тип булавок (с рогообразным навершием) никем и никогда не был обнаружен в кобанских комплексах, прямое отношение этих булавок к кобанской культуре до самого последнего времени ни у кого не вызывало сомнений. Только в работе, опубликованной нами в 1951 году, удалось

¹ А. А. Иессен. Прикубанский очаг..., стр. 111—114.

² МАК, вып. VIII, табл. XXXV.

³ В. Б. Антонович. Дневник раскопок на Кавказе в 1879 г. Протоколы заседания V АС, стр. 243.

⁴ МАК, вып. VIII, табл. XXVII—XXVIII.

доказать, что эти булавки сравнительно широко бытовали в районах центральной части Северного Кавказа (от Дарьяльского ущелья почти до верховьев Кубани) еще в докобанский период¹.

Уточнив их назначение как булавок, скрепляющих тяжелые парадные одежды насельников края, мы не могли отрицать их типологическую близость булавкам, типичным уже для кобанской культуры; вместе с тем мы считали возможным рассматривать их как срединное звено между еще более древними формами булавок северокавказской культуры с волотообразным навершием или близкими им, но малых размеров и уже чисто кобанскими формами. Сами же гигантские булавки с рогообразным навершием, относящиеся ко второй половине II тысячелетия до н. э., могут рассматриваться лишь как прямые предшественники чисто кобанских булавок². Следовательно, и для этой наиболее оригинальной категории вещей кобанской культуры также прослеживаются местные, более глубокие прототипы.

Такие же изменения более ранних, но местных типов предметов быта можно проследить и по браслетам из плоскопластинчатых или сделанных из треугольной или полусферической в сечении пластины с незамкнутыми концами, характерным для эпохи средней бронзы Северного Кавказа (II тысячелетие до н. э.)³, превратившимся в эпоху Кобана в массивные бронзовые браслеты с рубчатым телом со спиральными концами (рис. 1, 5), в орнаментированные и рубчатые браслеты из прута с несходящимися концами⁴ и даже в спиральные налокотники (рис. 1, 3).

Мы не будем останавливаться на рассмотрении таких ярких атрибутов кобанской культуры, как различные поясные пряжки (начиная от высоких пластинчатых форм (рис. 1, 2) и кончая еще более разнообразными фигурными пряжками⁵), являющихся, по нашему мнению, не привнесенными извне, а порождением местной культуры именно этой эпохи (время рубежа II и I тысячелетий до н. э.). Оставим вне анализа и серии известных разнообразных кобанских фибул (рис. 1, 6), богато развившихся из простейшей формы дугообразной фибулы (греческого прототипа), вероятность занесения которой на Кавказ вполне допустима, но разумеется, не в период возникновения в Северном Причерноморье греческих колоний, как ошибочно утверждал А. П. Калигинский⁶, где, кстати, таких фибул не было найдено, а в более раннее время — в конце существования микенской культуры (самый конец II тысячелетия до н. э.)⁷.

Подведем некоторые итоги. Комплексное рассмотрение и анализ могильного инвентаря и особенностей погребального обряда, характерных для кобанской культуры, в сопоставлении с соответствующими материалами предшествующей эпохи приводят к заключению о формировании всего основного и богатейшего комплекса кобанской культуры на местной основе и не благодаря привнесенным извне формам материальной культуры, а в результате естественного развития местных типов орудий труда, оружия и украшений, порожденного успешным развитием производительных сил кобанского общества.

Выше мы убедились, что сама форма погребального сооружения — каменный ящик (даже при наличии на Центральном Кавказе и других типов могильных сооружений) — была известна в тех же районах еще

¹ Е. И. Крупнов. Материалы..., стр. 56.

² Там же, стр. 58.

³ Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, вып. 32, стр. 89, рис. 23, 9, 10; Уч. зап. Кабардинского НИИ, т. V, Нальчик, 1950, стр. 214.

⁴ МАК, вып. VIII, стр. 57.

⁵ Там же, табл. XVII, 3, XXII, 1.

⁶ А. П. Калигинский. Из истории фибулы на Кавказе. Recueil d'études dédiées à la mémoire de N. P. Kondakow. Prague, 1926, стр. 50—57.

⁷ O. Montelius. La Grèce préclassique, I part, Stockholm, 1924; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 72.

в эпоху средней бронзы, а в кобанский период сделалась самым распространенным и наиболее типичным для кобанской культуры типом усыпальницы.

Главнейшая особенность кобанского погребального обряда — скорченное положение погребенных на правом или левом боку — также объясняется устойчивым сохранением местной традиции, уходящей еще в эпоху ранней бронзы.

Наконец, типологический разбор самого вещественного материала кобанской культуры позволил нам проследить путь развития отдельных типов орудий труда, оружия и даже украшений, начиная с той же эпохи средней бронзы.

Большинство типов даже самых выразительных для Кобана предметов (как топоры, кинжалы, булавки и пр.) уже существовали на Северном Кавказе во II тысячелетии до н. э. в качестве зародышевых форм или прототипов кобанских образцов.

В специальной работе «К вопросу о культурных связях населения Северного Кавказа по археологическим данным» на конкретных материалах различных эпох мы показали достаточно тесные связи местного населения Северного Кавказа, в том числе и носителей кобанской культуры, с центрами и культурными очагами древнего мира, в том числе и с Западом (Гальштат)¹. За межплеменными или международными связями нельзя не видеть внутренние движущие силы местного общества, самостоятельно развивающего свое хозяйство и свою культуру. И в данном случае, признавая наличие у древних кобанцев довольно широких связей с окружающим миром, в том числе и с Западом, признавая занос в местную среду отдельных типов материальной культуры, например, из Западной Грузии, мы в самой категорической форме отвергаем всякую идею европейского происхождения кобанской культуры. Полагаем, что вышеприведенным анализом материала местное происхождение кобанской культуры было в достаточной степени доказано.

Подробно остановившись на происхождении кобанской культуры, мы считаем себя обязанными ответить конкретнее на вопрос — каким хронологическим отрезком ограничивается широкое бытование в центральной части Северного Кавказа тех основных форм материальной культуры, которые составляют специфику только кобанской культуры? Какими моментами определяется начало развития этой культуры, на какой период падает расцвет и что доказывает угасание основных черт и упадок или закат кобанской культуры?

Надо сказать, что проблема датировки кобанской культуры уже имеет свою длительную историю. Амплитуда колебаний предложенных дат для кобанской культуры оказалась очень большой; она колеблется, начиная от XV в. до н. э. и кончая римским временем (до начала нашей эры). Наиболее раннюю дату для кобанской культуры, не говоря о первоначальной, слишком завышенной датировке Ж. Моргана (XX в. до н. э.), признавали Э. Шантр² и В. Г. Городцов³. Ее начальный период определялся ими XV—XIV в. до н. э. (по аналогии с Гальштатом, дата которого тогда тоже удревнялась).

По мнению А. С. Уварова⁴ и Р. Вирхова⁵ кобанская культура должна датироваться последними веками II и первыми веками I тысячелетия до н. э. (XII—IX вв. до н. э.)

¹ Уч. зап. Кабардинского НИИ, т. 11, Нальчик, 1947, стр. 113—132. См. также предисловие к МИА, № 23, стр. 5—15.

² E. Chantre. Ук. соч.

³ В. А. Городцов. Бытовая археология. М., 1910, стр. 284.

⁴ А. С. Уваров. К какому заключению о бронзовом периоде приводят сведения о находках бронзовых предметов на Кавказе. Тр. V АС, М., 1887, стр. 8.

⁵ R. Virchow. Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten. Berlin, 1883.

Позднее были сделаны попытки отнести культуру кобанского могильника даже к VI—V вв. до н. э. и синхронизировать ее с культурой греческих колоний Причерноморья. Авторами этих попыток были А. П. Калининский¹ и М. М. Иващенко². Но моложе всех кобанские комплексы расценивали И. И. Толстой и Н. А. Кондаков³. Если всеми исследователями в основу их заключений клались более или менее синхронные древние сравнительные материалы, с учетом исторически конкретных хозяйственно-культурных связей, то в последней работе преобладал поверхностный стилистический анализ прикладного искусства древних кобанцев. Так, изящная форма раннего кобанского топора выводилась из «римской эlegantной бронзы», а все неповторимое богатство узоров и орнаментальных приемов украшений на вещах представляло не что иное, как «варварскую резьбу» и носило «грубо варварский характер» по сравнению с римскими образцами. Смешав раннекобанские комплексы с поздними материалами из других памятников кобанской культуры, И. И. Толстой и Н. А. Кондаков сочли ее поздней и несамостоятельного происхождения и отнесли к началу нашей эры.

В наше время только некоторые грузинские археологи проявляют неоправданную тенденцию углублять дату кобанской культуры. Так, в одной из своих статей Г. К. Ниорадзе комплексы из с. Комны, аналогичные ранним кобанским, относил «ко времени не позже, чем XIII столетие до нашей эры»⁴.

По-видимому, близких воззрений на время формирования и расцвета кобанской культуры придерживается и О. М. Джапаридзе. В одной из своих работ он считает возможным нижнюю хронологическую грань колхидской культуры (почти синхронной кобанской — Е. К.) довести до XIII в. до н. э. Верхнюю же границу этой культуры он склонен «довести до начала железного века, т. е. VIII в. до н. э.»⁵.

Подавляющим же большинством исследователей (Г. Д. Филимонов⁶, А. С. и П. С. Уваровы⁷, Р. Вирхов, М. Гернес, В. Ф. Миллер⁸, Б. В. Фармаковский⁹, А. Тальгрэн¹⁰, М. И. Ростовцев, А. А. Миллер¹¹, Ф. Ганчар¹², С. Пршжеворский¹³, А. А. Иессен¹⁴, Б. А. Куфтин¹⁵ и др.) время бытования кобанской культуры определялось рамками — последние века II тысячелетия — начальные века I тысячелетия до н. э. В обоснование этой датировки выдвигались различные мотивы и наблюдения: типологическое развитие определенных предметов (как у Ганчара) и стилистические сопоставления с закавказской и переднеазиатской культурами (как у Уваровых или Фармаковского). Главными же и основными доводами являлись сопоставление кобанских материалов с уточненными данными времени Гальштата, а также соображение, что отсутствие железа в ран-

¹ А. П. Калининский. Из истории фибул на Кавказе, стр. 57

² М. М. Иващенко. Исследование архаических памятников материальной культуры Абхазии. Тифлис, 1935, стр. 68.

³ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности, вып. III, СПб., 1890, стр. 114.

⁴ Г. К. Ниорадзе. Археологические исследования в ущельях р. Куры (на груз. яз.). ВГМГ, т. XII-V. Тбилиси, 1944, стр. 421.

⁵ О. М. Джапаридзе. Бронзовые топоры Западной Грузии. СА, XVIII, стр. 300.

⁶ Г. Д. Филимонов. Доисторическая культура Осетии. М., 1872, № 20.

⁷ МАК, вып. VIII, М., 1900, стр. 361.

⁸ В. Ф. Миллер. Археологические экскурсии. МАК, вып. I, 1888, стр. 115.

⁹ Б. В. Фармаковский. Архаический период на юге России. МАР, вып. 34, стр. 50.

¹⁰ A. Tallgren. *Kaukasus. Reallexicon*, т. VI, 1926, стр. 260.

¹¹ А. А. Миллер. Изображение собаки в древностях Кавказа, стр. 306, 309.

¹² F. Gančar. *Kaukasus — Luristan*, ESA, IX, Helsinki, 1934, стр. 89.

¹³ St. Przeworski. Ук. соч., стр. 53.

¹⁴ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, стр. 111; см. также А. А. Иессен. Прикубанский очаг..., стр. 119.

¹⁵ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 72.

них комплексах служит верным показателем правильной датировки кобанской культуры.

Мы также считаем, что последний факт служит наиболее объективным и существенным критерием для определения дат культур переходного периода от бронзы к железу.

Но при внимательном ознакомлении с хорошо документированными даже раннекобанскими комплексами выясняется, что в их состав, правда, эпизодически, но уже входят и железные предметы (в частности, оружие), а не только бронзовые вещи, инкрустированные железом, как, например, известные раннекобанские бронзовые топоры, украшенные железными змеями¹ (рис. 1, 1).

Как известно, в Египте, например, железо употреблялось уже в середине II тысячелетия до н. э., хотя широкое хозяйственное использование железа и там началось только с XIII в. до н. э.

Исходя из предвзятого мнения об извечной культурной отсталости Кавказа от передовых стран древнего мира, некоторые ученые на основании отсутствия в большинстве кобанских комплексов железа признавали, что кобанская культура характеризует бронзовый век в пору его расцвета и что железо использовалось тогда еще не в хозяйственных целях, а для орнаментации.

Но умножающиеся факты показывают, что на Северном Кавказе, как и в Закавказье, железное оружие встречается в комплексах, которые с полным правом можно датировать VIII в. до н. э. (как, например, ряд могил Каменноостского могильника²) и даже более ранним временем (как, например, могила № 2 на кобанском могильнике по раскопкам В. Б. Антоновича³).

Не развертывая широко этой темы, подробно освещенной нами в специальной статье «К вопросу о хронологии кобанской культуры», опубликованной еще в 1946 г.⁴, где приведена и соответствующая аргументация, к которой мы сейчас и отсылаем читателя, отметим, что и вновь поступающий в распоряжение исследователей кобанский материал вместе с железными орудиями⁵ и включениями вещественных элементов других культур все более укрепляет нас в правильности сделанных тогда основных выводов о хронологическом месте классического Кобана в системе кавказских древностей.

До последнего времени специалисты как-то слабо учитывали (если не сказать — совсем не учитывали) встречающиеся в составе кобанских комплексов такие «хронологические эталоны», как бронзовое и железное оружие скифского типа (акинаки, наконечники стрел, серповидные ножи), формы керамики (чарки с высокой ручкой и грушевидные корчаги), ее орнаментацию и другие признаки, чуждые местной среде и, наоборот, сближающиеся только с памятниками южных районов европейской части СССР, где некогда господствовала скифская культура определенного периода.

Между тем массовое распространение форм материальной культуры скифского типа в памятниках Северного Кавказа начиная с VII—VI вв. до н. э. служит только верхним рубежом, дальше которого местная кобанская культура продолжает уже развиваться далеко не во всех своих старых традиционных формах. Меняется не только общий облик материальной культуры, с этой поры постепенно приобретая смешанный характер, но появляются даже новые формы могильных сооружений (погребения в грунте, в курганах) и даже новые черты погреб-

¹ МАК, вып. VIII, стр. 18, 19.

² Уч. зап. Кабардинского НИИ, т. V, Нальчик, 1950, стр. 273.

³ Протоколы заседаний V АС, стр. 243.

⁴ Уч. зап. Кабардинского НИИ, т. I, Нальчик, 1946, стр. 143—158.

⁵ К. Э. Гриневич. Новые данные по археологии Кабарды. МИА, № 23, стр. 134.

бального обряда (вытянутые погребения). Очевидно, в жизни местного общества, начиная с этого времени, происходят какие-то изменения, нашедшие свое отражение в материальной культуре Кобана. Мы считаем, что Е. П. Алексеева имела достаточно оснований, чтобы этот новый этап развития культуры назвать позднекобанским¹. Он и должен определять верхнюю дату бытования классической кобанской культуры.

Наоборот, нижней хронологической границей будет последнее столетие II тысячелетия до н. э., как в этом можно убедиться из комплексного анализа материалов предшествующей эпохи и общих соображений о первом появлении железа на Северном Кавказе. Мы видели, что истоки кобанских форм хорошо прослеживаются уже в местной культуре конца II тысячелетия до н. э. Таким образом, подлинный расцвет настоящей кобанской культуры в ее самых выразительных формах падает на период, начиная с рубежа II и I тысячелетий до н. э., вернее с XI в. и кончая VII в. до н. э. включительно, т. е. почти до VI в.

Таковы наши основные выводы о происхождении и датировке кобанской культуры.

¹ Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. Уч. зап. ЛГУ, вып. 13, Л., 1949.

Б. А. РЫБАКОВ

АРХИТЕКТУРНАЯ МАТЕМАТИКА ДРЕВНЕРУССКИХ ЗОДЧИХ

Постройки древнерусских зодчих до сих пор восхищают продуманной соразмерностью, удивительной гармонией своих частей, строгой логикой архитектурного замысла.

Методы архитектурных расчетов XI—XIII вв. нам почти неизвестны. Подходя к их раскрытию с нашей современной меркой, рассматривая древнюю архитектуру с точки зрения эвклидовой геометрии, мы можем открыть и математически обосновать заключенные в ней пропорциональные соотношения. Интересная и ценная работа в этом направлении проделана К. Н. Афанасьевым¹.

Однако у нас нет никакой уверенности в том, что и древнерусские зодчие шли в своих расчетах тем же путем, отправляясь от теоретически безукоризненных положений великого греческого геометра. Наоборот, свидетельства средневековых математиков говорят о применении их современниками приближенных, практически удобных, но теоретически не обоснованных расчетов.

Так, например, знаменитый персидский математик Абуль-Вафа, современник древнейших русских церковных построек, переводчик Эвклида и Диофанта, писал в предисловии к сборнику составленных им геометрических задач: «В настоящей книге мы займемся разложением фигур. Вспрос этот необходим многим практикам и составляет предмет особенных их разысканий... Ввиду этого мы дадим основные (теоретические) начала, которые относятся к данным вопросам, так как все методы, применяемые рабочими, не основанные на каких либо началах, не заслуживают доверия и весьма ошибочны; между тем на основании таких методов они производят различные действия»².

К сожалению, эти «методы, применяемые рабочими» (в архитектуре и ремесле) остались нам неизвестны.

Тайна расчетов и рецептов была характерна для всех средневековых мастеров; даже передавая наследие учителей и свой опыт ученикам, они старались зашифровать свои советы, скрывая, например, под именем «желтой ящерицы» золото. Вероятно, и математические расчеты, осужденные Абуль-Вафой, составляли также секрет зодчих.

В русской средневековой литературе есть несколько интересных записей, освещающих отдельные детали расчетно-строительного процесса. В общеизвестном рассказе Киево-Печерского Патерика о постройке в 1073 г. Успенской церкви обычно обращалось внимание лишь на то, как

¹ К. Н. Афанасьев. Про пропорціональність пам'ятоків древньоруської архітектури XI—XII ст. Архітектурні пам'ятники, Київ, 1950.

К. Н. Афанасьев. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. Автореферат докторской диссертации. М., 1954.

² М. Е. Ващенко-Захарченко. История математики. Т. 1, Киев, 1883.

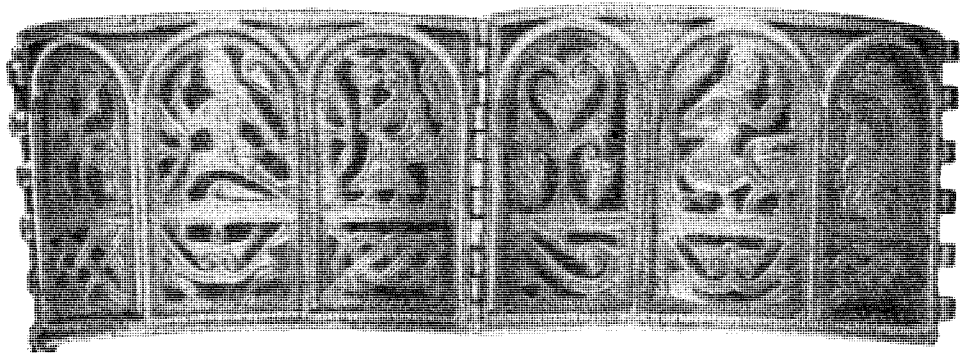

Рис. 1. Изображение мудрого кентавра («Китовраса») с серебряного браслета XII в. из Калинина

размеряли церковь золотым поясом: «20 в ширину и 30 в длину, а 30 в высоту; стены с врѣхом 50»¹.

Но следует отметить, что кроме этих ценных данных, в рассказе Патерика дано почти полное описание процесса подготовки строительной площадки: выбор сухого возвышенного места, где не ложится утренняя роса, выравнивание площадки («долины») для обозначения на ней рвов («якоже рѣвом подобно»), изготовление деревянного эталона в меру золотого пояса («... древо бяше существом»), разметка сначала ширины, а затем и длины здания в определенных мерах, рытье рвов, и, наконец, «водружение корения», т. е. закладка каменного фундамента².

Историки архитектуры никогда не обращали внимания на интереснейшие сведения о расчетной работе зодчего, содержащиеся в славянском «Сказании о Соломоне и Китоврасе», являющемся сказочной переработкой повествований о построении соломонова храма (XII в.).

Царю Соломону для начертания плана задуманного им храма понадобился мудрый кентавр — Китоврас.

В русском прикладном искусстве и архитектурной орнаментике изображения кентавра-Китовраса довольно часты. Следует упомянуть кентавров с жезлами на стенах Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (1236 г.) и мудрого кентавра с пальцем у лба (жест размышления) на створке серебряного браслета XII—XIII вв. из так называемого Тверского клада 1906 года. Мудрый Китоврас изображен здесь в окружении трех стихий (воды, земли и воздуха) и представителей двух царств природы — животного (зверь) и растительного (плодоносящее дерево)³ (рис. 1).

«Сказание о Соломоне и Китоврасе» сохранило нам древнерусское наименование архитектурного плана — «очертание»; Соломон говорит Китоврасу: «не на потребу ты приведох себе, но на упрос очертанию святая святых»⁴.

¹ Киево-Печерский Патерик под ред. Д. Абрамовича. Киев, 1931, стр. 3. Последнее измерение «стены с врѣхом 50» затрудняло исследователей. По всей вероятности, здесь описана часть периметра лицевого (западного) фасада, определявшая основной объем здания: высота двух стен до закомар и ширина фасада. Таково по крайней мере соотношение частей в Спасском соборе 1036 г.

² Там же, стр. 8 и 9. При закладке фундаментов в их основание были положены мощи тех святых, изображения которых предполагалось потом поместить на стенах церкви над этими местами. Это означает, что у зодчих был разработан заранее весь замысел здания, включая даже размещение живописных сюжетов.

³ Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура. История культуры древней Руси. Т. II, М.—Л., 1951, стр. 432, рис. 215, 1.

⁴ А. Н. Веселовский. Из истории литературного общения Востока и Запада. Славянские сказания о Соломоне и Китаврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб, 1872; Палей Толковая 1477 г. (воспроизведение Синодальной рукописи № 210). Вып. I. СПб, 1892; На Васильевских вратах 1336 г. рядом с Китоврасом помещен дом, внутри которого изображены человек, рисующий на листе, и строительные (?)

Самым важным в этом эпизоде является то, что Китоврас, зная заранее, что он призван царем для изготовления плана будущего храма, явился к нему с деревянными мерилami, эталонами каких-то мер: «Он же (Китоврас) умеря прут 4 локоть и вшед пред царя, поклонися и поверже пруты пред царем молча...»

Рис. 2. «Петр». Предполагаемое изображение зодчего Петра. Рисунок на стене. Антоньев монастырь в Новгороде. Нач. XII в.

Здесь для нас особенно интересно то, что главными инструментами архитектора, необходимыми ему для создания «очертания», являются деревянные мерилa (описанные во множественном числе) по 4 локтя в каждом. Обращение к древнерусской метрологии показывает полную достоверность сообщений «Сказания»: во-первых, в древней Руси применялось одновременно несколько видов сажень, а во-вторых, каждая сажень подразделялась именно на 4 локтя; такое деление просуществовало до XVI в.

Очевидно, волшебный архитектор Китоврас был наделен автором сказания реальными принадлежностями русского зодчего в виде изготовленных из дерева сажень, подразделенных на 4 локтя.

инструменты. См. В. Н. Лазарев. Васильевские врата 1336 г., СА, XVIII, М., 1953, стр. 425—426, рис. 27; В сказаниях о царе Давиде рассказывается о получении им «образа церковного» и об изготовлении им для царя Соломона чертежа храма. См. В. А. Келтуяла. Курс истории русской литературы, ч. I, кн. I, СПб, 1913, стр. 190.

Эти два упоминания в литературе XII—XIII вв. о начальной стадии постройки зданий — в Патерике и в «Сказании о Соломоне и Китоврасе» — одинаково говорят о значении установленных мер, их портативных эталонов и самого процесса размеривания «очертания» храма на выровненной «долине».

Все это заставляет нас с особым вниманием отнестись к вопросу о древнерусских мерах длины и их применению в архитектуре; это поможет раскрыть методы работы древних архитекторов. Некоторых зодчих мы знаем по именам, сохранным летописями.

Единственное изображение, которое предположительно связывают с русским архитектором Петром, известным по летописи, обнаружено в башне Антоньева монастыря в Новгороде (рис. 2).

В 1949 г. мною была сделана попытка пересмотра русской средневековой метрологии в целях использования мер длины при анализе архитектурных сооружений¹.

Основные выводы таковы:

1. В древней Руси с XI по XVII в. существовало семь видов сажений и локтей, бытовавших одновременно.

Наблюдения над русской метрологией показали, что очень мелких и дробных делений в древней Руси не применяли, а использовали многообразие мер, применяя, скажем, «локты» и «пяди» разных систем.

Древнерусские меры длины могут быть сведены в следующую таблицу:

Виды сажений	Сажень (в см)	Доли сажений			
		$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{4}$ локоть	$\frac{1}{6}$ пядь	$\frac{1}{16}$
Простая, прямая . . .	152,76	76,38	38,18	19	9,5
Мерная, маховая . . .	176,4	88,2	44,1	22	11
«Морская»	≈183	91,5	45,7	22,8	11,4
«Трубная»	≈187	93,5	46,7	23,3	11,6
«Сажень без чети» . . .	197,2	98,6	49,6	24,8	12,4
Косая, казенная . . .	216	108	54	27	13,5
Великая, косая . . .	249,46	124,73	62,36	31,18	15,6

2. Известен ряд случаев, когда одно и то же лицо производило измерение одного и того же объекта одновременно разными видами сажений.

Так, при ремонте Софийского собора в Новгороде в XVII в. измерения велись двумя видами сажений: «А внутри главы кругом где окна — 12 сажен (по 152 см), а от спасова образа ото лбу до моста церковного — 15 сажен мерных (по 176 см)».

При постройке засечной черты в 1638 г. «валили вал в ширину 25 сажен косых а простых — 40 сажен»².

Анализ архитектурных памятников XI—XV вв. позволил утверждать, что древнерусские зодчие широко применяли одновременное пользование двумя или даже тремя видами сажений³.

¹ Б. А. Рыбаков. Русские системы мер длины XI—XV вв. СЭ, 1949, № 1.

Поводом к этой работе послужило открытие в Чернигове в 1946 г. части фундаментов Благовещенского собора 1186 г. Приложение метрологического анализа и использование аналогий позволили дать реконструкцию всего плана этого замечательного здания. (См. Б. О. Рыбаков. Благовещенська церква у Чернігові 1186 р. за даними розкопок. Архітектурні пам'ятники, Київ, 1950, рис. 63). Продолжение работ по исследованию фундаментов в 1947 г. полностью подтвердило первоначальную реконструкцию. (Там же, рис. 59).

² Другие примеры см. в указ. статье Б. А. Рыбакова. «Русские системы мер...», стр. 72, 74, 78.

³ Там же, стр. 82—84.

3. Непонятное для нас одновременное пользование разными мерами длины объясняется заложенными в этих мерах при их создании строгими геометрическими соотношениями (рис. 3).

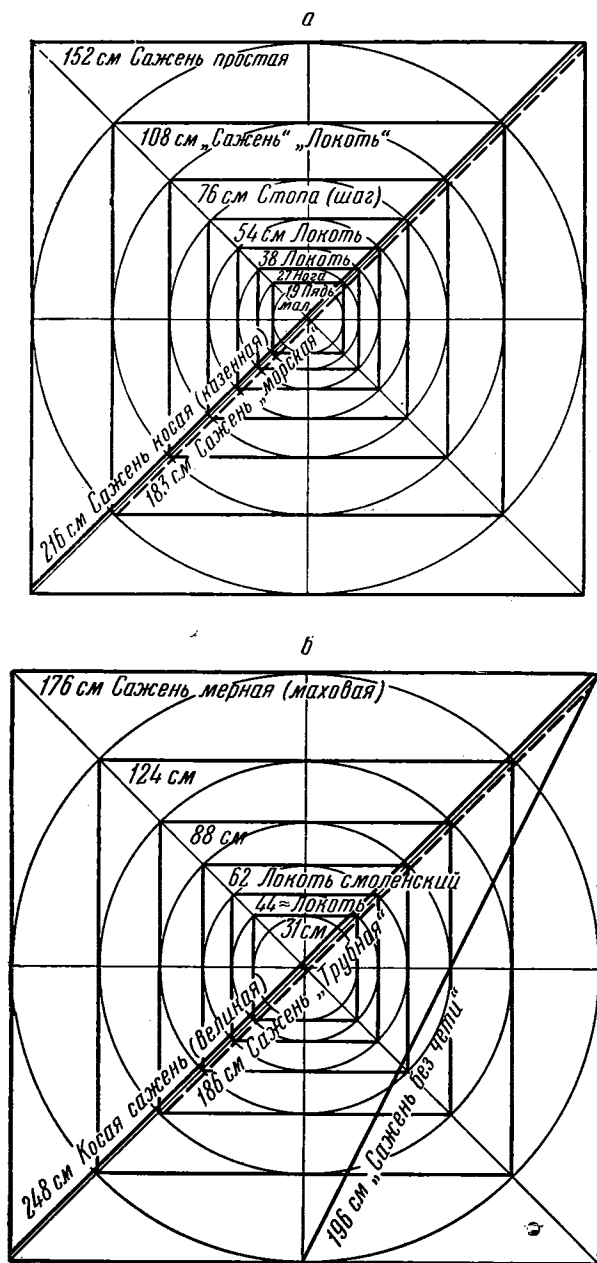

Рис. 3 Графическое изображение русских сажень и их долей по принципу «вавилон» (из статьи Б. А. Рыбакова, 1949)

Геометрическая сопряженность древнерусских сажень особенно ясна в наименовании «прямой» и «косой» сажени. Оказалось, что прямая сажень есть сторона квадрата, а косая — его диагональ ($216 = 152,7 \sqrt{2}$). Такое же соотношение существует между «мерной» и «великой» (косой) саженьями: $249,4 = 176,4 \sqrt{2}$.

«Сажень без чети» оказалась искусственно созданной мерой, являв-

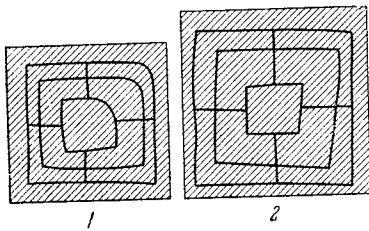

Рис. 4. Кирпич IX в. со знаком «вавиллона» (Саркел)

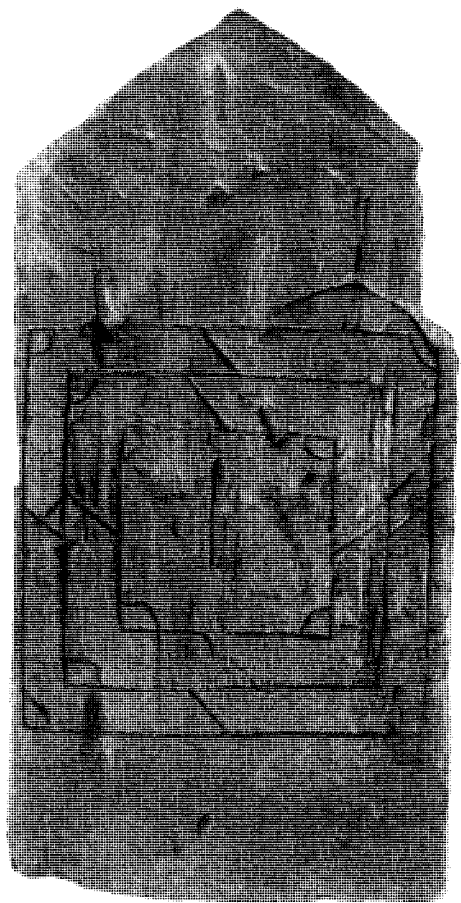
шейся диагональю половины квадрата, сторона которого равна мерной сажени¹.

4. Графическим выражением этих двух систем мер длины (одной, основанной на «простой» сажени, и другой, основанной на «мерной» сажени) являются хорошо известные по древним изображениям «вавиллоны», представляющие собой систему вписанных квадратов. Наименование «вавиллоны» взято из русских источников XVII в. (см. рис. 3).

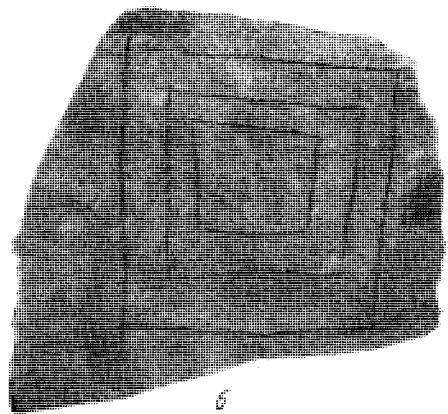
5. Дошедшие до нас изображения «вавиллонов» (рис. 4) в основе своей являются схемой плана священного храма-зиккурата с его ступенями и лестницами, но почти все они далеки от точности и могли служить лишь каким-то символом, например, символом зодческой мудрости. Этот древний символ давно уже нашел отражение в играх, и нам известны игральные доски, воспроизводящие «вавилон» (игра «мельница»)².

В последние годы в Новгороде и Пскове были найдены игральные доски XII—XIII вв., которые можно сопоставить с древнерусской игрой «тавлѣй» (от латинского *tabula*) (рис. 5).

6. Предпринятые мною в 1949 г. попытки применить описанные выше графики к анализу русской архитектуры дали интересные, но крайне ограниченные результаты; проследить полностью весь процесс создания плана сооружения древнерусским зодчим мне тогда не удалось.

а

б

Рис. 5. «Тавлея». Игральные доски.
а — Новгород XIII в.; б — Псков XII в.

¹ Проверка выдвинутых мною принципов геометрической соподчиненности мер и одновременного употребления разных мер при постройке одного здания, произведенная В. Л. Ворониной на примере архитектуры Средней Азии, показала их правильность. В. Л. Воронина. К вопросу о древней метрологии Средней Азии. КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 66.

² Б. А. Рыбаков. Русские системы мер..., стр. 89 и 91, рис. 4, фиг. 11.

* * *

Новые находки загадочных чертежей — «вавилонов» — на Таманском городище (древней Тмутаракани) и Старо-Рязанском городище, относящиеся к IX—XII вв., позволяют значительно углубить анализ этих чертежей и установить их тесную связь с процессом архитектурного расчета.

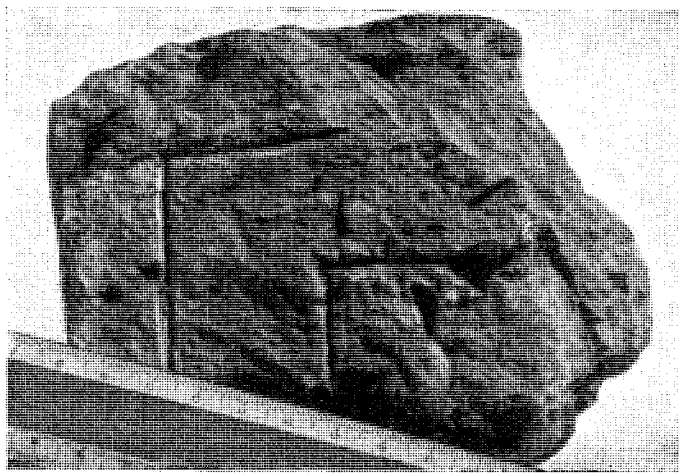

Рис. 6. Обломок глиняной плиты IX в. с частью «вавилона». Таманское городище. Раскопки 1954 г.

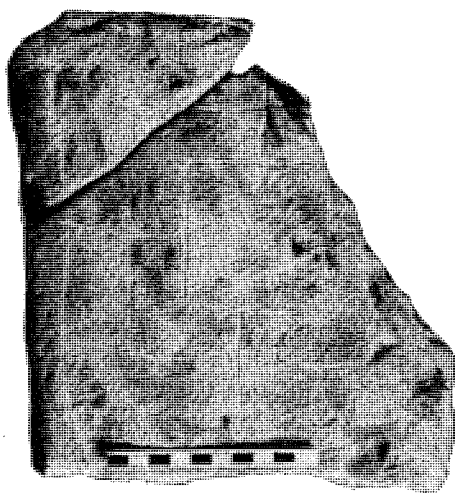

Рис. 7. Черепица середины X в. с квадратным «вавилоном». Таманское городище. Раскопки 1953 г.

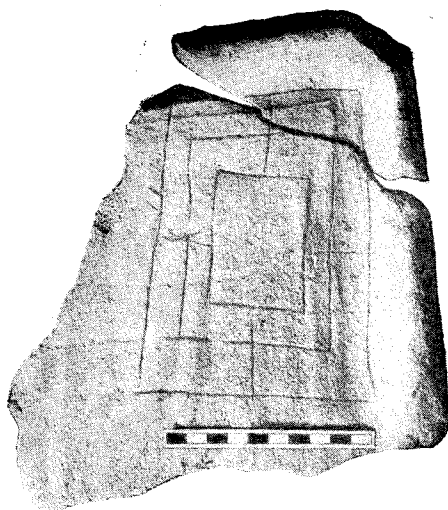

Рис. 8. Обратная сторона той же черепицы с прямоугольным «вавилоном»

На территории Тмутаракани в центральной части города за время работ Таманской экспедиции (1952—1955) нами было найдено пять «вавилонов». Все они связаны с определенными зданиями.

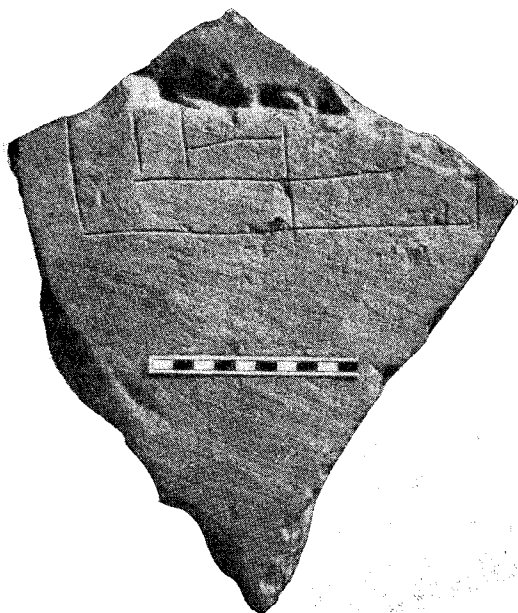

Рис. 9. Каменная плита с «вавилоном» из каменотесной мастерской 1023 г. Таманское городище. Раскопки 1953 г.

с начертанным на ней квадратным «вавилоном» (рис. 9). Этот розовый песчаник служил для самых различных частей здания: из него тесались плиты для вымостки пола, устои для алтарной преграды, резались орнаментальные вставки для тимпанов и т. п.

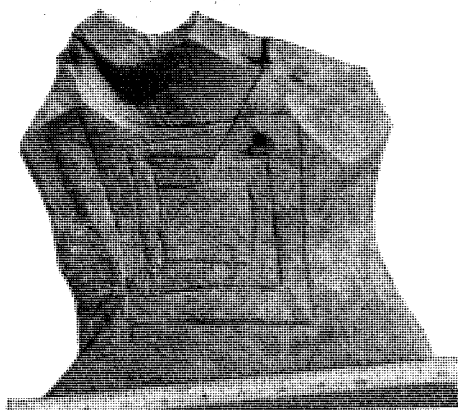

Рис. 10. Горло амфоры XI в. из каменотесной мастерской с тамгой строителей. Таманское городище, 1954 г.

1. В фундаментах шестигранного здания хазарского периода (IX — начало X в.), построенных из камня и кирпича закавказского типа, найден обломок глиняной плиты, на которую в сыром виде нанесли чертёж, состоящий из вписанных прямоугольников (рис. 6).

2—3. В фундаментах небольшого крестообразного в плане храма середины X в., расположенного на той же центральной городской площади, найден кусок черепицы X в., на котором с обеих сторон начертаны «вавилонны»; на одной — три вписанных квадрата, а на другой — три вписанных прямоугольника (рис. 7 и 8).

4. Среди остатков каменотесной мастерской, созданной в процессе постройки храма Мстиславом Владимировичем Тмутараканским в 1023 г., была найдена расколотая плита розового новороссийского песчаника

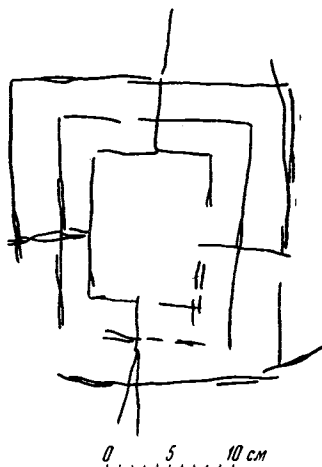

Рис. 11. «Вавилон» на надгробной плите болгарского вельможи Мостича. Середина X в.

Чертёж врезан четко и определенно; сторона наибольшего квадрата равна 19 см, т. е. русской «малой пяди» ($1/8$ прямой сажени). Все это может говорить в пользу практического применения данного чертежа тмутараканскими каменотесами при определении размеров тех или иных деталей.

Рис. 12. Глиняная плита с расчетным чертежом XII в. Старая Рязань. Раскопки А. Л. Монгайта, 1948 г.

5. В этой же каменотесной мастерской найдено горло амфоры XI в. со схематическим изображением трех вписанных квадратов (рис. 10). Единственное значение, которое мог иметь этот знак в XI в., это служить тамгой артели строителей храма; как знак собственности строителей или каменотесов он и попал на сосуд для вина.

Как видим, все тмутараканские находки связаны с определенными архитектурными сооружениями, и, что особенно важно отметить, все они

стратиграфически залегают на уровне фундаментов, на уровне строительной «долины».

В 1952 г. прямоугольный «вавилон» был найден в Болгарии в Преславе на надгробной плите вельможи Мостича, датируемой 950—960-ми годами (рис. 11) ¹.

Одной из важнейших находок является открытая в 1948 г. в Старой Рязани глиняная плита с самым точным из всех известных до сих пор чертежей (рис. 12) ².

Плита с чертежом найдена на уровне пола в западном притворе собора, названного А. Л. Монгайтом Борисоглебским (хотя ввиду полного тождества плана этого здания с Успенской церковью в Чернигове, его правильнее было бы назвать тоже Успенским) ³. Дата здания — середина XII в.

Из перечисленных семи новых находок особенно важны для нас, во-первых, таманская черепица X в. с двумя чертежами и, во-вторых, старорязанская плита. Тмутараканская черепица показала, что могут быть «вавилонны» двух видов — квадратные и прямоугольные. Начерчены они небрежно и служат непосредственно «рабочими чертежами», разумеется, не могли. Однако, несмотря на неточности выполнения, здесь легко угадываются те геометрические фигуры, которые древний тмутараканец стремился воспроизвести на глаз. Наложение точного чертежа, выполненного циркулем и угольником на эти рисунки, убеждает в существовании определенных закономерностей. Не подлежит сомнению, что один из рисунков на черепице изображает систему трех вписанных квадратов; середины сторон всех трех квадратов соответственно соединены четырьмя линиями, перпендикулярными этим сторонам («лестницы зиккурата»).

Второй рисунок, сделанный более тщательно, представляет собой три вписанных прямоугольника, размеры сторон которых находятся в зависимости от размеров первой фигуры: длинная сторона большого (внешнего) прямоугольника равна стороне большого квадрата, а его короткая, боковая сторона равна стороне среднего квадрата (или, что одно и то же, половине диагонали большого квадрата). Два внутренних прямоугольника второй фигуры дают следующие закономерности: длинная сторона каждого из них равна короткой стороне следующего по величине (большого) прямоугольника, середины сторон также соединены линиями. Геометрически построить такую фигуру, как три вписанных п р я м о у г о л ь н и к а с отношением длинных сторон к коротким как $a: \frac{a\sqrt{2}}{2}$, можно только при помощи вспомогательного чертежа в виде трех вписанных к в а д р а т о в.

По счастью, этот вспомогательный чертеж был сделан на этом же самом куске черепицы.

«Вавилонны» тмутараканской церкви середины X в. мы должны рассматривать как два сопряженных между собой чертежа: три вписанных квадрата были вспомогательным чертежом (выполненным более небрежно), необходимым для построения второго чертежа, состоящего из прямоугольников.

Каким же целям должен был служить этот сложный чертеж, ради чего создавалась такая геометрическая композиция?

¹ Ст. Станчев, В. Иванова (и др.). Надпись на чьргубиль Мостич. София, 1955, стр. 5, 15, 40 (рис. 16), 61. «Чьргубиль» — крупный придворный чин при болгарских царях Симеоне и Петре. Имя этого вельможи В. И. Иванова связывает со словом «мост» (стр. 61). Наличие на его надгробии символа зодческой мудрости не может ли быть истолковано как указание на должность придворного архитектора?

² Приношу благодарность А. Л. Монгайту, предоставившему мне для публикации рисунок этой плитки. Упоминание о ней см. А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, № 49, 1955, стр. 82.

³ Г. Ф. Корзухина-Воронина. Рязань в сложении архитектурных форм XII—XIII вв. Сб. «Бюро по делам аспирантов», ГАИМК, вып. I, Л., 1929, стр. 77.

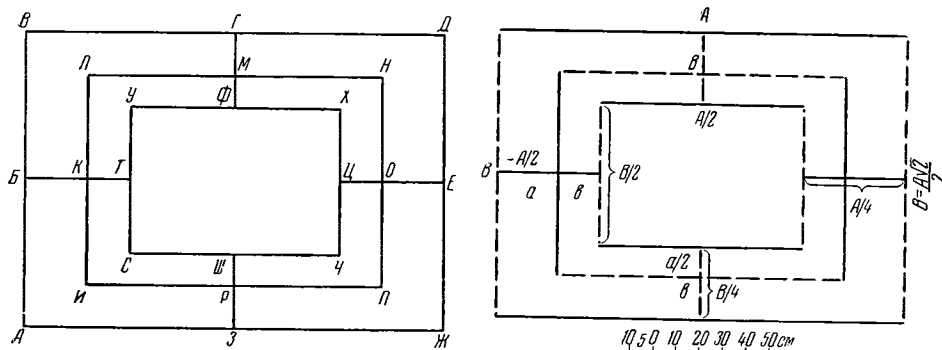

Рис. 13. Прямоугольный «вавилон». Соотношение сторон

Ответить на эти вопросы можно лишь, ознакомившись с математическими свойствами этого чертежа. Оказывается, что стороны прямоугольников и расстояния между узловыми точками чертежа (углами и пересечениями линий) таят в себе множество различных соотношений, которые известны в архитектуре и прикладной геометрии средневековья.

Обозначим все точки нашей фигуры буквами русского алфавита (рис. 13) и перечислим соотношения линий. В основе фигуры лежат шесть пар прямых линий (сторон прямоугольников), разделенных пополам, и две пары пересекающихся их линий, которые разделяются на две неравные части каждая. Если же учитывать не только изображенные на чертеже линии, но и те, которые могут быть проведены от точки к точке, то количество линий возрастет до 42.

Все линии «вавилон» можно подразделить на три группы.

1. Часть линий является долями длинных сторон $ВД — АЖ$ внешнего прямоугольника: $ВГ = ГД = \frac{ВД}{2} = АЗ = ЗЖ = \frac{АЖ}{2} = ЛИ = НП = УХ = СЧ$; $БТ = ЦЕ = \frac{ВД}{4} = \frac{ВГ}{2}$ и т. д.

2. Другие линии представляют собой дроби диагонали квадрата, сторона которого равна $ВД$ или $АЖ$:

$$\begin{aligned}
 АВ = ДЖ = ЛН = ИП &= \frac{ВД\sqrt{2}}{2} = \frac{АЖ\sqrt{2}}{2}; \\
 СУ = ХЧ &= \frac{АВ}{2} = \frac{ДЖ}{2} = \frac{ВД\sqrt{2}}{4} = \frac{АЖ\sqrt{2}}{4}; \\
 ГФ = ШЗ &= \frac{АВ}{4} = \frac{ДЖ}{4} = \frac{СУ}{2} = \frac{ХЦ}{2} = \frac{УФ\sqrt{2}}{2} = \frac{БТ\sqrt{2}}{2} = \\
 &= \frac{УХ\sqrt{2}}{4} = \frac{ВД\sqrt{2}}{8} \text{ и т. д.}
 \end{aligned}$$

3. Третья группа самых коротких линий тоже представляет сочетание сторон и диагоналей квадрата; эти линии получены как разность между длинными и короткими сторонами прямоугольников.

$$\begin{aligned}
 БК = ОЕ; ГМ = РЗ = КТ = ЦО &= \frac{БК\sqrt{2}}{2} = \frac{ОЕ\sqrt{2}}{2}; \\
 ФМ = ШР &= \frac{БК}{2} = \frac{ОЕ}{2} = \frac{ГМ\sqrt{2}}{2} \text{ и т. д.}
 \end{aligned}$$

Если для простоты обозначить длинную сторону через A , то при помощи этой величины мы сможем выразить все линии «вавилон». Одни из них будут представлять последовательное деление на $2 : A; \frac{A}{2}; \frac{A}{4}$, другие

могут быть представлены иррационально: $\frac{AV\sqrt{2}}{2}$; $\frac{AV\sqrt{2}}{4}$; $\frac{AV\sqrt{2}}{8}$, третьи являются разностью: $\frac{A}{2} - \frac{AV\sqrt{2}}{4}$; $\frac{AV\sqrt{2}}{4} - \frac{A}{4}$; $\frac{A}{4} - \frac{AV\sqrt{2}}{8}$ (см. рис. 13 справа).

Линии «вавилона» образуют несколько пропорциональных рядов. Вот, например, один из них: $MF : MG = MG : BK = GF : BT = UC : UX = AB : BD$.

Среди линий «вавилона» нетрудно подыскать свыше десятка отношений, очень близких к «золотому сечению»: $m : M = M : (m + M)$. Приближенность решений определяется только при математическом анализе, но практически она неуловима. Наиболее точным является отношение: $BK : AL = AL : (BK + AL) = AL : BD$. Здесь суммой двух отрезков является длинная сторона прямоугольника A .

Погрешность равна 0,003 этой стороны; при практических построениях она была мало заметна.

При помощи изучаемого нами графика можно быстро и с достаточной для практических целей точностью решить все важнейшие задачи средневековых геометров. Упомянутый выше Абуль-Вафа (940—998 гг.) посвятил специальную книгу задачам на построение равновеликих фигур. Со всей строгостью настоящего ученого обрушился он на «методы, применяемые рабочими, не основанные на каких-либо началах», и дал взамен их математически безупречные, но необычайно сложные и громоздкие решения этих задач, руководствуясь «началами» Эвклида. Однако не все задачи, интересовавшие тогдашних практиков, могли быть решены строго математически — такова, например, была древняя задача о нахождении геометрическим путем квадрата, равновеликого кругу, задача «квadrатуры круга»¹.

Современный Абуль-Вафе тмутараканский график из трех вписанных прямоугольников позволяет с очень большой степенью точности (хотя и не всегда теоретически верно) почти моментально решать все подобные задачи, включая и «квadrатуру круга».

Рассмотрим несколько примеров, взяв за основу квадрат, сторона которого равна длинной стороне внешнего прямоугольника «вавилона» (A).

1. Удвоение квадрата (рис. 14):

Сторона удвоенного квадрата равна удвоенной боковой стороне «вавилона» (т. е. $2AB$ или $2DJ$).

2. Построение двух равных квадратов, сумма площадей которых равна площади основного квадрата:

Сторона каждого малого квадрата равна AB или DJ .

3. Построение трех квадратов на тех же условиях:

Удвоенная линия BL (или три других, ей соответствующих — BI , EN , EP) является стороной искомого квадрата.

4. Построение равностороннего треугольника, равновеликого квадрату: сторона треугольника равна удвоенной линии AC . Высота его будет равна удвоенной линии TH .

5. Построение правильного шестиугольника, равновеликого квадрату:

Стороной шестиугольника будет больший отрезок стороны квадрата, разделенной в «золотом сечении», т. е. линия AL .

6. Построение квадрата, равновеликого кругу («квadrатура круга»).

¹ Древние египтяне очень хитро решили эту задачу, вычислив ее арифметически и подобрав соответствующие меры длины. Египетский локоть в 46 см — это сторона квадрата, а царский локоть в 52 см — диаметр круга $\frac{46}{52} = \frac{1}{2}V\pi = 0,886$. Г. Н. Белаяев. О древних и нынешних русских мерах протяжения и веса. Seminarium Kondakovianum. Т. I, Прага, 1927, стр. 258.

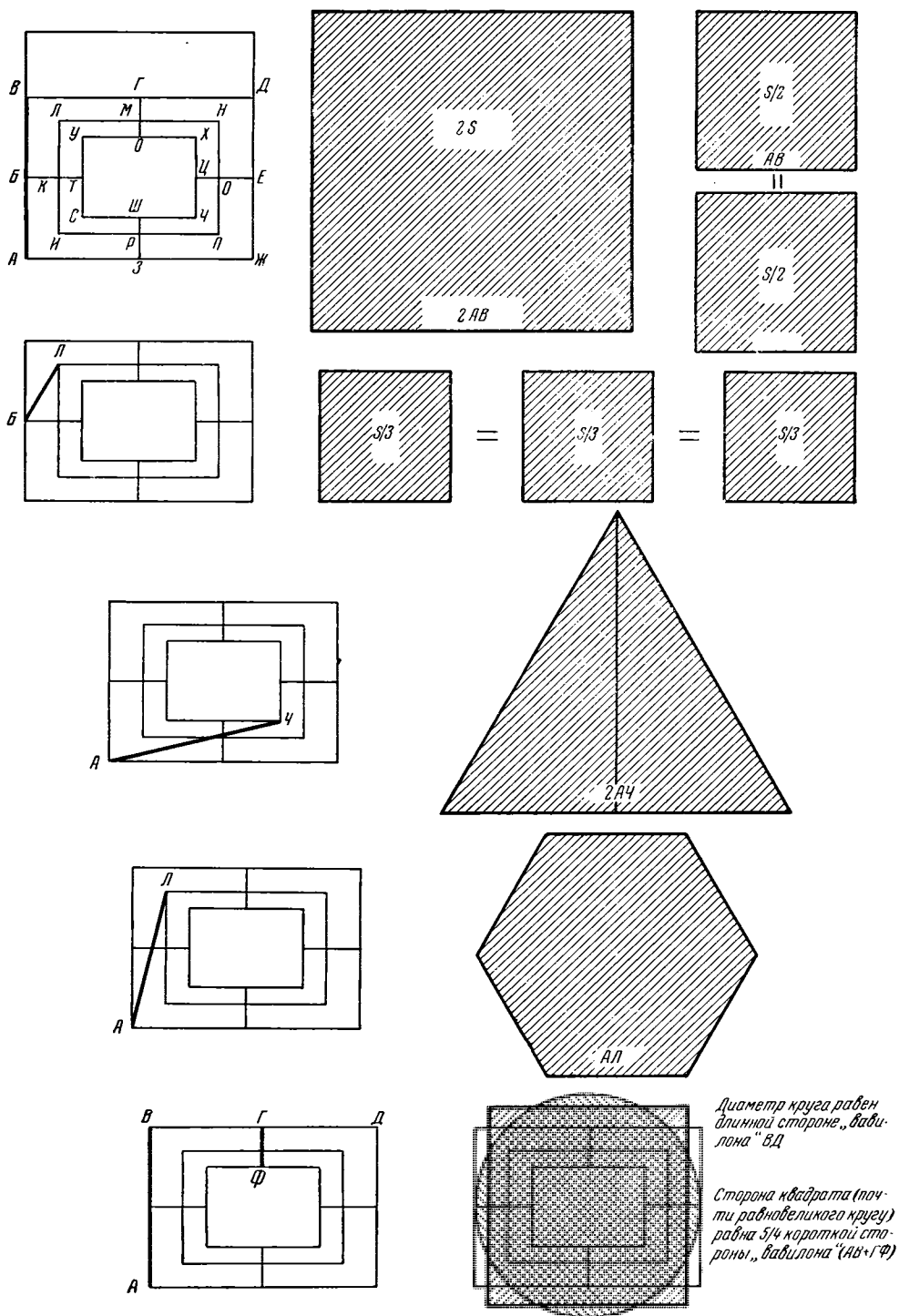

Рис. 14. Решение задач на построение при помощи «вавилона»

удвоение квадрата; деление квадрата на два; деление квадрата на три; построение треугольника, равновеликого квадрату; построение шестиугольника, равновеликого квадрату; приближенное решение квадратуры круга

Диаметр круга равен длинной стороне „вавиллона“ BD

Страна квадрата (почти равновеликого кругу) равна $3/4$ короткой стороны „вавиллона“ $(AB + \Gamma\Phi)$

Примем диаметр окружности равным большой стороне «вавилонна». Сторона искомого квадрата будет равна сумме боковой стороны «вавилонна» и линии $ГФ$ (поперечной линии, соединяющей длинные стороны всех трех прямоугольников). Погрешность здесь будет очень невелика и практически почти неощутима — 0,0023 диаметра; ошибки в задачах 3 и 5 тоже очень малы и не превышают 0,005—0,003. Наименее точно решение задачи 4 (ошибка равна 0,08). Задачи 1, 2 решаются точно.

Как видим, для средневековых практиков, осужденных Абуль-Вафой, все подобные задачи решались поразительно просто — располагая «вавилонном» в определенную меру (например, с большой стороны в «локоть»), мастера и архитекторы должны были только знать, который из 42 размеров этого графика нужно взять в качестве стороны искомой фигуры.

Зная свойства «вавилонна», можно было быстро, не производя ни расчетов, ни геометрических построений, сразу же разделить локоть в отношении «золотого сечения», найти фигуры, равновеликие квадратному локтю, дать несколько пропорциональных рядов, дать графическое изображение ряда иррациональных величин $a\sqrt{2}$, $a\sqrt{3}$, $\sqrt{4}$, $a\sqrt{5}$, $a\sqrt{6}$...

Неудивительно, что этот математически универсальный замечательный график мог стать еще в глубокой вавилонской древности символом зодческой мудрости, «хитрости храмовоздательской».

* * *

Перечисленными выше примерами далеко не исчерпываются расчетные возможности прямоугольного «вавилонна».

Обращение к древнерусским мерам длины открывает нам еще одну область применения нашего графика.

Возьмем за основу ту меру, которую сами древнерусские люди считали основной и называли «мерной саженью». Размер ее колеблется по разным данным между 176,0—176,8 см¹.

Примем среднюю величину в 176,4 см и построим квадрат, со стороной в мерную сажень, а на основе квадрата — прямоугольный «вавилон», длинная сторона которого будет, как известно, тоже равна мерной сажени в 176,4 см.

Все виды древнерусских саженей займут положение основных геометрических линий этой фигуры (рис. 15):

Великая сажень (249,46 см) — диагональ квадрата

«Сажень без чети» (197,21 см) — диагональ половины квадрата

Мерная сажень (176,4 см) — сторона квадрата

Косая сажень (216,04 см) — диагональ «вавилонна»

Прямая сажень (152,76 см) — диагональ короткой половины «вавилонна»

«Трубная сажень» (187,08 см) — диагональ длинной половины «вавилонна»

Половина великой сажени (124,73 см) — короткая сторона «вавилонна».

Только так называемая «морская сажень» не занимает здесь основного положения и может быть приурочена к линии $АН$ (184 см).

Все стороны внутренних прямоугольников «вавилонна» являются здесь фракциями двух саженей — мерной и великой.

Пересекающие линии «вавилонна» («лестницы зиккурата») также оказываются выраженными в мерах длины: Линии $БГ$ и $СЕ$ равны локтю (44,1 см), равны $\frac{1}{4}$ мерной сажени. Линии $ГФ$ и $ШЗ$ равны $\frac{1}{2}$ локтя «смоленского» (31,18 см), равны $\frac{1}{8}$ великой сажени.

¹ Б. А. Рыбаков. Русские системы мер..., стр. 74, 86.

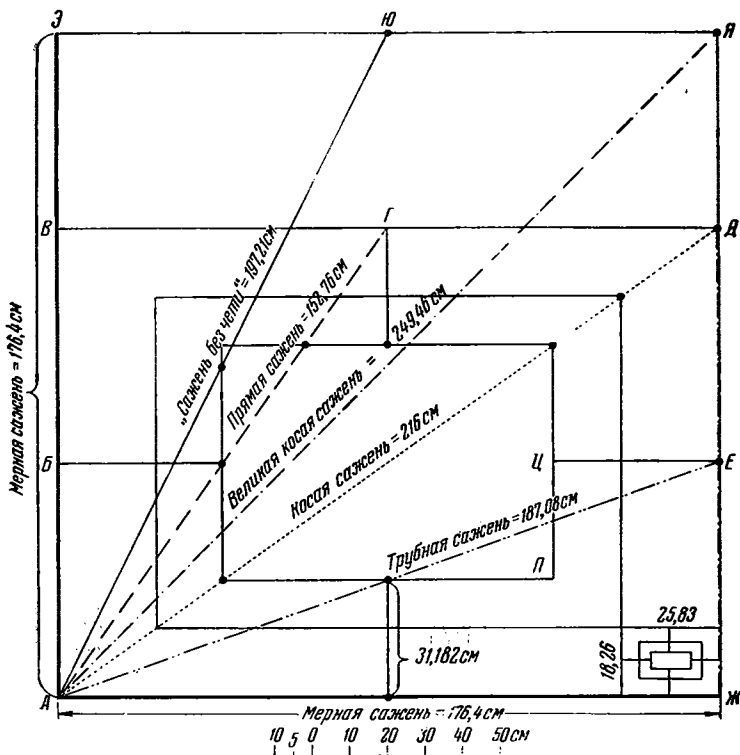

Рис. 15. Единая геометрическая система древнерусских мер длины

Таким образом, для построения такого «вавилон» нужно иметь только два «прута по четыре локтя», из которых один равен стороне квадрата, а другой — его диагонали.

Геометрическая сопряженность всех древнерусских мер длины, связанность их определенной общностью, принадлежностью к единой системе становится особенно ясной тогда, когда мы рассмотрим их с точки зрения «метода построения по системе диагоналей», широко применявшегося еще в архитектуре Древнего царства Египта¹.

Если мы построим квадрат, сторона которого равна половине мерной сажени, то диагональ его будет равна половине великой сажени. Отложим диагональ на продолжении двух сторон квадрата, соединим точки и получим прямоугольник со сторонами A и $A\sqrt{2}$. Диагональ его будет равна $A\sqrt{3}$ = прямой сажени.

Продолжив построение по этому «принципу диагоналей» новых прямоугольников, мы получим последовательно (рис. 16):

- $A\sqrt{3}$ = 152,76 — прямая сажень
- $A\sqrt{4}$ = 176,4 — мерная сажень
- $A\sqrt{5}$ = 197,21 — «сажень без чети»
- $A\sqrt{6}$ = 216,04 — косая сажень
- $A\sqrt{8}$ = 249,46 — великая сажень

Следовательно, основной принцип архитектурных пропорций древней Руси был заложен в самой системе мер длины. Мы не можем счи-

¹ В. Н. Владимиров. Пропорции в египетской архитектуре. Всеобщая история архитектуры. Т. I, М., 1944, стр. 81, 83, рис. 2.

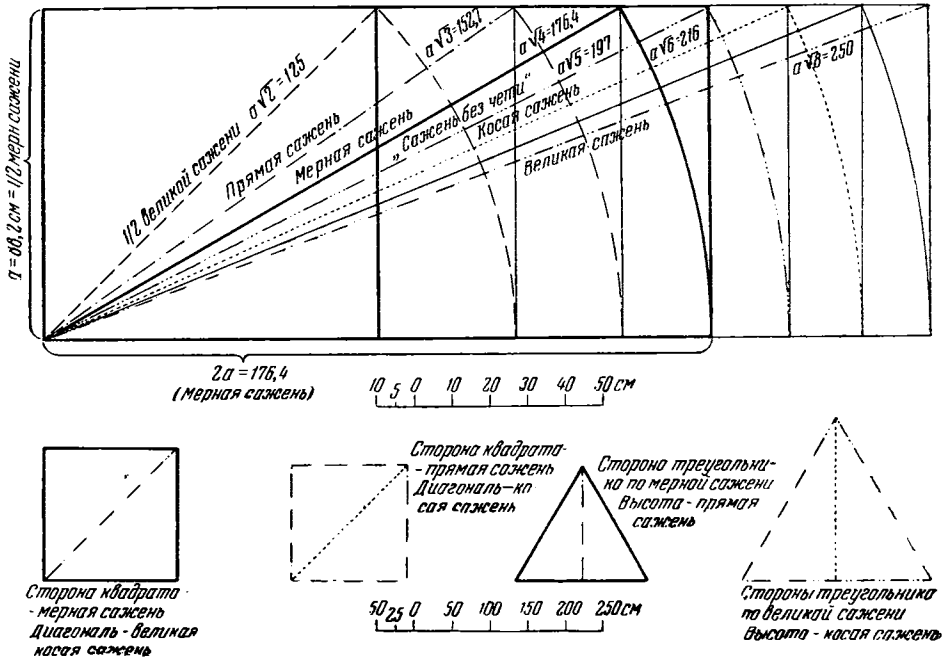

Рис. 16. Геометрические взаимоотношения древнерусских мер

тать их исключительно русскими, так как большинство этих мер, легко воспроизводимых человеком (размах рук, поднятие руки и т. п.), было распространено и у других народов.

Возможно, что именно их геометрическая сопряженность и позволила им сохраниться на Руси в таком полном комплекте. Одна мера была основной («мерная сажень»), а другие были геометрическими производными от нее и могли служить при тех или иных пропорциональных расчетах¹.

Звенom, связывающим символические изображения «вавилонов» с конкретной архитектурной действительностью, является драгоценная находка в Старой Рязани.

На глиняной плите размером $25,9 \times 18$ см аккуратно и точно нанесены три прямоугольника разных размеров. Один внутри другого, но так, что одна из боковых сторон каждого из них опирается на одну общую для всех прямую линию.

Вся фигура имеет вид как бы трех букв П, написанных одна в другой и опирающихся на общую черту; над верхним П начерчена небольшая дужка. Следует особо отметить, что человек, исполнявший этот чертеж, был очень тщателен и стремился нанести линии с максимальной точностью, соблюдая их параллельность и правильность прямых углов.

¹ Некоторые историки архитектуры придают большое значение в пропорциональных расчетах делению окружности на 10 частей (например: Э. Мессель. Пропорции в античности и в средние века. М., 1936). Не присоединяясь к этим взглядам, я отмечу лишь, что древнерусские сажени и локти, представляющие определенные отрезки «вавилон», позволяли очень просто найти необходимый для деления окружности на 10 частей размер хорды с очень незначительной погрешностью. Для окружности диаметр которой равен мерной сажени, такой хордой будет $\frac{1}{4}$ косой сажени — локоть в 54 см. В общей форме это может быть выражено так: для деления окружности на 10 частей достаточно взять $\frac{1}{4}$ диагонали «вавилон», сторона которого равна диаметру окружности. Отмечу еще одно направление взаимных связей русских мер: высота равнобедренного треугольника со стороной в мерную сажень равна прямой сажени а со стороной в великую сажень — косой сажени.

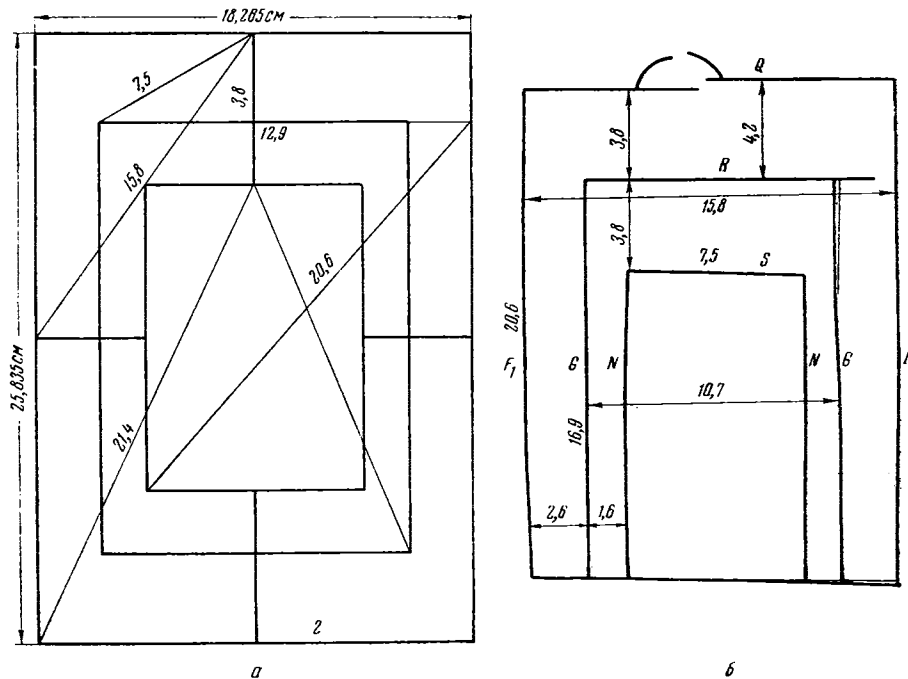

Рис. 17. Расчетный чертеж XII в. Старая Рязань.
 а — «вавилон»; б — отобранные из него линии

Анализ рязанского чертежа убеждает в том, что здесь перед нами отобранные для каких-то целей линии «вавилона» (рис. 17).

Размеры того «вавилона», который послужил основой для чертежа, почти совпадают с размерами самой плиты, а этот размер в свою очередь является одним из самых ходовых, самых распространенных форматов древнерусского кирпича¹.

Устойчивость формата 25×18 см и в то же время несовпадение его с древнерусскими мерами заставляет нас поискать основу его за пределами локтей и пядей.

Поиски направляют нас к уже известному нам «вавилону» со стороны в мерную сажень. Как выяснено выше, все древнерусские меры укладываются в этот график. Оказалось, что в него укладывается и интересующий нас распространенный в XII в. формат кирпича: длинная сторона кирпича равна большему отрезку поперечной линии *BT* (линии *BK*), а короткая сторона кирпича равна меньшему отрезку этой линии (линии *KT*) (см. рис. 13).

Другими словами, если в «вавилоне» со стороной в 176,4 см мы продолжим линии среднего по величине прямоугольника до пересечения их со сторонами наибольшего прямоугольника, то по углам «вавилона» мы получим маленькие прямоугольники со сторонами 25,835 см и 18,265 см, т. е. соответствующие как ходовому формату русского кирпича, так и размерам старорязанской плиты с чертежом (рис. 15 прав. нижний угол).

Все линии старорязанского чертежа взяты из «вавилона», длинная сторона которого — 25,835, а короткая — 18,265 см, т. е. они находятся в определенном гео-

¹ В той самой Успенской церкви, где найден чертеж, основным размером кирпича является $26 \times 18,5 \times 5$; $25 \times 18 \times 4,5$ см. (См. А. Л. Монгайт. Ук. соч., стр. 79). То же самое мы встречаем и в двойнике этой церкви, вернее, образце ее — в Успенской церкви Елецкого монастыря в Чернигове.

метрическом соотношении с основной русской мерой — мерной саженью¹ (рис. 17).

Степень точности рязанского чертежа ясна из следующей таблицы, где фактические размеры сопоставлены с размерами «вавилона», вычисленными алгебраически с точностью до трех знаков.

Рязанский чертеж		Вычисленные величины	Обозначение линий на «вавилоне»
Наименование линий	Длина в см		
<i>F</i>	21,4	21,413	<i>ТД, ТЖ, ЦВ, АЦ</i>
<i>G</i>	16,9—17	16,867	<i>ТП, ТН, ИЦ, ЛЦ</i>
<i>N</i>	12,9—13	12,917	<i>ВГ, ГД, АЗ, ЗД, ЛИ, НП, УХ, СЧ</i>
<i>Q</i>	15,8	15,811	<i>БГ, БЗ, ГЕ, ЕЗ, СХ, УП</i>
<i>R</i>	10,5—10,7	10,706	$\frac{ТД}{2}$ и т. п.
<i>S</i>	7,5	7,485	<i>БЛ, БИ, ЕН, ЕП</i>
<i>Q—R</i>	3,8	3,785	
<i>R—S</i>	3,8	3,785	<i>БК, ОЕ</i>
<i>F—G</i>	2,6	2,674	<i>ГМ, РЗ, КТ, ЦО</i>
<i>G—N</i>	1,8	1,892	<i>МФ, ШР</i>

В результате проведенного сопоставления мы можем утверждать, что происхождение всех величин рязанского чертежа установлено — они получены при помощи графика из трех прямоугольников, являющегося в свою очередь производным от мерной сажени в 176,4 см.

По месту находки рязанского чертежа — в строительном горизонте здания XII в. — мы можем считать его автора причастным к строительству.

В отличие от всех известных нам находок «вавилонов», являющихся лишь изображениями графика (порой очень приблизительными), рязанскую плиту мы вправе назвать точным чертежем, на который чертежник счел нужным перенести только шесть линий из всего многообразия линий «вавилона».

Математические свойства их таковы:

1. Линия *F*. Если построить «вавилон» с основанием, равным линии *F*, то диагональ его будет равна стороне исходного «вавилона» — 25,835 см, линия $R = \frac{F}{2}$

2. Линия *Q* делит сторону «вавилона» в отношении «золотого сечения». Погрешность — около 0,017.

3. Линия *S* уже известна нам по задаче о превращении квадрата в три равновеликих ему квадрата.

4. Линия *G* тоже известна нам по задаче о построении равновеликого треугольника.

5. Линия *N* является половиной стороны «вавилона» в 25,8 см.

Как видим, все линии отобранные рязанским зодчим с определенным смыслом.

Каков же был практический смысл подобного отбора?

Естественней всего обратиться к мелким архитектурным деталям, для расчета которых мог быть нужен тот или иной геометрический расчет.

К сожалению, в Успенской церкви Старорязанского городища, кроме обломков лекального кирпича, от аркатурного пояса ничего не сохранилось.

На помощь нам приходит двойник рязанской церкви — Успенская церковь Елецкого монастыря в Чернигове, построенная в одно время

¹ Следует отметить только одно несовпадение — левая сторона наибольшего прямоугольника меньше правой на 0,8 см. Возможно, что это несовпадение — результат дефекта плиты, на которой есть трещины (рис. 12).

с рязанской. Чернигов и Рязань составляли тогда единую епархию, и один из черниговских епископов середины XII в. построил, очевидно, церкви в черниговском монастыре и в Старой Рязани. У этих двух зданий одинаковы все размеры, одинаков план, одинаково применялось сочетание красного и желтого кирпича, кирпич штамповался одинаковыми клеймами; обе церкви имеют одинаковые крещальни для новообращенных язычников.

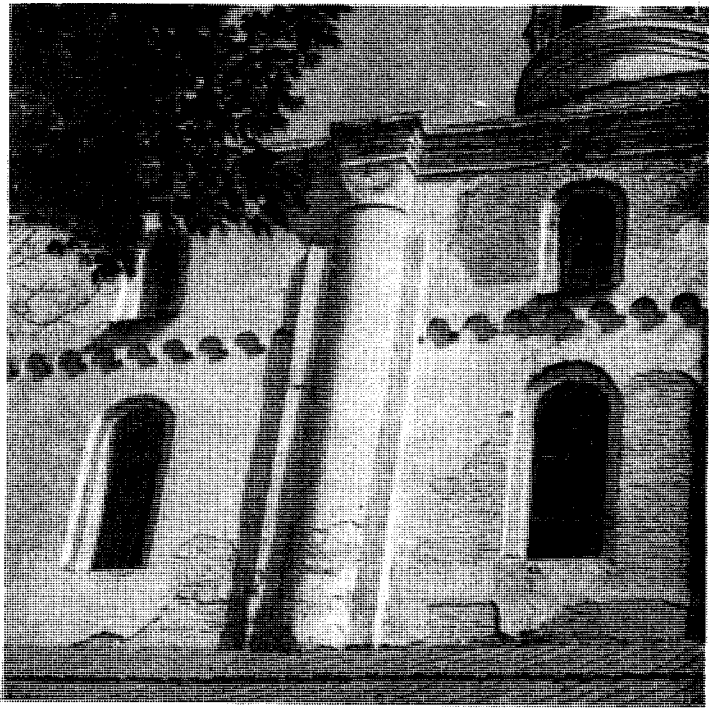

Рис. 18. Аркатурный пояс Успенской Елецкой церкви XII в. в Чернигове.

Пожалуй, во всей древнерусской архитектуре трудно найти два здания, более похожие друг на друга, чем рязанская и черниговская Успенские церкви.

Поэтому за поисками архитектурных деталей, которые мы могли бы сравнивать с рязанским чертежом, мы обратимся к Елецкой церкви в Чернигове¹.

Стены этого стройного здания украшены только пилястрами с полуколоннами и белокаменным аркатурным поясом, расчленявшим стены по горизонтали. Белокаменные арочки опирались на белокаменные консоли, для заполнения арок и их разветвлений применялись керамические вставки в виде полукругов и сферических треугольников (рис. 18 и 20).

Весь аркатурный пояс представляет собой продуманное гармоничное украшение здания, пронизанное отношениями «золотого сечения» (например, внутренняя высота арки и ширина консоли; расстояние между консолями и высота укладки треугольников; высота фриза до поребрика и радиус керамического полукружия и т. д.).

¹ Іполіт Моргилевський. Успенська церква Елецького монастиря в Чернигові. Чернігів і Північне Левобережжя, Київ, 1928; Г. Ф. Корзухина-Воронина. Ук. соч., стр. 77; Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова, МИА, № 11, 1949, стр. 83—89, рис. 46, 47, 51.

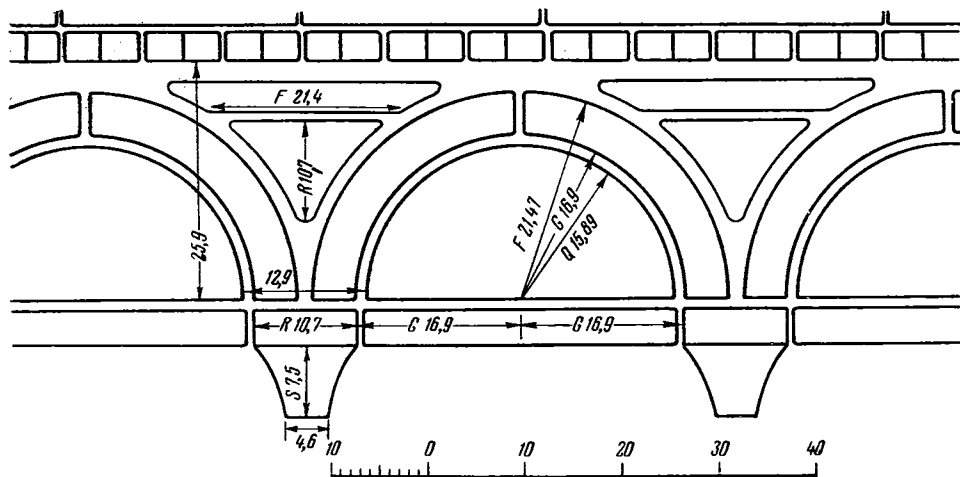

Рис. 19. Построение аркатурного пояса при помощи расчетного чертежа

Чувствуется, что при создании аркатуры черниговский зодчий тщательно математически рассчитывал все ее детали.

Сопоставим аркатурный пояс Елецкой церкви с чертежом из развалин старорязанской церкви.

Линия Q , отмеченная на чертеже полукругом, оказывается равной радиусу керамического полукружия. Внутренний радиус арки равен линии G , а внешний радиус — линии F .

Консоли построены при помощи линий R и S и расстояний между линиями $F-N$ и $R-S$.

Расстояние от консолей до поребрика равно стороне «вавилон» ($2N$).

Фриз из кирпичей построен при помощи линии S и расстояния RS .

Расстояние между двумя полукружьями равно линии N ; между консолями — $2G$.

Обнаружив такое поразительное совпадение, я вычертил все детали аркатурного пояса в натуральную величину, пользуясь только линиями рязанского чертежа, и кальку с полученного рисунка наложил на рисунок подлинного елецкого аркатурного пояса. Совпадение получилось полное; даже строительные допуски не исказили общего сходства (рис. 19, 20)¹.

Для построения всего аркатурного пояса оказалось достаточно только тех линий, которые были отобраны на рязанском чертеже, но зато все эти линии и все расстояния между ними оказались использованными при построении аркатуры в натуральную величину.

Это позволяет сделать очень важный вывод: приступая к созданию единственной декоративной детали собора, аркатурного пояса, русский зодчий середины XII в. составил (на основе «мерной сажени») специальный график — «вавилон» и, зная математические свойства этой фигуры, отобрал несколько таких линий, которые позволили бы ему создать наиболее гармоничный рисунок аркатуры. Необходимость перенесения отобранных линий на глиняную плиту, создание прочного и портативного эталона вызывались тем, что вычерчиванием рисунка будущей аркатуры задача зодчего не ограничивалась. Для всего собора нужно было около

¹ Обмерный чертеж аркатурного пояса Елецкой церкви опубликован: «Памятники архитектуры X—XV вв. Чертежи и фотографии», вып. I, М., 1953, табл. 10.

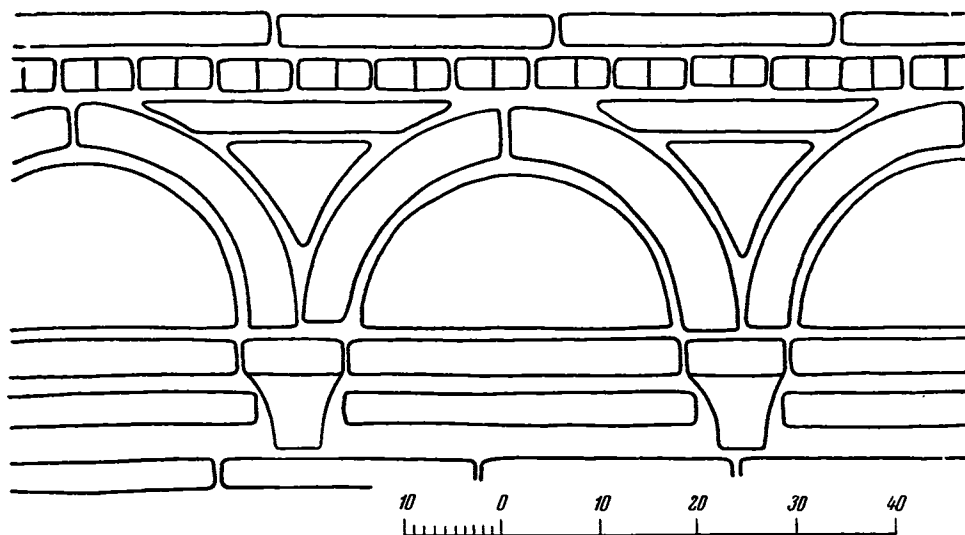

Рис. 20. Аркатурный пояс Успенской Елецкой церкви. Обмерные данные

200 керамических полукружий, 200 белокаменных консолей, 400 белокаменных блоков (дуги по 90°) для арок и т. д.

Эти детали нужно было заказывать и мастерам — «плинфотворителям», делавшим кирпичи, и мастерам-каменщикам, и вот для них, для этих мастеров и был необходим эталон только тех размеров, которые действительно были нужны для практической разметки деталей.

Зодчий был предусмотрителен и заранее разделил линии между каменщиками и плинфотворителями: от мастера кирпичных дел требовалось главным образом изготовление полукружий — все остальные размеры были нужны каменщикам, и зодчий отметил на своем чертеже-эталоне полукруглой дужкой именно тот размер, который мастер-керамист должен был взять в качестве радиуса порученных ему полукружий.

* * *

Учитывая особенности средневекового математического мышления, попытаемся проникнуть в методику архитектурных расчетов.

Приступая к этому, мы должны помнить, что древнерусский зодчий был не только художником, но и строителем-практиком, которому приходилось переводить свои художественные замыслы на язык, понятный всем исполнителям. Еще до начала земляных работ нужно было заказать определенное количество кирпичей определенных форматов, нужно было учесть, сколько кирпичей и каких именно ляжет в той или иной стене или пилястре. Создав в своем воображении (а может быть, нарисовав, вылепив из воска или глины) общий вид сооружения, обдумав пропорции его частей, зодчий должен был подчинить все размеры, от общих габаритов до размера строительных материалов, какой-то единой системе.

Вероятно, поэтому мы встречаем в древней Руси кирпичи и декоративные плитки таких форматов, которые получают объяснение только при знакомстве с малыми «вавилонами», производными от трех основных видов сажень (мерной, прямой или косой)¹.

¹ Так, например, майоликовые плитки Белгорода были изготовлены при помощи такого же «вавилона», каким пользовались при создании рязанского аркатурного пояса. Мы встречаем здесь размеры $25,8 \times 25,8$; $25,8 \times 25,9$; 26×26 см (промеры А. Кирпичникова). Часты размеры, совпадающие с линиями *F*, *G*, *R*, *S*, *N* рязанского чертежа, но встречаются и другие размеры, взятые с того же «вавилона», но не использованные рязанцем.

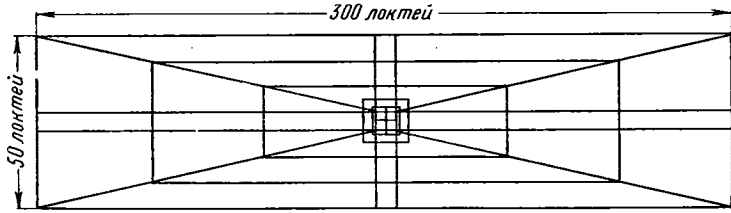

Рис. 21. Реконструкция французского чертежа XII в., изображавшего Ноев ковчег (по В. П. Зубову)

Важным моментом в работе зодчего было производство «очертания», т. е. плана, чертившегося непосредственно на земле, на выровненной «долине»¹.

Средневековое руководство начала XII в., написанное французским монахом Гуго, повествует о процессе вычерчивания ноева ковчега (рис. 21)².

В центре чертежа изображается два вписанных квадрата; внутренний делят на четыре малых квадрата. Затем продолжают стороны этого квадрата (названного в тексте «локтем») в четырех направлениях для получения длины и ширины ковчега. К сожалению, изложение процесса вычерчивания написано автором очень сбивчиво и неясно, да и сам мифический объект изображения не способствовал внесению ясности. Думаю, что Гуго хотел в своем сочинении передать читателям технику пользования квадратным «вавилоном», но так как на Западе она была неизвестна, то он и не смог по-настоящему об этом рассказать. Так, например, осталось неясным, для какой цели внутренний квадрат («локоть») делится на четыре части. Для чего понадобилось продолжать стороны «локтя» в четырех направлениях, тогда как в тексте говорится лишь о двух?³

По всей вероятности, сам автор плохо знал ту зодческую мудрость, которую собирался пересказать другим. Может быть, после крестового похода появились какие-то сведения о восточных архитектурных приемах, основанных на системе вписанных квадратов, но сочинение Гуго полностью их не раскрывает. Труд «О таинственном значении ноева ковчега» важен для нас указанием на то, что чертежник прежде всего чертил в центре будущего сооружения систему квадратов, пересеченных линиями, близкую к изучаемым нами «вавилонам».

Предпринятые мною в 1947 г. попытки раскрыть методику работы древнерусских зодчих при помощи квадратных «вавилонов» не увенчались успехом, но теперь после тмутараканской и рязанской находок оказалось возможным определить роль прямоугольных «вавилонов» и входящих в их систему мер длины в создании «очертания» русских церквей.

Возьмем в качестве примера ту самую Успенскую церковь Елецкого монастыря, относительно аркаатурного пояса которой нам уже стало известно, что он рассчитывался при помощи «вавилона» — отборочного рабочего графика.

Весь процесс разбивки плана-«очертания» можно представить себе так (рис. 22а, 22б, 23).

1. Вдоль строительной площадки прочерчивалась осевая линия Запад — Восток, определявшая направление церкви.

За Восток принималась точка восхода солнца в день закладки здания, обычно совпадавший с праздником в честь патрона данного храма.

¹ Глагол «чертить» в древности означал «бороздить землю». Отсюда «чертагло» (чересло) — плужный нож, «черта» — борозда и т. д.

² В. П. Зубов. К вопросу о роли чертежей в строительной практике западно-европейского средневековья. Тр. Ин-та истории естествознания и техники. Т. VII, М., 1956, стр. 233—234, рис. 1.

³ Там же, стр. 235.

2. Примерно в середине строительной площадки чертился прямоугольный «вавилон», длинная сторона которого (*ВД*) должна была определить диаметр купола и расстояние между восточными подкупольными столбами. В большинстве русских церквей это расстояние слагалось из 2 или 4 саженей. Построение «вавилона» облегчалось тем, что его длинные и короткие стороны определялись *д в у м я в и д а м и* саженей (рис. 22б). Следовательно, зодчий для построения «вавилона» должен был, как Китоврас в легенде, иметь при себе несколько «прутов» по 4 локтя.

Для удобства дальнейших отсчетов, вероятно, вычерчивались продолжения всех сторон «вавилона».

3. Свой художественный замысел и заранее продуманные соотношения частей здания зодчий в процессе практической работы переводил на язык общедоступных саженей и локтей, делая замысел понятным всем своим помощникам.

После вычерчивания на земле «вавилона», очевидно, определялись в натуре же общие габариты здания (рис. 22а).

В Елецкой церкви это было сделано так:

а) от «вавилона» на восток было отсчитано ровно 6 мерных саженей до крайнего выступа средней апсиды;

б) на север и на юг было отложено по 3 косых сажени — это определило внешние линии стен;

в) от «вавилона» (на этот раз от его западной линии *АЖ*) на запад отсчитано 5 прямых саженей до стены, отделяющей нартекс;

г) далее на запад отложено еще 3 косых сажени, что дало внешнюю линию западного фасада.

4. Построение подкупольного прямоугольника производилось при помощи линий «вавилона» *БЧ* и *ЕС*. Из точек *Б* и *С* радиусом, равным указанным линиям (длина их — 5 м 70 см) отмерено расстояние на продолжение коротких сторон «вавилона».

5. Подкупольные столбы имели в основе квадрат со стороной в прямую сажень и выступы, равные $\frac{1}{4}$ этой сажени (локоть в 38 см). В ширину столбов были проведены полосы вдоль здания и поперек, чтобы отметить ширину других столбов и пилястр.

6. Ширина боковых нефов и толщина северной и южной стены определялись так:

а) от северной грани северного столба (и от южной грани южного) отсчитывались 2 мерные сажени — это и была ширина нефов, середина каждого нефа определялась очень удобно — на сажень от стены;

б) толщина стены определялась разностью: из трех косых саженей нужно вычесть ширину нефа и ширину столба — получается 143 см ($\frac{7}{8}$ прямой сажени), эта толщина сохраняется для всех внешних стен и для стены нартекса.

7. Средняя апсида строилась при помощи трехцентровых дуг. Центр апсиды определялся засечками от восточных углов «вавилона» радиусом в $4\frac{1}{2}$ прямых саженей (рис. 23).

Через полученный центр прочерчивались продолжения линий засечек и из этого центра чертилась та часть дуги апсиды, которая умещалась между продолженными линиями. Радиус внешней дуги — $2\frac{1}{2}$ мерных сажени, а внутренней — 2 прямых сажени. Для вычерчивания боковых ветвей этих дуг применялись два вспомогательных центра (рис. 23).

8. Центры боковых апсид определялись тоже засечками; радиус — 3 прямых сажени. Так же применялся дополнительный центр (рис. 23).

9. Алтарное пространство до апсиды равно (но не очень точно) двум косым сажениям.

10. Крещальня построена как миниатюрная церковка; ее алтарное пространство в ширину равно 1 косой сажени, а в глубину $2\frac{1}{2}$ локтям (54 см). Радиусы — 1 прямая сажень и $\frac{1}{2}$ прямая сажени.

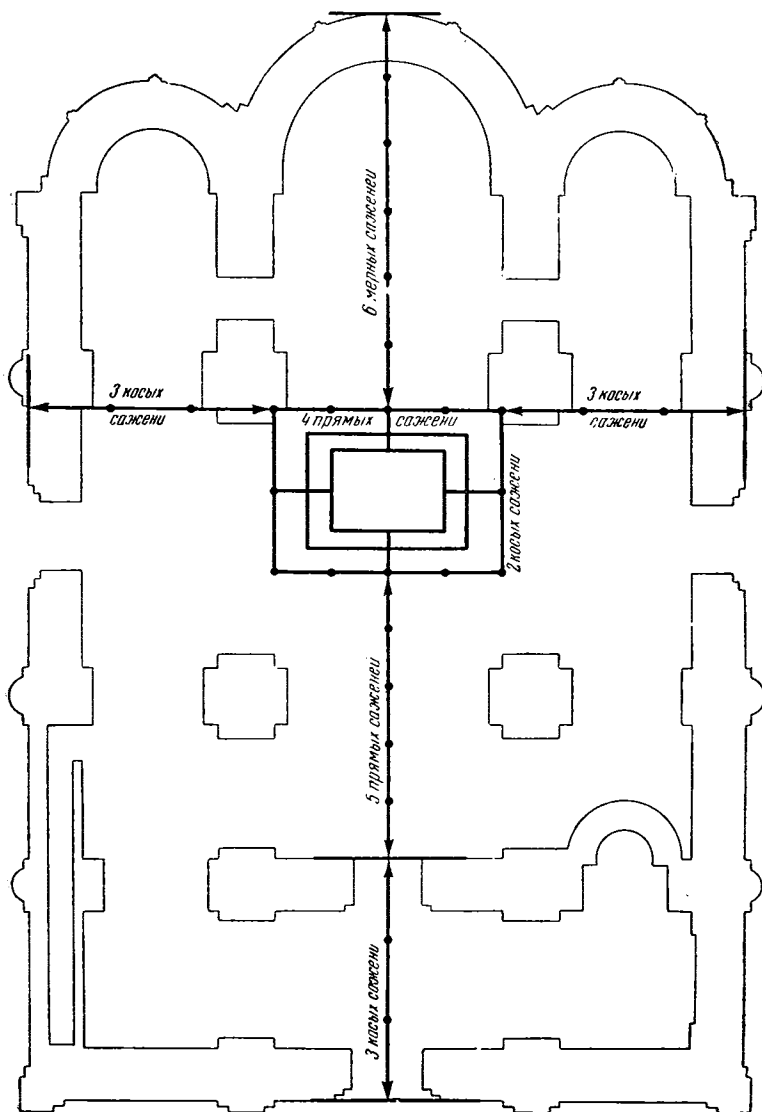

Рис. 22а. Предполагаемая последовательность разбивки плана-«очертания» Успенской Елецкой церкви
определение общих габаритов

11. Пилястры с полуколоннами на внешних стенах построены так: радиус полуколонны — локоть в 44 см. Угловые плоские пилястры на юге и на севере равны $\frac{1}{2}$ косо сажени, а на западном фасаде — $\frac{1}{2}$ мерной сажени.

12. Северный и южный порталы — 1 мерная сажень. Западный портал — 1 прямая сажень 1 локоть (рис. 23 и 24).

Вычерченный на основе перечисленных выше данных план церкви полностью совпадает с подлинным обмерным планом, что позволяет считать расшифровку метода зодчего правильной¹ (см. рис. 23 и 24).

¹ Пользование геометрическими соотношениями в их наиболее удобной форме — в форме мер длины — прослеживается и на ряде других архитектурных памятников. Елецкая церковь разобрана здесь лишь как наиболее четкий пример.

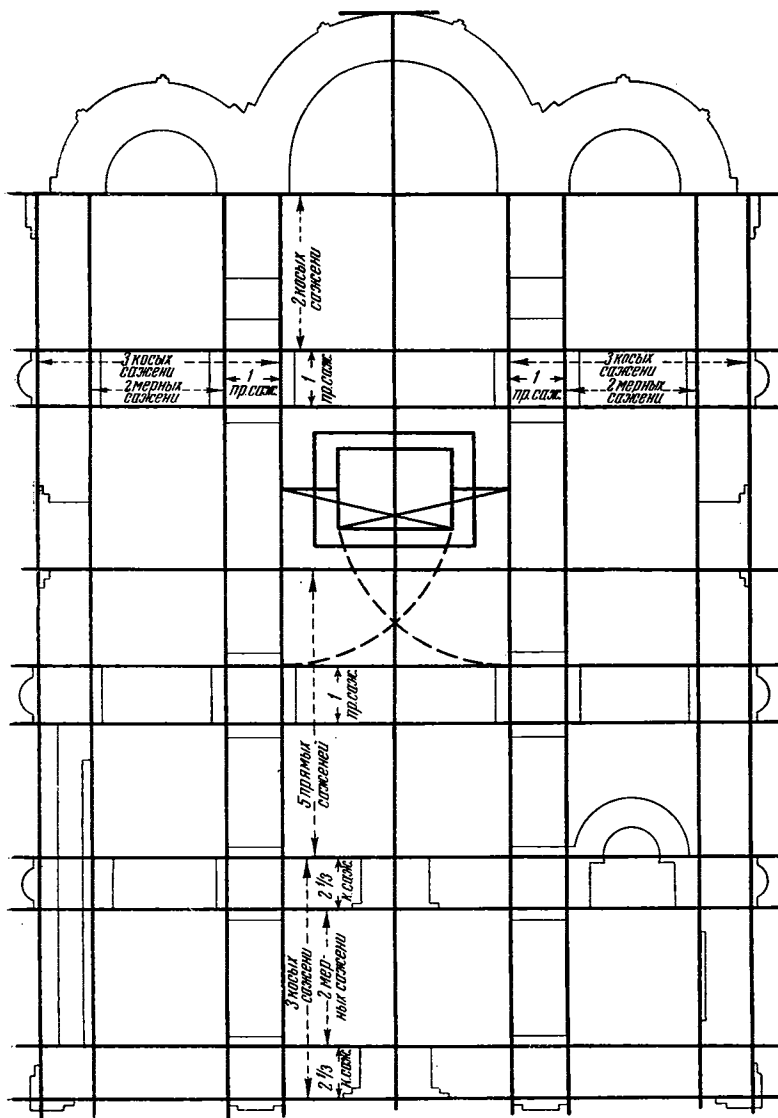

Рис. 226. Предполагаемая последовательность разбивки плана «очертания» Успенской Елецкой церкви
построение опорных столбов стен, нефов и нартекса

«Вавилон» был ядром плана, от него велись все первоначальные расчеты, его линии определяли подкупольный прямоугольник, на продолжении западной стороны его находилась линия порталов. Но все дальнейшие работы велись зодчим при помощи мерных прутьев, ходовых русских мер длины (в которых был построен и «вавилон»).

Геометрические свойства русских мер (синтезом которых был прямоугольный «вавилон») позволяли зодчему, знавшему все секреты своеобразных математических графиков, переводить абстрактные пропорциональные отношения в конкретные меры, вещественным олицетворением которых были деревянные эталоны — сажени. Именно геометрическая сопряженность русских сажени и локтей, наличие системы мер и обусловило длительное существование на протяжении шести веков всех видов сажени и одновременно употребление их при одном и том же измерении. То, что должно удивлять современного архитектора, было в порядке вещей у средневековых мастеров.

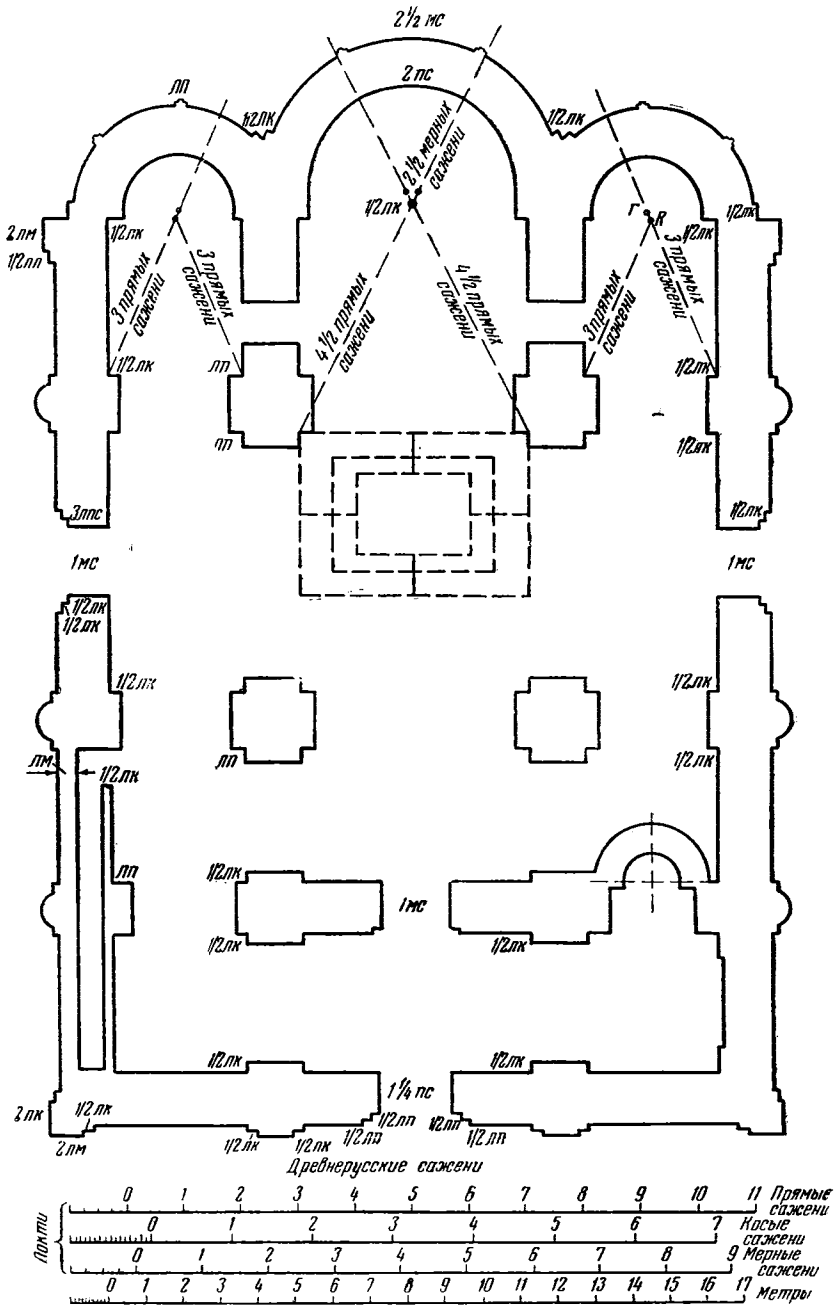

Рис. 23. План—реконструкция Успенской Елецкой церкви

Средневековая любовь к мистике и символике должна была содействовать консервации «вавилонов», попавших в Восточную Европу в IX веке, вероятно, с Востока. Свои расчетные таблицы — «вавилонны» (своего рода логарифмические линейки) и их изображения древние зодчие закапывали в основания построенных ими зданий.

В связи с проблемой архитектурного чертежа, предварявшего постройку здания или копировавшего уже построенное, совершенно исключительный интерес представляют схематические изображения храмов

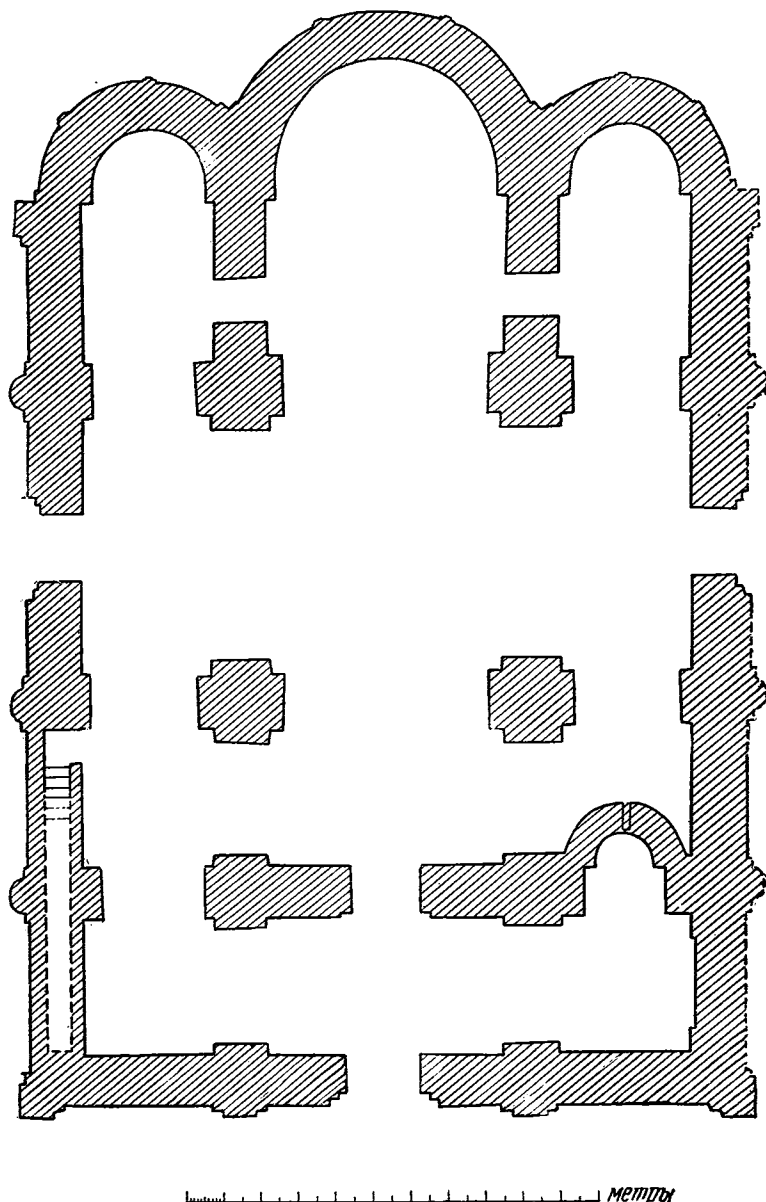

Рис. 24. Подлинный обмерный план той же церкви

на миниатюрах знаменитого «Изборника» князя Святослава Ярославича 1073 г.¹

Возьмем миниатюру на листе 3-м. Почти во весь лист здесь изображен вертикальный разрез трехнефного пятиглавого храма, близкого по типу к Спасскому собору 1036 г. в Чернигове; внутри здания — «собор святителей». В архитектурной части это изображение является не рисунком, а точным чертежом, выполненным с помощью линейки и циркуля, но без угольника. Следы ножек циркуля хорошо видны на подлиннике (а некоторые даже на фотографии). Вычертив точно ту или иную линию, автор для большей выразительности обводил ее

¹ Рукопись «Изборника» хранится в ГИМе в Москве.

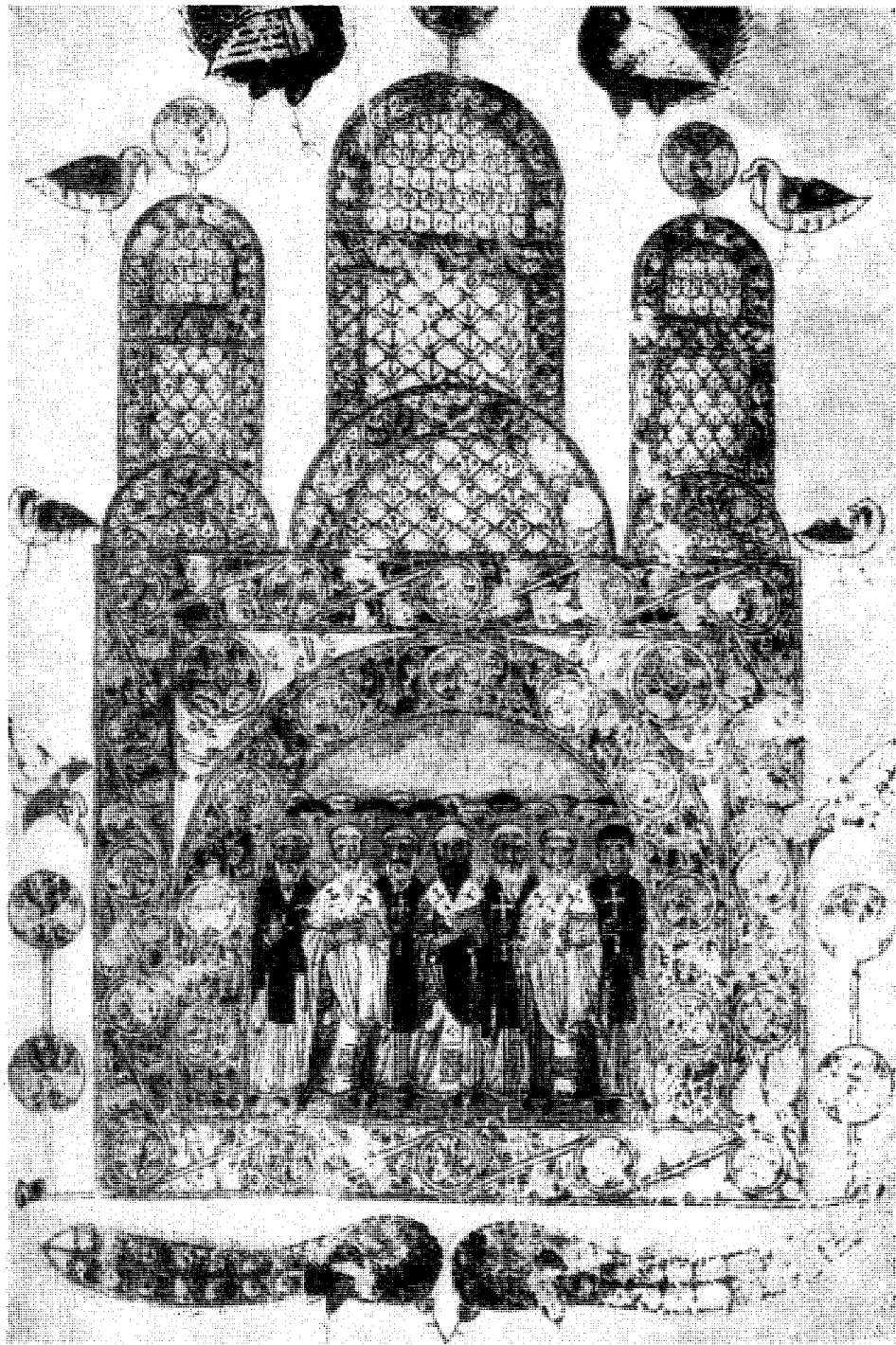

Рис. 25. Изображение церкви на миниатюре «Изборника» Святослава 1073 г. лист 3)

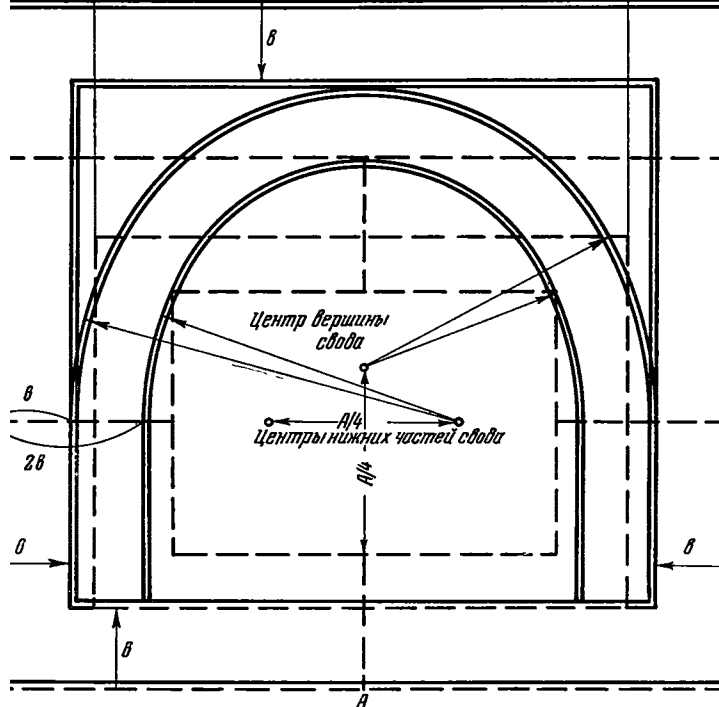
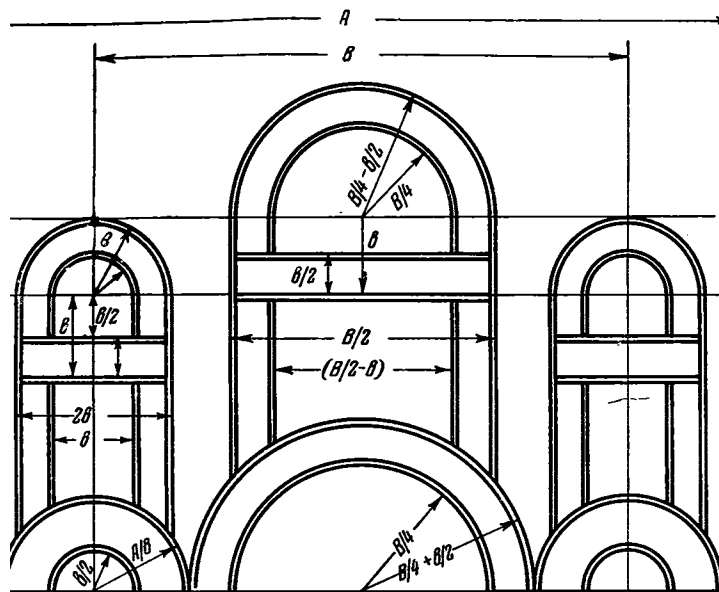
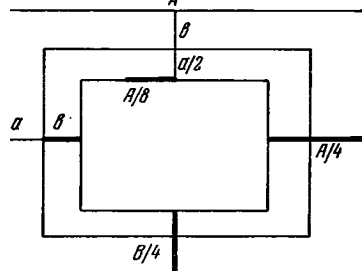

Схема обозначения
основных линий

Отобранные для построения линии
(в масштабе чертежа здания)

дополнительным контуром на расстоянии около 1 мм. Во всех случаях (кроме малых куполов и малых закомар) второй контур чертился в н у т р и здания (рис. 25).

Размеры чертежа: ширина здания — 15 см; высота — 23,9 см. Анализ чертежа показал, что он мог быть построен только на основе «вавилона» с длинной стороной в 15 см¹.

Чертежник XI в. начертил на книжном листе «вавилон» и, отобразив шесть основных линий, построил весь чертеж, пользуясь преимущественно линиями $\frac{B}{4}$ и v . Высота прямоугольной части здания образована путем прибавления $2v$ к боковой стороне «вавилона» (B) (рис. 26).

Высота малых куполов равна $\frac{A}{2}$; но на этой же линии расположен центр дуги большого купола. Остальное видно на чертеже.

Доказательства того, что интересующему нас чертежу храма предшествовал чертеж-«вавилон» следующие:

1. Нижняя орнаментальная рамка соответствует нижнему членению «вавилона».

2. О с и м а л ы х к у п о л о в и их барабанов находятся на продолжении боковых сторон второго прямоугольника «вавилона».

3. Два центра трехцентровых дуг свода здания находятся на средней линии «вавилона». Следы этих центров видны на подлиннике под осыпавшейся краской.

4. Т о ч к и с м е н ы р а д и у с о в в трехцентровых дугах находятся на линиях «вавилона».

Внимательный анализ методов построений чертежа храма в «Изборнике» Святослава убеждает нас в том, что он был изготовлен чертежником, хорошо знакомым с архитектурными расчетами, основанными на своеобразной геометрии «вавилона». Быть может, миниатюры «Изборника» 1073 г. помогут нам ближе подойти к решению важного вопроса о древних архитектурных чертежах.

Приведенных мною примеров построения планов зданий в натуре и чертежей зданий в древних книгах, разумеется, недостаточно для того, чтобы полностью раскрыть архитектурную методику древней Руси; необходимо изучать обильный, почти необъятный материал по архитектурным деталям, но при этом изучении надо стремиться понять психологию средневекового мастера, разгадать привычные для него, а не для нас приемы мышления и работы. Возможно, что «вавилон» и является таким ключом к давно забытой своеобразной архитектурной математике средневековья.

¹ Для упрощения и большей ясности обозначим длинную сторону «вавилона» A , короткую — B , короткие перемычки («лестницы зиккурата») будут тогда $\frac{A}{4}$ и $\frac{B}{4}$; отрезки перемычек обозначим a и v (рис. 26).

· В. Л. ЯНИН

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ XII в.

1. Новгородский торевт

История древнерусского искусства как научная дисциплина не избежала участи некоторых других исторических дисциплин. Составлявшая в прошлом один из отделов археологии в старом понимании этого термина, она постепенно завоевывала самостоятельность, объединяя в себе такие разделы, как история архитектуры, история живописи, история миниатюры и книжной орнаментики, но оставила «под временным присмотром» археологов все те разделы, которые объединяются обычно названием «история прикладного искусства». В силу этого из поля зрения искусствоведов по существу выпали проблемы истории древнерусской мелкой пластики.

Может быть поэтому памятники русской пластики приобрели в литературе несколько одностороннее освещение, и их художественные достоинства до сих пор остаются почти неизученными и необобщенными. Вполне понятно, что именно в области мелкой пластики, значительную массу памятников которой составляют монеты и печати, исследователь обнаружит больше, чем где-либо, произведений ремесленных. Прикладной характер этого искусства применительно к таким памятникам выражен достаточно ярко. Однако вряд ли это может служить поводом для отрицания вообще художественной ценности русских печатей и монет. Сотни типов русских монет XIV—XV вв.— это сотни художественных сюжетов, ценность которых ни в коей мере нельзя умалять лишь только потому, что они до сих пор не нашли своего исследователя и истолкователя. Древние печати не представляют такого же богатства сюжетов, как монеты, но и среди них можно обнаружить немало памятников, выдающихся в художественном отношении.

Мелкая пластика принадлежит к числу наиболее древних русских искусств, и нет ничего неожиданного в том, что она достигала иногда в своем развитии вершин мастерства. По своему характеру этот вид искусства объединен с ювелирным делом, переросшим в древней Руси рамки чисто ремесленного производства. Необходимость решать сложнейшие задачи размещения изображения на крохотном кружке при изготовлении каждой монеты или печати, обязательная тщательность работы, опасность при малейшем неосторожном движении резца загубить произведение — все эти условия творчества не могли не привлекать к себе серьезных художников, изучая произведения которых мы сможем судить не только об индивидуальных достижениях отдельных мастеров, но и о целых этапах в развитии русского изобразительного искусства.

Подобно истории других видов древнерусского искусства, история мелкой пластики — это история анонимного творчества. И все же, если история живописи или архитектуры представляется нам историей худо-

жественных школ, иногда имен и таких анонимных художников, которым благодаря специальному анализу стиля возможно приписать ряд произведений, — в истории русской пластики мы имеем дело с аморфной массой произведений, плохо расчлененных хронологически и еще менее определенных с искусствоведческой точностью. Нам известны имена Братилы и Косты, но об их мастерстве можно судить лишь по единичным подписным произведениям. Следует думать, что с развитием интереса к истории русской пластики исследователям удастся в будущем установить авторство некоторых знаковых нам по коллекциям предметов. Однако сейчас мы так же далеки от этого, как и полтора столетия назад. Печати и чеканные вещи изготовлялись в разных русских городах, в центрах с самостоятельными художественными традициями, — и тем не менее мы не знаем новгородской или киевской «школы торевтики» или «школы сфрагистики». Последний термин заменяется общим и расплывчатым термином «русские печати» с указанием столетия. Меньше всего в произведениях мелкой пластики изучалась индивидуальность художника.

На это могут возразить, что искусствоведение должно иметь дело с датированными памятниками, а датировка в данном случае — дело археологов. Однако это правильно лишь отчасти. Искусствоведение пользуется своими специфическими методами определения хронологии художественного памятника, и в достаточно сложном процессе изучения сфрагистики искусствоведческие методы могут играть не последнюю роль. Установив единое авторство недатированной печати и печати датированной, мы тем самым датируем неопределенный памятник и можем сузить хронологические рамки того периода, в котором следует отыскивать владельца такой печати.

Русские сфрагистические коллекции насчитывают сейчас несколько сот памятников XI—XV вв. Большинство этих печатей происходит из Новгорода. Наиболее интересные с точки зрения художественных достоинств печати относятся к XII в., когда в мелкой пластике был изжит некоторый примитивизм, еще заметный в сфрагистике XI в., и еще не наступил резкий упадок, характерный для XIII в. Печати XII в. принадлежат весьма ограниченному кругу русских политических деятелей, а как произведения искусства — еще более ограниченному кругу мастеров. В силу этого искусствоведческая классификация кажется менее сложной, нежели классификация по владельцам.

К стилистическому анализу печатей возможно подойти как к анализу индивидуальных особенностей художественного «почерка» отдельных мастеров. Такие особенности — в передаче складок тканей, в пропорциях фигур, в разработке деталей одежды, в орнаментике — могут повторяться из произведения в произведение. Более того, некоторые черты, кажущиеся условными, могут быть в действительности шаблонными приемами отдельных мастеров, а не общим шаблоном пластики изучаемого периода. Так как почерк мастера сохраняет признаки индивидуальности, немало в этом смысле может дать и палеография.

В настоящей статье автор пытается выяснить единство индивидуальных особенностей группы сфрагистических памятников середины XII в. Сама мысль об этом возникла в результате интереснейшей сфрагистической находки, которая занимает, на наш взгляд, совершенно исключительное место среди русских домонгольских печатей.

В числе печатей, воспроизведенных Н. П. Лихачевым в «Сфрагистическом альбоме», обращает на себя внимание небольшой изящный моливдовул, диаметром 21 мм, несущий на одной стороне поясное изображение богоматери «Знамение» с титлами МР — ΘV по сторонам головы

Рис. 1. Печать новгородского торевта

и в правильном точечном ободке, а на другой стороне — шестистрочную греческую надпись (рис. 1). Печать найдена в Новгороде до 1910 г. (к указанному году таблица с ее изображением уже была изготовлена)¹.

+ ΑΓΝΗ
 ΣΚΕΠΗΣ
 ΜΕΤΟΡΕΥ
 ΤΗΝΝΩΒΟ
 ΓΡΑΔΩ
 ∞ Ν ∞

Н. П. Лихачев, который был первым — и единственным — исследователем этой печати, читал ее надпись как 'Αγνή σκέποις με τὸν θύτην Νωβογράδων, переводя ее по смыслу: «владелец печати просит богоматерь охранять его, пастыря (епископа) Новгорода»². Термин θύτης в близком значении употреблен на единичных византийских печатях X—XI вв., производные от него также отмечены в титулатуре византийских духовных лиц³.

Рис. 2. Печать киевского митрополита Никифора (1104—1121)

Рис. 3. Печать смоленского епископа Мануила (1137—1168)

Однако, несмотря на возможность такого толкования, против него приходится возразить. Конец третьей строки надписи, действительно, сохранился посредственно и может вызывать разночтения. Пятая буква этой строки прочтена Н. П. Лихачевым как N. Но это чтение возможно лишь в том случае, если мы допустим, что мастер, изготовлявший печать, изобразил эту букву зеркально, что противоречит характеру всей надписи, выполненной исключительно грамотно и тщательно. Правая вертикальная черта отсутствует. Можно было бы предполагать, что она сбита. Однако, допустив, что ее и не было вообще на печати, мы обнаружим, что буква, прочтенная Н. П. Лихачевым как N, в действительности не отличается от буквы P, имеющейся на рассматриваемой печати еще в двух местах: в пятой строке надписи лицевой стороны и в титлах по сторонам головы богоматери на оборотной стороне. Мастер изображает петлю буквы P в виде треугольного флажка с горизонтальной верхней линией.

Такие же сомнения вызывает и чтение шестой буквы в третьей строке надписи. Н. П. Лихачев прочел ее как Θ. Резчик изображает буквы O и Θ в виде овалов с плавными закруглениями наверху. Букву € он пишет, снабжая ее наверху горизонтальным покрытием. Сомнительная буква на печати имеет наверху горизонтальное покрытие, а в правой части явные разрывы, отличающие € от Θ.

¹ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XXIV, I. NH в первой строке и NN в четвертой переданы лигатурами.

² Н. П. Лихачев. Текст к Сфрагистическому альбому. Рукопись в Архиве ЛОИИМК, дело № 444, ф. № 35, л. 278.

³ Б. А. Панченко. Каталог молдавских коллекций Русского Археологического института в Константинополе. Изв. РАИ в Константинополе, т. VIII, вып. 3. София, 1903, стр. 242, № 106 (107), G. Schlumberger. Sceaux Byzantins inédits. 6. Serie «Revue Numismatique», 1916, № 333.

Более вероятным поэтому является чтение надписи как:

ΑΓΝΗ ΣΚΕΠΗΣ ΜΕ ΤΟΡΕΥΤΗΝ ΝΩΒΟΓΡΑΔΩΝ

Рассмотрим другие печати того же типа, тем более, что это необходимо для датировки рассматриваемого экземпляра.

Таких печатей к настоящему времени известно девять.

Две печати, изученные Н. П. Лихачевым, на лицевой стороне несут следующую надпись:

+

ΑΓΝΗ
ΣΚΕΠΟΙΣ
ΜΕΡΩΣΙΑΣ
ΝΙΚΗΦΟ
ΡΟΝ

= Ἁγνὴ σκέποις με Ῥωσίας Νικηφόρον
= Пресвятая, воззри на мя, Никифора
Русского (рис. 2)

На оборотной стороне — поясное изображение богородицы «Знамение» с титлами ΜΡ — ΘΥ по сторонам головы. Изображение заключено в точечный ободок¹. Обе печати с такой надписью близки между собой во всех деталях. Единственное отличие второго экземпляра состоит в том, что слово ΡΩΣΙΑΣ на нем передано через Ο, а не через Ω. Описанные печати приобретены Н. П. Лихачевым в Париже из собрания, составленного в Турции². Диаметр печатей около 20 мм.

Рис. 4. Печать новгородского епископа Нифонта (1130—1156)

Рис. 5. Печать галицкого епископа Козьмы (1157—1165)

Н. П. Лихачев с полным основанием приписывает эту печать киевскому митрополиту Никифору I (1104—1121 гг.). Им приведены аналогии в титулатуре киевских митрополичьих печатей более раннего времени и типовые аналогии в сфрагистике XII в.

Еще две печати того же типа несут на одной стороне надпись:

ΜΑΝ(Ο)ΥΗΛ
ΕΠΙΣΚΟΠ,Σ
ΜΩΛΙΝΙ
ΣΚ Θ

= Μανουὴλ ἐπίσκοπος Σμωλινίσκου
= Мануил, епископ Смоленский (рис. 3)

На обороте помещено поясное изображение богородицы «Знамение» с титлами ΜΡ — ΘΥ по сторонам головы и в точечном ободке. Один экземпляр такой печати был приобретен Н. П. Лихачевым в Париже из того же источника, что и предыдущие³. Второй экземпляр, находившийся в соб-

¹ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. LIII, 3 и 4.

² Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. II, без выходных данных, стр. 3 сл.

³ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. LIV, 1; его же. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. II, стр. 15 сл.

рации Н. П. Лихачева, оттиснут теми же матрицами¹. Происхождение его нам неизвестно. Диаметр обеих печатей равен 20 мм.

Надпись указывает на принадлежность печати первому смоленскому епископу Мануилу. Мануил был поставлен в Смоленске епископом в 1137 г., одно время был удален с кафедры в результате протеста против избрания митрополитом Клима Смолятича, снова вернулся, и в последний раз упоминается под 1167—1168 гг.

Еще три печати несут надпись:

+ АГНН
СКЕΠΟΙCΜΕ
ΝΗΦΟΝΤΑ
ΝΩΒΟΓΡΑ
∴ Δ ∴

= Ἡ Ἁγνή σκέποις με Νηφοντα Νωβοград
= Пресвятая, воззри на мя, Нифонта
Новгородского (рис. 4)

На оборотной стороне — поясное изображение богородицы «Знамение» с титлами ΜΡ — ΘΥ по сторонам головы и в безукоризненном точечном ободке.

Две печати с этой легендой оттиснуты одной парой матриц². Из них одна приобретена Н. П. Лихачевым в Константинополе, вторая находилась в московском собрании И. С. Остроухова и происходит из случайных находок в Новгороде. Третья печать с той же легендой, принадлежащая собранию Афинского музея³, оттиснута идентичными, но несколько подправленными матрицами, благодаря чему ее рисунок, не имеющий отличий в деталях, кажется более грубым. Диаметр всех печатей около 20 мм.

Печати принадлежат современнику и единомышленнику Мануила — новгородскому епископу Нифонту (1130—1156 гг.).

Наконец, еще две печати того же типа несут на одной стороне поясное изображение богородицы «Знамение» с титлами ΜΡ — ΘΥ по сторонам головы и в точечном ободке. На другой стороне надпись:

ΜΡΘΥ
СКЕΠНС
ΜΕΚΟCΜ(ΑΝ)
ΓΑΛΗΤ
НС

= Μητήρ Θεοῦ σκέποις με Κόσμαν Γαλιτζης
= Матерь божия, воззри на мя,
Козьму Галичского (рис. 5)

Печати эти очень грубой работы. Найдены они близ Галича Южного, одна — около церкви Спаса за Луквою, другая — на урочище Крылос⁴. Матрицы печатей несколько разнятся. Диаметр печатей от 20 до 25 мм. Принадлежали они галичскому епископу Козьме, упоминаемому в летописях под 1157—1165 гг.

Единство типа всех приведенных аналогий говорит о том, что уже в первой половине XII в. определился тип русской архиерейской печати. Описанные экземпляры изготовлены в разных, отстоящих далеко один от другого пунктах, разными мастерами, и тем не менее все они обнаруживают значительное родство. Основной элемент архиерейской печати — изображение богородицы — сохраняется и впоследствии, вплоть до XVI в.,

¹ Н. П. Лихачев. Историческое значение итало-греческой иконописи. Изображения богородицы в произведениях итало-греческих иконописцев и их влияние на композиции некоторых прославленных русских икон. СПб., 1911, стр. 92, рис. 198.

² Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XLIII, 8 и LIII, 2.

³ Там же, табл. XXVIII, 10.

⁴ М. С. Грушевский. Печатки з околиць Галича. Записки Товариства имени Шевченка, т. XXXVIII, Львов, 1900, №№ 1—2; Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. II, стр. 14 сл.

когда мы можем наблюдать его на исключительно поздних свинцовых печатях Серапиона и Макария, новгородских архиепископов. На этих печатях XVI в. изображена «Печерская» богоматерь. Для XIV и XV вв. характерно изображение богоматери «Знамение» в полный рост; на приведенных аналогиях XII в. богоматерь всегда изображена по пояс. Греческие надписи на владычных печатях не удержались в последующее время, сменившись уже в конце XII в. русскими; но для первой половины и середины XII в. они, как видим, характерны. На светских русских печатях греческие строчные надписи исчезают в начале XII в.

Архиерейская печать сосуществует в XII в. с княжеской печатью. В отличие от Византии, древняя Русь не знала широкого распространения должностной печати. Правда, кроме многочисленных княжеских и сравнительно редких архиерейских печатей, от домонгольского времени сохранились исключительно редкие печати княжеских светников и даже посадников, но сама исключительность таких печатей лишь подтверждает основное правило — в эпоху наивысшего расцвета русской сфрагистики в домонгольский период правом утверждать акты печатью пользовались главным образом князья и архиереи. Печать была одной из регалий самой высшей светской и духовной власти. Можно думать, что архиереи утверждали только акты внутрицерковных отношений. Иначе трудно было бы объяснить и редкость печатей духовных лиц XI—XII вв. и то, кажущееся на первый взгляд странным, обстоятельство, что большинство русских домонгольских печатей митрополитов и епископов обнаружено за пределами Руси — в Константинополе, центре патриархии. Утверждение актов светского содержания входило в юрисдикцию князей, от которых сохранилось несколько сот сфрагистических памятников.

Подходя к большой массе русских домонгольских печатей с точки зрения их типических особенностей, можно говорить о том, что изображение богоматери совершенно не свойственно светской сфрагистике. Правда, Н. П. Лихачев предположительно относил печати с изображением богоматери и святых Петра, Феодосия и Василия в разряд княжеской сфрагистики¹, но эта мысль нуждается в очень веских аргументах, которых пока не найдено. Во всяком случае публикуемая нами печать, безусловно, принадлежит к классическому типу владычных печатей первой половины и середины XII в.

Вполне понятным и неизбежным поэтому представляется желание читать на ней имя какого-то епископа, занимавшего кафедру в Новгороде; территориальное указание содержится в самой надписи печати. Слово *TOPEVTNH* в контексте стоит на том месте обычной формулы владычных печатей, где полагается стоять имени архиерея. В одном случае на этом месте стоит имя Нифонта, в другом — Козьмы, в третьем — Никифора. Поскольку в данном случае слово *TOPEVTNH* не совпадает с каким-либо именем, можно было бы предполагать в нем искажение имени. Однако обращение к спискам новгородских владык XII в. не проливает света на характер этого искажения. В XII в. новгородскую кафедру занимали: Никита (1096—1108 гг.), Иван (1108—1130 гг.), Нифонт (1130—1156 гг.), Аркадий (1156—1163 гг.), архиепископы Иоанн-Илия (1163—1186 гг.), Гавриил (1186—1193 гг.) и Мартирий (1193—1199 гг.). Среди этих имен нет ни одного, хотя бы отдаленно напоминающего слово *TOPEVTNH*.

Разгадка надписи заключается в том, что упомянутое слово вовсе не является ни именем, ни искажением имени. Оно написано вполне грамотно и обозначает занятие владельца печати. Торевт значит резчик по металлу, в данном случае, вне всякого сомнения, — резчик печатей. Печать принадлежит самому изготовившему ее мастеру. Надпись не называет его имени, но дает некоторый материал для его харак-

¹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, Л., 1928, стр. 160—164.

теристики. Прежде всего, он был высокообразованным человеком своего времени, хорошо знавшим греческий язык. Возможно, он был духовным лицом. На это, в частности, указывает и то обстоятельство, что для своей печати он избрал тип духовной буллы.

Вряд ли печать торевта могла иметь обычное официальное значение. Утверждать какие-либо акты от своего имени резчик печатей не мог. Очень может быть, что его печать, не имевшая официального характера, была образцом, изготовленным мастером в качестве шедевра. Возможно, изготовляя ее, мастер совершенствовался в своем искусстве.

Переходя к детальной датировке этой печати, мы должны воспользоваться в качестве ближайшей аналогии прежде всего печатью Нифонта, единственной печатью новгородского происхождения из рассмотренных выше. Сходство печати торевта с печатью Нифонта оказывается поразительным. Можно говорить о совпадении всех деталей обеих печатей. Особенности изображения богоматери, расположение титлов у ее головы, палеография надписи (по существу, индивидуальные особенности почерка мастера), арабески по сторонам единственной буквы в последней строке надписи (на печати Нифонта мастер для них даже жертвует полнотой надписи, отбросив последние две буквы), крестик перед началом надписи, обязательные очень правильные точечные ободки на обеих сторонах печати — все это последовательно повторяется на обоих памятниках. Правда, крестик перед началом надписи имеется и на киевских печатях Никифора, но там он стоит в отдельной строке над надписью, здесь же он внесен в первую строку. Все эти совпадения позволяют утверждать, что матрицы и той и другой печати резаны одним мастером, деятельность которого относится к середине XII в.¹

Высокая степень мастерства, достигнутая резчиком в двух его произведениях, позволяет считать его выдающимся художником XII в. Б. А. Рыбаков, говоря о печати Нифонта, называет ее образцом очень тонкой и изощренной художественной резьбы². В такой же, если не в большей степени эта характеристика может относиться и к личной печати мастера.

Вполне оправданной поэтому была попытка отыскать в массе русских домонгольских печатей другие работы того же художника. Не доверяясь общему впечатлению от индивидуального художественного стиля мастера, которое при знакомстве лишь с двумя его работами, передающими к тому же один и тот же сюжет, может оказаться ошибочным, мы постарались проследить на других печатях некоторые чисто формальные элементы, присущие «почерку» этого художника. В числе таких элементов, повторяющихся на обеих его достоверных работах, основными являются безупречный точечный ободок вокруг изображения и арабески. Эти элементы принадлежат к числу редчайших в русской сфрагистике. Точечный ободок можно наблюдать на многих русских домонгольских печатях, но, как правило, он был скорее просто традиционным элементом, Помещая его на печати, резчики относились к нему как к явлению второстепенному и выполняли его обычно небрежно, тем более, что он далеко не всегда попадал на кружок свинцовой заготовки оттиска. Такая небрежность обычно характеризует и общий стиль работы рядовых печатей; точечные ободки нимбов на них также небрежны. Торевт, резавший печать Нифонта, относился к точечному ободку как к одному из важнейших элементов общей композиции изображений. Он обнаруживает одинаковое терпение в исполнении всех деталей. При отсутствии ободков обе печати должны производить впечатление не вполне законченных, чего нельзя предполагать для обычных, рядовых печатей XII в., где ободок выполняет роль второстепен-

¹ Поразительное сходство публикуемой печати с печатями Нифонта было подмечено Н. П. Лихачевым. Текст к Сфрагистическому альбому, рукопись в Архиве ЛОИИМК, дело № 444, ф. № 35, л. 279.

² Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура. История культуры древней Руси, т. II. М.—Л., 1951, стр. 445.

ной детали. Что касается арабесок и мелких орнаментальных фигур вообще, они на печатях чрезвычайно редки.

Крестик перед началом надписи, возможно, также присущ индивидуальному художественному почерку мастера; однако он связан со строчной надписью и не может повторяться на печатях обычных типов.

Два основных отмеченных выше элемента повторились на следующих домонгольских печатях:

1. Четыре идентичные печати с изображением на одной стороне св. Феодора Тирона и на другой — св. Иакова, «брата господня». По сторонам фигур святых помещены колончатые надписи¹. На обеих сторонах печати — безупречные точечные ободки. Слева от изображения Иакова, ниже надписи, изображена фигура из четырех точек, точно такая же, как в последней строке надписи печати Нифонта (рис. 6, 1).

2. Печать с такими же изображениями, но несколько иначе составленными надписями². На стороне с изображением Феодора — безупречный точечный ободок и фигура из четырех точек справа от изображения святого, под надписью (рис. 6, 2).

3. Две идентичные печати с изображением на одной стороне св. Иоанна Богослова и на другой — св. Иакова, «брата господня». По сторонам фигур святых — колончатые надписи³. Сторона с изображением Иакова оттиснута точной копией той же матрицы, которой оттиснута соответствующая сторона первой печати. На стороне с изображением Иоанна — также правильный точечный ободок и фигуры из четырех точек слева и справа от изображения святого, под надписями (рис. 6, 3).

4. Печать с изображением на одной стороне св. Иоанна Богослова и на другой — св. Агафоника. По сторонам фигур святых — колончатые надписи⁴. Правильные точечные ободки на обеих сторонах печати. Фигура из четырех точек прослеживается слева от изображения Иоанна, под надписью (рис. 6, 4).

5. Печать с изображением на одной стороне св. Василия и на другой — архангела Михаила. По сторонам изображения Василия — колончатые надписи⁵. Ободок сохранился плохо, прослеживается частично. Фигура из четырех точек — справа от изображения Василия, под надписью (рис. 6, 5).

6. Печать с изображением на одной стороне св. Пантелеймона и на другой — св. Стефана. По сторонам изображений — колончатые надписи⁶. Правильный точечный ободок виден на стороне с изображением Стефана, фигуры из четырех точек — по обеим сторонам изображения Стефана, под надписями (рис. 6, 6).

Все перечисленные печати найдены в Новгороде и все без исключения относятся к разряду княжеских неопределенных булл. Н. П. Лихачев неоднократно касался этих печатей, но каких-либо замечаний об их детальной датировке не сделал. Лишь печать с изображением Василия и Михаила он предположительно отнес Василию-Рюрику Ростиславичу, т. е. ко второй половине XII в.⁷ Воспроизводя и описывая печать с изображением Феодора Тирона и Иакова, он назвал ее произведением выдающейся по изяществу работы⁸.

¹ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, 1, 10 и 11; XLII, 8; XLIX, 2.

² Там же, XLVIII, 5.

³ Там же, XLIX, 15. Второй экземпляр такой же печати великолепной сохранности был обнаружен в 1952 г. на Городище и хранится в Новгородском музее (инв. № 5830). Он и воспроизведен в настоящей работе.

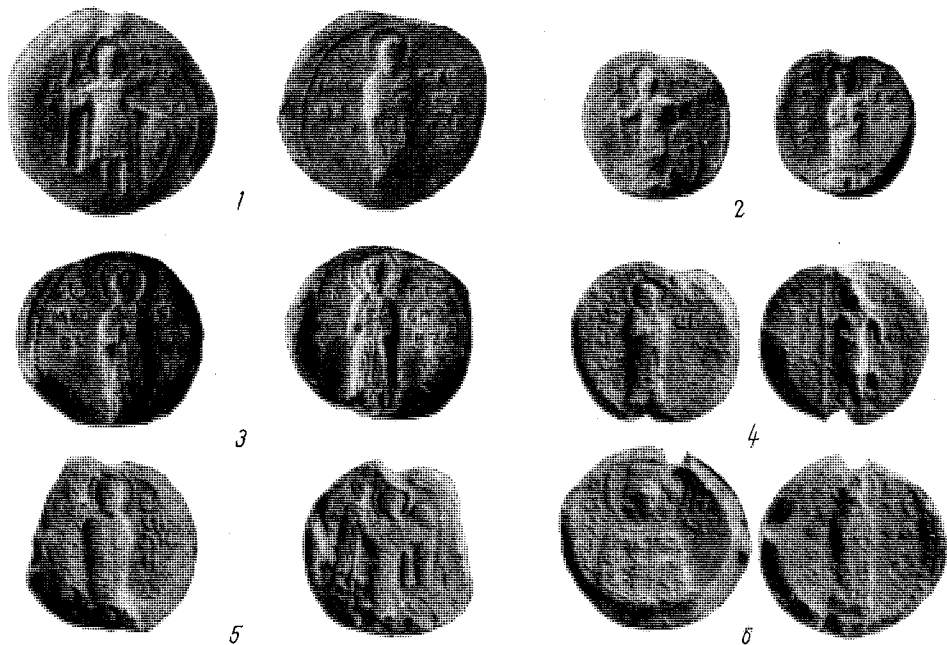
⁴ Там же, 1, 21; XLII, 17.

⁵ Там же, XLI, 7.

⁶ Там же, XLII, 13.

⁷ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, Л., 1928, стр. 75.

⁸ Там же, стр. 85.

7

8

Рис. 6

Печати с изображением (1-6):

1, 2 — св. Федора и Иакова; 3 — св. Иоанна и Иакова; 4 — св. Иоанна и Агафоника;
 5 — св. Василия и Михаила; 6 — св. Пантелеймона и Стефана (натуральная величина)
 7, 8 — створки Софийского свода с изображением св. Павла и Филиппа
 (уменьшено в 2 раза)

Рис. 7. Большой Софийский сион (уменьшено в 5 раз)

Сравнивая между собой все приведенные здесь печати с изображением святых на обеих сторонах, можно обнаружить, что их роднит не только наличие безупречного точечного ободка и мелких орнаментальных элементов. Основным показателем их родства является несомненное сходство художественных приемов, проявившееся во всех деталях изображений. Все эти печати — образцы высокого мастерства, выделяющиеся даже из массы художественных печатей XII в. Если в истории мелкой русской пластики XII в. был вершиной, то перечисленные печати кажутся вершиной пластики XII в. Поразительная уравновешенность композиции, изящество надписей, тщательная и в то же время мягкая передача складок тканей, ювелирное изображение пластин доспехов и украшений святительских риз, продуманность изображений — все эти особенности настолько характерны для всех перечисленных здесь печатей, настолько часто повторяются в каждом памятнике, что мы можем говорить о всей группе только как о принадлежащей одному мастеру.

Лучшим подтверждением этому служит последовательное единство палеографических особенностей этих печатей. На них нет ни одной буквы, которая, повторяясь на разных экземплярах, давала бы какие-либо отличные варианты. Художник пользуется разными вариантами орфографии, изображая слово $\Theta \Delta \Gamma \text{I} \text{O} \Sigma$ и с помощью лигатур (№№ 1, 3, 4, 6) и обходясь без них (№ 2), заменяя его монограммой из букв Θ и Δ (№№ 1, 2, 3), передавая его даже в транскрипциях $\Theta \Delta \Gamma \text{I} \text{O} \Sigma$ (№ 1) и $\omega \Delta \Gamma \text{I} \text{O} \Sigma$ (№ 4).

В одном случае имя Иаков он передает через иотированное Λ (№ 1)

в другом — через юс (№ 2). Слово Феодор он пишет через Θ (№ 1), и через омегу (№ 2). Однако все эти варианты сосуществуют иногда на разных сторонах одной и той же печати и не могут подавлять признаков родства. Во всех случаях художник изображает букву «Н» как латинскую «N», петля буквы «А» всегда снабжена у него горизонтальным покрытием, букву «Т» он изображает с небольшими крыльями на концах верхней перекладины, буквы «О» и фита у него овальные, омега — закрытая, «С» — удлиненная.

Те же самые признаки мы обнаружим и в надписях печатей Нифонта и торевта. Вместе с уже отмеченными признаками родства, выразившимися в единстве приемов орнаментирования, общность палеографии позволяет считать, что и перечисленные княжеские печати, и печать торевта, и печать Нифонта составляют круг работ одного мастера, выдающегося художника, работавшего в Новгороде в середине XII в. Решение вопроса о дате рассмотренных княжеских печатей позволит в дальнейшем ближе подойти к вопросу об их конкретной атрибуции, так как выяснение их авторства значительно ограничивает количество возможных владельцев этих печатей.

Но установив круг некоторых работ анонимного торевта середины XII в., мы совершили бы большую ошибку, предполагая, что искусство этого художника, так же как и искусство любого художника, резавшего печати, развивалось исключительно в сфрагистической области. Напротив, следует полагать, что изготовление печатей не было вообще основным занятием торевтов, главное художественное наследие которых составляют блестящие образцы церковной и бытовой утвари, украшавшие ризницы русских храмов.

Руководствуясь этими соображениями, мы обратились к новгородской художественной утвари домонгольского времени. Этот путь оказался правильным, так как индивидуальные особенности стиля нашего торевта обнаружались на одном, по-видимому, самом выдающемся произведении домонгольской пластики — большом сионе или иерусалиме Новгородского Софийского собора¹, точнее — в изображениях и надписях его нижнего

¹ Н. В. Покровский. Древняя ризница Софийского Новгородского собора. Тр. XV Археологического съезда, т. 1. М., 1914, стр. 1 сл., табл. 1.

яруса. Опору для сравнения и здесь дают те формальные элементы стиля, которые были прослежены на печатях.

Обратим внимание, прежде всего, на палеографические особенности. Они были отмечены для печатей; здесь же написание всех букв аналогично написанию букв в сфрагистических легендах описанных выше печатей. Далее, неповторимый в других печатях, кроме перечисленных, орнаментальный значок из четырех точек, которым завершаются колончатые надписи печатей, вновь появляется в надписях сиона, где мы можем видеть его справа от фигур апостолов Павла и Филиппа (рис. 6, 7, 8) и, кажется, Иакова, под колончатыми надписями. Еще один небольшой, но значительный штрих. На печати с изображением св. Феодора Тирона и св. Иакова, «брата господня» (№ 1), слева от фигуры Иакова колончатая надпись завершается фигурой из четырех точек, ниже которой помещен отдельно стоящий завиток. Этот завиток является несомненным результатом копирования греческой надписи — имени святого, где он обозначал конечную сигму. Конечную сигму, изображенную именно таким образом, мы сможем обнаружить на многих русских печатях XII в. Однако на печати Иакова — Феодора она не имеет другого значения, кроме орнаментального. Слово «Иаков» написано по-русски, в конце его стоит «ер», а завиток-сигма отделен от слова точечной фигурой. Ту же особенность видим на сионе, в надписи справа от изображения Филиппа. Имя заканчивается «ером», ниже изображена фигура из четырех точек, а еще ниже — орнаментальная «сигма». Такие же орнаментальные сигмы помещены на сионе в конце имен всех апостолов, даже в конце имени ПЕТРОС, где ей предшествует буква С. Использование конечной сигмы в качестве чисто орнаментального элемента — индивидуальный прием художника, так как мы не сможем обнаружить его ни в надписях многочисленных печатей, кроме отнесенных к его продукции, ни в надписях домонгольской художественной утвари, кроме надписей Большого Софийского сиона¹.

Что касается родства художественной манеры в изображении святых сиона и печатей, то здесь можно руководствоваться только общим впечатлением. Эти памятники очень трудно сравнивать. Высота фигур святых на печатях достигает лишь 1,5—2 см, тогда как высота фигур сиона равна 18 см. Сион изготовлялся как очень ответственное произведение, в котором мастер мог проявить всю полноту своего таланта, тогда как высокий уровень мастерства, достигнутый им при изготовлении печатей, может быть объяснен в значительной степени его собственной инициативой. Однако говорить о совпадении художественной манеры печатей и сиона можно. В частности, обращаем внимание на изображение рук святых. И на сионе, и на перечисленных печатях правые руки святых изображены благословляющими, как того и требовали иконописные каноны, однако фигуры и там, и здесь изображены настолько непринужденно, что кажется, будто святые не благословляют, а просто придерживают на груди одежду. В левых руках святых изображены свернутые свитки, что также кажется очень редким: обычно святые на печатях держат развернутые свитки. Очень интересно было бы сравнить лица святых, однако посредственная сохранность печатей не позволяет сделать этого.

¹ Манера завершения колончатых надписей, прослеживаемая на сионе и описанной серии печатей, в дальнейшем изредка заимствовалась живописцами. Отметим ее, в частности, на двух памятниках новгородской иконописи: иконе, изображающей Иоанна Богослова, св. Георгия и св. Власия (см. А. Анисимов. Домонгольский период древнерусской живописи. «Вопросы реставрации», II. Сборник Центральных государственных реставрационных мастерских, М., 1928, стр. 148 сл.; В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, табл. 31) и иконе, изображающей Христа в окружении святых (см. В. Н. Лазарев. Ук. соч., табл. 32). Оба памятника В. Н. Лазарев датирует второй половиной XIII в., оговариваясь, что их стиль кажется весьма архаичским (см. В. Н. Лазарев. Ук. соч., стр. 46).

Общее сходство в изображении фигур сиона и фигур печатей велико. По-видимому, именно сходство с рассмотренными печатями и имел в виду Б. А. Рыбаков, когда писал: «Пропорции их фигур (т. е. фигур святых сиона.— В. Я.), точечные нимбы, аккуратные рельефные надписи — все это сближает данные изображения с лучшими печатями середины XII в.»¹ Как мы старались показать выше, речь здесь может идти не о простой близости манеры, а об едином авторстве целой группы печатей середины XII в. и створок Большого Софийского сиона, которые благодаря этому получают твердую дату.

Значок из четырех точек, отмеченный в надписях нашего торефта, подтверждает данную ему выше характеристику человека не только грамотного, но и образованного. Этот значок является широко употребляемым с XI в. вариантом точки, которой предпочтительно пользовались в конце периодов и статей, а также в заглавиях, где он иногда употреблялся также в качестве орнаментального элемента².

2. Русские протопредеры

Датировка Большого Софийского сиона (рис. 7) неоднократно привлекала к себе внимание историков русского искусства. В «Древностях Российского государства» он датирован XVI в.³, архиепископ Макарий относил его к XV в.⁴, А. С. Уваров, М. В. Толстой и А. И. Конкордин считали его произведением XV в.⁵ Н. В. Покровский посвятил этому вопросу большое исследование и датировал сион XII—XIII вв.⁶ А. И. Некрасов связал изготовление сиона с летописным свидетельством о том, что Всеслав Брючиславич Полоцкий в 1067 г., после взятия Новгорода «поймал сосуды церковные», и считал, что Большой сион изготовлен в XI в., взамен увезенных Всеславом⁷. А. С. Орлов полагал, что сион следует датировать XI—XII в.⁸, В. Н. Лазарев относит его к XI в.⁹ Последнее исследование сиона принадлежит Б. А. Рыбакову, который считает, что сион был изготовлен в несколько приемов: створки он датирует XI—XII вв., плетеные решетки в арках — XII—XIII вв., верхнюю часть — временем архиепископа Василия, т. е. XIV в.¹⁰

Сложность создания сиона кажется несомненной. В нем выделяется даже больше разнородных составных частей, нежели назвал Б. А. Рыбаков. Иностранной является также главка с крестом в верхней части сиона, которая прикрывает надпись на вершущке купольной части.

Разнородные наслоения сиона можно рассматривать двояко. Можно думать, что отдельные его части изготовлялись заново по мере того, как некоторые первоначальные детали приходили в ветхость. В таком случае окажется, по-видимому, что древнейшей частью была нижняя с апостолами, затем был добавлен купол, наконец, — крест. Можно, однако, полагать, что сион был собран одновременно в какой-то сравнительно поздний период из частей различных древних сионов, и тогда хронологическая

¹ Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 448.

² Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 225.

³ Древности Российского Государства, отд. 1. М., 1849, стр. 81—82.

⁴ Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, ч. II. М., 1860, стр. 205—206.

⁵ А. С. Уваров. Мелкие сочинения, т. I, М., 1910, стр. 298; А. И. Конкордин. Описание Новгородского Софийского собора. Новгород, 1906, стр. 118.

⁶ Н. В. Покровский. Ук. соч.; его же. Иерусалимы или сионы Софийской ризницы в Новгороде. Вестник Археологии и Истории, вып. 21. СПб., 1911.

⁷ А. И. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937, стр. 59.

⁸ А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.—Л., 1952, стр. 21 сл.

⁹ В. Н. Лазарев. Ук. соч., стр. 52.

¹⁰ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 294; его же. Прикладное искусство, стр. 447 сл.

последовательность его частей, отмеченная выше, может оказаться не единственной.

Что касается нижней части сиона, то, как уже указывалось, она датируется серединой XII в. Допуская возможность датировки этой части XI в., Б. А. Рыбаков обращает внимание на подражательность надписей греческим. Эту подражательность Б. А. Рыбаков считает характерной для XI, но не для XII в.¹ Однако такую же подражательность демонстрируют нам печати не только XII в., но и начала XIII в., поэтому приведенный аргумент не может быть принят в расчет.

Теперь нам следует перейти к вопросу о датировке верхней части сиона. По окружности этой верхней купольной части расположены изображения святых, образующих большой деисусный чин: Иисус Христос, богородица, Иоанн Предтеча, архангелы Михаил и Гавриил и Василий Великий. Тот факт, что в деисусный чин введен св. Василий, послужил для Б. А. Рыбакова основанием для датировки этой части сиона XIV в. Б. А. Рыбаков считает, что верхняя часть сиона изготовлена при Василии Калике и по его приказу.

В дальнейшем мы вернемся к особенностям деисусного чина сиона. Сейчас же нам следует остановиться на анализе еще одной детали его купольной части. В центре купола сохранились остатки семистрочной греческой надписи:

8
 ΠΡΟΤΕΔΡ8
VK,
 K.....NC
CPO
ΦOP8
 M

Н. В. Покровский демонстрировал эту надпись крупнейшим знатокам греческой палеографии В. В. Латышеву и И. И. Соколову. Оба исследователя затруднились в ее окончательном чтении, однако оба считали, что в надписи упоминается некий протопродр Никифор. Толкуя этот титул, названные исследователи считали, что под ним должен скрываться патриарх, митрополит или епископ. Н. В. Покровский назвал трех патриархов Никифоров: иерусалимского (около 1048 г.), антиохийского (около 1080—1092 гг.) и константинопольского (1260 г.). Форма и значение сиона, по мнению Н. В. Покровского, указывают на его иерусалимское происхождение². Этот достаточно противоречивый вывод, однако, не был развит исследователем.

Б. А. Рыбаков к анализу надписи не обращался.

Нет сомнения в том, что надпись содержит драгоценные указания о времени изготовления верхней части сиона. Для того, чтобы реализовать ее сообщение, необходимо выяснить, какого именно Никифора она упоминает. Решая этот вопрос, нам следует остановиться на значении титула «протопродр», встречающегося также на некоторых памятниках русской сфрагистики.

До настоящего времени сохранилось девять экземпляров печати загадочного протопродра Евстафия. Восемь из них обнаружены в Новгороде, один — неизвестного происхождения³.

¹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 294.

² Н. В. Покровский. Древняя ризница Софийского Новгородского собора, стр. 4.

³ Два экземпляра в собрании Н. П. Лихачева (Сфрагистический альбом, табл. XXIV, 3 и LI, 15, найдены на Городище); один в собрании М. И. Полянского

Печати имеют размер 20—23 мм в диаметре и несут следующие изображения:

Л. с. Надпись в пять строк:

— + —
 ΠΡΩΤΟ
 ΠΡΟΕΔΡΟΝ
 ΕΥΣΤΑΘΙ
 ΟΝΜΕΣΚΕ
 ΠΕ

= Πρωτοπρόεδρος Εὐσταθίου με σκήπε
 = Воззри на мя, протопроедра Евстафия

О. с. Изображение св. Феодора в полный рост с копьем и щитом, по сторонам колончатые надписи: Ο ΑΓΙΟΣ ΘΕΟΔΩΡΟΣ (рис. 8).

Н. П. Лихачев, который издал шесть печатей Евстафия и специально занимался этой группой памятников, в результате своих наблюдений пришел лишь к очень общему и расплывчатому выводу о том, что «печать принадлежала одному из русских высокопоставленных светских деятелей»¹.

Излагая этот вывод, Н. П. Лихачев сослался на Г. Шлюмберже, писавшего о византийских протопроедрах как о членах частного, неофициального совета при императоре². «Не мог ли такой титул, как почетное звание, носить какой-либо русский князь XI столетия?»,— спрашивает

Рис. 8. Печать протопроедра Евстафия

Рис. 9. Печать протопроедра и митрополита Ефрема (1093—1096)

Н. П. Лихачев³. Пытаясь ответить на этот вопрос, Н. П. Лихачев назвал среди русских князей XI в. Евстафия Мстиславича, умершего в 1033 г. В дальнейшем, после новых находок печатей Евстафия, с последовательностью концентрировавшихся в Новгороде, Н. П. Лихачев отказался от своего первоначального предположения и признал Евстафия деятелем, «тесно связанным с древнейшей историей Новгорода»⁴, оставив вопрос о конкретной принадлежности печати открытым.

(М. И. Полянскій. Новгородская памятка для туристов. Новгород, 1908, рис. 41, найден на Городище); четыре экземпляра в Новгородском музее, найдены на Городище в 1924 г. (инв. № 4096. Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. I, рис. 74), в 1928 г. (инв. № 4097. Н. П. Лихачев. Ук. соч., стр. 175, воспроизведения не было), в 1929 г. (Н. П. Лихачев. Ук. соч., вып. II, рис. 230, в настоящее время утрачен), неизвестного происхождения (инв. № 4098, не издан), один неизданный экземпляр неизвестного происхождения находится в неуставленном частном собрании, он был показан в ГИМ летом 1955 г., где хранится снятый с него гипсовый оттиск — возможно, он идентифицируется с неизданным экземпляром новгородского происхождения из коллекции А. С. Гудкова-Белякова (Н. П. Лихачев. Текст к Сфрагистическому альбому, XXIV, 3).

¹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. I, стр. 175.

² G. Schlumberger. Sigillographie de l'Empire Byzantin. Paris, 1884, стр. 408 и 571.

³ Н. П. Лихачев. Материалы для истории..., вып. I, стр. 159.

⁴ Там же, вып. II, стр. 278.

При всей сложности этого вопроса можно, однако, приблизиться к его решению ближе, нежели это сделал Н. П. Лихачев.

Значительную помощь при этом оказывает еще одна печать, опубликованная Н. П. Лихачевым и несущая на себе титул протопроедра. Совершенно непонятно, почему, специально занимаясь печатями Евстафия и вопросом о значении титула протопроедра, Н. П. Лихачев только упомянул эту интереснейшую печать в данной связи¹, но не вернулся к вопросу о протопроедрах при ее детальном анализе².

Печать опубликована Н. П. Лихачевым по снимку, присланному из Киева. Местонахождение оригинала неизвестно. На небольшом кружке диаметром 24—25 мм оттиснуты следующие изображения:

Л. с. Надпись в семь строк:

+	ΚΕΡΘ	
(Є)	ΦΡΑΙΜ	
	ΠΡΩΤΟ	
(Π)	ΡΟΕΔΡΩ	= Κύριε βοήθει Ἐφραίμ πρωτοπροέδρω και
(ΚΑ)	ΙΜΗΤΡΟ	μητροπολίτη Ῥωσσίας
(ΠΟ)	ΛΙΤΗ	= Господи, помози Ефрему, протопроедру
(Ρ)	ΩΣΙΑС	и митрополиту России

О. с. Изображение архангела Михаила (рис. 9).

Еще до разбора этой печати мы можем судить, насколько неосновательными были попытки Н. В. Покровского искать протопроедра Никифора в Иерусалиме или Антиохии вместо того, чтобы искать в самой древней Руси.

В отличие от печатей Евстафия, печать Ефрема определяется точно, так как Ефрем был не только загадочным протопроедром, но и митрополитом.

Русские летописи знают следующих митрополитов Ефремов.

Киевский митрополит Ефрем I упоминается в Новгородской летописи под 6563 (1055) г.: «Того же лета клевета бысть на архиепископа Луку от своего холопа Дудики, и изыде из Новгорода и иде ко Киеву; и осуди митрополит Ефрем, и пребысть тамо три лета»³. Еще раз Ефрем I упоминается в записи Мстиславова евангелия под 4 ноября: «в тѣж днь сщение стыя Софии, иже есть в Києве. Сщена Ефремѣмъ митрополитѣмъ»⁴. В списке русских митрополитов Ефрем I упоминается шестым после Иллариона. Ефрема I обычно отождествляют с Ефремом, учеником первого новгородского епископа Иоакима⁵.

Другой киевский митрополит Ефрем упоминается в Ипатьевской летописи под 6600 (1092) г.: «В сие лето посвящен есть Ефрем Грек на митрополию Киевскую от Николая третьего патриарха»⁶. Других сведений о нем нет. Н. П. Лихачев отмечает, что в 1093 г. его в Киеве не было, так как погребение Всеволода Ярославича совершалось без участия митрополита⁷. Однако следующий киевский митрополит — Николай — появляется в Киеве только в 1096 г., и это призывает к осторожности.

М. Д. Приселков отрицал вообще существование киевского митрополита Ефрема II и отождествлял его с Ефремом переяславским, который в летописях упоминается под 1089—1096 гг., т. е. в те же годы, что и Ефрем

¹ Н. П. Лихачев, *Материалы для истории...*, вып. 1, стр. 160, примечание 2.

² Там же, вып. II, стр. 11—14.

³ Новгородские летописи. СПб., 1879, стр. 9.

⁴ М. Д. Приселков. *Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.* СПб, 1913, стр. 111.

⁵ Там же, стр. 113.

⁶ ПСРЛ, II, стр. 278.

⁷ Н. П. Лихачев. *Материалы для истории...*, вып. II, стр. 13.

киевский. Сообщение Ипатьевской летописи он считает ошибочным. Нам кажется, что вопрос обстоит несколько сложнее. Переяславские владыки всегда называются епископами. Единственное исключение сделано для Ефрема, которого летопись попеременно называет то митрополитом, то епископом, причем в позднейшие годы чаще епископом, когда речь идет о внутренних делах переяславской епархии. Называя его митрополитом в рассказе об освящении собора св. Михаила, летописец поясняет: «бе бо прежде в Переяславли митрополя»¹. Это сообщение не подтверждается какими-либо другими свидетельствами, однако особенности титулования Ефрема переяславского позволяют высказать следующее предположение.

Рассматривая списки киевских митрополитов, мы обнаруживаем в них пробел, который приходится на 1089—1096 гг. В 1089 г. умер митрополит Иоанн Скопец. В конце 1096 г. был посвящен в сан митрополита Николай. По мнению М. Д. Приселкова, киевская кафедра в эти годы вдовствовала, Ипатьевская же летопись называет для этого времени митрополитом Ефрема Грека. Ефрем переяславский появляется на страницах летописи в 1089 г., т. е. сразу же после смерти Иоанна. Николай занимает киевскую кафедру сразу же после смерти Ефрема переяславского.

Эти совпадения дают возможность отождествить Ефрема Грека с Ефремом переяславским, но не так, как это делал М. Д. Приселков, отрицавший самую возможность связи Ефрема переяславского с киевской кафедрой, а предполагая, что переяславский епископ был посвящен также и в сан киевского митрополита.

Летопись называет киевского митрополита Греком. Это не совсем соответствует Ефрему переяславскому, который был выходцем из русских феодальных верхушек, но может быть объяснено. Ефрем переяславский жил некоторое время в Константинополе, где научился «всякой красоте»².

Может ли быть, однако, что Ефрем после посвящения в сан киевского митрополита продолжает выступать в летописных рассказах главным образом как епископ переяславский? Это вполне возможно, если Ефрем, став митрополитом, остался в Переяславле. Так оно и было, если верить летописи. Рассказ летописи об отсутствии митрополита при погребении Всеволода может быть хорошо истолкован в данной связи. Ефрем — лишь номинально киевский митрополит и, по существу, остается переяславским епископом и сподвижником Владимира Мономаха. Возможно, в этом проявляется вполне закономерная тенденция Мономаха, бывшего в этот период переяславским князем, перевести в Переяславль русскую митрополию, используя для этой цели посвящение в митрополиты находившегося под его непосредственным влиянием и контролем епископа.

Датируя печать протопроедра и митрополита Ефрема, мы, следовательно, можем говорить о двух ее возможных владельцах — митрополитах Ефреме I и Ефреме II.

Время правления того и другого очень близко. Поэтому Н. П. Лихачев, учитывая посредственную сохранность печати, колебался в ее окончательной датировке, но все же более склонялся к признанию ее владельцем Ефрема II. Опираясь он при этом на изображение на печати Ефрема архангела Михаила, перекликающееся с тем обстоятельством, что именно Ефрем переяславский был строителем в Переяславле собора св. Михаила.

Последнее обстоятельство не кажется нам существенным. Тем не менее именно изображение Михаила дает основу для правильной датировки печати и понимания титула протопроедра.

В русской сфрагистике очень хорошо известны княжеские буллы XI в., несущие на одной стороне изображение святого, а на другой — греческую надпись о принадлежности. В надписях упоминается имя князя, мир-

¹ ПСРЛ, I, под 6597 г., стр. 89.

² ПСРЛ, II, стр. 277.

ское и христианское, иногда только христианское, а изображение святого всегда совпадает с христианским именем князя — владельца печати¹.

В данном случае мы видим нечто другое. Надпись упоминает христианское имя, но это имя не совпадает с именем изображенного на обороте печати святого. То же самое и на печати Евстафия. В одном случае мы обнаруживаем взаимоисключающее сочетание Ефрем — Михаил, в другом — Евстафий — Феодор.

Это противоречие возможно объяснить, лишь признавая, что Ефрем был протопроедром некоего Михаила, а Евстафий — протопроедром некоего Феодора. Вполне понятно, что Михаила следует искать в Киеве, так как Ефрем был киевским митрополитом, а Феодора — в Новгороде, откуда происходят все экземпляры печати Евстафия.

Ефрем I был современником киевского великого князя Изяслава Ярославича, который в крещении был наречен Дмитрием². Ефрем II — современник великого князя киевского Святополка Изяславича, носившего христианское имя Михаил³.

Это сочетание имен не только уточняет атрибуцию печати, определяя ее принадлежащей Ефрему II, но и объясняет титул протопроедра. Протопроедр был советником владетельного князя. Поскольку Ефрем был лишь номинальным киевским митрополитом, можно думать, что сан митрополита вообще сочетался с саном протопроедра. Отметим особо, что титул протопроедра стоит на печати выше титула митрополита. Это обстоятельство важно, во-первых, для характеристики положения церкви на Руси во второй половине XI в., а во-вторых, потому, что оно позволяет не согласиться с Н. П. Лихачевым, предполагавшим, что титул протопроедра — лишь почетное звание.

Уместно вспомнить здесь зачин Устава Ярослава о судах святительских: «Се аз князь великий Ярослав, сын Володимеров, по данию отца своего, съгадал есмь с митрополитом киевским и всеа Руси Иларионом»⁴. Здесь митрополит Иларион выступает в качестве советника князя, хотя бы и по делу о церковном законодательстве.

Возвращаясь к печатам Евстафия, мы можем видеть в их владельце уже не духовное, а светское лицо. По аналогии с Ефремом в нем можно усматривать советника новгородского князя. Однако этим советником не был епископ новгородский, так как на печати нет соответствующего титула, а среди новгородских епископов нет Евстафия.

Князя звали Феодором. Основываясь на таком толковании печати, мы сможем точно датировать ее, так как христианские имена ранних новгородских князей известны. Владимира Ярославича (1030—1052 гг.) звали Василием, Изяслава Ярославича (1052—1068) — Дмитрием. Христианского имени Мстислава Изяславича мы, правда, не знаем, но он княжил очень недолго в 1050-х гг., замещая отца, и не оставил заметного следа в летописи. Следующего князя Глеба Святославича (1068—1080 гг.) звали Давидом, Святополка Изяславича (1080—1093 гг.) — Михаилом. Давид Святославич (управлял в 1095 г.) носил только христианское имя.

Феодором звали Мстислава Владимировича, сына Владимира Мономаха, княжившего в Новгороде с 1095 по 1117 г. Следующим и последним владетельным князем новгородским был Всеволод Мстиславич (1117—1136 гг.), носивший имя Гавриил. Последующие князья в расчет не могут быть приняты, так как после 1136 г. они по существу сами превратились в «протопроедров» новгородского веча.

¹ См. В. Л. Янин. Печать смоленского князя Вячеслава Ярославича. КСИИМК, вып. 55, М., 1954, стр. 150—152.

² Указатель к первым восьми томам Полного Собрания Русских летописей. Отдел первый. Указатель лиц, А—И. СПб., 1898, стр. 366.

³ Там же, К—Ф, стр. 231.

⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 481.

Датировке печатей Евстафия временем Мстислава — Феодора ничто не противоречит. Напротив, наиболее близкие стилистические аналогии изображению св. Феодора находятся на печатях именно Мстислава и его сыновей Всеволода и Ростислава¹.

Протопроедр Евстафий был, таким образом, ближайшим советником новгородского князя Мстислава Владимировича. К сожалению, ни печати, ни летописи не позволяют установить его мирское имя и отождествить его с лицом, вероятно, хорошо известным в русской истории.

Считая протопроедров на основании всех этих соображений ближайшими советниками и помощниками русских князей, мы, по-видимому, можем назвать среди разновременных возможных носителей этого титула всех митрополитов, а также таких деятелей русской истории, как Ратибора, ближайшего советника Всеволода и Владимира Мономаха², Шимона, советника и наместника Юрия Долгорукого, Коснячко, Перенег и Никифора, княжских мужей Изяслава, Святослава и Всеволода.

В литературе существует упоминание еще об одной печати русского «проедра» Николая. Краткие сведения об этой печати опубликовал Г. Шлюмберже, видевший ее в парижской коллекции Сорлен-Дориньи³. Печать не опубликована до сих пор. Н. П. Лихачев предположил в ней княжескую печать, возможно, Святослава Ярославича⁴. А. П. Смирнов высказался за принадлежность ее киевскому митрополиту Николаю (1098—1101 гг.)⁵. Нет сомнения в том, что это киевская печать, так как на ней упоминается проедр «России». Очень может быть, что она митрополичья, так как коллекция Сорлен-Дориньи составлена в Константинополе, а там, как уже отмечено выше, постоянно встречаются печати русского духовенства, а не светские. Однако, не имея в руках описания или изображения этой печати, о ее принадлежности можно только гадать. Замечу, однако, что если она действительно принадлежит митрополиту Николаю, на ней должно быть изображение Михаила, так как митрополит Николай, подобно Ефрему, был современником того же Святополка — Михаила Изяславича.

После этого затянувшегося экскурса в область ранней титулатуры нам следует вернуться к изображениям и надписям верхней части новгородского сиона. На ней мы видим по существу повторение тех же принципиальных особенностей сочетания имени с изображением святого, которые наблюдались на печатях протопроедров. Большой деисус купольной части сиона расширен за счет помещения в него изображения св. Василия Великого. Это изображение не может быть случайным. Человек, носивший христианское имя Василий, должен иметь самое непосредственное отношение к изготовлению сиона⁶. С этим изображением сочетается имя другого участника создания купольной части сиона — протопроедра Никифора. В протопроедре Никифоре, в силу самой специфики рассматриваемой вещи, мы можем предполагать духовное лицо, одного из русских митрополитов или епископов. В таком случае Василием должен быть тот из русских князей, протопроедром которого был Никифор. Среди русских владык домонгольского времени можно обнаружить только двух Никифоров, и оба они были киевскими митрополитами.

¹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории..., вып. II, рис. 178; его же. Сфрагистический альбом, табл. II, 19; III, 1 и 15; Новгородский музей, инв. №№ 4051, 11857; Сфрагистический альбом, табл. III, 2, 4, 9 и др.

² О печатях Ратибора особого типа см. Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. II, стр. 19—23.

³ G. Schlumberger. Sigillographie de l'Empire Byzantin, стр. 740.

⁴ Н. П. Лихачев. Материалы для истории..., вып. I, стр. 160.

⁵ Там же, стр. 160, примечание 1.

⁶ Ср. с большим деисусом переяславского потира середины XII в., в состав которого введен св. Георгий, патрон строителя переяславского собора Юрия Долгорукого. См. А. В. Орешников. Заметка о потире Переяславль-Залесского собора. Археологические Известия и Заметки, М., 1897, II, стр. 338 сл.

Никифор I занимал киевскую кафедру в 1104—1121 гг., Никифор II упоминается в качестве киевского митрополита под 1182—1198 гг. Сопоставим эти даты с хронологией киевских великих князей.

Никифор I был современником великих князей Святополка Изяславича (1093—1113 гг.), которого в крещении звали Михаилом, и Владимира Всеволодовича Мономаха (1113—1125 гг.), которого в крещении звали Василием.

Никифор II был современником великих князей Святослава Всеволодовича (1177—1194 гг.), христианское имя которого неизвестно, и Рюрика Ростиславича (второе княжение, 1194—1211 гг.), которого в крещении звали Василием.

Таким образом, с формальной точки зрения, лицом, упоминаемым в надписи сиона, могут быть оба митрополита Никифора. Однако предпочтение следует отдать Никифору I. Все известные нам памятники, которые имеют в своих надписях упоминание титула протопроедра, относятся к рубежу XI—XII вв. Каких-либо случаев более позднего употребления этого титула мы не знаем. Приведенные аналогии рубежа XI—XII вв. позволяют утверждать, что верхняя часть сиона была выполнена в Киеве по приказу Владимира Мономаха и при непосредственном участии митрополита Никифора I.

Весьма интересно было бы сопоставить палеографические особенности верхней части сиона с печатями митрополита Никифора I. К сожалению, последние сохранились посредственно, и особенности отдельных букв на них спорны. Можно все же предполагать, что автором этих печатей был тот же мастер, которому принадлежит верхняя часть сиона.

Датируя купольную часть сиона XIV в., Б. А. Рыбаков отмечал, что на XIV в. указывает и особенности стиля изображений¹. К сожалению, он не остановился на этом вопросе подробнее и не назвал аналогий. Однако, как нам кажется, такие аналогии вообще трудно назвать. Характерной особенностью художественного стиля мелкой пластики XIV в. становится, по-видимому, некоторый схематизм в изображениях. Художники этого времени схватывают контур фигуры, но, как правило, не уделяют внимания тщательной отделке деталей. Руки фигур, например, всегда трактуются весьма упрощенно. Здесь же мы наблюдаем такую же тщательность в передаче деталей, какая обычна для стиля XII в. В частности, сравнивая изображения Христа и святых, входящих в обычный большой деисус, с аналогичными изображениями в мелкой пластике разных столетий, мы можем указать самые близкие аналогии изображениям купольной части сиона в фигурах переяславского потира, датировка которого серединой XII в. была обоснована А. В. Орешниковым².

Мы, видим, таким образом, что верхняя часть сиона древнее нижней. Она, кроме того, иного происхождения. Если нижний ярус сиона выполнен новгородским художником середины XII в., то его верхний ярус является произведением киевского художника 1113—1121 гг. В сохранившемся до нас виде сион представляет сложное произведение, собранное в какое-то позднейшее время из частей древних сионов, почему-либо пришедших в ветхость. Может быть, некоторую опору при окончательной датировке «сборки» сиона даст изучение креста, венчающего сион, и особенно художественных решеток в его арках. В конце концов, крест также может происходить из какого-то древнего сиона, тогда как решетки кажутся изготовленными при окончательной «сборке» сиона. Б. А. Рыбаков датирует их XII—XIII вв. На последней дате мы и должны остановиться. Отметим, что крест точно, до мельчайших деталей повторяет форму обычных домонгольских энколпионов.

¹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 294.

² А. В. Орешников. Ук. соч., стр. 338.

В настоящей статье не предпринята попытка реконструировать надпись купольной части сиона. Исследование обычной титулатуры киевских митрополитов в дальнейшем поможет проделать такую реконструкцию. Отметим, что семистрочная греческая надпись не могла занимать всего центра купольной части сиона. На купольной части киевского сиона начала XII в. так же, как на всех дошедших до нас сионах, несомненно, была главка с крестом. Строки надписи поэтому должны иметь разрыв, в котором помещалось основание такой главки. Когда новгородский сион был заново собран в позднейшее время, основание его главки оказалось шире, нежели у киевского сиона, и закрыло часть надписи. Закрытыми при этом могли оказаться лишь немногие буквы, а не основная часть надписи, как это кажется на первый взгляд.

Значительную роль при такой реконструкции должно сыграть изучение печатей русского духовенства, на которых в раннее время титул передан греческими легендами. Однако, как мы старались показать выше, печати в изучении мелкой пластики домонгольского времени могут играть не только вспомогательную роль. Изучение искусства чеканки должно шире пользоваться методом исследования индивидуальных приемов древнерусских мастеров. Печати благодаря их многочисленности дают непрерывный хронологический ряд развития мелкой русской пластики от конца X до начала XVI в. Они могут быть классифицированы искусствоведчески, и такая классификация способна стать основой исследования наиболее выдающихся произведений гравиров и чеканщиков, создавших подлинные шедевры искусства.

В. В. КОСТОЧКИН

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ РУССКИХ КРЕПОСТЕЙ XIV — НАЧАЛА XVI вв.

Несмотря на то, что сохранившиеся крепостные сооружения северо-западной Руси XIV — начала XVI вв. уже в достаточной степени известны, принципы построения их боевых систем остаются пока еще не раскрытыми¹. Исследователи обычно ограничиваются лишь указаниями на теснейшую связь древнерусских крепостей с рельефом местности и окружающей природой, но не вскрывают ее сущности. Вследствие этого может сложиться впечатление, что увязка городских сооружений с природой является чисто архитектурно-художественным эффектом, достижение которого было главной целью зодчих и мастеров-строителей.

Между тем, органическая связь древнерусских крепостей с природным окружением и выбранными для них земельными участками играла огромную роль не только в создании их выразительного облика; последний был лишь результатом этой связи². Смысл же ее заключался, в первую очередь, в плотной увязке всей оборонительной системы укрепленного пункта с топографией местности.

Обыкновенно рельеф выбранной для крепости площадки и ее естественное окружение были теми стратегическими факторами, которые оказывали решающее влияние и на структуру укрепленных пунктов, и на распределение их боевых и защитных средств³. Больше того, планировка той или иной древнерусской крепости, ее общая конфигурация создавались с трезвым учетом всех положительных и отрицательных качеств участка, предназначенного для ее постройки⁴, а особенности этого участка — его форма, границы и окружение — определяли характер системы ее периметральной обороны и диктовали определенные условия для ее создания. Последняя строилась также с учетом тактических приемов ведения боя — осады и обороны населенных пунктов и штурма их укреплений. Направленность же штурмов всегда зависела, а следовательно, и

¹ Здесь мы имеем в виду только каменные крепости, стены и башни которых, несмотря на позднейшие перестройки и искажения, сохранились в основном до наших дней. Ввиду отсутствия стен и башен говорить о боевых системах деревянных крепостей и вскрывать сущность построения систем их периметральной обороны пока не приходится; это можно будет сделать лишь после тщательного археологического исследования оставшихся от них валов на всем их протяжении.

² Мы не отрицаем здесь градостроительной роли стен и башен крепостных сооружений; строя их, древнерусские городские мастера не пренебрегали, конечно, и архитектурными возможностями. Однако основной задачей таких сооружений была оборона.

³ Так было не только на Руси, но и в странах Западной Европы. В Германии, например, форма и устройство немецких орденов замков зависели от места их расположения (см. В. Rathgen. Das Geschütz im Mittelalter Quellenkritische Untersuchungen. Berlin, 1928, стр. 444).

⁴ В. Подключников. Стратегический фактор в общей планировке древнерусских городов. Сообщения кабинета теории и истории архитектуры Академии архитектуры СССР, вып. 3, М., 1943, стр. 1.

предопределялась природным окружением — характером препятствий на подступах к крепостям.

На такие особенности плановой структуры и боевой системы некоторых древнерусских крепостей мы частично уже указывали¹. Здесь же мы постараемся сделать это шире и глубже, непосредственно на самих памятниках. Попутно, базируясь на крепостных постройках разных строительных эпох, попытаемся вскрыть сущность изменений, внесенных в боевую систему русских крепостей на последующих этапах развития русского военно-инженерного искусства.

Для начала обратимся к крепостям Изборска (рис. 1) и Порхова (рис. 2). Первая из них построена в 1330 г.² и реконструирована путем утолщения стен в XV в.³. Вторая воздвигнута в 1387 г.⁴ и дополнительно усилена в 1430 г.⁵. Обе они

расположены на вершинах холмов и имеют в плане неправильные, сильно скругленные формы, целиком соответствующие контурам обороняемых зон. Их башни расположены по периметру стен не равномерно, а сосредоточены преимущественно на какой-нибудь одной стороне. При этом в Изборске они стоят в основном там, где находится ровное плато, проходят остатки рва и склон Жеравьей горы становится более пологим, а в Порхове — непосредственно на краю ложбины. Со стороны же отвесного каменистого обрыва горы в Изборске башен нет. Нет их со стороны реки Шелони и в Порхове.

Подобное скопление башен на одних сторонах оборонительных сооружений и отсутствие их на других — явление не случайное. Не случайно также и то, что башни стоят там, где препятствия не существенны и созданы в основном искусственно, и отсутствуют там, где естественные преграды почти непреодолимы. Наконец, не случайно, что эти особенности присущи крепостям, одна из которых является творением псковичей и изборян, а другая — новгородцев.

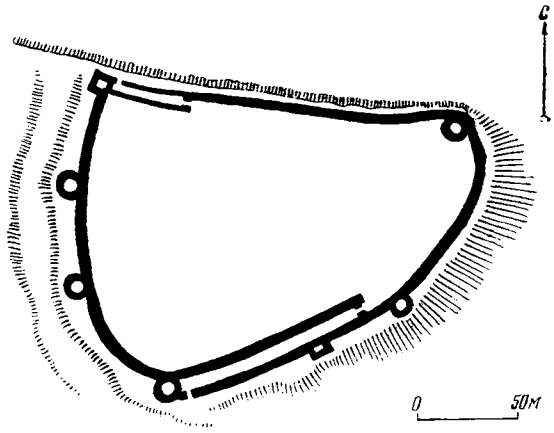

Рис. 1. Изборск. План крепости

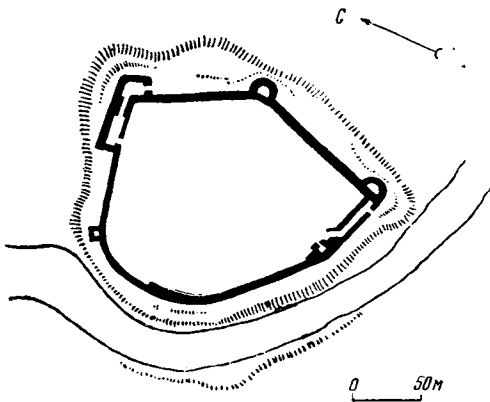

Рис. 2. Порхов. План крепости

¹ См. В. В. Косточкин. Ивангород и его место в развитии русского крепостного зодчества XV—XVII вв. (автореферат диссертации), М., 1953, стр. 7—8; П. А. Раппопорт и В. В. Косточкин. К вопросу о периодизации истории древнерусского военного зодчества. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 25—26.

² Псковские летописи, вып. 1, М.—Л., 1941, стр. 17.

³ В. В. Косточкин. О датировке крепостей Острова и Изборска. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 64.

⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 381.

⁵ Там же, стр. 415—416.

Однако обе эти крепости воздвигнуты в один исторический период — в эпоху самостоятельности Псковской и Новгородской феодальных боярских республик, независимо друг от друга строивших оборону своих территорий и воздвигавших укрепления на своих пограничных окраинах. Кроме того, Изборская крепость построена тогда, когда «огненный бой» еще не появлялся на полях сражений, а Порховская — когда он был в самой начальной, так сказать, зародышевой стадии и, изредка применяясь в обороне укрепленных пунктов, для разрушения крепостей еще не употреблялся. Правда, усиление Изборской и Порховской крепостей каменными прикладками произошло уже в период более или менее эффективного действия артиллерии. Однако в результате такого усиления ни Изборская, ни Порховская крепости не изменили ни своей плановой структуры, ни своей боевой системы. Стали толще только их стены и некоторые башни. В основе же этих крепостей остались оборонительные сооружения XIV в.¹ Следовательно, неравномерность в расстановке башен по периметрам изборских и порховских стен обусловлена не огнестрельным оружием, а особенностями рельефа местности. Выбор же ее для этих крепостей производился в строгом соответствии с тактикой проведения боевых операций, которая и в новгородской, и в псковской землях была одинаковой и строилась с учетом тактики противника.

Действительно, в XIV в., когда возводились укрепления Изборска и Порхова, захват населенных пунктов осуществлялся тем же способом, что и в XIII в., т. е. не путем длительной и изнуряющей осады, как это было раньше, в XII в.², а прямым штурмом городских сооружений. При этом неприятель использовал уже не только живую силу, но и технику — осадные камнеметы (пороки) и стенобитные машины (бараны). Первые из них наносили повреждения крепостям — сбивали их верхние части и тем самым подавляли их активную стрелковую оборону. Вторые — пробивали бреши в стенах после того, как нападающие, форсировав рвы и валы, приступали непосредственно к штурму.

Но для применения камнеметной и стенобитной техники нужны были соответствующие условия. Камнеметы нужно было ставить на таком расстоянии, чтобы их снаряды достигали цели — ударяли в стены и попадали внутрь «города». Стенобитные машины важно было придвигать вплотную к укреплениям. В противном случае возможность их применения полностью отпадала. Нападающие это прекрасно сознавали. Поэтому, готовясь к штурму, они не только стремились применить осадную технику и как можно ближе продвинуть ее к оборонительным сооружениям, но и пытались сделать это с наименьшими для себя потерями. Отсюда камнеметы, а особенно разрушающие стены машины, ставились и затем подтягивались к городovým сооружениям только с тех сторон, подходы к которым были более или менее преодолимы.

С такой тактикой неприятеля защитники укрепленных пунктов были хорошо знакомы. Знали ее и древнерусские городовые мастера-строители. Поэтому места для крепостных сооружений выбирались ими в соответствии с этой тактикой. В соответствии с последней строились также сами крепости и создавалась их круговая оборона. Изборск и Порхов являются ярчайшими примерами этого. Поскольку со стороны водного пространства или отвесного обрыва прямой штурм этих крепостей был весьма затруднителен, а применение стенобитных машин совсем невозможно, строители прикрыли их внутреннюю застройку только стенами. С них защитники свободно обстреливали противника, пытавшегося приблизиться к оборонительным сооружениям либо на плотках и лодках, либо подо-

¹ В. В. Косточкин. О датировке крепостей Острова и Изборска, стр. 63 и 65.

² М. Г. Рабинович. Осадная техника на Руси в X—XV вв. ИАН СССР, сер. истории и философии, т. VIII, № 1, М., 1951, стр. 75.

браться к ним с помощью переносных приставных лестниц. Даже в случае успешного завершения подобной операции враг, несший большие потери, все равно оказывался только у стен крепости и был лишен возможности использовать необходимые ему при штурме стенобитные машины. Громоздкие и тяжелые, они не могли быть установлены на шатких платформах и подняты вверх на платформах. Их нужно было оставлять либо на противоположном берегу водной преграды, либо у подошвы отвесного обрыва, т. е. значительно ниже уровня основания стен крепости.

Там же, где эти крепости не прикрывались естественными препятствиями в виде рек и обрывов, городские мастера, выстроив стены, укрепили их и башнями. Последние уже с середины XIII в. стали основными боевыми узлами и опорными точками каждой русской крепости. В противоположность башням некоторых немецких крепостей, открытым с внутренней — тыльной — стороны и рассчитанным лишь на трехстороннюю оборону¹, русские башни создавались цельными, закрытыми со всех сторон, и предназначались подчас для круговой обороны. Находившиеся в них воины могли продолжать обороняться даже в тех случаях, когда противник врвался внутрь «города» и захватывал соседние участки прилегающих к ним стен. Возвышаясь на тех сторонах оборонительных сооружений, которые мало защищались или совсем не прикрывались естественными преградами и были поэтому более подвержены вражеским штурмам, такие башни оказывали осаждающим основное сопротивление. Поставленные невдалеке одна от другой с сильным выносом в сторону поля, они делили стены на прясла, каждое из которых простреливалось из их бойниц. Наряду с фланговым, с башен велся и фронтальный обстрел, который поражал врага на подходах к крепостям и, таким образом, мешал ему приблизиться.

Благодаря односторонней концентрации башен, крепости имели лобовые стороны — стены «с приступа», которые принимали на себя основные вражеские удары, отражали их с помощью сосредоточенной на них стрелковой мощи и определяли их боевую направленность. По существу, такие стороны были главными фасадами оборонительных сооружений, которые и определяли их архитектурный облик. Огромная роль подобных стен в деле обороны древнерусских крепостей нашла свое яркое отражение в Пскове, где южная стена кремля получила специальное название «персей», ибо на протяжении ряда столетий она была грудью Псковского Крома в полном смысле этого слова².

Для того чтобы враг не мог приблизиться к приступным стенам и начать их разрушение, зодчие прикрыли их еще и искусственными земляными препятствиями — валами, на которых, по-видимому, ставились дополнительные деревянные заграждения, и рвами. Такие препятствия задерживали осаждающих на подходах к крепостям и мешали быстрой переброске стенобитных машин. Этого по существу и добивались строители. Преодоление препятствий и задержка вражеских сил в непосредственной близости у крепостных стен и башен влекли за собой не только потерю в живой силе; одновременно защитники получали возможность принимать меры к уничтожению громоздкой и неповоротливой вражеской осадной техники.

Благодаря скоплению башен на одних сторонах и отсутствию их на других, периметральная оборона Изборской и Порховской крепостей по степени боевой мощности делилась на оборону «активную» и «пассивную». Активную оборону осуществляли главные — лобовые стороны, оснащенные башнями и укрепленные валами и рвами, а пассивную — стороны тыловые, лишённые башен, но хорошо прикрытые почти непреодолимы-

¹ Такое устройство имеют, например, башни ливонской крепости Нейгаузен, выстроенной в 1431 г., в противовес Изборску (см. К. К. Романов. Этапы развития русской архитектуры. Архитектура Ленинграда, 1939, № 1, Л., стр. 64).

² П. А. Раппопорт. Перси Псковского Крома. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 58.

ми естественными преградами. При этом, если с тыловых сторон велась лишь фронтальная (только со стен) стрельба, плотность которой была незначительной, а площадь поражения весьма небольшой — что, впрочем, было вполне достаточно при наличии непреодолимых природных преград, — то с лобовых сторон открывались и фронтальный (со стен), и перекрывающий его фланговый (башенный) обстрел, в связи с чем

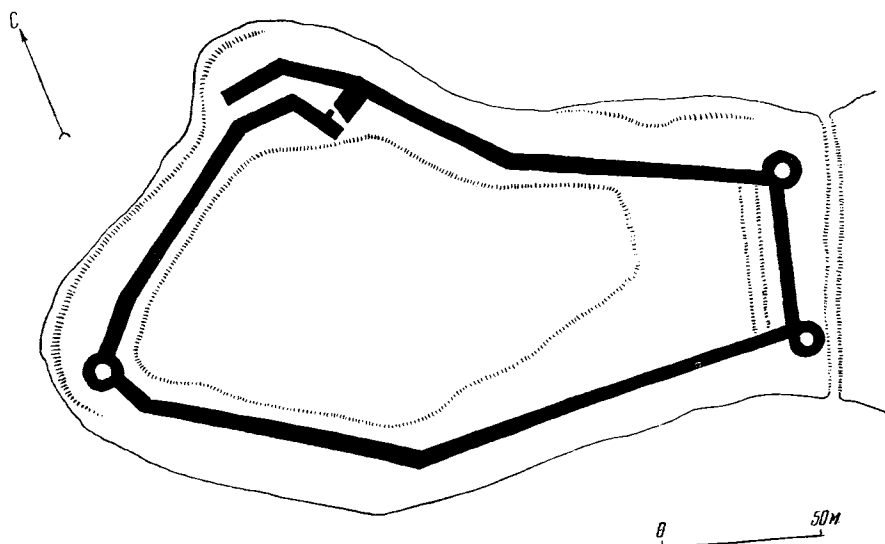

Рис. 3. Остров. План крепости

площадь поражения значительно расширялась, а плотность и кучность «огня» намного увеличивалась и сгущалась. Последнее обстоятельство в условиях тактики лобовых штурмов было особенно важным.

По-видимому, разделение круговой обороны крепостей на активную и пассивную было характерным явлением в русском оборонном зодчестве XIV в. Во всяком случае, органическую зависимость оборонительной системы крепости от рельефа местности и ее окружения можно видеть не только в Изборске и Порхове, но и в Острове (рис. 3). Правда, Островская крепость, выстроенная в середине или третьей четверти XIV в. и реконструированная примерно в конце XV в.¹, располагалась не на холме, а на острове в центре р. Великой. Однако она занимала только его западную оконечность, а ее лобовая стена, укрепленная двумя башнями и прикрытая водяным рвом, была обращена как раз в ту сторону, откуда противник, совершив высадку, мог начать подготовку к штурму. По существу, здесь перед нами такое же разделение периметральной обороны, как в Изборске и Порхове. Однако тут из-за особых географических условий принцип построения системы обороны несколько изменен. Напольная сторона Островской крепости не развернута во всю ширь перед противником, а сужена до пределов. Это, конечно, стесняло действия осаждающих и концентрировало защитников на одном, самом главном участке, облегчая и упрощая последним оборону крепости в целом.

Нет сомнения, что участок с минимальной длиной приступной стороны был характерен не только для Острова; имеется довольно много других древнерусских крепостей — городищ XIV в., где лобовая сторона, по сравнению с другими, является наиболее короткой. Таковы, например, городки Радонеж и Вышегород на р. Яхроме, входившие в состав Московского княжества². Это свидетельствует о том, что система обороны

¹ В. В. Косточкин. О датировке крепостей Острова и Изборска, стр. 59 и 63.

² П. А. Раппопорт. Обследование раннемосковских городищ в 1954 г. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 121—122 и 124—125.

Островской крепости была такой же распространенной, как и оборонительная система Порхова и Изборска. Обе эти системы являлись, фактически, разными вариантами двухстороннего деления городской обороны, характерного для русского военного зодчества XIV в.

Подобное расчленение городской обороны сохранялось в русской крепостной архитектуре и во второй четверти следующего — XV столетия. В то время тактика осады русских укреплений еще не изменилась, и они

также штурмовались со сторон, не прикрытых значительными естественными преградами. Как на пример укажем на осаду Порхова войсками Витовта в 1428 г.¹ Основной удар по этой крепости был произведен тогда не со стороны реки, а со стороны рва², т. е. направлен опять-таки на стену, укрепленную башнями. Сохранение такой тактики в период внедрения артиллерии и применения мощных стенобитных орудий обусловило только лишь реконструкцию Порховской и Изборской крепостей, а не их перестройку. В результате этой реконструкции крепостные стены Изборска, имевшие первоначально ширину всего лишь 2,2—2,6 м, были утолщены примерно вдвое, до 4—5 м, а Порхова — с 1,8 до 4,45 м³. Однако характер периметральной обороны этих крепостей остался прежним; как и раньше, в них имелись лобовые и тыловые стороны, рассчитанные на активное и пассивное сопротивление.

Очевидно, с расчетом на разный характер круговой обороны создавались во второй четверти XV в. и новые крепости. Во всяком случае кремль Гдова, воздвигнутый в 1431 г.⁴ на невысоком холме левого берега р. Гдовки, был первоначально деревянным, с одной каменной стеной на приступной стороне⁵. Усиленная «привалами» в 1434 г.⁶ эта стена и определяла структуру обороны Гдовского кремля, выявляя его лобовую стену, предназначенную для принятия вражеских ударов и их отражения.

Совершенно иначе обстоит дело с крепостями более позднего времени. Их круговая оборона построена уже по другому принципу и существенно отличается от характера обороны крепостей, рассмотренных ранее. Хорошим примером в этом отношении могут служить укрепления Ладоги и Орехова.

Ладожская крепость (рис. 4), как известно, была построена московским правительством в конце XV — начале XVI вв.⁷ на месте более древней новгородской твердыни. Крепость Орехова (рис. 5) сооружалась Москвой в то же время и также на остатках старого новгородского укрепленного пункта. Первая из этих крепостей расположена на стрелке мыса, образовавшегося при впадении р. Ладожки в Волхов. Вторая — занимает

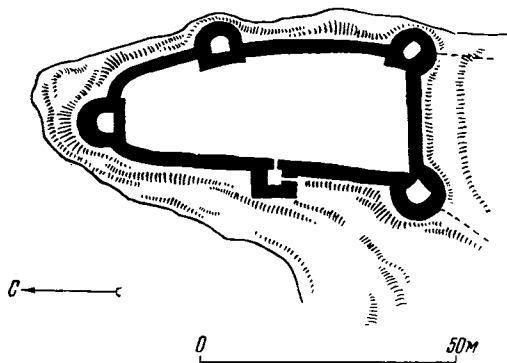

Рис. 4. Ладога. План крепости

¹ См. ПСРЛ, т. VIII, стр. 94 и т. XII, стр. 8.

² В. А. Богусевич. Влияние огнестрельного оружия на русские каменные укрепления XIV—XV вв. Вестник Военно-инженерной академии РККА им. В. В. Куйбышева, вып. 25 (фортификационный сборник), М., 1939, стр. 112.

³ П. А. Раппопорт. Из истории военно-инженерного искусства древней Руси, МИА, № 31, 1952, стр. 162, 178 и 182.

⁴ Псковские летописи, вып. 1, стр. 39.

⁵ Там же, вып. 2, М., 1955, стр. 125.

⁶ Там же, вып. 1, стр. 41 и вып. 2, стр. 128.

⁷ П. А. Раппопорт. Из истории военно-инженерного искусства древней Руси, стр. 148.

все пространство небольшого острова, закрывающего вход в Неву из Ладожского озера. Обе они имеют в плане неправильную треугольную форму, которая соответствует форме занятых ими земельных участков. Однако их башни не сосредоточены уже на одной стороне, как в Порхове или Изборске, а расставлены по всему кольцу стен более или менее равномерно. При этом они стоят и там, где находится водное пространство, и там, где проходят заплывшие остатки вырытого рва.

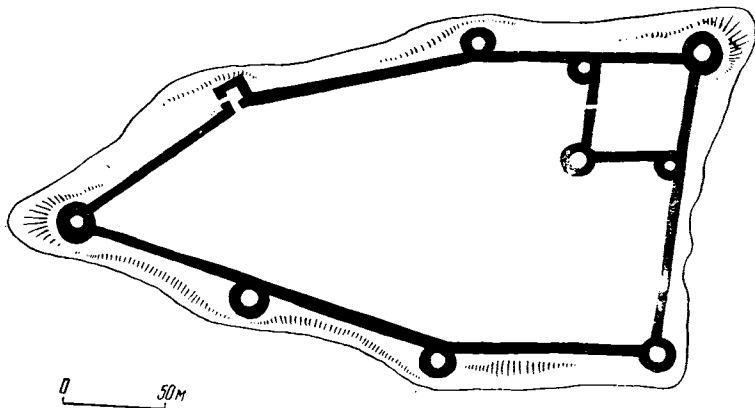

Рис. 5. Орехов. План крепости

Такое равномерное распределение башен по периметру крепостных стен теснейшим образом связано с теми изменениями в военно-инженерном деле, которые произошли на Руси в середине XV в.

В это время в связи с развитием литейного производства и порохового дела, а также появлением пушечных дворов — крупных мастерских по отливке огнестрельных орудий¹ — русская артиллерия делает значительные успехи. Усовершенствуется ее конструкция, становятся более совершенными способы ее применения. В результате этого во второй половине столетия происходит коренной переворот в огнестрельной технике². Развитие пушечного «наряда» идет уже быстрыми шагами³ и к концу XV в. дальность русских орудий резко повышается. Увеличивается одновременно и мощность вражеской артиллерии. «Применение меди в качестве пушечного материала⁴, обладающей значительно большей упругостью, чем железо, позволило перейти к крупнокалиберным пушкам, способным по своей мощности к разрушению деревянных и каменных городских укреплений»⁵. В силу этого артиллерия стала широко применяться не

¹ На Руси отливка пушек взаменковки их из железа началась, очевидно, в самом конце XIV в. (см. Н. Н. Рубцов. История литейного производства в СССР. М.—Л., 1947, стр. 30).

² А. Л. Монгайт. Русская артиллерия в XIV—XVI вв. Военно-исторический журнал, 1940, № 7, стр. 72.

³ К. В. Базилевич. История СССР от древнейших времен до конца XVII в. М., 1950, стр. 257.

⁴ В Европе, в том числе, видимо, и на Руси, меднолитые пушки стали появляться примерно в середине XV в. (см. К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства. М., 1952, стр. 352).

⁵ К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства, стр. 352. Такая артиллерия употреблялась на Руси уже во второй половине XV в. Известен случай (правда, не совсем удачный) применения крупнокалиберной пушки псковичами в 1463 г. при осаде Нового ливонского городка: «И приступиша к городку немецкому... и начаша городок бити пушчицами... и... пушчица псковичи большею пушкою на городок, и пушка растреснулася» (см. Псковские летописи, вып. I, стр. 66). Однако тут же надо указать на 1472 г., когда одновременным выстрелом из двух пушек в городских воротах была пробита брешь, размеры которой позволили вести через нее сражение (см. М. Мейер. Исторические сведения об огнестрельном оружии, ч. I. СПб., 1841, стр. 44).

только в обороне укрепленных пунктов¹, но и при их осаде². С помощью ее ядер наносились повреждения крепостям и пробивались бреши в их стенах уже с довольно больших расстояний. В связи с этим появилась возможность производить обстрел укреплений даже с противоположных берегов рек и со стороны отвесных обрывов³. Наконец, одновременно сильно увеличилась и маневренность огнестрельных орудий, которые могли устанавливаться уже на небольших судах и крупных лодках⁴.

Естественно, что все эти усовершенствования в артиллерийской технике вызвали изменение осадной тактики. Последняя, в свою очередь, повлияла на общую структуру городской обороны. Поэтому, полностью перестраивая крепости в Ладоге и Орехове, русские строители не только довели толщину их стен до толщины стен крепостей, реконструированных с помощью прикладок в XV в.⁵, но и внесли необходимые коррективы в систему их круговой периметральной обороны. Равномерная расстановка башен по кольцу стен этих крепостей вне зависимости от их природного окружения как раз и говорит о характере тех изменений, которые были внесены в русское военно-оборонительное строительство второй половины XV — начала XVI вв.

Благодаря равномерному распределению башен по всему периметру стен, Ладожская и Ореховская крепости уже не имели лобовых и тыловых сторон, присущих крепостям Изборска и Порхова. Их круговая оборона уже не делилась на активную и пассивную. В связи с четкой расстановкой башен по контуру прикрываемых стенами пространств, оборона крепостей в Ладоге и Орехове была построена с расчетом активного сопротивления в любом направлении, независимо от имевшихся около них природных препятствий и искусственных заграждений. По существу для них стало характерным то, что было присуще лобовым сторонам оборони-

¹ В конце XV — начале XVI в. пушки и пищали находились на вооружении многих северо-западных городов Руси — Новгорода, Пскова, Копорья, Орехова, Корелы (см. К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства, стр. 355). Имелись они, очевидно, тогда и в ливонских крепостях; во всяком случае известно, что в 1480 г., когда псковичи взяли немецкий костер (башню) на р. Амовже, то в числе трофеев, отправленных из него в Псков, были и пушки (см. Псковские летописи, вып. I, стр. 77).

² Из нее в конце XV — начале XVI в. враг не раз обстреливал русские города. Так, например, в 1480 г. немецкие пушки били по Гдову, Кобыле, Изборску и Пскову. В 1501 г. опять по Изборску. В 1502 г. — по Острову, а в 1503 г. — снова по Пскову. Кроме того, в 1518 г. из пушек стреляли по Опочке и поляки (см. Псковские летописи, вып. I, стр. 77—78, 86—87 и 99). К. В. Базилевич указывает, что если прежде употребление огнестрельного «наряда» ограничивалось лишь обороной крепостей, то в 80—90 гг. XV в. область его боевого применения значительно расширилась, и артиллерия стала употребляться уже при осаде укрепленных городов и при проведении боевых операций в поле. При этом он сообщает, что первыми известными случаями применения московского «наряда» при осаде неприятельских крепостей, являются осада Феллина в 1481 г. и Выборга в 1494 г. (см. К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства, стр. 355).

³ В летописях зафиксированы подобные обстрелы. Известно, например, что в 1480 г. юрьевцы, прибывшие под Псков в боевых немецких снеках и ставшие станом на лугу за церковью Степана, обстреливали оттуда из пушек Запсковье и Полонище, а в 1503 г. немцы били пушками (правда, безрезультатно) из Завеличья «на дом Святой Троицы», т. е. попросту говоря, вели артиллерийскую стрельбу по Троицкому собору и Псковскому кремлю с противоположного берега р. Великой (см. Псковские летописи, вып. I, стр. 78 и 87). Эти факты убедительно показывают, что в конце XV — начале XVI в. мощность артиллерийского огня сильно возросла; в то время пушки стреляли уже на расстоянии до 200—260 м и при помощи их ядер стремились нанести ущерб каменным сооружениям.

⁴ Вообще, маневренность русской артиллерии в то время была очень высокой. В летописях под 1518 г. отмечен случай, когда пушечный «наряд» новгородских и псковских сил, направленных великим князем под Полоцк, доставлялся к месту назначения и водным, и гужевым способом; «...и повезоша наряд весь в судах Великою рекою до пристани, а от пристани на псковские кони и на телеги положиша весь наряд поущечный...» (см. Псковские летописи, вып. I, стр. 100).

⁵ Крепость в Ладоге, например, имела толщину стен около 4 м (см. П. А. Раппопорт. Из истории военно-инженерного искусства древней Руси, стр. 146—147).

тельных сооружений предшествовавшего времени. В них с любой стороны фронтальный огонь со стен перекрещивался с фланговым обстрелом с башен, образуя на подступах к ним зону сплошного поражения. Для противника такая зона была мертвой и почти непроходимой.

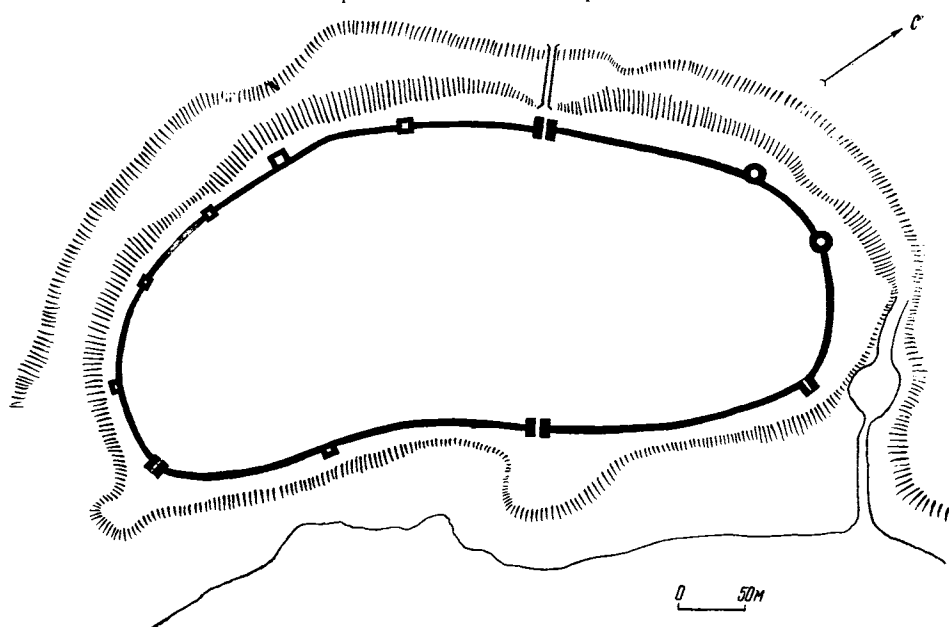

Рис. 6. Новгород. План кремля

Как видно, с учетом эффективной обороны на всем протяжении стен был построен в 1484—1492 гг. и кремль Великого Новгорода, созданный Москвой вместо старого новгородского¹; несмотря на наличие широкого водного пространства р. Волхов с востока и обводненного рва с трех других сторон, 12 башен этого кремля стояли равномерно по всему периметру обороняемой территории² (рис. 6).

Таким образом, система обороны, примененная в Ладоге, Орехове и Великом Новгороде — это вторая система, в корне отличная от системы обороны русских крепостей предшествовавшего времени. Ее появление было вызвано широким внедрением мощной огнестрельной артиллерии и изменением тактических приемов захвата укрепленных пунктов. Впервые такая система была применена, однако, не в новгородской, а в псковской земле. Ее получил упомянутый выше кремль Гдова, стены которого во второй половине XV в. были каменными уже на всем протяжении, имели толщину более 4 м и были снабжены башнями и захабами, распределенными равномерно по всей их длине независимо от р. Гдовки с одной стороны, рва — с другой и ручья — с третьей. Вместе с тем, каменный Гдовский кремль имел в плане форму слегка вытянутого деформированного четырехугольника, а его башни и захабы располагались либо на углах, либо в центре стен. Следовательно, равномерная расстановка башен приобрела в нем определенную четкость и симметричность и сочеталась с более или менее правильной плановой геометричностью. Идеальное совмещение всех этих особенностей можно видеть в знаменитой «четвероугольной» крепости Ивангород, построенной на Девичьей горе правого берега р. Наровы в 1492 г. и расширенной четырехугольным Большим Бояршим

¹ А. Л. Монгайт. Оборонительные сооружения Новгорода Великого, МИА, № 31, 1952, стр. 56—57.

² Заметим, что у Московского кремля (1485—1495 гг.) башни также стоят равномерно по всему периметру стен.

городом в 1496 г.¹ (рис. 7). Это говорит о том, что «регулярность» в русском городском строительстве конца XV в. является результатом изменения планировки и оборонительных систем русских крепостей предшествовавшего времени. Гдов — это несомненный предшественник Ивангорода.

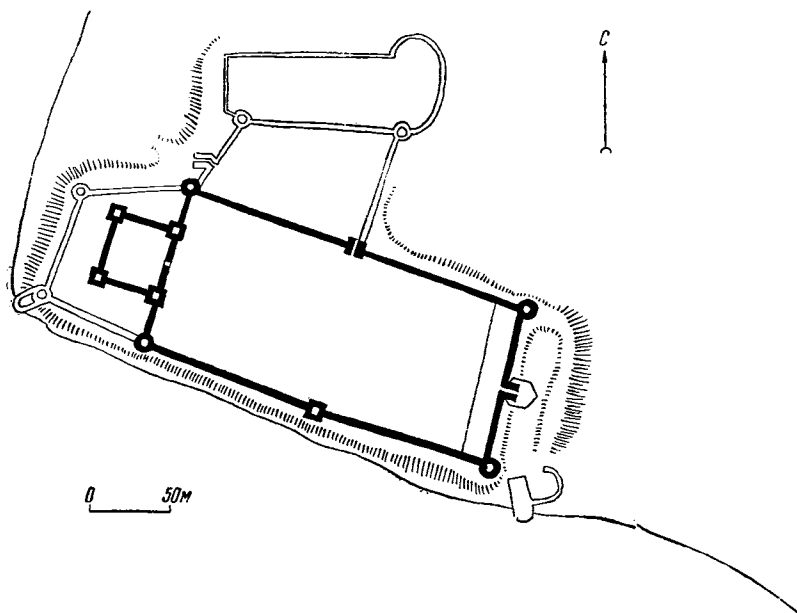

Рис. 7. Ивангород. План крепости

Несколько особняком от рассмотренной выше второй системы городской обороны стоит крепость Копорье. Эта крепость, как известно, выстроена Москвой на высокой известняковой скале в конце XV — начале XVI вв.², т. е. одновременно с крепостями в Ладогe и Орехове. Однако, несмотря на это, система ее круговой обороны построена наподобие системы обороны крепостей XIV — начала XV вв., т. е. с выделением ее двухсторонней структуры (рис. 8). Лобовой — фасадной и наиболее доступной стороной Копорской крепости являлась стена, возвышающаяся на краю неглубокого оврага, превращенного когда-то в ров, и укрепленная башнями; а тыловой была стена противоположная, не имеющая башен, но благодаря резкой крутизне склона скалы почти недоступная даже в настоящее время. В Копорской крепости есть также элемент, роднящий ее со вторым вариантом этой структуры: в ней наиболее ответственная стена, снабженная сквозным проездом, также минимальна по длине и также укреплена по концам мощными башнями. По существу здесь налицо совмещение двух вариантов одного и того же типа построения городской обороны, известного нам, с одной стороны, по Изборску и Порхову, а с другой — по Острову. Это объясняется, по-видимому, тем, что существующая Копорская крепость была выстроена несколько раньше крепостей, имеющих теперь в Ладогe и Орехове. Она строилась на основе старых традиций и воздвигалась на месте не дошедшей до нас новгородской каменной твердыни 1297 г., которая повлияла и на ее плановую структуру, и на распределение ее боевых и защитных средств. В результате в ней и сохранилась конфигурация ее предшественницы. Последняя

¹ В. В. Косточкин. Архитектура Ивангородской крепости. Архитектура СССР, 1953, № 2, М., стр. 20—21.

² В. А. Богусевич. Уничтожение Александром Невским немецко-рыцарского войска в Копорье. Новгородский исторический сборник, вып. III—IV, Новгород, 1938, стр. 25, 32 и 37.

сыграла в построении боевой системы существующей крепости Копорье, пожалуй, гораздо большую роль, нежели предшественницы крепостей, стоящих в Ладге и Орехове.

Таким образом, рассмотренные примеры убеждают в том, что природные условия играли решающую роль при построении оборонительных систем русских крепостей XIV — первой половины XV вв.; общая плановая структура последних создавалась в зависимости от характера рельефа

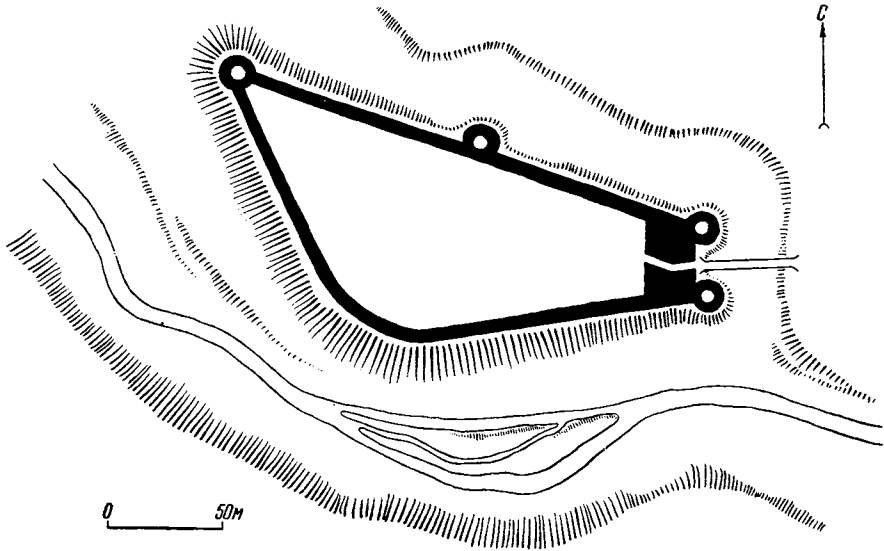

Рис. 8. Копорье. План крепости

местности и ее естественного окружения, а также в соответствии с особенностями военной техники и боевой тактики противника. Благодаря этому крепостные сооружения XIV — первой половины XV вв. были хорошо увязаны с природой, что и создавало определенный архитектурно-художественный эффект.

Крепостные сооружения более позднего времени — конца XV — начала XVI вв. — также строились в зависимости от военной техники и боевой тактики, и также в тесной связи с рельефом местности. Однако в отличие от крепостей предшествовавшего времени, они менее подчинялись природному окружению. Это окружение не предопределяло характера системы их обороны; в зависимости от качеств оно лишь прикрывало подступы к крепостям и препятствовало приближению к ним.

Выявление этих особенностей в крепостях северо-западной Руси XIV — начала XVI вв. и раскрытие смысла их связи с природой весьма существенно для истории русского оборонного зодчества. Если раньше для суждения о времени постройки отдельных памятников древнерусской крепостной архитектуры вообще не существовало какого-либо критерия, то теперь некоторые из них можно датировать приблизительно на основе характера плановой структуры и общей системы построения круговой обороны, относимой к тому или иному периоду. Материал для этого дает также каменная кладка их стен и башен, которая в каждом случае обладает своими особенностями.

В. М. МАССОН

ДЖЕЙТУН И КАРА-ДЕПЕ

Предварительное сообщение о работах 1955 г.

Культуры энеолита и бронзового века южной Туркмении, известные в литературе под именем анауских культур, несмотря на их исключительно большое значение для древней истории Средней Азии, да и всего Ближнего Востока, до последнего времени оставались слабо изученными. Единственной большой работой, посвященной этим культурам, оставалось двухтомное издание материалов, добытых в 1904 г. на холмах у селения Анау американской экспедицией¹. В настоящее время это издание устарело и ни в коей мере не отражает всего богатства и разнообразия анауских культур. Холмы у Анау являются остатками небольших и бедных поселений энеолита и бронзового века, наряду с которыми в южной Туркмении существовали в десятки раз более крупные поселения, в свое время, несомненно, игравшие роль своеобразных центров. Наиболее значительное из подобных поселений — Намазга-депе было обследовано известным среднеазиатским археологом-энтузиастом Д. Д. Букиничем². Ашхабадскими археологами в 30-е годы был также обследован целый ряд других памятников анауских культур и предложены дополнения к схеме, представленной в трудах американской экспедиции³. Однако эти дополнения, не подкрепленные публикацией фактического материала, по существу, повисли в воздухе, и в науке продолжала использоваться четырехкультурная схема Р. Пампелли.

Образованная в 1946 г. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция в связи с общей проблемой изучения первобытно-общинного строя уделила значительное внимание культурам Анау. После археологической разведки наиболее рациональным было признано начать раскопки на Намазга-депе. Уже раскопки 1949—1950 гг., проведенные отрядом этой экспедиции под руководством Б. А. Литвинского, полностью подтвердили правильность выбора объекта⁴. Особенно широко изучение анауских культур развернулось в 1952 г., когда во главе отряда ЮТАКЭ встал Б. А. Куфтин. Им была предложена новая классификация археологического материала: выделение комплексов Намазга I, II, III, IV, V, VI⁵. Это деление в настоящее время более отвечает состоянию изученности материала, чем старые четыре культуры Анау. Помимо Намазга-депе Б. А. Куфтиным были произведены раскопки на холме Яссы-депе у

¹ R. Pumpelly. Explorations in Turkestan. Expedition of 1904, тт. I—II, Washington, 1908.

² Д. Д. Букинич. Некоторые новые данные об Анау и Намазга-тепе. Туркменоведение, 1929, № 5; то же в ESA V, 1930.

³ А. А. Марущенко. Анау. Историческая справка. В кн. Архитектурные памятники Туркмении, т. I. М.—Ашхабад, 1939.

⁴ Б. А. Литвинский. Намазга-тепе. СЭ, 1952, № 4.

⁵ Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению культур «Анау». Изв. АН ТуркмССР, 1954, № 1.

Каахка и разведочная шурфовка на поселении Джейтун и Кара-депе у Артыка. В изучение культур энеолита и бронзового века включился за последнее время и сектор археологии Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР¹. В настоящее время есть все основания для организации систематических раскопок анауских памятников. С этой целью в 1955 г. в подгорной полосе были продолжены работы XIV отряда ЮТАКЭ². При планировании этих исследований имелись в виду два основных момента: во-первых, необходимость в дополнение к прежним шурфам более обширного раскопа для установления стратиграфии и, во-вторых, необходимость вскрытия широких площадей для выявления жилых комплексов и общественно-хозяйственной жизни древних племен. На Намазга-депе, где кроющим слоем большей части поселения является слой эпохи средней бронзы, в дополнение к работам Б. А. Литвинского и Б. А. Куфтина в последнее время ведет раскопки Институт истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР (руководитель работ — А. Ф. Ганялин). Поэтому основное внимание XIV отряда ЮТАКЭ было уделено раннеанауским памятникам. Объектом для стационарных раскопок было выбрано Кара-депе у Артыка. Здесь предполагается заложить стратиграфический раскоп слоев типа Намазга I, II, III и на широкой площади вскрывать

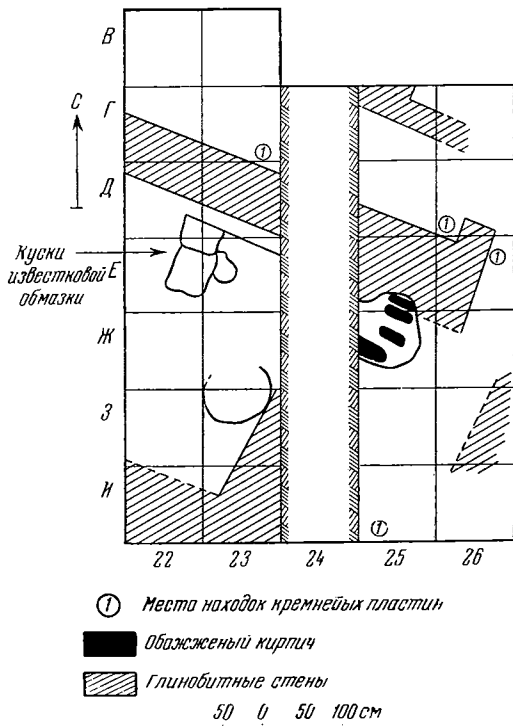

Рис. 1. План раскопок на поселении Джейтун

слои типа Намазга III, являющиеся для этого памятника самыми верхними. В дальнейшем более широкое изучение слоев типа Намазга I и II предполагается провести на таких памятниках, где именно эти слои будут кроющими, что избавит от необходимости вскрывать мощные культурные толщи и позволит сразу приступить к большим горизонтальным раскопкам. Исходя из этих предпосылок с расчетом на многолетнее изучение памятников и были начаты работы XIV отряда ЮТАКЭ в сезон 1955 г. В этот сезон, кроме раскопок, были проведены разведки для ознакомления с другими памятниками энеолита и бронзового века, расположенными на территории Ахала и Этека.

Из числа этих памятников, несомненно, наибольший интерес представляет поселение Джейтун, находящееся в 30 км к северу от Ашхабада, где еще в 1952 г. Б. А. Куфтиным был заложен небольшой разведочный шурф³. Поселение расположено в зоне полужакрепленных песков на вершине одного из крупных песчаных бугров. Этот бугор назван местным населением Чакмакдаш-Бейик; название довольно меткое, означает в дословном переводе «возвышение с каменными кресалами». Действительно,

¹ С. А. Ершов. Холм Яссы-депе 2. Изв. АН ТуркмССР, 1952, № 6.

² Отряд работал в составе начальника отряда В. М. Массона, сотрудника В. И. Сарияниди, И. Н. Хлопина и студента САГУ М. Джамалова.

³ Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 27.

древние кремневые пластины встречаются здесь в большом количестве. Часть культурного слоя по краям холма развеяна полностью, небольшая часть, видимо, погребена песками, и в целом площадь, на которой можно развернуть раскопки, составляет около 400 м². Впрочем, и в древности это было (с учетом частичного развеивания) сравнительно небольшое поселение. В 1955 г. здесь были произведены разведочные раскопки площадью в 24 м² с целью определения характера существовавших на этом месте жилищ и возможности сплошного вскрытия памятника (рис. 1).

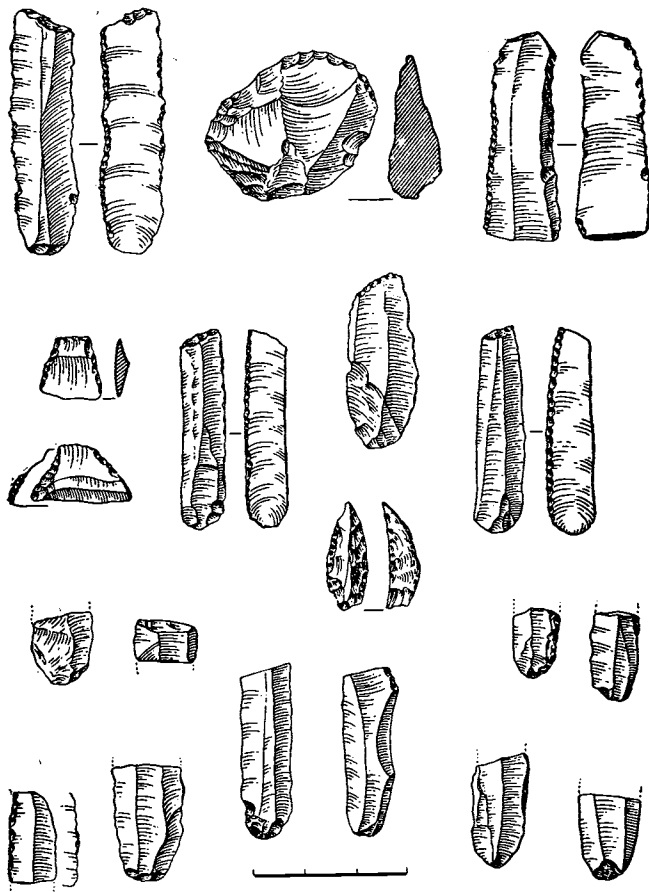

Рис. 2. Джейгун. Кремневые орудия

Раскопки показали, что жители Джейгуна обитали в глинобитных домах. При общей мощности культурных слоев в 1,8 м были встречены три строительных яруса, соответственно расположенных друг над другом. Сказать что-либо о планировке жилища ввиду небольшого объема работ трудно, но, видимо, оно состояло из ряда прямоугольных комнат. Стены помещений сделаны из глины с большой примесью самана. Сырцового кирпича как будто еще не было. В верхнем строительном ярусе в одной из стен были обнаружены глиняные «цилиндры», имевшие 13 см в диаметре, видимо, игравшие роль предшественника сырцового кирпича при постройке стен. К этому строительному ярусу относятся остатки какого-то производственного сооружения, возможно печи для обжига керамики.

На полу помещений верхнего здания найдена расписная и нерасписная керамика, кремневые пластины (рис. 2), кости домашних животных. Керамика сделана от руки, но отличается прекрасным обжигом. Наружная поверхность часто залощена. Роспись производилась розовой и красновато-коричневой краской на светлорычневом и кремовом фоне. Труд-

но судить о формах сосудов, но следует отметить, что керамика уже была плоскодонной. Изменения в составе материала по строительным ярусам проследить не удалось ввиду того, что нижние ярусы раскапывались только в небольших шурфах. В нижних слоях не было встречено расписной керамики, но считать это одним из признаков стратиграфических изменений было бы преждевременно. В нижнем строительном ярусе была обнаружена терракотовая головка быка (рис. 3).

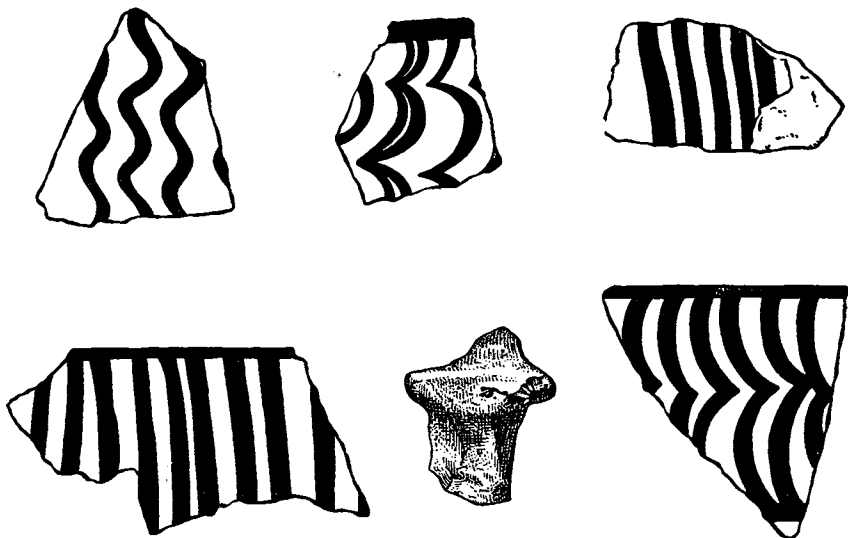

Рис. 3. Джейтун. Керамика и терракотовая статуэтка

Не вполне ясной остается датировка этого во всех отношениях весьма интересного поселения. По характеру керамики Джейтун, несомненно, древнее самых нижних слоев кургана Анау (Анау I A). Кремневый материал Джейтуна находит некоторые аналогии в комплексах Сиалк I и Сиалк II в центральном Иране¹ и Джармо в северном Иране, недавно раскопанном Р. Брэдвудом². Вместе с тем джейтунская керамика более архаична по сравнению с керамикой самых нижних слоев Тепе-Сиалк, синхронизирующихся в целом с комплексом Анау I — Намазга I. Однако абсолютная датировка Джейтуна до проведения специальных анализов костных и древесных остатков остается не вполне ясной. Ориентировочно — это неолитическое поселение, и его можно относить к концу V и, может быть, началу IV тысячелетия до н. э.

Изучение поселения Джейтун имеет большое значение для освещения целого ряда вопросов древнейшей истории Туркменистана и соседних стран. Можно полностью присоединиться к мнению Б. А. Куфтина, что Джейтун представляет собой остатки поселения оседлых земледельческо-скотоводов³. Характер плоскодонной керамики, отпечатки ячменя и, возможно, пшеницы в глинобитной промазке пола, а также обнаруженные в 1955 г. остатки глинобитных домов не оставляют в этом отношении никаких сомнений.

Как показало микрографическое исследование С. А. Семенова, большинство кремневых пластин с поселения Джейтун являются вкладышами составных серпов. Кости животных из раскопок 1955 г. принадлежат,

¹ R. Ghirshman. Fouille de Sialk, т. I. Musée de Louvre. Série archéologique, т. IV, Paris, 1938, табл. LV.

² R. Braidwood. The Near East and Foundations for Civilization. Oregon, 1952, рис. 14.

³ Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 28.

по определению А. И. Шевченко, 5 особям козы или овцы. Весьма показательна и топография Джейтунского поселения, расположенного в зоне древней дельты одного из подгорных ручьев. Заболоченные участки этой дельты, надо полагать, и использовались для посевов древнейшими земледельцами Джейтуна. Однако вопрос о происхождении этих земледельцев пока остается открытым. Ввиду отсутствия изученных памятников соответствующей древности в соседнем Иране¹ трудно судить, является ли

Рис. 4. Кара-депе. Общий вид раскопа 1

поздненеолитическая культура южной Туркмении целиком результатом оседания местных племен охотников-собирателей или здесь следует также учитывать возможность прихода земледельческих племен с юга и юго-запада. Во всяком случае высококачественная керамика Джейтуна никак не связывается с архаической керамикой прикаспийского неолита, обнаруженной А. П. Окладниковым в пещере Джебел и, вполне вероятно, синхронной Джейтуну. Раскопки в Джебеле и в пещере Гари-Камарбанд у Бехшахра ясно показывают, что на побережье Каспийского моря существовала довольно примитивная культура охотников и рыболовов, в то время как в других районах Ирана и Туркмении на горных ручьях и речках уже существовали поселения оседлых земледельцев с расписной керамикой. Несомненно, что широкие раскопки поселения Джейтун будут иметь большое значение для изучения неолитических культур Ирана и Средней Азии.

Основным объектом работ XIV отряда ЮТАКЭ было, как отмечалось выше, раннеанауское поселение Кара-депе у Артыка (рис. 4).

Кара-депе представляет собой оплывший холм площадью около 15 га, разделенный ложиной на две части. Восточная часть имеет высоту около 11,5 м, а более низкая западная — около 8 м. В сезон 1955 г. раскопки на Кара-депе были сосредоточены в трех пунктах: был продолжен шурф, начатый в 1952 г. отрядом Б. А. Куфтина, и заложены два раскопа площадью 400 м² каждый (раскоп 1 в северо-восточной части Кара-депе и раскоп 2 в северо-западной). Раскопки велись по квадратам 2 × 2 м и по ярусам в 50 см.

¹ Керамика, почти идентичная джейтунской, была собрана А. Стейном на Тали-Иблис в Кермане (A. Stein. Archaeological Reconnaissances in North-Western India and South-Eastern Iran. London, 1937, табл. XXIV, 178). Другие опубликованные фрагменты керамики весьма напоминают посуду Анау I А и Б и Сялка I. Вполне возможно, что этот крупный холм в нижних своих слоях содержит остатки поселения типа Джейтун, но судить об этом до раскопок трудно. Тали-Иблис, обобщенно отнесенное Стейном к халколиту, расположено к юго-западу от г. Керман.

В стратиграфическом шурфе была установлена мощность культурных слоев в 12,5 м, причем слои залегают на 2 м ниже современной равнины. Богатый керамический материал и строительные остатки позволили установить довольно четкую стратиграфию. Культурные слои мощностью в 2 м относятся к комплексу типа Намазга III, являющемуся кроющим для Кара-депе. Ниже идут слои, относящиеся к комплексу типа Намазга II

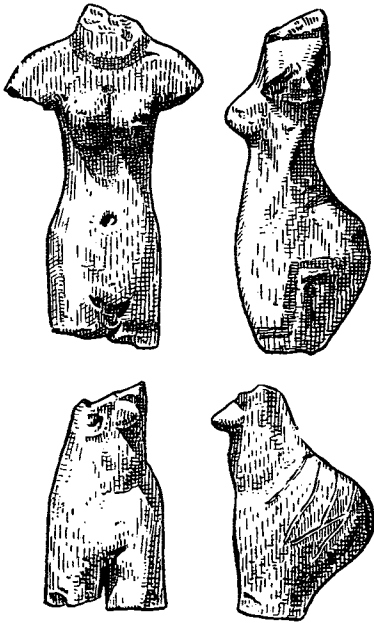

Рис. 5. Кара-депе. Статуэтки из слоя времени Намазга I

(3,5 м), причем этот комплекс удалось расчленить на два последующих этапа. Для слоев раннего Намазга II характерно распространение полихромной росписи на посуде, тогда как в более позднее время опять преобладает монохромная роспись. Такое деление полностью подтвердилось при работах на раскопах 1 и 2. В слоях времени Намазга II расчищено парное детское погребение без инвентаря с ориентировкой скелетов головой на Ю.-ЮЗ. Нижние слои Кара-депе принадлежали к комплексу типа Намазга I. В этих слоях, кроме разнообразной расписной керамики и пряслиц, обнаружены медные проколки и расчищено скорченное погребение, ориентированное головой на Ю.-ЮЗ. На шее у погребенного найдены розоватые известковые бусы. Особый интерес представляет находка в слоях времени Намазга I двух статуэток стоящих женщин с резкой стеатопигией. На одной статуэтке имеется темно-коричневая роспись, другая орнаментирована насечками (рис. 5).

На раскопе 1 (рис. 6) можно выделить три стратиграфических слоя. В верхнем слое были встречены плохо сохранившиеся остатки здания, построенного из продолговатого сырцового кирпича. Планировку нескольких комнат удалось установить в юго-восточной части раскопа. Стены в основном сохранились в высоту на один кирпич, поэтому трудно с уверенностью судить, например, о дверных проемах. В ряде мест были найдены каменные подпятияки. Это верхнее здание относится к поре Намазга III.

Второй стратиграфический слой на раскопе 1 представлен остатками родового некрополя древних кара-депинцев. Всего расчищено 25 погребений. Все погребения находятся ниже полов первого строительного комплекса и, судя по инвентарю, относятся ко времени раннего Намазга III. В ряде случаев могилы были обложены и, видимо, перекрыты сырцовыми кирпичами, но более обычно захоронение просто в культурном слое. Все скелеты лежат в скорченном положении, на правом боку и, за исключением одного детского погребения, ориентированы головой на Ю.-ЮЗ. Часть погребений имела сравнительно небольшой сопровождающий инвентарь, около половины погребений лишены его вовсе. В этот инвентарь обычно входили стоящие в ногах или головах один-два расписных или серых сосуда и нитка бус на шее или на руке. Приведем краткое описание инвентаря некоторых погребений.

Погребение 6. Перед головой медное орудие длиной 15,5 см с утолщением на одной стороне и лопаточкой на другой¹. У шеи 7 халцедоновых продолговатых бус.

Погребение 8. Сосуд с темно-коричневой росписью на зеленовато-белом фоне (рис. 7, 1).

¹ Аналогичные срудия известны в Гиссаре III. E. Schmidt. Excavations at Tere Hissar. Philadelphia, 1937, стр. 205, табл. LII, Н. 3562.

Погребение 9. Черный биконический сосуд с прорезным орнаментом и сосуд с черной росписью на светло-красном фоне. Два конических пряслица с фестончато оформленным краем. Одно из них лежало в правой руке, другое — под черным сосудом.

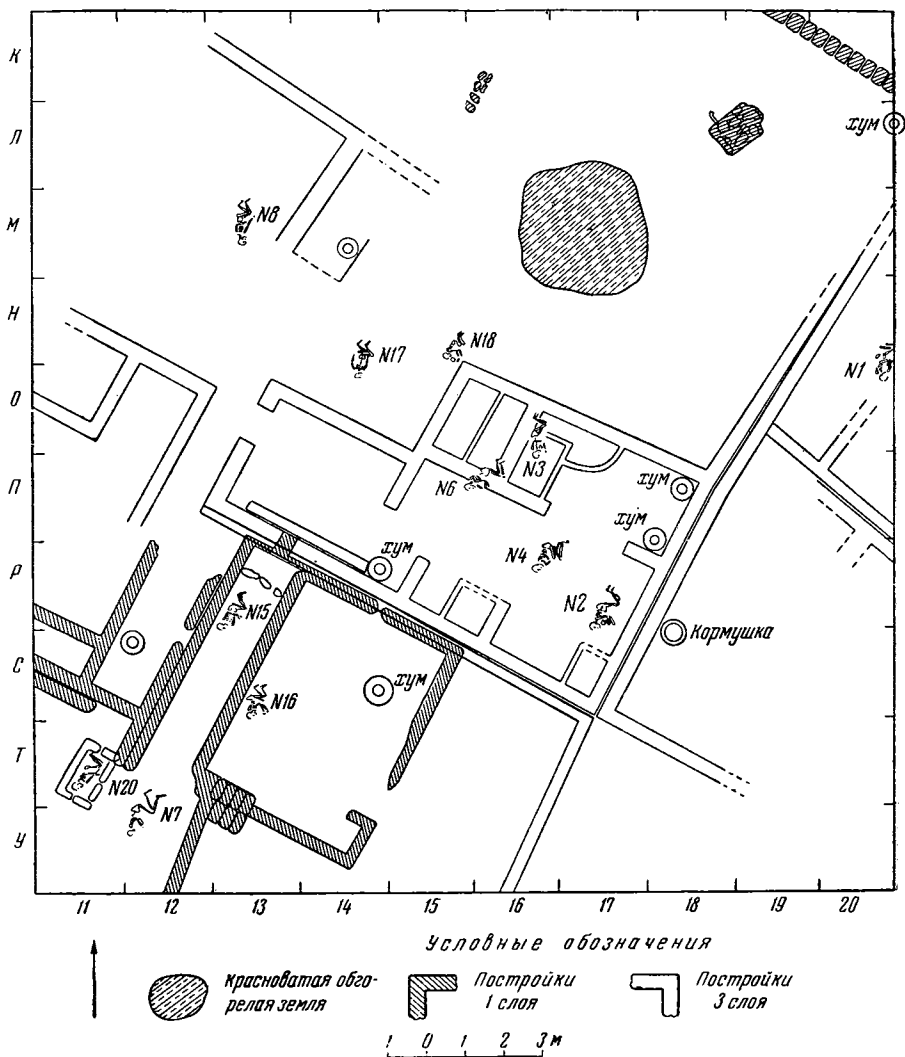

Рис. 6. Кара-депе. План раскопа 1

Погребение 10. Глубокая чаша с черной росписью на желтовато-белом фоне (рис. 7, 2).

Погребение 15. В ногах стоял банкообразный сосуд с темно-коричневой росписью на красном фоне. Два конических пряслица с фестончатым краем. Около левой руки кучка «амулетов», видимо, лежавших в мешочке: 6 белых камешков и остальные известковые поделки — 2 цилиндрические пронизки, 6 шариков, 3 продолговатые поделки, 1 поделка в виде «кегли» и одна в виде птицы (рис. 8).

Погребение 17. Медное орудие того же типа, что и в погребении 6; костяное орудие в виде палочки с лопаточкообразным расширением на конце, по форме напоминающее медное орудие. У правого плеча несколь-

кими нитями лежало 50 известковых пронизок, а на левой руке «браслет» из плоских известковых поделок различной формы.

Погребение 18. Перед лицом стояли черная миска и черный банковидный сосуд. У кисти левой руки лежала костяная поделка из расщепленной вдоль трубчатой кости, заостренной с одного конца.

Рис. 7. Кара-депе. Сосуды времени Намазга III А и Намазга III Б (4)

Погребение 19. Перед лицом стояла глубокая чаша с темно-коричневой росписью по зеленовато-белому фону (рис. 7, 5).

Погребение 20. Перед грудной клеткой стоял высокий банкообразный расписной сосуд (рис. 7, 3).

Погребение 27. На левой руке «браслет» из 26 известковых бус в виде маленьких колечек. На шее 32 такие же бусины и 1 продолговатая известковая пронизка.

В третьем стратиграфическом слое опять были встречены остатки дома, построенного из прямоугольного сырцового кирпича. Судя по наличию отдельных пристроек можно считать, что здание имело два этапа существования. Это здание относится уже к комплексу типа Намазга II. Лучшее всего сохранилась центральная часть здания, где расчищено 10 помещений. Центральное место здесь занимало крупное, квадратное в плане помещение, видимо, служившее для хранения припасов. К его стенам были пристроены прямоугольные отсеки; пол и стены которых выложены изнутри фрагментами керамики. Стенки отсеков глинобитные или, что встречалось реже, возведены из сырцового кирпича.

В конце работ на раскопе I был заложен небольшой разведочный шурф, в результате чего оказалось возможным наметить следующую стратиграфию культурных слоев: I ярус — остатки здания времени Намазга III и частично некрополь раннего Намазга III; II ярус — некрополь

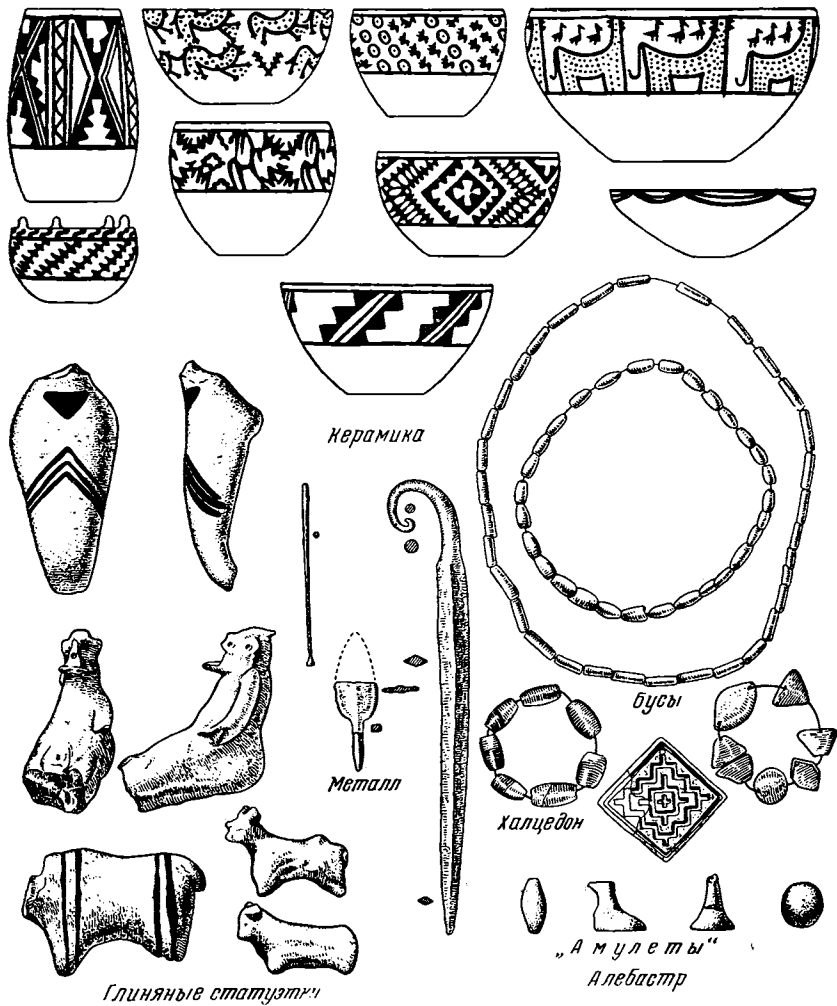

Рис. 8. Кара-депе. Комплекс Намазга III

времени раннего Намазга III и верхние части стен здания времени Намазга II; III ярус — здание Намазга II и отдельные погребения из упомянувшегося некрополя. Как показала шурфовка, IV—VI ярусы также следует относить к комплексу Намазга II, причем здесь уже встречается полихромная керамика. Находки в VII ярусе были очень невыразительными, но уже VIII ярус совершенно несомненно относится к комплексу типа Намазга I. В этом ярусе шурф, видимо, попал в центральную часть помещения, глинобитный пол которого был покрыт несколькими слоями черной краски. На полу были построены два кубообразных глинобитных «жертвенника», также покрытые несколькими слоями черной краски. Возможно, встреченное в шурфе помещение, необычный характер которого не вызывает сомнений, является частью родового святилища. Дальнейшие работы на раскопе I помогут осветить этот вопрос.

Менее эффективными оказались результаты работ на раскопке 2, где были отмечены уровни двух строительных комплексов и начаты раскоп-

ки третьего. Все три комплекса дают материал типа Намазга III. В частности, на раскопе 2 было найдено довольно большое количество фрагментов керамики с изображениями животных. Самое верхнее здание почти полностью развезено и от него сохранились лишь небольшие площадки с керамической вымосткой, возможно, остатки хозяйственных отсеков. В пору второго строительного комплекса большую часть раскопа

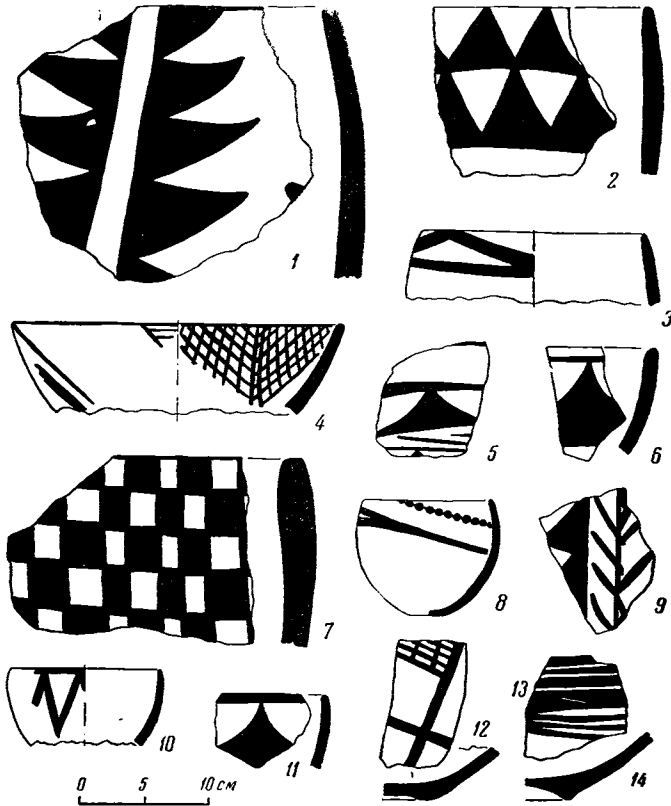

Рис. 9. Кара-депе. Керамика времени Намазга I

занимала мусорная свалка, лишь в северо-западной части располагалось здание, в котором расчищено 5 помещений. При разведочной шурфовке на раскопе 2 было установлено, что нижними слоями поселения и здесь являются слои времени Намазга I — Анау I Б. В шурфе в слоях времени позднего Намазга II встречены детское и взрослое погребения, причем последнее было ориентировано головой на Ю.-ЮЗ.

В целом раскопки на Кара-депе дали значительный материал для изучения стратиграфии поры энеолита и ранней бронзы. Осуществление стратиграфического раскопа на Кара-депе позволит подвести под эту стратиграфию широкую базу. Уже работы 1955 г. позволяют достаточно полно охарактеризовать керамику следующих археологических комплексов.

Для слоев, синхронных Намазга I, характерны толстостенные хумы с прямым венчиком, тонкостенные глубокие чаши и полусферические кубковидные сосуды. Глубокие чаши имеют слегка вогнутое дно. Роспись наносилась темно-коричневой, переходящей в черную краской на зеленовато-белом (в основном хумы) и красном (хумы и тонкостенные сосуды) фоне. Характерными мотивами являются горизонтальные и вертикальные полосы треугольников, часто с вогнутыми сторонами, пря-

мые полосы, идущие вдоль края венчика, или перекрещивающаяся на дне чаш шахматная сетка, изображение ветки дерева и др. (рис. 9).

Для Намазга II А или раннего Намазга II в расписной керамике характерны формы глубокой и уплощенной чаш и также кубковидного сосуда. Распространяется краснолощенная нерасписная керамика (шаровидные хумчи с отогнутым прямым венчиком, горшковидные сосудики).

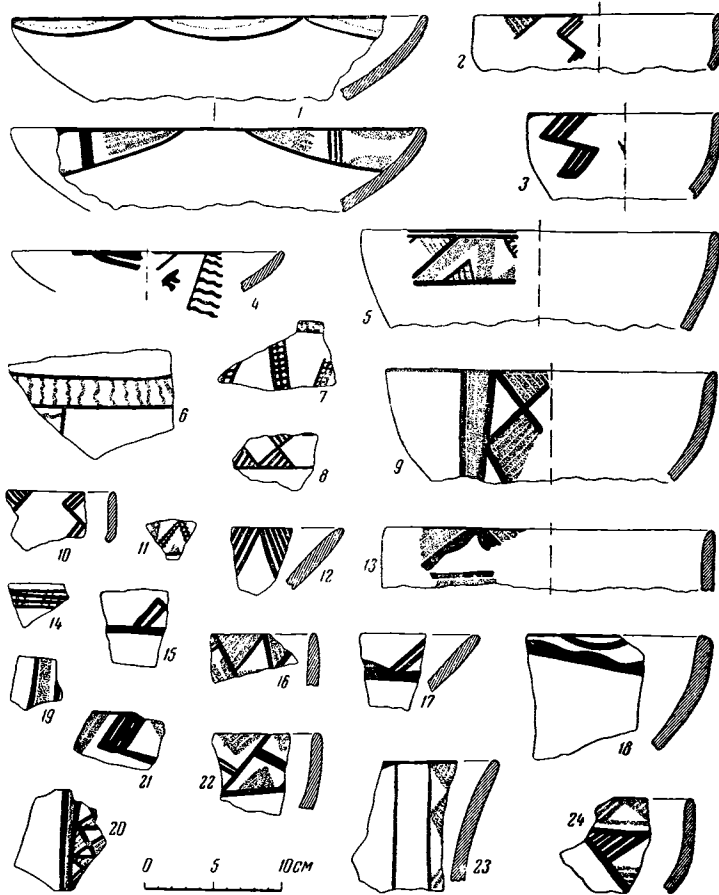

Рис. 10. Кара-депе. Керамика времени Намазга II А

Встречается нерасписная серая посуда. Роспись производится темно-коричневой и темно-бордовой краской на кремовом и желтовато-оранжевом фоне. Характерно фризовое расположение росписи вдоль края венчика. Фризы образованы сочетанием простых геометрических фигур (заштрихованные треугольники и ромбы, дуги, сегменты круга) (рис. 10). По сравнению с керамикой времени Намазга I наблюдается большая дробность и некоторое усложнение орнамента. Полихромная керамика с Кара-депе тесно примыкает к полихромной керамике Намазга-депе и северного холма Анау¹. Керамику этих памятников можно объединять как западный вариант полихромной посуды времени Намазга II. Наряду с западным, имеющийся материал позволяет также говорить о существовании восточного или геоксюрковского варианта этой полихромной керамики. Для этого варианта характерны широкое распространение крестообразных фигур, сетчатое заполнение рисунка и применение яркой красной краски (рис. 12). Керамика этого типа известна с Ясы-депе (или Улуг-депе) у Душака,

¹ R. P. Utrelly. Ук. соч., т. I, рис. 32, 4; 33, 1—4.

Илгыны-депе у Чаача и с холмов у железнодорожной станции Геоксюр. Выделение геоксюрского варианта ни в коей мере не снимает положения Б. А. Куфтина о культурно-племенном единстве подгорной зоны центрального Копет-дага¹. Полихромная керамика и запада и востока представляет собой два варианта одной и той же культуры, и наличие таких двух вариантов, вероятно, следует связывать с существованием двух групп родственных племен.

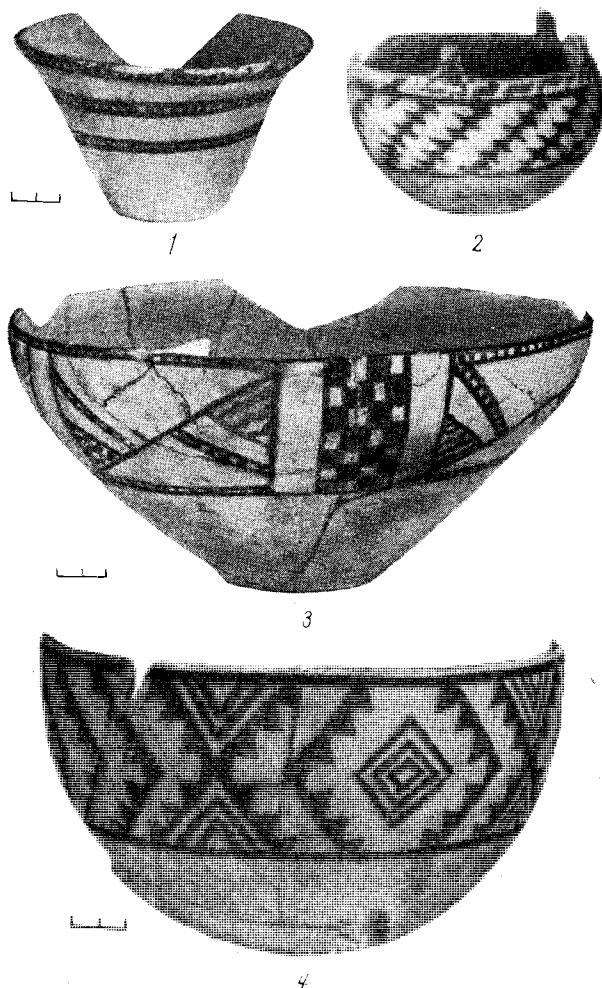

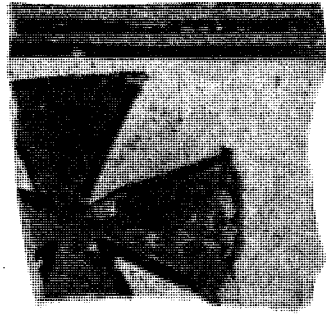
Рис. 11. Кара-депе. Керамика времени Намазга II Б и Намазга III Б (2,4)

В сосудах из слоев типа Намазга II Б или позднего Намазга II сохраняются в основном старые формы. Возможно, новой формой является коническая чаша с плоским дном (рис. 11, 1). Полихромная роспись исчезает. Орнамент выписан темно-коричневой краской на розовом и зеленовато-белом фоне. Несложный геометрический орнамент продолжает традиции типа Намазга II А (заштрихованные треугольники и прямоугольники). Встречаются также параллельные линии, соединенные рядом параллельных черточек или извилистых полос. Весьма характерно появление линии с зубчиками («бахромы»). Появляются схематические ли-

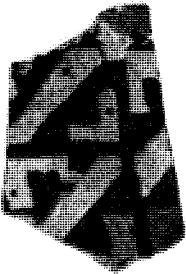
¹ Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 28.

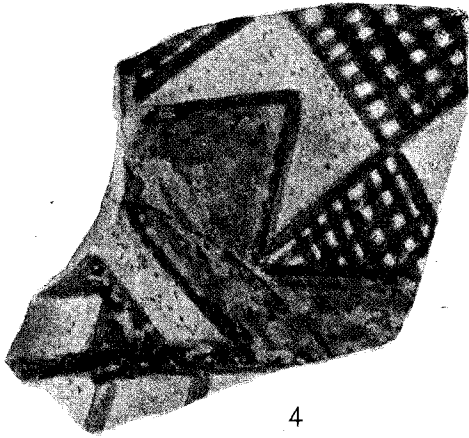
1

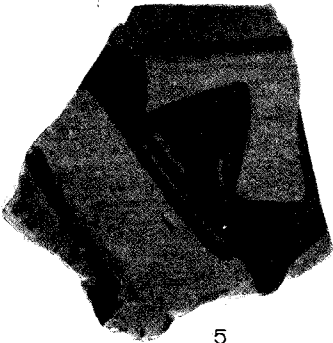
2

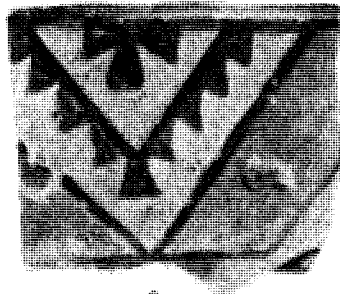
3

4

5

6

Рис. 12. Кара-депе. Керамика времени Намазга II А. Геоксюрловский вариант (1, 2)

нейные изображения козлов. Как и в слоях типа Намазга II А, существуют краснолощенные шаровидные хумчи.

В слоях времени Намазга III А по-прежнему вся посуда изготовлена от руки. Характерными формами являются миски, глубокие чаши, биконические и банковидные сосуды. Встречается серая, обычно незалощенная керамика, иногда с несложным процарапанным орнаментом. Роспись наносилась на зеленовато-белом и желтовато-белом фоне темно-коричневой, переходящей в черную краской. Характерным орнаментальным мотивом здесь является пирамида из трех треугольников (рис. 7, 1—2). Имеется также мотив из двух косых линий треугольников, разделенных прямой линией (рис. 7, 5). В аналогичном мотиве на расписной керамике из южного Ирана Э. Херцфельд предлагал видеть изображение речки, текущей среди гор. Фигура уступчатой пирамиды, образованной фоновым просветом (рис. 7, 3), напоминает роспись полихромной керамики геоксюрковского варианта.

В слоях времени Намазга III Б формы сосудов и цветовая гамма росписи в основном сохраняются. Появляются крупные чашеобразные сосуды с широкими открытыми сливами. Изредка встречаются фрагменты с черной росписью на красном фоне. Обычно рисунок рельефно выделяется и заметен на ощупь: краска клалась более густо (рис. 7, 4). Геометрический орнамент становится все более дробным, как бы подготовляя богатый «ковровый» рисунок керамики типа Намазга IV. В этом отношении весьма показательное появление на прямых линиях косых поперечных черточек, придающих рисунку большую дробность (рис. 11, 2). Широко распространяются изображения животных. Они обычно образуют горизонтальный фриз в верхней части глубоких чаш. Птицы изображаются идущими или плывущими (взлетающими?) (рис. 13), обычно они сочетаются с солярными кругами. Козлы с большими загнутыми на спину рогами даются в сочетании с геометрическими фигурами типа пирамид. Наибольший интерес представляет появление рисунков пятнистых животных. Несмотря на весь схематизм этих рисунков, в ряде случаев можно с уверенностью сказать, что перед нами изображения барсов, хорошо известных по прекрасной керамике Сиалка и Гиссара. В одном случае, видимо, нарисованы пятнистые коровы, причем над спинами коров изображены птицы (рис. 13).

Стратиграфические наблюдения, сделанные на Кара-депе, позволяют еще более уточнить наблюдения, сделанные американцами на курганах Анау. На северном холме, помимо уже упоминавшейся полихромной керамики, была найдена расписная посуда типа Намазга II Б¹. С этого же холма опубликован один фрагмент керамики с мотивом, характерным для раннего слоя Намазга III — пирамида из трех треугольников². Это позволяет прийти к выводу, что северный холм Анау пришел в запустение в конце этапа Намазга II, когда уже начинали формироваться элементы росписи последующего комплекса. Если в культурной свите Анау будут представлены слои развитого этапа Намазга III с их характерными изображениями животных, то эти слои следует ожидать в основании южного холма, затронутом американской экспедицией лишь небольшими колодцами-шурфами.

Раскопки 1955 г. на Кара-депе, помимо керамики, дали разнообразную коллекцию terracottas статуэток времени Намазга III (рис. 8). Кроме ранее известных сидящих женских статуэток, значительный интерес представляют также статуэтки сидящих мужчин. У одного из них стоящая торчком борода, на затылок спускается коса, сделанная налепом. Условными налепами переданы и руки. Среди фигурок животных наиболее

¹ R. P. Rappley. Ук. соч., т. I, стр. 137, рис. 138 и 139.

² Там же, рис. 132.

часто встречаются небольшие схематически лепленные фигурки, видимо, изображающие мелкий рогатый скот. Как правило, эти статуэтки не расписные. Обращает на себя внимание следующее обстоятельство: многие из статуэток были до обжига проткнуты в нескольких местах заостренной, видимо, деревянной палочкой, что может быть связано с какими-либо ритуальными действиями.

Рис. 13. Кара-депе. Изображения животных на керамике Намазга III

Наряду с мелкими имеются и более крупные статуэтки, видимо, изображавшие соответственно более крупных животных (быков?). Они имеют характерную роспись в виде полосы на спине, груди и двух полос на морде. Пара вертикальных полос спускается к передним и задним ногам. Можно предположить, что роспись передает реально существующую упряжь. Во всяком случае на раскопе 2 в слоях времени Намазга III Б было найдено небольшое колесико, видимо, принадлежавшее модели повозки. Особый интерес представляет фрагмент статуэтки животного (барса?), окрашенного черными пятнами по красному фону. На холме Тали-Бакун А в южном Иране, материал которого, видимо, в основном синхронен комплексу Намазга III, были найдены две статуэтки пятнистых животных, причем одну из них Д. Мак-Каун определяет как леопарда, а другую называет собачкой¹.

Фрагмент кара-депинской статуэтки, судя по некоторым признакам, мог принадлежать корове, но небольшая его величина не позволяет судить об этом с достаточной уверенностью.

Уже предварительное ознакомление с материалом, полученным при раскопках Кара-депе, позволяет заключить об его широких историко-культурных связях. Эти связи, намечая соотношение археологических комплексов южной Туркмении и Ближнего Востока, дают возможность

¹ A. Langsdorff. D. Mc. Cown. Talli-Bakun A, Season of 1932. Chicago, 1942, стр. 62, табл. 5, 9, 10.

предложить ориентировочные даты, уточнению которых, несомненно, будет способствовать предполагающееся в ближайшее время применение карбонового анализа. Не затрагивая в данном случае более широкого круга памятников, остановимся на сопоставлении комплексов южной Туркмении и Ирана. Наиболее ярко прослеживаются связи этих областей по материалам, характерным для слоев Намазга III с присущими их керамике изображениями птиц, козлов и пятнистых животных. Именно отсутствие подобных материалов в издании Р. Пампелли привело Д. Мак-Кауна¹ к ошибочным выводам по синхронизации раннеанауских слоев и памятников Ирана. Слои типа Намазга III, несомненно, соответствуют слоям I C и II A в Тепе-Гиссар и слоям III 4—7 в Тепе-Сиалк, где мы находим на расписной керамике изображение птиц, козлов и пятнистых животных, имеющих там все признаки барсов².

Интересно, что в слоях Гиан V, убедительно синхронизируемых Мак-Кауном с Сиалком III, имеются изображения птиц в сочетании с солярными кругами³. Не менее показательным является и мотив коровы в сочетании с птицами, известный в слое Сиалк III, 7 и в керамике Мусияна и Сузы D⁴.

Таким образом, теперь, когда стратиграфическая колонка южно-туркменистанских памятников стала более полной, она в большей мереходит параллели в иранских комплексах. Д. Мак-Каун, установив синхронизацию Анау III (по новой терминологии Намазга IV и V) и Гиссара III, не мог найти в Анау прямых аналогий характерным комплексам Сиалка III и Гиссара IA—II B и поэтому вынужден был «подтянуть вверх» Анау I и II, соответственно считая эти комплексы относительно поздними. В настоящее время наличие комплекса Намазга III «опускает вниз» Анау I и II и позволяет установить для них более правильные соотношения.

Подобная синхронизация, а также обнаружение джейтунского комплекса, позволяет более правильно определить положение и керамики Анау I. Керамика Анау I Б не находит аналогий в гиссаровских слоях не потому, что является уникальной, как полагал Д. Мак-Каун, а потому, что в Тепе-Гиссар нет слоев соответствующей древности⁵. В равной степени являются формальными сопоставления орнамента посуды Анау I A и Б и Сиалка II, приведенные у Д. Мак-Кауна.

Точно так же сопоставления могут быть сделаны для материала Сиалка I, в верхних слоях которого широко распространяется роспись треугольниками, объединенными в горизонтальные полосы — ведущий орнамент керамики Анау I Б. Следует отметить, что полихромная посуда Анау II — Намазга II является весьма своеобразным комплексом. Некоторые аналогии геометрический орнамент Намазга II Б может найти в керамике Сиалка II. Результаты сопоставления археологических комплексов Туркмении и Ирана видны из прилагаемой таблицы (рис. 14). Отметим, что определенные связи в орнаментации посуды слоев типа Намазга III намечаются с белуджистанской культурой Кветты⁶, но ограниченность изданного материала из Кветты затрудняет рассмотрение этого вопроса.

¹ См. его обстоятельную работу: *The Comparative Stratigraphy of Early Iran. Studies in Ancient Oriental Civilization*, N 23.

² Развернутое обоснование см. В. М. М а с с о н. *Расписная керамика Южной Туркмении по материалам Б. А. Куфтина. Труды ЮТАКЭ*, т. VII, Ашхабад, 1956.

³ G. Gontepau, R. Ghirshman. *Fouilles de Tepe-Giyan*. Paris, 1935, табл. 49.

⁴ R. Ghirshman. *Ук. соч.*, стр. 51—52, рис. 7; E. Herzfeld. *Iran*, стр. 87—88; E. Pottier. *Céramique plinte de Susé et petits monuments. Délégation en Perse. Mémoires*, т. XIII, Paris, 1912, стр. 48, рис. 168, табл. XXX, 7.

⁵ Поскольку Гиссар IC и IIA соответствуют Намазга III, то Гиссар IA — B соответствует Намазга II, а не Намазга I — Анау IB. В эту пору поселения на Тепе-Гиссар еще не существовало.

⁶ S. Pigott. *Prehistoric India to 1000 b. C.* London, 1952, стр. 74, рис. 3.

Слой Сиалк IV, хорошо синхронизирующиеся с Джемдет Насром, можно датировать временем около 3000 г. до н. э. Однако мы считаем, что, опираясь при датировке, например, комплекса Намазга III на элементы, имеющиеся в западных памятниках, следует учитывать возможный путь попадания этих элементов, требующий известного времени, и не датировать формально Намазга III той же датой, что и Сиалк III. Как

АНАУ	НАМАЗГА	СИАЛК	ГИССАР	ШАХ-ТЕПЕ
	VI	V		
III	V	IV	III C	IIa
			III B	
			III A	IIb
	IV		II B	
II	III	III 7	II A	III
		III 6		
		III 5	IC	
		III 4		
		III 3	IB	
		III 2		
		III 1	II A	
IB	I	II		
		I		
IA				
ДЖЕЙТУН				

Рис. 14. Соотношение археологических комплексов Ирана и южной Туркмении

указывает Б. Б. Пиотровский, отдельные элементы культуры на периферии могут жить значительно дольше своих прототипов¹. Мы считаем возможным предложить следующие ориентировочные датировки: Намазга и Намазга II—IV тысячелетие до н. э.; Намазга III — первая половина III тысячелетия до н. э. с возможным заглублением в конец IV тысячелетия. Следует еще раз подчеркнуть, что эти датировки имеют лишь самый ориентировочный характер и что одной из основных задач изучения «анауских культур» является применение карбонового анализа.

Таким образом, новый материал позволяет более правильно определить временные соответствия анауских культур южной Туркмении и соседних стран, а это в свою очередь показывает место этих культур в общем кругу культур расписной керамики Ближнего Востока. По последнему вопросу было высказано два различных мнения. Э. Херцфельд писал о большом своеобразии расписной керамики Анау, где имеется значительное число «неиранских элементов». Эти элементы, по его мнению, должны принадлежать еще не открытым культурам среднеазиатского междуречья — пространства между Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей². Д. Мак-Каун, установив неверное соотношение Анау I и Сиалка II, пришел к вполне естественному при таком соотношении выводу о крайней периферийности

¹ Б. Б. Пиотровский. Новые данные о древнейших цивилизациях на территории СССР. М., 1955, стр. 26.

² E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London, — New-York, 1941, стр. 96.

Анау¹. Новый материал показывает, что оба мнения являются в определенной мере неверными, но точка зрения Э. Херцфельда представляется более близкой к положению вещей. Она неверна в том, что в пору энеолита и бронзы не существовало каких-то еще не открытых культур расписной керамики в среднеазиатском междуречье. Общины оседлых земледельцев-скотоводов не перешли песчаный пояс Кара-Кумов, сосредоточившись в небольших оазисах подгорной полосы Копет-дага. Даже широкое освоение юго-западной Туркмении и дельты Мургаба связано уже со временем поздней бронзы и раннего железа². Но Э. Херцфельд прав в том, что Анау образует вполне оригинальный и самостоятельный культурный центр. Новые большие и разнообразные материалы подтверждают это. При большой пестроте локальных особенностей и вариантов сейчас можно наметить несколько культурно-исторических областей на территории между Тигром и Индом. На юго-западе Ирана особая область ярко представлена раскопками Суз и Тали-Бакуна. Разведки А. Стейна убедительно показали, что памятники этого типа широко распространены по побережью Персидского залива вплоть до Белуджистана. Другая область намечается в северо-западном Иране, где раскопки Геойтепе дали материал, во многом близкий закавказскому энеолиту. Раскопки Тепе-Сиалк у Кашана и Тепе-Гиссар у Дамгана дают представление о третьей или центрально-иранской области. Совершенно особую группу образуют памятники круга Анау и Намазга-депе, и, наконец, в Белуджистане намечается, не вполне, правда, еще ясное, деление на северо- и южнобелуджистанские памятники, причем северные культуры заходили и в южный Афганистан³. Эти культуры образовали как бы пояс земледельческих общин около городских цивилизаций Месопотамии и Инда.

В настоящее время изучение культур южной Туркмении эпохи энеолита и бронзового века во многом идет по линии создания все более подробной стратиграфической колонки. Как было видно выше, и раскопки на Кара-депе в 1955 г. позволили внести большую дробность в существующее деление. Такая направленность связана с начальной стадией разворота широких работ. В дальнейшем, особенно по мере раскрытия хозяйственно-архитектурных комплексов, все большее внимание будут привлекать вопросы внутренней истории земледельческих общин, развитие их хозяйства и общественного строя. Сейчас можно ставить вопрос о том, что начиная с джейтунского поселения мы имеем непрерывную линию развития одной культуры оседлых земледельцев и скотоводов, разные этапы которой находят отражение в археологических комплексах. Внешние связи и влияния, особенно сильные, например, в пору Намазга III Б, не прерывали этой линии и не приводили к смене культур. При всех гиссарско-сиалкских элементах комплекс Намазга III продолжает старые местные традиции.

Раскопки 1955 г. на Кара-депе позволили наметить некоторые черты истории поселения. Уже в пору Намазга I Кара-депе было крупным поселением площадью около 15 га. В северо-восточной части поселения культурные слои образовали высокий бугор, на котором располагалось святилище. Обращает на себя внимание наличие крупного поселения, расположенного по среднему течению ручья уже в пору энеолита. Именно в пору энеолита широко осваиваются речки и ручьи Ахала и Этека, причем крупные поселения (Кара-депе, Намазга-депе) располагаются по среднему течению ручьев, что, видимо, обуславливало выведение неболь-

¹ D. M. S o w n, Ук. соч., стр. 12.

² В. М. М а с с о н. Мисрианская равнина в период поздней бронзы и раннего железа. Изв. АН ТуркмССР, 1954, № 2; его же. Древнемаргианское поселение Яз-депе. Изв. АН ТуркмССР, 1955, № 3.

³ J. M. C a s a l. Quatre campagnes de fouilles à Mundigak, 1951—1954. Arts asiatiques, 1955, т. I, рис. 3.

ших арыков для орошения полей. В это время уже существовало два типа поселений, представленные Яссы-депе¹ у Каахка площадью около 1 га и артыкским Кара-депе. Если Яссы-депе, возможно, и было поселением, где жила одна родовая община, то Кара-депе, вероятно, являлся более сложным комплексом. Можно предположить, что уже к этому времени относится развитие патриархальных отношений.

В пору Намазга II и III сколько-нибудь существенного увеличения площади Кара-депе не происходит. Во время Намазга III А северо-восточный бугор не был обжит — там располагался родовой некрополь. Его стратиграфическое положение ясно показывает, что на Кара-депе имело место явление, обычное для южнотуркменских и североиранских памятников: попеременное расположение в различных частях поселения то кладбища, то жилых домов. Это явление, в частности, во многом способствует богатству находок при раскопках подобных памятников. Интересно ранее не отмечавшаяся для южнотуркменских поселений деталь — строгое сохранение юго-юго-западной ориентировки. Правда, материал из более нижних слоев пока незначителен, но можно считать, что эта традиция восходит еще к периоду Намазга I. Подобное сохранение традиций, наряду с керамикой, позволяет делать вывод о последовательной линии развития местной культуры. Возможно, подобная ориентировка является особенностью именно карадепинского поселения, но судить об этом еще преждевременно.

Кара-депе у Артыка намечено как объект многолетних работ. Несомненно, раскопки этого памятника будут иметь большое значение для изучения энеолитических культур Средней Азии и соседних стран.

¹ С. А. Ершов. Холм Яссы-депе 2. Изв. АН ТуркмССР, 1952, № 6; Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению культуры Анау. Изв. АН ТуркмССР, 1954, № 1.

Т. Б. ПОПОВА

К ВОПРОСУ О КУРИЛЬНИЦАХ «СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО ТИПА»

Курильницы так называемого северокавказского типа представляют собой невысокие чаши с небольшим полукруглым отделением внутри; чаще всего они имеют четыре сросшиеся ножки, широкий украшенный бортик и пышно орнаментированную внешнюю поверхность. Почти все такие курильницы были найдены среди инвентаря, сопровождающего покойников. Значение их, несомненно, связано с ритуалом погребения, об этом свидетельствуют находки в них углей, красной краски и золы. Курильницы этого типа известны в довольно большом количестве. Они привлекали внимание многих исследователей. Первая небольшая сводка находок курильниц была сделана А. М. Тальгреном¹, но она далеко не полная. В своей работе А. М. Тальгрэн намечает распространение курильниц на территории Северного Кавказа и Прикубанья. Территориальные границы распространения их дает и А. А. Иессен² в работе о Моздокском могильнике, где указывает, что находки курильниц занимают территорию от Средней Кубани до Грозного. Накопившийся новый богатый материал позволил Н. В. Анфимову³ наметить более широкие рамки распространения курильниц, чем это было сделано А. А. Иессеном и А. М. Тальгреном. Он отмечает, что территория их распространения охватывает все степи Предкавказья, от Средней Кубани до Грозного, а севернее они встречаются в Астраханской области и на Маньче, на Дону и в Поволжье.

При изучении материала эпохи ранней бронзы из района Северного Причерноморья и Северного Приазовья представляется возможным еще больше расширить территорию распространения рассматриваемого типа курильниц.

Эта территория доходит до Днепра на западе, до Волги на востоке и реки Иловли на севере. Нанесение на карту всех известных находок курильниц дает довольно интересную картину (рис. 1). С одной стороны, курильницы рассматриваемого типа распространены далеко за пределами Северного Кавказа, с другой стороны, оказывается, что вне территории Северного Кавказа их найдено во много раз больше, чем на их так называемой родине — Северном Кавказе. Одно это уже заставляет еще раз поставить вопрос о месте их происхождения. Для этого прежде всего следует рассмотреть, где и в каких памятниках они были найдены.

В Северном Причерноморье на Днепре курильницы известны в пяти пунктах. Одна найдена в кургане 2, исследованном Д. Я. Самоквал-

¹ А. М. Tallgren. Etudes sur le Caucase du Nord. ESA, T. IV, Helsinki, 1929, стр. 27—31.

² А. А. Иессен. Моздокский могильник в ряду памятников Северного Кавказа. Археологические экспедиции Эрмитажа, вып. 1, 1940, стр. 42.

³ Н. В. Анфимов. Глиняные курильницы сарматского времени с Северного Кавказа. КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 31.

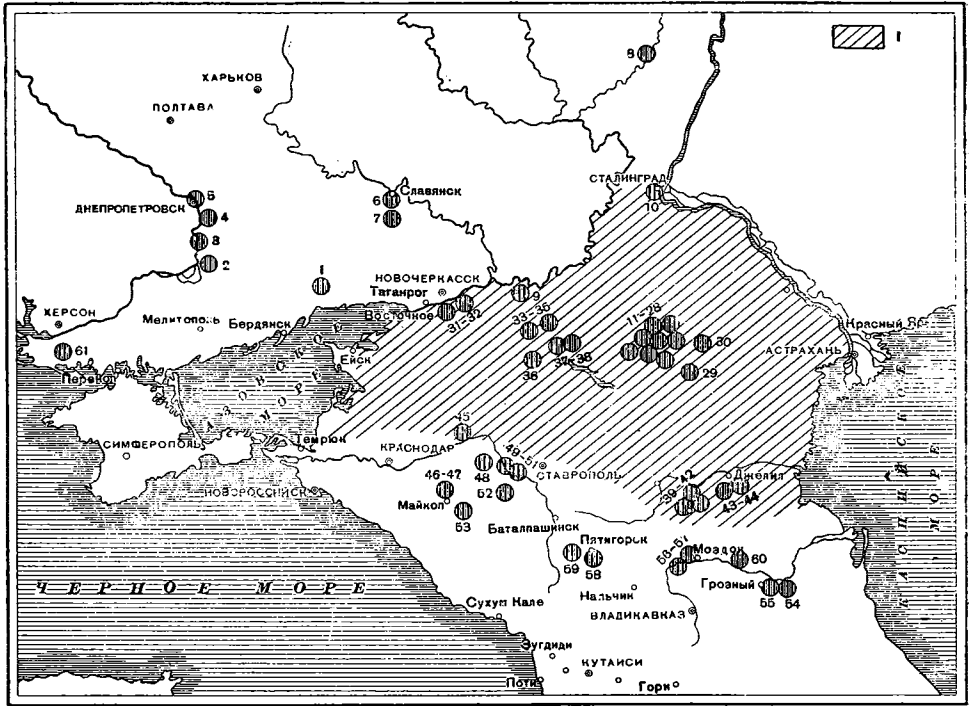

Рис. 1. Карта распространения находок курильниц севеюкавказского типа

I — территория, занятая племенами волго-маньчского варианта катакомбной культуры: 1 — с. Покровское, 2 — с. Новогригорьевка, 3 — о-в Перун, 4 — д. Вороная, 5 — г. Днепропетровск, 6 — г. Славянск, 7 — г. Краматорск, 8 — с. Верхняя Грязнуха, 9 — ст. Соленовская, 10 — Сталинград, 11—28 — г. Степной, «Три брата», 29 — Яшкуль, 30 — окрестности г. Степного, 31—32 — г. Новочеркасск, 33—35 — хутор Спорный, 36 — хутор Веселый, Шахаев курган, 37—38 — хутор Веселый, 39—42 — Ачкулак, 43—44 — Божеган, 45 — ст. Казанская, 46—47 — ст. Келермеская, 48 — ст. Кубанская, 49—51 — Армавир, 52 — хутор Хатажукаевский, 53 — ст. Тифлисская, 54—55 — г. Грозный, 56—57 — Моздокский могильник, 58 — г. Пятигорск, «Гражданские хутора», 59 — г. Кисловодск, «Три камня», 60 — ст. Наурская, 61 — с. Михайловка

совым¹, у с. Новогригорьевки, на правом берегу реки Конки. Эта курильница (рис. 2, 1) представляет собой небольшую чашу с хорошо залощенной поверхностью и узорами внутри ее в виде нескольких кругов, нанесенных глубокой нарезкой. К сожалению, оказалось невозможным выяснить точно, с какими вещами она найдена при погребении, так как вещи из всех погребений этого кургана перечисляются Д. Я. Самоквасовым суммарно и под названием «Курган № 2» хранятся в Гос. Эрмитаже. Между тем инвентарь этого кургана дает основание относить его погребения к разному времени.

Вторая курильница (рис. 2, 2) с этой же территории была найдена на острове Перун на Днестре² в культурном слое. Материал, сопровождающий эту находку, позволяет отнести ее к памятникам развитой катакомбной культуры. Эта курильница миниатюрных размеров на одной толстой ножке, поверхность ее покрыта мелким слочным орнаментом, нанесенным зубчатым штампом.

Третья курильница (рис. 2, 3) найдена также на Днестре, в погребении под так называемой каменной закладкой³. Так же как и предыдущая, она очень небольшого размера, на внутренней ее поверхности сохранились отпечатки мелкого веревочного орнамента.

¹ Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 14—15. Курильница хранится в Ленинграде в Гос. Эрмитаже, инв. № 12—17.

² Хранится в Киеве, в Историческом музее, инв. № 1222.

³ О. Ф. Лагодовська. Кам'яні закладки Надпоріжжя. Археологічні пам'ятки УРСР, т. II, Київ, 1949 (закладка № 1), стр. 175, рис. 8.

Четвертая курильница на этой же территории найдена в Днепре под Днепропетровском¹. Размеры и форма ее обычны, поверхность гладкая, без орнамента.

В последнее время обнаружено еще несколько курильниц на стоянке Михайловка (Ново-Воронцовский р-н Херсонской обл.)², датируемой рубежом III и II тысячелетий до н. э. Формы сосудов и их орнаментация,

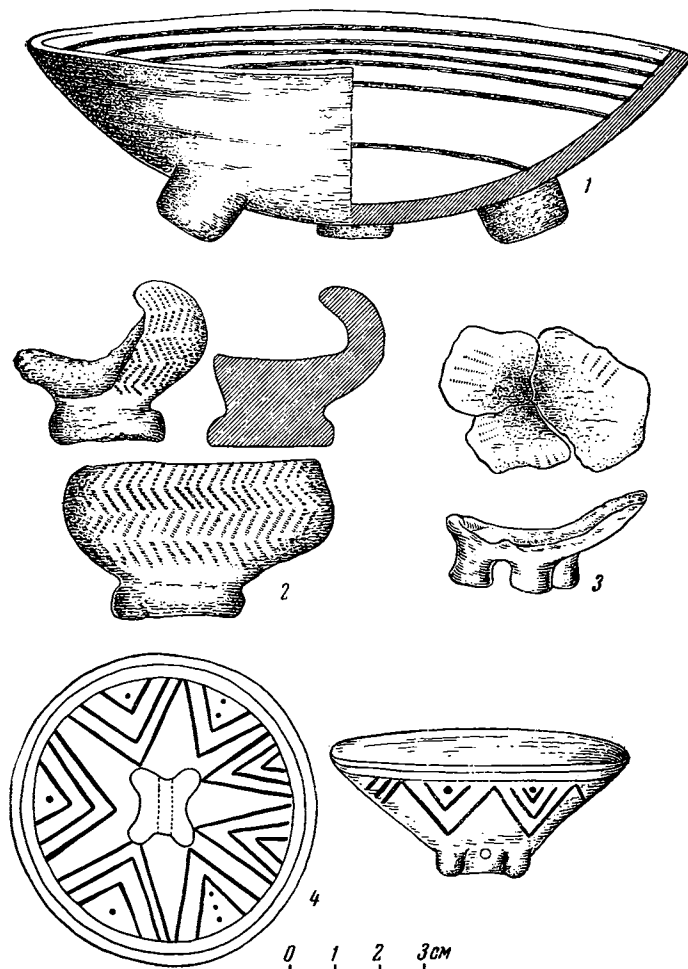

Рис. 2. Курильницы, найденные в Северном Причерноморье:

1 — с. Новогригорьевка, к. 2; 2 — Днепр, о-в Перун; 3 — Днепр, д. Вороная; 4 — Краматорск, к. 2

а также формы металлических орудий из слоя, в котором были найдены эти курильницы, позволяют отнести этот памятник к эпохе перехода от ямной к катакомбной культуре. Это же подтверждается и аналогиями с такими памятниками, как Дурна Скеля и Стрильча Скеля на Днепре.

Курильницы из поселений Михайловка и на острове Перун являются пока единственными находками в культурных слоях стоянок, а не в инвентаре погребений, как это имеет место во всех остальных случаях.

¹ Хранится в Днепропетровском музее (случайная находка).

² Е. Ф. Лагодовская. Михайловское поселение и его историческое значение. КСИА, вып. 4, Киев, 1955, стр. 120, рис. 3, 5.

Из Северного Приазовья пока известна только одна курильница. Она обнаружена Н. Е. Бранденбургом¹ на реке Карамыше (приток р. Берды), между селами Покровским и Темрюком в кургане ССV, погребение 6 (рис. 3, 2). Эта курильница несколько отличается от других тем, что имеет небольшую ручку и одну ножку, в виде небольшой четырехугольной подставочки. Внешняя поверхность ее покрыта мелким веревочным орнаментом, густо затертым красной краской. Эта курильница найдена среди инвентаря, характерного для катакомбной культуры; ее сопровождали сосуд, бронзовый листовидный нож, красная краска и каменная булава грушевидной формы.

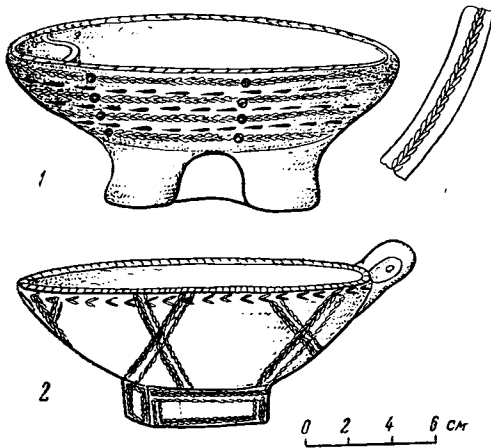

Рис. 3. Курильницы, найденные Н. Е. Бранденбургом:

1 — в к. ССLIII, п. 8, у г. Славянска; 2 — в к. ССV, п. 6, у с. Покровское

Еще две курильницы были обнаружены в погребениях среднего течения Северного Донца. Одна из них была найдена в женском погребении под курганом в окрестностях г. Краматорска² (рис. 2, 4). Эта курильница миниатюрных размеров (высота 3 см, диаметр около 7 см), вся ее внешняя поверхность покрыта неглубоким нарезным орнаментом из треугольников и ямок. У курильницы четыре сросшиеся ножки: в них продето небольшое сквозное поперечное отверстие, через которое, по-видимому, продевался шнурок для подвешивания. Сопровождалась она бронзовым ножом листовидной формы, медными привесками и бусами, известными в памятниках катакомбной культуры второй четверти II тысячелетия.

Вторая курильница со среднего течения Северного Донца была найдена Н. Е. Бранденбургом под г. Славянском³ в кургане ССLIII (погребение 8) (рис. 3, 1) в одном комплексе с сосудами катакомбного типа. Курильница на четырех сросшихся ножках представляет собой небольшую чашу с довольно широким орнаментированным бортиком. Самая северная находка курильниц этого типа была сделана Т. М. Минаевой в кургане № 2, во втором погребении у с. Верхняя Грязнуха, на левом берегу реки Грязнухи⁴ (приток Иловли) (рис. 4, 1). Эта курильница, в виде небольшой чаши на крестообразной ножке, сплошь покрыта веревочным орнаментом. Ее ножка орнаментирована мелким зубчатым штампом. По бортику курильницы имеется узор из отпечатков веревочки и мелкого треугольного штампа.

Таким образом, из степей Северного Причерноморья известно около десяти курильниц рассматриваемого типа, все они связаны с памятниками катакомбной культуры.

Второй район распространения курильниц — огромная территория степных пространств между Волгой и Манычем. Эта территория до настоящего времени археологически слабо изучена. Так, только в связи с новостройками изучен район р. Маныча, где работали экспедиции под

¹ Н. Е. Бранденбург. К вопросу о каменных бабах. Тр. VIII АС в Москве в 1890 г. Т. III, стр. 13—14, М., 1897. Хранится в Гос. Эрмитаже, инв. № 225.

² Хранится в Ждановском краеведческом музее, инв. № 385.

³ Гос. Эрмитаж, инв. № 44—20, ОАК, 1898.

⁴ Саратовский областной краеведческий музей, инв. № 1144, раскопки Т. М. Минаевой, 1928.

руководством М. И. Артамонова¹. Довольно хорошо исследован район города Степного, где изучено несколько курганных групп и в том числе знаменитые курганные группы «Три брата»². Кроме того, начато систе-

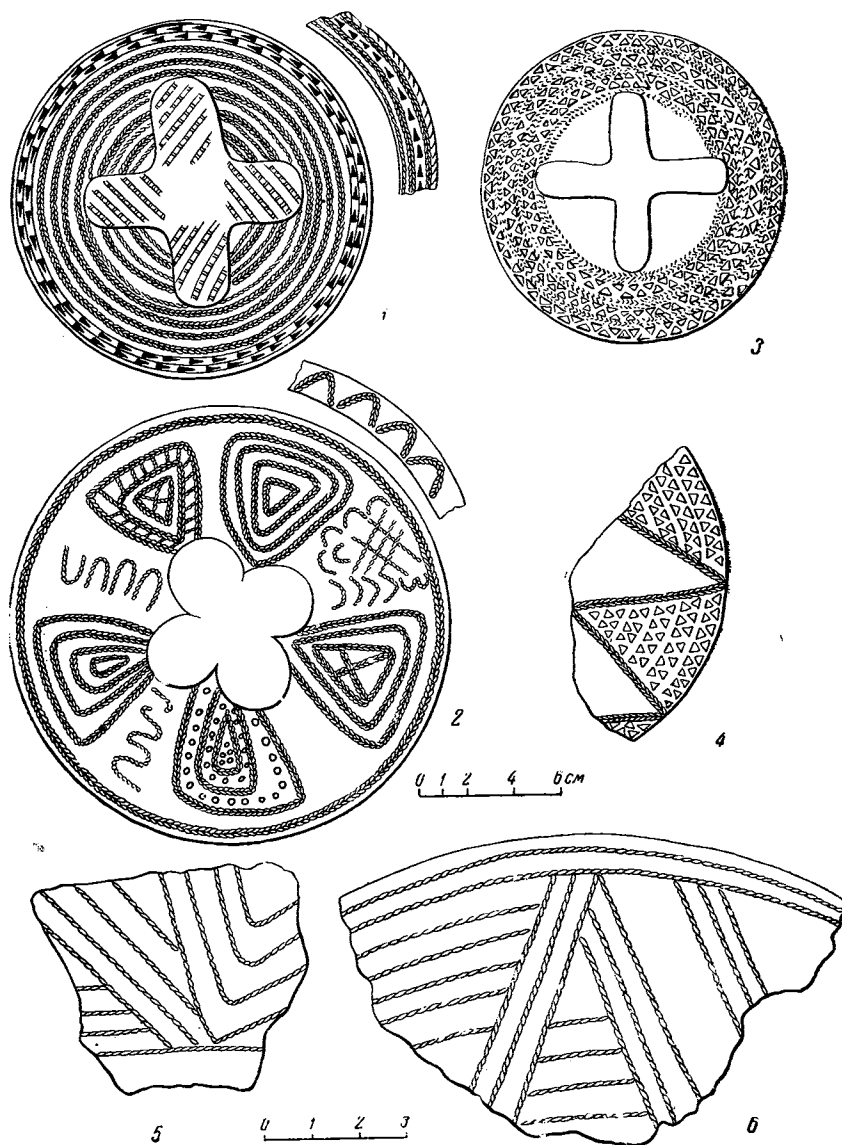

Рис. 4. Курильницы, найденные:

1 — на р. Иловле, с. Верхняя Грязнуха, к. 2, п. 2; 2 — Моздокский могильник, к. 10, п. 14; 3 — ст. Соленовская, к. 1, п. 15; 4 — г. Ачикулак, случ. нах.; 5—6 — обломки курильниц из-под г. Новочеркаска

матическое исследование юго-восточного района этой области, где в течение нескольких лет уже работает экспедиция ИИМК АН СССР под руководством Е. И. Крупнова.

¹ М. И. Артамонов. Работы на строительстве Манычского канала. Отчет о работах ГАИМК на новостройках, т. I. ИГАИМК, вып. 109, Л., 1934; Его же. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. СА, XI, 1949; Его же. Раскопки курганов в долине р. Маныча в 1935 г. СА, IV, 1937.

² Экспедиции 1930—1936 гг. П. С. Рыкова. Материал хранится в Саратовском музее, частично издан; И. В. С и н и ц ы н. Памятники предскифской эпохи. СА, X, 1948, стр. 143.

Памятники катакомбной культуры рассматриваемой территории в настоящее время выделяются в самостоятельный вариант — так называемый «волго-маньчский»¹, который занимает территорию степей от низовий Дона на западе и на востоке доходит до левобережья Волги.

Тем не менее, несмотря на слабую изученность этой территории, здесь курильниц найдено в четыре раза больше, чем на Северном Кавказе.

Рис. 5. Курильницы, найденные в курганах в урочище «Три брата» под г. Степным:

1 — к. 9, п. 7; 2 — к. 27, п. 4; 3 — к. 27, п. 1; 4 — к. 27, п. 1; 5 — к. 4, п. 6; 6 — к. 28, п. 4

В Волго-Маньчском междуречье их известно несколько десятков, и все они приблизительно одних и тех же форм, размеров и почти всегда покрыты сплошным шнуровым орнаментом.

Наибольшее количество находок курильниц сосредоточивается в районе г. Степного (см. карту). Так, в курганах, исследованных в 1931—1936 гг. П. С. Рыковым в урочище «Три брата» (первая и вторая курганные группы), их найдено более 20 экземпляров² (рис. 5, 1—6; рис. 6, 1—4).

¹ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. Тр. ГИМ, вып. XXIV, М., 1955 стр. 67.

² Они обнаружены среди инвентаря в кургане 4, погр. 6 (инв. № 1455) и погр. 11 (инв. № 1461); в кургане 6, погр. 6 (инв. № 1474); в кургане 9, насыпь (инв. № 1507) и погр. 7 (инв. № 1506); в кургане 22, погр. 1 (инв. № 1521) и погр. 4 (инв. № 1522):

В окрестностях города Степного были сделаны находки курильниц и в других курганных группах. Рассматривать инвентарь каждого погребения, в котором были найдены эти курильницы, не имеет смысла, следует лишь сказать, что все эти курильницы найдены в погребениях с погребальным ритуалом и инвентарем, типичным для памятников катакомбной культуры, а именно: с посудой, орнаментированной шнуровыми узорами и

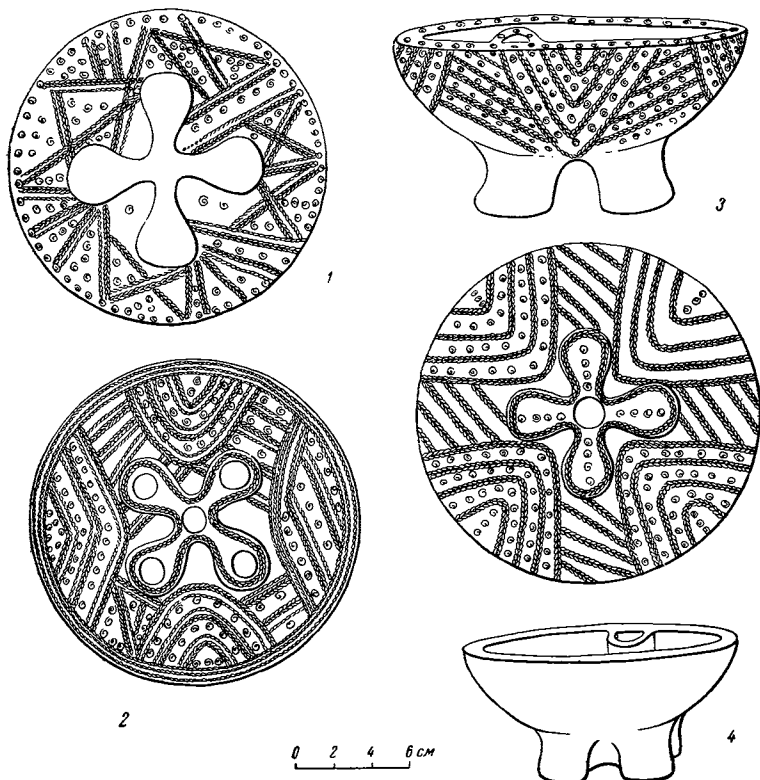

Рис. 6. Курильницы, найденные в курганах в урочище «Три брата» под г. Степным:

1 — к. 6., п. 6; 2 — к. 27, п. 3; 3 — к. 22, п. 1; 4 — к. 25, п. 1

формами, характерными именно для волго-маньчского варианта катакомбной культуры, а также с такими вещами, как костяные пронизи со спиральной нарезкой, костяные молоточкообразные булавки, песчаниковые выпрямители древков стрел, спиральные бронзовые кольца, толстые, карасеобразной формы бронзовые ножи, шилья.

Несколько юго-восточнее г. Степного, П. С. Рыков у с. Яши-куль, в кургане № 2 (погребение 3) с вещами также катакомбного типа нашел еще одну курильницу¹.

Курильница рассматриваемого типа найдена и на территории г. Сталинграда². Поверхность ее покрыта мелким веревочным узором, образующим сетку и заштрихованные треугольники. Орнамент покрывает и бортик курильниц (рис. 7, 1).

в кургане 25, погр. 1 (инв. № 1565); в кургане 26, погр. 3 (инв. № 1572); в кургане 27, погр. 1—4 (инв. №1577—1579); в кургане 28, жертвенное место (инв. № 1580) и погр. 3—4 (инв. № 1582—1583); в кургане 33, погр. 3 (инв. № 1587).

¹ Раскопки П. С. Рыкова, 1929. Хранится в Саратовском муз., инв. № СМК, 1173.

² Раскопки Чернова, 1905, в г. Царицыне на территории городской управы. Хранится в Саратовском муз., инв. № СМК, 573.

Обломки курильниц не раз встречались на древних поселениях, в астраханских степях, и во всех случаях они находились вместе с керамикой, относящейся к катакомбной культуре.

В низовьях Дона, недалеко от Новочеркасска, также найдены обломки двух курильниц¹, покрытых мелким шнуровым узором в виде треугольников и заштрихованных полос (рис. 4, 5, 6). Они сопровождалась керамикой, поверхность которой заглажена зубчатым штампом, т. е. с одной из

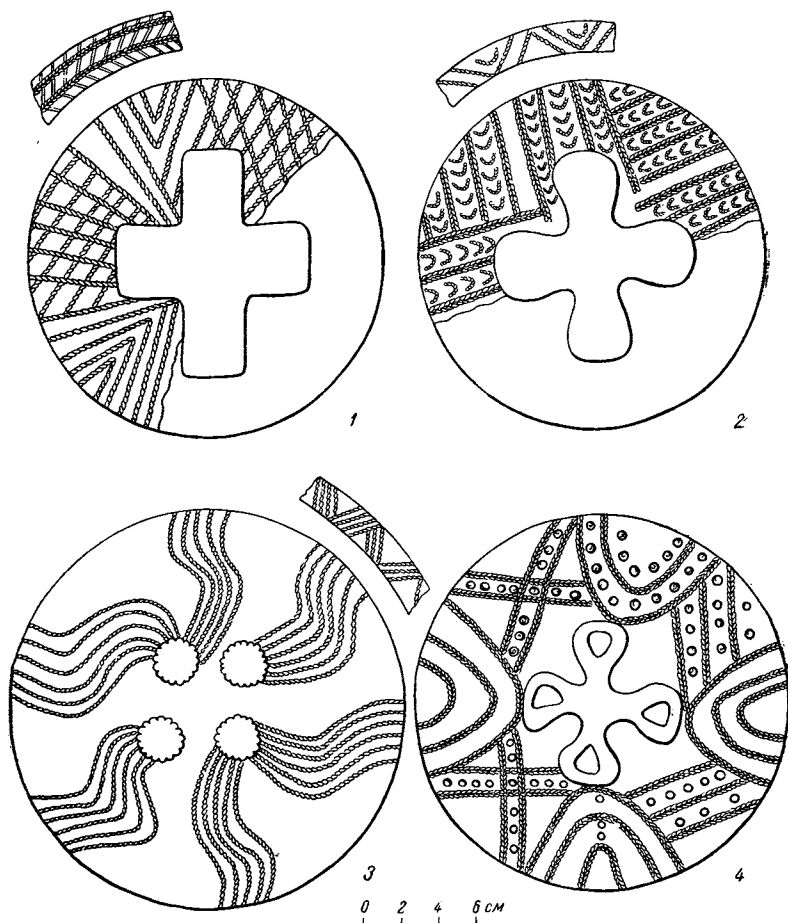

Рис. 7. Курильницы, найденные:

1 — г. Сталинград; 2 — «Три брата», к. 28, жертвенное место; 3 — р. Кубань, хутор Хатажукаевский, к. 1, п. 2; 4 — г. Грозный, случ. нах.

характернейших особенностей выделки керамики эпохи катакомбной культуры.

На этой же территории у ст. Соленовская, в кургане 1, в мужском погребении 15 (рис. 4, 3) была обнаружена курильница вместе с бронзовым спиральным височным кольцом².

Несколько курильниц найдено и на Маныче. Так, у хутора Спорного они открыты в целом ряде погребений в катакомбах³. Все они сопровождалась сосудами, украшенными узорами, обычными для катакомбной

¹ Хранится в ГИМ, инв. № 88683.

² А. А. Иессен. Раскопки курганов на Дону в 1951 г. КСИИМК, вып. 53, М., 1954, стр. 64, рис. 29.

³ М. И. Артамонов. Раскопки курганов в долине р. Маныча..., стр. 93.

культуры,— в виде полукруглых фестонов, нанесенных отрисками веревочки и плетеного шнура. Курильницы открыты в кургане III, погребение 29, в кургане II, погребение 45 и 49 и т. д.

В другом пункте на Маныче курильницы найдены в так называемом «Шаховском кургане» у хутора Веселого¹. Несколько курильниц, совершенно аналогичных курильницам из курганов у хутора Спорного, найдено в погребениях у того же хутора Веселого². На территории Волго-Ма-

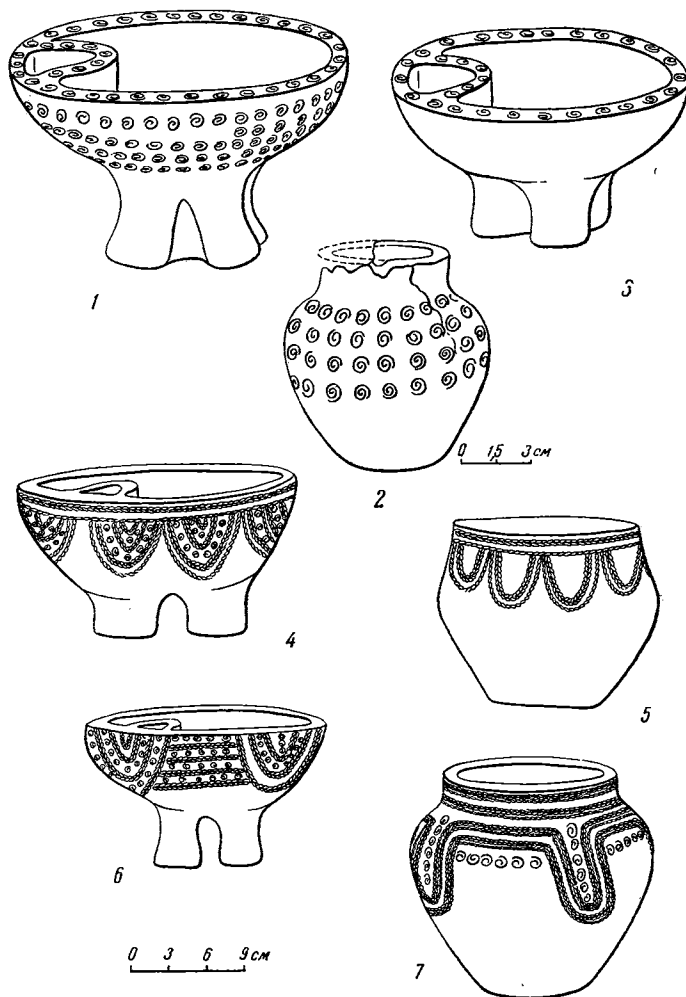

Рис. 8. Типы орнаментов на курильницах и сосудах катакомбного типа.

1 — р. Кубань, ст. Казанская; 2 — р. Северный Донец, д. Камышеваха; 3 — р. Кубань, ст. Армавир; 4 — г. Пятигорск, «Гражданские хутора»; 5 — г. Азовсталь; 6 — хутор Спорный на р. Маныче; 7 — р. Северный Донец, с. Черногоровка

нычских степей следует отметить еще находки курильниц на севере Грозненской области в районе Ачикулака³ и Божегана⁴. Здесь в целом ряде пунктов, на развешенных дюнных стоянках среди керамики катакомбного типа, как ранней, так и поздней, найдены обломки курильниц рассматриваемого типа.

¹ М. И. Артамонов. Работы на строительстве Манычского канала, стр. 207.

² Хранятся в Ленинграде в Гос. Эрмитаже, инв. № 192—165, 1478—67 и др.

³ Экспедиции Е. И. Крупнова. Хранится в ГИМ, инв. № 83718.

⁴ Там же, инв. № 83713.

Третьим районом распространения курильниц является течение р. Кубани и ее притоков. Отсюда, при довольно хорошей изученности памятников этой территории, известно всего девять экземпляров курильниц.

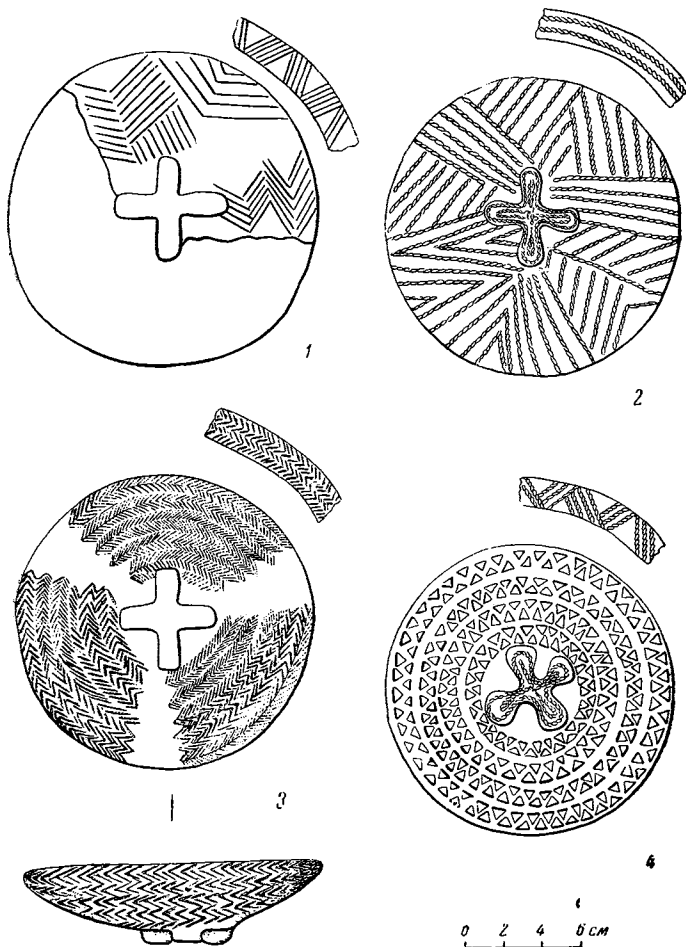

Рис. 9. Курильницы, найденные на р. Кубани.
1 — Келермес; к. 5; 2 — ст. Кубанская, к. 7; 3 — Келермес,
к. 7 п. 2; 4 — ст. Армавир, к. 4, п. 3.

Три курильницы найдены в курганах у г. Армавира. В кургане 1, исследованном Н. И. Веселовским в 1902 г.¹, погребение 1 (впускное) сопровождалось сосудом и курильницей на четырех сросшихся ножках, орнаментированной только по бортику кружками, нанесенными свернутой веревочкой или тканью (рис. 8, 3), т. е. орнаментом, обычным для катакомбной керамики. Другая курильница также найдена Н. И. Веселовским в том же году во впускном погребении № 3 кургана 4². Эта курильница орнаментирована рядами вдавленных треугольника, а по ножке и бортику нанесен пышный веревочный орнамент в виде полукруглых фестонов и заполненных отпечатками веревочки треугольников (рис. 9, 4).

При исследовании кургана № 7 у станицы Кубанской в одном из погребений также была обнаружена курильница, поверхность которой покрыта

¹ ОАК за 1902 г., стр. 86; инв. № ГИМ, 48478.

² ОАК за 1902 г., стр. 89, инв. № ГИМ, 48480.

веревочным орнаментом в виде заштрихованных треугольников и полос. Бортик курильницы, как обычно, покрыт веревочным узором¹ (рис. 9, 2).

Чрезвычайно интересна курильница, найденная у ст. Казанской², в кургане, исследованном Н. И. Веселовским только частично. Одно из впускных погребений сопровождалось сосудом и курильницей (рис. 8, 1), орнаментированной параллельными рядами отпечатков свернутого шнура; подобного типа узоры также являются обычными на посуде, характерной для катакомбной культуры. Еще две курильницы были найдены Н. И. Веселовским в Келермесских курганах. Одна из них³ была найдена в обломках в центральном погребении кургана № 5 (рис. 9, 1). Эта курильница представляет собой чашу, поверхность которой по бортику и по внешней стороне покрыта простым нарезным елочным узором, а внутренняя поверхность покрыта канелюрами. Вторая курильница найдена также в центральном погребении кургана № 7⁴ (рис. 9, 3). Инвентарь погребения состоял из круглого шлифовального камня и медного ножа. Эта курильница по всей поверхности и бортику была покрыта мелким елочным узором, нанесенным зубчатым штампом. Внутренняя поверхность имела десять глубоких кругов; аналогичную орнаментацию внутренней стороны наблюдаем на курильницах из курганов у «Бесчастной могилы» (рис. 2, 1).

Интересна курильница, найденная Н. И. Веселовским во втором впускном погребении кургана № 1 у хутсура Хатажукаевского⁵. Ее поверхность и бортик покрыты мелким веревочным орнаментом, а внутренняя поверхность имеет канелюры, как на келермесских курильницах (рис. 7, 3).

Обломки курильницы рассматриваемого типа обнаружены Н. И. Веселовским также в Денисовом кургане (курган № 15) у ст. Тифлисской⁶ во втором впускном погребении. В Государственном историческом музее хранится еще одна курильница с Кубани, более точное место находки ее неизвестно⁷.

Теперь обратимся к рассмотрению еще одной области распространения курильниц. Это территория Северного Кавказа, где их найдено меньше всего. Две курильницы, как «случайные находки», найдены в г. Грозном, одна из них (рис. 7, 4), хранящаяся в Гос. Эрмитаже⁸, по поверхности орнаментирована полукруглыми фестонами, чередующимися с неглубокими ямками. В этом случае приемы орнаментации, техника и мотивы орнаментики совершенно те же, что и на сосудах катакомбной культуры. Здесь лишь в орнаментальном узоре мы видим ямки вместо обычных оттисков свернутого шнура. Подобное изменение в узорах может лишь указать на более позднюю датировку этой находки. Вторая курильница из г. Грозного, хранящаяся в Государственном историческом музее⁹, совсем не орнаментирована.

В исследованном А. А. Иессеном и Б. Б. Пиотровским известном Моздокском могильнике также были найдены курильницы¹⁰. Некоторые из них, несомненно, относятся к эпохе поздней бронзы. Одна из них, хранящаяся в Гос. Эрмитаже (рис. 4, 2), имеет лощеную поверхность красноватого

¹ ОАК за 1902 г., стр. 91. Хранится в Гос. Эрмитаже, инв. № 40—1.

² ОАК за 1900 г., кург. 1, погр. 2. Хранится в ГИМ, инв. № 42419.

³ Хранится в Гос. Эрмитаже, инв. № 44—24. Издана А. М. Талгреном в ЕСА, вып. IV, стр. 27—31, как найденная в кург. 7, погр. 2, а в отчете Н. И. Веселовского эта курильница описывается, как найденная в кургане 5, (центральное) погр. 2. ОАК, за 1904 г., стр. 97.

⁴ ОАК за 1904 г., стр. 97. Хранится в Гос. Эрмитаже, инв. № 44—25.

⁵ ОАК за 1905 г., стр. 72. Хранится в Гос. Эрмитаже, инв. № 45—5.

⁶ ОАК за 1902 г., стр. 69. Хранится в ГИМ, инв. № 48478.

⁷ Хранится в ГИМ, инв. № 48478.

⁸ Хранится в Гос. Эрмитаже, инв. № 1783/1.

⁹ Инв. № 5776.

¹⁰ А. А. Иессен. Моздокский могильник в ряду памятников Северного Кавказа, стр. 42.

цвета, покрыта очень мелким веревочным орнаментом. Узор довольно сложный и состоит из треугольников, фестонов, полукруглых вдавлений и зигзагов. К сожалению, трудно с полной достоверностью судить о всем комплексе находок, сопровождавших эту курильницу, так как большая часть предметов происходит из случайных находок в железнодорожном карьере.

О находке еще одной курильницы в кургане «Терек» около Моздока сообщает А. А. Иессен¹. Эта курильница очень близка к армавирским и датируется концом II тысячелетия до н. э.

В районе Пятигорска, в кургане у поселка Гражданские хутора также найдена курильница на четырех сросшихся ножках, украшенная веревочным орнаментом, нанесенным на бортик и всю поверхность курильницы в виде свисающих полукруглых фестонов². Одна курильница с орнаментом по краю, на четырехугольной ножке, имеется в собрании Государственного исторического музея из окрестностей г. Кисловодска³.

Таким образом, из всей обширной территории распространения курильниц так называемого северокавказского типа на Северном Кавказе их найдено значительно меньше, чем в других местах. Больше всего их найдено, как мы видим, на территории Волго-Маньчского варианта катакомбной культуры. В связи с этим встает вопрос о месте происхождения курильниц рассматриваемого типа. В решении этого вопроса количество находок курильниц на той или иной территории играет только некоторую роль. Главное значение при окончательном решении вопроса о месте происхождения курильниц могут иметь, во-первых, типы орнаментов, присущих племенам той или другой археологической культуры, и, во-вторых, их хронологические рамки на той или другой территории.

Рассмотрение погребальных комплексов, содержащих курильницы, позволяет сделать заключение, что курильницы на территории Волго-Маньчских степей, а также и в Северном Причерноморье появляются значительно раньше, чем на Северном Кавказе.

Рассмотрим несколько комплексов. Правда, к сожалению, в ряде погребальных комплексов курильницы сопровождалась лишь посудой других форм, поэтому чрезвычайно трудно, а иногда и совсем невозможно определить их абсолютную хронологию.

Несмотря на это, многие из них все же удается датировать довольно точно.

Так, в кургане 4 в урочище «Три брата» погребение содержало, кроме курильницы, еще сосуды с такого же типа орнаментом, как и курильница, и костяные кольца, датирующиеся временем перехода от поздней ямной культуры к катакомбной, т. е. к рубежу III и II тысячелетий до н. э. или к началу II тысячелетия до н. э.⁴

¹ А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 43.

² А. М. Tallgep. Ук. соч., ESA, т. IV, стр. 27—28, рис. 17.

³ ГИМ, инв. № 76990.

⁴ И. В. Синицин в своей статье «Памятники предскифской эпохи» (СА. т. X, 1948) относит курганные могильники в урочище «Три брата» к концу эпохи бронзы или, как указывает сам автор, к предскифской эпохе, т. е. концу II — началу I тысячелетия до н. э. Рассмотрение материалов этих погребений и сопоставление их инвентаря с известными и уже датированными памятниками в степях Северного Причерноморья и на Северном Кавказе убеждает нас, что подобная датировка слишком занижена. Так, ряд погребений, кроме указанных выше, содержит такие типы вещей, как костяные кольца, костяные пронизи со спиральными нарезками, белые цилиндрические пастовые бусы, типа станицы Костромской, костяные молоточкообразные булавки (к 7 и 4, группа «Три брата», к. II Бучкун-Бурус и др.), бронзовые небольшие четырехгранные шилья, листовидные ножи, проушные топоры типа станицы Царской, бронзовые спиральные кольца, бронзовые изогнутые булавки с круглой головкой и т. д., которые по классификации А. Н. Иессена относятся частично к Новосвободненскому этапу (около 2000 г. до н. э.), частично к Привольненскому этапу (около 1700 г. до н. э.), т. е. несомненно, что по времени большая часть погребений в урочище «Три брата» полностью укладываются в первой половине II тысячелетия до н. э.

Дату начала II тысячелетия дает и комплекс погребения 3 в кургане 33 в той же местности. Погребение, кроме курильницы, сопровождалось тремя сосудами, мелкими белыми пастовыми цилиндрическими бусами, полированной трубочкой с кольцеобразной нарезкой, костяным кольцом и двумя бронзовыми ножичками. Пастовые бусы подобного типа известны в таких ранних комплексах, как погребения в курганах у ст. Костромской на Кубани. Трубочки с кольцеобразной нарезкой и костяное кольцо также позволяют отнести это погребение ко времени не позднее первой четверти II тысячелетия до н. э.

Ко времени первой половины II тысячелетия до н. э. относится, по видимому, и центральное погребение кургана 9 в группе «Три брата»¹. Оно содержало бронзовый листовидный нож, два небольших шильца, глиняный сосуд и курильницу, покрытые веревочным орнаментом (рис. 10, 2), бронзовые скрепы, кремневый отщеп и колеса от повозки. В этом погребении типы листовидного ножа и шила относятся к раннему времени. Но с еще большей уверенностью мы можем отнести это погребение к эпохе ранней бронзы, судя по инвентарю жертвенного места, находившегося над погребением. Здесь были также найдены 32 костяных кольца, костяные трубочки с нарезками, позволяющие отнести и интересующее нас центральное погребение к первой четверти II тысячелетия до н. э.

Большая часть курильниц из Северного Причерноморья, так же как курильницы из г. Славянска, из хутора у Ново-Григорьевки и др., несомненно, относятся к первой половине II тысячелетия до н. э., но они сопровождаются лишь сосудами, которые только типологически по форме и орнаменту могут быть отнесены к ранней или развитой стадии катакомбной культуры.

Приведенных примеров достаточно, чтобы убедиться в том, что курильницы в памятниках катакомбной культуры появляются еще в начале II тысячелетия. Далее встает вопрос: когда появляются они на Кубани и Северном Кавказе? А. А. Иессен² считает, что курильницы на Северном Кавказе впервые появляются в середине II тысячелетия до н. э. Е. И. Крупнов, так же как и А. А. Иессен, курильницы из Моздокского могильника относит к концу II тысячелетия до н. э.³ Проверка датировок курильниц здесь также осложняется отсутствием хорошо датированных предметов, сопровождающих курильницы. Но все же представляется возможным кое-что выяснить из стратиграфических данных. Так, курильница из Армавирского кургана⁴ происходит из впускного погребения, которое находилось в кургане, где основное погребение относится (по инвентарю и обряду захоронения, как кладка из голышей и южная ориентировка) ко времени майкопской культуры. Впускное погребение, сильно отличающееся от центрального, несомненно, более позднего времени.

Кроме того, целый ряд курильниц на Кубани связывается с погребениями в катакомбах (как, например, курильница из впускного погребения в кургане № 4 у Армавира⁵; впускная катакомба в кургане № 3 у станции Келермесской⁶ и др.), а катакомбы Кубани, как известно, являются хронологически более поздними, чем катакомбы Северного Причерноморья. Последние появляются здесь уже с конца III тысячелетия до н. э., еще в эпоху ямной культуры, как, например, катакомбы Северного Приазовья, исследованные А. И. Тереножкиным на р. Молочной, и катакомбы, исследованные П. Д. Либеровым в районе Большого Токмака. Катакомбы в Се-

¹ И. В. Сидницин. Памятники предскифской эпохи, стр. 147.

² А. А. Иессен. Моздокский могильник в ряду памятников Северного Кавказа, стр. 42.

³ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, № 23, 1951.

⁴ ОАК за 1902 г., стр. 86, рис. 193.

⁵ ОАК за 1903 г., стр. 65, рис. 115.

⁶ ОАК за 1904 г., стр. 96—97.

верном Приазовье и Северном Причерноморье уже широко распространяются с начала II тысячелетия до н. э.

По-видимому, и в Прикубанье они проникают из степей Северного Причерноморья. На Кубани катакомбы всегда бывают впускными в более древние курганы, основные погребения которых в некоторых неоспоримых случаях относятся к майкопской культуре.

Если рассматривать курильницы Северного Кавказа, то большинство из них по различным признакам может быть отнесено к более позднему времени, чем значительная часть курильниц из Волго-Маньчского междуречья.

Так, во-первых, нам кажется возможным отнести к более позднему типу курильницы, имеющие вместо четырех сросшихся ножек одну ножку в виде четырехугольной подставки, т. е. такие, как курильница из впускного погребения кургана № 4 у Армавира¹, курильница из-под Кисловодска в Урочище «Три камня»² и др. Однако следует повторить, что хотя сопровождавший курильницы инвентарь не позволяет говорить с абсолютной достоверностью об их поздней датировке, все же у нас есть некоторые для этого основания. Возьмем, например, погребение, содержащее курильницу в кургане, раскопанном Н. Е. Бранденбургом у с. Покровское³. Курильница, имеющая четырехугольную подставку, сопровождалась двумя сосудами и инвентарем, состоящим из ножа листовидной формы с черенком, расширяющимся к концу, и каменной булавы. Этот инвентарь, безусловно (формы ножа и булавы), не может быть отнесен к раннему этапу катакомбной культуры. Это же подтверждается и формой и орнаментом одного из сосудов из этого же погребения. Приплюснутая его форма, высокая шейка и сплошная орнаментация из нескольких кругов позволяют отнести этот сосуд по типологической хронологии керамики катакомбной культуры к середине II тысячелетия до н. э.

Эту же дату дает и другая курильница на четырехугольной подставочке из кургана у Краматорска⁴; она сопровождалась ножом той же формы, какую мы видели из кургана у с. Покровское, также бочонкообразными бронзовыми бусами, каплеобразными витыми привесками, позволяющими датировать этот комплекс временем, близким к середине II тысячелетия до н. э.

В решении вопроса о древности курильниц немалую роль играет и вопрос о древности и времени появления веревочного орнамента на территории Прикубанья и Северного Кавказа.

Как мы уже видели, почти все рассмотренные нами курильницы имеют поверхность, украшенную шнуровым орнаментом. Шнуровой орнамент появляется, как известно, намного раньше в Северном Причерноморье, где получает уже широкое распространение в памятниках конца III тысячелетия до н. э., относящихся к ямной культуре.

Усилившиеся культурные связи племен Северного Причерноморья и Северного Кавказа II тысячелетия до н. э. способствовали проникновению предметов, типичных для северокавказских культур, в степи Северного Причерноморья, и, наоборот, проникновению вещей, характерных для северопричерноморских культур, на Северный Кавказ. По-видимому, и появление веревочного орнамента на Северном Кавказе связано с проникновением его именно из степей Северного Причерноморья. Керамика, орнаментированная веревочными узорами, появляется на Северном Кавказе только около середины II тысячелетия до н. э., а следовательно, и появление курильниц, украшенных узорами плетеного шнура, может на Северном Кавказе датироваться этим временем.

¹ ОАК за 1903 г., кург. 4, погр. 2, стр. 65.

² ГИМ, инв. № 76990.

³ Н. Е. Бранденбург. К вопросу о каменных бабах. Тр. VIII АС в Москве, 1890 г., т. III, стр. 13—14, табл. I—III.

⁴ Материалы хранятся в Мариупольском краеведческом музее.

Интересны нанесенные на курильницы узоры из сочетания перевитой веревочки и свернутого шнура (рис. 8, 1, 3). Так, курильница из кургана № 1 у ст. Казанской и курильница впускного погребения кургана № 1 у ст. Армавир имеют узоры, полностью совпадающие с узорами лишь на сосудах катакомбного типа (рис. 8, 2). Узор на курильнице ст. Казанской тождествен узору на сосуде из д. Камышеваха.

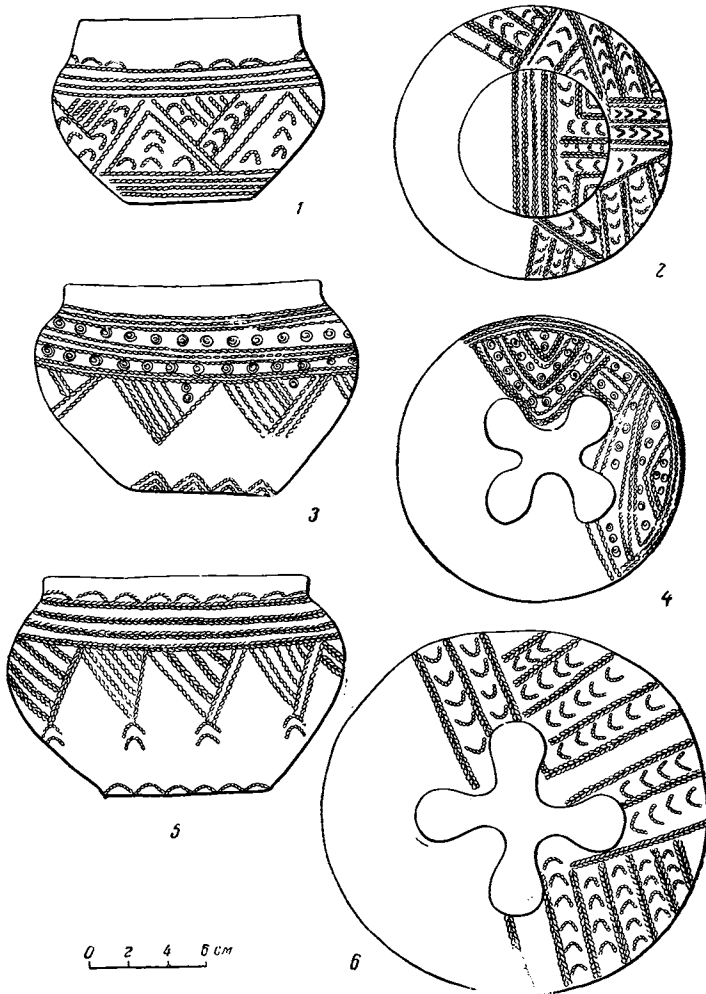

Рис. 10. Типы орнаментов на сосудах и курильницах из курганов в урочище «Три брата»

1—2 — к. 9 (центральное погребение); 3 — к. 4, п. 10; 4 — к. 27, п. 3; 5 — к. 6, п. 7; 6 — к. 28, жертвенное место

Совершенно те же орнаментальные узоры мы наблюдаем и на курильницах и на сосудах из курганного могильника «Три брата»¹, хранящихся в Саратовском областном краеведческом музее (рис. 10, 1—2).

Типичные полукруглые фестоны, нанесенные полукругами перевитой веревочки или шнура, характерные для донецкой катакомбной культуры, мы видим и на курильнице из г. Грозного (случайная находка)² (рис. 7, 4). Большое сходство во всей орнаментике мы наблюдаем на ку-

¹ Курильница и сосуд из кург. 9, погр. 8, сосуд из кург. 4, погр. 10 (инв. № 459); курильница из кург. 27, погр. 3 (инв. № 1576); сосуд из кург. 6, погр. 7 (инв. № 1473); курильница из кург. 28, жертвенное место (инв. № 1473).

² Гос. Эрмитаж, инв. № 17831.

рильнице из могильника у хут. Спорного¹ и на сосуде из курганного могильника у деревни Черногоровки² на Донце. Здесь мы видим обведенные веревочкой треугольники, зигзагообразные линии и отпечатки свернутого шнура (рис. 8, 6—7).

Если мы возьмем орнаментацию таких курильниц, как курильница из кургана № 7 у станицы Кубанской³, где сплошной орнамент нанесен мелкой веревочкой в виде пересекающихся заштрихованных полос, то

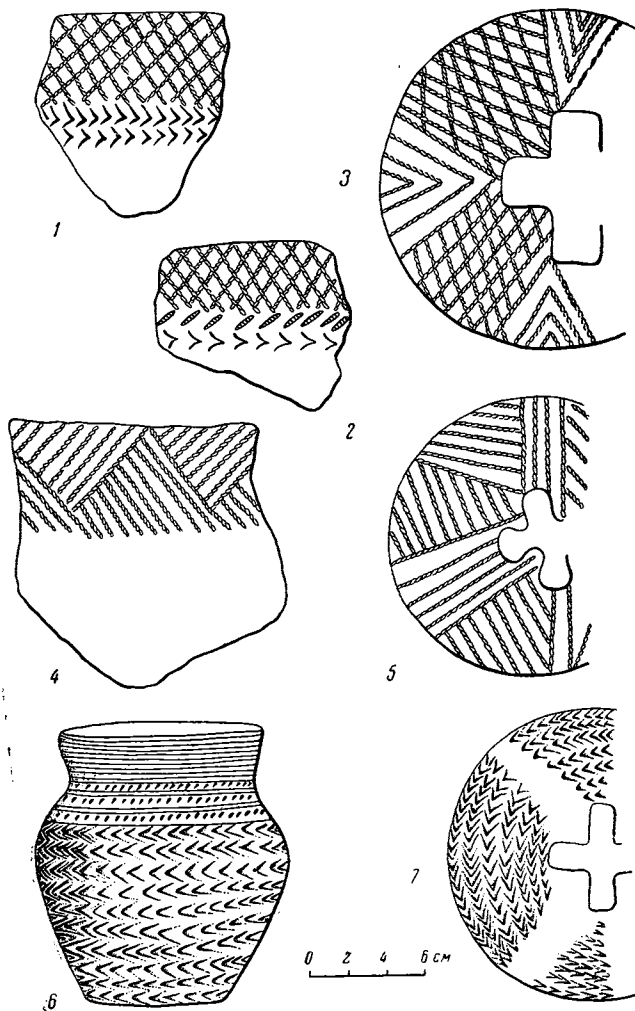

Рис. 11. Типы орнаментов на сосудах катакомбной культуры, тождественные орнаментам на курильницах

1, 4 — стоянка Стрельча Скеля на Днестре; 2 — стоянка Дурна Скеля на Днестре; 3 — г. Сталинград; 5 — ст. Кубанская; 6 — с. Нешеретово; 7 — Келермес, к. 7, п. 2

можем смело сказать, что подобной орнаментации посуды на Северном Кавказе нет. В то же время на сосудах катакомбной культуры они довольно обычны (рис. 11, 4—5). Такие курильницы, как, например, келермесская (кург. 7, погр. 2)⁴, сплошь покрытая елочным узором (рис. 11, 7),

¹ Гос. Эрмитаж, инв. № 1463/31. Раскопки Б. Б. Пиотровского, 1936, кург. 10, погр. 14.

² ГИМ, инв. № 40518. Раскопки В. А. Городцова, 1901, кург. 1, погр. 8.

³ Гос. Эрмитаж, кург. 7, инв. № 40—1.

⁴ ОАК за 1904 г.

также могут найти себе полные аналогии только в памятниках первой половины II тысячелетия до н. э. в степях Северного Причерноморья, а не на Северном Кавказе. Точно так же нигде на Северном Кавказе мы не найдем таких орнаментов, как сетка, образуемая пересечениями мелкой веревочки; их мы видим и на курильнице и на посуде катакомбной культуры (рис. 11, 1—3).

Любой из орнаментов, имеющийся на курильницах, находит себе всегда полные аналогии в орнаментах катакомбной культуры.

Единственный элемент узора, который хорошо известен в орнаментах северокавказской посуды и встречается на некоторых курильницах, это ряды оттисков мелких треугольников. Именно так орнаментированы курильницы из курганов ст. Соленовской и Армавирской. Здесь в том и другом случае вся их поверхность сплошь покрыта узором из отпечатков треугольников, сочетающихся с веревочным орнаментом, идущим по бортику и ножке курильницы. Таким образом, здесь мы видим элементы узора, типичные для орнаментики катакомбного типа посуды, и элементы узора, широко распространенные в северокавказской культуре. Следует отметить и то обстоятельство, что орнаментация посуды оттисками треугольного штампа встречается довольно часто на сосудах волго-маньчского варианта катакомбной культуры. Материал из исследованных Е. И. Крупновым поселений в различных пунктах севера Грозненской области показывает, что отпечатки треугольного штампа в сочетании с оттисками веревочки являются обычными на керамике этой территории. Об этом же свидетельствуют узоры на сосудах из курганных могильников этой же области (курганные группы «Три брата», курганы у хутора Веселого и т. д.). Этот элемент узора, по-видимому, проник в области степей с Кавказа, веревочный же орнамент, наоборот, из степных районов — на Северный Кавказ.

Таким образом, выясняется, что курильницы так называемого северокавказского типа распространены на обширной территории Северного Причерноморья от Днепра до Волги. Наибольшее их количество сосредоточивается на территории волго-маньчского варианта катакомбной культуры.

Именно на этой территории курильницы, наряду с некоторыми другими формами посуды, являются местной и типичной формой сосудов, характерных для местной катакомбной культуры.

За волго-маньчское происхождение курильниц говорит в первую очередь их орнаментация. Шнуровой орнамент и особенно узоры курильниц часто тождественны орнаменту на других формах местной керамики.

Волго-маньчское происхождение курильниц подтверждается и их датировкой. Раньше всего они появляются именно на этой территории, а следовательно, отсюда и распространяются на Северный Кавказ и Кубань. Курильницы Северного Причерноморья, по-видимому, местного происхождения, об этом свидетельствует находка ранней курильницы на поселении Михайловка конца III — начала II тысячелетия до н. э.

Хронологические рамки бытования курильниц довольно широки. Некоторые экземпляры курильниц Волго-Маньчских степей и Северного Причерноморья бытуют уже в первой половине II тысячелетия до н. э. (ближе к первой четверти II тысячелетия до н. э.). На Северном Кавказе они появляются только в комплексах середины II тысячелетия до н. э. и существуют здесь почти до конца II тысячелетия до н. э.

Б. А. ШРАМКО

СЛЕДЫ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО КУЛЬТА У ЛЕСОСТЕПНЫХ ПЛЕМЕН СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

В окрестностях с. Караван Харьковской обл. находится интересный комплекс памятников земледельческих племен раннего железного века: городище, три селища и обширный курганный могильник. Последний своей восточной частью подходит к окраине г. Люботина и поэтому известен еще как Люботинский могильник.

Сведения о существовании этого могильника имеются уже в Археологической карте Харьковской губ.¹ Однако неоднократные раскопки не дали большого эффекта, так как вскрытые здесь курганы оказались разграбленными еще в древности². Все же отдельные сохранившиеся вещи (бронзовая булавка, наконечник стрелы, каменное ладьевидное блюдо, грибовидная серьга и пр.) показали, что погребения относятся к раннему железному веку и некоторые из них могут быть вполне определенно датированы VI в. до н. э.³

Городище Караван впервые упоминается в работе М. Фукса⁴, где дается краткое топографическое описание городища и отмечено, что к северу от него (у ст. Совнаркомовская) расположено селище с зольниками. Характеристике археологического материала посвящено лишь несколько строк, где сказано, что на городище и селище встречаются фрагменты сосудов с дырочками у края венчика и обломки амфор.

Последние годы в окрестностях с. Караван производила раскопки и разведки экспедиция Харьковского гос. университета под руководством автора настоящей статьи. Были обнаружены еще два селища скифского времени с характерными зольниками. Селище Шелковая расположено к юго-западу от городища, а селище Подлесное — к юго-востоку от городища. На этих двух поселениях, а также на известном ранее селище у ст. Совнаркомовская собран подъемный материал, показывающий, что все эти памятники не только относятся к одной культуре, но и хронологически одновременны. Наиболее разнообразный материал был собран на селище Шелковая, и здесь мы дадим лишь его характеристику.

По количеству находок на первом месте — керамические изделия. Бытовая посуда представлена обломками горшков, кувшинов, мисок, кружек и сосудов для процеживания. Все эти изделия типичны для поселений ран-

¹ Д. И. Бага лей. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губ., Тр. XII АС, т. 1, М., 1905, стр. 89.

² М. Ф. Бречка. Археологічне дослідження скіфських пам'ятників в околицях Люботина. Наукові записки ХДПІ, т. I, Харків, 1939, стр. 219; С. А. Семенов-Зусер. Кафедра древней истории и археологии Харьковского ун-та за 1944—1949 гг., ВДИ, № 3, 1949, стр. 202.

³ Б. А. Шрамко. Археологические исследования курганов раннего железного века в окрестностях г. Люботина (печатается в Ученых записках ХГУ, № 5, 1957).

⁴ М. Фукс. Про городища скитської доби на Харківщині. Записки ВУАК, т. I, Київ, 1931, стр. 99—100.

него железного века в бассейне Сев. Донца (рис. 1). Горшки имеют обычно слабо отогнутый венчик, который бывает гладким, но чаще украшен по краю защипами или насечками, а ниже — сквозными проколами. Изредка попадаются венчики, украшенные, кроме того, еще горизонтальным рядом

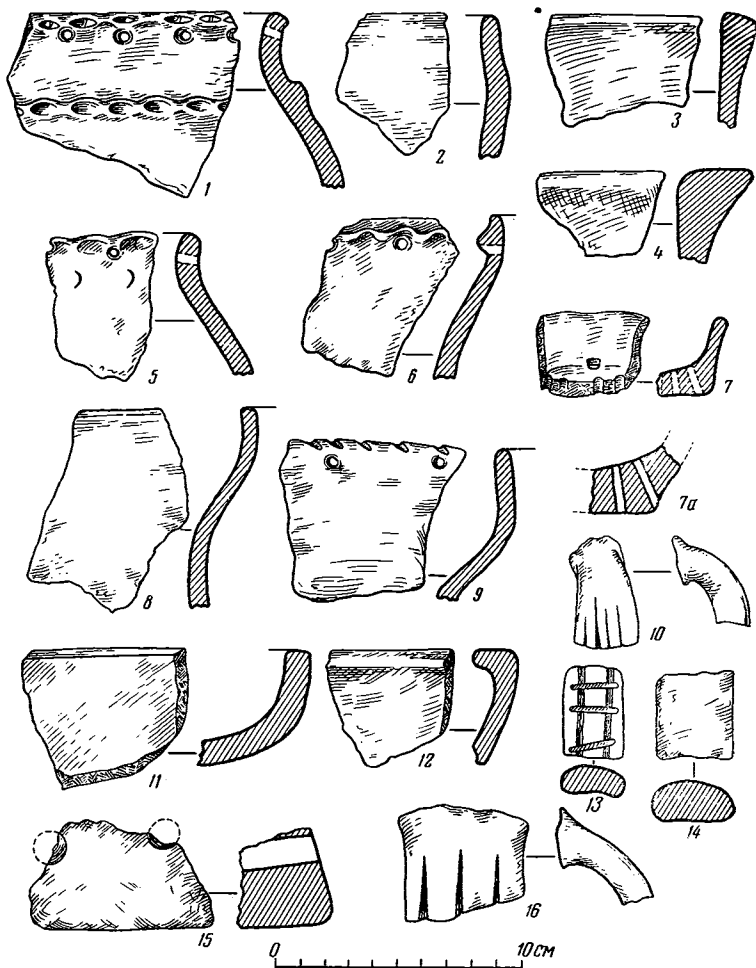

Рис. 1. Фрагменты керамики, найденные на селище Шелковая.

1—2, 5—6, 8—9 — обломки глиняных горшков; 3—4 — обломки венчиков больших сосудов; 7, 7а — обломки сосудов для процеживания; 11—12 — обломки бортиков мисок; 10, 13, 14, 16 — обломки ручек; 15 — обломок большого конусовидного груза

лунковидных ногтевых вдавлений. Донышки горшков плоские и, как правило, имеют небольшой выступающий рантик. На некоторых донышках заметны отпечатки соломы, половы и зерен проса, ячменя, гороха¹. От сосудов типа кувшинов не сохранилось больших обломков, и поэтому об их форме судить трудно, но по-видимому, к ним относится целый ряд ручек. Последние иногда украшены орнаментом из продольных желобков или перекрещивающихся линий (рис. 1, 10, 13, 14, 16). Довольно часто встречаются обломки глиняных мисок или тарелок с ровным или слегка загнутым внутрь бортиком (рис. 1, 11, 12). В небольшом количе-

¹ Акт от 3.IV—1956 г. Определение производили научные сотрудники Всесоюзного института растениеводства М. М. Якубцинер и Н. Р. Иванов, которым, пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность.

стве найдены обломки сосудов типа чашек или кружек без ручек. Наконец, обнаружены обломки глиняных сосудов для процеживания, дно, а иногда и стенки которых имеют большое количество круглых отверстий (рис. 1, 7, 7а). Вся эта посуда, как, впрочем, и остальная бытовая и хозяйственная, сделана из глины с небольшой примесью песка. Обжиг средний. Аналогичные типы посуды встречаются на многих поселениях лесостепного Левобережья в течение всего раннего железного века.

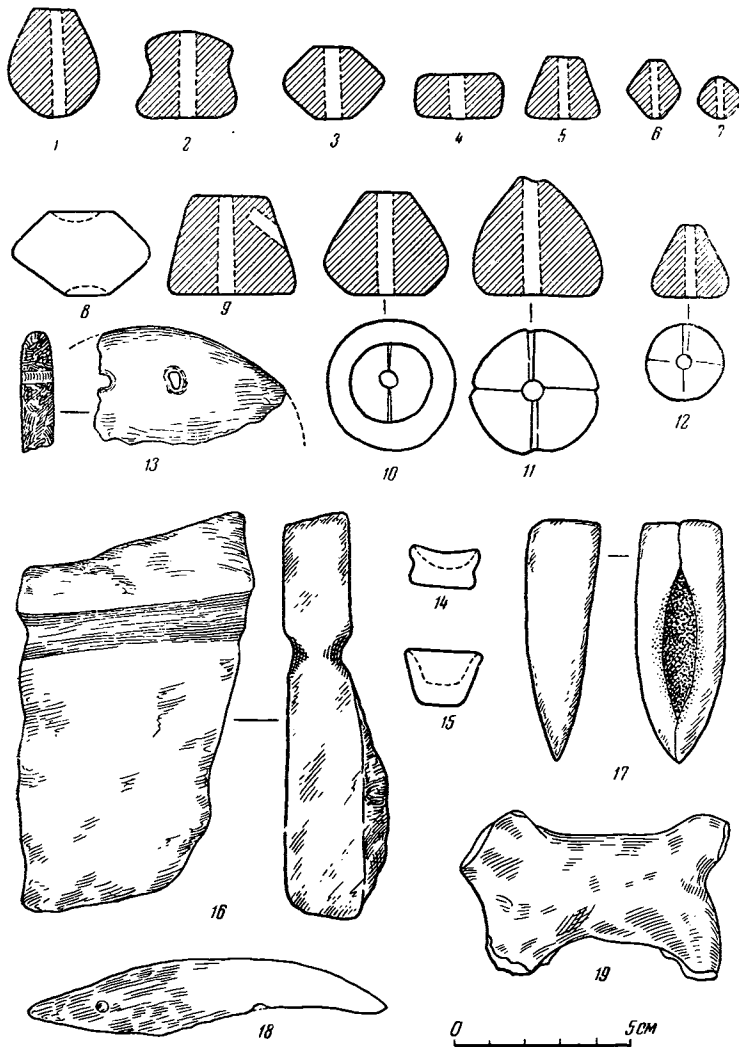

Рис. 2. Находки на селище Шелковая.

1—5 — глиняные пряслица; 6, 7 — глиняные грузильца малого размера; 8, 9 — загадочные глиняные поделки; 10—12 — глиняные грузики со следами от нитей; 13 — обломки дисковидного грузила, 14, 15 — миниатюрные сосудики; 16 — каменное грузило; 17 — костяная мотыжка; 18 — железный нож; 19 — обломок глиняной зооморфной статуэтки

Кроме этой, на селище Шелковая найдена группа посуды архаического типа. Это прежде всего горшки, у которых венчик, а иногда и плечики украшены наклепными горизонтальными валиками с защипами (рис. 1, 1, 6), а также горшки баночной формы (рис. 1, 2). В небольшом количестве найдена и лощеная керамика, которая вообще для поселений в бассейне Сев. Донца не характерна, но в ранних памятниках все же встречается. Имеются обломки чернолощенных и серолощенных мисок, обломки большого желтолощенного сосуда с толстыми стенками и с широким,

горизонтально оттянутым венчиком (рис. 1, 3, 4). Привозная посуда в виде небольших обломков стенок и ручек античных амфор попадает очень редко.

Кроме посуды, на селище Шелковая найдено много других поделок из глины. Это обломки больших конусовидных грузил, часто покрытых ямками (рис. 1, 15), разнообразные пряслица (рис. 2, 1—5) и напоминающие их по форме грузики. Некоторые из них отличаются от пряслиц большей величиной или, наоборот, слишком небольшими размерами. Ряд таких грузиков имеет на основании следы потертости в виде прямых или крестообразных линий, которые свидетельствуют о том, что эти грузики привязывались (рис. 2, 10—12). Возможно, эти грузики служили для натягивания нитей основы ткацкого станка. Встречаются небольшие грузики, которые, кроме обычного вертикального отверстия, имеют еще боковое цилиндрическое углубление (рис. 2, 9). Найдена также биконическая поделка, у которой вместо сквозного отверстия имеются два углубления (рис. 2, 8). Назначение двух последних предметов непонятно. На зольниках встречены и глиняные предметы, связанные с культом. К ним относятся миниатюрные глиняные сосудики и обломок зооморфной статуэтки (рис. 2, 14, 15 и 19).

Изделия из камня представлены обломками кварцитовых зернотерок и терочниками, обломками точильных брусков из песчаника и сланца и грузилом из песчаника с двумя канавками для привязывания (рис. 2, 16).

Из металлических предметов найден небольшой железный нож (рис. 2, 18) и обломок бронзовой пластинки. Особо следует отметить обломок нижней части плавильного тигля, обломок глиняной льячки и несколько кусков медного шлака. Наконец, в одном из зольников найден костяной наконечник мотыжки, сделанный из трубчатой кости какого-то крупного животного (рис. 2, 17).

Собранный материал позволяет считать, что селище Шелковая, как и аналогичные селища Совнаркомовская и Подлесное, — типичные памятники местных земледельческих племен раннего железного века, обитавших в бассейне Сев. Донца. Судя по наличию некоторых форм посуды (горшки, украшенные валиками с защипами, баночные формы горшков и лощеная посуда), возникли они еще в VI в. до н. э. и существовали довольно долго. Центром, объединявшим их вокруг себя, служило, по-видимому, городище Караван. В случае возникновения военной опасности местное население могло найти здесь убежище. Курганный могильник для всех этих поселений несомненно был общим, так как поблизости никакого другого могильника нет.

Городище Караван расположено на возвышенности в живописной, покрытой лесом местности у истоков реки Мерефы. Форма городища и его устройство типичны для местных укрепленных поселений раннего железного века. Оно занимает сравнительно узкий мыс, ограниченный с трех сторон лощинами (рис. 3). С напольной стороны оно защищено двумя валами и рвами с проходом в средней части. Внутренний вал делит городище на две половины: на так называемый главный двор и примыкающее к нему с юга предградье. Площадь¹ главного двора — 14 200 м², площадь предградья — 17 800 м².

Размеры оборонительных сооружений в настоящее время невелики, но можно предположить, что они немного сгладились, расплылись с течением времени. Вал сейчас имеет высоту 1,5—2,0 м и ширину в основании до 15—17 м. Разрез вала главного двора показал, что он насыпан из земли с небольшой примесью суглинка, взятой из расположенного перед валом рва. Никаких особых приемов в сооружении вала не отмечено. Края городища, обращенные в сторону лощин с довольно крутыми склонами, не

¹ Данные нашей съемки несколько расходятся с цифрами М. Фукса.

укреплены. Однако, чтобы затруднить противнику проникновение в городище, верхняя часть склона у края городища срезана уступом, который образовал своеобразный эскарп.

Все городище покрыто густым лесом, что сильно осложняло исследование. Пока удалось здесь вскрыть площадь, немногим превышающую 200 м². Выяснилось, что это — однослойное поселение, содержащее только

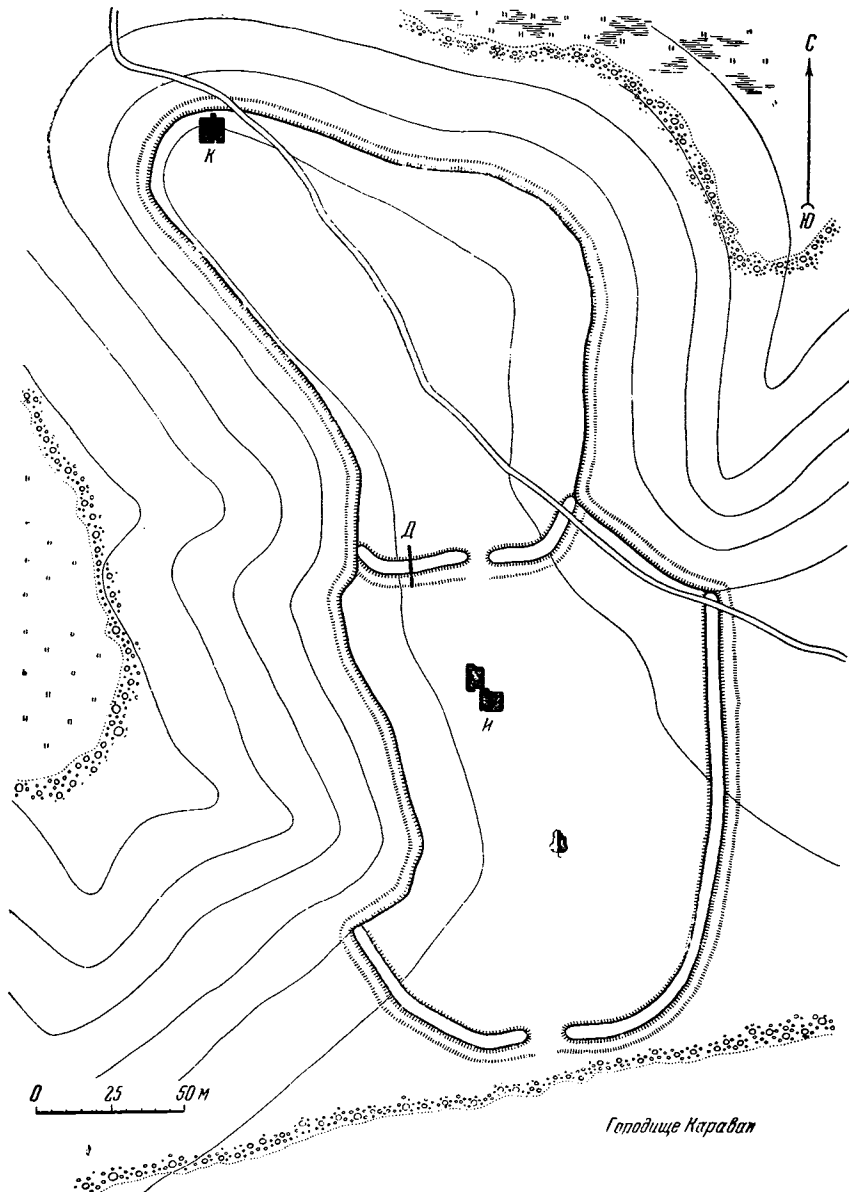

Рис. 3. План городища Караван. План выполнен Е. Н. Черепановой

отложения скифского времени. Среди находок преобладают материалы IV—II вв. до н. э. Возникло же городище хотя и несколько позже селищ, но не далее V в. до н. э.

Раскопки показали, что жилища на городище были наземные, легкого каркасного типа. Остатки такой постройки обнаружены на северо-западном участке раскопа «И». Пол сооружения был углублен до 0,30 м ниже

уровня материкового суглинка. Форма его в плане неправильно овальная, с диаметрами $5,40 \times 4,35$ м. Стены помещения делались из жердей и прутьев, обмазанных глиной, о чем свидетельствуют часто попадающиеся куски глиняной обмазки с отпечатками прутьев. Возможно, именно для такой обмазки стен была приготовлена глина, замешанная в яме, обнаруженной на южном участке этого же раскопа. Опорные столбы постройки,

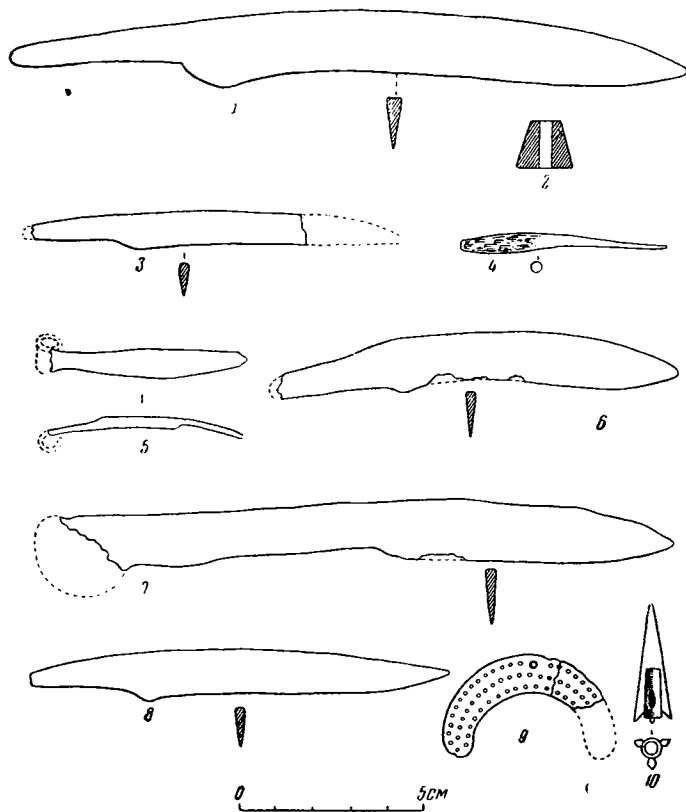

Рис. 4. Металлические изделия, найденные на городище Караван.

1, 3, 6, 7, 8 — железные ножи. 2 — бронзовая ворворка, 4 — железное шило; 5 — железный язычок от пряжки; 9 — серебряная подвеска; 10 — бронзовый наконечник стрелы

по-видимому, весьма незначительно углублялись в землю, поэтому из остатков столбовых ям хорошо прослеживаются только две, обнаруженные у южного и западного края помещения. Одна из этих ям имеет диаметр 0,55 м, другая 0,40 м; они углублены в материк ниже уровня пола на 0,25—0,30 м. Четко выраженного очага в этом помещении нет, хотя в юго-восточной части имеется круглая с плоским дном яма диаметром 0,80 м, глубиной 0,20 м, в которой найдены кусочки древесного угля, зола, разбитые кости животных и обломки посуды. Возможно, весь этот комплекс относится к остаткам хозяйственного помещения или к остаткам летнего жилища, в котором огонь разводили сравнительно редко.

Основная масса находок во всех раскопах и шурфах городища довольно однородна. Бытовая посуда представлена главным образом обломками лепных горшков и мисок таких же форм и техники, как на селищах. Обломки горшков, украшенных у края венчика наклепными валиками и проколами, на городище встречаются гораздо реже. Имеются обломки чернолощеной миски. На доньшках и стенках некоторых сосудов

обнаружены отпечатки проса, ячменя, пшеницы, гороха¹. Из других глиняных поделок довольно часто встречаются пряслица различных типов (преимущественно конические и биконические); небольшие, похожие по форме на пряслица, грузики; дисковидные предметы с одним или двумя отверстиями, напоминающие собой пуговицы, но слишком хрупкие для такой цели; обломки больших конусовидных грузил с поверхностью, украшенной крупными круглыми вдавлениями (рис. 6).

Привозной керамики и на городище найдено мало. Она представлена всего лишь несколькими небольшими обломками античных амфор. Один такой обломок, по определению И. Б. Зеест, принадлежит амфоре типа фассосской V—III вв. до н. э.

Среди изделий из камня — много обломков кварцитовых зернотерок, точильных брусков из мелкозернистого песчаника, шаровидные камни разных размеров для пращи. Изредка попадаются кремневые отщепы с беспорядочно оббитыми краями, применявшиеся, очевидно, для высекания огня. Металлических изделий на городище Караван, как и на других поселениях раннего железного века, сравнительно немного, но формы их достаточно характерны. В раскопах и шурфах (за исключением раскопа «К», о котором будет сказано особо) найден один целый железный нож со слегка изогнутой спинкой, переходящей прямо в черенок для ручки, и обломок железного ножа такого же типа, железный язычок от пряжки и железное шильце (рис. 4, 1, 3, 4, 5). Из бронзовых вещей попала только конусовидная ворворка от конской упряжи (рис. 4, 2). О том, что на городище существовало местное металлургическое производство, свидетельствуют обнаруженные в раскопе «И» куски шлака и обломок толстой (1,4 см), сильно пережженной стенки плавильного тигля.

В заключение общей характеристики городища необходимо остановиться на остеологическом материале, хотя он еще и не полностью изучен. Разрозненные кости диких и домашних животных представляют собой пищевые отбросы и в большинстве случаев плохой сохранности. Среди определенных костей домашних животных имеются кости коровы, лошади, свиньи, овцы, а из костей диких животных — кости кабана, косули и благородного оленя. Кости домашних животных количественно преобладают.

Особый интерес представляет раскоп «К», заложенный у края городища в северо-западной части главного двора. Здесь еще до раскопок на поверхности были замечены небольшие впадины заплывших ям округлой формы. Раскопки показали, что на этом месте в раннем железном веке находилось довольно сложное культовое сооружение в виде жертвенника с зольником (рис. 5).

Культовое место с западной стороны ограждал серповидный вал, сооруженный из глины и обожженный докрасна. Ширина вала у основания 2,90 м. Высота колеблется от 0,40 до 0,55 м. Длина вала, судя по контрольным разрезам, достигает 45 м. Приблизительно в центре внутренней стороны вал слегка вогнут, и начиная отсюда, в перпендикулярном к валу направлении, расположено три овальных в плане ямы². Первая яма, примыкавшая вплотную к вогнутой части вала, еще в древности была заброшена и засыпана, а около нее была вырыта новая яма, частично перерезавшая остатки первой. Третья яма вырыта несколько на стороне от двух первых. Заполнение ям имеет более темный цвет, чем почва зольника, в котором они вырыты, но какой-либо существенной разницы в вещах между заполнением ям и материалом зольника уловить невозможно. Везде встречаются однородные предметы, о которых будет сказано ниже.

¹ Указанный выше акт от 3.IV.1956 г.

² Размеры ям следующие: 1) диаметры сверху 1,45 и 1,10 м. Глубина 0,65 м; 2) диаметры 1,60 и 1,15 м, глубина 0,40 м; 3) диаметры 1,90 и 1,35 м, глубина 0,70 м.

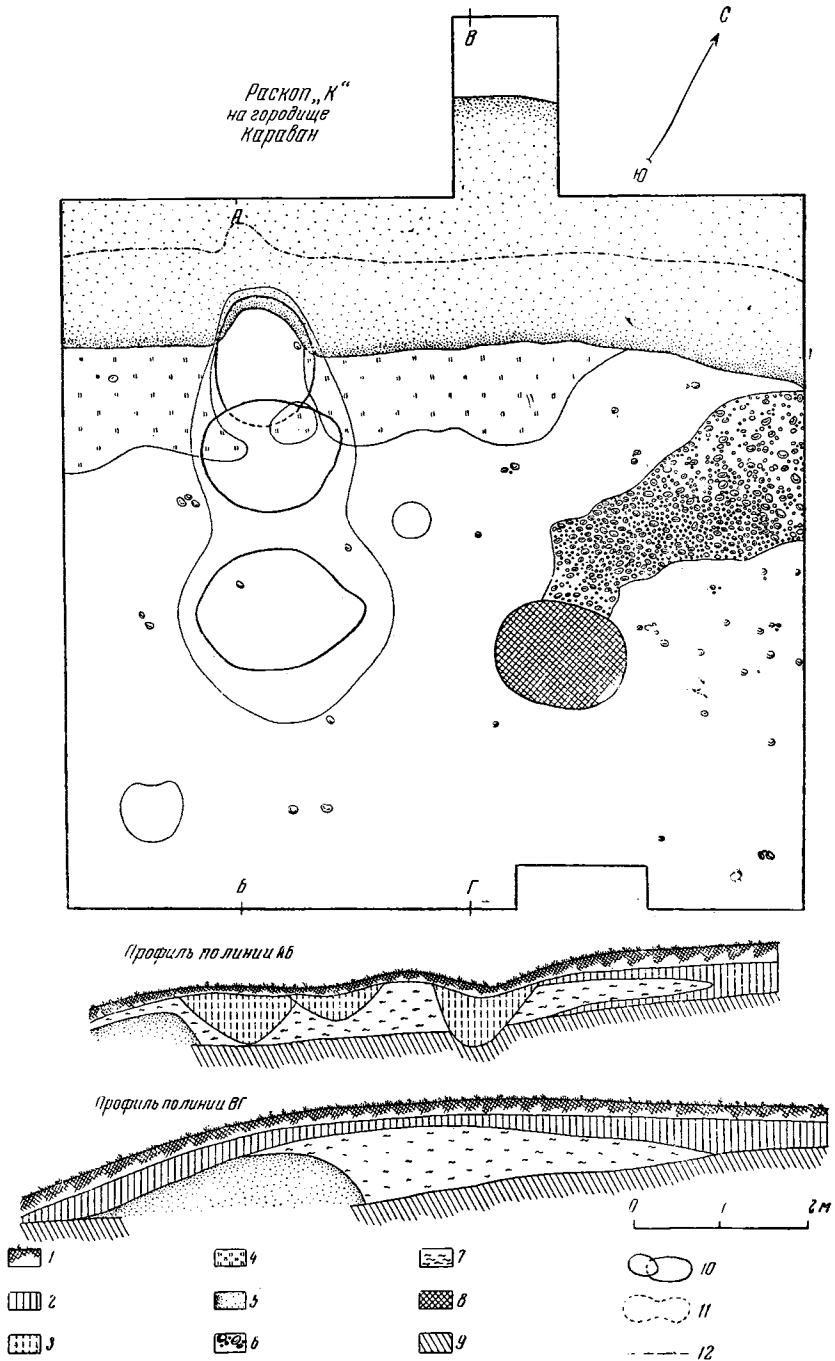

Рис. 5. План раскопа «К» на городище Караван.

1 — дерн; 2 — чернозем; 3 — заполнение ям; 4 — желтовато-зеленоватая глина; 5 — обожженная глина; 6 — камни; 7 — зольник; 8 — жертвенник; 9 — бурый материковый суглинок; 10 — контуры ям; 11 — контур ям, видимый на поверхности; 12 — верхина глиняного вала

К северо-востоку от третьей ямы был сооружен из глины овалный в плане жертвенник, к которому вела дорожка, вымощенная песчаниковым камнем. Жертвенник по форме напоминал большую тарелку и был обожжен докрасна. Наибольший диаметр его 1,53 м, меньший — 1,15 м. Тол-

щина от 5 до 10 см. Глиняное основание жертвенника лежит не на материковом суглинке, а на тонком (4 см) слое погребенной почвы. На жертвеннике в древности длительное время (или часто) горел сильный огонь, отчего поверхность его прокалилась, растрескалась и была покрыта толстым слоем чистой золы от сгоревшей соломы¹. Пользовались этим жертвенником весьма продолжительное время и периодически чинили его,

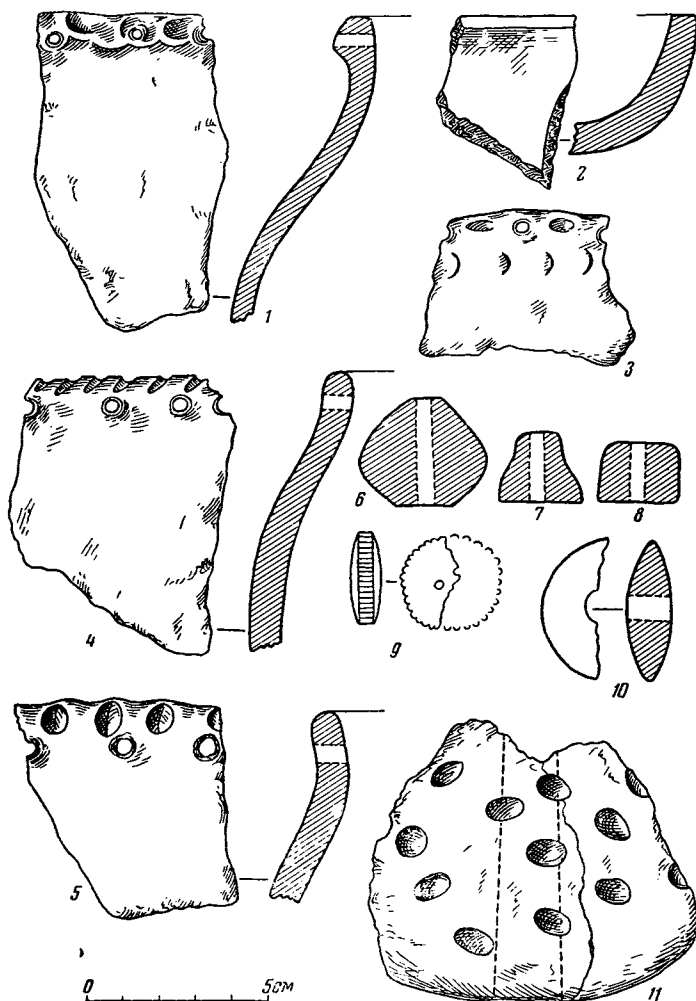

Рис. 6. Образцы керамики городища Караван.

1, 3—5 — обломки венчиков горшков; 2 — обломок бортика миски; 6—8 — глиняные пряслища; 9 — глиняная «пуговица»; 10, 11 — глиняные грузила

удаляя растрескавшиеся части и заменяя их свежей глиняной обмазкой. Об этом свидетельствуют найденные в раскопе куски обожженной глиняной обмазки, у которой гладкая поверхность, как и у жертвенника, покрыта светло-серым налетом от золы.

По-видимому, весь мощный зольник, расположенный возле жертвенника, образовался постепенно из небольших порций золы, которая периодически сбрасывалась с жертвенника. Эта зола вместе с остатками жерт-

¹ К сожалению, некоторые более мелкие подробности в устройстве жертвенника проследить было невозможно, так как прямо над ним росло большое дерево, которое во многих местах пронизало его своими корнями, затруднившими расчистку и наблюдения.

воприношений и культовыми предметами постепенно гумировалась, смешиваясь с различными перегнившими органическими остатками, и образовала своеобразную почву зольника. После того как городище было заброшено или, во всяком случае, после того как это место перестало служить для культовых целей, зольник, высота которого достигает одного метра, расплылся по естественному склону и слегка перекрыл жертвенник слоем толщиной в 30—35 см.

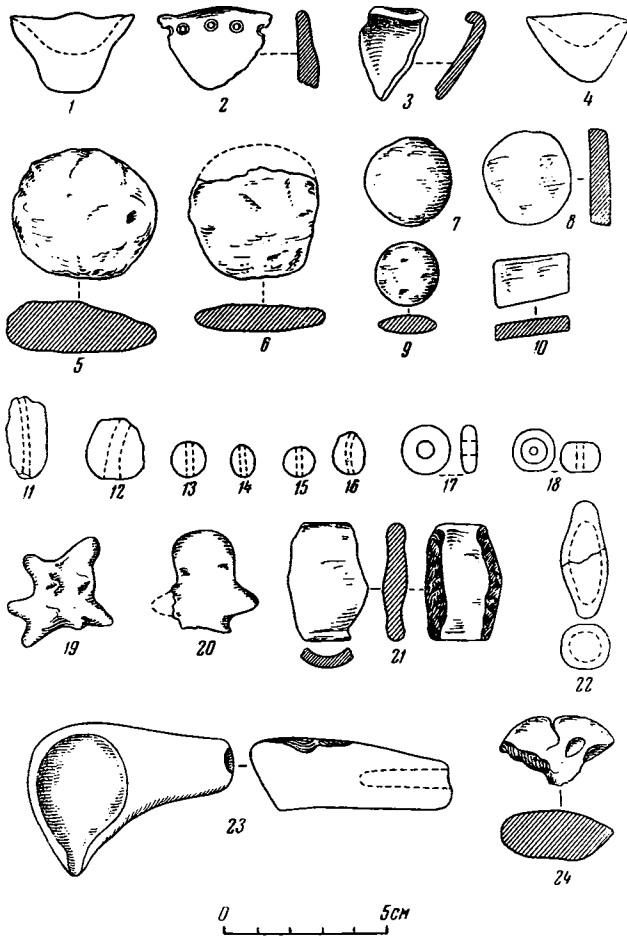

Рис. 7. Предметы, найденные при раскопках культового места городища Караван.

1—4 — миниатюрные культовые сосудики; 5, 6, 9 — глиняные культовые лепешки; 7 — глиняный шарик; 8, 10 — кружок и четырехугольник, сделанные из стенок сосудов; 11—16 — глиняные бусы; 17, 18 — бусы из светло-желтой пасты; 19, 21, 22 — загадочные глиняные поделки; 20 — обломок антропоморфной статуэтки; 23 — глиняная льячка; 24 — обломок глиняной лепешки с ногтевым вдавлением

При совершении религиозных обрядов, несомненно, использовались не только предметы специального культового назначения, но и те, которые повседневно употреблялись в быту. Поэтому в зольных отложениях вокруг жертвенника встречаются обломки обычной глиняной посуды, такой же, как и в других раскопках на этом городище (рис. 6, 1—5). Найдены также различные глиняные пряслица и грузила (рис. 6, 6—11), три характерных железных ножа (рис. 4, 6—8), серебряное украшение (подвеска?) в виде лунницы, украшенной точечным орнаментом (рис. 4, 9) и т. д. Особо следует отметить находку около самого жертвенника бронзового трехгран-

ного втульчатого наконечника стрелы (рис. 4, 10) того типа, который часто встречается в курганах конца V—IV в. до н. э.¹

Комплекс предметов, найденных в раскопе «К», весьма своеобразен и отличается прежде всего тем, что, кроме перечисленных выше обычных бытовых и хозяйственных вещей, в нем имеется большое количество особых культовых предметов. К этой группе относятся миниатюрные сосудики высотой в 2—4 см в виде горшечков или мисочек, подражающих по форме настоящей кухонной утвари (рис. 7, 1—4). Сделаны они из особой тонко отмученной светло-желтой глины, хорошо вымешанной без всяких грубых примесей. Качество глины миниатюрных сосудиков следует особо подчеркнуть, так как все культовые предметы, о которых будет идти речь, также изготовлены не из простой грубоватой глины с заметной примесью песка, употреблявшейся для лепки бытовой посуды, пряслиц, грузиков и прочих вещей, а из глины гораздо лучшей очистки. По-видимому, даже чистота материала имела какое-то особое значение при совершении религиозных обрядов. О том, что эти миниатюрные сосудики были не игрушками, а связаны с культом, свидетельствуют частые находки их именно в зольниках, а также находки в тех курганных могилах, где были похоронены взрослые покойники².

К группе культовых вещей, несомненно, принадлежат также небольшие глиняные лепешки круглой или овальной формы, очевидно, представляющие собой модели настоящих хлебцев. Диаметр их от 2 до 4,5 см. При изготовлении этих глиняных лепешек к глине примешивали зерна, а также части стебля и листьев растений. Одна из найденных в раскопе лепешек имеет пустоту, по форме соответствующую зерну, выгоревшему во время обжига (рис. 7, 5). На других лепешках хорошо видны отпечатки соломы (рис. 7, 6).

При раскопках жертвенника был найден также обломок глиняной антропоморфной фигурки. От нее сохранилась только верхняя половина (рис. 7, 20), изображающая голову с глазами, грубо обозначенными ногтевыми вдавлениями, одну руку в виде конического отростка и небольшую часть туловища.

В зольнике около жертвенника обнаружена небольшая глиняная льячка, напоминающая по форме настоящую (рис. 7, 23), но едва обожженная и поэтому очень хрупкая. Такую льячку невозможно было использовать в реальном металлургическом производстве, и она, очевидно, также имела культовое назначение.

Назначение некоторых предметов трудно определить. Среди них следует отметить глиняную лепешку с четырьмя большими и с четырьмя маленькими коническими рожками (рис. 7, 19), биконический полый внутри предмет (рис. 7, 22), обломок какого-то предмета в виде полого цилиндра (рис. 7, 21), глиняные шарики разных размеров, глиняные четырехугольные таблетки и кружочки, сделанные из обломков стенок сосудов (рис. 7, 7, 8, 10).

Особое внимание в комплексе предметов, найденных вокруг жертвенного места, привлекают глиняные модели зерен различных культур. Они изготовлены очень тщательно из тонко отмученной глины с какими-то органическими мелкозернистыми примесями. Во время обжига моделей эта органическая примесь выгорела, и поэтому глиняные зерна очень пористы, хрупки, легко разламываются на мелкие кусочки (рис. 8, 1). Всего во время раскопок 1954 и 1955 гг. было найдено более 170 глиняных моделей зерен и их обломков.

¹ P. Ra u. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929, табл. VII и др.

² См., например, Д. И. Бага лей. Раскопка курганов в Валковском и Богодуховском уездах Харьковской губ. Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 374; Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга, 1888—1902 гг., СПб., 1908, стр. 152.

Формы глиняных зерен довольно разнообразны, однако если не считать некоторые явно неудавшиеся, случайно сплюснутые или раздавленные экземпляры, то можно все эти модели разделить на несколько групп, отличающихся рядом характерных признаков. Одни из этих моделей напоминают зерна растений из семейства злаковых, а другие — семена бобовых. Размер глиняных зерен в большинстве случаев несколько больше натуральных, но пропорции довольно хорошо выдержаны. Сходство настолько велико, что после предварительного изучения моделей в своем

Рис. 8. Глиняные модели зерен и их обломки

отчете о раскопках 1954 г. я высказал предположение о том, что определенные группы глиняных моделей изображают зерна ячменя, пшеницы, ржи, проса, гороха, нута и других культур¹. Для точного выяснения этого вопроса я обратился во Всесоюзный институт растениеводства, сотрудники которого любезно откликнулись на просьбу, рассмотрели глиняные модели и дали им соответствующее определение². В результате обследования глиняных моделей зерен установлено следующее.

К первой группе моделей можно отнести глиняные зерна овальной формы (рис. 8, 3). В нижней части спинной стороны зерна иногда заметно небольшое углубление, обозначающее, вероятно, место зародыша. Вдоль брюшной стороны некоторых моделей зерен этой группы часто ясно виден проделанный в сырой глине пальцем овальный желобок,

¹ Б. А. Шрамко. Археологические исследования Харьковского гос. ун-та им. А. М. Горького в Харьковской и Полтавской областях в 1954 г. Рукопись в научном архиве Института археологии АН УССР, стр. 27—31.

² Акт от 21 июня 1955 г. подписали зав. лабораторией пшениц М. М. Якубцинер, зав. отделом зернобобовых культур Н. Р. Иванов, зав. группой ячменей А. Я. Трофимовская, зав. группой ржи В. Ф. Антропова.

имитирующий так называемую бороздку зерна. Цвет глиняных моделей светло-желтый. Размеры колеблются в таких пределах: длина 1,3—1,5 см, ширина 0,8—0,9 см, толщина 0,6—0,8 см. По всем указанным признакам (несмотря на определенную примитивность изображения) модели первой группы более всего напоминают зерна пшеницы (*Triticum L.*)¹.

Известно, что пшеница, наряду с просом и ячменем, является одним из древнейших культурных растений и на территории Восточной Европы разводилась по крайней мере со времени энеолита². В античную эпоху она в большом количестве возделывалась в греческих колониях Сев. Причерноморья и у местных племен Скифии³. Археологические памятники подтверждают возделывание этой культуры в раннем железном веке и на территории лесостепи. Так, обуглившиеся зерна и колосья пшеницы вместе со скифской керамикой были найдены при раскопках Пастерского и Мотронинского городищ в Киевской обл.⁴. Стебли и зерна пшеницы обнаружены также в кургане архаического скифского времени в Оснях около Бельского городища⁵.

Ко второй группе глиняных моделей относятся модели эллиптической формы с одним заостренным концом (рис. 8, 2). В нижней части моделей этих зерен обычно четко обозначено округлое углубление. Цвет глины этих моделей значительно темнее цвета моделей первой группы. Он — желтовато-серый или серый. Размеры моделей зерна колеблются в таких пределах: длина 1,5—1,7 см, ширина 0,9—1,0 см, толщина 0,8—0,9 см. По указанным признакам в моделях второй группы можно видеть изображение зерен ячменя (*Hordeum sativum L.*)⁶, который, как известно, также относится к числу древнейших растений, разводимых на нашей территории. В скифское время ячмень встречается не только на юге Северного Причерноморья⁷, но и на более северных территориях. Б. Н. Граков обнаружил отпечатки зерен ячменя на обломках посуды Каменского городища близ Николаполя⁸, И. И. Ляпушкин на обломке донышка из городища у с. Сухая Курской обл.⁹, А. И. Мелюкова на двух черепках с селища у с. Солончены¹⁰. На территории Харьковщины обломки посуды с отпечатками ячменя обнаружены в раскопках на самом городище Караван.

К третьей группе моделей относятся глиняные зерна продолговатой формы с одним слегка заостренным концом (рис. 8, 4). В нижней части зерна можно заметить небольшое округлое вдавление. Цвет этих моделей желтовато-коричневый. Размеры глиняных зерен колеблются в таких пределах: длина 1,9—2,1 см, ширина 0,7—0,9 см и толщина 0,6—0,8 см. Форма и пропорции этих моделей характерны для изображений ржи (*Secale cereale L.*)¹¹. История появления и распространения культурной ржи пока еще не совсем ясна. Во всяком случае наши ботаники считают вполне

¹ Ср. изображения зерен пшеницы в работе «Руководство по апробации сельскохозяйственных культур», т. 1, М., 1947, стр. 28, рис. 12, а также изображения зерен отдельных сортов.

² П. М. Жуковский. Культурные растения и их сородичи. М., 1950; А. И. Барбарич. Наши культурные растения. Київ, 1952, стр. 14 и сл.

³ В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 74 и сл.

⁴ В. В. Хвойка. Городища среднего Приднепровья, их значение, древность и народность. Тр. XII АС, т. 1, М., 1905, стр. 96, 98—99.

⁵ В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губ. в 1906 г. Тр. XIV АС, т. III, М., 1911, стр. 128.

⁶ Ср. Руководство по апробации с-х культур, т. I, стр. 438, 439.

⁷ См. сводку в указ. работе В. Д. Блаватского, стр. 74.

⁸ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, М., 1954, стр. 141.

⁹ И. И. Ляпушкин. Памятники эпохи железа Левобережной Украины. Научный архив Института археологии АН УССР, фонды эксп. № 717, уч. карт. XXVIII.

¹⁰ А. И. Мелюкова. Результаты раскопок на двух поселениях скифского времени в Молдавии. КСИИМК, вып. 56, 1954, стр. 65.

¹¹ Руководство по апробации... т. I, стр. 391.

вероятным, что культурная рожь появилась впервые в раннем железном веке на юге Европейской части СССР¹. Такое предположение подтверждается и археологическими данными. Остатки зерен сорнополевой ржи были обнаружены вместе с зернами мягкой пшеницы на территории Боспорского царства в античном слое IV в. до н. э.², а также в слоях III—IV вв. н. э.³ Кроме того, на Нижнем Дону в слоях II в. н. э. найдены зерна культурной ржи в чистом виде⁴. Надо полагать, что на более северной территории, в частности в лесостепной полосе Восточной Европы, рожь, как более выносливое по сравнению с пшеницей растение, была уже введена в культуру к моменту существования жертвенника на городище Караван, т. е. к V—IV вв. до н. э. Во всяком случае при изучении глиняных моделей такой крупный специалист по ржи, как В. Ф. Антропова, вполне определенно высказалась в пользу того, что указанные модели удлиненной формы «несомненно изображают зерна ржи (*Secale cereale* L.), причем одна модель сохранила даже характерные признаки зародыша ржи».

Среди остальных глиняных моделей довольно хорошо выделяются группы, имитирующие семена различных растений семейства бобовых. Так, к четвертой группе относятся модели семян шаровидной формы с заметной вдавненностью (рис. 8, 7). Цвет их желтоватый или сероватый. Диаметр 0,7—0,8 см. Эти модели явно изображают горошины (*Pisum sativum* L.). Сведения о разведении на нашей территории в древности бобовых культур более скудны, чем сведения о хлебных злаках. Геродот говорит лишь о возделывании местными племенами (алазонами) чечевицы⁵. Однако археологические находки в Северном Причерноморье показывают, что в действительности здесь выращивали гораздо больше различных бобовых растений. В отложениях первых веков н. э. на Краснодарском городище найдены зерна чины⁶. В слоях V—IV вв. на городище Ди-Тири-таки обнаружены зерна чечевицеобразной вики, а в Киммерике — зерна чечевицы и зернобобовой культуры Нупеа⁷. Наконец, во время раскопок 1952—1953 гг. на таврском поселении VIII—VII вв. до н. э. Уч-Баш (около Инкермана) были найдены семена гороха⁸. Горох, несомненно, был известен и в греческих колониях Северного Причерноморья. Во всяком случае из работы Феофраста видно, что греки метрополии в IV—III вв. до н. э. успешно его разводили⁹. Наконец, как уже отмечалось, отпечатки семян гороха были найдены на керамике городища Караван. Все эти данные делают вполне вероятным определение моделей четвертой группы как изображений горошин.

К пятой группе относятся шаровидные, слегка угловатые модели с оттянутым носиком (рис. 8, 9). Цвет их желтый. Диаметр 0,8—0,9 см. Эти модели, несомненно, изображают семена близкого к гороху бобового растения нута (*Cicer arietinum* L.). Нут, так же как и горох, был прекрасно известен древним грекам. Его вид и особенности разведения обстоятельно описывает Феофраст¹⁰.

Глиняные модели шестой группы имеют почковидную форму с перехватом по середине (рис. 8, 6). Цвет их серый. Размеры колеблются в сле-

¹ Антроповы В. и В. Рожь СССР и сопредельных стран. Л., 1929; П. М. Жуковский. Ук. соч., стр. 104—105; А. 1. Барбарич. Ук. соч., стр. 32—33.

² К. Фляксбергер. Археологические находки хлебных растений в областях, прилегающих к Черному морю. КСИИМК, вып. VIII, 1940, стр. 118.

³ И. И. Никишин. Находка зерен в Керчи. КСИИМК, вып. XXIII, 1948, стр. 84; В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 77, 81.

⁴ В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 81.

⁵ Геродот. История. IV, 17.

⁶ К. Фляксбергер. Ук. соч., стр. 117.

⁷ В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 78.

⁸ Доклад С. Ф. Стржелецкого на пленуме ИИМК в 1954 г.

⁹ Феофраст. Исследование о растениях. VII, 1, 1; VIII, 1, 4 и др.

¹⁰ Феофраст. Ук. соч., IV, 8, 6; IV, 8, 12; П. М. Жуковский. Ук. соч., стр. 236—237.

дующих пределах: длина (по прямой) 1,5—1,6 см, ширина 0,8 см, толщина 0,7 см. По определению Н. Р. Иванова, эти модели, по-видимому, являются изображением семян вигны (*Vigna sinensis* Endl.). Это одно из древних культурных растений семейства бобовых, семена которого идут в пищу, а стебли дают волокно, пригодное для плетения¹.

К седьмой группе относятся глиняные модели удлиненно овальной формы с тонким, заостренным кончиком (рис. 8, 5). Вся модель отличается некоторой угловатостью. Цвет их желтоватый. Размеры колеблются в таких пределах: длина 1,6—1,9 см, ширина 0,9—1,0 см, толщина 0,8—0,9 см. Н. Р. Иванов высказал предположение, что эти модели являются изображением чужы (*Suregus esculentus* L.). Это также древнее культурное растение, которое очень давно разводилось в Египте и было известно грекам. Плоды чужы содержат много вкусного и жирного пищевого масла и могут употребляться в пищу в сыром или вареном виде².

Глиняные модели восьмой группы отличаются небольшим размером и округлой или овальной формой (рис. 8, 8). Цвет их желтоватый, длина 0,9 см, ширина 0,7 см и толщина 0,6 см. Н. Р. Иванов отмечал, что эти модели по форме напоминают примитивное изображение семян бобового растения вики (*Vicia sativa* L.). Однако можно также предполагать, что эти модели имитируют зерна проса (*Panicum miliaceum* L.), являющегося древнейшей зерновой культурой. О выращивании и употреблении в пищу проса различными племенами Сев. Причерноморья свидетельствуют не только Геродот³, Плиний Старший⁴, Клавдий Элиан⁵, но и многочисленные археологические факты. В частности, отпечатки зерен проса на обломках посуды неоднократно отмечались на ряде селищ и городищ скифского времени в бассейне Северского Донца. Найдены эти отпечатки и на посуде селища Шелковая и городища Караван.

Исследование глиняных моделей с городища Караван не ограничилось изучением их внешнего вида и формы. Ввиду особой важности этих находок для истории земледелия и земледельческого культа, в лаборатории Гос. Эрмитажа при любезной помощи Т. Н. Сильченко было произведено рентгенологическое и микроскопическое исследование глиняных моделей зерен⁶. Наконец, некоторые дополнительные данные удалось получить при изучении макрофотографий, выполненных лаборантом Археологического музея ХГУ В. В. Кулешовым.

Рентгеновский снимок глиняных моделей очень хорошо подтвердил и дополнил выводы о том, что глиняным зернам не случайно, а с определенной (очевидно культовой) целью была придана та или иная форма. Оказалось, что модели зерен различных культур отличаются друг от друга не только по внешнему виду, но и по внутренней структуре. В частности, модели, которые по форме определяются как изображения хлебных злаков (пшеница, ячмень, рожь), имеют внутри своеобразную мелкопористую структуру (рис. 9, 1—3). Модели же различных бобовых культур не имеют такой структуры и отличаются равномерной плотностью глиняной массы (рис. 9, 4—7). Эта поразительная закономерность рентгенограмм говорит в пользу того, что модели восьмой группы (рис. 9, 8) следует относить не к бобовым (вика), а к хлебным растениям (просо). Кстати, письменные источники и археологические данные говорят о том, что просо в древности использовалось не только как ценная крупяная культура, но и для приготовления муки и мучных изделий. Из упомянутого выше сообщения

¹ П. М. Жуковский. Ук. соч., стр. 265—266.

² Феофраст. Ук. соч., IV, 8, 6; IV, 8, 12; П. М. Жуковский. Ук. соч., стр. 236—237.

³ Геродот, IV, 17.

⁴ Гай Плиний Секунд. Естественная история. XVIII, 100. ВДИ, 1949, № 2, стр. 312.

⁵ Клавдий Элиан. Различные рассказы. III, 39. ВДИ, 1946, № 2, стр. 227.

⁶ Акт рентгеновской лаборатории Гос. Эрмитажа от 24—25 июня 1955 г.

Плиния (N. Н. XVIII, 100) видно, что сарматские племена делали из проса муку и употребляли ее в пищу, смешивая с кобыльим молоком или кровью. Очень интересна находка на Пастырском городище в Кировоградской обл. части лепешки, которая была приготовлена из крупы и муки, сделанной из зерен метельчатого проса¹.

Рис. 9. Рентгенограммы глиняных моделей зерен (увеличено)

При исследовании глиняных моделей естественно возникает вопрос о том, почему именно модели хлебных растений имеют своеобразную мелкопористую структуру. По-видимому, это объясняется целым рядом взаимосвязанных друг с другом обстоятельств: техникой изготовления этих групп моделей, особенностями хозяйственного применения соответствующих растений и потребностями культа.

¹ В. Петров. Харчові рештки з Пастырського городища. Археологія, т. II, Київ, 1948, стр. 79 и сл.

Просмотр пористых обломков глиняных моделей под бинокулярным микроскопом показал, что глина моделей очень чистая. Лишь иногда попадаются единичные мелкие обкатанные кусочки кварца из песка. У края моделей довольно ясно выделяется более темный и плотный слой — заглаженная снаружи и запекшаяся корочка глины. Корочка гораздо плотней, чем внутренняя масса моделей. Последняя имеет мелкопористую структуру. Мелкие пустоты могли образоваться в результате

Рис. 10. Фотография излома глиняной модели зерна под микроскопом. Увеличено в 25 раз

выгорания при обжиге замешанных в глине органических частиц, по-видимому, хорошо растертой и просеянной через мелкое сито муки. Пустоты большей величины образовались вследствие попадания в глину, в момент ее замешивания, пузырьков воздуха или более крупных частиц органического вещества. В трех случаях в обломках глиняных моделей зерен удалось заметить и зафиксировать макрофотографией отпечатки сгоревших при обжиге мелких обломков пленок зерна и соломы (рис. 10). Очевидно, эти мелкие кусочки, несмотря на тщательное просеивание, попали в муку и вместе с ней были замешаны в глину.

Все эти факты достаточно убедительно говорят о том, что мелкопористая структура некоторых групп глиняных моделей возникла вследствие того, что они сделаны из глины, замешанной, по-видимому, на муке соответствующих культур, причем

именно таких культур (пшеница, ячмень, рожь, просо), из зерен которых в обычной хозяйственной жизни действительно делали муку. При изготовлении остальных моделей ограничивались простым подражанием внешнему виду семян. Аналогичное примешивание к глине культовых предметов целых или дробленых зерен и муки отмечено при изучении, в том числе рентгенологическом, трипольских статуэток¹.

Таким образом, на городище Караван обнаружен оригинальный земледельческий культовый комплекс, несомненно связанный с культом огня. При объяснении значения этого памятника мы должны исходить прежде всего из тех указаний, к сожалению, очень скудных, которые имеются в письменных источниках.

О широком распространении у племен Северного Причерноморья культа огня, связанного с культом домашнего очага, говорит Геродот. Он указывает, что во всей Скифии выше всех других богов почитают Гестию, которая по-скифски называется Табити (IV, 59). Ее признают даже священной царицей скифов (IV, 127) и в наиболее важных случаях клянутся «царскими гестиями» (IV, 68). В последних можно видеть священные очаги, на которых горел огонь в честь великой богини.

¹ С. Н. Библиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре. МИА, № 38, 1953, стр. 206 и сл., рис. 69—72; Т. Н. Сильченко. К вопросу о применении рентгенографии для изучения археологических объектов. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 145 и сл.

Геродот, конечно, не случайно отождествляет великую скифскую богиню Табити с греческой богиней домашнего очага Гестией. Известно, что Гестия занимала важное место в религиозном культе греков¹. В каждом доме священным местом считался очаг и почитание богини выражалось, в частности, в поддержании на нем неугасимого огня. Кроме того, культ Гестии, как и скифской богини Табити, выходил за пределы отдельной семьи, отдельного рода и имел общегреческое значение. В честь Гестии горел огонь в пританее каждого города. Покидая свой город, чтобы основать колонию, граждане брали с собой огонь из священного очага, чтобы зажечь его на новом поселении. Нам трудно сейчас сказать точно, что именно общего находил Геродот в культах скифской и греческой богини, но не приходится сомневаться, что Табити была связана с культом священного очага и что этот культ имел широкое распространение не только у степных кочевников — скифов, но и у других племен на территории Скифии. М. И. Ростовцев считает даже, что местное название богини не иранского происхождения². Не исключена возможность, что культ Табити возник первоначально не у собственно скифских ираноязычных племен, а у их лесостепных соседей и лишь впоследствии получил распространение во всей Скифии.

Археологические данные позволяют выяснить некоторые конкретные особенности этого культа и его распространение, хотя для получения полной картины пока еще не имеется достаточных данных.

Жертвенник городища Караван с примыкающим к нему зольником не является в этом отношении исключением. Следы культа домашнего очага патриархальной семейной общины в виде своеобразного комнатного зольника были обнаружены Б. Н. Граковым в 1949—1950 гг. при раскопках одного из жилищ на Каменском городище³. Характерные зольники были открыты на Северном Кавказе⁴, а на городищах Нижнего Дона и Кубани были найдены круглые тарелкообразные глиняные жертвенники⁵. Наконец, глиняные жертвенники, аналогичные раскопанному на городище Караван, встречены на ряде городищ дяковской и городецкой культуры⁶.

Особенно широкое распространение зольники получили в лесостепной полосе Восточной Европы. На Правобережье Днепра они появляются еще на белогрудовских поселениях предскифской эпохи, которые через памятники чернолесского типа генетически увязываются с культурой скифского времени. Характерно, что уже в зольниках белогрудовской культуры можно отметить появление того набора культовых предметов, который встречается и в скифскую эпоху. Уже здесь мы видим глиняные округлые лепешки, напоминающие маленькие хлебцы, разнообразие миниатюрные сосудики, сделанные из особо чистой глины, но иногда с примесью зерен проса, глиняные зооморфные и антропоморфные статуэтки⁷. Аналогичные предметы находят и в чернолесских зольниках⁸. Наконец в VII—

¹ L. Preller. Griechische Mythologie, v. I, Leipzig, 1854, стр. 266—272.

² M. Rostovzeff. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922, стр. 107.

³ Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 63.

⁴ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджар в 1907 г. Тр. XIV АС, т. III, М., 1911, стр. 162; Е. И. Крупнов. К вопросу о поселениях скифского времени на Сев. Кавказе. КСИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 27.

⁵ В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, вып. 85, 1934, стр. 42—43.

⁶ Там же, стр. 41—42.

⁷ О. І. Тереножкін. Поселення білогрудівського типу біля Умані. Археологія, т. V, Київ, 1951, стр. 173 и сл., табл. II, 1—7, 11—12; С. С. Березанська, Г. Т. Тітенко. Поселение предскифского времени в с. Собковка. КСИА, вып. I, 1952, стр. 78; С. С. Березанська і Г. Т. Тітенко. Нові розкопки пам'яток білогрудівського типу. Археологія, т. IX, 1954, стр. 119.

⁸ О. І. Тереножкін. Розвідки і розкопки 1949 р. в північній частині Кірово-

VI вв. до н. э. зольники и соответствующие им комплексы культовых вещей широко распространяются и на Левобережье вплоть до бассейна Сев. Донца¹. Существуют они до тех пор, пока вообще сохраняются своеобразные «скифские» черты культур раннего железного века в Восточной Европе, т. е. приблизительно до конца I тысячелетия до н. э.

В настоящее время уже совершенно ясно, что в раннем железном веке на территории степи и лесостепи Восточной Европы не существовало какой-то одной скифской культуры. Здесь развивалось несколько локальных племенных групп, имевших ряд существенных особенностей в материальной культуре и сложившихся на различной этнической основе². Однако это не исключает того, что в культуре указанных племен наблюдаются некоторые общие черты, в частности в области религиозных представлений. Особенно ярко это видно у лесостепных племен, в хозяйственной жизни которых большую роль играло земледелие.

Археологически эта общность выражается в широком распространении культа с обычаем собирания золы очага в отдельные холмики (зольники) и в применении при культовых обрядах определенных вещей и приемов. О происхождении и назначении зольников высказывались самые различные предположения. Некоторые исследователи первоначально принимали их за своеобразные погребальные памятники-курганы с остатками трупосожжения³. И. А. Зарецкий считал их местами для жертвоприношений⁴. А. А. Спицын связывал их с остатками поселений⁵, А. И. Тереножкин прямо относит их к остаткам наземных жилищ⁶. М. Я. Рудинский высказывал предположение, что это своеобразные остатки многолетнего приготовления пищи под открытым небом, на летнем очаге⁷. В. А. Городцов предполагал, что зольники могли возникнуть в результате существования обычая, в силу которого отдельные семьи или группы родственников считали своим долгом ссыпать золу из своего очага в одно определенное место⁸.

За последние годы в разных местах было раскопано полностью или частично довольно большое число зольников, и это дает возможность критически подойти ко всем гипотезам. Мнение о том, что зольники — это разновидность курганов, уже никем не разделяется. Вполне доказано также и то, что зольники сами по себе не являются остатками жилищ⁹, хотя находятся всегда на территории поселения, а иногда и рядом с жилищами¹⁰. По-видимому, наиболее правильным, и во всяком случае совершенно не противоречащим имеющимся данным, является предположение В. А. Городцова о том, что зольник — это результат существования своеобразной

градской обл., Археология, т. VII, 1952, стр. 110; его же. Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье (чернолесский этап), сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954, стр. 94.

¹ В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском у. Полтавской губ., 1906 г., Тр. XIV АС, т. III, М., 1911, стр. 93; В. А. Іллінська. Пам'ятки скифського часу на Посуллі. Археологія, т. IV, 1950; Б. А. Шрамко, Памятники скифского времени у с. Островерховка, Харьковской обл. КСИА, № 4, Київ, 1955, стр. 101 и др.

² Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954, стр. 39 и сл.

³ В. Е. Данилевич. Раскопки курганов около с. Буд и хутора Березовки. Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 411; В. В. Хвойко. Городища Среднего Приднепровья, стр. 95.

⁴ И. А. Зарецкий. Заметка о древностях Харьковской губ., Богодуховского у., слободы Лихачевки. Харьковский сборник, вып. 2, Харьков, 1888, стр. 229.

⁵ А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей. ИАК, вып. 65, стр. 141—143.

⁶ А. И. Тереножкин. Поселения білогрудівського типу..., стр. 176.

⁷ М. Рудинський. Мачухська експедиція Інституту Археології. Арх. пам'ятки УРСР, т. II, 1949, стр. 79.

⁸ В. А. Городцов. Дневник арх. исслед., стр. 149—150.

⁹ С. С. Березанская и Г. Т. Титенко. Поселение предскифского времени..., стр. 84.

¹⁰ Б. А. Шрамко. Памятники скифского времени у с. Островерховка..., стр. 101.

образного обычая, связанного в конечном счете с культом домашнего или родового очага. Там, где огонь очага является священным, вполне закономерно и почтительное отношение к золе как частице этого очага. Ее нельзя разбрасывать где попало, а необходимо собирать в определенном месте и беречь как святыню.

В качестве примера подобного отношения к золе при существовании культа домашнего очага можно привести обычай, отмеченный этнографами у удмуртов. Местом домашнего культа у них был очаг, который помещался в особом шалаше около жилища. Это место пребывания духа, покровителя семьи (воршуда). При переселении семьи золу из старого очага выгребают и переносят на новое местожительство. Если из большой патриархальной семьи выделяется малая семья, то уходящие получают частицу семейного огня в виде части золы из очага. Наконец, если семья вымирает, то зола из семейного очага переносится в шалаш, являющийся местом общеродового культа¹. У земледельческих племен лесостепной полосы Восточной Европы культ огня домашнего и родового очага осложнялся еще соединением его со своеобразным земледельческим культом. Об этом свидетельствует целый ряд археологических находок и сопоставление их с этнографическими данными. Нет сомнения в том, что появление моделей зерен различных культур в зольнике у жертвенника на городище Караван связано с этим культом. В огне многие древние земледельцы видели особую очистительную, плодотворную силу и вместе с тем средство, при помощи которого можно установить контакт с божеством и выпросить у него желаемое. Например, у славян существовал обычай, по которому перед самым началом посева в огонь бросали горсть проса, и это должно было предохранить поле от засорения и обеспечить урожай проса «чистого как золото». В других местах считалось, что во время пахоты или удобрения поля нельзя никому давать огонь из своего очага, так как отдать огонь значит отдать урожай. У сербов и у других южных славян в день зимнего поворота солнца зажигали в домашней печи дубовый чурбан и посыпали его хлебными зёрнами, мукой, солью и т. п., поливали вином и маслом, обращаясь с молитвами о хорошем урожае, о плодородии стада и изобилии в доме. Наконец, в Славонии существовал обычай, по которому хлебные зёрна, предназначенные для посева, посыпали пеплом и кропили водой².

У древних греков при жертвоприношении воду освящали погружением в нее горячей головни с алтаря. Присутствующим раздавали поджаренные зёрна ячменя, которыми посыпали голову жертвенного животного³. Аналогичные культовые действия мы можем уловить по археологическим памятникам и у земледельческих племен лесостепи. Во время раскопок на городище Жарище (у с. Пастерское в Киевской губ.) В. В. Хвойко обнаружил в слое скифского времени интересное сооружение: в большой яме, дно и нижняя часть стенок которой были докрасна обожжены, стоял глиняный столб. Верхняя часть этого столба имела форму жертвенника в виде миски, украшенной резным орнаментом из 7 концентрических кругов. Вокруг жертвенника в почве «попадались обугленные желуди или орехи и зёрна обугленной пшеницы вместе с значительным количеством золы и угля»⁴. Такой же глиняный жертвенник был найден при раскопках Мотронинского городища. И опять он был окружен «множеством золы и обугленных стеблей и колосьев хлеба, преимущественно пшеницы»⁵. Наконец, остатки также, по-видимому, культового сож-

¹ Н. Харузин. Этнография, т. IV, СПб., 1905, стр. 335—338.

² А. Афансьев. Поэтические воззвания славян на природу, т. I, М., 1868, стр. 12, 13, 33, 42 и др.

³ В. В. Латышев. Очерк греческих древностей, ч. 2, СПб., 1889, стр. 87.

⁴ В. В. Хвойко. Ук. соч., стр. 96.

⁵ Е го же. Ук. соч., стр. 98—99.

жения стеблей пшеницы с зернами в колосьях были открыты В. А. Городцовым под насыпью кургана № 1 в Оснягах близ Бельского городища¹.

В некоторых случаях вместо того, чтобы приносить в жертву настоящих животных или другие материальные ценности, их заменяли различными статуэтками, лепешками и т. п. изделиями. Геродот (II, 47), рассказывая о том, что древние египтяне приносили в жертву божеству Луны и Дионису свиней, добавляет; «бедняки по скудости своего хозяйства лепят свиней из теста, пекут и приносят их в жертву». У древних греков Аполлону и Артемиде в праздник Фаргелий приносили незрелые еще плоды и хлебные изделия. Иногда хлебцам придавали форму животных и жертвовали их вместо настоящих. При этом такие изделия иногда сжигались, а иногда просто клались на жертвенники². Катон в своем трактате дает подробные указания о том, как перед пахотой, посевом и уборкой урожая приносить в жертву Юпитеру, богине произрастания Церере и другим богам мясо, вино и хлебные лепешки. При этом он не забывает и римскую богиню домашнего очага Весту³. Очевидно, и на городище Караван, принося в жертву глиняные модели зерен, лепешки и т. п. изделия, местные земледельцы также старались обеспечить себе хороший урожай различных культур.

Количество археологических и этнографических примеров можно было бы значительно увеличить. Однако уже то, что было сказано, ясно свидетельствует о том, что в раннем железном веке у племен лесостепной полосы Восточной Европы был широко распространен земледельческий культ, связанный с культом огня и домашнего очага. Это подтверждает предположения, высказанные в свое время В. А. Городцовым⁴ и Б. А. Рыбаковым⁵ о том, что скифская Табити была не только богиней домашнего очага, но также богиней жизни и плодородия, а следовательно, и покровительницей земледелия. Одним из своеобразных памятников этого культа является жертвенник на городище Караван.

¹ В. А. Городцов, Дневник археологических исследований..., стр. 128.

² В. В. Латышев, Ук. соч., стр. 82—83.

³ Марк Порций Катон, Земледелие. 132—134, пер. М. Е. Сергеенко, М.—Л., 1950, стр. 61—63.

⁴ В. А. Городцов, Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. Тр. ГИМ, вып. 1, М., 1926, стр. 20 и сл.

⁵ Б. А. Рыбаков, Древние элементы в русском народном творчестве. СЭ, № 1, 1948, стр. 90 и сл.

Д. П. ДИМИТРОВ

СЕВТОПОЛЬ — ФРАКИЙСКИЙ ГОРОД БЛИЗ с. КОПРИНКА
КАЗАНЛЫКСКОГО РАЙОНА

(Краткое предварительное сообщение)

Начало I тысячелетия до н. э. представляет собой переломный момент в истории племен, населявших в то время нынешние болгарские земли. Приблизительно с VIII—VII вв. здесь стало известно железо. Введение его в производство дало новый толчок к дальнейшему развитию производительных сил общества. К концу VI в. до н. э. появился гончарный круг, что служит явным признаком выделения в это время гончарства в самостоятельное ремесло и появления товарного производства керамики. В конце VIII в. начинается колонизация греками эгейского¹, а в VII в.— черноморского побережья². В течение двух веков здесь возник целый ряд греческих городов, и восточная половина Балканского полуострова была прочно включена в экономическую и культурную сферу средиземноморского мира.

С этого времени впервые начинают упоминаться фракийцы. Название их все чаще и чаще встречается в древнегреческих письменных источниках. В десятой песне Илиады³ описывается трагическая смерть фракийского вождя Реза, явившегося со своими фракийцами на помощь Трое в ее борьбе против ахейцев. Рез появляется во всем блеске своего вооружения. Его колесница окована золотом и серебром, а его золотое оружие, по мнению поэта, было достойно лишь богов. Вообще Илиада обрисовывает культуру фракийцев как стоящую на одном уровне с культурой греков героического периода⁴. В сущности, в X песне Илиады нашла поэтическое отражение борьба греков с фракийскими племенами побережья Эгейского моря⁵, не так легко уступавшими пришельцам свои земли.

По мнению античных авторов, фракийцы были одним из больших народов древности⁶. Однако они разделялись на множество отдельных пле-

¹ В. Бешевлиев. Гръцката колонизация на Беломорието в древността. Беломорски преглед, 1, 1942, стр. 166.

² Т. В. Блаватская. Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952, стр. 22.

³ II., X, 435 сл.

⁴ Г. И. Кацаров. Тракия в Омировия епос. ИБИД, XI—XII. 1931—1932, стр. 135; его же. Beiträge zur Kulturgeschichte der Thraker. Sarajevo, 1916, стр. 4 и сл. и указ. там литература; Х. М. Данов (Към материалната култура на тракийците през Омировата епоха. Ист. Пр., IV, 1947, № 1, стр. 19) и С. Мулешков (Обществено-икономическият строй на траките от VIII до IV в. пр. н. е. ИИБИ, 1951, № 3—4, стр. 152) совсем неосновательно пытались доказать, что культура фракийцев, описанная в эпосе Гомера,—поэтическая фикция; опровержение этой точки зрения см. Д. П. Димитров. Тракийската гробна находка от с. Дълбоки, Старозагорско. Разкопки и проучвания, IV, 1950, стр. 236.

⁵ Г. И. Кацаров. Тракия в Омировия епос, стр. 134 и указ. там литература.

⁶ G. I. Kazanov, Beiträge..., стр. 9.

мен. Судя по скудным данным письменных источников, а также и по археологическим исследованиям, их общественно-экономические отношения развивались очень неравномерно¹. В то время как большая часть племен, живших к северу от Гема (Стара-Планина), сохраняла первобытно-общинный строй до начала нашей эры², южные племена, например одрисы, уже в V в. до н. э. образовали племенной союз, а в IV—III вв. у них возникла даже государственная организация³, основанная на рабовладении.

Несмотря на то, что фракийцы являлись обитателями окраины античного мира, они были все же тесно с ним связаны. В истории древней Греции Фракия играет немаловажную роль. Взаимоотношения древних греков и фракийцев между собой не исчерпываются одними лишь ожесточенными войнами и политическими союзами. Уже издавна между этими двумя народами установились тесные торговые связи и культурные взаимоотношения. Фракийцы создали своеобразную культуру, религия фракийцев оказала немалое воздействие на религиозные представления греков. Фракийцы прославились своей музыкой; античной традиции были хорошо известны мифологические фракийские певцы Орфей и Тамирис. Фракийцами были созданы высокохудожественные ремесла, в которых нашли широкое применение декоративные элементы⁴.

С ранних пор к фракийцам начали проникать элементы греческой культуры, которая, охватив сначала фракийскую аристократию, в IV—III вв. до н. э. получила распространение и в более широких слоях фракийского общества, однако она не могла, разумеется, полностью подавить местные традиции.

До недавнего времени наши сведения о материальной культуре фракийцев были очень скудными и односторонними. Они основывались преимущественно на письменных свидетельствах древних авторов и на находках вещей из фракийских некрополей. Ни одно фракийское поселение не было исследовано.

После 9 сентября 1944 г. археологические исследования материальной культуры фракийцев приобрели широкий размах. Одним из важнейших достижений в этой области явились раскопки в окрестностях с. Копринка Казанлыкского р-на, вскрывшие остатки древнего города фракийцев Севтополя, который был, по всей вероятности, основан фракийским владетелем Севтом III в конце IV в. до н. э.

Раскопки были начаты в 1948 г. Институтом археологии и Археологическим музеем Болгарской Академии наук и продолжались вплоть до лета 1954 г. Коллективу исследователей⁵ удалось в течение семи кампаний обследовать три больших надгробных кургана и территорию древнего города общей площадью в 4,5 га. Впервые в истории болгарской археологической науки был почти полностью исследован значительный по своим размерам и важности археологический объект.

Местность, где находился этот фракийский город, расположена в 3,5 км к юго-западу от с. Копринка и приблизительно в 8 км к западу от Казан-

¹ Т. В. Блаватская. Ук. соч., стр. 39.

² Т. Д. Златковская. Мезия в I и II вв. н. э. М., 1951, стр. 31.

³ О государстве одрисов см. А. М. Иванов. Этнические и культурные связи между фракийцами и скифами в VIII—IV вв. до н. э. (Автореферат), Л., 1949, стр. 5; Д. П. Димитров. Ук. соч., стр. 238; А. Милчев. Социально-экономический и общественно-политический строй на траките (VIII—IV вв. пр. н. э.). Ист. Пр., VI, 1950, № 4—5, стр. 551 и сл.; Т. В. Блаватская. Ук. соч., стр. 54 сл. Не выдерживает критики тезис С. Мулешкова (см. ук. соч., стр. 176), будто вплоть до утверждения римского владычества на Балканском полуострове фракийцы оставались на стадии племенного союза, т. е. так и не смогли достигнуть стадии образования государства.

⁴ G. I. Kazanov. Beiträge..., стр. 92 и сл.; его же. Thrace. САН, т. VIII, Cambridge, 1930, стр. 554 и сл.

⁵ В раскопках под руководством автора настоящей статьи принимали участие младшие научные сотрудники Института археологии и Археологического музея БАН М. К. Чичикова, Л. Л. Огенова, Ю. И. Чангова и др.

Рис. 1. Общий вид раскопок Севтополя с юга

лыка. Она находится на левом берегу р. Тунджа (древнефракийский Тонз) ¹, в том месте, где река образует большую излучину и опоясывает с юга и с запада плато с крутыми (до 4 м высоты) берегами. С востока плато пересекается полноводным притоком р. Тунджа. Таким образом, город был расположен на слегка спускающейся к р. Тунджа плоской возвышенности, естественно защищенной с трех сторон водой (рис. 1).

Во время раскопок было установлено наличие двух культурных слоев — античного и средневекового: античный слой достигает мощности 1,80 м, средневековый — значительно тоньше, он доходит до 50—60 см толщины. Оба слоя содержали большое число монет, по которым оказалось возможным точно установить их хронологию. Из всех найденных античных монет (число которых превышало 1100) 791 относится ко времени фракийского владетеля Севта III, который известен как предводитель фракийцев в их освободительной борьбе против Александра Македонского и Лисимаха ². Остальные античные монеты распределяются по времени от Филиппа II (359—336 гг. до н. э.) до Деметрия II (239—229 гг. до н. э.). Этот период определяет в сущности хронологические границы, в которых протекала в древности жизнь на этом месте.

Стратиграфические наблюдения позволили установить наличие трех периодов в жизни античного поселения. Во времена Филиппа II Македонского это было небольшое фракийское поселение, остатки которого представлены монетами Филиппа и фракийской керамикой. Тонкий обгорелый пласт отделяет остатки этого времени от вышележащего слоя. Последний свидетельствует, что на месте сожженного поселения во времена Севта III был построен укрепленный населенный пункт городского типа, к которому относятся открытые раскопками укрепления, основания обширных каменных построек, улицы, разные изделия греческого и фракийского происхождения, монеты Севта III, Александра Македонского и диадохов. Этот укрепленный город после осады был взят приступом, совершенно разрушен и разграблен. Обгорелые кирпичи, многочисленные каменные ядра красноречиво говорят о трагическом конце города Севта. Попытки восстановления разрушенного города знаменуют третий период его истории, продлившийся до конца III в. до н. э. После этого жизнь здесь прекратилась, и лишь приблизительно через 1400 лет на месте древних развалин появилось небольшое средневековое болгарское поселение, обитатели которого жили в лачугах. К этому поселению относится небольшое количество средневековой керамики, бедный некрополь, находящийся в

¹ E. Oberhummer. Tonsos. RE, VI², 1714.

² Swoboda. Seuthes. RE, II², 2022 сл.; Г. И. Кацаров. Келтите в стара Тракия и Македония. СпБАН клиФФО, кн. 10, 1919, стр. 50 сл.; Я. Тодоров. Тракийските царе. ГСУИФФ, ХХІХ, 1933, 7, стр. 66 сл.; Т. В. Блаватская. Ук. соч., стр. 90 сл.

восточной части древнего поселения, и около восьмисот, преимущественно византийских, монет XII—XIV вв.

Превращение всей этой местности впоследствии в пахотную землю привело к тому, что как средневековый культурный слой, так и большая часть античного слоя оказались совершенно перемещенными и уничтоженными. Кроме того, многие каменные фундаменты построек г. Севта, особенно в северной, более высокой части городища, находились всего лишь на глубине 10—20 см от поверхности, что давало возможность соседним селам более позднего времени снабжаться в течение многих лет обильным строительным материалом за счет разборки древних сооружений. Таким образом значительные участки г. Севта оказались совершенно уничтоженными. При таком плохом состоянии стратиграфии встретились значительные затруднения при хронологическом определении целого ряда находок и архитектурных остатков.

Долгое время не было известно даже наименование раскапываемого поселения. Но в октябре 1953 г. было сделано чрезвычайно важное открытие — был обнаружен первый эпиграфический памятник на этом поселении, оказавшийся также и первым найденным в Болгарии официальным документом, вышедшим из канцелярии фракийских владетелей (рис. 2). Это мраморная плита с фронтоном, достигающая 63 см высоты, содержащая в тридцати семи строках греческий текст клятвенного договора между видными лицами управляющей верхушки фракийского и македонского происхождения. Содержание надписи следующее: «В час добрый! Клятвенное обязательство Береники и ее сыновей относительно Епимена. Ввиду того, что Севт (речь идет о Севте III), когда был еще в добром здравии, передал Спартоку Епимена с его имуществом; а Спарток взамен этого дал ему обет верности — Береника и ее сыновья Ебризельм, Терес, Саток и Садала решили, что относится также и к их потомкам, оставить Спартоку Епимена на всю жизнь с его имуществом. Епимену вменяется в долг, поскольку ему позволяют силы, служить Спартоку или же тем, кому Спарток прикажет. Сыновья Береники обязываются вывести Епимена из храма Самофракийских божеств, с условием, что они не нанесут ему ущерба, но передадут его Спартоку вместе с имуществом, ничего не взяв себе, если он не провинится. В случае, если он проявит непослушание по отношению к этим вещам, пусть Спарток его судит. Пусть эта клятва будет написана на каменных плитах, которые должны быть поставлены одни в городе Кабиле возле Фосфориона и на агоре у алтаря Аполлона, а другие должны быть выставлены в Севтополе в храме Великих богов и на агоре в святилище Диониса у алтаря». Надпись заканчивается известной уже из других подобных документов формулой: «Пусть эта клятва послужит для добра и счастья тех, кто выполнит ее, а со стороны Береники пусть останутся в силе по отношению к нему прежние клятвы».

Не останавливаясь пока на первой части этого клятвенного договора¹, обратим внимание на последнюю его часть, в которой говорится о местонахождении четырех экземпляров надписи. Две из этих плит должны были быть поставлены в г. Кабиле, который нам известен по письменным источникам и развалины которого разыскиваются в окрестностях нынешнего г. Ямбол в Южной Болгарии². Другой упомянутый в надписи город—Севтополь—и есть, очевидно, городище возле с. Копринка, где най-

¹ Так как эта надпись является чрезвычайно важным историческим документом, освещающим многие вопросы в области истории Фракии в эпоху эллинизма, ей будут посвящены специальные исследования.

² О г. Кабиле см. Г. И. Кацаров. Цар Филип II Македонски. София, 1922, стр. 213; E. Oberhummer. Kabyle, RE, X, 1455; о монетах Кабиле см. Н. А. Мушмов. Античные монеты на Балканский полуостров. София, 1912, стр. 216; Т. Д. Герасимов. Античные монеты с контрамарки от Долна Мизия и Тракия. ИАИ, XV, 1946, стр. 64.

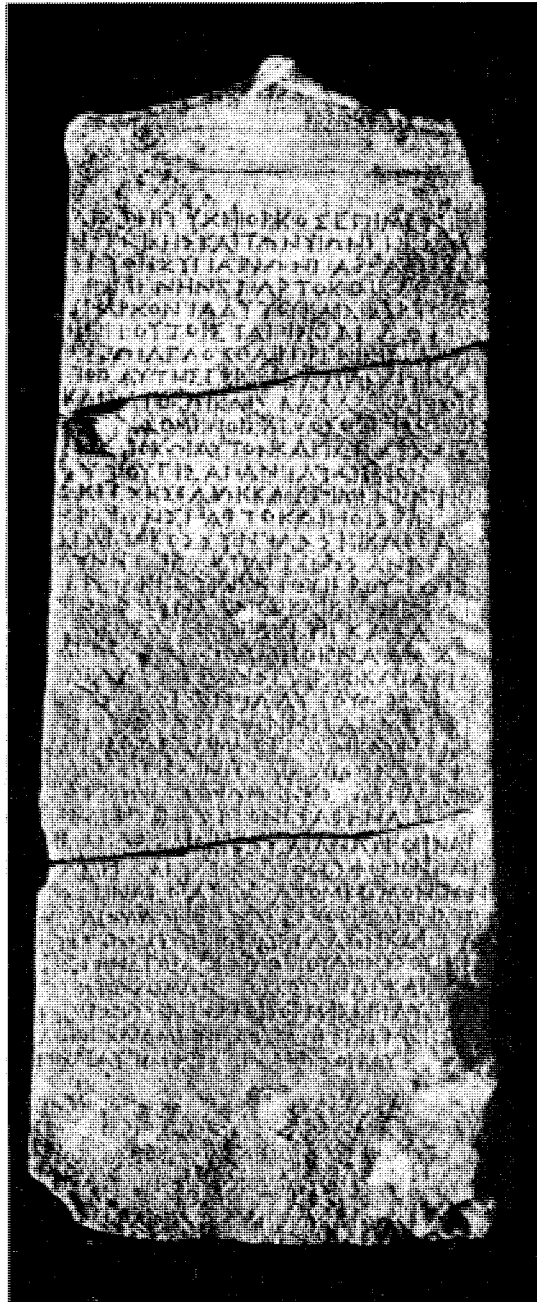

Рис. 2. Греческая надпись на мраморной плите из Севтополя

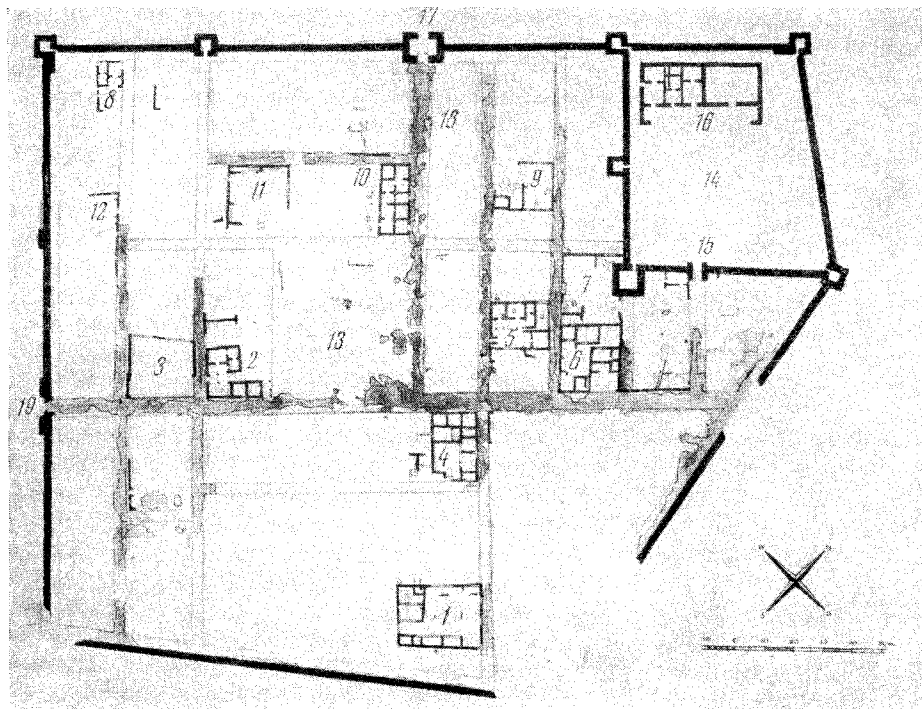

Рис. 3. План Севтополя

ома; 13 — агора; 14 — укрепленный квартал; 15 — пропилеи; 16 — дворец-храм; ю-западные ворота; 18 — северо-западная главная улица; 19 — юго-западные ворота; 20 — юго-западная главная улица

н из экземпляров надписи. Таким образом, выяснилось, что второй е богатый античный слой изучаемого поселения представляет совалины этого не известного до сих пор фракийского города.

раскопок Севтополя мы не имели возможности судить о характере жого города доэллинистической и эллинистической эпохи¹, не на то, что у античных авторов довольно часто упоминаются назвакийских поселений, которые именуются πόλεις².

ксфен в речи «О делах в Херсонесе», произнесенной в 341 г., упо-наименования трех фракийских поселений: Дронгил, Кабиле и а, называя их «окаянные притоны» (τῶν μὲν ἐν θράκη κακῶν)³. Де-говорит⁴: «Наверно никто не наивен настолько, чтобы поверить, ипп стремится к этим окаянным притоном во Фракии (как же ина-и бы назваться Дронгил, Кабиле, Мастейра и местности, которыми ь завладевает?), ради которых он терпит мучения и бури и под-себя самым большим опасностям». Сопоставляя высказывания ена о Кабиле с данными об этом поселении, сообщаемыми откры-евтополе надписью, мы ясно видим резкое различие. В то время

1. Kazanow. Beiträge..., стр. 33.

2. Одиссея, IX, 40, поселение киконян Исмара называется πόλις (см. Т. В. ская. Ук. соч., стр. 17, прим. 1); Гекатей (Jacoby FHG, I, fgm. 152, 169, же говорит о фракийских πόλεις (срв. Х. М. Данов. Към историческая древна Тракия, I. ГСУИФФ, XI, 1943—44, стр. 17; А. Милчев. Социально-еский и общественно-политический строй на траките VIII—IV в. пр. н. е. Ист., № 4—5, стр. 532).

3. M. H. Smith, VIII, 44. Ed. A. Westermann, Berlin, 1902, стр. 208.

4. Кацаров и др. Извори за старата история и география на Тракия и Ма-София, 1949, стр. 109.

как для Демосфена Кабиле является «окайнным притоном», в надписи говорится о нем как о поселении городского типа с базарной площадью (агора), с монументальной архитектурой — Фосфоринон и алтарь Аполлона. Севтополь, судя по надписи, имел также агору, храм Великих богов и храм Диониса. Посмотрим теперь, каким представляется этот город в свете раскопок (рис. 3).

Севтополь был сильно укрепленным центром. Крепостная стена, толщиной до 2 м, охватывает пятиугольное пространство площадью в 5 га. Форма пятиугольника обуславливается рельефом местности. С северо-

Рис. 4. Одна из промежуточных башен северо-западной крепостной стены

восточной, восточной, юго-восточной и юго-западной сторон стена крепости идет вдоль крутого берега. Здесь реки представляют собой естественную водную преграду; с северо-западной стороны нет естественного препятствия. Здесь не было обнаружено следов искусственного рва, но зато крепостная стена укреплена оборонительными башнями. Башни помещаются на каждом углу крепости, но в промежутках между угловыми башнями, там, где стена проходит над рекой, башен нет. Северо-западная стена, выходящая в поле, защищена двумя промежуточными башнями (рис. 3 и 4), расположенными на известном расстоянии с обеих сторон от главных (северно-западных) крепостных

ворот (рис. 3, 17). Эти ворота выстроены также в виде большой четырехугольной башни с проездом посередине. Юго-западная стена, проходящая вдоль реки, но на некотором расстоянии от берега, снабжена с наружной стороны лишь одним четырехугольным утолщением. Два других подобных сооружения расположены непосредственно с обеих сторон вторых городских ворот — юго-западных (рис. 3, 19) — и защищают их. Общая длина крепостной стены достигает 890 м.

Севтополь имел регулярную планировку. Улицы его достигают ширины 3—4 м и вымощены мелким булыжником. Две главные (4,5 м ширины) перпендикулярные артерии (рис. 3, 18 и 20) идут от городских ворот к центру города, где пересекаются под прямым углом и окаймляют с двух сторон большую (2250 м²) площадь. Эта площадь (рис. 3, 13) и есть агора, о которой упоминается в надписи. Поверхность агоры на 30 см ниже уровня соседних улиц, от которых площадь отделена порогом. Остальные улицы, за исключением обводной, проходящей вдоль стен всего города, расположены параллельно двум основным магистралям и пересекаются почти под прямым углом, образуя продолговатые кварталы жилых и других построек.

План Севтополя напоминает планировку эллинских городов, связанную с именем Гипподама Милетского¹. Его особенностью, однако, является

¹ Всеобщая история архитектуры, т. II, кн. I, М., 1949, стр. 193 сл.; А. Б. Бунин и н. История градостроительного искусства, т. I, М., 1953, стр. 56; Fabricius. Hippodamos. RE, VIII, стр. 1731 сл.

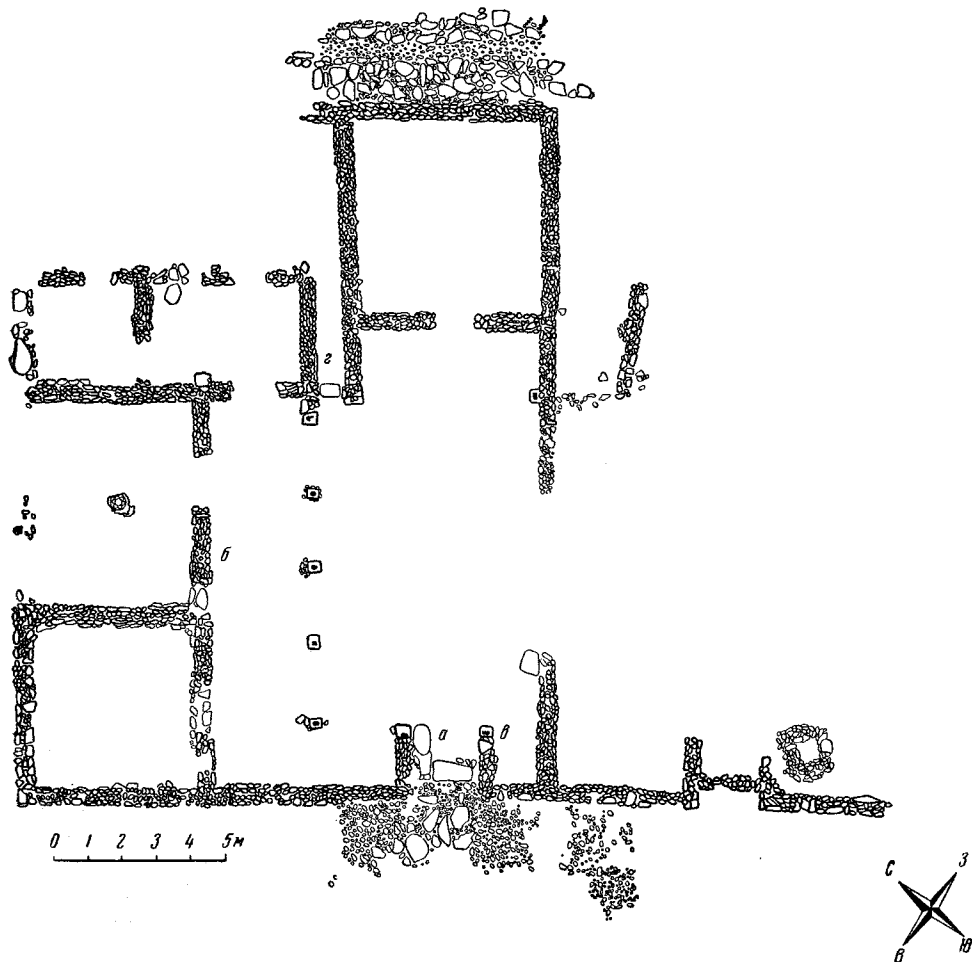

Рис. 5. План дома № 5 (пасторальный тип): а — вход в центральный двор; б — портики; з — помещения для привратника; г — лестница

существование укрепленного квартала в северном углу города, занимающего площадь приблизительно в $4\,500\text{ м}^2$ (рис. 3, 14) и представляющего собой трапециевидную крепость с входом с юго-востока. Ее юго-западная и юго-восточная стены связаны с одной из промежуточных башен северо-западной городской стены и с угловой северо-восточной башней городской стены. В юго-западной стене этой крепости имеются две башни, обращенные в сторону города. В этом укрепленном квартале была открыта единственная в своем роде постройка, которая по своему плану и по размерам резко отличается от остальных городских построек (рис. 3, 16).

Жилые кварталы Севтополя в сравнении с кварталами, например, Олинфа¹ отличаются небольшой площадью, отвечающей малым размерам города. Постройки, однако, сравнительно большие; каждая из них занимает площадь в среднем в $300\text{—}500\text{ м}^2$. Они обыкновенно расположены так, что выходят одновременно на две улицы, а некоторые — и на три. Таким образом, в каждом квартале помещается не более 2—3 построек. В этом отношении не может быть сравнения с Олинфом, где усвоен принцип блокового строительства².

¹ D. M. Robinson. Excavations at Olynthus, XII, Baltimor, 1946, табл. 271.

² Всеобщая история архитектуры, т. II, кн. 1, стр. 204; D. M. Robinson. Haus. RE, VII, Suppl., 1940, 253 и сл., обр. 2.

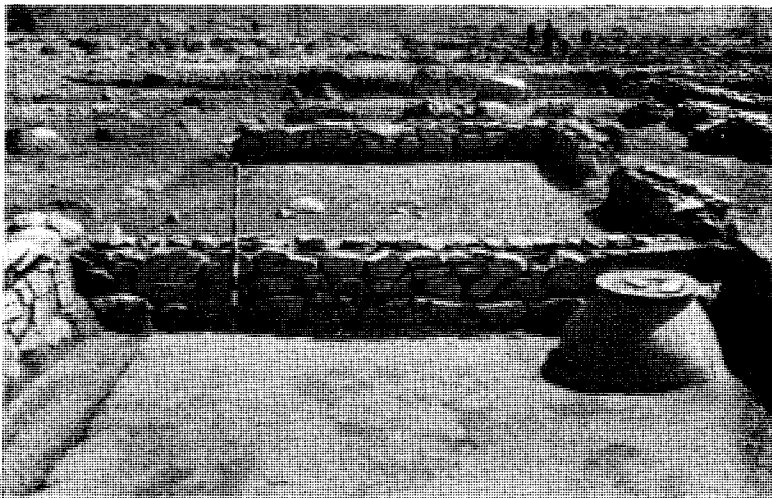

Рис. 6. Одно из помещений дома № 5 с пифосом

Жилые дома состоят из многих помещений, расположенных вокруг центрального двора, а у некоторых из помещений есть и отдельные дворы со службами. Главное жилое помещение расположено в северо-западной части двора таким образом, что задней стороной оно выходит в направлении северных ветров, дующих с Балканских гор, а открывается через портик во двор — на юго-восток. Вообще по планировке и распределению помещений жилые дома Севтополя отвечают укладу рабовладельческого общества. Таким образом, можно объяснить наличие «пастадного» типа жилищ¹. Фундамент одного из них сравнительно хорошо сохранился (рис. 3, 5; рис. 5). Вход (рис. 5, а) ведет в центральный двор. С северо-запада и северо-востока к двору примыкают портики — «пастас» (рис. 5, б) с деревянными столбами на каменных четырехугольных подставках. Возле входа находится помещение для раба-привратника (рис. 5, в). Нижний этаж представлял собой склады, о чем свидетельствует сохранившийся большой пифос (рис. 6). Можно заметить также место лестницы (рис. 5, г), ведущей на второй этаж в главные жилые помещения. Общий вид остатков этого дома с севера показан на рис. 7. Сравнительно хорошее состояние, в котором была открыта эта постройка, дало возможность сделать попытку ее реконструкции² (рис. 8).

Фундаменты домов в Севтополе строились из рваного камня на глиняном растворе, а сама постройка возводилась из необожженного кирпича (сырца) с переплетами из деревянных балок. При раскопках повсюду были обнаружены большие железные гвозди от деревянных конструкций, а также обожженные обломки глины с отпечатками деревянных балок. Глинобитные полы помещений постланы в большинстве случаев на слое битой черепицы. Крыши были покрыты черепицей. Было найдено большое количество желобчатой черепицы и соленов, причем некоторые из них имели особые отверстия для дыма.

Население снабжалось водой из колодцев, обнаруженных при каждом доме. Они были круглыми или четырехугольными в плане и выкладывались преимущественно из крупных камней, хотя один из колодцев был

¹ О развитии «пастадного» типа жилищ см. D. M. Robinson. *Haus. RE. VII, Suppl.*, 1940, 254.

² Реконструкция сделана арх. Д. Мушевым на основании плана, снятого арх. К. Червенраковым

Рис. 7. Общий вид дома № 5 с севера

выложен из обожженного кирпича (рис. 9). Жилые помещения были снабжены канализацией. По глиняным трубам или по перекрытым желобчатым черепицам нечистоты и сточные воды выводились из жилищ в общую городскую канализационную сеть. Водостоки в некоторых случаях были проведены посреди улицы, причем был использован естественный наклон местности в сторону берега р. Тунджа; через особые отверстия в городской стене сточные воды отводились в реку. По всему видно, что в градостроительстве Севтополя были предусмотрены элементарные требования гигиены, характерные для городов эллинистической эпохи.

В планировке и технике сооружения большей части жилищ обнаруживается сильное влияние древнегреческих строительных навыков и приемов, но, наряду с этим, в строительстве выявляются и местные черты. Так, в каждом из домов были открыты глинобитные площадки, неизвестные

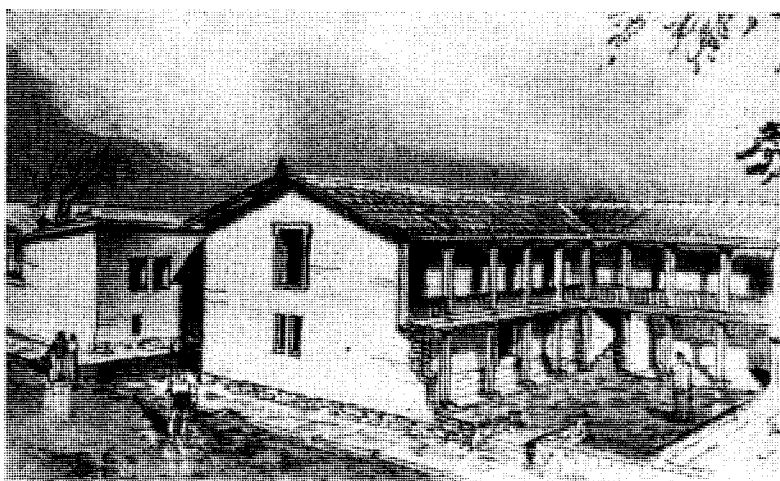

Рис. 8. Дом № 5 — реконструкция

Рис. 9. Колодец с кирпичной кладкой

Очень интересные результаты дали раскопки укрепленного квартала

в доэллинистических и эллинистических греческих жилищах¹. Они находились почти в центре помещений, возвышаясь на 10—15 см над уровнем пола (рис. 10). Поверхность площадок либо совершенно гладкая, либо украшена самыми разнообразными способами. На некоторых из них выдолблен круг, около которого расположены различные декоративные орнаменты (рис. 11 и 12). Первоначальное предположение, что мы имеем дело здесь с очагами, было опровергнуто не только отсутствием каких бы то ни было очажных остатков, но и тем, что на некоторых площадках сохранились следы богатой раскраски. Особенно интересной оказалась одна из этих площадок (размером 0,9×0,85 м) с тремя выгравированными змеями (рис. 13), что наводит на мысль о культовом назначении площадок. Возможно, что эти площадки связаны с каким-нибудь специальным домашним культом фракийцев

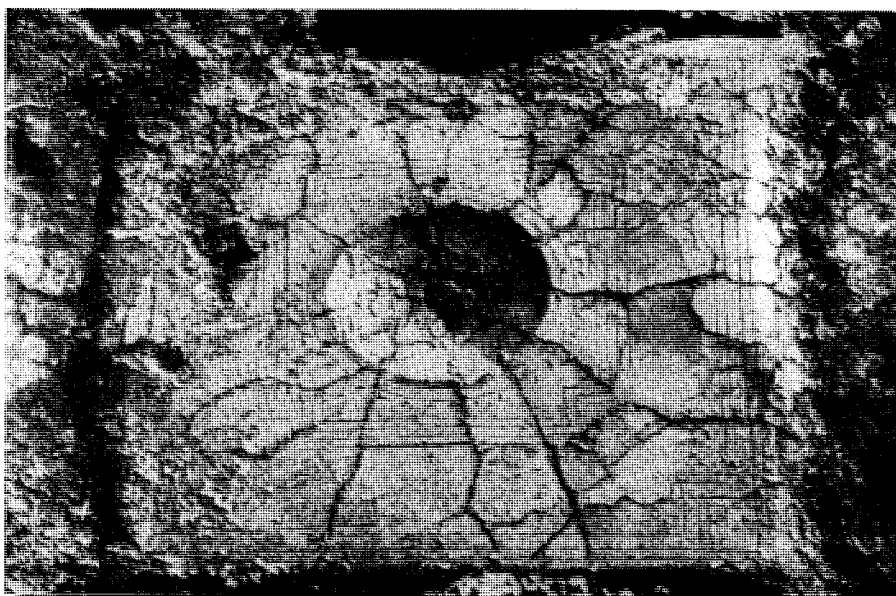

Рис. 10. Глинобитная площадка в одном из помещений дворца-храма

¹ Единственная известная до сих пор подобная глинобитная площадка обнаружена во фракийском погребении в кургане № 2 в окрестностях с. Мумджиляр Коларовградского р-на. Она имела четырехугольную форму, была расположена в середине могильной камеры, возвышаясь на 5 см над уровнем пола, и украшена врезанными линиями, образовывавшими концентрично расположенные квадраты. См. Г. Фехер. Могилни находки от Мумджиляр. ИАИ, VIII, 1934, стр. 111, рис. 93.

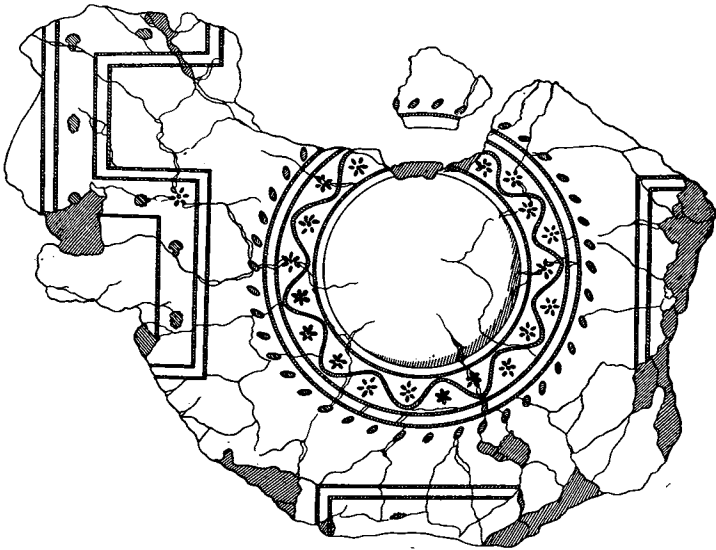

Рис. 11. Глинобитная площадка с углубленным кругом посредине и орнаментом (размеры: 0,85 × 0,65 м)

города. Стена внутренней цитадели ничем не отличается от городской крепостной стены. Вход в цитадель сильно разрушен. Сохранились следы каменного цоколя перед входом, представляющего собой остатки торжественного пропилона. Внутри цитадели расположен обширный вымощенный мелким булыжником двор (рис. 3, 14). Недалеко от входа обнаружены нижний барабан колонны дорического стиля и дорическая капитель из белого мелкозернистого гранита — единственные остатки предполагаемого перистыля. Перпендикулярно оси входа, в глубине укрепленного квартала, находилось наибольшее по размерам, самое сложное по плану и наиболее богато украшенное здание из всех построек в Севтополе (рис. 14). Длина этого здания 40 м, ширина — 21 м. Фасад его, по-видимому, был украшен колоннадой, которая вела в преддверие, достигавшее 5 м ширины. Северо-западная часть здания разделялась на шесть помещений. Здесь же находилась и лестница (рис. 14, а), ведущая на второй этаж. В северо-восточной стороне здания был расположен обширный зал, имевший

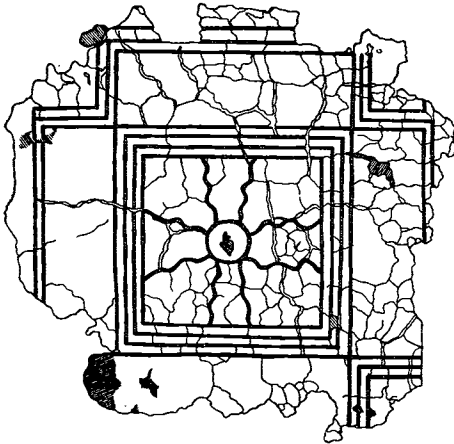

Рис. 12. Глинобитная площадка с гладкой поверхностью и орнаментом (размеры: 0,7 × 0,7 м)

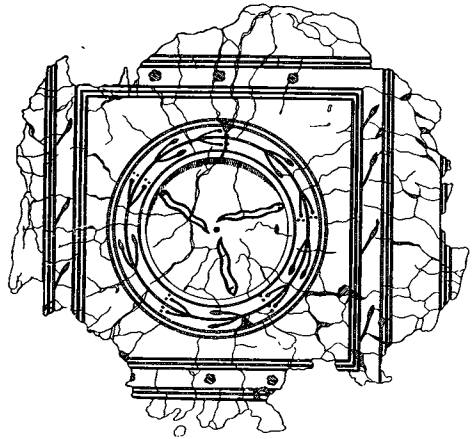

Рис. 13. Глинобитная площадка с углубленным кругом и изображением трех змей (размеры: 0,9 × 0,85 м)

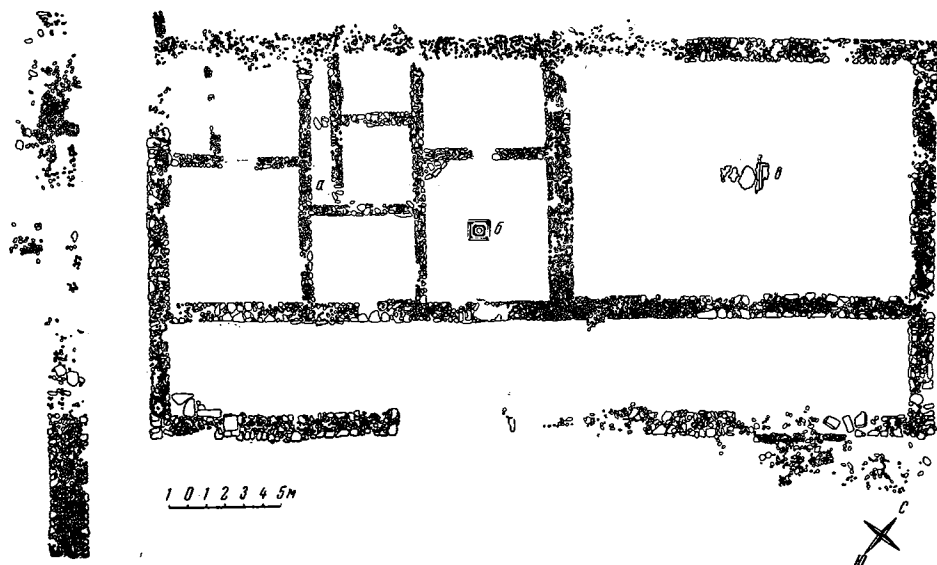

Рис. 14. План дворца-храма: а—лестница; б—е—глинобитные площадки

18 м в длину и 12 м в ширину, отличавшийся богатой росписью. Стены были отделаны штукатуркой, расписанной под мрамор. В нижней части стен шел цоколь из плит, имитирующих черный мрамор, над ним — узкая полоса росписи под пестрый цветной мрамор, а остальная часть стен зала была выкрашена красной помпейской краской. Это помещение представляло собой парадный красный зал, где черный цоколь контрастировал с также выкрашенным под мрамор белым потолком. Этот вид декорировки, имитирующий так называемый инкрустационный декоративный стиль¹ богатых построек, хорошо знаком по известной Казанлыкской гробнице², находящейся в 7—8 км к востоку от Севтополя. Он известен и в украшении домов в Олинфе, Приене, на Делосе и т. д.³ Особенно интересно то, что в этом зале, где наличествует эллинистическая система декорировки, существовали и местные, фракийские элементы в виде большой глинобитной площадки, возвышающейся в центре зала (рис. 14, в). Другая глинобитная площадка была открыта в одном из небольших помещений этого же здания (рис. 14, б). Сочетание эллинистических и фракийских элементов сказалось и в архитектурном оформлении укрепленного квартала. Характерными элементами ансамбля является пропилон и расположение большого здания поперек продольной оси двора. К сожалению, строения цитадели значительно разрушены: большая часть основания северо-восточной крепостной стены не существует, часть основания преддверия большого здания также отсутствует, так что очень трудно предпринять попытку реконструкции всего ансамбля. В числе кровельного материала, использованного для покрытия большого здания, кроме соленов и желобчатой черепицы, встречаются и антефиксы, значительное число которых

¹ O. Deubner. *Inkrustation*. RE, VII, Suppl. 1940, 285.

² В. Миков. Антикная гробница близ Казанлыка. София, 1954, стр. 8 сл.; Н. Мавродинов. Живопись античной гробницы в Казанлыке. ВДИ, 1954, № 2, стр. 152 сл.; D. Dimitrow. *Grobowiec w Kazanlyku zabytek starozytnej sztuki w Bulgarii*. Przegląd artystyczny, 1954, стр. 95.

³ M. Bulard. *Peintures murales et mosaïques de Délos*. *Monuments Piot.* T. XIV, 1908, стр. 116 сл.; Th. Wiegand und H. Schrader. *Priene*. Berlin, 1904, стр. 308 сл.; L. Curtius. *Die Wandmalerei Pompejis*. Leipzig, 1929, стр. 70 сл.; D. M. Robinson. *Excavations at Olynthus*, XII, 1946, стр. 139, табл. 114.

было обнаружено вдоль фасада преддверия вместе с другим кровельным материалом; антефиксы украшены пальметтами. Несомненно, во внешнем оформлении фасада этого здания были применены принципы греческой архитектуры. Поэтому преддверие следует представить себе в виде обыкновенного портика. Возможно, что большие блоки, сохранившиеся в его юго-восточной стене, представляют собой остатки стилобата. Находка части гранитной дорической колонны вблизи пропилона и значительное количество кровельного материала — обломков штукатурки, гвоздей, разбросанных вдоль юго-западной и юго-восточной стены внутренней крепости позволяют допустить предположение о существовании портика вдоль этих сторон крепости и, возможно, целого перистыля. В таком случае вся композиция в общих чертах по внешнему оформлению напоминала ансамбли булевертия и гимнасии в Милете¹. Однако монументальное здание в Севтополе имело совсем другое назначение. Внутреннее распределение помещений в северо-западной половине постройки отвечает требованиям жилого здания; обнаруженные здесь скудные находки, например чернолаковая греческая керамика и пр., подтверждают это предположение.

Монументальное преддверие и представительный красный зал в северо-восточной половине здания, обособленное от остальной части города местоположение здания и наличие вокруг него специальных укреплений характеризуют его прежде всего как резиденцию (*τὸς οἶκος*), в которой жили фракийские владетели². Особенно важно отметить, что плита с клятвенным договором была открыта именно в одном из помещений этой резиденции. Следует допустить, что в укрепленном здании находилось и святилище Великих фракийских богов. Каким бы странным ни казалось это сочетание, оно, однако, не находится в противоречии с некоторыми данными письменных источников о том, что фракийские владетели и вожди осуществляли одновременно как политические, так и религиозные функции³. Территория г. Севтополя, однако, не ограничивалась чертой крепостных стен. К северо-западу, вне крепостных стен, находилось его предместье. У нас не было возможности произвести здесь раскопки, но шурфовка в некоторых местах указала на явные следы жизни, притом крайне бедной. Население жило в лачугах, небольших легких постройках, от которых не осталось никаких следов, кроме разбросанных фрагментов кровельной черепицы.

В планировке и в архитектурном облике Севтополя ярко отразилась степень развития социальных и экономических отношений у южных фракийских племен, в частности у одрисов, к концу IV и началу III вв. до н. э. Имущественное и классовое расслоение среди фракийцев в это время выражалось не только в контрасте между богатыми городскими жилищами господ-рабовладельцев и бедными хижинами предместья. Оно нашло также отражение и в контрасте между различными типами погребений в некрополе Севтополя. Здесь были раскопаны богатые погребальные сооружения; были открыты, хотя и в сильно разрушенном состоянии, две купольные гробницы, сложенные из кирпича, а также четырехугольные кирпичные склепы. Они содержали богатый погребальный инвентарь, состоящий из бронзовых и серебряных сосудов, оружия и золотых укра-

¹ О гимнасии в Милете см. Th. Wiegand. *Milet*. T. I, 9; A. V. Gerkan und F. Kirschen. *Thermen und Palästren*. Berlin, 1928, стр. 20, табл. III.

² Xenoph. *Anabasis*, VII, 2, 21; G. I. Kazanow. *Beiträge...*, стр. 34; О *τὸς οἶκος* и *βᾶς* вообще см. M. Rostovtzeff. *Notes on the Economic Policy of Pergamene Kings*. *Anatolian Studies presented to Sir William Mitchell Ramsay*. Manchester, 1923, стр. 373 сл.; его же. *The Social and Economic History of the Hellenistic World*, T. I, 1941, стр. 508. О правильном толковании значения этих понятий см. А. Б. Рогович. *Эллинизм и его историческая роль*. М.—Л., 1950, стр. 148 сл.

³ G. I. Kazanow. *Thrace*. САН, VIII, Cambridge, 1930, стр. 538.

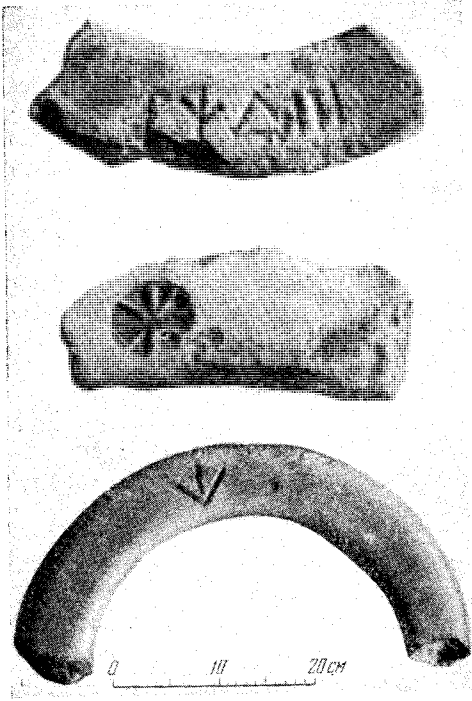

Рис. 15. Гончарные клейма на бортах пифосов

1,0—1,40 м высоты. Все они местного производства и были изготовлены в разных мастерских, ставивших на них свои клейма. Чаще всего встречаются разные виды розеток, линейных знаков, а также буквы греческого алфавита, обозначающие вместимость (рис. 15). Для помолы зерна чаще всего употреблялись обыкновенные примитивные зернотерки. Во многих домах, однако, были открыты более усовершенствованные зернотерки, известные по раскопкам в Олинфе, в античных городах Северного Причерноморья и в других местах³. В окрестностях Севтополя при

шений¹. Рядом с этими богатыми могилами расположен обширный некрополь рядовых жителей города, городской бедноты. В этих погребениях господствует обряд трупосожжения; урны с остатками обгорелых костей, с одной монетой и фибулой составляют единственный инвентарь этих бедных погребений.

Этот контраст в хозяйственном укладе жизни населения Севтополя находит полное отражение и в остальном материале, открытом во время раскопок.

Основным занятием населения, в особенности жителей предместья и соседних сел, было земледелие². Зерно при раскопках не было найдено, но глиняная обмозка домов всегда обильно перемешана с соломой. В домах крепости находились большие запасы продуктов, о чем свидетельствуют сотни пифосов, которые были открыты в наземных помещениях (рис. 6). Размеры этих сосудов различны, некоторые из них достигают до

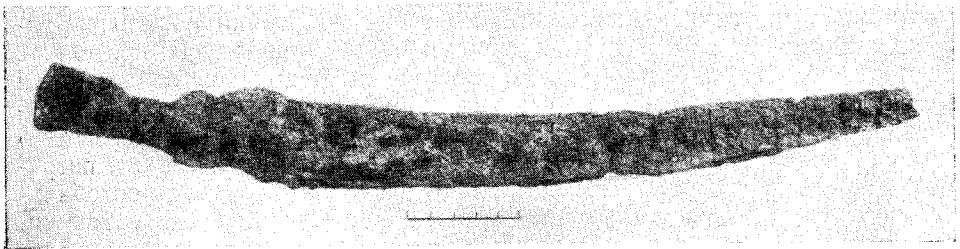

Рис. 16. Кривой железный нож из Севтополя

¹ М. Чичикова. Севтополис — новооткрытый древен тракийски град крязовира «Георги Димитров» при с. Копринка, Казанлъшко. Природа, IV, 1955, кн. стр. 51 сл.; К. И. Жуглев. Раскопки и проучвания на могила № 1 — Копринка ГФФ, XLVII, 1952, кн. 2 (История), стр. 217, сл.

² О занятиях и средствах пропитания жителей Севтополя см. М. Чичиков Ук. соч., стр. 49 и сл.

³ D. M. Robinson. Excavations at Olynthus., XII, 1946, табл. 189; В. Ф. Гадукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 99 сл., рис. 9; Th. Wiegand u. H. Schrader. Ук. соч., стр. 393, рис. 525; W. Deonna. Le mobilier Délien. Exploration archéologique de Délos. Paris, 1938, стр. 127, рис. 153.

родные условия благоприятствовали виноградарству; при раскопках было найдено несколько кривых садовых ножей.

Огромное количество костей домашних животных свидетельствует о высокой степени развития животноводства. Преобладают кости крупного рогатого скота, обилие других костей говорит о широких размерах овцеводства, козоводства, свиноводства. Кости лошади встречаются в сравнительно меньшем количестве¹.

Непосредственная близость полноводной реки и ее притока давала возможность населению добывать пропитание также и рыбной ловлей. Почти во всех домах было открыто значительное количество грузил для рыболовных сетей, представляющих собой диски с отверстием посередине, выточенные из черепахи или сделанные из дна глиняных сосудов.

Одним из любимых занятий фракийцев была охота². Большое количество костей кабанов, медведей, оленей, серн, обнаруженное при раскопках в Севтополе, говорит о том, что в окрестностях города были значительные леса и что для населения города охота являлась одним из средств добычи пропитания.

Из оленьего рога выделялись рукоятки для ножей и других предметов. В одной из служб дома № 1 было обнаружено множество нарезанных и отшлифованных кусков оленьего рога, приготовленных для изготовления рукояток. К числу домашних ремесел Севтополя надо отнести прядильное и ткацкое ремесло. Значительное число пряслиц для веретен и глиняных грузил для станков было найдено почти в каждом доме.

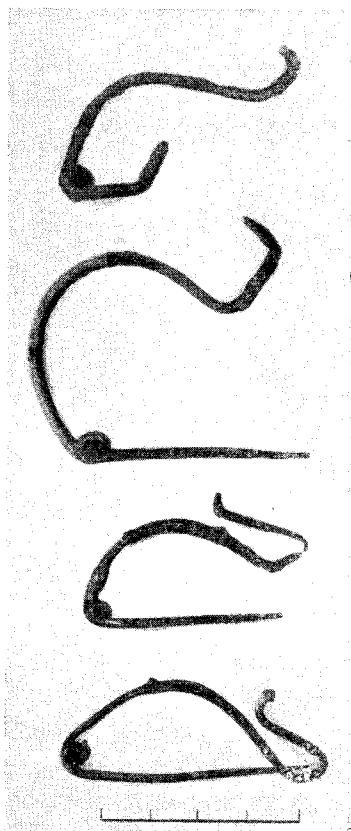

Рис. 17. Фракийские фибулы из Севтополя

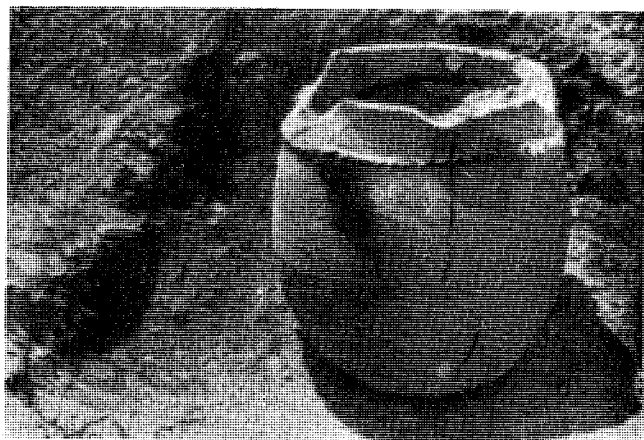

Рис. 18. Фракийская лепная керамика из Севтополя

¹ Данные о костном материале старш. научного сотрудника Института зоологии БАН Г. Маркова.

² G. I. Kazanow. Beiträge..., стр. 49.

Рис. 19. Монеты Севта III (а — с портретом Севта III; б — с изображением Зевса)

При раскопках открыты различные предметы украшений, оружие и т. п. Особенно интересен кривой железный нож типа, известного нам преимущественно из находок в погребениях (рис. 16). Весьма многочисленны находки небольших трехгранных бронзовых стрел так называемого скифского типа. Из украшений чаще всего встречаются фракийские бронзовые и серебряные фибулы (рис. 17).

Можно предположить, что большая часть этих предметов изготовлялась на месте, во всяком случае это предметы, связанные с бронзолитейным делом. Литейные формы при раскопках не были обнаружены, однако в нескольких местах были найдены бронзовые слитки.

Находки железных тесел для обработки камня доказывают существование в Севтополе и этого ремесла. Каменные архитектурные детали выделывались на месте, из местных пород камня. В строительстве Севтополя использовался необожженный кирпич (сырец), но употреблялся и обожженный кирпич, хотя и в очень ограниченных масштабах. Найденные фигурные обожженные кирпичи изготовлялись соответственно своему назначению в разных формах, многие из них имеют сегментовидную форму — они служили материалом для постройки круглых помещений небольшого диаметра, например купольных гробниц, которые открыты в окрестностях Севтополя. Кирпичные мастерские Севтополя ставили на кирпичках свои клейма. Следует отметить, что обожженный кирпич во Фракии появился во второй половине IV в. до н. э., почти одновременно с появлением обожженного кирпича в Греции, но в то время как в Греции он не нашел широкого распространения, во Фракии уже в конце IV — начале III в. до н. э. целый ряд гробниц был сложен из обожженного кирпича¹.

Раскопки в Севтополе дали богатый керамический материал. Особенно интересна грубая лепная керамика, представленная самыми разнообразными по размерам, формам и видам украшений сосудами. Интересны открытые во многих местах значительные по размеру горшки, неподвижно закрепленные в полу, в углах второстепенных помещений домов (рис. 18).

Рис. 20. Монеты с портретом Севта III (увеличенные вдвое)

Эта керамика, несомненно, домашнего изготовления и употреблялась бедными слоями населения. Наряду с этой примитивной керамикой встречается и большое количество сосудов, изготовленных на гончарном круге из

¹ М. Чичикова. Ук. соч., стр. 50 сл.

рис. 21. Обломок мраморного рельефа из Севтополя

рис. 22. Голова из терракоты — местное искусство

хорошо очищенной глины. В зависимости от степени обжига эта керамика имеет серый или красный цвет. По форме она подражает греческой керамике; так, здесь встречаются формы эйнохой, блюда для рыб и т. д. Наличие керамического брака свидетельствует об изготовлении этой посуды на месте.

При раскопках Севтополя было также найдено огромное количество фрагментов чернолаковой греческой керамики, представленной различными формами — канфары, чаши, рыбные блюда и т. д. Эта керамика ввозилась для удовлетворения потребностей богатого слоя населения Севтополя. Она служит явным доказательством наличия торговых связей, существовавших между фракийцами, обитавшими к югу от Балкан, и греческим эллинистическим миром. О тех же связях говорят и находки множества остродонных амфор с клеймами острова Фасоса, откуда ввозилось в Севтополь оливковое масло¹. Наконец, о широких торговых связях с другими странами свидетельствуют множество македонских монет и монеты некоторых греческих городов: Афин, Ортагории, Эноса, Лисимахии, Аполлонии и т. д.

Для нас представляют особый интерес монеты Севта III². Это первый фракийский владетель, чеканивший бронзовые монеты разных типов и разных номиналов, что достаточно ясно говорит о значительном экономическом подъеме, которого одрисы достигли в его время. Одна из серий монет имеет на лицевой стороне изображение головы Зевса, а на оборотной — изображение всадника (рис. 19). В другой серии монет на лицевой стороне изображен орел, а на оборотной — молния. Эти же типы использованы при чеканке одного из малых номиналов. Другие монеты, также малого номинала, имеют на лицевой стороне звезду, а на оборотной — венки из колосов пшеницы. Особенно распространены монеты с портретом Севта III (рис. 20). Это первый случай, когда фракийский владетель помещает свое изображение на монете³.

В свете немногих имеющихся у нас письменных источников о деятельности Севта III, недавно открытой в Севтополе надписи и других находок

¹ А. Алексиева. Амфорни печати от Копринка. ГНМП, II, 1950, стр. 185, сл.

² О монетах Севта III см. Н. А. Мушмов. Монетите на тракийските царе. ГНБП, 1925, стр. 217 сл.

³ М. Сагу. Histoire des rois de Thrace et de ceux du Bosphore Cimmerien, Paris, 1752, стр. 29; Н. А. Мушмов. Ук. соч., стр. 216, заб. 3.

в этом городе Севт III является перед нами как владетель, который умело использовал международное положение эпохи диадохов, принимая участие в их борьбе и утверждая независимость своего царства. Он чеканил монеты со своим изображением по примеру эллинистических владетелей¹, основал город, который назвал в свою честь Севтополем, подобно тому, как Лисимах основал Лисимахию, Антиох — Антиохию, Селевк — Селевкию и т. д.

При этом он, так же как диадохи при основании новых городов², переселил во вновь основанный Севтополь греков, вероятно, ремесленников и купцов. На многих найденных в Севтополе фрагментах керамики есть граффити с фракийскими именами. На фрагменте шейки остродонной амфоры нацарапано имя Σευ[θου] .

Несмотря на то, что Севтополь был небольшим городом, в нем были монументальные памятники. На агоре был обнаружен подий алтаря Диониса, как это отмечено в надписи, и около него пьедестал статуи с надписью, посвященной этому богу каким-то фракийцем Амаистом. На мраморном пьедестале сохранились углубления от ступней бронзовой статуи в натуральную величину. Было обнаружено также много обломков рельефов, как, например, крылья орла или крылатого сфинкса, голова пантеры, вероятно, из какой-нибудь группы, связанной с Дионисом, мужская голова и т. д. (рис. 21). Все эти находки свидетельствуют о том, что эллинистические художественные традиции не только являлись формой официального искусства, но и отвечали эстетическим потребностям рядовых жителей города. В этом отношении особенно характерно множество находок фрагментов терракоты стиля «танагра», обнаруженных не только в некоторых погребениях, но и почти в каждом доме. Наряду с этим классическим типом терракоты, здесь найдены также терракоты местного стиля и происхождения, например мужская голова (рис. 22), стилизация которой говорит о влиянии местного фракийского искусства.

Археологические материалы из раскопок Севтополя представляют богатое сочетание фракийских традиций и элементов эллинистической культуры. Они свидетельствуют о высоком уровне культурного развития, которого достигла часть фракийского общества уже в эпоху раннего эллинизма.

В настоящем сообщении дан лишь беглый обзор того, что открыли нам раскопки Севтополя. Открытый здесь археологический материал огромен. Он раскрывает не только много новых сторон быта фракийцев, но и ставит ряд проблем общественно-экономических отношений во Фракии в эллинистическую эпоху. Он поднимает и некоторые вопросы политической истории Фракии, причем вносит важные коррективы во многие представления, основанные на тенденциозных данных античных авторов. Вот почему можно считать раскопки в Севтополе одним из самых значительных достижений болгарской археологической науки за последние годы.

¹ О портрете на монетах эллинистической эпохи см. А. Н. Зограф. Античные монеты, МИА, № 16, стр. 71; J. Babelon. Le portrait dans l'antiquité d'après les monnaies. Paris, 1942, стр. 74; E. Babelon. Les monnaies grecques. (Collection Payot), Paris, 1921, стр. 102.

² А. Б. Ранович. Ук. соч., стр. 97 и сл.

И. Т. КРУГЛИКОВА

ИССЛЕДОВАНИЕ СЕЛЬСКОЙ ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА

*(По материалам работ Восточно-Крымского отряда
Причерноморской экспедиции в 1953—1956 гг.)*

История Боспорского царства — одного из древнейших государственных образований на территории нашей страны — давно привлекала внимание исследователей. Много раз уже отмечалось своеобразие культуры населения, в которой, наряду с сильной струей греческого влияния, отчетливо чувствуется влияние культуры местных племен. Дошедшие до нас свидетельства античных авторов рисуют большую роль этих племен в общеполитической истории Боспора. Среди населения Боспорского царства местные жители количественно значительно преобладали над греками, особенно в поздний период существования Боспорского царства.

Для восстановления подлинной истории населения Боспорского царства за весь период его существования совершенно недостаточно имеющихся в нашем распоряжении письменных источников; необходимы источники археологические. Археологические раскопки памятников Боспорского царства производятся уже более ста лет. Но внимание археологов привлекали либо погребальные сооружения и могильники, либо города. В археологическом изучении последних достигнуты значительные успехи, особенно за последние десятилетия. Однако раскопки одних городов и некрополей без исследования сельских поселений дают неполное представление о жизни боспорского населения, о его экономике и культуре. Основой экономики Боспорского царства было земледелие; однако исследования земледельческой территории Боспора только еще начинаются и целый ряд важнейших для истории Боспора вопросов еще не может быть разрешен. Так, например, до сих пор еще не известна степень заселенности сельскохозяйственной территории Боспора, не ясен характер сельских поселений, не решен вопрос об этнической и социальной принадлежности непосредственных производителей на Боспоре.

В советской литературе существует несколько различных мнений о социальной принадлежности непосредственных производителей. Так, С. А. Жебелев считал, что для образования мелкой земельной собственности свободного крестьянства на Боспоре не было необходимых предпосылок, что там преобладала крупная земельная собственность, которая неизбежно должна была привести к созданию больших рабовладельческих хозяйств¹. Д. П. Каллистов же считает, что непосредственными производителями были свободные крестьяне, сохранившие свой племенной строй². В. Д. Блаватский признает существование на Боспоре различных групп

¹ С. А. Жебелев. Основные линии экономического развития Боспорского государства. Сб. «Северное Причерноморье», М.—Л., 1953, стр. 124.

² Д. П. Каллистов. Очерки истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949, стр. 226 сл.

пахарей: рабов, свободных крестьян и зависимых земледельцев¹, роль которых изменялась в ходе исторического процесса. В. Ф. Гайдукевич основными производителями считает зависимых земледельцев типа пенестов в Фессалии, илотов в Спарте, не отрицая, впрочем, и возможности применения рабского труда в пригородных усадьбах отдельных землевладельцев². Выводы С. А. Жебелева основываются на предвзятом тезисе, что ведущей формой хозяйства на Боспоре был рабовладельческий способ производства. Свидетельства античных источников о наличии ἐργάται³ и πελάται⁴ анализируются им лишь для доказательства отсутствия там крепостнических отношений. Д. П. Каллистов для доказательства своих положений привлекает данные нумизматики и археологии. Он считает наличие медного чекана и развитие торговли с местными племенами доказательством того, что земледельцы были свободными. В. Ф. Гайдукевич считает свидетельство Полиена о наличии в системе государственного управления Спартокидов должности управителей (эпимелетов) сел⁵ доказательством наличия зависимого крестьянства. Свои выводы он основывает главным образом на аналогиях, привлекая свидетельства об отношениях мариандинов и Гераклеи Понтийской, вифинских крестьян λαοί и Византия, πεδαιεῖς и Приенны и т. д. Для более позднего периода он привлекает и надпись 151 г.

Что касается В. Д. Блаватского, то он поддерживает точку зрения В. В. Струве о том, что эргаты, упоминаемые в речи против Лакрита, — это не вольнонаемные рабочие, как полагают С. А. Жебелев и В. Ф. Гайдукевич⁶, а рабы. Он приводит также свидетельство Диодора (XX, 25) о наделении земель переселенных на Боспор тысячи каллатийцев и опирается на аналогии из истории эллинистических государств.

Различные приемы аргументации указанных авторов объясняются крайней недостаточностью источников. Письменные источники фрагментарны и могут толковаться различно, а археологических, исключая некоторых данных, касающихся Азиатского Боспора, в распоряжении упомянутых авторов не было. Только широко поставленные археологические исследования сельской территории Боспора дадут новые данные и позволят решить вопрос о социальной и этнической принадлежности сельского населения, являющегося основным производителем материальных благ на Боспоре. Они позволят выявить изменения социального положения непосредственного производителя, которое не могло быть одинаковым в продолжение всей многовековой истории Боспорского государства.

Для изучения сельскохозяйственной территории, окружавшей античные города Боспора, исследователи до последнего времени располагали данными о херсонесских клерах⁷, о сельских поселениях Нижнего Побужья⁸, о поселениях в Азиатской части Боспора⁹. Обширные же

¹ В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1953, стр. 178.

² В. Ф. Гайдукевич. История античных городов Северного Причерноморья. Сб. «Античные города Северного Причерноморья», М.—Л., 1955, стр. 113; его же. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 148 сл.

³ Из речи 328/7 г. до н. э., приписываемой Демосфену против Лакрита.

⁴ Из фанагорийской надписи Лотодора 151 г. (IOSPE, II, 353).

⁵ Ροίγυαεν. Strateg. VI, 9, 3 = SC, 1, стр. 565.

⁶ См. примечание на стр. 114 к статье В. Ф. Гайдукевича в сб. «История античных городов...».

⁷ С. Ф. Стржеleckий. Клеры Херсонеса Таврического. ВДИ, 1951, № 6, стр. 85 сл.

⁸ Работы Ольвийской экспедиции в 1948—1950 гг. на поселениях у Широкой Балки, Закисовой Балки и у маяка Дидова Хата; см. Ф. М. Штительман. Городища и могильники Бугского лимана в VII—I вв. до н. э. КСИА АН УССР, № 3, 1954, стр. 102 сл.; е е же. Поселения античного периода на побережье Бугского лимана. МИА, № 50, 1956 г., стр. 255 сл.

⁹ Н. В. Анфимов. Новые данные к истории Азиатского Боспора, СА, т. VII, стр. 258 сл.; е го же. Меотские поселения восточного Приазовья, КСИИМК, вып. XXXIV,

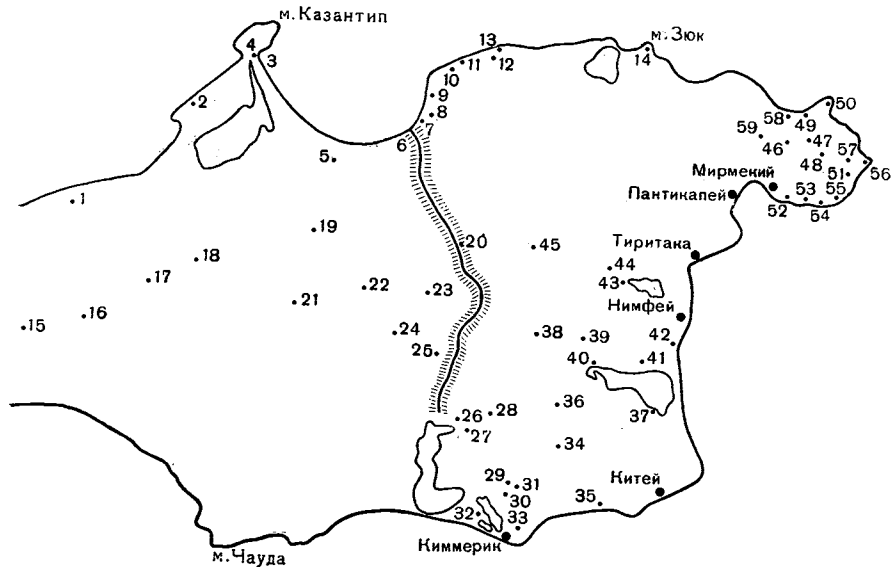

Рис. 1. Карта античных поселений на Керченском полуострове.

1 — Набережная; 2 — Семеновка; 3, 4 — Афанасьевка; 5 — Песочное; 6, 7 — Ново-Отрадное; 8—11 — Золотое; 12, 13 — бывшая д. Куль-Тепе; 14 — Мысовая; 15 — Фронтное; 16 — Ячменное; 17 — Бранное поле; 18 — Семь-Колодезей; 19 — Слюсарово; 20 — Ново-Николаевка; 21 — Ленинское; 22 — Сазоновка; 23 — Новоселовка; 24—25 — Марфовка; 26, 27 — Просторное; 28 — Пташкино; 29—31 — Марьевка; 32, 33 — Тарасовка; 34 — Вязовка; 35 — быв. Кызаул; 36 — Высокое; 37 — Костырино; 38 — Сокольское; 39 — бывшая д. Джанкой-Ортаэли; 40 — Огоньки; 41 — Челябинцево; 42 — Героевка; 43 — бывш. д. Чурубаш; 44 — Ивановка; 45 — Тасуново; 46 — Партизаны (бывш. Аджи-Мушкай); 47 — Темир-гора; 48 — Глазовка; 49, 50 — Осовины; 51 — Каменка; 52 — Змеиный мыс; 53, 54 — Опасное; 55 — Жуковка; 56 — Глейки; 57 — Маяки; 58 — Юргакон Кут; 59 — Бондаренково

земледельческие районы европейского Боспора оставались неисследованными до самого последнего времени. Лишь в последние годы начались систематические исследования сельской территории¹. Они дали науке новые данные, доказывающие наличие вблизи греческих городов сельской территории — хоры, в которую входили сельские усадьбы, возможно, принадлежавшие крупным рабовладельцам², и небольшие земельные наделы отдельных граждан города типа херсонесских клеров³. На территории Керченского полуострова обнаружены поселения как во внутренней части полуострова, так и по берегам Азовского и Черного морей. Характер сельских поселений не был статичным в течение всей длительной истории существования Боспорского царства. Сельские поселения VI—V вв. до н. э., IV—III вв. до н. э. и первых веков н. э. имели существенные различия.

стр. 15 и сл.; В. А. Городцов. О результатах археологических исследований Елизаветинского городища и могильника в 1934 г., СЭ, 1935, 3, стр. 71 и сл.; В. П. Шолов. Новые данные об Елизаветинском городище. СА, XXIII, стр. 229 и сл.; М. В. Покровский. Городища и могильники Среднего Прикубанья. Тр. Краснодарского Гос. пед. ин-та, т. VI, вып. 1, 1937, стр. 3 и сл.; В. Д. Блаватский. Второй год работы Синдской экспедиции, КСИИМК, вып. 51, стр. 149 и сл.; е го же. Третий год работы Синдской экспедиции. КСИИМК, вып. 58, стр. 88 и сл.

¹ Раскопки Боспорской экспедицией под руковод. В. Ф. Гайдукевича сельской усадьбы под Мирмекием, систематически проводящиеся раскопки Илурата. Широкие разведки и раскопки в Синдике и на Керченском полуострове производятся Причерноморской экспедицией под руководством В. Д. Блаватского.

² В. Ф. Гайдукевич. История античных городов..., 113, прим. 2.

³ О наличии таких земельных участков свидетельствуют следы межевых стенок у поселения с южной стороны Чурубашского озера (см. В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекии и Тиритаки, археологические разведки на Керченском полуострове в 1937—1939 гг., ВДИ, 1940, 3—4, стр. 316 и сл.), следы земляных межевых стенок на поселениях у дд. Марьевка и, возможно, также Героевка и Огоньки (разведки, проводившиеся Восточно-Крымским отрядом в 1956 г.).

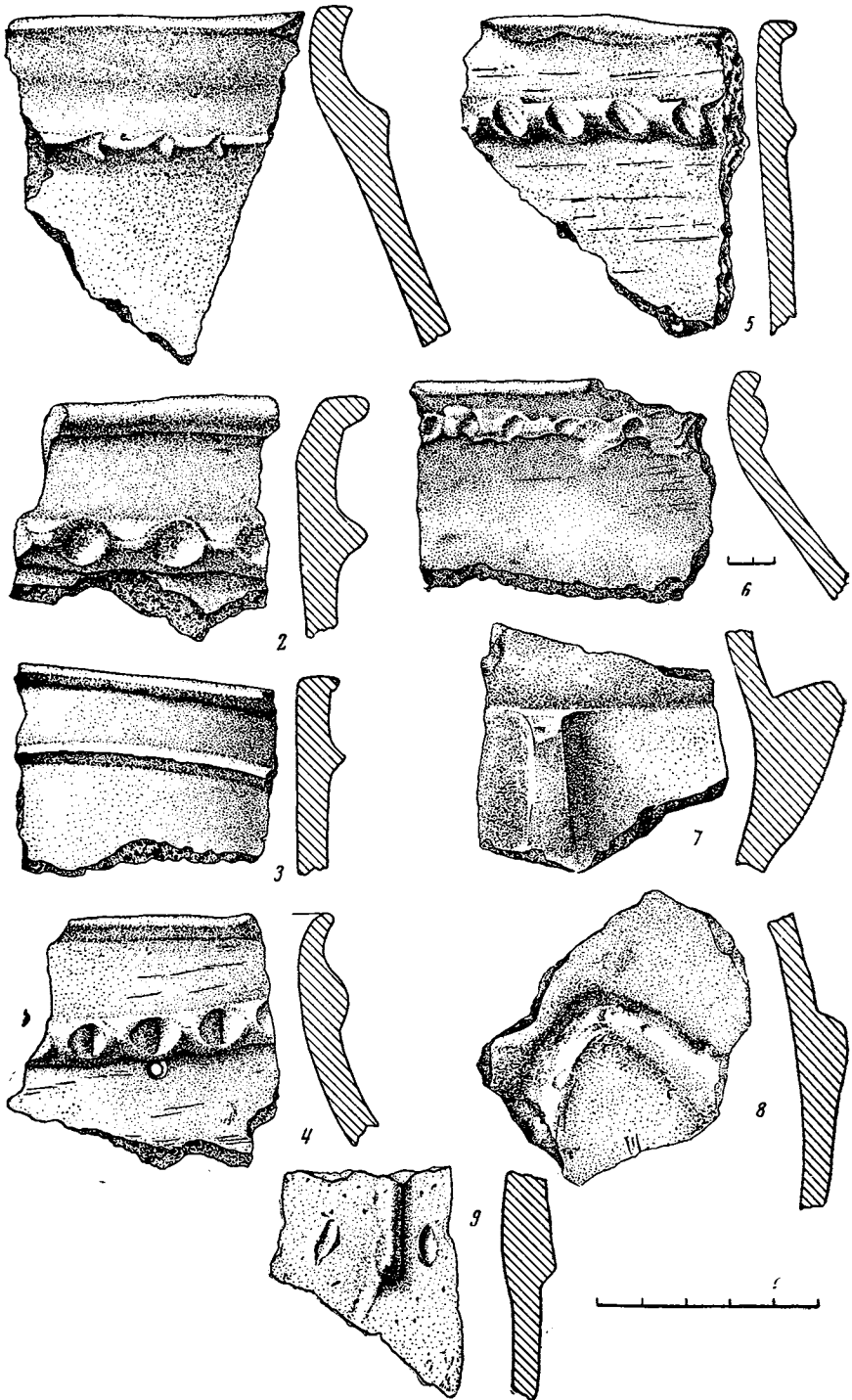

Рис. 2. Образцы керамики из нижнего слоя поселения у д. Сазоновка:
1-6 — края лепных сосудов с валиками; 7-9 — стенки лощеных с выступами

Поселения в каждый из этих трех периодов большей частью даже возникали на новых местах. Те же из поселений, которые существовали на одном и том же месте непрерывно, что бывало иногда, если поселения находились вблизи удобных морских бухт, особенно в районе Керченского пролива, т. е. в наиболее населенной части Боспора, в течение этих периодов заметно меняли свой облик. Это, по-видимому, являлось следствием глубоких потрясений и изменений экономической основы жизни, а не было результатом простой эволюции.

Восточно-Крымским отрядом за период с 1952 по 1956 г. было обследовано более 30 сельских поселений античного времени во внутренней части Крымского полуострова и 15 на берегу Азовского и Черного морей.

На 19 из них проводились более или менее значительные раскопки¹ (рис. 1). Наиболее детальным исследованиям подверглось поселение у д. Сазоновка. Там обнаружено два культурных слоя. Слой, который приблизительно можно отнести к IX—VI вв. до

н. э., и слой IV—III вв. до н. э. Первый слой относится ко времени, предшествующему развитию интенсивных торговых связей с боспорскими купцами. Конечная дата этого слоя определяется обломками хиосской амфоры, профилированная ножка которой имеет расширяющееся внутрь углубление, что заставляет датировать ее концом VI — началом V в. до н. э. Начальную дату слоя определить труднее. В слое имеется большое количество обломков лепных плоскодонных сосудов с различного рода валиками, округлыми и заостренными, прикрепленными непосредственно под краем, на шейке, или на плечиках сосудов и украшенными вдавленными или насечками (рис. 2). Встречаются также гладкие валики, парные и одиночные, иногда спускающиеся на плечиках в виде усов. Много обломков лощеных сосудов, имеющих различного рода налепы: соскообразные, дугообразные, вертикальные, а также с различным резным орнаментом на плечах. Имеются лощеные сосуды с валиками, которые залащивались вместе с туловом. В 1935 г. был найден лепной лощеный горшок на цилиндрическом поддоне с ручкой, напоминающей ручки сосудов лесостепной полосы предскифского и раннескифского времени (рис. 3)².

Отдельные образцы керамики имеют близкие аналогии в лепной керамике поселения у Широкой Балки³ (близ Ольвии), датирующегося VII—VI вв. до н. э.; другие, особенно чернолощенные сосуды с выступами и с резным орнаментом, а также и грубые банкообразные с валиками на шейке, близки керамике из поселений лесостепной полосы⁴. Некоторые лощеные с налепными валиками и с резным орнаментом близки сосудам так называемой Кизил-Кобинской культуры; многие обломки идентичны

Рис. 3. Лощеный горшок из Сазоновки

¹ Раскопки проводились в районе дд. Семеновка (2), Афанасьевка (3), Ново-Отрадное (7), Золотое (8, 9, 10, 11, 13), Слюсареве (19), Сазоновка (22), Марфовка (24—25), Мярьевка (29—30), Костырино (37), Огоньки (39—40), Челябинцево (41), Героевка (42). См. карту на рис. 1.

² Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. Сб. Вопросы скифо-сарматской археологии, М., 1954, стр. 79, рис. 7, 3.

³ Там же, стр. 65, рис. 1.

⁴ Там же, стр. 81, рис. 8.

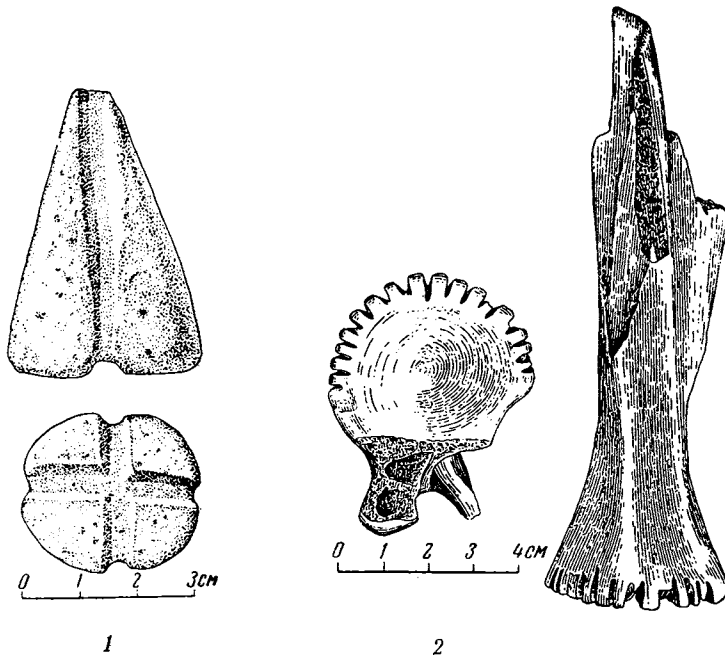

Рис. 4. Каменное грузило и костяная поделка из Сазоновки

керамике с поселений у Обиточной, у Белозерского лимана, а в восточном Крыму находят аналогии в Киммерике и на поселении у Каменки¹, т. е.

Рис. 5. Сазоновка. Остатки помещения

¹ Раскопки Боспорской экспедиции под руков. В. Ф. Гайдукевича в 1953 г. Материалы хранятся в ЛОИИМК.

относятся к периоду поздней бронзы. Наиболее раннюю дату дают, правда, единичные находки каменных орудий: топор и различные резцы из отщепов с ретушью. Все эти находки позволяют датировать первый слой примерно от IX в. до н. э. до VI в. до н. э. Кроме керамики и каменных орудий, к слою относится интересное каменное грузильце в виде пирамидки

Рис. 6. Образцы остродонных амфор из Сазоновки

с выемками для перевязки (рис. 4, 1) и костяное орудие, возможно, служившее для обработки кожи (рис. 4, 2). Из архитектурных остатков к слою относится нижняя часть здания, сложенного из глины и камней, причем основанием стены служили крупные необработанные известняковые камни; выше — камни кладки стен были мельче и лежали на глине. Здание имело закругленные углы (рис. 5). К этому же слою относится несколько ям, может быть, предназначенных для хранения зерна. Большое количество костей (среди находок есть кости крупного рогатого скота, лошади и мелкого рогатого скота) свидетельствует о занятии жителей этого поселения скотоводством, вероятно, пастушеским. По-видимому, поселение непрерывно существовало на том же самом месте, в результате чего не всегда можно стратиграфически первый слой отделить от второго, последующего. Но на многих участках эта смена слоев четко прослеживается.

Второй слой выделяется наличием, наряду с лепными сосудами, значительного количества обломков греческих остродонных амфор IV—III вв. до н. э. (рис. 6), а также небольшого количества чернолаковых (рис. 7) и простых сосудов. Среди амфор преобладают гераклейские; есть синопские (рис. 8), фасосские и др.— все не позднее III в. до н. э. Лепная посуда из этого слоя представлена, главным образом, обломками плоскодонных горшков с округлыми плечами и слегка отогнутым краем. Горшки либо совсем не орнаментированы, либо имеют прищепы или насечки по самому краю, близко напоминая сосуды из Каменского городища на Днепре, поселения у Закисовой Балки (близ Ольвии) и других поселений Поднепровья, относящихся к IV—III вв. до н. э.

Рис. 7. Чернолаковый килик из Сазоновки

Из архитектурных остатков к слою относятся остатки двух жилых построек (судя по наличию в них очагов). Постройки настолько разрушены последующими выемками камня, что восстановить полностью их планы не удастся. К этому же слою относится ряд земляных ям, засыпанных мусорным грунтом. Интересна находка пяти каменных зернотерок продолговатой формы (рис. 9) и лежавшего в золе около очага плоского камня с отверстием в центре и выемкой на одном из концов. Одна из сторон камня носила следы коפותи, а под камнем были найдены бараньи кости. Может быть, этот камень имел какое-либо культовое назначение. Своеобразна конструкция очага. В центре его был столбик, сложенный из нескольких глиняных лепешек, лежащих под углом друг к другу, а по сторонам — глиняные выступы в виде языков, служившие, вероятно, вместе с центральным столбиком, для упора верхней глиняной плиты, покрывавшей топку.

Во втором слое также было найдено большое количество костей животных, среди них: крупный рогатый скот, лошадь, мелкий рогатый скот и свинья.

Интересные сельские поселения исследовались в районе д. Марфовки. Одно из них — «Марфовка Западная» — возникло в начале IV в. до н. э. и находится в 3 км к западу от д. Марфовки, на южном склоне скалистой гряды. Культурный слой тянется на протяжении до 800 м. Небольшие раскопки, проводившиеся на поселении, позволили выяснить характер жизни его обитателей. Были открыты остатки постройки, от которой сохранились: два помещения, вымощенный камнем дворик, остатки другой вымостки из каменных плит и черепков, непонятное круглое сооружение (рис. 10) из крупных необработанных камней (диаметр 1,6—1,8 м), засыпанное зольником. Стены помещений сложены из необработанных камней известняка. В углу одного из помещений было найдено каменное точило и раздавленный лепной горшок (рис. 11); там же были обнаружены следы очага. В зольнике найдено много обломков лепных сосудов, остродонных амфор

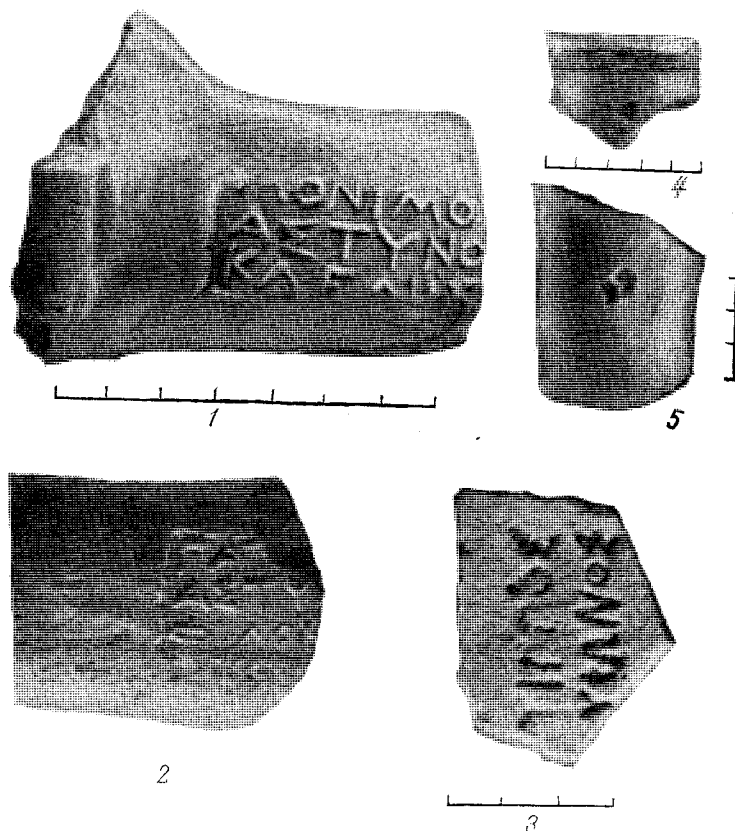

Рис. 8. Клейма на остродонных амфорах из Сазоновки:
1, 2 — на ручках синопских амфор; 3, 4 — на горлах гераклейских амфор;
5 — на ручке амфоры

IV—III вв. до н. э., несколько обломков простых и чернолаковых сосудов и 4 пряслица различных форм. Среди обломков амфор были: гераклейские, синопские (рис. 12), косские, фасосские, боспорские, родосские и других эллинистических центров. Среди чернолаковых были обломки канелированной пелики, килика, лекифа, солонки.

Значительная протяженность культурного слоя и наличие отдельных построек, расположенных на расстоянии 30—40 м одна от другой, свидетельствуют о том, что поселение представляло собой группу построек,

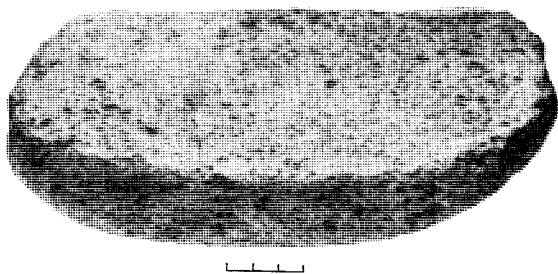

Рис. 9. Зернотерка из Сазоновки

отделявшихся одна от другой незастроенными участками, т. е. это было поселение типа современной деревни. Подобного же типа поселения были к востоку от д. Марфовки (так называемая «Марфовка Восточная» (см. рис. 1, № 25), к северу от д. Ленинское (поселение Слюсаревое — № 19) и одно из поселений, расположенных вблизи Азовского моря (так называемый Золотой Рожок — № 8). Благодаря тому, что на остатках этих

Рис. 10. Каменное сооружение на поселении Марфовка
Западная

поселений оказались свежевспаханые поля, удалось восстановить примерные планы этих поселений. По-видимому, поселения к западу и к востоку от д. Марфовки (рис. 13), к северо-западу от д. Огоньки, а также у дд. Слюсареве и Золотой Рожок представляли собой в плане группу изолированных построек, расположенных на различном расстоянии одна от другой, но большей частью на расстоянии от 20 до 40 м. Количество этих построек неодинаково, но иногда их было более 10. На свежевспаханном поле отчетливо выделяются пятна распаханного культурного слоя от жилищ, диаметром примерно 20—30 м, развороченные камни от стен и зольники, находившиеся, вероятно, около каждой из жилых построек. Раскопы, заложенные на перечисленных поселениях в центре этих пятен, всегда давали остатки фундаментов стен из камней и глины, куски каменных или черепяных вымосток, очаги, ямы и большое количество керамики. Судя по характеру фундаментов и кладок стен помещений, сложенных из плохо обработанных и плохо пригнанных камней, отсутствию черепичных кровель, небольшим размерам построек и бедности их инвентаря, мы имеем здесь дело не с остатками рабовладельческих вилл, а с простыми крестьянскими домами. Сам же поселок имел вид деревни. На основании находимых в зольниках и в помещениях обломков чернолаковых сосудов и клейм на остродонных амфорах можно установить, что эти поселения возникли в конце IV в. до н. э. и существовали в течение III в. до н. э., может быть даже в самом начале II в. до н. э. Как лепная посуда, так и гончарная привозная на всех этих поселениях одинакова. Лепные плоскодонные горшки, с довольно высоким отгибающимся краем, с орнаментом в виде прищепов, вдавлен и насечек по краю, имеют прямые ана-

логии в лепной посуде Каменского городища на Днепре¹. Такие горшки, с орнаментом и без него, найдены на всех раскапывавшихся поселениях IV—III в. до н. э. (Марфовка Западная и Марфовка Восточная, Сазоновка, Золотой Рожок, Слюсареву). Для всех этих поселений характерен примерно одинаковый состав находок керамики греческих типов. Простая гончарная посуда встречается редко; она не играла, по-видимому, значительной роли в быту населения, так же, как и чернолаковые сосуды. В большом количестве встречаются остродонные амфоры, употреблявшиеся, вероятно, как тара не только для перевозки вина и масла, но и для хранения различных продуктов в домашних условиях. Среди остродонных амфор на всех поселениях преобладали обломки синопских и гераклейских, но имелись также обломки боспорских, фасосских, косских и других амфор.

Все эти поселения были неукрепленными, находились вдали от античных городов, все они были небольшими, располагались как на ровном поле, так и на возвышенностях вблизи источников воды. Ни на одном из них не было найдено монет, дорогой импортной посуды или хотя бы следов черепичной кровли. Жилища были скромные, сложенные из небольших необработанных камней и глины, без следов штукатурки. В быту население употребляло главным образом лепную посуду, примитивные каменные зернотерки. Но хозяйство обитателей этих поселений уже не было натуральным. Найденные на всех поселениях в большом количестве обломки остродонных амфор свидетельствуют о привозе импортного вина и масла. При этом центры, поставлявшие их, были одни и те же: Синопа, Гераклея, о. Фасос, о. Родос, о. Кос и еще какие-то, пока нам не известные центры. Наряду с импортным вином, привозили и местное боспорское в боспорских амфорах. Последнее свидетельствует о наличии торговых связей с крупными боспорскими городами, центрами ремесла и торговли, вероятно, Пантикапеем, откуда и доставлялись в отдаленные сельские поселения импортные товары. Время существования этих поселений совпадает с периодом расцвета Боспорского царства, с временем наиболее интенсивной хлебной торговли с Афинами. Занятием жителей этих поселений было в основном земледелие, хотя было развито и скотоводство, о чем свидетельствуют находимые в зольниках кости домашних животных.

Характер всех исследованных до настоящего времени неукрепленных сельских поселений внутренней части Керченского полуострова, т. е. района, который, по словам Страбона² был плодородной страной (*εὐχαιὸς χώρα*), богатой хлебом и имевшей деревни (*κώμας*), позволяет предположить, что эти земли, присоединенные к Боспору Левконом I и его преемниками, были населены полусвободными, т. е. зависимыми земледельцами, сидящими на принадлежавших боспорским царям землях. По-видимому, это были родственные скифам племена, осевшие на землю в IV в. до н. э., а частично потомки ранее жившего в этом районе населения. Вероятно, именно такими поселениями управляли специально назначаемые царем

Рис. 11. Лепной горшок из Марфовки Западной

¹ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре, М., 1954, стр. 70, табл. II, 4; стр. 71, табл. III, 1; стр. 96, табл. IX, 1—2.

² Strab. VII, 4, 4.

Рис. 12. Клейма на ручках остродонных амфор из Марфовки Западной

лица. Об этом свидетельствует рассказ Полиена¹ о том, как Левкон во время войны с гераклеотами вручил власть над селами родственникам триерархов.

Наряду с такими поселениями, населенными крестьянами, на территории, прилежащей к крупным городам европейского Боспора, известны рабовладельческие усадьбы, существовавшие в III—II вв. до н. э. Одна из таких усадеб была открыта В. Ф. Гайдукевичем в 1951—1954 гг. на полпути между Пантикапеем и Мирмекием². Вероятно, эти усадьбы обслуживались рабами и были центрами винодельческих хозяйств³. К хоре городов принадлежали и участки более мелких землевладельцев, проживавших в городах, в поселках — комах или в виллах на своих участках. Если при исследовании территории к западу от так называемого Акосова (или Узунларского) вала можно было проследить довольно четко выделяющиеся пятна культурного слоя поселений, простиравшихся в длину от 300 до 800 м (причем на значительных площадях между этими поселениями, иногда на протяжении 5—10 км, не встречалось никаких следов культурного слоя), то в районах, лежащих ближе к приморским греческим городам, скопления керамики и следы культурного слоя, т. е. участки с остатками поселений античного времени, встречаются значительно чаще. Так, например, на участке протяжением 4 км к югу от греческого города Нимфея, вдоль берега моря замечены следы четырех поселений IV—III вв. до н. э. На площади около 8 км к северо-западу от д. Огоньки также было открыто четыре поселения, а в самой восточной части Керченского полуострова у наиболее узкой части Керченского пролива, на пространстве ра-

¹ Πολυαεν. Strat., VI, 9, 3.

² В. Ф. Гайдукевич. История античных городов... стр. 113, прим. 2.

³ Там же, стр. 113 и 119.

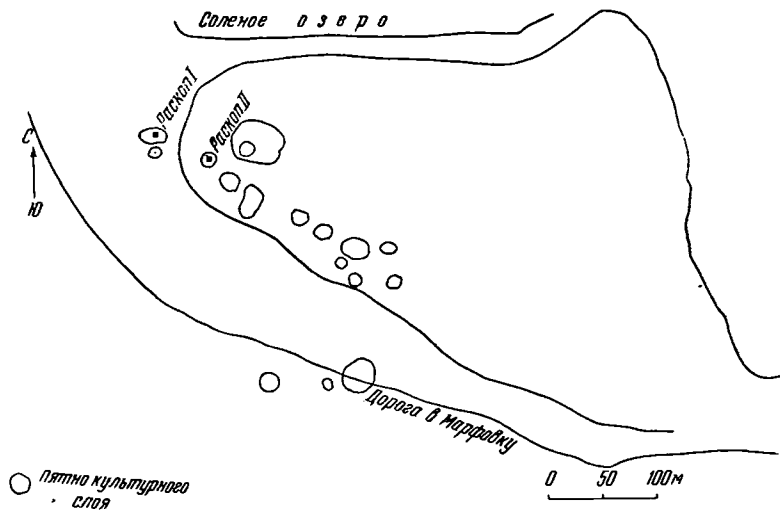

Рис. 13. План поселения Марфовка Восточная

диусом около 5 км вокруг д. Глазовка известно не менее 16 поселений¹, среди которых, по-видимому, имеются как небольшие, так и довольно значительные. Такая густая заселенность ближайших к греческим городам районов свидетельствует о наличии вокруг этих городов принадлежащей им сельской территории (хоры городов), может быть состоящей из участков, принадлежавших гражданам этих городов. Впрочем, решение этого вопроса еще требует детальных археологических исследований.

Несмотря на то, что территория европейской части Боспорского царства исследована еще далеко не полностью, обращает на себя внимание необычайная населенность юго-восточной и восточной части Керченского полуострова в IV—III вв. до н. э., тогда как количество поселений VI—V вв. до н. э. в этих же районах очень незначительно. Кроме известных ранее греческих городов, существовавших в VI—V вв. до н. э., в результате работ Восточно-Крымского отряда в прибрежной части Керченского полуострова были открыты в 1956 г. поселения VI—V вв. до н. э. в районе дд. Героевка и Челябинцево, а в глубинной части — упоминавшееся ранее поселение у д. Сазоновка. Интересно отметить, что поселение у д. Героевка, так же как и поселение на восточном склоне горы Опук (в районе Киммерика) существовало с конца VI до начала IV в. до н. э. Позднее второе из поселений прекратило свое существование совсем; первое же в IV в. до н. э. испытало какие-то потрясения: некоторые его постройки были разрушены, а у возникшего на этом месте нового поселения была изменена планировка и, по-видимому, общий характер поселения стал иным. Как поселение у Героевки, так и поселение на восточном склоне горы Опук, вероятно, являлись первоначально поселками греков-земледельцев, расселившихся по берегам Черного моря и Керченского пролива. Об этом свидетельствует характер находок, в частности преобладание в быту населения греческих привозных изделий, наличие терракотовых фигурок греческих божеств (в районе Киммерика), особенности строительных приемов (например, каменная кладка стен), применение слоев субструкций при кладе фундаментов (например, в Героевке). На Крымском берегу Азовского моря такие поселения пока

¹ Некоторые из этих поселений были известны еще в XIX и в начале XX вв. В новейшее время эти поселения обследованы археологом-любителем В. В. Веселовым. Подъемный материал, собранный им на этих поселениях, сдан в Гос. керченский историко-археологический музей.

Рис. 14. Ново-Отрадное. Расчистка помещения «А»

неизвестны. Освоение северной части Керченского полуострова, по-видимому, происходило позднее. Там известны поселения IV—III вв. до н. э., но их очень мало (Набережная — рис. 1, № 1, Золотой Рожок — № 8, Золотое Восточное — № 11, у бывшей д. Куль-тепе — № 12). Из всех этих поселений резко выделяется городище Золотое Восточное, расположенное на высоком прибрежном холме и обнесенное мощными каменными стенами (около 2,5 м толщины), сложенными из массивных каменных плит. Это — единственное укрепленное поселение эллинистического времени, исследовавшееся отрядом на берегу Азовского моря. Существовало оно с IV по I в. до н. э., т. е. дольше всех остальных сельских поселений этого района, которые перестали существовать на рубеже III—II вв. до н. э. или в начале II в. до н. э. Оно отличается от обычных сельских поселений своим местоположением, планировкой, более высоким качеством кладки зданий, характером находок, среди которых значительно больший процент греческой привозной и боспорской посуды, терракот. Среди амфорного материала преобладают синопские амфоры, есть гераклейские и родосские

По-видимому, именно потому, что это поселение было искусно укреплено как природой, так и руками человека, жизнь на нем продолжалась дольше, чем на открытых сельских поселениях внутренней части Керченского полуострова. Но именно тот факт, что оно прекратило свое существование на грани II и I вв. до н. э. и жизнь на этом месте более не возрождалась, роднит Золотое Восточное с сельскими поселениями и отличается от городов, жизнь на которых, несмотря на сильные потрясения и разрушения в I в. до н. э., продолжалась непрерывно.

Период IV—III вв. до н. э., как уже указывалось выше, характерен наличием наибольшего количества сельских поселений в глубинной части Керченского полуострова, а также в районе Керченского пролива и берегов Черного моря, тогда как для периода с конца I в. до н. э. по II в. н. э. такие поселения почти неизвестны. Жизнь в это время сосредоточивается, по-видимому, главным образом в городах. В удаленных от моря районах Восточно-Крымскому отряду пока не удалось найти сельских поселений этого времени. Но уже во II и, особенно, в III в. н. э. возникает много новых поселений. Они располагаются главным образом по берегам моря и

сильно отличаются по своему характеру от неукрепленных сельских поселений эпохи эллинизма¹.

На основании изучения материалов, полученных разведками Восточно-Крымского отряда, можно высказать следующее предположение. После событий II в. до н. э., которые можно рассматривать и как результат передвижения племен в степях Северного Причерноморья (а именно: напор сарматов, вытеснение ими скифов, и в результате натиск Крымских скифов на Боспор), и как результат внутренних социально-экономических потрясений, произошло перемещение населения на новые места, где жизнь оказалась более удобной в силу новых стратегических и экономических условий. Новые поселения возникают по берегам Азовского моря вблизи удобных бухт, на небольших холмах, укрытых неровным рельефом местности и как бы защищенных самой природой. Расцвет этих поселений относится уже ко II—III вв. н. э. Такие поселения обнаружены у дд. Афанасьевки, Семеновки, Ново-Отрадное, Золотое (рис. 1, №№ 9 и 10), у бывшей д. Куль-Тепе. Они невелики по своим размерам и большое количество помещений сконцентрировано на небольшой площади. До настоящего времени еще не удалось раскрыть комплексов, относящихся к рубежу нашей эры. Только отдельные находки клейменных ручек родосских амфор, обломки так называемых «мегарских чаш» и краснолаковых сосудов, найденные в мусорных свалках этих поселений, свидетельствуют о времени их возникновения, примерно совпадающем со временем гибели сельских неукрепленных земледельческих поселений. Все архитектурные остатки, обнаруженные раскопками, относятся к III в. н. э. и свидетельствуют об единстве строительных приемов на всех поселениях. Жители новых поселков широко занимались рыболовством, совмещая его с земледелием и огородничеством, о чем свидетельствуют сельскохозяйственные орудия производства и рыболовные снасти, находимые на этих поселениях. Все эти поселения заканчивают свое существование почти одновременно в результате нападения врагов, по-видимому, около третьей четверти III в. до н. э. Дата их гибели совпадает с гибелью Илурата. Яркую картину внезапной гибели поселений дали раскопки 1953—1954 гг. жилых комплексов у дд. Ново-Отрадное (рис. 14) и Семеновка, погибших в пожаре и сохранивших *in situ* предметы домашнего обихода и орудия труда, находившиеся в помещениях, и даже скелет собаки, погибшей под камнями рухнувшей стены дома².

Как видно из этой общей характеристики сельских поселений, раскапывавшихся Восточно-Крымским отрядом, широко поставленное изучение их позволит решить важные вопросы истории и экономики Боспорского царства, которые сейчас еще только намечаются. Выше мы постарались, опираясь на небольшое еще число исследованных памятников, установить в общих чертах линию исторического развития сельских поселений европейского Боспора. Следует также отметить, что каждое из раскопанных поселений дает новые черты для характеристики этнического состава, уровня экономической жизни и культуры местного сельскохозяйственного населения европейского Боспора, о жизни которого мы до сих пор почти ничего не знали.

¹ Несколько таких поселений исследовано Восточно-Крымским отрядом в 1953—1954 гг. См. И. Т. Кругликова. Позднеантичные поселения Боспора на берегу Азовского моря, СА, XXV, 1956, стр. 236 сл.

² Там же, стр. 254.

И. Д. МАРЧЕНКО

К ВОПРОСУ О БОСПОРСКИХ ТОРГОВЫХ СУДАХ

При раскопках Фанагории в 1955 году на участке «Северный город», в земле, заполнявшей колодец III в. н. э., были найдены обломки круглого грузила для рыболовных сетей¹ (рис. 1).

На лицевой стороне острой палочкой вырезано изображение одномачтового корабля с поднятым парусом, идущего вправо. Несмотря на кажущуюся с первого взгляда примитивность и некоторую линейность изображения, сделано оно мастерски, правильно переданы все основные части судна и соблюдены их пропорции.

Недостаточная разработка вопроса о боспорском флоте и о боспорских торговых судах, обусловленная редкостью дошедших до нас изображений, заставляет уделить этой находке особое внимание.

Несмотря на утраченные части грузила, изображение все же может быть почти полностью реконструировано.

Изображенное судно имеет округлый корпус, с довольно отлогим носом и крутозакругленной кормой. Его мачта и горизонтальная рея, с укрепленными на них парусами, соединены с корпусом судна системой тросов, совпадающей с современной системой размещения снастей на парусном судне.

Начнем рассмотрение нашего судна с корпуса (рис. 2). Последний очень близок корпусам небольших торговых судов Римской империи, изображения которых сохранились в живописи и в рельефе. Особенно много общих черт имеет он с боспорскими судами, нарисованными в керченских склепах позднего времени. У нашего судна, как и у судна, нарисованного красной краской в склепе 1894 г.² (рис. 3), корма дана довольно крутой, а нос отлогим и более длинным. На корме помещена небольшая надстройка, служившая укрытием или помостом для кормчего, управляющего судном с помощью двух рулевых весел.

У судна, изображенного на фанагорийском грузиле, это укрытие имеет вид беседки с двускатной крышей. Такие небольшие укрытия для рулевого имеются у торговых судов, изображенных живописью, на рельефах или же на монетах Римской империи.

В одной из погребальных камер в Остии³ изображено небольшое торговое судно (рис. 4), нагружаемое зерном, где рулевой стоит на помосте и с помощью особых рычагов управляет рулевыми веслами. На небольших одномачтовых военно-транспортных судах, изображенных на колонне Тра-

¹ Грузило имеет диаметр 0,10 м, при толщине 0,02 м, сделано оно из фанагорийской глины, лицевая сторона его вогнутая, обратная — выпуклая. Верхний сектор грузила отсутствует. Инв. № 322.

² ОАК за 1894 г. СПб., 1896, стр. 7, 89, рис. 148; Альбом рисунков, помещенных в ОАК за 1882—1898 г., СПб., 1906, стр. 68, № 392. Вторично описан В. В. Шкорпилом (ИАК, вып. 47, СПб., 1913, стр. 17) и М. И. Ростовцевым (Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914).

³ М. Rostovtzeff. Gesellschaft und Wirtschaft in römischer Keiserzeit, т. I. табл. 23, № 3, стр. 227.

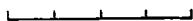

Рис. 1. Рыболовное грузило из раскопа «Северный город» (Фанагория)

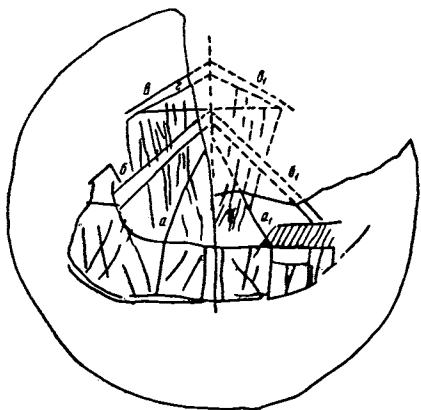

Рис. 2. Изображение судна в реконструированном виде с условными обозначениями

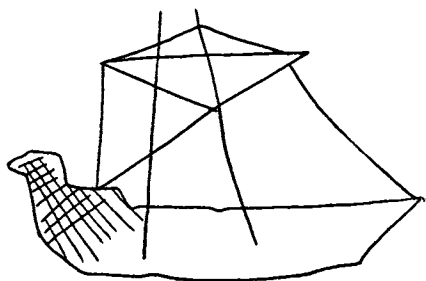

Рис. 3. Изображение судна в sklepe 1894 г., Керчь

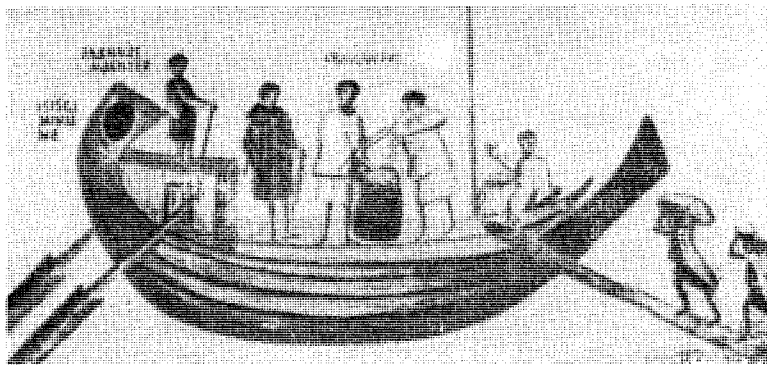

Рис. 4. Фреска в Остии

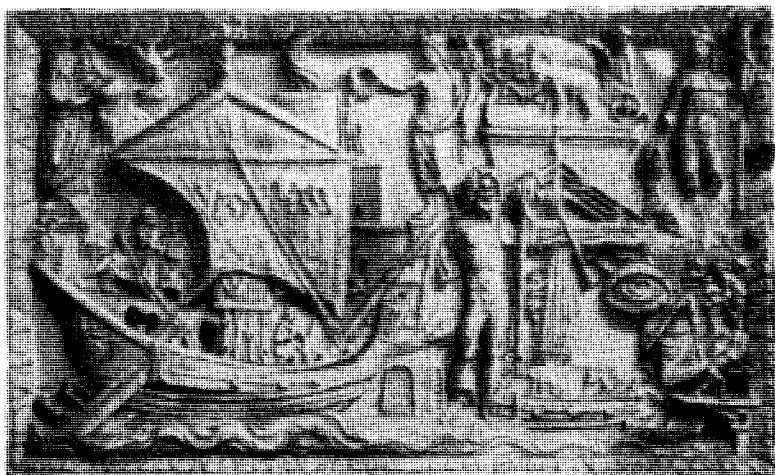

Рис. 5. Гавань Тибра с торговыми кораблями. Рельеф. Музей Торлония

яна¹, в кормовой части также сделан этот помост или укрытие. На крупных торговых судах, изображенных на известном рельефе в музее Торлония² (рис. 5), относящегося к эпохе Септимия Севера, и на рельефе из Сидона³ (рис. 6), датированном императорским временем (хранящемся в музее Бейрута), на кормовой, более высокой и круто закругленной части, имеются такие же укрытия.

Следует вспомнить, что живопись Боспора дает нам еще одно близкое изображение: в позднем склепе с геометрической росписью, открытом в 1901 г.⁴, нарисовано одномачтовое судно с округлым корпусом, двумя рулевыми веслами и небольшой надстройкой на корме (рис. 7). Возле нее стоит схематическая фигурка кормчего, остальные пять человек экипажа изображены на рее и у мачты.

Небольшой размер надстройки для кормчего у фанагорийского судна, вероятно, следует отнести за счет неумения художника, наметившего корму своего корабля слишком круто и закрывшего ею верхнюю часть кормовой надстройки, отчего пришлось изобразить ее поставленной на самом острей кормы.

В носовой части рассматриваемого судна вырезан, по-видимому, трап, при помощи которого осуществлялась связь с сушей. Его мы видим на многих изображениях античных кораблей, здесь он передан двумя горизонтальными линиями, соединенными параллельными наклонными, причем трап изображен несколько в перспективе, что увязывается с ракурсом, в котором изображена кормовая часть.

Рассматривая надпалубное устройство судна, мы видим, что мачта удерживается в корпусе судна при помощи тросов, проходящих по двум осевым направлениям судна. Верхушка мачты соединена тросами с носом и с кормой судна, благодаря им мачта удерживалась перпендикулярно к продольной оси судна, она не валилась ни вперед, ни назад. На нашем рис. 2 они обозначены b_1 и b .

Отметим, что и в современном парусном судне существует система

¹ М. Rostovtzeff. Ук. соч., табл. 35; так же Baumeister. Denkmäler des klassischen Altertums, т. III, Leipzig, 1888. Изобр. № 1677 на стр. 1608.

² Baumeister. Ук. соч., т. III, изобр. № 1688.

³ М. Rostovtzeff. Ук. соч., табл. 39, № 2.

⁴ М. И. Ростовцев, Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, табл. ХСVIII, № 1, стр. 426 и 434.

Рис. 6. Изображение торгового корабля на саркофаге из Сидона. Бейрут (Музей)

таких креплений. Называют их штагами и фордунами¹. С помощью других тросов, идущих по два с каждого борта к верхней части мачты, достигалась устойчивость мачты относительно поперечной оси судна, мачта не наклонялась ни к правому, ни к левому борту. У современных парусников эти тросы носят название вант².

На фанагорийском судне они изображены по одному справа и слева от мачты. На рис. 2 они обозначены буквами *a* и *a*₁. На военных ладьях, изображенных на колонне Траяна, таких поперечных тросов имеется по два с каждой стороны мачты.

Несмотря на схематизм изображения мачты, можно уловить незначительный наклон ее к корме — прием, применявшийся в античных парусных судах и удерживающийся в современном парусном флоте, в рамках от 2 до 6°³.

По мнению специалистов, преднамеренный наклон мачты облегчает управление кораблем и улучшает его мореходные качества.

Характерно, что у судна, изображенного в склепе 1894 г., показан наклон мачты к корме. По-видимому, это широко применялось в боспорских кораблях позднего времени.

Остановимся теперь на рассмотрении верхней части изображения корабля. Утрата правого сектора грузила, на котором вырезана верхняя правая половина мачты, реи и паруса, позволяет выдвинуть два варианта размещения реи и паруса.

Если принять, что из двух наклонных линий, условно обозначенных на нашем рис. 2 *в* и *г*, верхняя — *в* — изображает собой трос, скрепляющий рею с верхушкой мачты, а линия *г* передает кромку паруса, то можно предположить, что им справа соответствовали такие же части: рея продолжалась по горизонтали, к ней снизу прикреплялась справа часть большого прямо-

¹ А. И. Цурбан. Парусно-моторные суда, вооружение и управление ими. М.—Л., 1953, стр. 18; С. П. Лукашевич. Сокращенный морской словарь. М.—Л., 1940, стр. 133, 140.

² В. Л. Поздунин. Избранные труды, т. II. Энциклопедия судостроения. М., 1951, стр. 350; С. И. Лукашевич. Ук. соч., стр. 22.

³ А. И. Цурбан. Ук. соч., стр. 12.

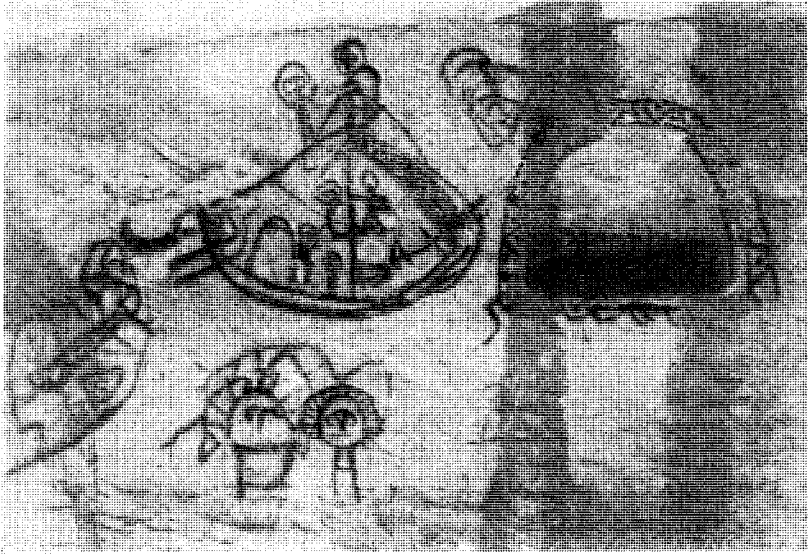

Рис. 7. Изображение судна в склепе 1901 г. Керчь

угольного паруса, от верхушки мачты к правому концу реи шел трос, а ниже его проходила кромка дополнительного паруса треугольной формы, соответствующего левому дополнительному парусу.

В таком случае на нашем судне применялась система парусов, состоящая из нормального прямоугольного паруса и дополнительного, трехугольного, мачтового, изобретенного в императорскую эпоху. Плиний упоминает о нем, как о перенятом у речных рыбаков Африки. Сенека отмечает его у александрийских курьерских кораблей¹. На рельефе музея Торлония, где очень тщательно передана система тросов, удерживающих эти паруса, ясно видно, что в эпоху Септимия Севера верхний мачтовый парус разделился на два (рис. 5). Это же видим мы на рельефе Бейрутского музея (рис. 6).

Рассмотрим теперь второй вариант. Если принять, что две линии, обозначенные нами *в* и *г*, передают наклонную рею и прикрепленную к ней кромку паруса, то следует продолжить их вправо вверх, а не вниз, и, таким образом, представить у нашего корабля один большой парус с высоко поднятым правым углом. Но этому не соответствует крепление мачты и реи.

Нам представляется более правильным принять первый вариант. Подтверждают его памятники античных городов юга России: так изображенное в склепе 1894 г. судно имеет горизонтальную рею, удерживаемую тросами, образующими с ней равнобедренный треугольник (рис. 3); в схематическом изображении судна в склепе 1901 г. в верхней части судна имеется два наклонных троса, с помощью которых матросы прикрепляют парус к рее (рис. 7).

На обломке мраморной плиты, найденной в 1935 г. при раскопках базилики в Херсонесе², изображена верхняя часть корабля с горизонтальной реей, выше которой показан дополнительный парус в виде равнобедренного треугольника, причем вершина его поднимается к вершине мачты. К счастью, на этом обломке плиты — относящейся тоже к III в. н. э. — со-

¹ В а u e i s t e r. Ук соч., т. III, стр. 1620. Иногда применялись дополнительные паруса сбоку от основного. Об этом см. Z. C a s s o n. The Sails of the Ancient Mariner. Archaeology, 1954, т. 7, № 4, стр. 219.

² Г. Д. Б е л о в. Херсонесские рельефы, ВДИ, № 3—4, 1940, стр. 270, рис. 5.

хранилось изображение двух наклонных параллельных линий, идущих от вершины мачты к правому концу реи. Это трос и боковая кромка дополнительного паруса, аналогичные линиям *в* и *г* на нашем рис. 2.

Три приведенных нами случая подкрепляют нашу точку зрения о правильности первого варианта.

Остановимся еще на одной подробности: как позволяют судить изображения на боспорских надгробных рельефах, в боспорских лодках носовые части делались более вытянутыми, чем у торговых судов, и кормовая часть значительно более загибалась внутрь. Это можно проследить на изображении лодки на стеле Гликариона и Полисфена¹ и на лодке с четырьмя гребцами, вырезанной на неопубликованном надгробии из Керчи².

Подытоживая наши наблюдения, можно считать, что судно, изображенное на фанагорийском грузиле, принадлежало к типу торговых, с небольшим округлым корпусом, имеющим характерную высокую и крутую корму с надстройкой для кормчего и несколько удлиненный, отлогий нос. Одна мачта несла рею, к которой прикреплялись большой прямоугольный и дополнительный парус. На таком корабле экипажи состояли примерно из шести-восьми человек.

Как показывает весь привлеченный материал, боспорское рядовое небольшое торговое судно имело то же конструктивное устройство и ту же систему управления парусами, что и торговый флот Римской империи. Боспорским кораблестроителям и мореходам были известны изобретения моряков других стран, в частности они усвоили систему использования дополнительных парусов. Такому быстрому освоению достижений мореходной техники могла способствовать оживленная торговля.

Обращает на себя внимание близость между античными и современными парусными судами в принципах размещения и использования мачты и парусов, а также крепления мачты в диаметральной плоскости и плоскости шпангоутов.

¹ G. Kieseritzky u. Watzinger. Griechische Grabsreliefs aus Südrussland Berlin, 1909, стр. 97, № 550.

² Хранится в лапидарии Керченского музея.

М. Ю. СМІШКО

БОГАТОЕ ПОГРЕБЕНИЕ НАЧАЛА НАШЕЙ ЭРЫ В ЛЬВОВСКОЙ ОБЛАСТИ

При сооружении хозяйственных построек в колхозе им. Н. С. Хрущева в с. Чижикове Винниковского р-на Львовской обл. весной 1955 г. было обнаружено несколько бронзовых и глиняных предметов. Об этом было сообщено в отдел археологии Института общественных наук АН УССР. Отправившаяся на место находок экспедиция установила, что одной из силосных траншей была разрушена большая часть погребения. Шурфом, заложённым параллельно соответствующей стенке траншеи, удалось вскрыть нетронутую часть погребальной ямы прямоугольной формы, шириной 1,38 м и длиной 1,08 м, ориентированную с севера на юг. На ее дне, на глубине 1,4 м от современной поверхности, находились остатки костей человеческих ног, а в прилегающей к этой яме части силосной траншеи удалось собрать разбросанные мелкие фрагменты черепа и плечевых костей. По-видимому, погребение было ориентировано головой к северу.

На одной из костей ступни сохранились остатки истлевшего войлока со следами медной окиси; рядом был обнаружен бронзовый предмет в виде узкой, длиной в 2 см, небольшой восьмеркообразной пластинки с двумя заклепками, имеющими круглые головки.

Большую часть вещей собрали колхозники из разрушенной части погребения до начала раскопок. Среди них были следующие предметы:

1. Бронзовая ойнохоя¹ с широкой, массивной ручкой (табл. I, 1). Плечики ойнохой у основания шейки украшены углубленными прямыми горизонтальными линиями. Богато орнаментирована ручка сосуда (табл. I, 1а и 1б). Концы удлиненных отростков ее верхней части сделаны в виде полукруглых утолщений с поперечной нарезкой. На верхнем конце ручки имеется пластическое изображение головки льва с плоским трехугольным щитком под пастью. В обе стороны от основания этого щитка отходят тонкие линии со стилизованными завитыми концами. Вверх от львиной головки идут четыре ребра с косыми насечками, имитирующие гриву животного; на изгибе ручки эти ребра соединяются в одно ребро, спускающееся до низу. Нижний конец ручки оформлен в виде четырехпалой львиной лапы, из-под которой выходит полукруглый плоский щиток, украшенный тонким выпуклым стилизованным растительным орнаментом.

2. Бронзовая полусферическая миска на кольцевом поддоне². Наружная поверхность тулова под венчиком украшена двумя горизонтальными линиями. Стенки миски на внутренней стороне покрыты горизонтальными углубленными линиями и плоскими ребрышками. Ряд концентрических желобков и ребрышек имеется на наружной и внутренней сторонах дна миски (табл. I, 3).

¹ Высота ойнохой без ручки 13 см, с ручкой — 17,5 см; диам. доньшка 8 см; диам. горлышка по краю 10 см, в самом узком месте — 3,5 см; ширина ручки 1,7—2,3 см.

² Высота миски 5,3 см; диам. доньшка 11,2 см; диам. по венчику 21 см; толщина венчика 0,9 см.

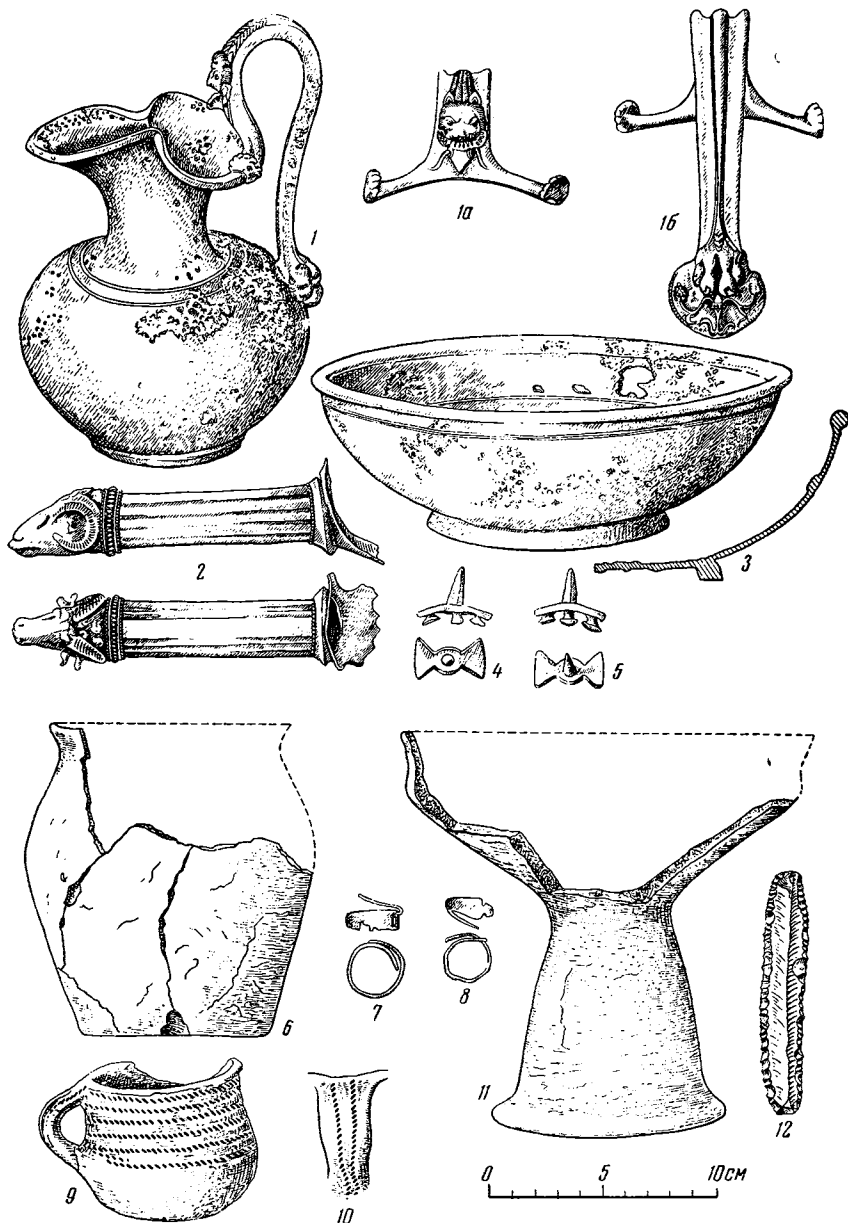

Табл. I.

1—6, 11 — вещи из погребения I в. н. э.; 7—10, 12 — вещи из погребения культуры шнуровой керамики

3. Бронзовая ручка патыры в форме полого стержня, украшенного по поверхности желобками и заканчивающегося реалистическим изображением бараньей головки. На другом конце ручки сохранились остатки стенки сосуда. На стержне ручки, возле бараньей головки, имеется поперечный пояс, разделенный на три ребрышка с поперечными насечками; среднее, самое широкое ребрышко, изготовлено из серебра¹ (табл. I, 2).

4. Две небольшие бронзовые шпоры с коротким фигурным основанием и тонкими круглыми в сечении шипами. Основания шпор изготовлены из

¹ Длина ручки 16,2 см, диам. стержня ручки 2,3 см.

толстой (0,3 см) пластинки. Они прикреплялись к обуви с помощью трех гвоздей с круглыми головками¹ (табл. I, 4, 5).

5. Маленькая бронзовая накладка полуовальной формы с двумя полу-круглыми вырезами сверху. В центре наружной стороны имеются три, едва заметных, концентрических выпуклых кружка (размер 3 × 2,7 см).

6. Чаша на высокой расширяющейся книзу полой подставке, изготовленная от руки из чистой глины; наружная поверхность неровная, лощеная, светло-коричневого цвета² (табл. I, 11).

7. Малый толстостенный горшок с плоским дном и отогнутым венчиком, изготовленный от руки из глины с примесью шамота³ (табл. I, 6).

8. Нижняя часть горшка с овальным туловом и малым вогнутым внутри доньшком. Горшок был изготовлен на гончарном круге из отмученной глины, с светло-серой ровной наружной поверхностью. На внутренней стороне стенок сосуда видны горизонтальные желобки — следы от пальцев, формовавших сосуд. Высота сохранившейся части сосуда 11 см; диам. дна 7 см⁴.

По инвентарю погребение в Чижикове относится к числу редких памятников Верхнего Поднепровья и, с целью его хронологического и культурно-этнического определения, заслуживает подробного изучения.

Найденные здесь бронзовые сосуды являются, несомненно, предметами римского происхождения. Такие бронзовые сосуды изготовлялись в конце I тысячелетия до н. э. и в самом начале нашей эры в римских мастерских Кампании или в других местах Италии⁵. Начиная с рубежа нашей эры, такие изделия появляются в различных областях Европы, севернее границ Римской империи.

Значительное место среди бронзовых римских сосудов занимают кувшины с фигурным клеверовидным горлом и ручками, украшенными зооморфными и антропоморфными пластическими изображениями. Такие кувшины известны из ряда пунктов юго-восточной и западной Европы⁶.

Самая близкая по территории аналогия для нашего кувшина нам известна из погребения в Гебултове Краковского воеводства (Польша), датируемого рубежом I и II вв. н. э.⁷ Гебултовский кувшин имеет такое же сферическое тулово, клеверообразное горло и массивную ручку, выступающую выше венчика. Но вместе с тем он отличается от нашего некоторыми второстепенными деталями. Во-первых, его ручка украшена антропоморфным пластическим изображением; во-вторых, она прикреплена к венчику и тулову с помощью заклепок, а не припаяна, как в чижиковском сосуде. Следует отметить, что эта деталь является характерной для более поздних изделий данного типа⁸, следовательно, наш кувшин должен относиться к более раннему времени.

Бронзовые патеры с ручками, подобными ручкам из погребения в Чижикове, изготовлялись в римских мастерских Италии по позднеалексан-

¹ Длина основания шпор 3,2 см; высота шипов 2,6 см.

² Высота чаши 18,3 см; диам. основания подставки 9,8—10,5 см; диам. по венчику около 18 см.

³ Высота 12,3 см; диам. доньшка 9 см; диам. по венчику 10,7 см.

⁴ Описанные выше предметы хранятся в фондах отдела археологии Института общественных наук Львовского филиала АН УССР.

⁵ J. Hoops. Reallexikon der germanischen Altertumskunde. Strassburg, 1911—1913, I, стр. 324; J. Filip. Obchodní styky Čech s Římem v době Augustově a problem mocenského střediska tehdejších Čech. «Archeologické rozhledy», 1952, IV, стр. 143.

⁶ ОАК за 1913—1915 гг. Петроград, 1918, стр. 91, рис. 148. K. Majewski. Importy rzymskie na ziemiach slowińskich. Wrocław, 1949, стр. 70—71; J. Filip. Ук. соч., стр. 150; G. Ekholm. Om romarnas handel pa Nordeuropa. «Fornvännen», 1934, стр. 349—365 и др.

⁷ T. Reuman. Zespól importów rzymskich z grobu ciała nego w Giebułtowiu, w pow. Krakowskim. «Wiadomości archeologiczne», XVI, 1939, стр. 181—182, табл. XXVIII, 1, 2.

⁸ Там же, стр. 188.

дрийским образцам, начиная с середины I в. до н. э., а севернее Дуная они появляются в комплексах I в. н. э.¹

При решении вопроса о путях проникновения римских изделий на территорию Верхнего Поднестровья необходимо обратить внимание на распространение находок этого типа, в частности в Подунавье². Особо следует отметить (идентичную с нашей) ручку патеры, найденную на поселении в Пояна (Румыния) в слое I в. н. э.³, по составу и характеру керамических изделий очень близкому к липицкому комплексу Поднестровья.

Исходя из этих данных, путь ввоза изделий римского происхождения намечается по течению Дуная, в его низовья, и далее, по восточному Прикарпатьяю на север, в верхнее Поднестровье. Важную роль в распространении этих изделий должны были играть дакийские племена, представленные на территории Румынии памятниками типа Пояна, а в Поднестровье — липицкой культурой. В связи с этим интересно отметить, что ряд привозных изделий римского происхождения в Прикарпатьяе был обнаружен вместе с типичными липицкими глиняными сосудами. Так, рядом с погребением в Колоколине (Станиславская область) был найден изготовленный на круге кувшинчик с двумя ручками⁴, такой же сосуд был обнаружен вместе с известным Борочицким кладом⁵. О липицком характере керамического инвентаря из погребения в с. Чижикове будет сказано ниже. Кроме того, богатое погребение с привозными вещами в Гебултове (Польша) сопровождалось двумя малыми чашами на высокой подставке, сделанными на гончарном круге⁶, являющимися, как известно, одной из типичных форм липицкой керамики. Приведенные факты являются подтверждением предположения о роли племен липицкой культуры в распространении римских изделий в районы севернее Карпат.

Третьим сосудом, сделанным, несомненно, в римских мастерских Италии, является бронзовая миска (табл. I, 3). Близкие варианты этого типа мисок известны из находок, сделанных в ряде пунктов Центральной и Северо-Западной Европы, где они встречаются в комплексах, относящихся главным образом к I в. до н. э.⁷ Но такие миски обнаруживаются и в более поздних комплексах, свидетельством чего является самая близкая по территории находка в упомянутом выше погребении в Гебултове, датированном рубежом I и II вв. н. э.⁸ Она немного больше миски из Чижикова и орнаментирована по выпуклому венчику рядом овальных углублений. Несмотря на эти, впрочем второстепенные, различия, обе миски можно считать синхронными, и на этом основании датировать нашу миску I в. н. э.

Как видно, рассмотренные бронзовые сосуды из с. Чижикова — ойнохоя, ручка патеры и миска — являются, несомненно, изделиями римских мастерских и, будучи датированными по аналогичным находкам, все они относятся к I в. н. э.

Иной характер имеют две бронзовые шпоры из погребения в с. Чижикове (табл. I, 4, 5). По форме короткого, фигурно вырезанного основания и тонкого шипа они принадлежат к раннему варианту шпор так называе-

¹ Ср. J. Filip. Ук. соч., стр. 151—152.

² V. Párgvaп. *Getica*. Bucuresti, 1926, стр. 27 и табл. IV, 4; стр. 336, и прим. 7. ИАД, I, София, 1910, стр. 168, рис. 6; *Archaeologiai Ertesitő*, 1882, стр. 71, рис. 4; то же, 1900, стр. 387, рис. 2; J. Filip. Ук. соч., стр. 150 и рис. 84.

³ R. et E. Vulpe. *Les fouilles de Poiana*. Dacia, III—IV, 1933, стр. 336 и рис. 112, 11.

⁴ M. Smiszko. *Stanowisko wczesnorzymskie w Kolokolinie, pow. Rohatyński*. Wiadomości archeologiczne. XIII, Warszawa, 1933, стр. 160 и табл. XLIII, 14.

⁵ J. Piotrowski. *Skarb boroczycki*. Lwów, 1929, стр. 33, рис. 7.

⁶ T. Reuman. Ук. соч., стр. 180—181 и табл. XXV, 35.

⁷ T. Reuman. Ук. соч., стр. 190; H. Preidel. *Die germanischen Kulturen in Böhmen und ihre Träger*. Kassel 1930, I, стр. 180—197.

⁸ T. Reuman. Ук. соч., стр. 182 и табл. XXV, 8.

мого стулообразного типа, относящегося к I в. н. э.¹ Основной территорией возникновения и распространения таких шпор считается Германия и Чехия². Значительно реже они встречаются в пределах распространения пшеворской культуры, куда их привозили из более западных районов Европы³. В нашем Прикарпатье шпоры такого типа обнаружены впервые. Вероятнее всего, здесь мы имеем дело с изделиями западноевропейского происхождения, попавшими в Поднестровье путем связей местного населения с его западными соседями, возможно, через посредство пшеворских племен.

Как выясняется, все бронзовые предметы из погребения в Чижикове, несомненно, привозные, римского и западноевропейского происхождения. Они позволяют установить время захоронения и проливают некоторый свет на торговые и межплеменные связи, но не дают основания для суждения о культурной и этнической принадлежности данного памятника. Для решения последнего вопроса могут быть использованы только предметы местного происхождения, в данном случае, глиняные сосуды.

Одним из них является описанная выше под № 6 чаша на высокой конической подставке (табл. I, II). Чаши на высокой подставке представляют собой, как известно, одну из характерных форм липицкой керамики и близкой к ней группы памятников типа Пояна в Румынии. Среди значительного количества сосудов этого типа встречаются в упомянутых комплексах также и чаши, изготовленные от руки, почти идентичные по форме с сосудом из Чижиковского погребения⁴. Судя по технике изготовления и форме подставки, нашу чашу следует причислить к ранним изделиям данного типа и отнести к концу I тысячелетия до н. э. или к началу н. э.

Второй керамической находкой из погребения в Чижикове является описанная под № 8 нижняя часть горшка. Близкие ему по технике изготовления, фактуре и форме сосуды встречаются в липицкой керамике.

Приступая к хронологическому определению данного сосуда, следует обратить внимание на одну деталь. Его вогнутое внутрь доньшко не имеет кольцевой подставки, столь характерной для изготовленных на круге сосудов первых веков нашей эры. Углубленное доньшко напоминает о таком же способе формирования доньшек на кельтских гончарных изделиях позднелатенского времени⁵. Такие же доньшки имеются у некоторых более ранних сосудов липицкого комплекса⁶. Сказанное дает основание отнести рассматриваемый фрагментированный горшок из Чижикова к керамическим формам, возникающим в Поднестровье не позже самого начала нашей эры.

Толстостенный, широкогорлый лепной горшок (№ 7) нехарактерен (табл. I, 6). Такие сосуды встречаются в разных комплексах первой половины I тысячелетия н. э. и поэтому не поддаются более точному культурному и хронологическому определению. Можно только обратить внимание на значительную примесь шамота в его тесте, что является одним из характерных свойств липицкой лепной посуды.

Опираясь на характерные черты вещественного инвентаря и на аналогичные датированные находки таких же изделий в других пунктах, приходим к выводу, что погребение в с. Чижикове следует отнести к I в. н. э. Учитывая, однако, сравнительно ранние типы чаши на высокой подставке

¹ M. Jahn. Der Reitersporn — seine Entstehung und früheste Entwicklung. Leipzig. 1921, стр. 23, и табл. 1; 23.

² Там же, стр. 100, 101; H. Preidel. Ук. соч., стр. 228.

³ J. Kostrzewski. Wielkopolska w pradziejach. Warszawa-Wroclaw, 1955. стр. 227.

⁴ M. Šmiszko. Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Malopolsce wschodniej. Lwów. 1932, табл. IX; 9, II; R. et E. Vulpe. Les fouilles de Tinosul. Dacia, I, 1924, стр. 202, рис. 30, 9, 10; V. Pârvan. Ук. соч., рис. 456, 458.

⁵ Ср. Dolgozatok. II, 1911, стр. 25, рис. 25, 2, 3; стр. 33, рис. 14. J. Eisner. Slovensko v pravěku. Bratislava, 1933, табл. I, IV, 22, 31, табл. LIV, 2, 5, 6.

⁶ M. Šmiszko. Ук. соч., стр. 133 и табл. X, 4.

и сделанного на круге горшка, по которым довольно четко можно проследить приемы керамического производства позднелатенского времени, мы имеем основание предположить, что данный памятник относится к первой половине I в. н. э.

Входящие в состав инвентаря данного погребения ценные бронзовые привозные предметы свидетельствуют о принадлежности погребенного здесь покойника к местной племенной знати.

Раскопками, проведенными на площади, окружающей погребение, выяснилась его обособленность. Вблизи не удалось обнаружить никаких следов других синхронных погребений, но были сделаны другие находки значительно древнейшего и более позднего периодов.

Так, в 0,8 м на запад от описанного нами погребения, на глубине 0,3 м от современной дневной поверхности был найден лепной глиняный сосудик с выпуклым доньшком и ручкой, украшенной углубленным шнуровым орнаментом (табл. I, 9, 10). Под этим сосудиком, на глубине 1 м, были обнаружены два медных несомкнутых уплощенных кольца (табл. I, 7, 8). В 1,4 м к юго-востоку от погребения, на глубине около 0,3 м, найдены две сильно разложившиеся длинные ножные кости человека и узкая кремневая пластинка (длина 10,8 см) с ретушью по краям (табл. I, 12).

Группа этих находок принадлежит к разрушенному в древности погребению культуры шнуровой керамики раннебронзового периода. Погребения этого типа встречаются в окрестностях Львова обычно под курганными насыпями, а это позволяет предполагать, что погребение с римскими вещами начала нашей эры было впущено в курганныю насыпь погребения раннебронзового периода.

На территории Верхнего Поднестровья известно еще одно богатое погребение начала нашей эры, обнаруженное в подобных же условиях. Мы имеем в виду погребение у с. Колоколин (Большевецевский р-н Станиславской обл.), случайно вскрытое в насыпи кургана эпохи ранней бронзы; в этом погребении находились бронзовые и серебряные привозные изделия римского и кельтского происхождения¹.

Совсем рядом с описанными памятниками в с. Чижикове были обнаружены остатки двух жилых сооружений полуземляночного типа и две ямы хозяйственного назначения с обломками посуды IV—V вв. н. э. Можно предположить, что во время застройки этого поселения был разрушен курган с погребением раннебронзового периода. Погребение же начала нашей эры осталось незатронутым, так как оно находилось глубже.

Вопрос о культурной и этнической принадлежности погребения начала нашей эры в с. Чижикове не кажется нам особенно сложным. В этом районе известны могильники липицкого типа у сс. Гринев и Звенигород (Львовская обл.), расположенные всего в нескольких километрах к западу от с. Чижикова. Немного ниже по Днестру расположены другие памятники этой культуры — могильники у с. Болотное (Львовская обл.) и у с. Верхняя Липица (Станиславская обл.) и поселение с могильником у с. Залески (Дрогобычская обл.). Упомянутые памятники относятся к первым двум столетиям нашей эры и, таким образом, являются синхронными с чижиковским погребением. Кроме этого, как указывалось выше, керамические изделия из нашего погребения имеют близкие аналогии среди керамического комплекса липицкой культуры, что и решает вопрос о его культурной и племенной принадлежности.

Факт вскрытия двух богатых погребений начала нашей эры в Верхнем Поднестровье (с. Чижиково, с. Колоколин) вне общих могильников свидетельствует, по-видимому, об обособленном положении племенной знати липицких племен и, тем самым, о глубоком социальном расслоении этого общества уже в самом начале нашей эры.

¹ M. Smiszko. Stanowisko wczesnorzymskie w Kołokolinie, pow. Rohatyński. Wiadomości archeologiczne, XIII, Warszawa, 1935, стр. 155 сл.

Н. И. СОКОЛЬСКИЙ

НАХОДКИ НА ВЕРШИНЕ ГОРЫ БОРИСА И ГЛЕБА НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

В 1955 г. на вершине горы Бориса и Глеба у Ахтанизовской станицы была открыта сохранившаяся часть фундамента часовни XIX в.¹, сложенного из одного ряда плит, среди которых были: 1) несколько рустованных плоских блоков из камня-ракушечника желтовато-серого цвета (размер $0,57 \times 0,61$ м и подобные), разрушившихся от сырости; 2) известняковый барабан колонны дорического ордера с 16 каннелюрами. Наибольший диаметр барабана 0,54 м, высота 0,224 м (рис. 1); 3) известняковая капитель пилястры длиной 0,97 м, шириной 0,62 м и высотой 0,275 м; с двух сторон пилястра обработана в точном и сложном профиле, третья (продольная) сторона обработана только на 0,15 м от угла, а четвертая (короткая) не обработана совсем (рис. 2); 4) известняковая база пилястры длиной 0,98 м, шириной 0,70 м и высотой 0,17 м. Профилировка ее менее сложна, чем у капители, однако столь же четкая и строгая.

Размеры вышеописанных архитектурных деталей указывают на близость их пропорций и позволяют предполагать их принадлежность одному и тому же зданию. Возможно, это был храм Артемиды Агротеры, упоминаемый в надписи IV в. до н. э.², с которым К. К. Гёрц³ отождествляет здание, открытое на горе Бориса и Глеба в 1818 г.

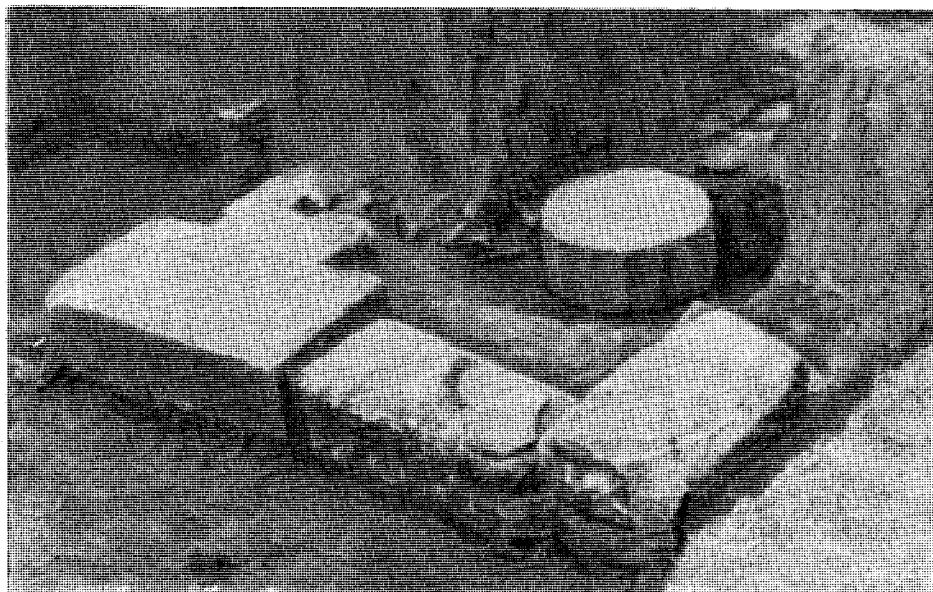

Рис. 1. Барабан колонны

Вновь открытые архитектурные детали высечены так же, как и плиты здания открытого в 1818 г., из раковистого известняка. По типу профилировки они, по-види

¹ Фундамент обнаружен во время археологической разведки Б. А. Рыбаковы (Таманская экспедиция). Доследование было поручено автору статьи.

² IOSPE, II, № 344.

³ К. К. Гёрц. Археологическая топография Таманского полуострова, СПб., 1898 стр. 153—156.

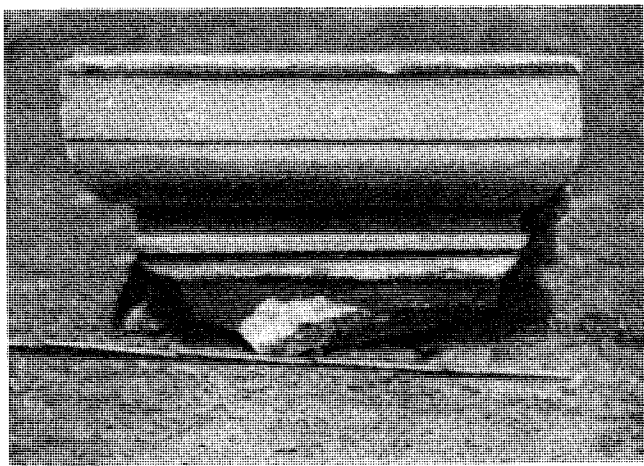

Рис. 2. Капитель пилястры

тому, относятся не к IV в. до н. э., а к I в. до н. э.— I в. н. э., поэтому можно предположить, что они происходят от поздней постройки храма Артемиды Агротеры. Судя по планам, опубликованным К. К. Гёрцем¹, храм Артемиды Агротеры был расположен на том же месте, где и остатки часовни XIX в., и имел несколько внутренних пилястр.

Не исключено, что некоторые, в частности рустованные, камни были привезены с фанагорийского городища.

В восточной части фундамента обнаружено надгробие (рис. 3) в виде известняковой плиты высотой 1,43 м, шириной по верху 0,60 м, по нижней части 0,67 м и толщиной 0,16 м, на лицевой стороне которой высечено рельефное изображение стоящей женщины с покрывалом на голове, в хитоне и накидке, ниспадающей складками с плеч и охватывающей всю фигуру и руки. Лицо женщины округлое (кончик носа сколот) и представляет местный синдский тип. Правая рука согнута к груди, левая опущена и держит какой-то предмет (отбит). Ног не видно, так как складки накидки опускаются донизу. Женская фигура врезана в нишу, а вертикальные края надгробия оформлены в виде четырехугольных столбов со ступенчатыми капителями, на которые сверху концами опирается фронто́н. По углам и на коньке фронтона размещены акротерии, а внутри него, посередине — розетта. Нижняя часть надгробия обработана грубо и, по-видимому, служила для заглабления в землю. Судя по типу изображения, надгробие относится к первой поло-

Рис. 3. Надгробие начала I в. н. э.

¹ Там же, стр. 156 (рисунок).

вине I в. н. э. В лапидарии Керченского музея хранится надгробие¹, почти полностью повторяющее надгробие с горы Бориса и Глеба. Кроме того, имеется ряд надгробий этого времени, близких по изображению женской фигуры².

М. Ю. БРАЙЧЕВСКИЙ

ДОПОЛНЕНИЕ К ПУБЛИКАЦИИ ПАСТЫРСКОГО КЛАДА 1949 г.

Найденный в 1949 г. на Пастырском городище клад³ дошел до нас не полностью: не хватало одной или нескольких сережек, которые были отнесены мальчиком, воспитывавшимся в семье женщины, нашедшей клад, в школу с. Пастырского с целью показать их учительнице. Разыскать их в 1949 г. не удалось. Если считать, что в состав клада входили полные гарнитуры украшений, то можно думать, что утеряны три вещи: крупная сережка звездообразной формы, украшенная пятью плоскими пирамидками литой псевдозерни, сережка подобной же формы, но меньшего размера, и сережка, украшенная стилизованными изображениями птичьих головок⁴.

В 1955 г. во время работ Раннеславянской экспедиции Института археологии АН УССР в с. Пастырском автором была приобретена крупная сережка «пастырского типа», являющаяся парной к первой из отмеченных выше сережек, оказавшихся некомплектными в составе клада 1949 г. Эта сережка была приобретена не на хуторе Свинолуповке, расположенном непосредственно на городище, у жителей которого обычно имеются вещи, находящиеся при обработке земли, а в самом с. Пастырском, удаленном от городища на несколько километров. По утверждению учителя М. В. Колесниченко, продавшего вещь, и по месту жительства и роду занятий связанного прежде всего со школой с. Пастырского, она была найдена на городище несколько лет тому назад. Есть все основания полагать, что данная сережка была найдена в составе клада 1949 г. и является одной из тех, которые были утеряны вскоре после находки.

Сережка, приобретенная в 1955 г.

Это большая массивная сережка, изготовленная из низкопробного серебра способом литья по восковой модели. До очистки она была покрыта налетом зеленой окиси меди. Тело ее представляет собою круглую пластинку с полусферическим выступом в центре, которому на оборотной стороне соответствует выемка. Выпуклость эта украшена тремя двойными дугообразными рытыми линиями и маленькими рельефными шариками на вершине. По краям диска, составляющего тело, сережка украшена пятью плоскими пирамидками литой псевдозерни — тремя большими, состоящими из 10 зернышек, и двумя меньшими, состоящими из 6 зернышек каждая. Вокруг выпуклости на внешней поверхности диска имеются три concentricкие рытые линии. Нижняя половина дужки представляет собою узкую пластинку в форме полумесяца, украшенную четырьмя рытыми линиями. В том месте, где тело сережки соединяется с дужкой, имеется два маленьких рельефных выступа полусферической формы. Длина сережки от верхнего края дужки до конца средней пирамидки псевдозерни — 8,2 см.

Данная сережка дополняет сведения о составе Пастырского клада 1949 г. и подтверждает предположение, что в состав его входили первоначально полные гарнитуры украшений.

¹ Куплено В. В. Шкорпиллом в 1916 г. Архив ЛОИИМК, дело № 4/1916, лист 65, рапорт от 27 сент. 1916 г. (сведения об этом надгробии сообщены А. П. Ивановой, за что приношу ей глубокую благодарность).

² В. В. Латышев. Эпиграфические новости из Южной России. ИАК, вып. 10, СПб., 1904, стр. 80—81 и фото; М. М. Кобылина. Скульптура Боспора, МИА, № 19, 1951, стр. 180—181, рис. 7, 3, 4; G. Kieseritzky und C. Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland, Berlin, 1909, №№ 55, 307, 322 и др.

³ М. Ю. Браичевский. Пастырский скарб 1949 р., Археологія, VII, Київ, 1952, стр. 161—173.

⁴ Там же, табл. I, 4; табл. II, 2, 6.

Г. А. ФЕДОРОВ-ДАВИДОВ

О БОЛГАРСКИХ ГИРЬКАХ ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ТАТАРСКОЙ АССР

О бронзовых и железных гирьках, найденных на болгарском городище и поступивших в Государственный музей ТАССР из коллекции А. Ф. Лихачева, неоднократно упоминалось в археологической литературе¹. До сих пор не удалось вывести пропорциональные соотношения между ними и установить весовые единицы, лежащие в основе их веса.

Наиболее интересна бронзовая бочковидная гирька (рис. 1, 1), имеющая обозначение кратности в виде двух точек, разделенных чертой. Вес ее 8,52 г. Следовательно, единица, на основании обозначения кратности, определяется следующим образом: $8,52 \text{ г} : 2 = 4,26 \text{ г}$. Этот вес точно совпадает с весом арабского мискаля, широко распространенного на Востоке². Той же весовой единице кратен и железный разновес в виде прямоугольного параллелепипеда (рис. 1, 2), весом 423,1 г. Эта гиря может быть приравнена к 100 мискалям в 4,26 г.

В арабской метрологии мискаль в 4,26 г составлял $\frac{1}{96}$ часть так называемого иракского ратля или фунта (409,512 г). Среди болгарских разновесов мы находим бронзовую бочковидную гирьку (рис. 1, 3), весящую 40,7 г и равную $\frac{1}{10}$ ратля, при незначительном отклонении. Другая бронзовая гиря, прямоугольная, весом в 4,1 г, может быть истолкована как $\frac{1}{100}$ часть ратля (рис. 1, 4). Железная гиря кубической формы весом 13,4 г и две бронзовых бочковидных такого же веса (рис. 1, 5, 6, 7) равны $\frac{1}{30}$ ратля (отклонение равно 0,25 г). Маленькая фигурная железная гирька (рис. 1, 8), весящая 8,2 г, равна приблизительно $\frac{1}{50}$ ратля. Эта фракция ратля была, вероятно, зафиксирована в качестве самостоятельной весовой единицы. Об этом свидетельствует бронзовая восьмигранная гирька с пятью точками (рис. 1, 9); они обозначают кратность. Вес этой гири 40,0 г, следовательно, норма, лежащая в основе ее веса, равна была 8,0 г, т. е. приблизительно $\frac{1}{50}$ ратля.

Мискаль в 4,26 г имел парную весовую единицу — дирхем в 2,97 г, который равнялся $\frac{7}{10}$ мискаля³. Этот дирхем в 2,97 г был так же, как и мискаль, широко известен в мусульманских странах. Сосуществование этих двух весовых единиц в Болгарах зафиксировано гирьками.

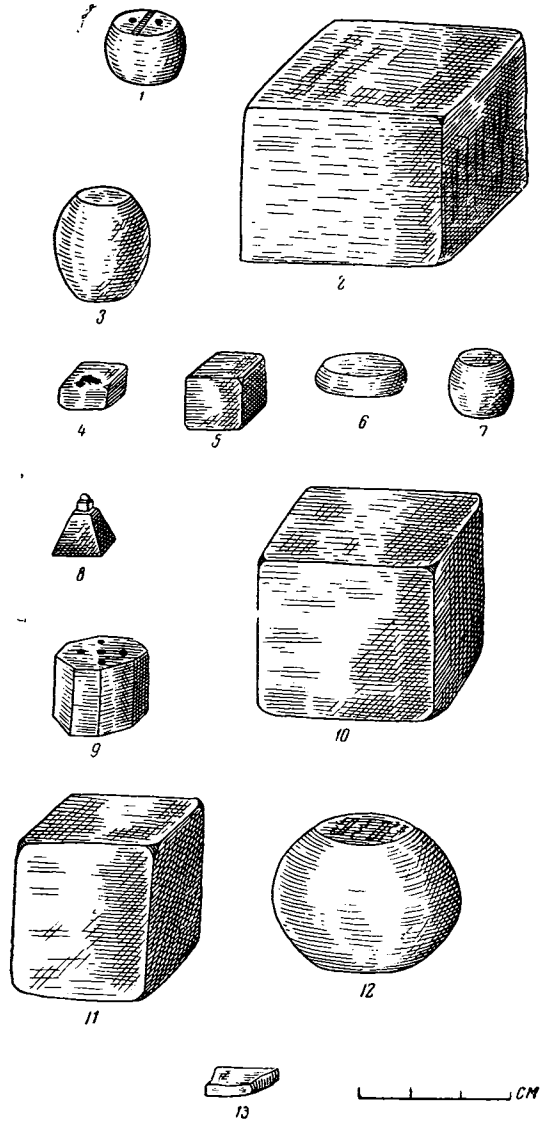

Рис. 1. Болгарские гирьки из коллекции А. Ф. Лихачева. 1, 3, 4, 6, 7, 9, 12, 13 — бронзовые гирьки. 2, 5, 8, 10, 11 — железные гирьки

¹ А. Ф. Лихачев. Бытовые памятники Волжской Болгарии. Тр. II АС, вып. 1, СПб., 1876, стр. 18.

² Так называемый «медицинский» мискаль. См. E. Decourdemanche. «Etude metrologique et numismatique sur les misqals et le dirhems arabes». Paris, 1908, стр. 25.

³ Так называемый дирхем «наказ». См. E. Decourdemanche. Ук. соч., стр. 25.

Прямоугольная железная гирька с небольшим дефектом, весящая 289 г, может быть приравнена к 100 дирхемам в 2,97 г с учетом поврежденности гирьки (рис. 1, 10). Железная прямоугольная гирька в 145,0 г (рис. 1, 11) и бронзовая бочковидная в 142,5 г (рис. 1, 12) равняются приблизительно 50 дирхемам. Имеется бронзовая гирька (рис. 1, 13), весящая 2,93 г, т. е. равная 1 весовому дирхему.

Бронзовые и железные гирьки свидетельствуют о тесных торговых связях Волжских Болгар с Средней Азией, о заимствовании весовых единиц с Востока. Кратность гирь весовым нормам построена по системе десятичного счета: гири весят 100 мискалей, $\frac{1}{10}$ или $\frac{1}{100}$ ратля, $\frac{1}{50}$ ратля (вес, закрепленный как самостоятельная метрологическая единица), 100 дирхемов и 50 дирхемов. В болгарской системе разновесов заимствованные арабские весовые нормы были подчинены десятичному счету.

Относительно времени бытования описанных гирек мы можем высказать только предположения. Железные квадратные разновесы чаще встречаются в домонгольских слоях болгарских городищ. Восьмигранные и шестигранные гири характерны для золотоордынского времени и известны в коллекции вещей из раскопок А. Терещенко на Церевском городище, хранящейся в Государственном Эрмитаже.

Д. А. АВДУСИН

СМОЛЕНСКАЯ БЕРЕСТЯНАЯ ГРАМОТА

Одним из важнейших достижений советской археологии за последнее пятилетие является открытие в 1951 г. Новгородской археологической экспедицией грамот XI—XV вв., написанных на бересте. Это открытие предоставило науке широчайшие возможности изучения быта простого народа. Сообщаемые грамотами факты освещают многие, ранее неясные стороны экономики и даже политической истории Новгорода и Руси.

Когда в Новгороде были найдены первые грамоты, сразу же возник вопрос: не специфичен ли этот вид находок только для Новгорода? Широко известно, что береста хорошо сохраняется во влажной почве. Находимые куски бересты никогда не имели на себе следов букв и обычно были остатками поплавок. Так было и в Новгороде до 26 июля 1951 г., когда была найдена первая грамота. Руководитель Новгородской экспедиции А. В. Арциховский сразу заявил, что берестяные грамоты должны быть и в других городах. Подтверждения этих слов пришлось ждать недолго.

30 июля 1952 г. при раскопках в Смоленске на улице Соболева был найден обрывок берестяной грамоты, такой же, как в Новгороде¹.

Систематические археологические исследования Смоленска были начаты в 1951 г. Результаты этих раскопок требуют особой публикации, а поэтому здесь следует лишь упомянуть, что один из раскопов в 1951 г. был заложен у воротной церкви городской крепости. Естественно, что место древних ворот вызывало особый интерес, так как именно здесь можно было

найти одну из древнейших смоленских улиц. Положение церкви над воротами исключало возможность использования окрестного участка земли под кладбище, что создавало благоприятные условия для раскопок. Однако узость пространства между церковью и мостовой улицы Соболева, которая является важной дорогой в городе а также угрожающее состояние надвратной церкви, сильно поврежденной во время фашистской оккупации города, не позволили заложить здесь раскоп больших размеров. В 1951 г. здесь был разбит шурф размером 6 × 6 м, условно названный УС-3 (ул. Соболева, раскоп № 3). Раскоп, доведенный до глубины 5 м, был законсервирован.

В 1952 г., когда работы были возобновлены, раскоп был расширен до размеров 8 × 8 м, чтобы включить сруб, открытый на его дне в прошлом году. Было также продолжено дальнейшее углубление раскопа.

На глубине 621 см почти у северной стенки раскопа и был найден обрывок берестяной грамоты размером 32 × 62 мм. Береста, на которой сделана надпись, толстая,

¹ Грамота была найдена сотрудницей Смоленской экспедиции М. В. Седовой, в то время студенткой МГУ.

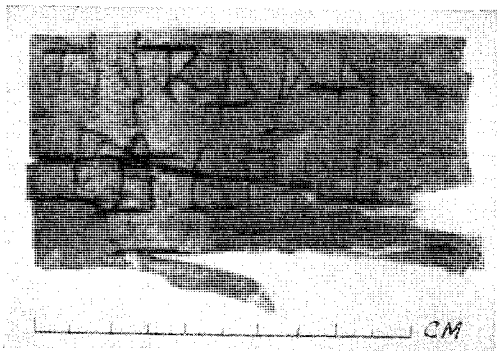

Рис. 1. Смоленская берестяная грамота. Фото

слегка расслаивающаяся от времени, скрчивающаяся надписью наружу. Буквы процарапаны острым предметом, видимо, как и в Новгороде, костяной палочкой.

На обрывке сохранилось начало двух строк текста¹. Вверху ясно читается «поклане» и видно начало следующей буквы. Вторую строку можно прочитать как «влепопе». За этими буквами имеется также начало следующей буквы.

В округлых буквах надписи закругления не всегда замкнуты, что вполне понятно для надписи на материале с определенным направлением волокон. В чтении нижней строки могут быть варианты, так как нижняя часть буквы «К» повреждена разрывом бересты. Буква «Л» имеет посередине случайную полоску, гораздо менее четкую, чем черты других букв, а поэтому эту полоску при чтении, вероятно, не следует принимать во внимание. Нижняя часть последней буквы также приходится на разрыв, и ее легко восстановить лишь по аналогии с предыдущим «Е».

Смысл верхней строки, кажется, ясен: «поклане» — поклон. Поклонами начинаются многие берестяные грамоты Новгорода. Форма здесь необычная, не новгородская, но, может быть, соответствующая новгородскому «поклоно». Если это так, то смоленская грамота представляет собой начало письма. В новгородских грамотах за словом «поклон» следует имя адресанта, которое здесь остается нам неизвестным.

Если принять предложенное чтение второй строчки как «влепопе», его можно разбить на две части — «вле» и «попе». Кажется вероятным, что частица «вле» представляет собой окончание имени адресата, например, «Ярославле», «Святославле» и т. п. Частица «попе» может быть началом текста сообщения. Угадать, какое именно слово здесь подразумевалось, невозможно — в древнерусском языке много слов начиналось с этих четырех букв.

Я не беру на себя смелость защищать предложенное толкование смысла грамоты, оно является лишь одним из возможных.

М. Н. Тихомиров отказался от палеографического анализа грамоты, ссылаясь на отсутствие в ней характерных для этого черт. Поэтому приходится датировать грамоту лишь стратиграфически. Она лежала в шестом по счету слое. Над этим слоем был найден черепок с арабской надписью X—XII вв., пряслице розового шифера, медный ложновитой браслет, шарнирные ножницы с характерными незамкнутыми кольцами и т. д. Таким образом, дата вышележащего более позднего слоя — XII—XIII вв. В том слое, где найдена грамота, встречена стеклянная позолоченная бусина, пряслице розового шифера и иные находки, в том числе керамика, позволяющая его датировать XI—XII вв. В слое невозможны глубокие перекопы, так как они неминуемо были бы выявлены в профилях раскопа, которые отстояли друг от друга всего на 3 м, а от места находки грамоты лишь на 0,5 м. Таким образом, если даже допустить существование на месте находки грамоты небольшого перекопа, она не может быть моложе XII—XIII вв.

Смоленская находка неопровержимо доказывает, что письменность на бересте не специфична для Новгорода, что подобные грамоты были и в других русских городах, а может быть, как думает А. В. Арциховский, и в Польше, Германии, Англии и некоторых других странах. Теперь эти грамоты нужно найти и прочитать.

Думаю, что разница в числе найденных грамот в Новгороде и в Смоленске легко объяснима размахом работ: к моменту находки грамот в Новгороде было вскрыто несколько тысяч квадратных метров, а в Смоленске — немногим более двухсот. С тех пор эта разница еще более увеличилась. Любопытно отметить, что первые грамоты в этих городах найдены в раскопках с наиболее мощным культурным слоем: в Новгороде его толщина достигала 7,5 м, а в Смоленске — 7,8 м.

Находка берестяной грамоты позволяет в значительной мере распространить на Смоленск выводы, сделанные по отношению к Новгороду, о широте распространения грамотности среди простого народа. Правда, полного тождества здесь быть не может, так как нужно учитывать ведущую роль Новгорода.

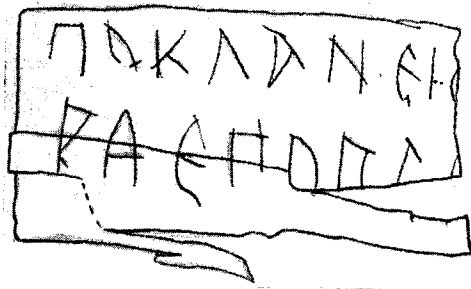

Рис. 2. Смоленская берестяная грамота. Прорись

¹ Прорись грамоты выполнена М. Н. Кисловым, исполнявшим и прориси новгородских грамот.

Г. Ф. ТУРЧАНИНОВ

ДОПОЛНЕНИЕ К ЧТЕНИЮ И ДАТИРОВКЕ НАДПИСИ
НА КРЕСТЕ ИЗ КРАСНОДАРСКОГО ИСТОРИКО-КРАЕ-
ВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Рис. 1. Крест из Краснодарского музея

В статье «Эпиграфические новости из южной России» акад. В. В. Латышев воспроизводит греческую надпись на кресте из Кубанского (ныне Краснодарского) музея, фотоснимок которой передал ему Н. И. Веселовский¹. Воспроизвожу вторично снимок с креста с надписью, любезно доставленной мне Н. В. Анфимовым. Текст надписи не может быть признан безукоризненным, поскольку известный эпиграфист в чтении исходил из норм греческой речи без знания местных туземных кавказских языков на Кубани и потому допустил ошибку в определении падежа собственного имени иерея Педѣрѣжо, признав его родительным².

Ныне, когда черкесские языки достаточно изучены, мы можем вполне определенно сказать, что эпиграфическое Педѣрѣжо является черкесским (адыгским) собственным именем Бэдырыкъуэ, в котором къуэ означает — сын ры — инфикс с посессивным значением (с отражением закона несмежной регрессивной ассимиляции, отчего в надписи стоит рѣ вместо ры), а Бэды — имя собственное в функции определения. В надписи все имя отвечает абсолютному (именительному) падежу черкесского языка, а не родительному падежу греческого. Резчик здесь не допустил никакой ошибки.

Что же касается передачи черкесского б греческим π, то явление это в местной эпиграфике нам уже известно из Этокской надписи 1130 г., где имя Бэк передано как Пек³, а еще ранее засвидетельствовано в осетинском Зеленчукском памятнике 941 г.⁴.

Описываемый крест из Краснодарского музея, как оказалось, кроме надписи на лицевой стороне, имеет небольшую трехстрочную надпись на обратной, тыльной стороне. Надпись эта была любезно доставлена мне сначала А. А. Иессеном, а затем Л. И. Ларовым. Вот она:

ΑΠ ΜΗΝ ΑΠΡΕΛΙΟΥΣ Γ ΜΑΡΙΑΣ ΣΟΥ Η ΘΥ[ΓΑΤΗΡ] †

В исправленной транскрипции я читаю ее так:

απ', μην ἀπριλιου γ', Μαρίας σου ἡ θυ[γάτηρ]
1380 месяц апрель 3 Мария твоя дочь

Таким образом, мысль В. В. Латышева, что надпись на лицевой стороне креста «очевидно, относится к очень позднему времени, которое, однако, точнее определить трудно»⁵, в первой своей части оказывается совершенно верна. Как мы теперь знаем, надпись относится к XIV в. н. э.

В отношении чтения эта надпись не вызывает никаких сомнений, за исключением γ'. По списку, доставленному А. А. Иессеном, здесь можно читать и Γ', т. е. 10. Но это, как мне кажется, не имеет существенного значения.

Крест из Краснодарского музея является новым памятником христианства у нижних черкесов. Кроме него, нам известен еще один памятник с христианской гре-

¹ В. Л а т ы ш е в. Эпиграфические новости из южной России. ИАК, вып. 58, Петроград, 1915, стр. 37—39.

² Там же, стр. 38.

³ Г. Ф. Т у р ч а н и н о в. Эпиграфические заметки. II. К чтению надписи на Этокском памятнике 1130 г. из Большой Кабарды. ИАН СССР. Отд. литературы и языка, т. VI, М.—Л., 1947, стр. 515.

⁴ Е го ж е. Эпиграфические заметки. V. К датировке древнеосетинской Зеленчукской надписи. ИАН СССР. Отд. литературы и языка, т. VII, р. 1, 1948. В. И. А б а е в. Осетинский язык и фольклор, М., 1949.

⁵ В. Л а т ы ш е в. Ук. соч., стр. 38.

ческой надписью, датированной 1590 г. н. э.¹ Новый памятник дает нам возможность лишний раз убедиться в том, что эпиграфические документы, как бы они ни были незначительны, шаг за шагом способствуют накоплению новых сведений по истории черкесов в период позднего христианского средневековья, о котором мы пока что знаем не так уже много.

Г. В. НИКОЛАЕВА

НОВЫЕ НАХОДКИ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАГОРСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

В 1954 году в Загорском музее-заповеднике при реставрации собора 1422—1423 годов у южной абсиды было вскрыто большое белокаменное надгробие Ивана Михайловича Воротынского² 1535 года (рис. 1). Орнамент и надпись представляют собой высокохудожественный образец резьбы по белому камню, не имеющей аналогий среди ранее известных надгробных памятников. В центре вверху помещена круглая искусно исполненная большая розетка. Подобное изображение известно на детали белокаменного крыльца, найденной в 1928 году при раскопках у северной стены Троицкого собора³.

По боковым сторонам плита украшена орнаментом из арок, чередующихся со столбиками — мотив имеет аналогии в архитектуре XVI века (например, капители пилястр церкви Вознесения в селе Коломенском).

Надпись на плите высечена оброном. Содержание надписи следующее: «лѣта змг [7043—1535] июня в ка [21] дн на памя прѣдбных отец|Иванна и Симеона|юродивых прѣставис|раб жи блговѣр|ный князь Иван Ми|халович Воро|тынской» (титлы не раскрыты, надстрочные буквы внесены в строку). Надпись представляет собой вяз с рядом лигатур: лѣ, ап, пр (дважды), ив (дважды), ди, ст, ав, аб, ми.

Второе надгробие⁴, которое необходимо считать детским, не имеет года (рис. 2). Надпись следующая: «князя Ивана|Михайловича Воро|тынского|кжна Па|рос» (далее отбито). Сравнивая ее с плитой 1508 года, найденной в этом же раскопе (с надписью уставом) и более ранней плитой 1494 года (с уставной же надписью, из раскопок 1953 года), убеждаемся, что начертание букв на детской плите близко к этим ранним плитам. Следует отметить архаическое написание буквы «З» (зело), буквы «А» и «В».

В роду Воротынских были два Ивана Михайловича: первый — умерший в 1535 году, второй — его внук, умерший в 1627 году. Эпиграфические признаки дают возможность считать, что упоминаемый на детском надгробии Иван Михайлович — дед, а не внук. Более точно на датировку может указывать запись во Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря 1673 года: «7026 [1518] го году, марта въ 21 д, далъ вкладу князь Иван Михайловичъ Воротынской днѣгъ пятьдесят рублевъ. 7030 [1522] го году, октября въ 9 д дала вкладу кнѣга Анна, князя Ивана Михайловича, днѣгъ трицѣт рублевъ»⁵. Других вкладов, сделанных при жизни Ивана Михайловича, нет. Один из них, а может быть и оба, были даны за детское погребения, так как в Кормовом Синодик Троицкого монастыря среди представителей Воротынских записаны два младенца, Прасковья и Алексей⁶. Таким образом, надгробный камень с именем Прасковьи Воротынской можно отнести к первой четверти XVI века.

Третья плита относится к числу ранних эпиграфических памятников XVI века. Но от нее сохранилась только верхняя часть⁷. Орнамент сделан в виде трехгранной насечки. Надпись высечена на камне углублением: «Лѣт 3 S 1 [7016—1508] н|оября въ д [4] прѣставися княз Васи|леи Борнсо...» (далее отбито). Среди найденных в Лавре плит эта — пока вторая по старшинству и она, так же как более древняя 1494 года, имеет надпись уставом (рис. 3).

¹ В. Л а т ы ш е в. Эпиграфические новости из южной России. ИАК, вып. 47, СПб., 1913, стр. 115—116; Г. Ф. Т у р ч а н и н о в. Эпиграфические заметки, III. Поправки к чтению греко-адыгейской нижнечеркесской христианской надписи из станицы Таманской. ИАН СССР, отд. литературы и языка, т. VI, М.-Л., 1947, стр. 518—520.

² Размеры: длина — 2 м 5 см, ширина сверху — 83 см, внизу — 66 см. Толщина у верхней части 45 см, у нижней — 28 см.

³ См. Дело о раскопках у северной стены Троицкого собора за 1928 год. Архив Загорского музея № 131, лл. 15 и 16.

⁴ Размеры: длина — 66 см, ширина сверху — 40 см, внизу — 31 см, толщина — 14 см.

⁵ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря, гл. 27. Род Воротынских, л. 142 и об.

⁶ Кормовой Синодик 1674 года. Месяц июнь. Гл. 27, л. 226 об.

⁷ Размеры: длина — 50 см, ширина сверху — 56 см, внизу — 55 см, толщина — 9 см.

Рис. 1. Надгробие 1535 года Ивана Михайловича Воротынского

Четвертая плита сохранилась только во фрагментах¹. Орнамент на ней — обычная для ранних плит трехгранная насечка. Кроме слова «лѣта» ничего прочесть невозможно.

Пятая плита полностью разрушена. По сохранившемуся фрагменту можно судить, что плита была больших размеров, надпись на ней была высечена оброном, а край плиты представлял собой прямой борт без орнамента². Плиты с обронной надписью без орнамента характерны для XVII века.

¹ Их размеры: длина — 50 см, ширина — 37 см, толщина — 12 см.

² Размеры сохранившегося фрагмента: ширина вверху — 80 см, толщина — 28 см, длина — 82 см.

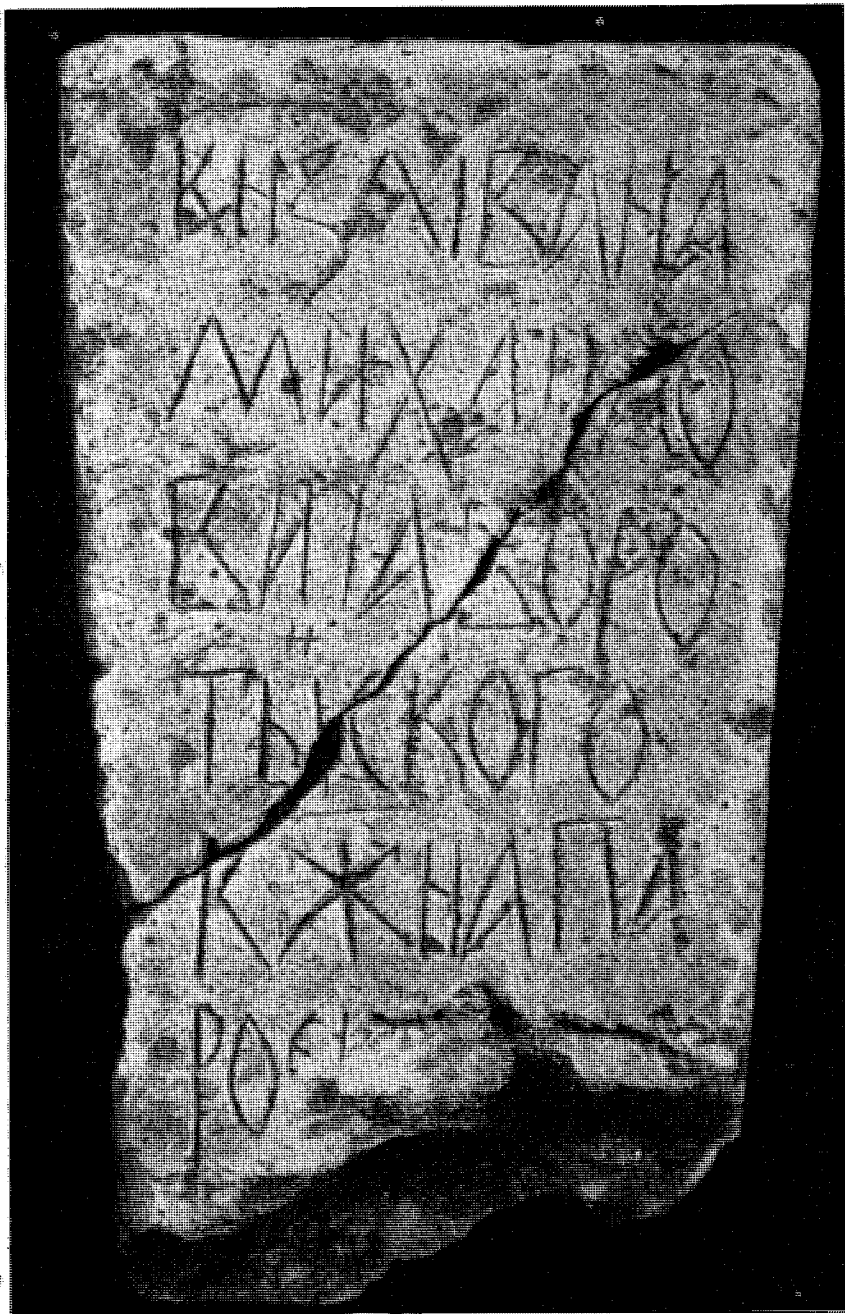

Рис. 2. Надгробие 1-й четверти XVI в. Прасковьи Воротынской

В известных нам списках погребенных о погребении 1508 года с именем князя Василия Борисовича записи не имеется. Список погребенных 1880 года указывает на захоронения у абсид Троицкого собора представителей рода Горбатов-Шуйских. В 1538 году здесь был погребен боярин Борис Иванович Горбатый, известный воевода, потомок первого суздальского князя Андрея Ярославича¹. Упоминаемый на надгробии князь Василий Борисович приходился Борису Ивановичу двоюродным братом². Судя

¹ Список погребенных в Троицкой Сергиевой Лавре от основания оной до 1880 года. М., 1880, стр. 1—2.

² Кн. А. Б. Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга, т. II. Изд. 2-е, СПб., 1895, стр. 400—401.

Рис. 3. Надгробие 1508 года Василя Борисовича Горбатого

по остаткам букв на последней отбитой строке, там могло быть именно начало слова «Горбатый». В этом месте, за алтарем Троицкого собора, погребен и Александр Борисович Горбатый и его сын Петр Александрович, казненный вместе с отцом 7 февраля 1566 года. Четвертая плита, относящаяся к первой половине XVI века, может как раз являться остатком надгробия одного из Горбатов — Бориса, Александра или Петра. Никаких других указаний на ранние захоронения здесь представителей других родов не имеется.

Ближе к Никоновской церкви хоронили князей Воротынских. Сведений о годе смерти и месте погребения Ивана Михайловича Воротынского нет; нет также свидетельств, которые бы говорили о погребении его в Троицком монастыре¹. Известно только, что он умер на Белом озере в ссылке. Возникает необходимость выяснить причину и время перенесения праха Воротынского с Белоозера в Троицкий монастырь. С того времени, как в Кирилло-Белозерском монастыре над могилой одного из Воротынских, Владимира Ивановича, в 50-х годах XVI века была сооружена церковь, ставшая родовой усыпальницей, Воротынские погребались именно там². Следовательно, не было смысла переносить прах Ивана Михайловича Воротынского после 50-х годов XVI в. Поэтому можно предполагать, что он был погребен в Троицком монастыре вскоре после смерти, о чем могли позаботиться его сыновья, вернувшиеся из ссылки после кончины отца.

Погребение Ивана Михайловича Воротынского в Троицком монастыре могло иметь определенный политический смысл. Являясь представителем высшей феодальной знати, потомком черниговского князя Михаила Всеволодовича, Воротынский имел литовское подданство до конца XV века, а его предки были в родстве с домом литовского князя Ольгерда. Лишь усиление Русского государства при Иване III привело Воротынских под власть московского князя. На службе в Москве Иван Михайлович был изве-

¹ На его захоронение в данном месте указывает лишь поздний список погребенных 1880 года.

² Н. К. Никольский. Когда было написано обличительное послание царя Ивана Васильевича IV в Кирилло-Белозерский монастырь. Христианское чтение, т. 218, ч. 1, СПб., 1907, стр. 839—852.

стен как «победоносный воевода», неоднократно отличившийся в войнах против Литвы и крымских татар¹. После нападения крымского хана Махмуд-Гирея Воротынский подвергся опале на четыре с лишним года. Затем в связи с бегством князя С. Ф. Бельского и окольничего Ляцкого к королю Сигизмунду Воротынский был схвачен как их соумышленник и без суда и следствия сослан на Белоозеро в 1534 году, где «не мало лет в заточении был... и смерть принял»².

Погребение Воротынского в Троицком монастыре было, вероятно, оправданием его как опального. Позднее, в послании к королю Сигизмунду II от имени его сына Михаила Иван Грозный выразил свой взгляд на события, связанные с Иваном Михайловичем Воротынским: «А что на отца нашего опалы были, и то по его проступкам было, а смерть ему учинилась по божью велению, а государское наказати и жаловати»³. Заинтересованный в переходе на русскую службу литовских подданных — потомков русских князей, Иван Грозный как бы оправдывал Ивана Михайловича Воротынского, указывая польскому королю на их верность «от прародителей» «его царьскому... самодержеству». Поэтому не случайно опального Воротынского сочли возможным похоронить в монастыре на самом почетном месте — у алтаря древнейшего собора, а над его погребением положить богатое надгробие.

¹ ПСРЛ, т. VI, 1853. Софийские летописи, стр. 246.

² Послания Ивана Грозного. М.—Л., Изд. АН СССР, 1951, стр. 258.

³ Там же, стр. 262.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

(По поводу статьи Б. Ф. Поршнева «Материализм и идеализм в вопросах становления человека»)¹

Напечатанная в № 5 журнала «Вопросы философии» за 1955 г. статья Б. Ф. Поршнева «Материализм и идеализм в вопросах становления человека» (стр. 143—156) направлена против концепции советских археологов относительно характера человеческого общества в эпоху нижнего палеолита. Поскольку доводы Б. Ф. Поршнева кажутся нам далеко не убедительными и в значительной мере расходящимися как с фактическим материалом, так и с многократно приводимыми им мнениями основоположников марксизма-ленинизма, мы находим нужным ответить на его статью.

Статью Б. Ф. Поршнева можно разделить на три части. В первой части статьи Б. Ф. Поршнева характеризует буржуазную историографию, во второй — разбирает взгляды основоположников марксизма-ленинизма относительно характера труда на древнейшей стадии формирования человека; в третьей — пытается доказать отдельными антропологическими и археологическими примерами свой тезис, что труд в древнем палеолите, до появления человека современного вида имел инстинктивный характер. Заслуживает внимания постановка вопроса о характере труда на древнейшей стадии формирования человека и использование для разрешения этой проблемы ряда положений, высказанных основоположниками марксизма-ленинизма, но редко привлекаемых в литературе. Установив, что в трудах основоположников марксизма-ленинизма имеются высказывания об «инстинктивном труде» на ранних ступенях формирования человека, Б. Ф. Поршнева стремится доказать, что орудия нижнего палеолита, т. е. орудия шельского и ашельского человека и даже мустьерского — неандертальца — были зародышевыми орудиями, «которые являлись лишь биологическими приспособлениями животных предков человека» (стр. 151), что, следовательно, каменный инвентарь этих эпох должны изучать биологи и что история производства и человеческого общества начинается только с возникновения вполне сложившегося, полноценного человека, каковым является ископаемый *Homo sapiens* и его позднепалеолитическая культура, его родовое общество, религия, искусство и т. д.

В итоге Б. Ф. Поршнева обвиняет советских археологов и этнографов в идеалистическом решении вопроса о происхождении человека и человеческого общества.

Принять к таким выводам Б. Ф. Поршневу удалось потому, что он довольно оригинально обращается как с фактами, недостаточно хорошо ему известными, так и с высказываниями основоположников марксизма-ленинизма.

Значительная часть работы Б. Ф. Поршнева посвящена тому, что автор подбирает отдельные археологические и антропологические примеры к уже готовому тезису об инстинктивном труде в древнем палеолите, вместо того, чтобы идти обратным путем: разбирая конкретный материал об отдельных эпохах, исследовать вопрос — приложим ли к какой-нибудь из них тезис об инстинктивном труде. Он всячески пытается доказать

¹ Настоящая статья была написана после обсуждения работы Б. Ф. Поршнева в январе 1956 г. в секторе неолита и бронзы ИИМК АН СССР. Она сочувственно была принята и на Пленуме ИИМК, посвященном итогам археологических исследований 1955 г., происходившем в апреле 1956 г. в г. Ленинграде, где кроме нас выступали также с возражениями Б. Ф. Поршневу, А. П. Окладников и П. И. Борисковский (см. Вопросы истории, 1956, № 11). Мы полагали, что возражения Б. Ф. Поршневу должны быть напечатаны там, где была опубликована его работа, поэтому еще в феврале 1956 г. направили статью в журнал «Вопросы философии». Однако редакция «Вопросов философии» сначала под различными предлогами затягивала напечатание нашей статьи, а в декабре 1956 г. просто возвратила ее авторам, под странным предлогом отказа вообще обсуждать статью Б. Ф. Поршнева — редакции для такого решения понадобился почти год. И это несмотря на прямое отношение работы Б. Ф. Поршнева к вопросам марксистско-ленинской философии, важные выводы которой этот автор искажает в сторону идеализма. Это вынуждает нас напечатать свои возражения Б. Ф. Поршневу в «Советской археологии». — *Авторы.*

примитивность древнепалеолитических орудий. Это якобы «кремени, в большинстве случаев имеющие случайную атипическую форму», которые «далеко уступают в совершенстве восковым ячейкам пчелы» (стр. 151). Он говорит, что ручное рубило — это «единственное оформленное орудие» (стр. 152).

В оценке древнепалеолитических орудий Б. Ф. Поршневу совершенно неправ. Они вовсе не так примитивны, как это кажется на первый взгляд человеку, не знакомому с археологическим материалом. Один из крупнейших советских специалистов по палеолиту, С. Н. Замятин, критикуя западноевропейских ученых, которые считают ручное рубило древнейшим орудием человека, пишет: «уже и для Мортилье было ясно, что это достаточно сложное и совершенное орудие является не начальным звеном развития техники, а результатом длительного исторического развития»¹.

Однако новейшие археологические исследования показывают, что древнейший человек пользовался не одним только ручным рубилом, но и рядом других орудий. Это хорошо показала М. З. Паничкина на примере шельского комплекса стоянки Сатани-Дар в Армении. Здесь имеются целые серии не только рубил, но и остроконечников, дисков, скребел, сверл. Ручное рубило, следовательно, не единственное орудие древнего палеолита. И оно вовсе не бесформенно. М. З. Паничкина установила, что все рубила приспособлены к держанию в правой руке. Они не просто грубо обколоты, а обработаны так, что один край приострен для работы, а другой притуплен для захвата рукой².

Все это довольно сложно и мало похоже на произведение «инстинктивного труда».

В еще большей степени противоречат точке зрения Б. Ф. Поршнева данные о материальной культуре человека последующих эпох нижнего палеолита (ашельской и мустьерской). Так, для этого времени мы можем говорить о развитии коллективной охоты³, об изобретении способов искусственного добывания огня⁴, о появлении сложных и разнообразных технических приемов обработки кремня и возникновении обработки кости⁵, о появлении элементов оседлости, по-видимому, искусственных жилищ⁶ и одежды, без которых не мыслится существование неандертальцев в приледниковом климате.

Для обоснования своих положений Б. Ф. Поршневу стремится доказать, что древнепалеолитические орудия резко отличаются от позднепалеолитических «произведений сознательного труда». По мнению автора, подкрепленному цитатой, выхваченной из учебника для I курса университета, только в верхнем палеолите появился настоящий нож (стр. 150). Но разве автор не читал в том же учебнике, что мустьерские остроконечники и скребла считаются ножами — мужскими и женскими? Такие же пластины с краевой ретушью, как и в позднем палеолите, существовали не только в мустьерскую эпоху, но и в более раннее время и имели те же режущие функции. Именно к ним, а не к ориньякским ножам, приложимы слова Энгельса о самом грубом ноже, на которые ссылается Б. Ф. Поршневу.

Б. Ф. Поршневу видит резкую разницу между древне- и позднепалеолитическими орудиями в появлении в ориньяке орудий, служащих для изготовления орудий (стр. 152). Но разве автор думает, что древнепалеолитические орудия сделаны голыми руками? Общеизвестно, что для их изготовления применялись каменные отбойники и костяные ретушеры, а также, вероятно, другие приспособления, не сохранившиеся в земле, но которые теоретически вполне можно восстановить. Специальные исследования техники изготовления даже наиболее древних каменных орудий, проведенные археологами, приводят к выводу об относительной сложности их обработки. По мнению ряда исследователей, обычное представление об обработке кремневого желвака путем ударов, наносимых отбойником, не соответствует действительности. Для выделки шельского рубила требовались не только отбойники, но и дополнительные приспособления⁷.

Б. Ф. Поршневу, ссылаясь на некоторых археологов, важным принципиальным отличием позднепалеолитической (по его мнению, уже человеческой) культуры от более ранней считает возникающее якобы только здесь производство орудий производства (имеются в виду, прежде всего, резцы для обработки кости). Но разве в мустье и даже раньше кремневые орудия не были орудиями для изготовления деревянных орудий? А деревянные орудия почти в любом примитивном обществе, как показывает этнография, составляют далеко не малочисленную группу предметов. Говоря о культуре палеолита, об этом нельзя забывать. Тем более, что отдельные деревянные орудия эпохи раннего палеолита были известны еще в 30-х годах⁸. В настоящее же время

¹ С. Н. Замятин. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. Тр. Института этнографии, н. с. XVI, М., 1951, стр. 99.

² М. З. Паничкина. Шельский комплекс древнепалеолитического месторождения Сатани-Дар. МИА, № 39, 1953, стр. 9—38.

³ А. П. Окладников. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-таш. сб. «Тешик-таш», М., 1943; А. А. Формозов. Находка остатков ископаемого человека в Крыму. «Природа», 1954, № 7.

⁴ П. И. Борисковский. Начальный этап первобытного общества. Л., 1949.

⁵ П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953.

⁶ В. А. Городцов. Результаты исследований Ильской стоянки. МИА, № 2, 1945.

⁷ П. И. Борисковский. Палеолит Украины, МИА, № 40, 1953, стр. 45; A. Kragh. Stepdalers Flintteknik «Kuml» Aarhus, 1952, стр. 49—64 и чертежи.

⁸ Б. Л. Богаевский. История техники, М.—Л., 1936, стр. 66, рис. 37.

орудия типа резцов, рассчитанные на обработку дерева и кости, известны не только в мустьерских, но даже и в более ранних памятниках¹.

По мнению Б. Ф. Поршнева, у животных имеются орудия не менее сложные, чем изделия из кремня древнего палеолита. Но весьма существенным и даже решающим моментом в определении различия между палеолитическими каменными орудиями и такими продуктами деятельности животных, как паутина, соты, гнезда (мы сравниваем в данном случае несоизмеримые вещи только потому, что к такому сравнению прибег Б. Ф. Поршнев), заключается в том, что каменные орудия, начиная с шельльской эпохи, непрерывно изменяются в сторону их усовершенствования, тогда как форма паутин, сот, бобровых плотин остается всегда неизменной. В этом нельзя не видеть различия между сознательным трудом человека и инстинктивной деятельностью животных.

Утверждая, что у животных существуют орудия, Б. Ф. Поршнев ссылается на А. Н. Формозова. Мы обратились к А. Н. Формозову по этому вопросу и могли убедиться, насколько он далек от того, чтобы отождествлять «орудия» животных и орудия человека. По его словам, выдалбливание дятлом «станочков» для закрепления шишек непосредственно связано с тем, что дятел, выклеывая из-под коры личинок, долбит деревья. Постройка плотин из деревьев бобром связана с тем, что бобры питаются корой и побегами деревьев и грызут их. Изготовление же орудий из кремня первобытным человеком нельзя связать с особенностями его питания и т. п. Более чем странно и сравнение Б. Ф. Поршнева правильных ячеек из пластичного воска с обработкой кремня, одной из самых твердых пород камня².

Б. Ф. Поршнев, говоря об орудиях раннего палеолита как о биологических приспособлениях животных предков человека, тут же (стр. 151) ссылается на то, что «каждый данный вид связан с присущими ему орудиями так же неразрывно, как и с членами своего тела». Но шельшь-ашельские и мустьерские орудия питекантропов и неандертальцев, как видов древнего человека, отнюдь не изменяются только с переходом от вида к виду. Эти виды не связаны с присущими им орудиями так же неразрывно, как с членами своего тела, как хочет представить это автор. Орудия не остаются одинаковыми, неизменными на протяжении существования каждого вида, они изменяются, развиваются не только в зависимости от окружающей среды и биологической эволюции человека, но прежде всего под влиянием социальных закономерностей. Об этом говорят многочисленные факты изменений шельльских, ашельских и мустьерских орудий в пределах каждой из этих эпох. Впрочем, сам Б. Ф. Поршнев почувствовал себя не в состоянии отстаивать тезис о том, что нижнепалеолитические орудия развивались только в силу биологических особенностей человека, что причиной их изменения было развитие биологических видов предков человека и что только в пределах истории *Homo sapiens* начинается развитие общественного производства и орудий труда в полном смысле этого слова. Очевидно, под давлением тех же археологических фактов Б. Ф. Поршнев на стр. 152 вынужден оговориться, что орудия в полном смысле этого слова «впервые спорадически появляются в среднем палеолите (в развитии или позднем мустье)», т. е. в период существования неандертальца, человека другого вида.

Таким образом, автор не смог доказать ни близость древнепалеолитических орудий к орудиям животных, ни их принципиальное отличие от орудий верхнепалеолитических.

Но не анализ фактов составляет главное в аргументации Б. Ф. Поршнева, а стремление произвольно показать, что отнесение периода инстинктивного труда именно к раннему палеолиту с необходимостью вытекает из работ Маркса, Энгельса и Ленина. Касаясь этого вопроса, необходимо прежде всего отметить, что, цитируя Маркса, Энгельса, Ленина, Б. Ф. Поршнев позволяет себе препарировать их положения в угоду своей концепции. Чтобы показать это, мы вынуждены дать ряд сопоставлений.

Так, Б. Ф. Поршнев ссылается на известное положение В. И. Ленина в «Государстве и революции» о ступенях развития первобытного человечества. «Не будь этого раскола «самодействующая вооруженная организация населения» отличалась бы своей сложностью, высотой своей техники и пр. от примитивной организации стада обезьян, берущих палки, или первобытных людей, или людей, объединенных в клановые общества, но такая организация была бы возможна»³. Однако Б. Ф. Поршнев выбрасывает из этой ясно выраженной периодизации среднюю ступень («или первобытных людей») как несоответствующую своей концепции (стр. 149—150). А для того, чтобы сделать такой препарированный текст Ленина вполне согласным с его, Б. Ф. Поршнева, выводами, он вставляет в цитату из Ленина свое разъяснение, утверждая вопреки ясному смыслу слов Ленина, что клановое общество было «наидревнейшим».

Б. Ф. Поршнев в угоду своей концепции также перефразирует и Энгельса, и на своих произвольных интерпретациях пытается обосноваться. Так у Ф. Энгельса сказано: «И животные имеют орудия в узком смысле слова, но лишь в виде членов своего тела, как это можно утверждать о муравьях, пчелах, бобрах»⁴. Б. Ф. Поршнев пишет по этому поводу: «Что значит: животные имеют орудия лишь в качестве членов

¹ H. Kelley. Burins Levalloisiens. Bulletin Société Préhistorique Française, 1954, LI, № 9—10, стр. 419—428.

² Близкие возражения сделал Б. Ф. Поршневу и Я. Я. Рогинский, вообще опровергающий его построения, как антрополог (см. СЭ, 1956, № 4, стр. 10—17)

³ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 361.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 487.

своего тела? Это значит, что каждый данный вид связан с присущими ему орудиями так же нераздельно, как и с членами своего тела. Изготовление и употребление этих орудий является инстинктом данного вида — сложным наследственным безусловным рефлексом, присущим этому виду в той же степени, как и другие характерные для него функции и морфология организма» (стр. 151).

Это явное передегеривание. В самом деле, о чем здесь говорит Ф. Энгельс? Зуб бобра — это его орудие, с помощью которого бобр валит деревья. Жало пчелы — ее оружие. Но зуб бобра и жало пчелы — это органы их тела, а не какие-то использованные ими, независимо существующие предметы. Иначе понять слова Энгельса нельзя.

Мы привели два примера «использования» Б. Ф. Поршневым взглядов основоположников марксизма-ленинизма. Сам читатель число этих примеров может значительно увеличить. Но уже и из приведенного ясно, в какой мере выводы Б. Ф. Поршнева соответствуют положениям марксизма.

Перейдем к основному в статье Б. Ф. Поршнева — к вопросу об инстинктивном труде. Главная ошибка здесь в том, что Б. Ф. Поршневу не задумывается, к какому периоду истории формирования человека применимо мнение основоположников марксизма об «инстинктивном труде». В использованных Б. Ф. Поршневым высказываниях Маркса, Энгельса и Ленина об этом не говорится. По Б. Ф. Поршневу, период инстинктивного труда — это древний палеолит, эпоха существования питекантропа, синантропа и неандертальца. Между тем археологические данные о древнем палеолите категорически противоречат этому. Для любого археолога, знакомого с этим материалом, совершенно ясно, что период инстинктивного труда был в это время давно пройденным этапом для человека. Если мы внимательно вчитаемся в произведения основоположников марксизма, мы увидим, что и в их представлении период инстинктивного труда был пройден на самых ранних этапах формирования человека. Так, Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», характеризуя низшую ступень дикости, говорит, что это период, когда люди еще не знали огня, еще не покинули окончательно деревьев, но уже владели членораздельной речью¹. Следовательно, в понимании Энгельса возникновение членораздельной речи, а стало быть, и сознания относится к периоду, который по археологическим масштабам должен быть отнесен к эпохе, предшествовавшей синантропу, пользовавшемуся уже огнем.

То же мы видим в «Антидюринге»² и в наброске «К истории древних германцев», где Ф. Энгельс считает людьми население раннего палеолита, отличая эту эпоху от эпохи позднего палеолита³.

Всем этим опровергается домысел Б. Ф. Поршнева, что Энгельс, говоря об инстинктивном труде, имел в виду ранний палеолит. Не говорим уже о том, что Б. Ф. Поршневу необоснованно отрицает самое знакомство Энгельса с ранним палеолитом (стр. 148).

Таким образом, даже признавая заслугу Б. Ф. Поршнева в том, что он напомнил положение основоположников марксизма о периоде «инстинктивного труда», необходимо сказать о том, что автор не счел нужным исследовать важнейший вопрос — к какой же исторической эпохе относится этот период. Это основная ошибка Б. Ф. Поршнева.

Главное различие между взглядами Б. Ф. Поршнева и советских археологов заключается не в том, что он стоит на материалистической, а археологи — на идеалистической позиции, как старается представить дело Б. Ф. Поршневу. Взгляды Б. Ф. Поршнева и советских археологов расходятся в вопросе о том, где следует проводить черту, отделяющую сознательный труд человека от инстинктивного труда животного.

Археологи не отрицают инстинктивных животнoобразных форм труда у предков человека, но относят их к дошелльскому времени. Изучение таких антропидов, как, например, австралопитеки, приоткрывают завесу над этим еще темным периодом.

Кости австралопитеков были найдены вместе с костными остатками павианов, многие из черепов которых носили следы повреждения от ударов какими-то тяжелыми предметами, и с некоторым количеством длинных костей, принадлежавших копытным животным. Эти кости могли служить оружием австралопитекам. Некоторые детали этих находок позволяют предполагать охоту австралопитеков на павианов и других животных, для чего они использовали длинные кости копытных и, вероятно, дубины. Анатомическое сходство австралопитеков с человеком — прямохождение, строение зубов, характеризующее переход от растительноядного ко всеядному типу, прогрессивное развитие головного мозга и т. д. — позволяет считать, что они занимали промежуточное положение между человекообразными обезьянами и человеком⁴. В. П. Якимов дал главе, в которой он описывает австралопитека, характерное заглавие «Стадия „обезьян, берущих палки“». К этой стадии, длившейся много тысячелетий, следует, по нашему мнению, относить эпоху инстинктивного труда. И в этом нет никакого расхождения ни с фактическим материалом, ни с высказыванием основоположников марксизма о процессе формирования человека.

Мы не затрагиваем антропологической стороны вопроса, об этом, очевидно, будут говорить антропологи. Но уже здесь можно сослаться на тот факт, что в процессе эво-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 9.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 181.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 339—340.

⁴ В. П. Якимов. Ранние стадии антропогенеза. Тр. Института этнографии, н. с. № XVI, М., 1951, стр. 14 и сл.

люции, на протяжении древнего палеолита мозг человека увеличивается, становится все более крупным, все более близким к мозгу современного человека. С точки зрения Б. Ф. Поршнева это совершенно необъяснимо; с точки зрения наших представлений с росте сознания, «разумности» под влиянием сознательного труда это вполне понятно.

Остается отметить еще одно обстоятельство. В вводной историографической части Б. Ф. Поршнев ссылается на работы Бергунью и Глори и им подобные, утверждая, что в буржуазных странах «под контролем и влиянием аббатов оказались все крупнейшие специалисты..., научные кафедры, институты, журналы и учебные пособия» или что «стоило найти остатки высокоразвитой обезьяны третичного периода — австралопитека, — как многие буржуазные ученые принялись на все лады доказывать, что это был доподлинный человек» (стр. 144).

Такие фразы могут создать у читателя впечатление, что вся наука капиталистических стран или, по крайней мере, основная часть ее, представляет собой образец подтасовывания фактов в угоду предвзятым реакционным воззрениям. Между тем в западной науке имеются и другие направления, в сфере которых работают прогрессивные ученые, и поэтому неправильно поступает Б. Ф. Поршнев, выделяя одни только теньевые ее стороны.

Итак, статья Б. Ф. Поршнева не соответствует ни фактическому материалу, ни основанным на глубоком изучении фактов положениям марксистско-ленинского учения о развитии общества, а его обвинение археологов в идеализме голословно. Более того основное утверждение Б. Ф. Поршнева о том, что человек и человеческое общество возникают только в позднем палеолите, ведет к неожиданному для Б. Ф. Поршнева выводу. Человек для него — это только верхнепалеолитический человек, все остальные — это не люди. Следовательно, этот человек возник сразу с религией. Оговорка относительно того, что и в верхнем палеолите погребения не свидетельствуют о наличии у человека каких-то религиозных представлений, ничего не может изменить. Прежде всего, никто теперь не поверит Б. Ф. Поршневу, что верхнепалеолитические погребения есть погребения, никакого отношения к культуре не имеющие. Но в верхнем палеолите мы имеем и другие свидетельства наличия культов у человека (культовые изображения, места культа, вроде пещеры Монтеспан¹, изображения культовых действий на плакетках из Пешиаля, Раймонден и др.²). Совершенно очевидно, что столь неудачная, обличающая незнание автором широко известных фактов оговорка появилась у Б. Ф. Поршнева потому, что ему самому стало ясно, что он может оказаться проповедником идеи об отсутствии у человека безрелигиозного периода. Ведь если признавать людям только верхнепалеолитических людей, то человек сразу обладает и религией, и искусством, и обществом, т. е. появляется сразу созданным «по образу и подобию божьему». Таким образом, Б. Ф. Поршнев оказывается в тенетах идеализма.

Этого бы не произошло, если бы Б. Ф. Поршнев ближе познакомился с материалом, о котором он пишет, и внимательнее отнесся к трудам основоположников марксистско-ленинизма.

О. Н. Бадер, А. Я. Брюсов, С. В. Киселев, А. А. Формозов

К ПРОБЛЕМЕ АБСОЛЮТНОЙ ДАТИРОВКИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ЭНЕОЛИТА И ЭПОХИ БРОНЗЫ ЕВРОПЫ

В связи с трудами Вл. Милойича

Огромные успехи археологии с каждым годом все более раздвигают как географические, так и хронологические рамки истории. Еще полтора века тому назад «история человечества, если не считать ее мифологического вступления, охватывала приблизительно 3000 лет. И по отношению, по меньшей мере, к половине этого промежутка времени ее кругозор был строго ограничен Альпами, горами Иудеи и Сахарой»³. Ныне географические рамки человеческой истории охватывают почти всю поверхность Земли, хронологические же ее рамки отодвигаются на несколько сотен тысячелетий — ко времени, когда человек отделился от остального животного мира и обрел начало своей истории. Бесперывное возрастание количества материалов, заполнение «белых пятен», систематические и широкие исследования позволяют теперь выявлять в глубочайшей древности не только общие этапы развития человеческой культуры, но и судьбы конкретных человеческих групп с их исторической и культурной спецификой, в их сложном взаимодействии друг с другом. Вместе с тем все смелее ставится вопрос о глубоких корнях исторически известных языковых групп и отдельных народов. Племена неолита, а тем более энеолита и эпохи бронзы обретают постепенно свою историю и увязываются с более поздними этапами развития, с более поздними культурными и этни-

¹ Н. Ка стере. Десять лет под землей. М., 1956, стр. 130—174.

² П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 522—525.

³ Г. Чайлд. Прогресс и археология. М., 1949, стр. 19.

ческими общностями, освещенными уже письменными источниками и получившими исторические наименования.

Эта работа, связанная в «бесписьменный» период человеческой истории с рядом специфических трудностей, требует прежде всего четкого определения археологических культур во времени и в пространстве. Хорошо обоснованная хронологическая схема должна явиться основой любого построения по древнейшей истории Европы. И не даром Г. Чайлд считает определенное согласие в области относительной хронологии одним из основных результатов быстрого роста археологии «как в отношении объема знаний, так и в отношении ясности их истолкования»¹. Но вместе с тем он подчеркивает значительно большую трудность установления абсолютной хронологической схемы, которая «еще часто бывает весьма предположительной»².

И, действительно, не только для каменного века, но и для энеолита и эпохи бронзы Европы вопрос об абсолютной хронологии до сих пор не может считаться удовлетворительно разрешенным. И если хронология каменного века в значительной мере зависит от развития естественно-научных дисциплин, от новых методов определения времени, получающих ныне права гражданства, то для энеолита и эпохи бронзы основным является сам археологический материал.

Конец XIX и начало XX века были ознаменованы большими достижениями в области создания относительной хронологии древнейшей Европы. Огромную роль сыграло здесь создание и развитие О. Монтелиусом, С. Мюллером, Ж. Дешелетом и другими выдающимися западными археологами сравнительно-типологического метода, четкое расположение вещей одной категории внутри рядов, сопоставление нескольких типологических рядов, определение последовательных этапов развития в наиболее исследованных областях Европы — в Греции, Италии, Франции, Скандинавии. В России соответствующая работа была плодотворно начата В. А. Городцовым, который в полном смысле слова открыл и доказал существование бронзового века Европейской России и наметил этапы его развития.

Установление принципов относительной хронологизации явилось значительнейшим достижением археологии. В огромный хаос вещей, «немых» и не связанных с письменными источниками, была внесена стройная, обоснованная определенными закономерностями система. Тем самым созданы были необходимые предпосылки для установления абсолютных дат. Стала возможной постановка вопроса о синхронизации различных памятников, культур, культурных областей. Но разрешение этого вопроса требовало еще большой работы. Необходимо было прежде всего установить основные принципы абсолютной датировки, определить данные, необходимые для доказательства одновременности различных культур (особенно разделенные большими пространствами). Эта работа была лишь начата создателями сравнительно-типологического метода. Весьма важны здесь четкие положения Оскара Монтелиуса об археологическом комплексе (*Was ist ein Fund?*³). Однако впоследствии схема абсолютной хронологии древнейших европейских культур так и не получила должного развития и обоснования. Культуры энеолита и эпохи бронзы почти всей Европы увязывались с установленной А. Эвансом эгейской абсолютной хронологией, причем соответствия, как правило, устанавливались по отдельным вещам. Так же — по отдельным предметам импорта — европейские даты согласовывались и с другими абсолютно датированными областями — Египтом и, реже, Малой Азией. Сличения часто были произвольными, случайными и поверхностными. Принципы сличения выработаны не были. Более того, не была достигнута достаточная четкость и безусловность датировки и внутри самих абсолютно датированных областей, где существовали еще различные схемы, заметные расхождения в исходных моментах датировок, отсутствовали должные попытки взаимной проверки различных схем. Не была проведена работа по установлению тщательной синхронизации как внутри каждой абсолютно датированной области, так и между различными такими областями.

Все это приводило к крайней шаткости и нечеткости абсолютных дат европейского энеолита и эпохи бронзы, а соответственно и к крайней шаткости и нечеткости исторических построений, касающихся этого периода. Появлялись теории, взаимоисключающие друг друга, представляющие прямо противоположные версии хода исторических событий, что было в значительной мере обусловлено «растяжимостью» хронологических построений. Пример тому — теории распространения «индо-германцев», сводившиеся то к движению с запада на восток, то наоборот. Только в результате шаткости и неопределенности хронологических схем стали возможны столь предвзятые исторические построения, как теория К. Шухардта о германском происхождении и распространении из германской «прародины» прямоугольного дома типа мегарона⁴, ныне решительно опровергнутая самими западными археологами⁵.

Такое состояние проблемы абсолютной хронологии объясняется рядом причин, частично уже упоминавшихся выше. Главные из них; крайняя ограниченность и

¹ Г. Чайлд. Ук. соч., стр. 23.

² Там же, стр. 25.

³ О. Montelius. Die tipologische Methode. Stockholm. 1903, стр. 3 и сл.

⁴ С. Schuchhardt. Alteuropa. Berlin und Leipzig, 1926.

⁵ E. Baldwin Smith. The Megaron and its Roof. AJA, 1942, № 1.

шаткость методики, сводившейся к сличению отдельных вещей; большое число белых пятен на археологической карте Европы; недостатки полевой методики, отсутствие комплексности исследований и должного внимания к массовому материалу; наконец, недостаточная разработка хронологических схем абсолютно датированных областей.

Исследования последних десятилетий позволили внести значительно большую четкость в хронологию абсолютно датированных областей (для Египта — труды Брэнтона, Баумгертеля, Кэтон-Томпсона, Шарффа, Штока, Эмери; для Двуречья и Передней Азии — Элиота Смита, Олбрайта, Гиршмана, Перкина, Биттеля, Райта, Фалькенштейна и др.¹). Особо следует отметить превосходную работу Шэффера², охватившего материал всей Передней Азии и приведшего его в систему, замечательную по своей четкости и убедительности³.

Вместе с тем на территории Южной Европы, прежде всего на Балканах, и в Придунавье, являющихся связующим звеном между абсолютно датированными областями и Центральной Европой, были проведены за последние десятилетия большие полевые исследования, был получен массовый стратиграфически паспортизованный материал. Это позволило в ряде районов значительно уточнить как относительную, так и абсолютную хронологию конкретных групп памятников энеолита и эпохи бронзы, заполнить ряд белых пятен на важнейшей для интересующей нас проблемы территории. По-новому, на основании массового материала была рассмотрена хронология древнейших культур Греции, Фракии, Нижнего Подунавья, Венгрии. Это позволило пересмотреть датировку ряда явлений древнейшей истории и более северных — центральноевропейских областей. Создавалась возможность свести воедино эти новые данные и привести их в соответствие с уточненной датировкой абсолютно датированных областей.

Закономерным результатом всех этих работ, обобщением их, попыткой создания единой согласованной хронологической схемы энеолита и ранней бронзы Юго-Восточной и Центральной Европы явилась книга Владимира Милойича — исследователя, обладающего огромной эрудицией, превосходного знатока многочисленных и сложных в своем взаимоотношении археологических культур Балканского полуострова и Подунавья⁴.

Основная цель книги — обоснование относительной датировки археологических культур рассматриваемой территории, определение их абсолютных дат, установление хронологических границ их развития. Однако, подчинив исследование этой важнейшей и совершенно закономерной задаче, автор не ограничивается созданием хронологической схемы. Он использует свои хронологические построения для решения конкретных исторических проблем, в частности ряда вопросов, связанных с индоевропейской проблемой. Хронологически книга охватывает в основном вторую половину четвертого, третье и первую половину второго тысячелетия до н. э., но в некоторых случаях автор касается и более ранней эпохи (с конца V тыс. до н. э.). Географически рамки книги несколько шире ее заглавия. Основное внимание автора действительно сосредоточено на балканских и придунайских культурах, но помимо них автор подробно останавливается на исходных пунктах абсолютной датировки — хронологических схемах Египта, Палестины, Сирии, Двуречья, Трои и Крита. В отдельных случаях выходит он и за северные пределы Центральной Европы, рассматривая, в частности, археологические культуры Ютландского полуострова.

В настоящей статье не будут затронуты региональные датировки и подробности их установления. Основное внимание будет обращено на общие положения работы Вл. Милойича, на принципы датировок, которым он следует при создании всей своей схемы, на общую картину хронологического взаиморасположения и взаимоотношений различных культур. При этом будут рассмотрены прежде всего Балканы и Придунавье. Эту территорию Милойич исследовал с наибольшей тщательностью, здесь построения и выводы его наиболее оригинальны. По мере удаления на север степень этой оригинальности уменьшается, хотя и при разборе ютландского материала автор проявляет обычную для него четкость, тщательность и широту взглядов. Однако собственный его почерк сильно чувствуется именно в исследовании балканского материала, который послужил темой уже ряда работ Вл. Милойича.

¹ G. Brunton. Qau and Badari. London, 1927; его же. Mostagedda. London, 1937; его же. Matmar. London, 1948; G. Caton-Thompson. The Desert Fayum. London, 1935; G. Brunton, G. Caton-Thompson. The Badarian Civilization. London, 1928; E. Baumgärtel. The Cultures of Prehistoric Egypt. Oxford, 1947; W. F. Albright. The Archaeology of Palestine. London, 1949; A. Scharrff. Grundzüge der ägyptischen Vorgeschichte. Leipzig, 1927; W. B. Emery. Great Tombs of the First Dynasty. Cairo, 1949; R. Ghirshman. Fouilles de Sialk. Paris, 1938—1939; A. Perkins. The Comparative Archaeology of Early Mesopotamia. Chicago, 1950.

² C. Schaeffer. Stratigraphie comparée et Chronologie de l'Asie Occidentale III et II millénaires. Oxford, 1948.

³ Чрезвычайно большой интерес представляют также для этих вопросов книга «Relative Chronologies in old world archaeology» ed. by Robert Ehrich, Chicago, 1954, и статья Józef Wolski «Problem chronologii orientalnej III i II tysiąclecia przed N. E.» Archeologia, VI, 1954, Warszawa, 1956, стр. 54 и сл.

⁴ Vladimir Milošičič. Chronologie der jüngeren Steinzeit Mittel und Südosteuropas. Berlin, 1949.

Автор начинает свою книгу с определения исходных точек установления относительной и абсолютной хронологии. Он указывает, что схемы относительной хронологии для определенных пунктов могут основываться прежде всего на данных стратиграфии, на последовательности и взаиморасположении выявленных раскопками культурных напластований. Изучение культурных связей, импорта и опять-таки стратиграфических данных (здесь имеется в виду сопоставление стратиграфических схем нескольких смежных пунктов) позволяет распространять достигнутые таким путем выводы на соседние области. В отличие от этого любое построение абсолютной хронологической схемы для Европы должно в конечном счете быть согласовано с Египтом и Двуречьем, где отдельные находки и, что главное, культурные слои абсолютно датируются письменными памятниками, начиная с IV тыс. до н. э.

Есть два пути увязывания древнейших периодов истории Европы с этими данными. Один ведет через Крит, другой — через Малую Азию. На Балканах оба пути встречаются и ведут далее в Среднюю и Северную Европу. Путь через Крит был важнее и надежнее: здесь пролегли многочисленные, рано активизировавшиеся связи Египта с материком.

Путь через Малую Азию представляет очень немного определенных дат для IV и III тыс. до н. э., которые позволили бы установить соответствие абсолютной хронологии восточных Балкан и западной части Малой Азии с датированными культурами Двуречья. Абсолютная хронология устанавливается здесь с достаточной достоверностью лишь со времени ассирийских торговых колоний в Малой Азии, т. е. XIX в. до н. э., когда письменные ассирийские документы появляются в культурных слоях малоазиатских поселений. До этого торговые сношения западной части Малой Азии с абсолютно датированными областями были крайне нерегулярны, что сильно затрудняет датировку слоев.

На Крите же абсолютные даты местных культур могут быть установлены значительно глубже XIX в. до н. э., приблизительно до грани 2700 г. до н. э. Соответственно и в Греции, находившейся с конца неолита в теснейшей связи с Критом, абсолютные даты могут быть определены для глубокой древности. До последнего времени в материковой Греции с точностью до 50 лет датировались средне- и позднеэлладская культуры, т. е. опять-таки до XIX в. до н. э. Исследования балканских поселений за последние двадцать лет сделали возможным определение абсолютных дат для раннеэлладской культуры — т. е. вплоть до середины III тыс. до н. э. Географическое положение Греции определило ранние связи ее с Египтом. Поэтому хронологические выводы, опирающиеся на соотнесения с Критом, были подтверждены также найденными в греческой земле ныне уже достаточно многочисленными группами импортных египетских вещей, стратиграфическое положение которых было четко определено.

Однако в то время как для Эгейского мира даты различных культур двух последних тысячелетий до н. э. могут быть определены относительно точно, в Центральной Европе далее I тыс. до н. э. мы вступаем в полосу полной хронологической неопределенности. Хронологические заключения опирались здесь на отдельные аналогии между египетско-эгейской и центральноевропейской территориями. Но далеко не все эти аналогии убедительны и не для всех эпох они могут служить удовлетворительным основанием датировок. Они приемлемы для середины I тыс. до н. э., когда можно говорить о греческих колониях на юге Италии и этрусских погребениях с египетским и греческим импортом. Эти памятники определенно влияли на местное «галыштатское» население Италии, в свою очередь имевшее в это время активные культурные связи с племенами Центральной Европы. Для второго же тысячелетия до н. э. говорить о регулярных прямых связях Центральной Европы с абсолютно датированными областями Восточного Средиземноморья трудно. Массового материала еще нет. И это создает большие трудности для датировок.

Принятые до сих пор датировки энеолитических культур и культур ранней бронзы Европы основывались исключительно на отдельных находках, имеющих аналогии в абсолютно датированных областях. Вл. Милойичч последовательно рассматривает основные находки подобного рода.

1. Костяные пластины из Трои и Кастеллуччо. Автор доказывает, что этот «опорный пункт» европейской хронологии не заслуживает доверия, так как положение их в троянских слоях полностью неопределенно.

2. Кипрские кинжалы и фигурные булавы, служившие распространенной опорной хронологической точкой для венгерского бронзового века, также хронологически неопределенны, так как на Кипре, как и в других областях Средиземноморья, они имеют чрезвычайно большую изменчивость существования. Без особых изменений они бытовали с 2100 по 1600 гг. до н. э.

3. Ниенхагенский кубок, который увязывают с одним из типов кубков из Вафио, является случайной находкой. Нет достаточных оснований связывать его с унетичкой культурой и основывать на нем ее датировку и датировку других европейских культур.

4. Гривны с застежками, которые благодаря типологической близости с сирийскими и египетскими образцами привлекались в качестве датирующего объекта, также не могут служить таковым, так как в Сирии и Египте они были в употреблении в течение длительного времени — примерно между 2000 и 1600 гг. до н. э.

5. Равным образом не может служить датирующим объектом и секирка из шестой шахтной гробницы Микен, так как полностью неизвестно ни время первого по-

явления этого весьма неопределенного предмета в Средиземноморье, ни длительность его бытования там.

6. Последнее время для решения хронологических задач привлекались фаянсовые бусы, происходящие из средиземноморских культурных областей. Однако и их формы очень долговечны — до 1500 лет. Совершенно несомненно поэтому, что бусы эти происходят из явно разновременных культур.

Таким образом, Вл. Милойич совершенно справедливо и убедительно подвергает сомнению наиболее распространенные отправные точки датировки раннего бронзового века Центральной Европы. Полученные с их помощью даты оказываются крайне растяжимыми, а само начало бронзового века теряется где-то между 2100 и 1600 гг. до н. э.

Соответственно остается невыясненным и конец центральноевропейского неолита (также 2100—1600 гг. до н. э.). Поздненеолитические культуры датировались по тем же принципам, что и раннебронзовые. Здесь, как правило, использовались следующие отправные точки:

1. Глиняные штемпели, пинтадеры. На Крите и в Египте существование их довольно кратковременно, хотя все же охватывает несколько столетий. Что же касается европейских культур, то здесь пинтадеры встречаются, начиная с наиболее древних и кончая наиболее поздними энеолитическими культурами Балкан и пограничных с ними областей. Так, они известны в культуре Керёша, соответствующей по времени древнейшей линейно-ленточной керамике, в древнейшей Винчи и Тисской культурах, так же как в культурах Кукутени А — Б и Гумельницкой. Они существуют таким образом на протяжении всего энеолита и в соответствии с этим для хронологического определения использованы быть не могут.

2. Керамика культур Винчи и Ленгизл, покрытая цветной пастой, сопоставлялась с украшенной в той же технике керамикой третьей фессалийской культуры. Однако подобное украшение керамики наличествует в Винчи от древнейших слоев до новейших, т. е. на протяжении нескольких столетий.

3. Далее, использовались для хронологических выводов культурные связи между культурами Кукутени и Димини, поскольку стадия А культуры Кукутени непосредственно связывалась с переселением племен культуры Димини в Фессалию. Однако Вл. Милойич доказывает неправомочность подобного сопоставления: в действительности стадия А культуры Кукутени значительно моложе культуры Димини.

4. Подобно мнимым связям культур Кукутени и Димини, для хронологических построений использовались также теории вклинения «культуры шнуровой керамики» в раннеэладскую культуру в позднюю ее пору. Однако привлекавшаяся для этого керамика распространилась в Греции не в позднюю пору раннеэладской культуры, а с самого ее начала — т. е. с 2450 г. до н. э. Если же при этом предполагать вклинение, то это означало бы, что в Центральной Европе распространение такой керамики происходило до этого, т. е. в первой половине третьего тысячелетия до н. э., что совершенно невозможно, так как это распространение соответствует последнему передвижению неолитических племен в Европе. Оно непосредственно предшествует раннему бронзовому веку и должно поэтому датироваться несколько ранее 2100 г. до н. э.

5. Очень шатким оказалось и соответствие между средними слоями Винчи и фессалийской культурой, опираясь на которое устанавливалась синхронность средней Винчи с культурами Сескло и Димини.

Эти факты не могут, таким образом, служить свидетельством хронологического соответствия. Аналогии могут говорить в лучшем случае о связях; сами же они объясняются иногда общим происхождением, но в большинстве случаев — случайным сходством. Если же — согласно статистическо-типологическому методу — сравнивать многие тысячи вещей, эти аналогии будут обнаруживаться постоянно. Между тем сторонники этого метода используют подобные аналогии — особенно в миграционных теориях — без учета расстояний между местами находок, особенностей развития отдельных областей и данных стратиграфии.

При подобных сличениях следует считаться с возможностью того, что в различных местах при аналогичных обстоятельствах, материальных условиях и уровне развития народа могут возникнуть — и иногда в различное время — весьма близкие явления (в том числе и в материальной культуре), отнюдь не нуждающиеся при этом в прямой зависимости друг от друга. Это вытекает из самой закономерности развития от примитивных к более высоким экономическим и социальным формам. Определенные категории вещей и их эволюция определялись назначением вещей и общими условиями развития. Здесь Вл. Милойич отдает некоторую дань формально-типологическому методу, говоря, что внутренний закон развития лежит внутри самих вещей и что в конце концов они должны развиваться по единому пути, предписанному природой (стр. 4). Но это — лишь одна, может быть, несколько туманная фраза, не определяющая дальнейшего исследования.

Уже Шахермайер показал шаткость датировок по отдельным вещам. Он предположил, во-первых, четко устанавливать хронологический отрезок, в котором сопоставляемые предметы известны в обеих областях, во-вторых, основываться не на отдельных явлениях, а на всей совокупности форм, в том числе и на керамике (наименее точными он считает при этом сопоставления металлических предметов).

Вл. Милойич и это считает недостаточным, предлагая более разностороннее сопоставление культур. Прежде всего он считает необходимым установление внутренней синхронизации — сопоставление различных комплексов внутри одной культуры. Доказательствами одновременности здесь являются:

- а) полное совпадение (в основных признаках) руководящих форм сосудов;
- б) полное совпадение в обработке и орнаментации их;
- в) полное совпадение религиозных представлений и погребального обряда;
- г) полное совпадение форм поселений и жилищ;
- д) полное совпадение основных орудий.

Для доказательства одновременности двух различных культур необходимо:

а) обратить особое внимание на импорт, и прежде всего на импорт керамики, которая в наиболее богатых своих образцах дает быстрые и четкие изменения. При этом должна быть доказана несомненность импорта, должны быть определены стратиграфическое положение находок в районе ввоза и длительность существования их в районе вывоза. Только таким образом будет достигнута точная датировка короткой фазы определенной культуры;

б) определить и исследовать подражания формам, технике и приемам соседней культуры. Происхождение и датировка влияющей культуры должны быть твердо установлены. Отдельные подражания, исключая особенно четкие случаи, для доказательства единовременности явно недостаточны;

в) при исследовании подражаний установить, имеется ли общее соответствие в стратиграфии обеих областей, в стратиграфической характеристике оригиналов и подражаний.

Установив таким образом принципы сличения культур, Вл. Милойич приступает к последовательному рассмотрению и сличению конкретных групп материалов. Прежде чем перейти к самой Европе, он подробно останавливается на современном состоянии хронологии Египта, Двуречья, Малой Азии и Крита, сличает различные хронологические схемы, созданные для этих областей, сопоставляет письменные известия с археологическими культурами и намечает взаиморасположение последних. Вначале это делается для отдельных областей. Так, для Египта сопоставляются культуры Нижнего и Верхнего Египта, выясняется их взаиморасположение во времени, особое внимание уделяется, естественно, додинастическому периоду (Бадари, Таса, Негада I и 2 — в Верхнем Египте; Фаюм, Маримде, Маади — в Нижнем Египте). Реминисценции наиболее поздних из этих культур (Негада 2) прослеживаются и в начале династического периода. Далее Милойич останавливается на хронологии самих династий, излагает историю вопроса и принимает даты, определенные в последних исследованиях Штока. Также рассмотрены абсолютные даты Двуречья. Милойич исходит здесь из установленной ныне последовательности культур: 1) додинастическая эпоха (Урук I), 2) Джемдет-Наср (Урук III—II); 3) Урук VI—IV; 4) Урук XI—VII; 5) Эль-Обейд В; 6) Эль-Обейд А; 7) Телль-Халаф; 8) Самарра; 9) Сакчагоцу. Далее проведена синхронизация различных культур Египта, Двуречья, Передней Азии с выяснением явлений параллельных и обусловленных влияниями, передвижениями и т. д. Превосходно разобран материал Крита, который подвергся своего рода перекрестному хронологическому «допросу» в соответствии с импортом из Египта и Двуречья, причем для наиболее характерных предметов этого импорта прослежена история развития на основной их территории (например, для каменных ваз) и дано четкое стратиграфическое определение находок каждого типа их на Крите. Благодаря рассмотрению ряда категорий таких вещей приведены в соответствие и взаимно подкреплены даты Египта, Двуречья, Передней Азии, Крита. Таким образом создается надежная сеть опорных пунктов (в нее включаются также Троя, Самос и Греция) для последней датировки Южной и Средней Европы.

Опираясь на абсолютно датированные области, установив взаиморасположение во времени культур внутри их, Вл. Милойич приступает к рассмотрению взаимодействия этих культур с более северными областями, лишенными собственных отпавных точек для абсолютной датировки. Именно в определении взаимодействия культур, а не в выискивании отдельных аналогий особенность подхода Вл. Милойича к датировке этих областей, в этом отличие его от большинства предшественников. И каждая область подвергается перекрестному допросу, устанавливаются разносторонние соответствия. Так, даты культуры Македонии, например, приводятся в соответствие с Грецией и Троей; северной Сербии — с Грецией, Македонией, Венгрией и т. д.

Последовательно описаны в этом плане следующие территории (к северу от Греции): Македония, южная Фракия, Нижнее Подунавье, долина Вардара и Моравы, северная Сербия, Славония, Венгрия, Чехословакия, южная Польша, Средняя Германия, Северо-Западная Европа. При этом каждая новая территория рассматривается на широком фоне предшествующего изложения, рассматриваются не отдельные разрозненные явления, а большие культурные массивы, которые все время увязываются автором между собой, представляются в постоянном взаимодействии. Таким образом создается реальная основа для решения ряда значительных проблем истории населения Европы в эпоху неолита и ранней бронзы. Поэтому, хотя Вл. Милойич, как уже отмечалось выше, и говорит о закономерностях, заложенных в самих вещах, развивающихся по пути, предначертанному природой, фактически в его исследовании вещи отнюдь не самоцель, и не их внутренние закономерности рас-

смачивает он, а сложное развитие больших конкретных групп населения Европы и различные формы связей между этими группами.

Результатом такого исследования явилось создание общей схемы взаиморасположения (во времени и пространстве) древнейших европейских культур. Эта схема позволяет с гораздо большей точностью и конкретностью, нежели раньше, определить отношения Центральной Европы и Эгейского мира.

Три хронологических горизонта позволяют увязать Центральную Европу или юго-восточную часть Паннонской равнины с Эгейским миром.

а. Западный балканский культурный круг, самый южный вариант которого представлен культурой Сескло, а северный — культурами Старчево и Кёрёша.

б. Горизонт чернополированной, так называемой придунайской керамики или древнейшей неолитического лака. Представлен: в Сербии — ступень А древней культуры Винчи; в Македонии — последняя фаза позднего неолита, в Фессалии и Греции — время придунайской чернополированной керамики (первый по времени горизонт). Этот горизонт непосредственно предшествует культуре *FH* (раннеэладской) на материке, *FM II* (раннеминойской II) на Крите и *FBr* (раннебронзовый период) Македонии.

в. Раннебронзовый период Эгенки. Непосредственные влияния его распространяются до окрестностей Ниша (культура Бубани) и юго-западной Румынии (культура Салькуци). Здесь они тесно соприкасаются с культурой средней Винчи, которая со своей стороны связана с культурой Паннии. Эта область — одна из отправных территорий для абсолютных дат Средней Европы.

Помимо средневропейской культуры ленточной керамики и северной культуры воронкообразных кубков на юго-востоке Европы определяются еще 2 культурных круга: на западе Балкан круг крашеной керамики и на востоке — инкрустированной керамики (культура Бояна). Еще неясно, перекрывает ли этот последний горизонт другой, более древний, но это возможно (данные Сескло и Старчево). Северо-восточнее, на Украине, лежит центр культуры Прекукутени, имеющей, очевидно, самостоятельные корни. Откуда развились все эти культуры — пока неизвестно. Ввиду их индивидуальности возможно самостоятельное происхождение их из эпипалеолитических культур различных областей. Лишь в результате дальнейшего их передвижения образовались большие культурные круги, включившие различные элементы.

Помимо фиксации этих больших культурных областей, определены их взаимодействия и направленность движения. Наряду с относительно поздним движением носителей культур воронкообразных кубков и шнуровой керамики отмечен ряд более ранних передвижений с юго-востока. Очень рано просачиваются в Центральную Европу носители чернополированной и инкрустированной керамики (первая волна), значительно повлиявшие на создание ряда культур Балкан и Центральной Европы (поздненеолитическая культура Македонии, древняя культура Винчи, Ленгизльская, расписная Моравская, Мюнцховенская, Иордансмюльская культуры). Вторая волна приносит эгейские раннебронзовые формы: двуручные и одноручные сосуды, чаши, аски и пр.; она проявляется в культурах Юнакита (Болгария), *FBr* (Греция, Македония), Бубани и Салькуци (Румыния), *FBr* (Босния и Герцеговина), Тосег А — В (Венгрия). Происхождение последней культуры может быть отнесено только при учете культур раннего бронзового века Балкан и Эгейского моря.

Является ли балканский круг расписной керамики вторичным явлением, — пока не совсем ясно, но вполне возможно; в таком случае мы имеем дело с широким культурным потоком, вышедшим из Передней Азии и достигшим этих областей во 2-й половине IV тыс. до н. э. Связано ли это с переселением народов — спорно, во всяком случае здесь велика роль и местных компонентов.

Но ряд «автохтонных» культурных достижений предстает в другом свете. Так, в Средней Германии металлургия меди представляется связанной с передвижением сюда носителей определенных культур (Иордансмюльской и Мюнцховенской), имеющих связи с югом (культуры Ленгизльская, Винчи), где медь использовалась очень рано.

Совершенно очевидно, что первоначальное освоение меди началось на Востоке, где она известна уже в V тыс. до н. э. (Двуречье). Многочисленные факты, четко рассмотренные Вл. Милойичем, делают вполне убедительным его вывод о том, что металлургия меди распространилась с востока (Восточные Балканы, Малая Азия) и появилась в Европе вместе с носителями культур древней Винчи и Ленгизл. В Средней Германии (прежде всего в Баварии, где распространена была Мюнцховенская культура) инициаторами разработок медных рудников явились племена этой юго-восточной волны. Это касается также территорий Сербии, Семиградья и Австрии.

Совершенно оправдано привлечение здесь параллельного явления иного порядка: распространения на запад культа Великой Богини-Матери (*Magna Mater*), проникшего из Малой Азии на Балканы и оттуда в Центральную Европу. При этом также различаются две волны, из них древнейшая связана с переднеазиатскими культурами IV — начала III тыс. до н. э., а на западе с культурами Сескло и Старчево. Для искусства, связанного с этой волной, характерны реалистические традиции, проявляющиеся в пережиточных формах и в ленгизльской культуре. Со второй, более поздней волной связано появление в Европе схематических «кикладских» форм, характерных для культур Винчи и Гумельницы. Одновременно появляются зооморфные статуэтки,

а также зооморфные и антропоморфные сосуды. Все они соответствуют восточноэгейскому материалу.

Далее автор подробно разбирает вопрос о возможности и о хронологических рамках обратного движения — с севера на юго-восток. Он рассматривает основные категории вещей, привлекавшихся в качестве «доказательств» такого движения. Прежде всего это касается боевых топоров, которые долгое время и многими исследователями воспринимались как специфически северные формы, занесенные на юго-восток носителями северных культур. Однако исследования переднеазиатских топоров показали как большую древность их, так и отсутствие генетической связи их с центральноевропейскими формами, которые оказались значительно моложе переднеазиатских. Ныне же раскопки в южной Болгарии и Македонии показали, что боевые топоры вошли здесь в употребление как типичная форма культуры ранней бронзы (*FBr*) этой области (топор из Ферми I—II—2450 г. до н. э., топоры из Веселинова, древнейших слоев Македонии и т. д.). Таким образом, и на Балканах они древнее как самих центральноевропейских топоров, так и начала распространения «шнуровой керамики» в Центральной Европе. Весьма древними оказались на Балканах и так называемые «шнуровые амфоры», которые ныне засвидетельствованы в культуре *FN* и в слоях ранней бронзы Македонии. Тем самым два главных опорных пункта сторонников миграции с севера «носителей шнуровой керамики» оказываются подорванными. Это касается и распространения домов типа мегарона, которое тоже привлекалось как доказательство переселения с севера. Открытие и точная датировка этих домов в слоях Трои I и Димини показали, что в восточносредиземноморской области они появились задолго до 2300 г. до н. э. Вместе с тем исследования Биттеля показали сравнительно незначительную древность их в Центральной Европе. Вл. Милойич совершенно справедливо замечает, что подобного рода четырехугольные дома имеют всеобщее распространение и в большинстве случаев изобретаются самостоятельно в соответствии с климатическими условиями местности.

Таким образом, на основании абсолютных дат, установленных в соответствующих слоях, автор с исчерпывающей убедительностью рассматривает одну из важнейших проблем древнейшей истории Европы и в значительной мере очищает ее от многочисленных фантазий и беспочвенных извращений, имевших здесь место. И совершенно закономерен переход Вл. Милойича в заключении книги к индоевропейскому вопросу, тесно связанному с этой проблемой. Он решительно отрицает возможность какого-либо движения с северо-запада на юго-восток, опираясь на твердую датировку ряда решающих фактов. Индоевропейцы зафиксированы в Передней Азии ассирийскими табличками XIX в. до н. э. Хетты, появившиеся непосредственно за этим, выступают как народ, уже сильно перемешанный с древним местным населением. Следователи в Передней Азии индоевропейцы появились не позднее конца III тыс. до н. э. Носителями культуры *MN* были уже греки, бесспорно греками были создатели протогеометрического и геометрического стилей. Каково же взаимоотношение этих безусловно индоевропейских культур с северными культурами и так называемой «северной расой»? Зависят ли первые от второй? Вл. Милойич решительно отрицает такую зависимость, опираясь, как всегда, на точно датированные факты. Что касается хеттской культуры и наиболее массового материала ее — керамики, то она увязана с древнейшими культурами медного века Передней Азии. Совершенно закономерен вывод автора о том, что так называемая хеттская керамика является прямым производом местного малоазийского стиля и ни в какой мере не результатом чуждых влияний (стр. 110). Второй же круг крашеной керамики, известный на территории хеттского государства и рассматриваемый Гётце и Грозным как археологическое отражение прихода индоевропейцев, достаточно убедительно представлен не как хронологический этап, а как параллельное явление, непосредственно с хеттами не связанное, но корнями уходящее в местные переднеазиатские культуры. Никаких следов северных влияний у хеттов нет ни в керамике, ни в домостроительстве, ни в скульптуре, ни в орудиях, ни в оружии. По общему же своему уровню хеттская культура неизмеримо выше примитивной дольменной культуры северо-западной Европы на рубеже III и II тысячелетий до н. э.

Таким образом, все, что известно об индоевропейцах, свидетельствует о том, что задолго до первого письменного свидетельства о них они жили в Малой Азии и сопредельных с ней районах. Для этого древнейшего периода археологически они пока неопределимы.

Столь же решительно, как показывает автор, должны быть отвергнуты представления о роли северных племен в переселении носителей среднеэладской культуры. Их движение, как и более позднее дорийское переселение, явилось следствием внутрибалканского перемещения. Внутри хеттского, среднеэладского, македонского и иллирийского культурных массивов нельзя допустить никаких северных влияний. Да и в целом в рассматриваемую эпоху индоевропейцы вообще не представляли единой культуры. И сами они, и их культура являлись результатом сложного взаимодействия гетерогенных компонентов.

Достоинства книги Вл. Милойича совершенно очевидны. Это исследование внесло порядок в хронологию огромной области, создало надежные опорные пункты для датировки археологических культур почти всей европейской территории. Вместе с тем вопросы хронологии рассмотрены автором в применении к конкретным террито-

риям с учетом их местных особенностей. Каждая из таких территорий сравнительно невелика, что позволяет автору быть максимально конкретным. Для каждой области он сопоставляет все основные археологические культуры энеолита и ранней бронзы, добивается взаимной проверки их дат и создает внутренние синхронистические таблицы. Сопоставление таких региональных исследований дает общую цепь последовательных исторических явлений, отраженную общей синхронистической таблицей (рис. 1), к которой будут неизменно обращаться все работающие над древнейшей историей Европы. Даты, установленные прежде на основании отдельных, часто случайных, аналогий, уточнены и подтверждены стройной системой доказательств. Предложенные автором принципы датировок сами по себе безупречны и никаких возражений не вызывают. Следует лишь отметить, что далеко не во всех случаях условия (масштаб раскопок, характер находок, степень изученности территории и т. д.) позволяют следовать этим принципам. Автор, может быть, слишком решительно отрицает возможность датировки по отдельным вещам. К каждому случаю такой датировки следует относиться очень осторожно, обязательно учитывая стратиграфические условия сравниваемых находок, — это бесспорно. Но сам метод подобной датировки в ряде случаев является единственно возможным и отказываться от него принципиально нельзя. Ведь ряд дат, утвержденных ныне исследованием Вл. Милойчича, был первоначально установлен именно этим методом.

Территория, рассмотренная автором, очень велика и избрана весьма удачно. Но вызывает удивление некоторое ограничение использованного автором материала. Здесь имеются в виду материалы Поднепровья, Поднестровья, Кавказа и Закавказья, представляющие большой интерес для рассматриваемой проблемы, но не привлеченные автором. Хронологическая интерпретация этого материала, данная в трудах А. А. Иессена, Т. С. Пассек, С. Н. Бибикова и др., имеет большое значение для общих проблем европейской хронологии, использование ее могло бы еще более подкрепить хронологическую систему Вл. Милойчича. Вместе с тем нельзя не признать, что в нашей науке все еще недостаточное внимание уделяется созданию общих четко обоснованных хронологических схем абсолютной хронологии энеолита и бронзового века. Территория Советского Союза огромна, последовательная датировка ее областей требует длительной и упорной работы. Но территория Советского Союза позволяет протянуть цепь абсолютных дат по ряду путей: через Западное Причерноморье на Балканы, через Закавказье в Переднюю Азию и, наконец, через Среднюю Азию к абсолютно датированным территориям Китая. Поэтому перспективы для этой важнейшей работы здесь огромны.

Последнее время большие надежды возлагаются на разработку датировок с помощью данных естественно-научных дисциплин. Но и возможности самой археологии здесь далеко не исчерпаны. Ценное исследование Вл. Милойчича — лучшее свидетельство этого.

Н. Я. Мерперт

Asiatic Studies. In Honour of Toru Haneda. On the Occasion of His Sixtieth Birthday May 15 MCMXLII. The Society of Oriental Research, Kyoto University, 1950, 26, 1003 pp. Jap. Text, XIV, 23 pp. Engl. Text.

Сборник состоит из 43 статей японских археологов и востоковедов и посвящен частным вопросам истории культуры Центральной Азии и Дальнего Востока с древности до позднего средневековья. В этой области работал Ханэда Тору — крупнейший японский востоковед и историк культуры.

Мы остановимся лишь на нескольких статьях, представляющих наибольший интерес для советских археологов.

Статья Утида¹ посвящена истории подъема и падения племенного объединения жуаньжуаней (жоужаней), равно как культуре и обычаям этого племени. Отмечая, что некоторые западноевропейские ученые склонны отождествлять жуаньжуаней с аварами, а китайская династийная хроника Суншу считает их потомками гуннов, Утида склоняется к мысли, что жуаньжуани, как и тоба, являются ветвью племенного союза сяньби. Утида указывает, что в пору своего расцвета (т. е. с середины IV до середины VI вв. н. э.) жуаньжуани занимали большую территорию, которая на севере доходила до Байкала, на юге — до северных склонов хребта Иньшань, на западе — до северных районов Синьцзяна, на северо-востоке — до хребта Большой Хинган. Под их контролем находились обе дороги из Китая на запад, в Малую Азию и Европу. Их могущество стало клониться к упадку в V в. н. э., когда они разделились на восточных и западных жуаньжуаней, причем западная их ветвь переселилась в район Юнчжуна (на севере провинции Шаньси). В этой цитадели могущественного племени тоба, основанного династией Северная Вэй (386—534 гг. н. э.), западные жуаньжуани стали союзниками тоба в их борьбе с гуннами. Интересно указание Утида на особый характер экономической помощи тоба жуаньжуаням. Снабжая жуаньжуаней продуктами сельского хозяйства и некоторых видов ремесел, тоба не разрешали китайским ремесленникам и врачам уезжать к жуаньжуаням, завозить к ним компасы, водяные часы и пр.

¹ Uchida G. A Study of the Jou-Jan, стр. 131—178.

	Ägypten	Palästina	Amk-Ebene	Mersin	Zweistromland	Alishar	Troia
(4200)	Merimdeh Fajum	XVIII	A	A	Ninive I	Nicopumar	
(4000)		Jericho (Steinzeit)	B	B	Samarra		
(3800)		Tassa Badari I	IX	XVII			Tell-Halaf
(3600)			Wadi-Chazza	C	? β α		
(3400)			Tell-Chassul	D	XVI		Obeid
(3200)	Mada'i	Beisan XVIII	E	XV	Uruk	?	
		XVI	F	XIV			
3000		FB.I		XIII	Dschemdet-Nasr	Äneolithisch	
		b	G				? a
2800	I. Dynastie	FB.II	H	XII			Kum-Tepe I b
	II.				ältere	a	
2600	III.				Archaische	I	
	IV.	FB.IIIa			jüngere		
2400	V.		I		F. Dynastisch (Königsgr. Ur)	b	II
	VI.	FB.IIIb			Sargon	⊗ Gräber	
2200	VIII.				Naram-Sin		III
	IX.		J				IV
2000	X.	MB.I				III	
	XI.						
	XII.		K	XI		1	V
1800		MB.IIa		X		⊗ Texte	
		MB.IIb				2	
1600	Hyksos	MB.IIc		IX		II	
						?	VI
1400	XVIII.	SB.I		VIII		?	

<i>Samos</i>		<i>Kreta</i>	<i>Griechenland</i>	<i>Thessalien</i>	<i>Makedonien</i>	<i>Serbien</i>	<i>Südongarn</i>	<i>Südwestrumänien</i>
	(4200)							
	(4000)							
	(3800)							
	(3600)							
	(3400)	?	?	Vor-Sesklo	?	?		
	(3200)	ältere	Chäreonea I	Tsani M. I (solid)	Servia I	Starčevo I		
?		Jüngsteinzeit	Chäreonea II	Tsani M. II		II	?	
I	3000			(linear)	Akropotamos	III		
Tigani II	2800	jüngere	Drachmani II	Tsangli		IV	Körös	?
III			Dim.	IV VI Dimini				
	2600	FM. I	Eutresis	Larisa	Servia II	Vinča A		Tordos
					1		ältere	
?	2400	FM. II	I		2	B	Theiß	
I			FH II	FB.	3			
Heraion	2200	FM. III	III		4	a C	jüngere	Salcutza
II		a			5			
	2000	MM. I			6	Bubanj II b	D	Cotofeni
		b					E	
	1800	MM. II	I			Bubanj III	Badragkeresztúr	Glina III
		a	II	MB.	MB.		Toszeg A	
	1600	MM. III	III				Toszeg B	Tei
Myk. Import							Toszeg C	
	1400	SM.	SH.					

Nordrumänien	Südromänien	Südwestbulgarien	Südostbulgarien	Slavonien	Laibach	Mähren
(4200)						
(4000)						
(3800)						
(3600)						?
(3400)				Starčevol		älter
(3200)	?	?	?	II		Bandkeramik
3000	I	I	I			
?						
Präcucuteni	Bajan A	Kremikovci	Bajan	III		Bandkeramik
2800	II	II				jünger
2600	I	Junacite I (Gumelnitza)	Deve-Bargan (Gumelnitza)			
2400			Sv. Kirilovo	Lengyel- Slavomische Gruppe		Stichbandkeramik
2200	Gumelnitza II	Junacite II	Veselinovo			Bemalte Mährische
2000	III					
1800	Glina III	Junacite III	?	Badener		Badener
1600	Monteoru			Vučedol I	Laibacher	Glockenbecher
1400	Tei-Kultur			Toszeg A		Schmuckkeram.

Рис. 1. Общая синхронистическая таблица В. Милойича

		<i>Südpolen</i>		<i>Böhmen</i>				
e k	(4200)							
	(4000)							
	(3800)							
	(3600)							
	(3400)			?				?
	(3200)				ältere Bandkeramik			Bandker.
	3000							
k re	2800	---		Bandkeramik jüngere				Bandker. ji
	2600	Bandkeramik			ältere			
	2400		Stichbandkeramik		Stichbandkeramik jüngere			
	2200						?	
I II III		Bemalte Mährische				Jordansmühl	älteste Schnurkeramik	Jordans.
	2000							
nik	Trichterbecher	Badener	Trichterbecher	Badener	Trichterbecher			
		Zlota		Lockenbecher		Kugelamphoren	Schnurkeramik	Lockenb.
	Aunjetitz					Aunjetitz		Aunjeti.
	1600							
	1400							

Mitteldeutschland					Jütische Halbinsel		
ältere amik							(4200)
							(4000)
							(3800)
							(3600)
							(3400)
						(3200)	
							3000
amik üngere						?	
						Ertebölle	2800
				?			2600
				↑		Dolmenzeit	2400
	Rössen						2200
nütl	Salzmünde	Baalberg I	Michelsberg			Kupfer ⊗	
	Walter nienburg I			früheste Stufe?	ältere		2000
	II			Schmuckkeramik	mittlere	Untergrab	
eher	Bernburg I		Kugelamphoren	Frühstufe	jüngere	Bodengrab	1800
	II			Hochstufe		Obergrab	
tz	III			Spätstufe	Steinkistenzeit	oberste Gräber	1600
				entartete Stufe	?	?	1400

Тем не менее многие стороны китайской военной организации, литературы, философии, астрономии были известны жуаньжуаням. Автор считает, что титул каган появился не у жуаньжуаней, а еще раньше, у других племен сяньби, таких, как цифу, муюн, туюхунь.

Статья Умэхара¹, крупнейшего японского археолога — специалиста по бронзе, посвящена бронзовым алебардам из северного Вьетнама, которые интересны с точки зрения установления их типологических связей с китайскими алебардами (типа «кэ»). Автор описывает две алебарды, одна из которых найдена в районе Киенана, а другая — в Донсоне вместе с бронзовыми мечами и наконечниками копий, и пять алебард, хранящихся в музее. Умэхара выделяет два типа алебард. Тип I — лезвие и «насад» покрыты изображениями слонов, крокодилов, птиц. Алебарды типа I напоминают китайские только своей формой. Тип II и по своей форме, и по стилю орнамента лишь незначительно отличается от китайских образцов. Алебарды типа I весьма многочисленны, встречаются на археологических памятниках и, по всем данным, изготовлялись на месте; алебарды типа II малочисленны и попадали во Вьетнам в готовом виде из Китая. Автор делает попытку определить время изготовления алебард обоих типов. Алебарды типа I датируются на основании возраста памятника Донсона ханьским временем (III в. до н. э. — III в. н. э.). Алебарды типа II более близки к китайским образцам и, следовательно, старше алебард типа I. Китайские алебарды восходят к эпохе Инь-Чжоу (XVIII—III вв. до н. э.), а тип II, вероятно, относится ко времени правления в Китае династии Чжоу (XII—III вв. до н. э.).

Статья Оногава² сообщает о переводе на японский язык известной Онгинской надписи, открытой Ядринцевым в 1891 г. и дважды опубликованной В. В. Радловым в 1895 и 1899 гг. Японский перевод снабжен комментарием и словарем.

Археолог Тамура³ предпринял попытку выяснить причины возникновения и характер каждой из пяти столиц, одновременно существовавших в империи Ляо. Обширная, но недолговечная империя Ляо включала в себя народы, различные как по своему происхождению, так и по хозяйственному укладу. Основную массу населения составляли кидане, скотоводы-кочевники, остальную часть — полукочевые племена си, земледельцы китайцы и бохайцы. Обилие столиц в государстве Ляо, по мнению Тамура, являлось отражением этой этнической и хозяйственной пестроты в государстве. Автор указывает, что верхняя и центральная столицы (в районе современного Линьхуана и в районе Дадины в провинции Жэхэ) являлись искусственно созданными политическими и административными центрами. Они не имели связей со старыми городами, их население состояло из киданей и китайцев, а также из бохайцев. Развитие этих столиц находилось в прямой зависимости от политического и государственного состояния империи. Иначе обстояло дело с западной и восточной столицами (г. Датун в провинции Чахар и г. Ляоян в провинции Ляонин). Они были основаны на месте старых городов и являлись экономическими, культурными и военными центрами. Западная столица связана с районом обитания племен си и служила оплотом против западного Ся и Сунского Китая. Восточная столица была населена бохайцами и имела особое значение для утверждения идей преемственности власти киданей от Бохая. Через южную столицу (у современного г. Чжэцзяна или у г. Яньяна в провинции Хэбэй) осуществлялась торговая и культурно-политическая связь Ляо с Китаем.

Статья Фудзизэда⁴ является попыткой разобраться в чрезвычайно интересном вопросе: о роли государства Западное Ся (Сися) (990—1227 гг.) в процессе взаимосвязей между Китаем и Западом. После падения династии Тан эти связи прервались. Но уже в середине X в., после образования империи Сун в Китае (960 г.) и Ляо в Монголии и Маньчжурии (947 г.), наступил некоторый экономический подъем и оживление торговли. Причем, если раньше торговля со странами Центральной и Малой Азии обслуживала нужды двора, то теперь Китай стал усиленно возить соль, боевых коней и вывозить чай. Но на путях торговли с Западом к концу X в. сложилось государство Сися. Началась борьба между династиями Ляо и Сун за влияние на Сися. Сначала успех был за киданями, но наличие двойных посредников не устраивало ни Китай, ни центральноазиатские страны. И с 1004 г. Сися становится единственным посредником между Западом и Востоком. На этом борьба за установление прямых связей между Китаем и странами Центральной Азии не прекратилась. Китай вел борьбу по двум направлениям, пытаясь разгромить Сися военной силой и открыть окольный путь в Центральную Азию, минуя Сися. Последнее и было достигнуто в 1022 г.

Небольшая заметка Мидзуно⁵ посвящена двум скульптурным изображениям пещерного храма Юньган (северная часть провинции Шанси). Юньган — грандиозный памятник буддийской храмовой архитектуры и скульптуры Китая. Храмы и скульптуры создавались на протяжении веков. К старейшим относятся скульптуры в пещерах

¹ Umehara S. Bronze Halberds in Northern Indo-China, стр. 173—190.

² Onogawa H. A. Translation into Japanese of the Ongin Inscription. With an Introduction, Annotation and Vocabulary, стр. 431—451.

³ Tamura J. The Nature of the Five Capitals of the Liao Empire, стр. 609—634.

⁴ Fujieda A. Hsi-Hsia's Role in Connecting the Far East and Central Asia, стр. 825—844.

⁵ Mizuno S. Some Figures Representing the Life of Buddha in the Cave-Temples of Yun-Kang, стр. 867—874, 2 рис.

№№ 18, 19 (конец IV в. н. э.), которым и посвящена эта заметка. Более поздние скульптуры из пещер №№ 5, 9, 12, 30, 33 созданы под сильным влиянием скульптурных украшений пещерного храма в Лушане (провинция Хэнань). Скульптурная группа в пещере № 18 изображает Будду, стоящего во весь рост, и группу мальчиков, один из которых, стоя на плечах товарищей, протягивает Будде свой подарок — глиняный горшок (по легенде, за это в следующем поколении он возродился в лице императора Асоки). Другая скульптурная группа в пещере № 19 изображает Будду, стоящего во весь рост, с рукой, лежащей на голове его сына, который выдержал испытание, узнав отца, явившегося перед ним в виде множества будд. Фигура Будды выполнена с большой силой, но без особого изящества, свойственного более позднему этапу развития буддийской скульптуры (в том числе и Лушаня). Другие фигуры скульптурных групп выполнены весьма схематично.

М. В. Воробьев

В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. Изд-во Академии наук СССР, М., 1953 г., 208 стр. Тираж 3000, цена 8 р. 60 коп.

Изучение истории Северного Причерноморья в античную эпоху за последнее время значительно продвинулось вперед.

Новейшие археологические открытия — результаты систематических и планомерных в широком охвате проводимых экспедиций — во многом дополнили скудные данные письменных источников и имеющуюся в наличии материальную документацию. Надо при этом отметить как положительный факт, что наряду с публикацией вновь добытых материалов, с детальными исследованиями по отдельным специальным вопросам появились и некоторые труды обобщающего характера; достаточно назвать работы А. А. Иессена, В. Ф. Гайдукевича, В. Д. Блаватского, Д. П. Каллистова и др. Но эти заслуживающие большого внимания опыты обобщающих построений все же не дают более или менее полной истории североантичных античных государств. Целый ряд важнейших вопросов не получил еще достаточного освещения и, тем более, разрешения. В первую очередь это относится к изучению экономики Северного Причерноморья в античную эпоху; здесь даже во многом не сведены в целое имеющиеся разрозненные данные, не исследованы все наличные материалы. До самого последнего времени мало внимания уделялось изучению сельского хозяйства причерноморских античных государств. Основной интерес наших ученых был направлен на историю города, исследование же хоры — сельскохозяйственной территории античных городов — весьма значительно отставало. Между тем советским историкам-античникам и археологам надо хорошо помнить известное положение К. Маркса, что «история классической древности — это история городов, но история городов, основанных на земельной собственности и на земледелии»¹.

Тем больший интерес вызвало появление книги В. Д. Блаватского — «Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья», М., 1953, опубликованной в серии «Причерноморье в античную эпоху». Уже предварительная статья В. Д. Блаватского на эту тему, напечатанная в первом сборнике «Материалов по истории земледелия СССР»², привлекла серьезное внимание. В своей книге В. Д. Блаватский делает попытку на основании имеющихся материалов дать обобщающую характеристику земледельческого хозяйства в античных государствах Северного Причерноморья. Автору пришлось проделать большую и кропотливую работу, требующую тщательного анализа как письменных источников, так и различного рода археологических памятников, пристального внимания ко всякого рода деталям.

В. Д. Блаватскому на ряде конкретных примеров не раз приходится наглядно показывать, как сравнительно мало еще сделано в изучении сельского хозяйства Причерноморья, какая еще большая и сложная работа предстоит в дальнейшем. По целому ряду весьма существенных вопросов приходится ограничиваться лишь предположениями, «иной раз, может быть, довольно гадательными» (стр. 6). Никто не будет отрицать возможности и правомерности такого рода предположений, равно как и производимых В. Д. Блаватским любопытных цифровых подсчетов статистического порядка.

Автор широко пользуется сравнительными материалами письменных источников и археологической документации, не ограничиваясь пределами только Причерноморья. В. Д. Блаватский совершенно правильно отмечает, что в нашей научной литературе до сих пор во многом еще не изучен вопрос о характере взаимоотношений античных и местных элементов в Херсонесе, на Боспоре и в Ольвии, а также и об отношениях населения этих государств с их ближайшими соседями. Здесь требуется строго дифференцированный подход, требующий учета локальных особенностей отдельных местных племен. Нельзя построить социально-экономическую историю античных государств

¹ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ВДИ, 1940, № 1, стр. 15.

² В. Д. Блаватский. Краткий очерк античного земледелия в Северном Причерноморье. Сб. «Материалы по истории земледелия СССР». т. I, М., 1952, стр. 160—178.

Северного Причерноморья, игнорируя отличительные черты экономического строя и бытового уклада разноплеменного местного населения Причерноморья. Совершенно недостаточная еще разработанность истории местного населения крайне осложняет написание работ обобщающего характера. И с этим, конечно, необходимо считаться при рассмотрении труда В. Д. Блаватского.

Книга В. Д. Блаватского состоит из 15 разделов (или небольших глав), довольно неравномерных по размерам. Так, некоторые из разделов (5-й, 8-й, 14-й) насчитывают 2—3 страницы. Нельзя при этом не отметить излишней дробности в распределении материала. Раздел 5-й «Способы восстановления плодородия почвы» и раздел 14-й «Вопрос об урожайности растений», построенные на весьма ограниченных сведениях, вряд ли следовало выделять в самостоятельные разделы. Двухстраничный раздел «Системы полеводства» можно было бы без особого ущерба объединить со следующим разделом «Техника земледелия» под общим заголовком «Системы полеводства и техника земледелия». Стремление автора дать по возможности полный материал по затрагиваемым вопросам понятно, но известная концентрация материала могла бы быть более эффективной, нежели чрезмерная дробность. Следует также указать, что В. Д. Блаватский склонен к повторениям. Так, например, о землях, розданных калатийцам царем Евмелом, говорится на стр. 47—49, 168, 178, 193; о фанагорийской надписи 151 г. н. э. с ее толкованием — на стр. 47, 50, 192, 193. Не всегда эти повторения вызваны необходимостью. Книга В. Д. Блаватского насыщена богатым и интересным материалом, весьма примечательным его толкованием, что требует пристального внимания; дробность изложения, некая фрагментарность и повторения являются иногда ненужной помехой.

В разделе 1-м, имеющем как-бы установочный характер, автор книги останавливается на значении земледелия в античных государствах Северного Причерноморья, на торговле хлебом, на земледельческих культах. Большой интерес представляет раздел 2-й «Сельскохозяйственная территория Северо-понтийских государств. Землевладение» (стр. 25—55). Здесь в первую очередь В. Д. Блаватский говорит о Гераклейском полуострове, который имеет совершенно исключительное значение для истории сельского хозяйства в античную эпоху. Замечательным памятником Гераклейского полуострова В. Д. Блаватский совершенно правильно уделяет видное внимание в различных разделах своей книги, нередко давая свои любопытные толкования и предположения. Ввиду важности затрагиваемых вопросов о памятниках Гераклейского полуострова и спорности некоторых их толкований в нашей научной литературе я позволю себе в дальнейшем остановиться на этих сюжетах подробнее.

Заслуживают, несомненно, внимания приводимые данные и соображения В. Д. Блаватского о землевладении на Боспоре, рассматриваемом в его историческом развитии. Не вызывает особых сомнений при наличии существующих данных и предположение о небольших размерах ольвийской хоры. Затронут любопытный вопрос о сношениях ольвиополитов с соседними местными племенами. Раздел 3-й об организации сельскохозяйственной территории всецело построен на Гераклейском материале. Тут широко использованы данные исследования С. Ф. Стржелецкого «Клер Херсонеса Таврического» (ВДИ, 1951, № 1). Небольшой раздел 4-й, посвященный вопросу о применении искусственного орошения и земельным улучшениям, опять базируется на материале Гераклейского полуострова.

С большой тщательностью и полнотой, с приведением многочисленных иллюстративных данных составлены разделы, трактующие о полевых культурах, садах и виноградниках, о технике земледелия, о животноводстве, о сельскохозяйственных орудиях. Значительный интерес представляет раздел 12-й о сельскохозяйственных постройках. Здесь снова преобладающее место отведено Гераклейскому полуострову, его примечательнейшим укрепленным усадьбам, привлекавшим усиленное внимание наших исследователей.

В книге имеются некоторые дискуссионные положения, на которых надо остановиться подробнее при более детальном рассмотрении вопроса о значении Гераклейских памятников. Любопытный материал приведен в разделе 13-м, посвященном вопросам обработки и хранения продуктов зерновых культур, о северопонтийском виноградарстве и о широких масштабах виноделия по всему Северному Причерноморью, и особенно на Боспоре и Гераклейском полуострове. В. Д. Блаватский довольно подробно описывает винодельни, обнаруженные в Херсонесе и на Боспоре.

Весьма значительный интерес представляет заключительный 15-й раздел «Вопросы организации труда и эффективности рабочей силы. Социальный состав производителей». Вопросы, трактующиеся в этом разделе, являются исключительно важными, но в то же время и чрезвычайно сложными. В первой же фразе, открывающей раздел, автор предупреждает: «Об организации труда, рабочей силе, о социальном и этническом составе производителей мы располагаем немногочисленными прямыми указаниями, поэтому приходится широко пользоваться косвенными свидетельствами» (стр. 161).

В. Д. Блаватский проделал большую работу по привлечению и использованию всех возможных материалов; особое внимание вызывают его цифровые подсчеты и статистические выводы, касающиеся примерных размеров и территории, а также и количества населения Херсонесского государства, Боспорского царства и Ольвийского полиса. Несомненно, что здесь автору пришлось выступать с целым рядом гадательных предположений, нередко весьма любопытных, но иногда и достаточно спорных.

Сами цифровые подсчеты и вычисления не всегда убедительны. Определяя количество населения в Херсонесе, В. Д. Блаватский при подсчете потребной рабочей силы для винодельческого хозяйства на Гераклеяских клерах исходил из данных известного трактата Катона о сельском хозяйстве. Разумеется, что подобного рода подсчет, хотя и условно приемлемый, предпочтительнее явно фантастического подсчета Е. Г. Сурова, пытавшегося определить производительность труда сельскохозяйственного рабочего — античного раба — по нормам XIX в.¹

Наиболее сложным было рассмотрение соответствующих вопросов раздела при анализе материалов, относящихся к истории Боспорского царства. В. Д. Блаватский, наметив основные линии развития землевладельческого хозяйства на Боспоре, остановился на социальном составе производителей и сделал подсчеты количества населения. Автором уделено внимание проблемам местного населения и его роли в хозяйственной истории Боспорского царства. Но трактовка боспорского материала вызывает и некоторые недоуменные вопросы. Так, например, в вопросе о феодосийских эргатах, упоминаемых в речи против Лакрита, приписываемой Демосфену, с определением эргатов как рабов и с подсчетами рациона питания рабов по римским образцам с В. Д. Блаватским полемизирует не без оснований В. Ф. Гайдукевич². Дискуссионным остается также вопрос о местности, куда были переселены при Евмеле каллатийцы. В. Д. Блаватский всецело присоединяется к акад. В. В. Латышеву, внесшему исправления в соответствующий текст Диодора Сицилийского (Diod., XX, 25) и предложившему вместо «так называемой Псои» читать «так называемую Фианнитскую область». Сопоставляя Фианнитскую область с Фианнеями, упоминаемыми в фанагорийской надписи 151 г. н. э., В. Д. Блаватский пытается в широком аспекте проследить исторические судьбы каллатийцев. В. Ф. Гайдукевич и К. М. Колобова решительно выступают против исправления В. В. Латышева, не признавая порчи соответствующего текста у Диодора³.

Но, как бы ни решался этот спорный вопрос, все же вряд ли можно согласиться с таким, правда, предположительным, толкованием В. Д. Блаватского: «К сожалению, нам неизвестно, продолжали ли потомки каллатийских переселенцев сидеть на фианнейской земле и через четыре с лишним столетия после того, как ее получили их предшественники. Если это имело место, то тогда на Боспоре возможен следующий исторический процесс: постепенное превращение ранее совершенно свободных владельцев небольших клеров в близких колонам пелатов» (стр. 193).

Само собой разумеется, что все это построение было бы очень хорошо, если бы оно действительно было доказуемо. Автор совершенно правильно заостряет внимание на вопросе о пелатах. Интересны соображения В. Д. Блаватского о развитии рабского труда на Боспоре, об активной роли разноплеменных местных земледельцев, о зависимых землепашцах и др. Заслуживает внимания указание на то, что уже с первого века н. э. рабский труд начинает становиться нерентабельным. «Возможно, на Боспоре, — пишет В. Д. Блаватский, — уже в начале сарматской эпохи наметилось вытеснение рабского труда трудом зависимых землепашцев, довольно близких колонам, которые позднее стали основными производителями в сельском хозяйстве всего Средиземноморья» (стр. 191). Уделив видное место Херсонесу и особенно Боспору, автор довольно кратко говорит об организации труда и рабочей силы в сельском хозяйстве Ольвии, отмечая скудость имеющихся данных.

Краткое рассмотрение содержания труда В. Д. Блаватского показывает, какие важные и существенные проблемы хозяйственной истории Северного Причерноморья в античную эпоху он подвергнул тщательному исследованию. Но в то же время книга В. Д. Блаватского, как уже отмечалось выше, наглядно свидетельствует о крайне недостаточной разработанности многих существенных сторон экономики и социально-политического строя северопонтийских государств.

Яркой иллюстрацией сказанного может служить современное состояние изучения памятников Гераклеяского полуострова, на чем я и остановлюсь подробнее. Давно признано исключительно важное значение этих памятников. Расположенные на всем протяжении Гераклеяского полуострова остатки стен колоссальной квадратной кладки, больших и малых сооружений, башен, кругов, тарапанов, цистерн, искусственных пещер (типа нимфеев) и т. п. вызывали большой интерес любознательных путешественников XVIII и XIX вв.⁴ Но до начала XX в. научных исследований не производилось. Памятники фиксировались, так сказать на глаз, без каких-либо предварительных археологических разысканий. В зависимости от остроумия или фантазии наблюдателя строились те или иные гипотезы и предположения. Известным переломным моментом были раскопки Н. М. Печенкина, произведенные в 1910 г. В направлении от Казачьей бухты

¹ Е. Г. Су ров. К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом. Уч. зап. МГПИ, XXVIII, вып. I, М., 1942, стр. 125.

² В. Ф. Г а й д у к е в и ч. История античных городов Северного Причерноморья. Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры, I, М.—Л., 1955, стр. 114. См. также: К. М. К о л о б о в а. Политическое положение городов в Боспорском государстве, ВДИ, 1953, № 4, стр. 57.

³ В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Ук. соч. стр. 112; К. М. К о л о б о в а, Ук. соч. стр. 58.

⁴ И. Б о р о з д и н. Новейшие археологические открытия в Крыму Раскопки на Гераклеяском полуострове. М., 1925, стр. 4—11.

до Херсонесского маяка были обследованы остатки жилищ усадебного типа, ряды дорог и укрепления стен¹. Но лишь после Великой Октябрьской социалистической революции приступлено к изучению замечательнейших сооружений Гераклеяского полуострова — укрепленных усадеб и башен, издавна вызывавших острый интерес ученых и путешественников. О назначении этих памятников и их хронологической датировке высказывались самые различные предположения.

Пищуемому эти строки в работе, опубликованной 30 лет назад, пришлось говорить следующее: «Если одни (ученые — И. Б.) все еще говорили о руинах древнейшего Херсонеса, то другие говорили об остатках «укрепленных мыз». Одни ученые настаивали на военно-оборонительном значении сооружений, защищавших Херсонес, другие видели остатки жилых помещений глубокой архаики. Хронологические датировки отличались большим разнообразием. Одни говорили о временах Микенских, другие настаивали на римской эпохе, третьи относили к переселению народов, четвертые даже говорили о временах значительно более поздних. Получалась своего рода «загадка Гераклеяского полуострова», требующая своего рода разрешения»². Лишь в советское время, когда археологические работы в нашей стране получили невиданный размах, приступлено было к разгадке этой «загадки Гераклеяского полуострова».

Начиная с 1924 г. был проведен целый ряд экспедиционных археологических работ на территории Гераклеяского полуострова, учету и обследованию были подвергнуты остатки монументальных сооружений и башен. В настоящее время обнаружено 128 гераклеяских укрепленных усадеб, но, как правильно отмечает В. Д. Блаватский, «нельзя сомневаться в том, что число их в древности было значительно больше» (стр. 121).

Наряду с изучением укрепленных усадеб, было проведено обследование остатков больших межей и древних оград, обрамлявших отдельные владения — клеры, малых межей, отделявших мелкие участки владения и т. п.; тщательно изучался обнаруженный раскопками инвентарь. Прodelанные за тридцать с лишним лет научно-исследовательские работы несколько развеяли туман, реявший над памятниками Гераклеяского полуострова.

Но все же необходимо сказать, что Гераклеяский полуостров с его замечательной материальной документацией не привлек еще должного внимания, изучен далеко еще недостаточно. В проведении археологических раскопок не было нужной преемственности, да и раскопки не всегда были систематическими. Особенно же приходится отметить, что отчеты о ряде проведенных археологических работ или совсем не опубликованы, или опубликованы с сокращениями.

О некоторых весьма существенных раскопках известно понаслышке или на основании указаний и ссылок тех авторов, которые могли ознакомиться с «втуне сокровенными» отчетами в архивах ЛОИИМК или Херсонесского музея.

Разбирая датировки сельскохозяйственных усадеб херсонесцев на Гераклеяском полуострове, В. Д. Блаватский останавливается на определениях, данных Н. М. Печенкиным, И. Н. Бороздиным, Л. А. Моисеевым, Г. Д. Беловым, К. Э. Гриневичем. По датировке Н. М. Печенкина усадьбы существовали с IV в. до н. э. В отчетной статье о раскопках на Гераклеяском полуострове я первоначально датировал обследованные памятники III—II вв. до н. э.³ Затем в особой статье, специально посвященной вопросу о хронологической датировке памятников Гераклеяского полуострова, я отмечал, что обнаруженный при раскопках инвентарь (черепки чернолаковой посуды, ручки с клеймом, черепица, глиняные и свинцовые грузила, фрагменты амфор и пифосов, монеты) дали возможность хронологической датировки IV—II вв. до н. э.⁴ И, подводя итоги, я писал: «Данные наших раскопок, как и раскопок Печенкина, дают определенные хронологические датировки, согласно найденному инвентарю. Далее IV в. до нашей эры пока заходить нельзя»⁵. Нужно заметить, что В. Д. Блаватский, говоря о предложенной мной датировке, не делает ссылок на мою статью «К вопросу о хронологической датировке памятников Гераклеяского полуострова» (1926), ограничившись ссылками на работу «Новейшие археологические открытия в Крыму» (1925). Что касается датировок, предложенных Л. А. Моисеевым, то В. Д. Блаватский, не упомянув о его пресловутой «микенской теории», говорит о его позднейших датировках, считая, что в своей статье «Следы ирригации, мелиорации и водоснабжения древнего Херсонеса на Гераклеяском полуострове»⁶, автор «по-видимому склоняется к IV или III в. до н. э.» (стр. 26). В путаной статье Л. А. Моисеева довольно трудно разобраться, так как автор высказывает противоречивые, малообоснованные взгляды.

Г. Д. Белов относит Гераклеяские памятники к концу IV—III вв. до н. э.⁷ В. Ли-

¹ Н. М. Печенкин. Археологические разведки в местности Страбоновского старого Херсонеса, ИАК, вып. 42, СПб, 1911.

² И. Бороздин. Ук. соч., стр. 12—13.

³ И. Бороздин. Ук. соч., стр. 29.

⁴ И. Бороздин. К вопросу о хронологической датировке памятников Гераклеяского полуострова. Тр. ин-та археологии и искусствознания. РАНИОН, I, М., 1926, стр. 48.

⁵ Там же, стр. 50.

⁶ Зап. Крым. об-ва естествоиспытателей и любителей природы, 1926, IX, стр. 117.

⁷ Г. Д. Белов. Херсонес Таврический. Л., 1948, стр. 32.

син, приводя данные раскопок К. Тахтая, относит «усадьбу» у Стрелецкой бухты к середине III в. до н. э.¹.

Более раннюю датировку предлагает К. Э. Гриневич, относивший обследованный им комплекс зданий ко времени около 450 г. до н. э.².

Последняя по времени датировка интересующих нас памятников принадлежит В. Д. Блаватскому, который в своей книге после рассмотрения датировок вышеназванных исследователей приходит к следующему, как бы резюмирующему выводу: «Итак, следует думать, что сельскохозяйственные усадьбы Гераклейского полуострова появились примерно в то же время, когда возник и Херсонесский полис (422—421 гг. до н. э.). Вместе с тем вполне вероятно, что наиболее интенсивная жизнь на Гераклейском полуострове началась несколько позднее, примерно с III в. до н. э.» (стр. 27).

С последним положением В. Д. Блаватского можно вполне согласиться. В III в., несомненно, имели место значительное строительство, а также перестройка сельскохозяйственных сооружений Гераклейского полуострова. Но ранняя датировка появления сельскохозяйственных усадеб на Гераклейском полуострове вызывает некоторые сомнения. В. Д. Блаватский принимает дату начала Херсонесского полиса, предложенную акад. А. И. Тюменевым³. Однако вряд ли можно определенно говорить об одновременном возникновении самого города и сельскохозяйственных усадеб. Трудно представить себе, что уже в первые два десятка лет по прибытии на место херсонесцы успели обзавестись усадьбами. Это могло быть делом дальнейшего. При наличии существующей документации в датировке «усадьб» их нельзя отнести ранее IV в. до н. э.

Вопросы о назначении памятников Гераклейского полуострова неоднократно обсуждались в научной литературе.

Хозяйственный характер памятников в настоящее время не вызывает возражений. Более сложным и спорным является вопрос о том, в каких целях создавались укрепленные пункты, воздвигались монументальные стены и башни. Что эти сооружения должны были охранять сельскохозяйственные усадьбы, также не вызывает сомнения. Однако, если одни ученые связывают в той или иной степени эти укрепления усадеб с общей системой обороны Херсонеса и его сельскохозяйственной округи, то другие решительно отрицают это, считая, что укрепленный характер построек является мерой предосторожности частных владельцев усадеб. Последнюю точку зрения особенно ревностно отстаивает Е. Г. Суоров⁴.

При рассмотрении этого вопроса надо прежде всего установить, в целях защиты от каких нападений воздвигались укрепленные усадьбы. В. Д. Блаватский в своей книге пишет, что «монументальные ограды и особенно пирамидальные башни могли служить надежным укреплением их владельцам на случай внезапного нападения разбойников или иных недругов» (стр. 126). В другой недавно вышедшей монографии («Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья». М., 1954 г.) В. Д. Блаватский так говорит об укреплениях особого типа, к которым он относит многочисленные усадьбы на Гераклейском полуострове: «Такие мощные укрепления усадеб были вызваны опасностью нападений разбойников, нередко грозившей населению сельских местностей в древности»⁵. Надо, однако, сказать, что понятие «разбойники» и «иные недруги» требуют своей расшифровки.

Еще Паллас в конце XVIII в. высказывал мнение, что «одиночно рассеянные здания из больших обтесанных камней», были, может быть, «башнями, построенными для безопасности древних жителей на случай нападения тавроскифов»⁶. В. Д. Блаватский, как мне представляется, не уделил достаточного внимания враждебным выступлениям тавров. Вряд ли было бы правильным зачислять их в общую рубрику «разбойников» или «иных недругов».

Важным вопросом о взаимоотношениях Херсонеса и местного населения — тавров — недавно занимался акад. А. И. Тюменев. Он отмечает, что отношения между херсонесцами и горными таврами носили прежде всего враждебный характер. Тавры спускались с гор в сторону Херсонеса лишь для того, чтобы производить на Гераклейский полуостров грабительские набеги. Об одном из таких набегов сообщает надпись III в. до н. э., поставленная в благодарность богине Деве, спасшей херсонесцев от «величайших опасностей», в частности от неожиданного набега соседних варваров во время загородной процессии с несением статуй Диониса (IOSPE, I², № 343). «Очень возможно, — пишет А. И. Тюменев, — что именно в связи с угрозой этих набегов со стороны тавров Гераклейский полуостров уже в IV в. был покрыт рядом укрепленных башен, сооружавшихся, по-видимому, согласно определенному плану»⁷.

¹ В. Лисин. Обзор археологических раскопок в Херсонесе в 1937 г., ВДИ, 1939, № 2, стр. 137—138.

² К. Э. Гриневич. Раскопки Гераклейской экспедиции 1928 г., журнал «Крым», № 2 (8), вып. II., 1928, стр. 56.

³ А. И. Тюменев. Херсонесские этюды. I, ВДИ, 1938, № 2 (3), стр. 245.

⁴ Е. Г. Суоров. Ук. соч., стр. 123.

⁵ В. Д. Блаватский. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, стр. 105.

⁶ Путешествие по Крыму акад. Палласа в 1793 и 1794 гг. ЗООИД, XII, 1881, стр. 108.

⁷ А. И. Тюменев. Херсонесские этюды, III, ВДИ, 1949, № 4, стр. 82.

Остановившись далее на высказываниях путешественников Палласа и Дюбуа де Монпере и на результатах раскопок Н. М. Печенкина и И. Н. Бороздина, подтвердивших оборонительное назначение сооружений типа башен, А. И. Тюменев уделяет особое внимание обследованию и частичным раскопкам на Гераклейском полуострове в 1928—1929 гг. под руководством К. Э. Гриневича и при участии Н. И. Репникова, Г. Д. Белова и др. «Это более специальное исследование,— пишет А. И. Тюменев,— подтвердив предполагавшееся военное значение «башен», в то же время дало возможность проникнуть в начальную историю их возникновения. Обследование показало: «поразительное сходство всех башен как по технике кладки, величине камней, так и по плану», на основании чего можно полагать, что построение их не было продуктом личной инициативы, но что они представляли как бы систему сооружений, созданных государством по единому плану»¹. А. И. Тюменев ссылается на отчетную публикацию К. Э. Гриневича², в которой высказано мнение, что собственником построек на Гераклейском полуострове являлся сам Херсонес. Но тут мы встречаемся уже с особым вопросом, на котором еще придется остановиться. Что касается до различия мнений относительно военного назначения укрепленных пунктов, то приходится констатировать, что в настоящее время, при наличии существующих данных, вряд ли возможно какое-либо категорическое решение.

Несомненно, что херсонесцам приходилось вести длительную борьбу и охранять свои владения от набегов «близживущих» варваров — тавров, скифов и других неприятелей, покушавшихся на богатства Херсонесского государства. Естественно, что и государство и отдельные частные владельцы усадеб были заинтересованы в строительстве укрепленных стен и башен. Вполне возможна известная координация между городом, осуществляющим контроль над хозяйством хоры³, и владельцами усадеб. Вряд ли постройки укреплений производились лишь на страх и риск каждого отдельного владельца. Но укрепления усадеб, кроме защиты от внешних врагов, преследовали и другие цели. В научной литературе уже отмечалось, что военно-укрепленный характер построек объясняется как оборонительными целями, «так и системой устрашения рабов, эксплуатируемой бедноты, которая на своих плечах выносила всю тяжесть подневольного труда»⁴. Подчеркивая исключительную солидность гераклейских усадеб, В. Д. Блаватский говорит: «Это позволяет предполагать, что хозяева гераклейских усадеб держали своих рабов в помешениях, стены которых не уступали любому эргастулу и в силу этого могли служить достаточной гарантией как от побегов, так и иных преступлений. Да и сами пирамидальные башни, в которых владельцы усадеб, возможно, ночевали со своими семьями, нужно думать, могли обеспечить их обитателей не только от внешней опасности но и от собственных рабов» (стр. 126).

Дискуссионным является вопрос о том, кто владел сельскохозяйственной территорией Херсонеса, в чьих руках находились участки обработанной земли, кем воздвигались укрепления усадеб. Если одни исследователи считали, что владельцем земель было государство, сдававшее их в аренду, то другие ученые, наоборот, полагали, что сельскохозяйственная территория принадлежала частным владельцам. Я уже упоминал о мнении К. Э. Гриневича, отстаивавшего первую точку зрения. Диаметрально противоположную позицию занял Е. Г. Суров, безапелляционно заявлявший, что «комплексы Гераклейского полуострова были частной собственностью рабовладельцев-виноградарей и являлись центрами хозяйственной деятельности хозяев-виноделов»⁵.

Высказывалось также мнение, что участки земли могли принадлежать государству и отдельным частным владельцам. Большой интерес представляет попытка решения спорного вопроса, предложенная В. Д. Блаватским. Он подверг тщательному изучению сохранившиеся фрагменты большой, сильно поврежденной надписи, относящейся к концу III — началу II в. до н. э. Обломки ее были обнаружены в Херсонесе в 1878—1890 гг., исследованы и опубликованы В. В. Латышевым⁶. Очень плохая сохранность надписи побудила В. В. Латышева воздержаться от перевода и ограничиться очень обстоятельным комментарием.

Пользуясь транскрипцией и восстановлениями В. В. Латышева, В. Д. Блаватский дает перевод сохранившихся фрагментов. Отмечая значение этого документа, являющегося государственным актом, скрепляющим «продажу земельных участков», В. Д. Блаватский пишет: «Именно эта надпись позволяет заключить, что в конце III — начале II в. до н. э. в Херсонесе состоялась продажа (πρασις) участков земли, вероятно, производимая государством и частными лицами. Как показывает большое количество имен покупателей, сопровождаемых цифрами, можно думать, что продажа

¹ А. И. Тюменев. Ук. соч., стр. 82.

² К. Э. Гриневич. Отчетная выставка результатов раскопок Гераклейского полуострова 7 августа — 4 сентября 1929 г. Севастополь, 1929, стр. 15.

³ О государственном размежевании виноградников говорит известная псефисма Агасиклу, сыну Ктесия (IOSPE, I², № 418).

⁴ И. Бороздин. Новейшие археологические открытия в Крыму, стр. 30.

⁵ Е. Г. Суров. Ук. соч., стр. 124.

⁶ IOSPE, I², № 403; IV, № 80.

носила массовый характер... Участки обрабатываемой земли были частью собственностью владельцев» (стр. 29—35).

Констатируя факт массовой продажи земельных участков в Херсонесском государстве, В. Д. Блаватский высказывает по этому поводу ряд любопытных соображений. Он полагает, что в рассматриваемый период в социально-экономической жизни Херсонеса происходили, видимо, перемены, приводившие к значительным перемещениям земельной собственности. Оговаривая скудность имеющихся источников, автор отмечает следующее: «Скорее всего в это время в Херсонесе, как и в ряде других мест античного мира, в IV—II вв. до н. э. происходило обеднение части землевладельцев (преимущественно мелких) и связанная с этим концентрация значительных наделов в руках более богатых землевладельцев» (стр. 34, примечание). Гипотеза В. Д. Блаватского весьма интересна и заслуживает внимания. Но все же и хронологический охват (IV—II вв. до н. э.) и локальная неопределенность («ряд других мест античного мира») требуют своего уточнения и большей мотивировки. Что же касается концентрации значительных наделов в руках более богатых землевладельцев, т. е. образования крупного землевладения, то это вряд ли применимо к Херсонесу, где, как совершенно правильно отмечено В. Д. Блаватским, преобладало среднее и мелкое землевладение (стр. 54, 163). Правда, С. Ф. Стржелецкий, отмечая, что в I в. до н. э. в Херсонесе демократический строй сменяется аристократическим, в котором вся власть принадлежала небольшой кучке крупных рабовладельцев, пытается связать это с постепенным имущественным расслоением свободного населения и концентрацией земельной собственности в руках аристократии¹. Но и здесь приходится считаться с неразработанностью социально-экономической истории Херсонеса, которая по ряду важных вопросов приводит лишь к гипотезам и предположениям.

Возвращаясь к толкованию В. Д. Блаватским надписи о «продаже земельных участков» следует отметить, что в нашей научной литературе эта надпись получила и иную интерпретацию. Так, А. И. Тюменев, упоминая о мероприятиях по обеспечению населения Херсонеса хлебом, говорит: «Часть хлеба при этом получалась путем непосредственной обработки земли самими гражданами Херсонеса или жителями Керкинитиды и Калос Лимена, на что определенно указывает факт сдачи государственных земель в аренду или на откуп, по-видимому, на территории внешних владений Херсонеса»². В примечании к этой фразе А. И. Тюменевым дана ссылка на IOSPE, I², № 403, сопровождаемая весьма определенной ремаркой: «Маловероятно, чтобы в этом документе шла речь о продаже, а не о сдаче земель»³. К сожалению, развернутая аргументация этого положения у А. И. Тюменева отсутствует.

Таким образом, вопрос, вызывавший споры, остается до сих пор как будто окончательно не решенным. Но надо отметить следующее. Говоря о массовой продаже земельных участков в конце III—II вв. до н. э., В. Д. Блаватский считает, что эта продажа производилась «государством и частными лицами» (стр. 34). Следовательно, собственниками земельных участков были и государство, и отдельные частные лица. Вот в этом, как мне представляется, и надо искать решение вопроса.

Подводя итоги, следует, признать несомненный интерес и актуальное значение монографии В. Д. Блаватского, посвященной изучению чрезвычайно важных проблем экономики античных государств Северного Причерноморья. Надо отметить обильный, весьма показательный и со вкусом подобранный иллюстративный материал.

И. Н. Бороздин

Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э., Изд-во Академии наук СССР, М., 1956, 221 стр. + IX табл., тир. 2000, цена 9 руб. 90 коп.

Небольшая по объему книга Д. Б. Шелова представляет самостоятельную и серьезную научную работу по экономической и общей истории Боспора VI—II вв. до н. э. Несмотря на некоторые частные недочеты и отдельные спорные положения, она является ценным вкладом в научную литературу по нумизматике античных городов Северного Причерноморья.

В книге Д. Б. Шелова рассмотрен обширный круг вопросов, лишь частично изученных в опубликованных прежде статьях автора. После краткого, но содержательного введения (стр. 3—12) автор подробно разбирает нумизматические памятники Боспора в соответствии с устанавливаемой им периодизацией, причем Д. Б. Шелову приходится самостоятельно решать ряд вопросов, связанных с классификацией и хронологией отдельных серий. Помимо этого в книге рассмотрены весовые системы и номиналы внутри

¹ С. Ф. Стржелецкий. Ук. соч., стр. 85.

² А. И. Тюменев. Херсонесские этюды, IV, ВДИ, 1950, № 2, стр. 50.

³ Там же, стр. 50.

каждого периода, после чего автор переходит к установлению особенностей денежного обращения в Боспорском государстве в разные периоды его истории. Исследование ведется в тесной связи с общей историей Боспора; всюду, где это возможно, учтены условия нахождения тех или других монет в археологических комплексах; в поле зрения автора находятся в необходимых случаях и другие виды источников. Следует тут же заметить, что периодизация автора (ее обоснование см. на стр. 15—16 и 86—90) представляется нам вполне правильной, а его общие выводы и большинство частных замечаний не вызывают сколько-нибудь серьезных возражений. В особенности удачными представляются нам в главе I § 2 о весовой системе монетной чеканки боспорских городов (стр. 52—77) и в главе II §§ 1—3 о пантикапейской чеканке периода кризиса и о весовой системе и системе номиналов IV—начала III в. до н. э. (стр. 90—125), а также параграфы, посвященные денежной реформе Левкона и чеканке Спартокидов в главе III (стр. 151—158 и 183—190).

В пределах рецензии невозможно отметить все частные удаchi автора, равно как и оговорить все случаи, когда его заключения вызывают сомнение. Считаем, однако, необходимым отметить, что Д. Б. Шелов очень метко и убедительно критикует Ю. С. Крушкол (стр. 25—27) и В. П. Шилова (стр. 44, 46—47), а также свои прежние взгляды (стр. 89, 192 и др.). Совершенно правильными представляются нам и выводы автора об отсутствии прямых связей Боспора с Самосом (стр. 17—18), о времени выпуска второй серии феодосийских монет (стр. 40—41), об экономических предпосылках объединения Боспора, впервые, кстати, представленных столь рельефно (стр. 79—85). Большого внимания заслуживают и замечания о первых двух сериях пантикапейского серебра с изображением сатира (стр. 97—103), о начале денежного кризиса еще в IV в. (стр. 89 и др.; впрочем, лучше было бы говорить об отдельных кризисных явлениях). Вполне обоснованным следует признать и отрицание донативного характера монет с именами Перисадов (стр. 86, 192—195), а также отказ от признания медных монет с буквами ΥΓΑ за чекан Гигизнонта (стр. 185). Нельзя умолчать и об остроумной и убедительной попытке определения номиналов меди IV в. до н. э. (стр. 121—125); весьма заманчивы и предположения о связях городов азиатского Боспора с Родосом (стр. 202—204). Наконец, необходимо специально выделить методическое значение четко сформулированного положения о том, что в период, когда на Боспоре выпускалось сравнительно много золотых монет, основу всей его денежной системы составляло по-прежнему серебро (стр. 91, 145—146), а также большую методическую важность успешно применяемого автором при обработке весовых данных способа «весовой шкалы» (стр. 55—60).

Вместе с тем, признавая совершенно правильным метод «весовой шкалы» при изучении весовых систем, надлежит заметить, что для получения окончательных выводов о характере отдельных номиналов необходимо учесть размеры монетного кружка и штемпелей, которыми выбит каждый экземпляр. Без этого, даже и после разъяснений Д. Б. Шелова (стр. 56—59 и 61—75), остается не вполне ясным, как различали в быту, на рынке совершенно однотипные монеты Пантикапея, относящиеся к двум смежным номиналам.

История пантикапейского золотого чекана, выпукло обрисованная в рецензируемом сочинении, также дает повод высказать некоторые соображения. Д. Б. Шелов справедливо критикует А. Л. Бертье-Делагарда, считавшего, будто в основу монетных систем античного Причерноморья положен египетский кит, проникший сюда еще до основания греческих городов (стр. 75), и присоединяется к А. Н. Зографу в определении последовательности и хронологии пантикапейского золота (стр. 91—96)¹. При этом следовало бы, на наш взгляд, решительнее выделить шестую группу золотых, битую уже по аттической системе, а также уточнить хронологию трех последних групп. Со своей стороны полагаем, что IV группа относится к 330—315 гг. (скорее, к первой половине этого периода), V группа приходится в основном на время правления Евмела, а VI (т. е. монеты аттической системы) датируется первыми годами Спартока, примерно 303—294 гг. до н. э.

Правильно подчеркивает Д. Б. Шелов и то обстоятельство, что пантикапейское золото было предназначено главным образом для обращения на внешних рынках, а также удачно показывает, что оно действительно заняло в международной торговле прочное место в одном ряду с кизикскими электровыми статерами (стр. 137—140). Сомневаемся, однако, в справедливости впервые выдвинутого А. Н. Зографом и разделяемого автором мнения, что необычно высокий вес боспорских золотых объясняется тем, что они были приравнены по стоимости заключенного в них металла к кизикинам. А. Н. Зограф исходил, как известно, из того, что средний процент золота в кизикинах составляет 52%, и принимая относительную стоимость золота и серебра уже в момент начала пантикапейской чеканки как 1 : 10, приходил к тому, что кизикино весом в 16 г равен по ценности золотому весом в 9,09 г². Д. Б. Шелов видит слабые стороны этой аргументации (дело в том, что среднее золотое содержание кизикских статеров состав-

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, МИА, № 16, 1951, стр. 172—176; ср. K. Regling. Der griechische Goldschatz von Prinkipo, «Zeitschrift für Numismatik», т. XLI, 1931, стр. 30—33.

² А. Н. Зограф. Указ. соч., стр. 175.

ляет всего около 40%¹) и пытается подкрепить ее анализом судебной речи против Формиона (стр. 135—136). Но при этом он берет за основу стоимость кизикина, косвенно вытекающую из показаний ответчика (взамен долга в 2600 аттических драхм отдано якобы 120 кизикинов, откуда последний равноценен $21\frac{2}{3}$ драхмы), и пытается отвести курс, прямо засвидетельствованный обвинителем «ὁ δὲ κοζικῆνος ἔδωκετο ἐκεῖ εἰκοσι καὶ ὄκτω δραχμῶς Ἀττικῆς...»². Не говоря уже о том, что столь односторонний подход к тексту вряд ли может быть оправдан³, следует заметить, что в данном случае он и не ведет к цели: принимая стоимость кизикина, приводимую в словах ответчика, Д. Б. Шелов приходит к заключению, что пантикапейский золотой должен был иметь вес не 9,096 г, как это с удивительной точностью выдерживали боспорские монетарии (стр. 136—137), а 9,18 г.

Важное место в рецензируемой книге занимает анализ денежного кризиса на Боспоре в первой половине III в. до н. э. (стр. 107—112 и др.). В. Д. Шелов детально прослеживает ход надчеканки и перечеканки пантикапейской меди первой половины III в., останавливаясь на попытках властителей Боспора преодолеть обесценивание монеты. Общая последовательность этапов кризиса установлена, несомненно, правильно: монеты с изображениями юного сатира и львиной головы над осетром были, таким образом, сначала надчеканены на лицевой стороне изображением двенадцатилучевой звезды и на обороте — лука в горите, после чего имела место их массовая перечеканка тем же типом аверса (голова сатира) и реверсом с изображениями лука и стрелы и быстрое падение веса всей этой серии (стр. 107—109). К нарисованной автором картине можно было бы только добавить, что наложение клейм (звезда — горит) производилось всегда соединенными наподобие щипцов клеймами. Кроме того, ход клеймения и перечеканки меди в первой половине III в. оказывается несколько сложнее: нам известна уже не уникальная монета с клеймом в виде венка (стр. 107, прим. 3), а несколько таких экземпляров. Заслуживает внимания, что в одних случаях клеймо с венком наложено поверх уже имевшегося прежде клейма со звездой (т. е. надчеканке венком подвергались экземпляры, предварительно прошедшие и клеймение и перечеканку типами головы сатира и лука со стрелой), а в других — венок надчеканен на монетах, не подвергавшихся ни клеймению, ни перечеканке и выбитых на новых кружках. Это подтверждает правильность исправления Д. Б. Шеловым схемы А. Н. Зографа в том отношении, что перечеканка уже надчеканенных к тому времени сопряженными клеймами монет с изображением львиной головы и осетра происходила тогда, когда в обращении уже находились монеты с луком и стрелой. Новое клеймо (венок) одновременно налагалось и на перечеканенные монеты старого типа, и на монеты нового типа. С другой стороны, монеты с венком показывают, что резкому ухудшению фактуры и стиля и катастрофическому падению веса монет с луком и стрелой предшествовала еще одна попытка удержать их курс путем наложения на них (а заодно и на невышедшие, очевидно, к тому времени из обращения перечеканенные монеты со львиной головой и осетром) нового клейма с изображением венка. Попытка эта была недолговременной — об этом достаточно красноречиво свидетельствует редкость нового клейма, известного нам на пяти экземплярах, — и, надо полагать, столь же безуспешной, как и предыдущие. Однако сам факт подобной попытки позволяет судить, насколько острым был денежный кризис на Боспоре в первой половине III в. до н. э. и как лихорадочны были финансовые мероприятия боспорского правительства, стремившегося преодолеть или хотя бы ослабить растущие хозяйственные затруднения непрерывным клеймением, перечеканкой и новым клеймением безостановочно падающей в цене медной монеты.

В связи с историей денежного кризиса Д. Б. Шелов высказывает свою точку зрения и на породившие его причины. Критикуя А. Л. Бертье-Делагарда и В. Ф. Гайдукевича, автор подчеркивает, что «история монетного дела Боспора в III в. до н. э. не только не может быть объяснена с общепризнанной точки зрения на боспорскую экономику этого времени, но и сама решительно противоречит этой точке зрения» (стр. 148). Автор полагает, что существующая точка зрения, восходящая, в конечном счете, к воззрениям акад. С. А. Жебелева, настоятельно требует пересмотра. Нам представляется, однако, что для столь решительного разрыва с установившимися взглядами нет оснований. Отвергая установившиеся концепции экономического развития Боспора в эллинистическое время, Б. Д. Шелов вынужден объяснить денежный кризис одним лишь опустошением казны, вызванным чрезвычайными тратами в связи с междоусобиями Спартокидов после смерти Перисада (стр. 149—150), что вряд ли можно считать достаточным.

Большой удачей автора является и предлагаемая им группировка медных монет IV в. до н. э. Распределение по группам медных монет IV в. до н. э., выдвинутое

¹ F. Hultsch. Annähernde Bestimmungen der Mischungverhältnisse einiger Electromünzen. «Zeitschrift für Numismatik» т. XI, Berlin, 1884, стр. 161—166; J. Hamer. Der Feingehalt der griechischen und römischen Münzen; там же, т. XXVI, Berlin, 1908, стр. 26—33.

² Demosth. XXXIV, § 23.

³ F. Heichelheim. Wirtschaftsgeschichte des Altertums, т. I, Leiden, 1938, стр. 310—311; ср. А. Л. Бертье-Делагард. Относительная стоимость металлов на Боспоре и Борисфене в половине IV века до Р. X. «Нумизматический сборник», т. I. М., 1911, стр. 15—18.

Д. Б. Шеловым, является достаточно обоснованным во всех своих звеньях. Однако мы считаем, что монеты с изображениями бородатого сатира и лука со стрелой¹ следует объединять не с IV, а с «тяжелой» V группой золота, относя туда же в качестве младшего номинала монеты с изображением юного сатира и львиной головы². Крупные монеты с юным сатиром и головой быка мы объединяем в одну серию с монетами с юным сатиром и луком со стрелой, присоединяя к последним, вслед за Д. Б. Шеловым, в качестве младшего номинала монеты с изображениями бородатого сатира и бычьей головы³. Всю эту серию монет, непосредственно предшествующую кризису, можно считать одновременной с золотом и серебром уже аттической системы. Полагаем, что не только тетрадрахмы и дидрахмы, но и некоторые сорта серебряных драхм аттической системы можно отнести к периоду, предшествующему кризису⁴.

Не менее сложную работу успешно выполнил Д. Б. Шелов и при хронологической группировке монет конца III и II вв. до н. э. Здесь весьма важен обзор серебряных монет Пантикапея (стр. 160—164), часть которых можно, исходя из наличия серебряных монет Гигизонта, отнести еще к III в. до н. э. С другой стороны, мы не видим препятствий для приурочения монет с шапками Диоскуров к первым годам подчинения Боспора Митридату (стр. 171—172). Равным образом серебряные эмиссии Фанагории и Горгиппии, явно ориентирующиеся на Родос (стр. 176, 201—205), свидетельствуют, быть может, о том, что после подавления восстания Савмака азиатский Боспор в течение некоторого времени не находился под властью Митридата (в декрете в честь Диофанта говорится, как известно, только о взятии Диофантом Феодосии и Пантикапея⁵).

Что касается мелких упущений, то они немногочисленны. Приходится однако выразить сожаление, что от внимания автора ускользнула публикация значительного количества серебряных монет Боспора из бывшей коллекции А. Л. Бертье-Делагарда⁶.

В целом книга Д. Б. Шелова, примыкая к лучшим трудам в этой области, и прежде всего к исследованиям А. Л. Бертье-Делагарда и А. Н. Зографа, стоит на уровне современных задач советской науки. Это важное и оригинальное исследование написано с правильных методологических позиций, на основе почти исчерпывающего привлечения нумизматического материала. Издание прекрасно оформлено.

П. О. Карышковский

М. Х. Шмидехельм. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э.— V в. н. э.). Изд-во АН Эстонской ССР. Институт истории. Таллин, 1955, 269 стр.+ 60 рис.+ XVIII табл., тираж 1000, цена 15 руб. 35 коп.

Литература по археологии Прибалтики пополнилась большим монографическим исследованием М. Х. Шмидехельм «Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э.— V в. н. э.)». В этой работе, посвященной анализу локальных памятников, многие из которых раскопаны автором, опубликован новый обширный материал и ставится ряд вопросов, связанных с историей северо-восточной Эстонии.

После историографического введения и описания природных условий изучаемого района М. Х. Шмидехельм переходит к рассмотрению археологических памятников северо-восточной Эстонии.

Наиболее древними памятниками интересующего автора периода являются курганы с каменными ящиками, рассматриваемые во II главе. Читатель знакомится с тщательной публикацией памятников. Таковы курганные могильники в устье р. Пуртсе, где они сосредоточены наиболее плотно (Напа, Лиймала, Ябара), курганы на морском побережье (Вайвара и др.).

Во второй части главы о курганах имеется датировка этих памятников. Ограниченность вещевых находок привела к тому, что по вопросу о хронологии каменных курганов существовали значительные расхождения. Так, А. Фриденталь считал их памятниками эпохи бронзы. Более общепринята датировка второй половиной I тысячелетия до н. э. Автор стремится уточнить хронологию этих курганов, привлекая большой сравнительный материал как остальных областей Эстонии, так и зарубежных территорий, и приходит к выводу, что если наиболее древние каменные курганы относятся к середине I тысячелетия до н. э., то поздние памятники этого рода бытуют вплоть до I в. н. э.

¹ А. Н. Зограф. Ук. соч., табл. XL, 30.

² Там же, табл. XLI, 1, 2.

³ Там же, табл. XLI, 1, 7.

⁴ Ср. К. В. Голенко. О датировке пантикапейских тетрадрахм. КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 158—161.

⁵ IOSPE, I², № 352, стб. II, строка 40—41.

⁶ Monnaies grecques antiques provenant des doubles du British Museum, des collections de feu le général A. L. Berthier de la Garde et de diverses autres amateurs (Cat. Naville et Comp., V), Genève, 1923.

Следует отметить скрупулезность исследования небольшого материала этих могильников. В итоге М. Х. Шмидехельм убедительно показывает, что курганы принадлежали оседлому населению, обитавшему в долине р. Пуртсе, на равнинном плато к востоку от р. Кунда и на морском побережье.

Рассматриваемая глава нуждается в некоторых дополнениях. Хорошо было бы указать общее число раскопанных курганных могильников и несколько полнее дать их общую характеристику.

Начиная с главы III автор подробно публикует могильники с каменными оградками. Наиболее ранним памятником этого типа является могильник в Тойла.

Анализ находок проводится с присущей автору тщательностью на фоне большого сравнительного материала, что дает основание отнести этот могильник к I в. н. э. Отмечая новые черты в погребальном обряде, в частности в сооружении памятника, М. Х. Шмидехельм вместе с тем подчеркивает черты преемственности от курганов с каменными ящиками. Это выражается в пережиточном сохранении каменных ящиков и в известном сходстве вещевых находок.

В IV главе работы рассматриваются очень интересные могильники в Ябара, раскопанные автором. Здесь, наряду с курганами с каменными ящиками, вскрыто 3 могильника с настолько богатым и разнообразным инвентарем, что материал их дает представление о развитии материальной культуры за целое тысячелетие с V в. до н. э. до V в. н. э.

В главе V приводится материал типичного для северо-восточной Эстонии могильника в Пада, также раскопанного автором. 10 исследованных оградок этого могильника дают возможность установить несколько этапов его использования.

В главе VI рассматриваются могильники в Кохтла-Ярве.

После систематического исследования могильников в Тойла, Ябара, Пада и Кохтла-Ярве М. Х. Шмидехельм в VII главе рассматривает ряд памятников, которые известны лишь по разведочным и случайным работам, а также клады и отдельные находки периода бытования могильников с каменными оградками. Таков могильник Оявески, где в виде исключения захоронения в оградках встречаются еще в VIII—IX вв., а также в г. Раквере, Ййла, Пуртсе-Матка и др.

Публикация материалов каждого из вышеуказанных могильников сама по себе является большим и трудоемким делом. При исследовании этого рода памятников автор имел дело с хаотическим нагромождением материала в виде коллективных смешанных захоронений, чаще всего трупосожжений. После тщательного исследования М. Х. Шмидехельм удалось убедительно расчленить этот материал и наметить основные этапы бытования могильников с оградками. Шаг за шагом прослеживает автор новые черты в погребальном обряде, постепенную смену курганов с каменными ящиками могильниками с оградками, обряда труположения — трупосожжением, а также переход от однообразного инвентаря к поразительному богатству вещей в погребениях. Автор выделяет изделия местного производства и привозные.

В рассмотренных главах много тонких наблюдений; таковы выводы об эволюции погребального обряда от труположения через слабое обжигание трупа к сожжению при очень высокой температуре. Интересны заключения о способах ношения отдельных украшений и др.

Особенно следует отметить скрупулезность датировок, приводящую к тому, что из беспорядочного нагромождения предметов вырастает стройная система эволюции памятников и форм вещей за период, превышающий пять столетий.

Критические замечания по главам III—VII сводятся к следующему: посвятив указанные главы публикации материала, М. Х. Шмидехельм недостаточно удачно их скомпоновала. Первичная публикация прерывается анализом, приведением сравнительных данных, а также выводами довольно общего характера, затем снова продолжается публикация материала.

Так, при характеристике находок могильника в Ябара М. Х. Шмидехельм говорит о ножах, описывает их формы, приводит аналогии и определяет датировку. Далее подробно останавливается на основной группе фибул и здесь же ставит вопрос о возможности их попадания в Эстонию морским путем из Повисленья. Переходя к так называемой эстонской серии фибул, автор снова ставит вопрос о путях попадания, приводя взгляды ряда исследователей на этот вопрос. То же относится к браслетам и т. д.

Подобная конструкция затрудняет чтение. Если бы в главах, посвященных публикации памятников, первоначально был описан весь материал данного могильника, а затем подвергнут анализу, дающему основание для той или иной датировки, читателю было бы легче представить себе место данного памятника среди аналогичных материалов.

Не совсем ясно желание автора, пользуясь материалами каждого могильника, реконструировать историю общины, оставившей данный памятник, тем более, что этим вопросам посвящены главы IX и X. Однако поскольку в указанных чрезвычайно интересных главах поставлены и эти вопросы, нам хотелось бы остановиться на них по существу. Могильники с каменными оградками, начиная с первых веков н. э., представляют собой коллективные захоронения, вместе с тем за пределами оградок в краевой насыпи появляются индивидуальные захоронения. Эти последние рассматриваются автором в качестве признаков разложения семейных общин.

М. Х. Шмидехельм пишет: «В общем же распределение находок в оградках Яба-

расских могильников показывает, что начиная с конца III в. здесь новых оградок больше не строили, а пользовались только ранее сложенными оградками. В этом отражается, по-видимому, начало процесса разложения прежних семейных общин. Еще с большей ясностью этот процесс выражается в появлении в IV—V вв. н. э. индивидуальных погребений в коллективных усыпальницах, оградках» (стр. 110).

Сами по себе факты появления индивидуальных погребений при отсутствии других данных не дают основания для сделанного автором вывода. Так, например, в курганах восточной Литвы в IV—V вв. н. э. не отмечено коллективных погребений¹, в то время как для синхронных памятников центральной и северной Литвы характерны коллективные захоронения. Вряд ли, однако, на этом лишь основании можно сделать вывод, что процесс разложения общины в восточной Литве происходил интенсивнее, чем в центральной и северной.

Понятно желание автора видеть в переходе от курганов к могильникам с оградками отражение процесса смены животноводства земледелием, но вряд ли шесть серповидных ножей из могильника в Тойла, которые автор, как и Х. А. Моора, предположительно считает серпами, являются достаточным основанием для того вывода.

Мы не согласились бы с выводом автора о том, что община, пользовавшаяся могильником Е в Ябара, где встречено больше костных остатков и разнообразного инвентаря, опередила в экономическом отношении остальные общины, оставившие Ябарасские могильники с более скромным набором украшений.

Вряд ли даже на основании такого разнообразного набора украшений, который дает могильник Е, при крайней бедности основных орудий труда, можно ставить этот вопрос.

О недавно начатых раскопках городищ северо-восточной Эстонии говорится в главе VIII. Исследование городищ Эстонии является заслугой советской археологии Прибалтики. Эта работа лишь начинается и должна всемерно продолжаться.

Основными же источниками для изучения хозяйства и общественного строя продолжают оставаться могильные памятники. Для второй половины I тысячелетия до н. э. это — курганы с каменными ящиками, для последующего периода — могильники с оградками.

Занятием жителей в первую половину рассматриваемого периода, по мнению автора, являлось животноводство. Об этом свидетельствует размещение курганов в долинах рек, вблизи удобных пастбищ, а также остеологический материал. Прямых данных о развитии земледелия в культуре курганов с каменными ящиками не имеется.

Автор предельно полно использует немногочисленные вещевые находки курганов, рассматривая, в частности, возможные пути проникновения бронзовых изделий в северо-восточную Эстонию из Скандинавии, с юга через посредство балтийских племен и из восточных областей. Наиболее простые железные вещи в это время изготовлялись на месте.

По мнению М. Х. Шмидехельм, каменные курганы с ящиками можно рассматривать как памятники патриархальных общин. Единичный курган, содержащий 10—15 погребений, мог использоваться отдельной малой семьей, входившей в семейную общину.

Далее М. Х. Шмидехельм выдвигает предположение, что к концу I тысячелетия до н. э. земледелие на этой наиболее плодородной территории приобретает ведущее значение. Это проявляется в новой топографии могильников с каменными оградками, распространяющимися не только вдоль долин рек, но и на покрытых лесами возвышенностях. Автор считает, что в IV—V вв. н. э. северо-восточная Эстония переходит к пашенному земледелию.

Господствующая роль земледелия отражается в заметном росте населения и усилении межплеменного обмена. В северо-восточной Эстонии создается ряд специфических форм украшений: глазчатые фибулы эстонской серии, браслеты с шишечками на концах. В III—IV вв. н. э. здесь появляются крупные фибулы, вещи с эмалью и др.

Сопоставление могильников с каменными оградками с синхронными могильными памятниками остальной Эстонии приводит автора к заключению, что наиболее тесные связи существовали с теми районами, где также интенсивно развивалось земледелие. Значительно слабее связь с западной Эстонией, где, по-видимому, основным занятием обитателей в течение длительного периода еще оставалось животноводство.

Исходя из известного положения исторического материализма об отставании надстроечных явлений от развития базиса, М. Х. Шмидехельм полагает, что выделение одиночных семей, знаменующее переход к пашенному земледелию, могло происходить уже в IV—V вв. н. э. А это, в свою очередь, способствовало скоплению богатств в одних руках, о чем свидетельствуют, в частности, клады и отдельные богатые погребения, известные из западной Эстонии начиная с VI в. н. э.

В IX главе «Хозяйство и общество» выявились черты новой советской археологии Прибалтики — стремление усматривать в археологических памятниках исторический источник. Не может быть сомнения в том, что для восстановления картины хозяйственного и общественного строя украшения, которые преимущественно здесь встречаются,

¹ А. З. Таутавичус, Восточнолитовские курганы. Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (Секция археологии), М., 1955, стр. 27.

представляют недостаточный источник. Однако автор извлекает из своих материалов максимум возможного.

Наиболее убедительными доказательствами в пользу повсеместного распространения земледелия является новая топография могильников. Наряду со старыми населенными центрами возникает ряд новых, занимающих покрытые лесами водоразделы.

Орудий, свидетельствующих о развитии сельского хозяйства, найдено, к сожалению, очень мало. Это большие косари, а также серповидные ножи и топоры.

Автор вполне обоснованно полагает, что богатство и разнообразие вещевых находок отражает новые условия хозяйства. В этих условиях осуществляется как широкий межплеменной обмен, так и изготовление изделий на месте.

Специфический характер материала ограничивает исследователя и приводит его иногда к умозрительным заключениям. М. Х. Шмидехельм пишет: «Можно скорее всего полагать, что общины, хозяйство которых основывалось на коллективном, по преимуществу подсечному земледелию, сменились новыми производственными единицами — отдельными звеньями этих общин, т. е., по-видимому, обособившимися малыми семьями. Причина этого явления должна была заключаться в развитии основной отрасли производства, т. е. земледелия. К этому времени, очевидно, начинает в известной мере распространяться пашенное земледелие, для которого уже не требовалось совместного труда больших коллективов, как это было характерно для подсечного» (стр. 206).

Приведя это положение, но не имея собственно восточно-эстонского археологического материала о внедрении пашенного земледелия, автор ссылается на археологические примеры соседней славянской территории (находка сошника в старой Ладогe), а также на данные эстонского языка, где сохранилась терминология пашенного земледелия. На основании всего этого автор считает, что пашенное земледелие внедряется в северо-восточной Эстонии в IV—V вв. н. э., т. е. столетием раньше того периода, когда в погребальном обряде наблюдается переход от коллективных захоронений к индивидуальным.

Нам кажется, что состояние археологических источников исследуемой территории не дает пока оснований для установления столь ясного и определенного пути развития хозяйства и общества. Вполне вероятно, что северо-восточная Эстония действительно находилась на той ступени развития производительных сил, которая обусловила переход к пашенному земледелию. Но поскольку это еще не подтверждается археологическим материалом, выводы этого рода будут подвергаться сомнению. Автор ссылается на находку сошника в Старой Ладогe, но ведь в данном случае речь идет о памятнике, относящемся ко времени не ранее VII в. н. э. Правда, автор предполагает, что железные сошники могли иметь хождение и в более ранний период, однако до сих пор археология не располагает такими данными.

Вызывает возражение также стремление автора видеть прямую зависимость между обилием и разнообразием украшений и уровнем развития производительных сил. Так, отмечая отставание ближайших западных соседей — племен, населявших территорию между г. Таллином и Локса, М. Х. Шмидехельм замечает, что более скудная почва Харьюоского района, по-видимому, неблагоприятствовала широкому развитию производства и межплеменного обмена. Поэтому здесь и могильный инвентарь был в общем проще, ограничиваясь обыкновенно несколькими типами простых браслетов и перстней.

Нет сомнения в том, что в действительности эта зависимость гораздо сложнее и пока еще не всегда может быть показана на археологическом материале, ввиду неизученности ряда посредствующих звеньев. Известно, например, сколь скудны инвентарем удлиненные и длинные курганы — погребальные памятники славянского населения, а между тем вряд ли в настоящее время у кого-либо сохранились сомнения в том, что население, оставившее эти памятники, являлось носителем земледельческой культуры.

Нельзя не проникнуться большим сочувствием к автору в его стремлении использовать свои источники для ответа на основной вопрос — каков был способ производства общества в рассматриваемый период. Возможно, что при настоящем состоянии материалов при разрешении этого вопроса было бы целесообразнее ограничиться обобщением лишь бесспорных фактов, свидетельствующих о новом хозяйственном укладе; к ним относятся изменение топографии могильников, обряда погребения и вещевых находок, а также несомненный рост межплеменного обмена.

Существенно новым для материальной культуры является местное изготовление разнообразных металлических украшений. Все же остальные проблемы, не нашедшие еще подтверждения в археологических данных, решать было бы преждевременно.

Глава XI о хозяйстве и обществе, где изложены основные выводы о социально-экономическом строе племен северо-восточной Эстонии, естественно, привлекает наиболее пристальное внимание читателя.

Независимо от возражений автору, сводящихся главным образом к тому, что характеристика развития производительных сил и общественного строя дается значительно полнее, чем это следует из опубликованного материала, нельзя не приветствовать появление в работе подобной главы, свидетельствующей о новых путях развития эстонской археологии.

С интересом читается и весьма насыщенная фактическим материалом X глава о связях племен северо-восточной Эстонии с соседними племенами. Давние связи, особенно возросшие со II в. н. э., осуществлялись с балтийскими племенами, населявшими

территорию Латвии, Литвы и Калининградской области. Северо-восточная Эстония связана морским путем с территорией, прилегающей к устью р. Вислы, и со Скандинавией. Автор подробно прослеживает игнорировавшиеся ранее буржуазной археологией взаимоотношения с племенами, населявшими земли к востоку и юго-востоку от Эстонии. Ярким свидетельством связи северо-восточной Эстонии и Среднего Поднепровья являются изделия, покрытые эмалью, во многом сходные между собой, но имеющие свою специфику на каждой из указанных территорий. Оживленные взаимоотношения существовали между северо-эстонскими племенами и племенами Финляндии.

Материал, приведенный в главе о взаимоотношениях с соседними племенами, дает представление о полнокровном систематическом общении северо-восточной Эстонии с ближайшими и отдаленными соседями и является хорошим дополнением к главе о хозяйстве и обществе.

Некоторые положения автора, однако, спорны. Так, датировка наиболее ранних длинных курганов, выдвинутая С. А. Таракановой¹ и поддержанная автором, представляется пока проблематичной. М. Х. Шмидехельм указывает, что по мнению С. А. Таракановой длинные и удлиненные курганы стали использоваться, начиная с III—IV вв. н. э. Укажем, что сама С. А. Тараканова выдвигает еще более раннюю датировку этих памятников — II—III вв. н. э., а может быть и несколько ранее².

Постановка вопроса о датировке длинных курганов весьма интересна, но может быть принята пока лишь в качестве гипотезы. Не входя по существу в рассмотрение данного вопроса, заметим, что наиболее поздно бытовавшие могилы с каменными оградками, возможно, в какой-то мере синхронны длинным курганам, однако в целом это памятники более раннего периода. Их бытование завершается V в. н. э. Более критического отношения заслуживают использованные автором лингвистические выводы о проникновении в эстонский язык ряда восточнославянских слов, в частности из племенного языка кривичей в начале н. э. В разряд славянских памятников попадают почему-то городища с сетчатой и штрихованной керамикой, исследованные в Великолукской области, хотя занимающаяся этими памятниками Я. В. Станкевич считает их этнически близкими племенами Прибалтики³.

Очень интересны выводы автора об эмалях северо-восточной Эстонии, среди которых М. Х. Шмидехельм выделяет местные оригинальные формы, подражания и непосредственный импорт из Поднепровья.

В заключительной главе автор выдвигает вопросы этногенеза племен северо-восточной Эстонии (гл. XI).

Археологические памятники указанной территории дают основание распределить их на семь племенных групп.

На основании данных письменного источника XIII в. — «Датской поземельной книги», в которой определены границы территориальных подразделений — кихелькондов, а также данных лингвистики, автор приходит к следующему выводу: «Совпадение в общих чертах территории распространения разных групп памятников первой половины I тысячелетия н. э. с древними кихелькондами, засвидетельствованными в «Датской поземельной книге», и последних с районами распространения определенных диалектов и говоров эстонского языка дает основание полагать, что в границах исторических кихелькондов в северо-восточной Эстонии сохранились в основном границы древних эстонских племенных территорий» (стр. 235).

Из небольшого приложения о методике раскопок могильников с каменными оградками можно узнать о том, что от так называемых профильных раскопок 20-х годов эстонские археологи перешли к способу горизонтальных раскопок, т. е. первоначальному очищению стенок оградки и лишь затем разборке их заполнения.

Перечень вещевых находок из могильников с каменными оградками (Тойла, Ябара, Пада и Кохтла-Ярве) дает наглядное представление об обилии украшений и предметов личного убора, характерных для этих памятников. Знакомясь с этим перечнем вещей, можно лишний раз убедиться, сколько труда вложено в расчленение находок и анализ материала.

В заключение отметим, что работа написана хорошим, доступным языком и снабжена обильными иллюстрациями, картами, планами, штриховыми рисунками и вкладными таблицами на меловой бумаге.

С выходом в свет труда М. Х. Шмидехельм мы получили добросовестное исследование опытного археолога, которое принесет пользу не только изучающим прошлое Прибалтики и смежных с ней территорий, но и всем археологам, работающим над вопросами истории Европы в I тысячелетии до н. э. и I тысячелетии н. э.

Ф. Д. Гуревич

¹ С. А. Тараканова. Длинные и удлиненные курганы. СА, XIX, 1954.

² С. А. Тараканова. Ук. соч., стр. 106.

³ Я. В. Станкевич. Древнейшие укрепленные поселения в верхнем течении Западной Двины. Древние поселения и городища. Сб. статей по археологии СССР, Таллин, 1955, стр. 108.

О НЕКОТОРЫХ РАБОТАХ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ТЕХНИКИ

Исследования в области истории отечественной техники имеют первостепенное значение для правильного суждения об уровне развития производительных сил страны, о техническом творчестве народа. Естественно, что разработке этой темы уделяли много внимания советские историки и особенно археологи, внесшие много нового в освещение этой обширной и интереснейшей области материальной культуры. Кроме того, для ее исследования в 1944 г. была учреждена особая «Комиссия по истории техники» при Отделении технических наук АН СССР, издавшая 11 выпусков своих «Трудов» (ТИТ); в дальнейшем эта тема вошла в круг работ организованного в 1953 г. Института истории естествознания и техники АН СССР, выпустившего 7 томов своих «Трудов» (ТИИЕТ). Естественно, что первоочередное внимание было направлено на изучение истории техники нового времени и современности. И в этом отношении было сделано много ценных исследований и публикаций. Однако не были обойдены и темы истории средневековой техники, представляющие немалый интерес для археологов и историков-медиевистов. В этой статье я и коснусь некоторых работ в области древнерусской технической культуры.

На некоторых из этих работ сказалось отрицательное влияние тенденциозной «установки» на доказательство русского приоритета в различных областях науки и техники. Под ее воздействием в нашей прессе появлялись совершенно позорные с научной точки зрения статьи, утверждавшие, например, что книгопечатание было изобретено на Руси при князе Владимире Святославиче! В основе подобных «открытий» лежали явно недоброкачественные «источники», принимавшиеся наивными авторами без всякой критики. И особенно досадно, что эта тенденция отразилась и на страницах академического издания. Я имею в виду две заметки по истории воздухоплавания в России.

Б. Н. Воробьев опубликовал интересную рукопись А. И. Сулакадзева «О воздушном летании в России с 906 лета по Рождестве Христовом...»¹. Она содержит любопытные сведения о попытках «летания» в конце XVII—XVIII в., видимо, заимствованные из подлинных и доброкачественных источников. Однако следует помнить, что Сулакадзев был не только библиофил и собиратель редкостей, но и известный фальсификатор документов, не раз вводивший в заблуждение современников и потомков². Так что, публикуя рукопись Сулакадзева, следовало бы проявить большую критическую настороженность к ее содержанию и не принимать ее полностью за «чистую монету».

Эта рукопись Сулакадзева открывается цитатой летописного характера о применении князем Олегом «воздушных змеев» в виде «коней и людей бумажных вооруженных и позлащенных», запущенных мудрым князем на осажденный Царьград для устрашения греков. Еще Н. М. Карамзин, приведя, в связи с изложением сюжета об осаде Царьграда, этот текст в примечании к I тому, предпослал ему ироническую фразу: «В некоторых русских исторических повестях прибавлено следующее забавное обстоятельство...»³. Т. е. уже Карамзин считал эту фразу позднейшей добавкой, заслуживающей скептической усмешки над забавной выдумкой книжника. И странно, что современный историк техники принимает это «свидетельство» всерьез. В заметке того же Б. Н. Воробьева и О. А. Яковлевой «Применение воздушных змеев на Руси»⁴ публикуется факсимильный снимок с рукописи начала XVIII в. (Отдела рукописей библиотеки им. В. И. Ленина), содержащей данный текст. Авторы считают необходимым поиски «первоисточников» этого добавления о воздушных змеях Олега, чтобы «восстановить важное звено в развитии русских воздушных змеев, оказавших в дальнейшем значительное влияние на летательное дело в целом»⁵. Станным образом авторы не обратили внимания на такую «деталь», что бумага появляется в России лишь в XIV веке и «бумажные» змеи Олега уже поэтому должны были бы насторожить исследователей! Можно быть уверенным, что никаких древних «первоисточников» этой басни не будет найдено, так как ее «источником» является любовь к занимательной фантастике русских грамотеев XVII—XVIII вв. Это материал для истории русского фольклора, а никак не для истории русского «летательного дела в целом».

В том же выпуске ТИТ помещена статья покойного Н. И. Фальковского «Чертежи Полоцкой земли и русских городов XVI в.»⁶. Здесь автор касается серии гравированных изображений крепостей, созданных в 60-х годах XVI в. русскими инженерами в Полоцкой округе. Их рассмотрение приводит автора к довольно скудному выводу, что уже тогда русские горододелы могли умело решать сложные фортификационные задачи. На читателя, однако, производит странное впечатление наивное неведение автора о том, что публикуемые им изображения давно привлекли внимание русских ученых и им посвящены серьезные труды. Еще в 30-х годах XIX в. на них обратил внимание М. Коркунов⁷, а позднее известный витебский краевед А. Сапунов⁸. Известно

¹ ТИТ, вып. 1, М., 1952, стр. 122.

² А. Н. Пыпин. Подделки рукописей и народных песен. СПб, 1898.

³ Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. 1, СПб, 1842, стб. 88, прим.

⁴ ТИТ, вып. 1, стр. 128.

⁵ Там же, стр. 130.

⁶ ТИТ, вып. 7, стр. 113.

⁷ М. Коркунов. Карта военных действий между русскими и поляками в 1579 г. и тогдашние планы г. Полоцка и окрестных крепостей. ЖМНП, 1837, ч. XV.

⁸ А. Сапунов. Рисунки крепостей, построенных по велению царя Ивана Василь-

и имя автора этих рисунков — это секретарь Стефана Батория Станислав Пахоловицкий, о чем Н. И. Фальковский даже не упоминает. Нужно сказать, что в 1950 г. были опубликованы и результаты специальных археологических исследований по этим крепостям, внесшие много уточнений в их характеристику¹. Использование всех этих материалов позволило бы углубить и конкретизировать историко-техническую оценку исчезнувших памятников русского военно-инженерного искусства.

Интересному вопросу посвящена работа А. А. Кузина «Развитие чертежного дела в России (до XVIII в.)»². Эта тема давно ждет капитальной монографической разработки. К сожалению, статья А. А. Кузина очень мало приближает нас к решению этой задачи. Она представляет собой местами изложение общих соображений автора, местами беглый анализ некоторых чертежей, рассматриваемых им, как правило, вне связи с изучением самого строительного производства. В своей работе автор использует очень ограниченную и довольно случайную литературу. Вопрос о существовании технических чертежей до 70-х годов XVI в. решается автором просто — они должны были быть. В поисках доказательств автор дает своеобразное толкование известного текста «Повести временных лет» под 1096 г. об обмене русских железных орудий на меха у югры, как указание на «изготовление металлических изделий кузнечным способом по образцам»: «кто даст нож или секиру, дают скоро противу», — автору неизвестно, что «скура» это мех, а не наречие «скоро» (стр. 133). Автор отрицает изготовление образцов для «архитектурных» построек, так как о них «не говорят летописи» (там же), но ведь о них говорят другие письменные источники, а также изображения моделей в фресках и иконах. Доказательством глубокой древности чертежа является соображение автора о том, что чертеж был необходим зодчему для проектирования убранства храмов; при этом автор забывает многочисленные указания на определение внешних форм здания ссылками на «образцы» других построек: метод, отраженный в многочисленных порядных записях XVII в., был, конечно, обычным и для древнейшей поры; память зодчего была насыщена знанием этих образцов. Никак невозможно принять утверждение автора о том, что якобы изобразительный язык миниатюр выработался под влиянием «потребностей строительства» (стр. 136—137). Если бы автор хотя бы элементарно познакомился с историей древнерусской живописи или со специальной книгой А. В. Арциховского о древнерусской миниатюре³, он не делал бы подобных фантастических заключений. Также не требовалось, вопреки мнению автора, чертежа для «перенесения очертаний продольных сводов храмов на их внешние украшения», т. е. попросту устройства закомар. Автору следовало бы также учесть выводы замечательного исследования архитектора К. Н. Афанасьева о рабочих методах древнерусских зодчих⁴, имеющие прямое отношение к теме о чертеже. При некоторых интересных наблюдениях А. А. Кузина над немногими архитектурными чертежами (стр. 147—161) нельзя согласиться с парадоксальным и неверным основным положением, что «законы построения древнерусского рисунка ближе подводили инженерную графику к проекционному изображению, чем перспективный рисунок западноевропейской живописи» (стр. 147) и что «путь, на который встали русские чертежники XVII в., был оригинален и технически правилен» (стр. 150). Что касается последнего положения, то его, видимо, следовало бы сформулировать совсем по-иному. Чертежники XVII в. использовали единственную в то время на Руси изобразительную систему, сложившуюся в церковной живописи и миниатюре; другого «пути», на который они могли бы «стать», тогда не было; в этом была не «оригинальность» древнерусского чертежа, а его исторически определенное и закономерное своеобразие. Эта изобразительная система была глубоко условна, в ней господствовала «обратная» перспектива, и с к а ж а ю щ а я действительное положение вещей, поэтому она не могла быть и «технически правильной». И, конечно, ясно, что путь к технически точной проекции шел от реальной прямой перспективы и геометрии. Самый же анализ древнерусских чертежей должен вестись не только с позиций начертательной геометрии, но и во всеоружии знания самого древнерусского зодчества, так как только при этом условии можно относительно точно расшифровать подобные сложные чертежи и избежать имеющихся в интерпретации автора погрешностей.

Большой интерес вызывает содержание 7-го тома ТИИЕТ, где помещен ряд исследований и публикаций по истории древнерусского строительства. Однако читатель испытывает большое разочарование, когда знакомится с книгой детально.

В частности поражает удивительное незнание некоторыми авторами литературы разрабатываемых ими вопросов. Так, статья А. С. Бобкова «Сборное строительство на

евича Грозного после завоевания Полоцка в 1563 г. Витебская старина, т. II, Витебск, 1912.

¹ М. Г. Рабинович. Археологическая разведка в Полоцкой земле. КСИИМК, вып. XXXIII, М., 1950.

² ТИИЕТ, т. 3, М., 1955, стр. 131—169.

³ А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.

⁴ К. Н. Афанасьев. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. Автореферат докторской диссертации. М., 1954, и ряд более ранних публикаций того же автора.

Руси в XVI веке»¹ фактически повествует лишь о широко известном строительстве Свяжской крепости. Ему посвящены две работы специалистов², в которых тема была освещена несравненно серьезнее и детальнее, чем это сделал А. С. Бобков. Читателю, знакомому с этими исследованиями, труд А. С. Бобкова представляется слабым ученическим изложением. Как и в статьях о воздушных змеях в X веке, в статье А. С. Бобкова сказывается нарочитое стремление подчеркнуть русский «приоритет»³.

Еще большее удивление вызывает научный уровень довольно большой работы А. В. Конорова «К истории кирпича в России в XI—XX вв.»⁴. Я не могу судить, сколь серьезны суждения автора о кирпиче XVIII—XX веков и сколь полезны эти его суждения для практиков, но в отношении древнерусской части могу с уверенностью сказать, что она свидетельствует о полном незнакомстве автора с предметом, о котором он пишет. А. В. Коноров основывает свои суждения на ряде случайно прочитанных книг и статей, к тому же он многого в них не понял и, главное, миновал основную литературу вопроса. Ясно также, что автор никогда не изучал и даже не видел древнерусского кирпича в натуре и тем более не знакомился с постройками из этого кирпича. Отсюда трудность рецензирования подобной работы — нужно писать три страницы замечаний и вопросов на одну страницу авторского текста! Укажем на основное. «Введение» к работе посвящено определению условий развития кирпичного строительства на Руси — бедности Восточной Европы естественным камнем и преобладания деревянного строительства. При этом здесь смешаны в хаотическом изложении данные древности и новейшего времени. «Введение» «вводит» лишь путаницу. Раздел о «первых каменных сооружениях на Руси» изобилует ошибками и нелепостями. Так, на стр. 187—188 автор называет всего 5 «известных» древнейших каменных сооружений на Руси, тогда как их несравненно больше. Автор, видимо, не подозревает, что по каждому из этих древнейших памятников есть значительная литература, в особенности археологическая, содержащая много полезных данных как раз и о кирпиче. В суждении о «византийской кладке из кирпича-плинфы» (стр. 191 и сл.) автор опирается всего на три совершенно случайные работы, в том числе на популярную и компилятивную книжку В. Л. Снегирева о московском зодчестве и на автореферат кандидатской диссертации Б. В. Смирнова. Ясно, что на такой фактической основе ничего построить нельзя. Странно читать такие, например, признания автора: «Если общая характеристика византийской кладки во всех литературных источниках и в натуре одинакова, то в деталях эта кладка изображается по-разному» (стр. 193)! Что же является истинным «изображением» этой кладки, видно, и сам автор не знает. Кстати, древнерусская кладка имеет свои особенности и называть ее по старинке «византийской» неловко⁵. Здесь же автор утверждает, что «разночтения по размерам кирпича не имеют большого значения; известно, что до 1927 г. никакого стандарта на кирпич не было...» (стр. 193). Если бы автор дал себе труд по-настоящему изучить древнерусский кирпич XI—XII вв. и технику кирпичной кладки, то он бы легко убедился в том, что разнообразие его размеров имеет большое значение, так как оно связано с определенной системой его применения в постройке, а «разночтения по размерам» говорят о богатстве и гибкости технической мысли русских строителей. Совершенно поразительно по своей путанице и странности 194—195 о клеймах на кирпиче и «византийском влиянии» на Кавказе и в Средней Азии. Раздел «Кирпич Владимиро-Суздальской и Московской Руси XII—XV вв.» ничего о названной теме не сообщает. В этот раздел странным образом свалены случайные данные о кирпиче XII века в гг. Гродно, Смоленске и Полоцке, к Владимирской Руси не относящихся. Здесь что ни абзац, то больше изумляешься представлениям автора. Оказывается (стр. 196), москвичи XIV в. стали строить из белого камня отчасти потому, что они как «жители лесных районов недостаточно еще освоили кирпичное строительство!» Не ясно вообще, какую связь имеет лесная местность с освоением кирпича, не ясно, почему автор ни звуком не обмолвился о владимирской традиции белокаменной кладки в архитектуре ранней Москвы. Далее оказывается, что лишь на «севере Руси»

¹ ТИИЕТ, т. 7, М., 1956, стр. 112—119.

² М. К. Каргер. Крепостные сооружения Свяжска. ИОАИЭКУ, т. XXXIV, вып. 3—4, Казань, 1929; В. Н. Подклучников. Планировка и постройка древнего Свяжска. Архитектура СССР, вып. 3, 1943; См. также Д. К. Жеребов и Е. И. Майков. Русское военно-инженерное искусство XVI—XVII вв. В кн. «Из истории русского военно-инженерного искусства». М., 1952, стр. 29—32.

³ Столь же странное впечатление производит помещенная в XI выпуске ТИТ статья В. Г. Бакаева «Из истории русского мореплавания до первой половины XIII в.». Автор также полностью игнорирует (или не знает?) существующую литературу вопроса, дающую гораздо больше, нежели его очень беглое освещение темы, лишенное какой-либо попытки критического отношения к источникам. См., напр., капитальный труд В. В. Мавродина «Начало мореходства на Руси» (Л., 1949) и очерк Н. Н. Воронина «Пути и средства сообщения» (в кн. «История культуры древней Руси», т. I, М.—Л., 1951).

⁴ ТИИЕТ, т. 7, стр. 178—224.

⁵ См., напр., работу Н. И. Брунова «К вопросу о некоторых связях русской архитектуры с зодчеством южных славян» (Архитектурное наследство, т. 2, М., 1952)..

отказались от толстого шва, от добавки в раствор толченого кирпича, от смешанной каменно-кирпичной кладки, да еще стали прибавлять только в XIV—XV вв. в раствор песок. Автор и не подозревает, что все это произошло в архитектуре Поднепровья XII века и «север» к этим новшествам отношения не имеет. На стр. 204 автор пишет, что лишь в конце XVIII в. «начинается производство и более тонких керамических строительных материалов, чем кирпич» — изразцов. Неужели он не слышал об майоликах XI—XII вв., о русском изразце XVII в.?! Подобные примеры можно умножить, но и сказанного достаточно для вывода о том, что работа А. В. Конорова стоит вообще вне науки.

Рядом с названной статьей помещена заметка А. А. Ураносова «Гербы русских городов XVIII в. как материал для истории техники»¹. Эта заметка, скажу прямо, совершенно бессмысленна. Давно известно, что в эмблемах городских гербов отражались местные исторические, физико-географические и хозяйственные приметы данного города и края. Оказались в гербах и эмблемы промышленного характера. Но, как ясно было и до обзора А. А. Ураносова, эти эмблемы ничего нового для истории техники не дают. К чему же было тратить бумагу и труд на бессмысленное рассуждение?

Несравнимо серьезнее и интереснее большая работа М. Г. Милославского «Техника деревянного зодчества на Руси в XVI—XVII вв.»². Автор проделал огромный труд по разысканию в архивах новых материалов по его теме. Это сказалось в публикации новых письменных и графических документов. Особенно интересны новый чертеж деревянного дворца в Коломенском, чертеж хором в селе Либерицы с их огромной шатровой башней и чертежи ряда производственных сооружений XVII в. Собранный материал позволил автору дать довольно детальную картину технических приемов русских «древоделов». Однако, к сожалению, работа производит впечатление сырой, не очень удачно и ее построение. Так, неясно содержание глав «Принципы планировки сооружений», где никаких «принципов» не выявлено, но дано несколько примеров промышленных и жилых построек без особого их анализа; местами же текст выглядит как «заготовка материала». Можно сделать ряд замечаний и по деталям работы. Так, едва ли можно считать специализированными «резцами» обыкновенные бытовые ножи домонгольского времени и относить их к инструменту плотника XVII в. (рис. I и стр. 50—51). Сомнение вызывает утверждение автора, что еще в 1195 г. на Руси существовал лесопильный завод — «тартак Корсунский» (?!), приведенное без ссылки на источник («в летописях есть указание...», стр. 49); все данные говорят о том, что в обиходе плотнического дела пила появилась едва ли раньше XVII века. Нельзя согласиться с утверждением, что «подвязное» дело касалось лишь устройства подъемников и люлек (стр. 109), ряд источников свидетельствует, что «подвязчик» — это специалист и по сооружению лесов. Было бы нужно дать пояснения к старым, мало понятным для неискушенного читателя терминам, например «скала» (береста), «байдашные доски» (доски для обшивки судов или половые, толщиной до 1,5 вершков), «белое железо» и др., сказать, есть ли техническое различие между «доской» и «тесом» или же здесь только хронологическая разница («доска» — термин более ранний и, кажется, заимствованный из греческого) и т. п. В чертежах и схемах обязательен масштаб — так, рассматривая схемы планов и силуэтов башен на стр. 100—101, читатель не знает, действительно ли столь разнятся по величине данные объекты и какова эта величина. Однако в целом работа М. Г. Милославского должна быть оценена положительно, она обогащает наши знания о плотническом деле XVI—XVII вв., и к ней будут не раз обращаться ученые.

Интересен ряд помещенных в ТИТ и ТИИЕТ мелких заметок и публикаций. Таковы, например, статьи О. А. Яковлевой о названиях полудрагоценных камней в Московской Руси, о термине «враная» цепь и о данных открытого автором замечательного Пискаревского летописца по истории строительства и техники³, статья А. К. Трошина о применении нефти на Руси до XVIII в.⁴, сообщение А. А. Ураносова об устройстве в 1682 г. напорного водопровода в Московском Симоновом монастыре⁵.

Одним из замечательных русских архитектурных ансамблей является комплекс зданий XVI в. в г. Александрове — древней Александровской слободе и опричной резиденции Ивана Грозного. Вопрос о взаимоотношении этих зданий, их атрибуции и хронологии оставался спорным. О. А. Яковлева⁶ путем детального анализа источников убедительно восстановила облик царской усадьбы в XVI в., историю строительства ее зданий и их подлинные наименования. Так, теперь окончательно доказано, что главный собор опричной усадьбы назывался первоначально Покровским и был выстроен в 1513 г. Василием III, шатровый же храм с обширной трапезной носил имя Троицкого и был построен, как и остальные храмы усадьбы (Успенская церковь, Распятская колокольня), Иваном Грозным в 1565—1581 гг. Эти уточнения имеют большое значение для истории русского зодчества. Так, до недавнего времени большой собор

¹ ТИИЕТ, т. 7, стр. 225—232.

² Там же, стр. 44—111.

³ ТИИЕТ, т. 3, стр. 211; ТИТ, вып. III, М., 1953, стр. 115; вып. IV, М., 1954, стр. 184.

⁴ ТИИЕТ, т. 3, стр. 3.

⁵ ТИИЕТ, т. 7, стр. 251—254.

⁶ О. А. Яковлева. Кремль в Александровской слободе в эпоху Ивана IV. ТИИЕТ, т. 7, стр. 164—177.

Александровой слободы относили к строительству звенигородского князя Юрия, т. е. к первой половине XV в.¹, что очень искажало подлинную картину русского зодчества этой поры. Шатровый же храм слободы оказывался предшественником прославленной церкви Вознесения в Коломенском и также создавал большие неясности в истории шатровой архитектуры XVI в. Следует все же отметить, что О. А. Яковлева не использовала труды историков искусства, где доказанная ею концепция высказывалась давно и не раз². Однако в печати ни разу не была дана ее развернутая аргументация — это и выполняет рассматриваемая статья.

Превосходная статья В. П. Зубова «К вопросу о роли чертежей в строительной практике западноевропейского средневековья»³ дает интерпретацию крайне интересного материала не только о чертеже, но и о строительных моделях в практике средневековых зодчих. Эти данные очень важны для освещения тех же вопросов в древнерусском зодчестве. Было бы чрезвычайно ценно, если бы автор получил возможность расширить свои исследования в области организации и техники средневекового строительства и, не ограничиваясь данной статьей, дал бы капитальный труд по этой теме.

Нельзя не отметить небрежность в издании рецензируемых статей 7-го тома. Здесь много опечаток, не замеченных ни авторами, ни корректорами и не внесенных в список. Так, известный исследователь Н. Б. Бакланов упорно именуется Б. Н. Баклановым, покойный академик Б. Д. Греков — В. Грековым, в ссылке на работу известного историка П. Г. Любомира опущена его фамилия и т. д. (стр. 110—111), знаменитая книга И. Е. Забелина «Черты самобытности в древнерусском зодчестве» переименована в «Герои самобытности в древнерусском зодчестве» (стр. 118) и т. п. Не даны списки сокращений. Вообще аппарат работ составлен крайне небрежно с элементарной технической стороны, не говоря уже об отмеченной случайности и неполноте приводимой авторами литературы.

Сделанный критический обзор свидетельствует о преобладающем низком научном уровне работ в области истории древнерусской техники и малой научной квалификации их авторов. Почти во всех этих работах сказывается незнание авторами литературы по изучаемым ими вопросам, отсутствие исследования ими памятников в натуре, слабость общеисторических знаний. Не ясно, какую роль играет многолюдная редакционная коллегия «Трудов», пропускающая в печать подобные рассмотренным выше статьи (впрочем, ответственным редактором 7-го тома ТИИЕТ является автор самой слабой работы этого тома).

Особенно удивляет почти полная изоляция авторов рассмотренных статей от археологической науки, от накопленного и осмысленного ею огромного вещественного материала. Создается впечатление, что работа историков техники ведется в полном отрыве от смежных исторических наук, тогда как история техники не является особой наукой, а лишь частью исторической науки. Необходимо как можно скорее изжить этот отрыв историков техники от смежных отраслей знания, установить с ними живой контакт в исследовательской работе. Следует подумать и о специфике направления работы по истории техники. Мне представляется, что одним из основных ее направлений должна быть история именно техники и технологии производств, связанная с изучением вещей и реалий в натуре лабораторными методами и точных наук. Прекрасные образцы таких исследований у нас уже есть — к сожалению, они принадлежат не Институту истории естествознания и техники. Таковы монография Б. А. Колчина «Черная металлургия и металлообработка в древней Руси» (М., 1953), труд академика АН БССР М. А. Безбородова «Стеклоделие в древней Руси (Минск, 1956)»⁴. Следует пожелать также расширения интереса Института истории естествознания и техники в области истории техники древней Руси. Здесь непочтатый край важнейших тем. В частности, следует специально заняться разработкой истории военно-инженерного искусства, строительной техникой. Следовало бы организовать особый сектор для разработки этой богатейшей «целины». Это тем более необходимо, что западноевропейская наука давно и углубленно изучает историю техники средневековья и отставание нашей науки на этом участке недопустимо.

Н. Воронин

¹ Эта точка зрения была высказана А. И. Некрасовым (Древние подмосковные. М., 1923, стр. 4—5) и держалась довольно упорно.

² См. Н. В. Малицкий. К вопросу о датировке «Тверских» врат Александровской слободы. ИГАИМК, т. V, Л., 1927, стр. 405—407; Н. Н. Воронин и М. А. Ильин. Древнее Подмосковье. М., 1947, стр. 38; П. А. Раппопорт. Очерк хронологии русского шатрового зодчества. КСИИМК, вып. XXX, М., 1949, стр. 83.

³ ТИИЕТ, т. 7, стр. 233—250.

⁴ «Зародыши» исследований этого типа представлены в ТИТ и ТИИЕТ заметками Л. И. и М. Я. Каштановых о химическом составе цветных сплавов по данным анализа некоторых археологических вещей (ТИИЕТ, т. 6, М., 1956, стр. 209), А. В. Королева о некоторых наблюдениях над древними металлическими изделиями (ТИТ, вып. VII, М., 1954, стр. 33), Н. Н. Стосковой о металлографическом анализе ряда древнерусских украшений (ТИТ, вып. IV, стр. 126). Однако в отношении первых двух нельзя не пожелать большей увязки с историей и археологией.

АЛЕКСАНДР НАТАНОВИЧ БЕРНШТАМ

10 декабря 1956 г. на 47 году жизни скончался заслуженный деятель наук Киргизской ССР, доктор исторических наук, профессор Александр Натанович Бернштам, один из наиболее видных историков-археологов Средней Азии. В его лице историческая наука понесла большую утрату.

Александр Натанович родился 1 октября 1910 г. в г. Керчи в семье большевика-революционера, участника двух революций (1905 и 1917 гг.) и гражданской войны в Крыму.

Еще учеником средней школы Александр Натанович участвовал в археологических раскопках Н. И. Репникова в Крыму. В 1928 г. он поступил в Ленинградский университет, который и закончил по этнографическому отделению в 1931 г. В 1930 г. он стал сотрудником ГАИМКа. Закончив в ГАИМКе курс аспирантуры и защитив в 1935 г. диссертацию, он до конца своей жизни остался научным сотрудником ГАИМК — ИИМК АН СССР.

Первая научная работа Александра Натановича под названием «К методике построения археологических отделов в краеведческих музеях» была опубликована в 1929 г. С тех пор за двадцать пять лет исключительно активной исследовательской работы он опубликовал около двухсот научных трудов.

Основным объектом научных интересов Александра Натановича была археология и история Средней и Центральной Азии и специально история кочевых народов.

К началу 30-х годов археология Средней Азии в целом, и в частности археология кочевых народов, была в самом зачаточном состоянии. Александру Натановичу выпало на долю стать одним из пионеров в разработке археологической целины на огромных неисследованных пространствах степей Казахстана и Киргизии, горных районов Тяньшаня, Алтая, Памира и Ферганской долины.

Первую археологическую поездку в северную Киргизию он совершил в 1933 г. С 1936 г. Александр Натанович из года в год руководит крупными археологическими экспедициями ИИМК и республиканских научно-исследовательских учреждений. Эти экспедиции обследовали огромную территорию от гор Кара-Тау на севере и до Памира на юге, от Или на востоке до верховий Зеравшана на западе.

Двадцать археологических экспедиций, проведенных под руководством Александра Натановича, дали для науки огромный новый фактический материал, освещающий историю обследованных районов, начиная с эпохи бронзы до XVIII в. н. э.

Александр Натанович не удовлетворялся только фиксацией и описанием новых памятников. С неутомимой энергией и настойчивостью он стремился дать новым памятникам историческую интерпретацию, привлекая все имеющиеся источники, в том числе и такие трудные, как китайские и древнетюркские памятники письменности, которыми он пользовался в оригинале.

Одной из наиболее важных черт в научном облике Александра Натановича было постоянное стремление к широким обобщениям, к постановке крупных историко-теоретических проблем. В этом была, несомненно, сильная сторона его дарования, хотя он не избежал и ряда увлечений социологизаторского порядка.

Александр Натанович был одним из первых, кто с позиций марксизма подошел к рассмотрению многих основных вопросов исторического прошлого народов Средней Азии и Востока в целом. Так, в свое время имели определенное значение такие его

работы, как «К вопросу о закономерности в архаической формации» (1932), «О роли завоеваний в исторической концепции К. Маркса» (1933), «Ленин и история народов Советского Востока» (1934). В области конкретной археологии громадной заслугой Александра Натановича явилось создание периодизации археологических памятников Семиречья с эпохи бронзы (II тысячелетие до н. э.) и до XV в. н. э., основанной на материалах, добытых руководимыми им экспедициями (МИА, № 14, 1950). Работа в этом направлении была им продолжена и в соседних с Семиречьем областях Тянь-Шаня, Ферганы и Памиро-Алая (МИА, № 26, 1952). Названные работы являются основными трудами по археологии и древней истории Киргизии, Южного Казахстана и прилегающих районов Узбекистана и Таджикистана.

Наиболее древними из открытых Александром Натановичем памятников являются курганы Арпы и остатки поселений на Большом Чуйском канале, относящиеся к эпохе бронзы. Александру Натановичу принадлежит честь открытия сакской культуры на территории Средней Азии. Блестящей страницей в археологии Средней Азии является исследование им сакских могильников на Памире, археологическое изучение которого было впервые осуществлено рядом его экспедиций. Именно в этот труднодоступный район нашей Родины была совершена его последняя поездка летом 1956 г. Им было положено начало изучения оседлых поселений Семиречья, средней Сыр-Дарьи и Ферганы (раскопки древнего Тараза, Сарыга, Ак-Пешипа, Отрара, Касана и др.).

В своих работах «Очерк истории Семиречья» (1950), «Древняя Фергана» (1951), «Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии» (1947), «К вопросу о происхождении киргизского народа» (1955) на основании главным образом изучения археологических материалов, с привлечением всех других доступных источников, он разработал вопросы истории народов Киргизии, Казахстана и Узбекистана.

В отношении этногенеза тюркских народов особое значение Александр Натанович придавал (быть может, с некоторым понятым преувеличением) появлению гуннских племен в Семиречье («Очерки истории гуннов», 1951).

Наряду с археологическими исследованиями Александр Натанович вел работы в области тюркологии. На основе исторического анализа знаменитых орхоно-енисейских рунических надписей он дал обобщающую картину общественного строя древних тюрков VI—VIII в., чему он посвятил ряд отдельных исследований и кандидатскую диссертацию «Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI—VIII вв.» (1946). Одноименно им опубликован ряд статей по тюркской и уйгурской эпиграфике и нумизматике.

Очень много сделано Александром Натановичем в области изучения культуры и искусства кочевых народов Средней Азии. Этому вопросу посвящены такие работы, как «Архитектурные памятники Киргизии» (1950); «Эпоха возникновения великого киргизского эпоса „Манас“» (1946). Особо необходимо отметить также публикацию им собранных художником Рындиным многочисленных образцов киргизского национального узора.

Большой заслугой Александра Натановича является переиздание важных для истории Средней Азии классических трудов русских востоковедов В. В. Бартольда и Н. Я. Бичурнина.

Александр Натанович постоянно и живо откликался на все новые труды и исследования как советских, так и зарубежных ученых, опубликовав большое количество рецензий и критических обзоров.

Будучи истинно советским ученым, Александр Натанович много уделял внимания широкой популяризации достижений археологической и исторической науки. Его многочисленные специальные брошюры, статьи в местных периодических изданиях сыграли большую роль в воспитании местной интеллигенции.

Сейчас у свежей могилы невозможно в полной мере и всесторонне охарактеризовать напряженную, кипучую научную деятельность столь безвременно ушедшего от нас Александра Натановича. Его путь в науке был нелегким. Наряду с большими успехами, он испытал и горечь отдельных неудач.

А. Н. Бернштам, прошедший славный путь комсомольца, был принят в 1940 г. в Коммунистическую партию. Он вел большую общественно-политическую работу.

Любовь к науке Александр Натанович привил и своим ученикам, он увлекал их романтической наукой труда, вложил в них частицу своего энтузиазма. Александр Натанович никогда не делал секрета из своей работы. Он охотно делился своими мыслями и гипотезами, часто делая своих учеников соучастниками в процессе своего научного творчества. Особо велика заслуга Александра Натановича в подготовке кадров из местных национальностей.

В лице Александра Натановича советские историки потеряли ученого, беззаветно преданного науке, энтузиаста исследователя, человека глубоко преданного делу Коммунистической партии.

За выдающиеся научные заслуги ему было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки Киргизской ССР. Он был награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалью «За доблестный труд».

Он умер в расцвете сил, не завершив своих творческих замыслов, оставив ряд больших подготовленных трудов.

Товарищи по работе и ученики навсегда сохраняют память об Александре Натановиче как о талантливом ученом и прекрасном отзывчивом человеке.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПЛЕНУМЫ И КОНФЕРЕНЦИИ 1956 г.

21—24 февраля 1956 г. в Киеве состоялась VIII конференция Института археологии. Конференция открылась докладом директора института С. Н. Бибикова «Состояние и ближайшие задачи археологической науки на Украине». В докладе были подведены итоги археологического изучения Украины и отмечены нерешенные и спорные вопросы ее древней истории.

Вопросам ранней истории восточного славянства и процессу образования древнерусского государства — Киевской Руси был посвящен доклад члена корр. АН СССР Б. А. Рыбакова «Славяне и Русь». Докладчик произвел анализ римских, византийских, славянских и восточных источников о славянах и русах, остановился на вопросе о границах заселения славян и смежных народов и поднял ряд проблем, связанных с образованием древнерусского государства.

Академик АН УССР П. П. Ефименко выступил с докладом «О периодизации позднего палеолита Восточной Европы», в котором поставил вопрос о продвижении охотничьих племен Средиземноморья в область Южной Европы. Именно с этим продвижением докладчик связывает слои памятников Костенковского района, имеющие орнэякские признаки.

С докладом «Новые данные о раннеславянских племенах в Верхнем Поднепровье» выступил П. Н. Третьяков. Он изложил основные результаты работ славянской экспедиции ИИМК АН СССР. Докладчик делит исследованные экспедицией памятники на 3 группы: городища и могильники так называемой милоградской культуры (VII—VI вв. до н. э.), зарубинецкие памятники (II в. до н. э.—IV в. н. э.) и городища, селища и могильники второй половины I в. н. э.

И. Г. Шовкопяс доложил об исследовании и реконструкции жилищ Мезинской стоянки. А. И. Тереножкин прочел доклад о Среднем Поднепровье в начале железного века, в котором поставил вопрос о существовании на этой территории крупных бронзолитейных центров в IX—VII вв. до н. э.

В. Д. Блаватский в докладе о периоде эллинизма в Северном Причерноморье, охарактеризовав особенности этого района, выделил ранний, так называемый протоэллинистический период его истории.

В. И. Довженко сделал доклад о древнерусской государственности в период феодальной раздробленности. Докладчик считает вопреки установившемуся мнению, что единство Киевской Руси в XII—начале XIII вв. продолжало существовать, а связи между отдельными частями страны укреплялись.

На заседаниях секции первобытной археологии было заслушано и обсуждено 25 докладов. А. А. Формозов сообщил о раскопках 1954—1955 гг. на крымской мутьерской стоянке Кабази.

Об изучении остатков погребения на стоянке Староселье доложил М. М. Герасимов, который находит возможным считать погребение принадлежавшим протонегроиду, т. е. предшественнику человека гримальдийского типа.

Об изучении фауны Мезинской палеолитической стоянки доложил И. Г. Подопличко. Итогам раскопок эпипалеолитической стоянки Сюрень II посвятила свой доклад Е. А. Векилова. Об открытии в 1954 г. эпипалеолитической (тарденуазской) стоянки у с. Гребеники (Одесская обл.) рассказал П. И. Борисковский. Вопросу о возможности сопоставления неолитических культур с древними этническими общностями был посвящен доклад А. Я. Брюсова.

Значительное число докладов было посвящено изучению трипольских культур. Следует отметить доклады В. Н. Даниленко «Неолит Побужья и вопрос о сложении Трипольской культуры», в котором ставится вопрос о сложении культуры Триполья на основе местных неолитических племен, Е. К. Черныш — об энеолитических слоях поселения у с. Низвиско (Станиславская обл.) и др.

Об итогах работы Молдавской экспедиции в Поднепровье в 1955 г. доложила Т. С. Пассек. Особого внимания заслуживают раскопки позднетрипольского могильника у с. Выхватинцы и дотрипольского поселения у с. Флорешты.

Об исследовании наскальных рисунков холма «Каменная могила» было доложено М. Я. Рудинским. Е. Ф. Лагодовская рассказала о раскопках поселения ранней бронзы у с. Михайловки на Нижнем Днестре. И. В. Синицын сопоставил материал раннебронзового поселения у х. Репино (Поволжье) с поселением у с. Михайловки.

А. В. Добровольский сообщил о раскопках поселения средней поры бронзового века Бабино III. Ю. Н. Захарук сделал доклад о раскопках поселения культуры шуруровой керамики у с. Ставок (Волынь). По темам эпохи бронзы выступили также А. Н. Мелюхов, Н. М. Шмаглий, С. С. Березанская и др.

На заседании секции скифо-сарматской археологии было заслушано 16 докладов.

В. А. Ильинская на основании изучения памятников марьяновского, малобудковского, бондарихинского и юхновского типов сделала доклад о происхождении культуры раннежелезного века в левобережной лесостепи УССР. Что касается скифской культуры Посульско-Донецкого типа, то докладчик считает, что она сформировалась на основе местных позднесрубных племен. Среди докладов об археологических раскопках следует отметить доклад Б. Н. Гракова и А. И. Тереножкина о работах в 1955 г. на Субботовском городище, давшем большой материал для характеристики белогрудовского и чернолесского этапов, А. И. Мелюковой об исследованиях памятников VIII — нач. VII в. до н. э. на Среднем Днестре, Г. И. Смирновой о раскопках памятников культуры фракийского гальштата на р. Пруте, Н. Н. Погребовой о Знаменском и Гавриловском городищах, М. И. Вязьмитиной о сарматском поселении у с. Золотая Балка (Херсонская обл.), П. Н. Шульца об изучении таврского укрепления на г. Кошка в Крыму и др.

На заседаниях секции античной археологии было прослушано 19 докладов. Об исследованиях античных поселений восточного Крыма доложил В. Ф. Гайдукевич. С докладом об изучении сельских поселений европейского Боспора выступила И. Т. Кругликова.

Раскопкам в Нимфее было посвящено сообщение М. М. Худяка. Доклад А. А. Передольской трактовал о художественно-историческом значении терракот кургана Большая Близица. С докладом о раскопках в Херсонесе выступил Г. Д. Белов, сообщивший об открытии эллинистического дома III — II вв. до н. э. Об открытом в 1954—1955 гг. античном театре в Херсонесе доложил О. И. Домбровский. Исследованиям на Ольвийской агоре в 1954—1955 гг. был посвящен доклад А. Н. Карасева. О римской цитадели в Ольвии, исследованной в 1954—1955 гг., сообщила Т. Н. Книпович.

На секции славяно-русской археологии было заслушано 24 доклада.

С докладом о новых материалах и археологической карте Прикарпатья в Волыни выступил М. Ю. Смишко. Сообщение о раскопках могильника черняховского типа в г. Лиховице (Полтавская обл.) в 1955 г. сделал Д. Т. Березовец. Раскопкам памятников этой же культуры были посвящены доклады Е. В. Махно, А. Т. Брайчевской и Э. А. Симоновича. О раскопках и разведках в Припятском Полесье за последние годы сделал доклад Ю. В. Кухаренко. Докладчик сближает зарубинецкие памятники Полесья, как и всю культуру, с западными памятниками пшеворской культуры. О месте роменско-боршевских городищ среди древних славянских памятников говорил в своем докладе И. И. Лянушкин.

О раскопках Пастырского городища доложил М. Ю. Брайчевский. Среди других докладов следует отметить доклады Т. Н. Никольской об исследовании раннеславянских поселений на верхней Оке, В. В. Аулиха о раскопках древнерусского поселения у с. Рипнева (Львовская обл.) и др.

М. К. Каргер сделал доклад о работах Галицкой экспедиции в 1955 г. Изучению княжеских, боярских и церковных дворов IX—XIII вв. на территории «города Владимира» в Киеве был посвящен доклад В. А. Богусевича.

В принятом конференцией постановлении наиболее важной задачей археологов, работающих на территории Украины, признано осуществление широких экспедиционных исследований на Днепре, Осколе, в Нижнем Приднепровье, Северном Крыму и в ряде других районов, которые связаны со строительством новых гидроузлов.

* * *

24—29 марта 1956 г. на кафедре археологии Исторического факультета МГУ состоялась вторая студенческая археологическая конференция. В работе конференции приняли участие студенты 15 университетов СССР (Московского, Ленинградского, Киевского, Среднеазиатского, Сталинабадского, Вильнюсского, Тартуского, Томского, Иркутского, Воронежского, Молотовского, Кишиневского, Харьковского, Рижского и Ижевского педагогического института). По приглашению московских археологов на конференцию прибыли студенты Варшавского и Пражского университетов.

Молодых участников конференции приветствовал декан Исторического факультета МГУ проф. А. В. Арциховский.

Было заслушано около 30 докладов и сообщений, охватывавших обширный круг вопросов археологии от эпохи палеолита до средневековья.

Раскопкам многослойного палеолитического поселения Костенки XVII, открытого П. И. Борисовским в 1953 г., был посвящен доклад Н. Праслова (Воронеж). Докладчик вслед за П. И. Борисовским рассматривает верхний и нижний культурные слои как сравнительно близкие между собой и относит их к средней поре верхнего палеолита.

В докладе С. Астахова (Москва) были рассмотрены методические приемы и последовательность их применения при обследовании древних пещер с целью обнару-

жения в них следов палеолита. Погребениям Костенковско-Боршевского района эпохи верхнего палеолита был посвящен доклад Л. Тарасова (Ленинград). В докладе Г. Коробковой (Ленинград) «Некоторые вопросы развития мезолита юго-запада СССР» был поднят вопрос о промежуточном положении культуры мезолитических стоянок в юго-западных районах Европейской части СССР, которые докладчик сближает с крымской и деснинской локальными группами памятников этой эпохи.

С. Ошибкина (Москва) доложила о дальневосточной неолитической стоянке Тетюхе. Дискуссионным вопросом относительной хронологии неолита Прибайкалья был посвящен доклад Р. Васильевского (Ленинград). О новых памятниках неолита и эпохи раннего металла в Карелии рассказал Ю. Савватеев (Петрозаводск).

Е. Неуступный (Прага) доложил о хронологии неолита Средней Европы и о его отношении к Восточной Европе. Докладчик высказал ряд интересных соображений о датировках раннего этапа Триполья. Значительный раздел доклада был посвящен формам хозяйства неолитических культур. Е. Неуступный предполагает наличие земледелия в хозяйстве племен линейно-ленточной керамики.

В докладе В. Свинина (Иркутск) «Археологические исследования долины р. Куды (правый берег Ангары)» были освещены итоги археологических работ, проведенных в этом районе под руководством А. П. Окладникова, Н. Новгородова (Москва) в докладе о происхождении карасукской культуры подняла вопрос о взаимоотношении местных и восточных элементов в этой культуре и проследила местные афанасьевские традиции в инвентаре карасукских погребений. Одновременно Н. Новгородова показала влияние культур бронзового века Внутренней Монголии и Китая на сложение карасукской культуры.

Н. Бадер (Москва) доложил о последних разведках Камской археологической экспедиции в районе г. Молотов — устье р. Белой. Докладчик проследил связи обследованных стоянок с чувоской группой памятников эпохи бронзы Гаринского и Борского этапов.

О племенах унегицкой культуры, о ее датировках и связях с другими синхронными культурами сделал доклад В. Моуха (Прага).

Е. Зизак (Варшава) сообщил о своей работе над темой «Римский скульптурный портрет». Э. Яковенко (Киев) рассказал о раскопках ольвийской агоры, где были обнаружены следы древних храмовых сооружений V—III вв. до н. э. Доклад И. Поздеевой (Москва) был посвящен раскопкам некрополя в Горгиппии. Яркий материал этих раскопок раскрывает древние связи Горгиппии с Боспором, Прикубаньем и городами Средиземноморья. О своих работах по истории античных городов Северного Причерноморья рассказали также Г. Кошеленко (Москва), В. Шургай (Ленинград) и др.

Н. Кетрару (Кишинев) сделал доклад о керамическом производстве племен Поднепровья во II—IV вв. н. э.

Доклад М. Алешковского (Москва) был посвящен социальному составу русского войска X—XII вв. Докладчик сопоставил археологические и письменные источники и выделил различные социальные группы древнерусского войска.

О раскопках Червенских городов польскими археологами доложила Б. Завадская (Варшава); на материале этих памятников докладчик проследил древние связи между русским и польским народами.

Среди других докладов следует отметить доклады Н. Мажитова (Молотов) «Преемственная связь между ломоватовской и родановской культурами», Р. Малтсе и Л. Будашиной (Тарту) «Древнее Тарту», А. Мережина (Ташкент) «Керамическая печь средневекового Мерва XII — начала XIII вв.», М. Аминджановой (Ташкент) «Крепостные стены средневекового Мерва», В. Могильникова (Молотов) «Костерезное производство у коми-пермяков в IX—XV вв.», Л. Кольцова (Москва) «Новые мезолитические памятники Верхней Волги».

С большим интересом были заслушаны доклады А. Кемписты (Варшава) о работе сектора археологии Варшавского университета за десять лет и М. Стеклы (Прага) о постановке археологических исследований в Чехословакии. Подобные информации и обмен опытом работы оказались весьма полезными.

С. А.

* * *

С 2-го по 7-е апреля 1956 г. в г. Ленинграде проходила сессия Отделения исторических наук и пленум Института истории материальной культуры, посвященные итогам полевых исследований ИИМК за 1955 год. На пленуме присутствовали в качестве гостей ученые Голландии, Чехословакии, Польши и других стран.

Во вступительном слове акад. М. Н. Тихомиров дал общую оценку полевым исследованиям ИИМК за 1955 г.

Проблемам этногенеза славян был посвящен доклад П. Н. Третьякова, который высказал предположение, что культуры, относящиеся к балтославянским племенам, возникли в среде позднеолитических культур Европейской части СССР, а также среднеднепровской и фатьяновской культурах. Зарубинецкую культуру, сменяющую эти культуры, докладчик считает раннеславянской. Доклад П. Н. Третьякова вызвал оживленное обсуждение. В прениях выступали М. И. Артамонов, М. А. Тиханова, А. И. Тереножкин, член-корр. АН СССР Б. А. Рыбаков и др.

Доклад А. П. Окладникова, посвященный вопросу о времени и условиях становления человеческого общества, был вместе с тем ответом на статью Б. Ф. Поршнева¹. Критикуя неправильные взгляды Б. Ф. Поршнева, докладчик предложил следующую последовательность этапов истории первобытного человека: 1 — Время высокоорганизованных обезьян и инстинктивных форм труда, 2 — Время питекантропа-неандертальца — первобытных формирующихся людей. С появлением труда на этом этапе возникает человеческое общество, зачатки абстрактного мышления и сознательного труда. 3 — Появление современного человека, сложение материнского рода и больших расовых групп.

В докладе Г. Ф. Дебеца «Современное состояние палеоантропологических исследований в СССР» был сделан вывод о том, что южные области СССР примыкали или непосредственно входили в зону, где протекал процесс очеловечения обезьян.

Доклад Б. В. Горнунга «Проблема распространения индоевропейской речи в доисторические эпохи» был посвящен сопоставлению лингвистических и археологических данных с целью исследования истории индоевропейского языка-основы.

А. В. Арциховский доложил о раскопках в Новгороде в 1955 г. Открыта новая улица — Козьмодемьянская, где раскопан каменный дом посадников. Берестяные грамоты, найденные в 1955 г., дают новый материал по истории землевладельческого хозяйства. Грамоты доказывают, что новгородские посадники были не купцами, а землевладельцами.

О раскопках в Тейшебаини рассказал Б. Б. Пиотровский. Найдено большое количество вещей, рисующих быт и культуру урартского центра VII в. до н. э. Обнаружены клинописные документы о хозяйстве города. Прослеживаются связи с Ассирией, Передней Азией, Египтом, скифским миром и т. д.

Е. И. Леви сделала доклад о раскопках Ольвийский агоры, где были обнаружены храмы V—III вв. до н. э., эпиграфические памятники, большая цистерна, много терракотовых статуэток и др. материалы.

Об итогах исследований Молдавской экспедиции в 1955 г. было доложено Т. С. Пассек, которая остановилась на интересных раскопках неолитических и неолитических поселений и могильников в зоне затопления Дубоссарской ГЭС.

С. С. Черников рассказал о некоторых результатах работ восточно-казахстанской экспедиции. Экспедиция обнаружила памятники мустьерской эпохи, неолитические дюнные стоянки, раскопала памятники андроновской культуры и т. п.

Археологическим исследованиям в долине р. Ангары и на Дальнем Востоке в 1955 г. был посвящен доклад А. П. Окладникова. Поселение у г. Братска в низовьях р. Ангары дало материал, начиная с неолита и до эпохи раннего железного века. Раскопаны памятники дальневосточного неолита и культуры «раковинных куч».

О. Н. Бадер доложил о работах Камской археологической экспедиции за 10 лет. Исследованы палеолитические и мезолитические стоянки. Выделена камская неолитическая культура. Стоянки эпохи бронзы, раскопанные экспедицией, докладчик связывает с турбинской культурой. Исследованы памятники ананьинской, пьяноборской, ломоватовской и других культур вплоть до XVI—XVII вв.

Е. И. Крупнов в докладе «К археологическому изучению Северо-Восточного Кавказа и Северо-Западного Прикаспия» сообщил о вновь выявленных неолитических памятниках. Большой интерес представляет курганная группа у с. Ачикулак, давшая материал по древнейшей и сарматской культурам. Могильник у с. Лугового дал вещи позднеобанской культуры. Докладчик считает, что в эпоху неолита Северный Кавказ и Закавказье были объединены одной культурой.

В докладе члена-корр. АН СССР Б. А. Рыбакова «О перспективном плане археологических работ ИИМК АН СССР», было указано на существенные недостатки в области археологических исследований и в публикации материалов. Необходимо ликвидировать белые пятна на археологической карте. Остановившись на решениях XX съезда КПСС в области науки, Б. А. Рыбаков выдвинул и новые задачи — организацию укрупненных экспедиций и постановку больших исторических проблем, создание популярной литературы по археологии. Необходимо издание очерков по археологии СССР, пособий по методике и т. д.

Присутствующий в качестве гостя профессор Глазема рассказал об успехах археологической науки в Голландии.

Кроме пленарных заседаний, работало 9 секций.

В секции палеолита были заслушаны доклады С. Н. Замятина о многослойном гроте Сосуру в Кабарде, академика АН УССР П. П. Ефименко о находках микролитических орудий в гроте Чох в Дагестане, А. П. Черныша об исследовании стоянки Милодова V на Днестре, М. М. Гусейнова об изучении каменного века в Азербайджане.

Большой интерес вызвал доклад В. П. Любина о новых ашельских и мустьерских местонахождениях в Южной Осетии. Кроме того, с докладами выступили И. Г. Шовкопляс, П. И. Борисовский, Х. Алпысбаев, А. Н. Рогачев, А. А. Величко, Д. Я. Телегин, А. А. Формозов, Е. А. Векилова, А. Д. Столяр, Э. А. Вангенгейм.

На секции неолита и бронзы было заслушано 24 доклада. О раскопках поселений эпохи неолита в Западном Поволжье доложил П. Д. Степанова. Д. А. Край-

¹ Б. Ф. Поршнева. Материализм и идеализм в вопросах становления человека. Вопросы философии, 1955, № 5.

нов сообщил о раскопках торфяника Кора в Ярославской области. Р. В. Федорова сделала доклад о применении в археологии спорово-пыльцевого анализа. С докладами также выступили В. Н. Левенок, Б. А. Латынин, О. Г. Шапошников, Т. Г. Мовша, Г. А. Иноземцев, В. А. Ильинская. Об археологических работах в Башкирской АССР и Челябинской области рассказали А. В. Збруева, К. В. Сальников, Л. Я. Крижевская, Н. П. Кипарисова. О работах в 1955 г. по изучению памятников полтавской и срубной культур доложил Н. Я. Мерперт. С докладом «Полевые работы Узбекской археологической экспедиции в 1955 г.» выступил В. А. Шишкин. В. М. Массон сделал доклад «Основные вопросы изучения неолита и бронзы Южного Туркменистана». Об археологических работах на целинных землях Казахстана доложил К. А. Акишев. Археологическим раскопкам и разведкам в Сибири были посвящены доклады М. П. Грязнова, У. Э. Эрдниева, А. Н. Липского. Об исследованиях на Дальнем Востоке рассказали Р. В. Чубарова, В. Е. Ларичев и Г. А. Пытляков.

На секции раннего железа были заслушаны доклады К. В. Бернякович о раскопках могильников начала железного века в Закарпатье, Б. А. Шрамко о следах земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья, А. П. Манцевич о головке быка из кургана на р. Калитве, П. Н. Шульц рассказал о раскопках Таврского укрепления на г. Кошка в Крыму, А. Н. Карасев — об охранных раскопках в Неаполе Скифском. Д. Б. Шелов доложил о раскопках памятников скифского времени на Нижнем Доне. Среди докладов следует отметить сообщения И. С. Каменецкого, Н. В. Анфимова и др. Проблемам истории сарматской культуры были посвящены доклады К. Ф. Смирнова о Быковских курганах в Сталинградской обл., И. В. Синицина, В. С. Сорокина, В. В. Гинзбург и Б. В. Фирштейна. О прикамских и уральских археологических памятниках доложили Г. В. Юсупов, В. Ф. Генинг, А. И. Рассадович. Об археологических работах в Туве было доложено Л. Р. Кызласовым и А. Д. Грачем. Большой интерес вызвал доклад члена-корр. АН СССР С. В. Киселева о раскопках Большого Салбыкского кургана. А. В. Давыдова рассказала об исследовании Иволгинского городища — памятника забайкальских гуннов.

На секции античной археологии был заслушан доклад В. Д. Блаватского о раскопках в Пантикапее в 1955 г. В. Ф. Гайдукевич и И. Т. Круликова выступили с докладами об исследованиях в Восточном Крыму и о сельской территории Боспора. О раскопках Фанагории рассказала М. М. Кобылина. Доклад об исследованиях Гермонасы сделала И. Б. Зеест. Среди других докладов следует отметить доклады И. В. Поздеевой, Н. И. Сокольского, Н. А. Онайко, Н. А. Богдановой.

Об изучении Херсонеса доложили Г. Д. Белов, В. В. Борисова и С. Ф. Стржелецкий. О работах в Ольвии рассказали К. Э. Гриневич, Л. М. Славин, А. Н. Карасев, К. С. Горбунова.

На секции славяно-русской археологии были заслушаны доклады М. А. Тихановой о работах Среднеднестровского отряда Славянской экспедиции в 1955 г., И. С. Винокура — о волынской группе раннеславянских памятников и о проблеме летописных волынян, Э. А. Рикмана — о могильнике и селище первых вв. н. э. у с. Будешты, С. А. Изюмовой о материале тульских городищ середины второй половины I тысячелетия н. э., А. Н. Москаленко о раскопках городища боршевского типа у х. Титчиха Воронежской обл., Я. В. Станкевич о памятниках второй половины I тысячелетия н. э. в верхнем течении Западной Двины и др. Среди докладов следует отметить доклады А. Т. Брайчевской, Е. А. Шмидт и Н. Д. Русинова. О Попадьянском селище — VI—VII вв. — в Ярославской обл. доложила Е. И. Горюнова. Об итогах Галицкой экспедиции сделал доклад М. К. Каргер. А. Л. Монгайт доложил о работах Рязанского отряда Среднерусской экспедиции. Работам по изучению древнерусских городов были посвящены доклады Н. Н. Воронина, Д. А. Авдусина, Г. П. Гроздилова, М. Г. Рабиновича, В. Р. Тарасенко, П. А. Раппопорта. Б. А. Рыбаков сделал доклад о Тмутараканском храме 1023 г. Б. А. Колчин посвятил свой доклад исследованию железообрабатывающего ремесла в Новгороде. О средневековых памятниках Крыма были сделаны доклады О. И. Домбровского и Е. В. Веймарна. В работе секции приняли участие М. А. Фронджуло, М. А. Безобразов и др.

На секции по археологии Кавказа было доложено об итогах работ Азербайджанской экспедиции (доклад А. А. Иессена). С. И. Надимашвили рассказал о работах Горького музея по изучению памятников энеолитической эпохи во Внутренней Картли и Южной Осетии. А. А. Мнацаканян посвятил свой доклад могильникам X—XI в. до н. э. у с. Цамакаберд и Лчашена (Армянская ССР). О разведках в Кирово-Канском районе Армянской ССР доложил А. О. Мартиросян. Раскопкам холма Арин-Берд-цитадели урартского города Ерпуни посвящен был доклад И. М. Лосевой. О клинописной табличке из Кармир-Блура, найденной в 1955 г., рассказал Н. В. Арутюнян. Среди других докладов следует отметить доклады В. В. Бобина, А. И. Джавахишвили, А. С. Башкирова, Л. И. Лаврова, С. С. Кусаевой, В. И. Канивец.

В работе секции археологии Средней Азии приняли участие А. Н. Бернштам, сделавший доклад об историко-культурных связях и основных исторических этапах развития населения Восточного Памира, С. С. Сорокин, посвятивший свой доклад глиняным статуэткам из Хотана, В. М. Массон, поставивший в своем докладе вопросы периодизации истории племен Южного Туркменистана эпохи неолита и бронзового века, Л. П. Зяблин, В. И. Сариниди, Г. А. Пугаченкова, Н. Г. Горбунова, Б. Э. Гамбург. Были заслушаны доклады С. А. Ершова об изучении Байрамалинского оссуария некрополя III—VII вв. н. э., В. А. Шишкина о работах в Узбеки-

стане, А. М. Беленицкого об исследованиях Таджикской экспедиции, И. М. Дьяконова и В. А. Лившица о работе над парфянским архивом из Нисы, Л. И. Альбаум о росписях V—VI вв. н. э. в Балашик-Тепе, а также Б. Я. Стависского и М. Х. Урманова, О. Г. Большакова, А. Г. Подолого, Б. А. Латынина и др.

На секции по археологии Прибалтики были заслушаны доклады Н. Н. Гуриной о неолитических памятниках в Восточной Прибалтике, Л. В. Ванкиной о торфяниковом поселении Сарнате, Л. Ю. Янитса о раскопках на неолитических поселениях (Валма и Тамула) и на более поздних памятниках Эстонской ССР. О раскопках в Латвийской ССР доложил Т. Я. Зейд. В работе секции приняли участие А. З. Таутавичус, рассказавший об археологических работах в юго-восточных районах Литовской ССР, А. Г. Митрофанов, К. Т. Ковальская, Р. Я. Денисова, В. К. Труммал, Л. П. Терентьева, В. К. Миллюс, Н. В. Шлыгина и др.

Секция нумизматики заслушала доклады Л. Н. Казамановой «К вопросу о „котлах и треножниках“ в критских надписях», П. О. Карышковского о курсе кизикина в Причерноморье, Д. Б. Шелова об Анапском кладе монет Боспора. О находках римских монет в Восточной Европе доложил В. В. Крпоткин. О комплексной систематизации русских монет рассказала Н. Д. Мещ. О русском денежном термине алтын выступили с сообщениями И. Г. Сласский и В. Л. Янин. С. А. Янина посвятила свой доклад генеалогии ханов Золотой Орды. О. И. Смирнова сделала доклад о последних находках согдийских монет в Пянджикенте. С докладами выступили А. А. Быков, И. В. Соколова, Л. Л. Полевой, И. Г. Добровольский, И. Л. Джалагания, Л. П. Харко, М. В. Воробьев, Г. А. Федоров-Давыдов, В. М. Брабич, Ю. С. Крушкол.

На сессии отмечалась слабая координация археологических работ, осуществляемых в союзных республиках. В резолюции, принятой Сессией и Пленумом, указывается на необходимость созыва Всесоюзного Археологического совещания по вопросам координации работы во всех союзных республиках, а также по вопросам охраны памятников.

Г. Ф.

* * *

21—26 мая 1956 г. в Москве состоялась конференция ИИМК АН СССР, посвященная процессу исторического развития античных государств Северного Причерноморья.

В работе конференции приняло участие свыше ста научных работников-археологов, историков и лингвистов из 22 городов Советского Союза (Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Тбилиси, Одессы, Ростова, Симферополя, Севастополя, Керчи и других городов), представляющих 38 научных учреждений страны.

Открывая конференцию, член-корр. АН СССР Б. А. Рыбаков отметил плодотворную работу советских антиковедов и остановился на задачах и перспективах их дальнейшей работы.

На заседаниях было заслушано 16 докладов.

С докладом на тему «Процесс исторического развития античных государств Северного Причерноморья» выступил В. Д. Блаватский. Подчеркнув, что племенной мир Северного Причерноморья к началу античного периода имел многовековую историю и был весьма сложным по своему этническому составу и социально-экономическому развитию, докладчик нарисовал картину исторического развития античных государств, начиная с проникновения отдельных мореплавателей из Эгейского бассейна на северные берега Понта и кончая периодом римской экспансии.

О ранних этапах греческой колонизации Нижнего Побужья рассказала С. И. Капошина.

Л. М. Славин остановился на вопросе о периодизации Ольвии. Накопленный за последние годы большой археологический материал дал возможность исследователю поставить вопрос об уточнении периодизации истории Ольвии, разработанной в трудах В. В. Латышева и Б. В. Фармаковского.

Об основных этапах экономического развития и периодизации истории Херсонеса доложил С. Ф. Стржелецкий. Г. Д. Белов познакомил собравшихся с новейшими открытиями в области изучения эллинистического Херсонеса, его экономики и культуры.

Е. Г. Кастанаян по данным археологических раскопок и широкого круга исторических источников Митридатовского времени охарактеризовала период позднего эллинизма в истории городов Боспора.

Начавшееся в 1952 г. систематическое изучение сельскохозяйственной территории позволило И. Т. Кругликовой обрисовать в общих чертах развитие сельских поселений Боспора. В результате освоения нового материала докладчик попытался дать характеристику непосредственных производителей в сельском хозяйстве Боспора и продемонстрировал ход работ над составлением археологической карты Керченского полуострова.

Вопросам взаимоотношений греческих рабовладельцев с местным населением Северного Причерноморья были посвящены доклады В. Ф. Гайдукевича «Боспор и скифы» и П. Н. Шульца «Тавры и их взаимоотношения с античными городами Северного Причерноморья». П. Н. Шульц, подведя итог исследованиям на Крымском полуострове и наметив основные районы распространения таврских племен, подробно охарактеризовал основные хронологические этапы развития таврской культуры.

На конференции были заслушаны также сообщения, посвященные важным вопросам развития экономических связей городов Северного Причерноморья.

И. Б. Зеест прочла доклад об экономических связях боспорских городов, в котором показала, что экономическое развитие Боспора протекало в условиях постоянного торгового обмена как с местными племенами, так и с греческими центрами Причерноморья и Средиземноморья. В ходе исторического развития античного мира эти связи претерпевали изменения.

М. А. Наливкина рассказала о торговых связях античных городов Северо-западного Крыма (Керкинитиды и Калос Лимена в V—II вв. до н. э.). Она подчеркнула важную роль обоих городов в экономической жизни северо-западной части Крыма. С включением же этих городов в состав владений Херсонеса они приобрели очень большое значение и для экономики последнего.

Об экономических связях Северного и Восточного Причерноморья в античную эпоху по нумизматическим данным доложил Д. Г. Капанадзе.

П. О. Карышковский сделал сообщение на тему «Из истории монетного дела и денежного обращения Ольвии», в котором коснулся некоторых вопросов об относительной стоимости монетных металлов в Причерноморье в IV в. до н. э., а также уточнил последовательность датировок отдельных серий монет.

В докладе «Боспор и Афины в V—IV вв. до н. э.» Т. В. Блаватская сделала попытку пересмотреть данные письменной традиции, свидетельствующие о взаимоотношениях Боспора с Афинами в период 1-го Афинского морского союза. Докладчик высказал предположение, что V в. до н. э. был временем враждебной политики обоих государств, продолжавшейся вплоть до распада афинской державы в 413—411 гг. до н. э.

А. Н. Карасев выступил с докладом «Развитие строительного-каменотесного ремесла в античных городах Северного Причерноморья», в котором уделил внимание методике датировки строительных остатков зданий, а также определению влияния социально-экономических условий древнегреческого полиса на строительное-каменотесное дело.

И, наконец, Н. И. Сокольский и Д. Б. Шелов остановились на исторической роли античных государств Северного Причерноморья. Авторы сообщения убедительно показали, что эти государства оказали важное и в своей основе прогрессивное значение в историческом развитии местных племен Северного Причерноморья и играли большую роль в античном мире вообще.

Заслушанные доклады вызвали оживленные прения.

Конференция отметила, что советскими археологами-антиковедами достигнуты большие успехи в накоплении нового фактического материала и в разработке многообразных вопросов истории и культуры античных государств Северного Причерноморья. Но вместе с тем в работе по изучению северопонтийских античных государств имеются и значительные недостатки: ограниченность масштабов полевых археологических исследований, сокращение со стороны ряда местных музеев раскопок античных памятников, плохое состояние охраны их, отсутствие своевременных публикаций уже накопленного археологического материала, недостаточность работ по созданию научно-популярных очерков.

Активное обсуждение вопросов, поднятых в докладах, помогло наметить основные задачи в изучении античных государств Северного Причерноморья на ближайшие годы, что будет способствовать подъему творческой активности антиковедов и дальнейшим успехом одного из разделов советской исторической науки.

Н. О.

* * *

В г. Ереване с 22 по 28 октября 1956 г. состоялась конференция по археологии, древней и средневековой истории Кавказа. В ней приняли участие свыше 200 научных сотрудников — работников научно-исследовательских учреждений, вузов и музеев Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Еревана, Баку, Киева, Симферополя, Краснодара, Махачкалы, Ставрополя, Орджоникидзе, Грозного и других городов Закавказья и Сев. Кавказа.

Конференцию открыл директор ИИМК член-корр. АН СССР Б. А. Рыбаков; вступительное слово произнёс академик И. А. Орбели, отметивший знаменательный факт — открытие конференции совпало с 75-летием со времени V Археологического съезда в Тифлисе (Тбилиси), сыгравшего громадную роль в изучении и дальнейшем развитии археологии Кавказа.

На пленарных заседаниях было заслушано 8 докладов.

Е. И. Крупнов сделал доклад «Основные проблемы кавказской археологии». Докладчик заострил внимание на необходимости решения многих важных задач археологии и древней истории Кавказа (изучения кавказского неолита и ликвидации белых пятен на карте Кавказа, проблемы крашеной керамики Закавказья, вопроса о времени и условиях возникновения на Кавказе классовых обществ и появления первых государственных образований, проблемы Кавказской Албании и др.). Эти вопросы необходимо решать не в пределах современных административных границ, а используя широкий сравнительный материал со всего Кавказа. Для успешной разработки научной проблематики по археологии и древней истории Кавказа необходимо выполнение как вспомогательных задач, так и осуществление ряда организационных мероприятий (типологическая проработка археологических материалов, создание хронологической

шкалы памятников Кавказа, составление археологических карт и широкое использование в работе методов точных наук; активизация издательской деятельности, сопровождение трудов обязательным резюме на русском и на одном иностранном языке, периодическая организация тематических совещаний по основным проблемам археологии Кавказа, проведение совместных экспедиций и др.). Одним из важных организационных мероприятий, по мнению Е. И. Крупнова, являлось бы создание единого Северо-Кавказского филиала АН СССР, который координировал бы и направлял работы научно-исследовательских институтов Сев. Кавказа в области гуманитарных наук.

Большой интерес вызвал доклад Б. Б. Пиотровского «Закавказье и Древний Восток», в котором прослежено развитие культуры Закавказья с III до первой половины I тыс. до н. э.

Древняя культура Закавказья, как показал докладчик, при своем самобытном развитии постоянно имела связи с культурами соседних территорий.

Энеолит Закавказья III тыс. до н. э. близок к энеолитической культуре Малой Азии III тыс. до н. э. и существенно отличается от более древних месопотамской и южно-иранской. В начале II тыс. до н. э. между Кавказом и странами Древнего Востока устанавливаются связи, обусловившие проникновение в Закавказье и на Сев. Кавказ древневосточных предметов и влияний. Наиболее ярко это влияние вывлиялось в середине II тыс. до н. э., судя по раскопкам Триалетских и Кироваканского курганов. На рубеже II—I тыс. до н. э. взаимоотношения со странами Древнего Востока становятся менее интенсивными. Усиление связей культуры Закавказья с Древним Востоком наступает в VII в. до н. э., когда южные области Закавказья вошли в государство Урарту. К этому времени относится проникновение на Кавказ ассирийских и египетских предметов. Б. Б. Пиотровский подчеркнул, что в установлении связей между Кавказом и Древним Востоком большое значение имело киммерийское и скифское движение VIII—VI вв. до н. э. в Переднюю Азию. Посредниками в связях скифов с урартами явились урартские административные центры в Закавказье.

Итогам и перспективам археологического изучения Северного Кавказа был посвящен доклад А. А. Иессена. Он наметил два этапа в археологическом изучении Сев. Кавказа послеоктябрьского периода: 1) до середины 30-х годов и 2) со 2-й половины 30-х годов до настоящего времени.

А. А. Иессен ограничился характеристикой некоторых основных вопросов применительно к периодам неолита, бронзы и частично раннего железа. Это следующие вопросы: состояние источников, их периодизация и хронология, территориальная группировка и другие. А. А. Иессен устанавливает три периода медно-бронзового века Сев. Кавказа: 1) ранний — датируется в пределах 2300—1900 гг. до н. э.; 2) средний — от XIX—XVIII до XIII—XII вв. до н. э.; 3) поздний — с XII—XI до VIII в. до н. э. Наиболее полно изучены памятники позднего периода. Они отчетливо выделяются в 4 группы, характеризующие: 1) степную предкавказскую культуру, 2) прикубанскую культуру на западе, 3) кобанскую культуру в области центральной части Кавказского хребта и 4) каикентско-хорочоевскую культуру на востоке, в пределах предгорных и горных районов Грозненской области и Дагестана. Следующий этап исторического развития Сев. Кавказа характеризуется распространением здесь культуры скифского типа (VIII—VI вв. до н. э.) и широким освоением железа.

В заключение А. А. Иессен подчеркнул заметное отставание в последние годы темпов археологического изучения Сев. Кавказа.

С большим вниманием конференция заслушала доклад «Металлургия меди и бронзы в Древней Грузии», составленный сотрудниками Института металла и горного дела АН Груз. ССР и химико-реставрационного кабинета Государственного музея Грузии — Ф. Н. Тавадзе, Т. Н. Сакварелидзе, Ц. Н. Абесадзе, Т. А. Двали. Металлографическое исследование и металлоургическая характеристика предметов из археологических раскопок позволяет охарактеризовать развитие бронзы древней Грузии с самого начала ее возникновения. Исследования медных предметов эпохи энеолита показывают, что они изготовлены из маломышьяковистых образцов местной самородной меди путемковки. Предметы эпохи ранней бронзы содержат мышьяк, причем предметы, близкие по времени к энеолиту, отличаются малым содержанием мышьяка (всего — 1—2%), а более поздние содержат до 6%. К этому же периоду относится и применение восковых моделей.

В предметах эпохи средней бронзы, помимо мышьяка, обнаруживаются сурьма и олово. Этот период характеризуется дальнейшим совершенствованием плавки, литья, горячей и холодной обработки заготовок. Своего высшего расцвета развитие металлургии в Грузии достигает в эпоху поздней бронзы. В этот период металлургия уже частично использует сульфидные медные руды.

В 1947 г. в Азербайджане, в местности Кобыстан, было начато И. М. Джафарзаде изучение большой группы наскальных изображений. Итогам этой работы (изучено около 2-х тысяч изображений) и посвятил И. М. Джафарзаде свой доклад. Большинство изображений представляют людей, козлов, быков, оленей, лодок, сцен охоты, ритуальных танцев. Рисунки лошадей, волков, львов, змей, рыб и др. встречаются редко. Все изображения выполнены ударным способом каменными, а в отдельных случаях металлическими орудиями. Докладчик полагает, что основная масса рисунков эпохи камня и бронзы высекалась жрецами или служителями культов в целях проведения удачной охоты, а месторасположение наскальных изображений в прошлом носило культовый характер. Рисунки, связанные с производственной магией, изображения

групповых танцев, сцены охоты, жертвоприношения, жатвы, различные солярные знаки, свастики, кресты и др. дают И. М. Джафар-заде право считать наскальные изображения Кобыстана петроглифами.

Большой доклад о средневековом городе Грузии (авторы Ш. А. Месхиа и Г. А. Ломтатидзе) зачитал З. Анчибадзе. Для всестороннего освещения вопроса авторы привлекли не только письменные источники, но и материалы археологических раскопок в Мцхета, Бичвинте, Урбниси и др. городах (IV—X вв. н. э.), а также в Тбилиси, Дманиси и Рустави (XI—XIII вв. н. э.). Феодальные города Грузии IX—XIII вв. были крупными центрами ремесла и торговли и по внешнему виду отличались от предшествующих рабовладельческих городов-крепостей. Города находились в руках царя или крупной феодальной аристократии («дидебулли»); свободных городов не существовало. Основной частью городского населения были купцы, объединившиеся в особые организации, и свободные ремесленники.

Археологически хорошо изучены Тбилиси, Дманиси и Рустави. В Тбилиси раскопками вскрыты остатки городских стен и примыкающих к ним мастерских по производству керамических и стеклянных изделий; в Дманиси открыты городские ворота, вымощенная плитняком улица, потайной подземный ход для воды, городские бани, винные склады, зернохранилища, хлебные печи и др.; в Рустави — остатки прилегавшего к цитаделям жилого квартала, где выявлена картина сплошной застройки. Установлено, что XI—XIII вв. являются периодами наибольшего процветания указанных городов. Одним из общих выводов, доказываемых археологическими исследованиями последних лет, является высокий уровень городского хозяйства и культуры феодальной Грузии.

Б. Н. Аракелян сделал доклад о средневековом городе Армении.

Наиболее характерное явление для средневековой Армении — это возникновение города из поселения-крепости (поселение становится городом, а крепость превращается в его цитадель). Крупными городами Армении в IX—X вв. были Двин, Ани, Арцн, Карс, Карин-Эрзерум, Арзанган, Ван и др. В городах широкое развитие получает ремесло. Основной формой разделения труда в ремесленном производстве были городские цехи. Они занимали отдельные ряды в городе. Образуется прослойка городской верхушки и постепенно развивается городское самоуправление. Ремесленное производство, торговля и городская жизнь достигают наивысшего развития в Армении во второй половине XII и в первой половине XIII в.

На заключительном заседании участники конференции заслушали доклад члена-корр. АН СССР К. В. Тревер на тему «К изучению Кавказской Албании».

К. В. Тревер на основе тщательного обзора и анализа данных письменных и вещественных источников намечает три основных этапа в истории развития культуры алванов. Первый этап (IV—II вв. до н. э.), до сложения алванской государственности, характеризуется схожестью культуры алванских племен с материальной культурой других племен и народов Закавказья, а также Передней и Малой Азии. Второй этап (I в. до н. э. — III в. н. э.) — период расцвета местной культуры. Этот расцвет сопутствует завершению процесса объединения различных племен и сложения алванского государства. Третий этап (IV—VII вв. н. э.) характеризуется общностью материальной культуры у народов Албании, Армении и Иберии, а также Северного Кавказа, Ирана и отчасти Византии. Культура VII в., достигшая в середине века большого подъема, изучена крайне недостаточно. Новый этап в развитии культуры Кавказской Албании, как считает К. В. Тревер, наступает при арабах, причем наблюдается сохранение древних местных технических и художественных традиций в памятниках материальной культуры X—XIV вв.; особенно длительно эти традиции сохраняются в быту народов северной Албании (южного Дагестана).

Доклады вызвали оживленное обсуждение. В прениях по докладам выступило около 25 человек. Они одобрили основные положения, выдвинутые в докладах, и сделали ряд критических замечаний. Некоторые ораторы (Б. Н. Арутюнян, Д. Халилов и др.) заострили внимание специально на вопросе необходимости действенной охраны историко-археологических памятников Кавказа.

Плодотворная работа развернулась и на секционных заседаниях.

На секции древнейшей истории Кавказа (каменный и бронзовый век) было заслушано 16 докладов и сообщений. Ряд докладов был посвящен изучению каменного века отдельных областей Кавказа, в частности Азербайджана (М. М. Гусейнов), Дагестана (В. Г. Котович), Южной Осетии (В. П. Любин). Обобщающий доклад об изучении палеолита Грузии за 1948—1956 гг. сделала Н. З. Бердзенишвили. Важным событием в изучении палеолита Грузии за эти годы является открытие и изучение автором многослойного памятника древнекаменного века — Сагварджиле. Большой интерес вызвали сообщения о раскопках новых энеолитических памятников Закавказья, особенно Нахичеванского Кюль-тепе (О. А. Абибулаев) и Квацхелеби в Урбниси (Л. И. Глонти). О новых исследованиях памятников бронзового века в Северном Дагестане сообщил В. И. Канивец. Доклад об истории заселения Воронцовской пещеры (в районе Сочи) в эпоху неолита и бронзы сделал Л. Н. Соловьев. А. И. Джавахишвили в докладе «К вопросу о художественной обработке металла в эпоху средней бронзы на территории Грузии» пришел к выводу о необходимости изменения датировки Триалетских древностей. Оживленное обсуждение вызвал доклад И. Р. Селимханова «О составе медно-бронзовых сплавов эпохи бронзы и источниках их сырья в Азербайджане». Интересны были также до-

клады Т. А. Биннатова («О развитии земледелия в эпоху бронзы в Закавказье»), К. Х. Кушнаревой («Древнее поселение на холме Узерлик-тепе»), Д. А. Халилова («О могильнике VIII—VI вв. до н. э. у с. Казахбейли, АзССР») и Т. Н. Чубиншвили («К вопросу о стратиграфии и хронологии памятников эпохи бронзы в Картли»). С сообщениями об интересных и ценных открытиях выступили И. Г. Нариманов и А. О. Мнацаканян. Летом 1956 г. И. Г. Нариманов совместно с Д. А. Халиловым на холме у г. Казах открыли поселение, где раскопали комплекс, связанный с сооружениями храмового типа (рубеж II—I тыс. до н. э.). В культурном слое обнаружены ягоды винограда (это первый случай обнаружения в столь древнем памятнике ягод винограда), а в одном сосуде найдены пчелиные соты. В 1956 г. А. О. Мнацаканян на осушенной территории Севанского озера у с. Лчашена раскопал 5 курганов, два из которых (№ 1 и 2) дали значительный материал. В склепе кургана № 1 обнаружена повозка на четырех массивных деревянных колесах и деревянное ложе, на котором находился костяк, а также большое количество бронзовых изделий: котел, топоры, трезубец, кинжал, макет боевой колесницы и др. предметы. В склепе кургана № 2 открыты: одна повозка на четырех колесах и с кибиткой, две арбы на двух колесах каждая и маленькая детская повозка. В глубине склепа, где было основное погребение, обнаружена большая часть бронзовых (3 котла, 2 топора, кинжал в бронзовых ажурных ножнах и др.), золотых и других изделий. Вокруг этого погребения находилось еще 11 костяков. По мнению А. О. Мнацаканяна, курганы Лчашена датируются не позднее XI в. до н. э.

На секции древней истории Кавказа (железный век) было сделано 13 докладов и сообщений. Урартской проблематике посвящены доклады К. Л. Оганесяна («Архитектура урартских сооружений холма Арин-Берд») и М. А. Израеляна («Урартские надписи из Арин-Берда») и сообщения И. М. Лосевой («Раскопки отряда ГМИИ им. Пушкина на Арин-Берде»), А. А. Мартиросяна («Раскопки жилых кварталов города Тейшебаини 1955—1956 гг.») и В. В. Шлеева (об Аргиштихинили). С сообщением о раскопках на холме Кара-тепе (АзССР) выступил О. Ш. Исмизаде. Изучению культуры кувшинных погребений в Азербайджане были посвящены доклад Т. И. Голубкиной и сообщение О. А. Даниелян. Г. А. Тирацян доложил о периодизации памятников материальной культуры Армении (VI в. до н. э.—III в. н. э.). Доклад о городищах Закубанья (Адыгем) сделал Н. В. Анфимов. Были заслушаны также доклад Б. Н. Аракеляна («Стекло древней Армении») и сообщение Э. В. Ханзадяна о музыкальных инструментах, найденных при раскопках. Пожалуй, самое оживленное обсуждение на этой секции вызвал доклад Р. М. Абрамишвили — «К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии». Развитие металлургии железа в восточной Грузии автор делит на 5 этапов: первый — XIII—XII вв. до н. э.; второй — XI—X вв. до н. э.; третий — IX и начало VIII в. до н. э.; четвертый — VIII в. — первая половина VII в. до н. э.; пятый — вторая половина VII—VI в. до н. э. На первых трех этапах железные изделия повторяют формы местных бронзовых изделий, а на четвертом и пятом этапах железные изделия становятся разнообразнее и лучше по качеству. Выступившие по докладу А. А. Иессен, Б. Б. Пиотровский и др. выразили согласие с основными выводами Р. М. Абрамишвили, но отметили, что первые два этапа развития металлургии железа недостаточно обоснованы.

19 докладов и сообщений заслушано на секции средневекового Кавказа. О результатах раскопок Двина за последние несколько лет сообщил К. Г. Кафадарян, Орен-калы — А. А. Иессен, городища Аднох в Черкесии — Т. М. Минаева. Доклад о селищах средневековой Грузии сделал И. А. Гзелишвили. Нумизматической проблематике были посвящены доклады Е. А. Пахомова, Д. Г. Капанадзе и Х. А. Мушегян, а эпиграфическим памятникам — Р. М. Ваидова, С. Г. Бархударяна, К. Г. Кафадаряна и Е. А. Мушегяна. Доклад на тему «Армянские колонии на Волге» сделал А. П. Смирнов. Е. П. Алексеева выступила с докладом об основных итогах и задачах изучения истории и культуры северокавказских алан. Представляет интерес и доклад Н. Н. Угрелидзе «К производству стекла в средневековой Грузии». Сообщения о новых средневековых памятниках Дагестана сделали И. П. Костюченко и Д. Атаев.

Конференция приняла развернутую резолюцию, в которой, наряду с большими достижениями археологов Кавказа, отмечены и серьезные недостатки — недостаточная координация работ археологов Армении, Грузии, Азербайджана и Северного Кавказа; заметное отставание публикаций и обобщающих работ от размаха полевых исследований; крайне неудовлетворительное состояние охраны памятников культуры; неравномерное археологическое изучение всей территории Кавказа и др. В резолюции намечены важнейшие мероприятия в деле успешного изучения археологии, древней и средневековой истории Кавказа.

Участники конференции совершили экскурсии на известные археологические объекты Армении — Гарни, Кармир-блур, Арзни, Двин, Звартноц и др.

Р. М. Мунчаев

СПИСОК СОКРАЩЕНИИ

- БАН — Българска Академия на науките
ВАН — Вестник Академии наук СССР
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии
ВДИ — Вестник древней истории
ВУАК — Всеукраинский археологический комитет
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГМГ — Государственный музей Грузии
ГНБП — Годишник на народната библиотека в Пловдивъ
ГСУИФФ — Годишник на Софийския университет, Историко-филологически факультет
ГФИФ — Годишник на философско-историческия факультет
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА — Записки Отделения русско-славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского Археологического общества
ИАД — Известия на Българското археологическо дружество
ИАИ — Известия на Археологическия Института при БАН
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН СССР — Известия Академии наук СССР
ИБИД — Известия на историческото дружество въ София
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
Изв. РАИ — Известия русского археологического института
ИИБИ — Известия на института за българска история
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИОАИЭКУ — Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
КСИА — Краткие сообщения института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР
МГПИ — Московский городской педагогический институт
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГО — Русское географическое общество
РККА — Рабоче-крестьянская Красная Армия
СА — Советская Археология
САГУ — Среднеазиатский государственный университет
СпБАН ил ИФФО — Списание на Българската академия на науките
СЭ — Советская этнография
ТИИЕТ — Труды Института истории, естествознания и техники
ТИТ — Труды по истории техники
Тр. АС — Труды Археологического съезда

Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея
Уч. зап. Кабардинского НИИ — Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского ин-та
ХГУ — Харьковский государственный университет
ХДПИ — Харьківський державний педагогічний інститут
ЮТАКЭ — Южно-туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
САН — Cambridge ancient history
ESA — Eurasia septentrionalis Antiqua
IOSPE — Incriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
RE — Pauly Wissawa Kroll. Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft
SC — В. В. Latischev. Scythica et Caucasica (Известия древних писателей гречески: и латинских о Скифии и Кавказе)
SMYA — Suomen Muinasmiesto yhdistyksen Aikakauskirja

СО Д Е Р Ж А Н И Е

О задачах журнала «Советская археология»	3
А. Я. Брюсов (Москва). К вопросу о теории диффузии	7
А. А. Формозов (Москва). О времени и исторических условиях сложения племенной организации	13
П. П. Ефименко (Ленинград). По поводу статьи Формозова. «О времени и исторических условиях сложения племенной организации»	22
А. П. Окладников (Ленинград). Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея	26
Е. И. Крупнов (Москва). О происхождении и датировке кобанской культуры	56
Б. А. Рыбаков (Москва). Архитектурная математика древнерусских зодчих	83
В. Л. Янин (Москва). Из истории русской художественной и политической жизни XII в.	113
В. В. Косточкин (Москва). Оборонительные системы русских крепостей XIV — начала XVI вв.	132

Публикации

В. М. Массон (Ленинград). Джейтун и Кара-депе	143
Т. Б. Попова (Москва). К вопросу о курильницах «северокавказского типа»	161
Б. А. Шрамко (Харьков). Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке	178
Д. П. Димитров (Болгария, София), Севтополь — фракийский город близ с. Копринка Казанлыкского района	199
И. Т. Кругликова (Москва). Исследование сельской территории европейского Боспора	217
И. Д. Марченко (Москва). К вопросу о боспорских торговых судах	232
М. Ю. Смишкин (Львов). Богатое погребение начала нашей эры в Львовской области	238

Мелкие заметки

Н. И. Сокольский (Москва). Находки на вершине горы Бориса и Глеба на Таманском полуострове	244
М. Ю. Брайчевский (Киев). Дополнение к публикации Пастырского клада 1949 г.	246
Г. А. Федоров-Давыдов (Москва). О болгарских гирьках в собрании Гос. музея Татарской АССР	247
Д. А. Авдусин (Москва). Смоленская берестяная грамота	248
Г. Ф. Турчанинов (Ленинград). Дополнение к чтению и датировке надписи на кресте из Краснодарского историко-краеведческого музея	250
Т. В. Николаева (Загорск). Новые находки на территории Загорского музея-заповедника	251

Критика и библиография

О. Н. Бадер, А. Я. Брюсов, С. В. Киселев, А. А. Формозов (Москва). Некоторые вопросы возникновения человеческого общества	256
Н. Я. Мерперт (Москва). К проблеме абсолютной датировки археологических культур энеолита и эпохи бронзы Европы	260
М. В. Воробьев (Ленинград). Asiatic Studies. In Honour of Toru Haneda. On the Occasion of His Sixtieth Birthday. May 15 MCMXLI	268
И. Н. Бороздин (Воронеж). В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья	270
П. О. Карышковский (Одесса). Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э.	276
Ф. Д. Гуревич (Ленинград). М. Х. Шмидехельм. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии	279
Н. Н. Воронин (Москва). О некоторых работах по истории древнерусской техники	284
Некролог А. Н. Бернштам	289

Хроника

Археологические пленумы и конференции в 1956 г.	291
Список сокращений	301